

Глава 1 Игра в пилигримов

Без подарков и Рождество не Рождество, – недовольно проворчала Джо, растягиваясь на коврик перед камином.

– Как это отвратительно – быть бедным! – вздохнула Мег и опустила взгляд на свое старое платье.

– Это просто несправедливо, что у одних девочек полно красивых вещей, а у других совсем ничего нет, – обиженно засопев, добавила маленькая Эми.

– Зато у нас есть папа и мама, и все мы есть друг у друга, – с удовлетворением отозвалась из своего угла Бесс.

При этих ободряющих словах четыре юных лица, освещенных огнем камина, на мгновение оживились, но тут же омрачились снова, так как Джо сказала печально:

– Нет у нас папы и долго не будет.

Она не произнесла: «Быть может, никогда», но каждая из них добавила эти слова про себя, задумавшись об отце, который так далеко от них – там, где сражаются.

С минуту все молчали, затем Мег заговорила другим тоном:

– Вы же знаете, почему мама предложила не делать друг другу подарков на Рождество. Зима предстоит тяжелая, и мама считает, что нам не следует тратить деньги на удовольствия, в то время как мужчины несут все тяготы фронтовой жизни.

Мы мало чем можем помочь им, но все же способны принести свои маленькие жертвы и должны делать это с радостью.

Но, боюсь, в моей душе этой радости нет. – И Мег покачала головой, с грустью подумав обо всех тех красивых вещах, которые ей хотелось иметь.

– А по-моему, те небольшие карманные деньги, какие у нас есть, не могут принести заметную пользу.

У каждой из нас всего лишь доллар, и вряд ли мы так уж поможем армии, если пожертвуем ей эти деньги.

Я согласна не ожидать никаких подарков от мамы и от вас, но очень хочу купить себе «Ундину и Синтрама».

Я так долго об этом мечтала! – сказала Джо, которая была известной пожирательницей книг.

– Я собиралась потратить свой доллар на новые ноты, – проронила Бесс с таким легким вздохом, что его услышали лишь стоявшие поблизости подставка для чайника и щетка для выметания очага.

– А я куплю себе коробку цветных карандашей. Мне они совершенно необходимы, – заявила Эми решительно.

– Мама ничего не говорила о наших карманных деньгах, и она, конечно, не станет требовать, чтобы мы полностью отказались от всяких удовольствий.

Пусть каждая из нас купит что хочет, и мы хоть немного порадуемся. По-моему, мы заслужили это тем, что так усердно трудились! – воскликнула Джо, по-мужски оглядывая каблуки своих стоптанных туфель.

– Уж мне-то действительно пришлось нелегко – учить этих надоедливых детей чуть ли не целыми днями, когда так хочется домой, – снова начала Мег жалобным тоном.

– Тебе было далеко не так тяжело, как мне, – заявила Джо. – Как бы тебе понравилось часами сидеть взаперти с суматошной и капризной старухой, которая не дает тебе ни минуты покоя, вечно недовольна и надоедает до такой степени, что ты готова выброситься из окна или зарыдать?

– Нехорошо, конечно, жаловаться, но я считаю, что мыть посуду и поддерживать порядок в доме – самая неприятная работа на свете.

От нее я становлюсь раздражительной, а руки делаются как деревянные, так что я даже не могу как следует играть гаммы. – И Бесс взглянула на свои загрубевшие руки со вздохом, который на этот раз слышали все.

– А я думаю, что ни одна из вас не страдает так сильно, как я! – воскликнула Эми. – Ведь вам не приходится ходить в школу и сидеть там с наглыми девчонками, которые ябедничают на тебя, если ты не знаешь урока, смеются над твоими платьями, оскорбляют тебя из-за того, что у тебя не очень красивый нос, и чистят твоего отца, так как он небогат.

– Если ты хочешь сказать честят, то так и скажи, а не говори об отце так, как будто он закопченный чайник, – посоветовала Джо со смехом.

– Я прекрасно знаю, что я хочу сказать, и ни к чему обращаться ко мне с таким старказмом.

Это очень похвально – употреблять хорошие слова и пополнять свой лисикон, – с достоинством парировала Эми.

– Не клуйте друг друга, детки.

Разве тебе, Джо, не хотелось бы, чтобы у нас сейчас были те деньги, которых папа лишился, когда мы были маленькими? – сказала Мег, которая была старшей и могла припомнить лучшие времена. – Боже мой!

Какими счастливыми и доброжелательными были бы мы, если бы у нас не было забот!

– А на днях ты говорила, что, по твоему мнению, мы гораздо счастливее, чем дети Кингов, несмотря на все их богатство, потому что они только и делают, что ссорятся да дерутся.

– Конечно, Бесс, я это говорила и действительно думаю, что мы счастливее их, пусть даже нам и приходится работать.

Ведь зато мы умеем повеселиться, и вообще мы «теплая компания», как сказала бы Джо.

– Джо всегда употребляет такие вульгарные выражения! – заметила Эми, укоризненно взглянув на длинную фигуру, растянувшуюся на коврик.

Джо немедленно села, засунула руки в карманы и засвистела.

– Перестань, Джо, это так по-мальчишески!

– Именно поэтому и свищу.

– Терпеть не могу грубых, невоспитанных девочек!

– Ненавижу жеманных и манерных недотрог!

– «Птички в гнездышке своем все щебечут в лад», – запела Бесс с таким забавным выражением лица, что раздраженные голоса сменились смехом и «птички» на время перестали клевать друг друга.

– Право же, девочки, обе вы заслуживаете порицания, – рассудительно сказала Мег, принимаясь за поучения на правах старшей сестры. – Ты, Джозефина, уже достаточно взрослая, чтобы отказаться от этих мальчишеских выходок и вести себя как подобает девушке.

Твои манеры не имели большого значения, пока ты была маленькой. Однако теперь, когда ты такая высокая и делаешь себе «взрослую» прическу, тебе следует помнить, что ты уже барышня, а не мальчишка-сорванец.

– Никакая я не барышня!

А если я делаюсь барышней оттого, что укладываю волосы, то уж лучше я буду носить две косы, пока мне не исполнится двадцать! – воскликнула Джо, стянув с волос сетку и встряхивая свою густую каштановую гриву. – Противно даже подумать, что мне придется стать взрослой, называться мисс Марч, носить длинные платья и быть чопорной, как какая-нибудь китайская астра!

И так уж скверно быть девчонкой, когда я люблю все мальчишеское: и работу, и игры, и манеры!

Мне никак не свикнуться с тем, что я не мальчик, а теперь даже еще тяжелее, потому что я до смерти хочу пойти в армию и сражаться плечом к плечу с папой, а вместо этого приходится сидеть дома и вязать, словно какая-нибудь сонная старуха! – И Джо так свирепо потрянула синим солдатским носком, что спицы застучали друг о друга, как кастаньеты, а клубок запрыгал по комнате.

– Бедная Джо!

Это ужасно, но ничего тут не поделаешь.

Придется тебе довольствоваться тем, что ты превратила свое имя в мужское и играешь роль брата по отношению к нам, девочкам, – сказала Бесс, глядя всклокоченную голову Джо своей маленькой рукой, прикосновение которой никакая самая тяжелая работа на свете никогда не смогла бы сделать грубым.

– А что касается тебя, Эми, – продолжила Мег, – то ты чересчур привередлива и церемонна.

Пока это просто смешно, но если ты не остережешься вовремя, то, когда вырастешь, превратишься в глупую жеманную гусыню.

Мне нравится и твоя благовоспитанность, и приятная манера выражаться, но лишь до тех пор, пока ты не начинаешь изощряться.

Все эти твои нелепые слова ничуть не лучше, чем жаргон Джо.

– Если Джо – мальчишка-сорванец, а Эми – жеманная гусыня, то, будь добра, скажи, кто же я, – попросила Бесс, готовая выслушать упреки и в свой адрес.

– Ты просто прелесть, вот и все, – ответила Мег с теплотой, и никто не возразил ей, потому что Мышка, как называли Бесс, была любимицей всей семьи.

Юные читатели всегда интересуются тем, «как люди выглядят», и потому мы воспользуемся этим моментом, чтобы дать им краткое описание внешности четырех сестер, которые сидели с вязаньем в руках в декабрьские сумерки, когда за окнами тихо падал пушистый снег, а в гостиной весело потрескивал огонь.

Это была уютная старая комната; правда, ковер был выцветшим, а мебель очень простой, но зато на стенах висело несколько хороших картин, стенной шкаф был заполнен книгами, на подоконниках цвели хризантемы и маленькие розочки, и все кругом дышало домашним уютом и покоем.

Маргарет, старшей из сестер, было шестнадцать, и она была очень хороша собой: полненькая и беленькая, с большими глазами, мягкими темными волосами, прелестным ртом и белыми ручками, которыми она особенно гордилась.

Пятнадцатилетняя Джо, очень высокая, худая, смуглая, напоминала жеребенка, так как, казалось, совершенно не знала, что делать со своими длинными руками и ногами, которые всегда ей мешали.

У нее был четко очерченный рот, забавный нос и колючие серые глаза, которые, похоже, видели все сразу и смотрели то свирепо, то насмешливо, то задумчиво.

Длинные густые волосы были ее единственной красой, однако обычно она сворачивала их в узел и укладывала в сетку, чтобы не мешали.

Джо была сутулой, с большими кистями рук и стопами, к одежде своей относилась равнодушно и беззаботно. В целом она производила впечатление девочки, которая стремительно превращается в женщину и очень этим недовольна.

Элизабет – или Бесс, как все ее называли, – была румяная тринадцатилетняя девочка с гладкими волосами и яркими глазами, застенчивая, робкая, с неизменно кротким выражением лица.

Отец называл ее

«Маленькая Безмятежность», и это имя отлично ей подходило, ибо она, казалось, жила в своем собственном счастливом мире, решаясь покидать его лишь для встречи с теми немногими, кому доверяла и кого любила.

Эми, хоть и младшая, была самой важной особой в семействе – по крайней мере, в ее собственных глазах.

Настоящая снегурочка с голубыми глазами, вьющимися золотистыми волосами, спускающимися на плечи, бледная и стройная, она всегда следила за своими манерами, стараясь вести себя как юная леди.

Что же касается характеров четырех сестер – выяснение этого вопроса мы оставим на будущее.

Часы пробили шесть, и, выметя золу из камина, Бесс положила перед ним домашние туфли матери, чтобы согреть их.

Вид этих старых туфель вызвал у девочек приятные чувства, потому что скоро должна была вернуться мама, и все с радостью готовились встретить ее: Мег перестала отчитывать сестер и зажгла лампу, Эми вылезла из самого удобного кресла, хотя ее даже не просили об этом, Джо забыла о своей усталости и села, чтобы держать мамины туфли поближе к огню.

– Маме нужна новая пара, эти совсем сношенные.

– Я куплю ей на мой доллар, – сказала Бесс.

– Нет, я это сделаю! – закричала Эми.

– Я старшая, – начала Мег, но тут решительно вмешалась Джо:

– Пока папы нет, я в семье за мужчину, и я куплю ей туфли, потому что он, уезжая, велел мне заботиться о ней.

– Слушайте, что я придумала, – сказала Бесс. – Пусть каждая из нас сделает ей какой-нибудь подарок на Рождество, а для себя покупать ничего не будем.

– Отлично, дорогая! Как это на тебя похоже!

Что же мы купим? – радостно воскликнула Джо.

На минуту все глубоко задумались, затем Мег объявила, так, словно идея была подсказана ей видом ее собственных хорошеньких ручек:

– Я подарю ей пару красивых перчаток.

– Армейские туфли, лучше быть не может! – закричала Джо.

– Несколько носовых платочков, подрубленных и с меткой, – сказала Бесс.

– Я куплю маленькую бутылочку одеколona.

Он ей нравится, и к тому же это будет недорого, так что у меня останутся деньги и на карандаши, – добавила Эми.

– А как мы вручим ей подарки? – спросила Мег.

– Положим все на стол, приведем ее и будем смотреть, как она разворачивает свертки, – ответила Джо. – Помните, как это бывало раньше в наши дни рождения?

– Мне всегда было страшно, когда приходил мой черед сидеть в большом кресле с короной на голове и смотреть, как вы все маршируете вокруг и вручаете мне подарки с поцелуями.

Меня радовали и подарки, и поцелуи, но было просто ужасно, что вы сидели и глядели на меня, пока я разворачиваю подарки, – сказала Бесс, подрумянивая на огне одновременно и свое лицо, и ломтики хлеба к чаю.

– Пусть мама думает, что мы хотим купить подарки для себя, а потом мы устроим ей сюрприз.

За покупками придется пойти завтра после обеда.

До Рождества остается совсем немного, а нам еще столько всего нужно подготовить для постановки, – сказала Джо, поглядывая на всех свысока и расхаживая взад и вперед по комнате с заложенными за спину руками.

– Я, наверное, в последний раз принимаю участие в постановке.

Я становлюсь слишком взрослой для подобных развлечений, – заметила Мег, которая оставалась сущим ребенком, когда дело доходило до всяких шалостей с переодеванием.

– Ну, я уверена, что, пока есть возможность разгуливать в белом платье с распущенными волосами и носить драгоценности из золотой бумаги, ты от этого не откажешься.

Ты лучшая актриса среди нас, и, если ты бросишь сцену, нашему театру придет конец, – сказала Джо. – Давайте прямо сейчас проведем репетицию.

Эми, иди сюда, разыграем еще раз сцену, где ты падаешь в обморок, а то у тебя в ней такой вид, словно ты аршин проглотила.

– Что ж я могу поделаться?

Я никогда не видела, как падают в обморок, а грохаться плашмя, как ты, и становиться от этого сплошь в синяках я не собираюсь.

Если я не могу опуститься плавно, то уж лучше мне упасть в кресло, и все будет очень изящно.

И пусть даже Гуго подходит ко мне с пистолетом, меня это мало волнует, – возразила Эми, которая не обладала драматическим талантом, но получила роль главной героини, потому что была достаточно маленькой, чтобы злодей в пьесе мог утащить ее за кулисы.

– Сделай так: сцепи руки – вот так – и, шатаясь, отступай и отчаянно кричи:

«Родриго!

Спаси меня!

Спаси!» – И Джо продемонстрировала этот маневр с мелодраматическим воплем, от которого дрожь пробирала до костей.

Эми последовала ее примеру, но при этом выставила вперед совершенно прямые руки и двигалась резкими толчками, словно заведенная, а ее

«О-о!» наводило на мысль скорее об уколе булавкой, чем о страхе и душевных муках.

У Джо вырвался стон отчаяния, Мег открыто засмеялась, а Бесс, с интересом заглядевшись на происходящее, дала хлебу подгореть.

– Бесполезно!

Ладно, сделай что сможешь, когда придет время, но, если публика будет смеяться, меня не вини.

Теперь ты, Мег.

Дальше все пошло гладко: дон Педро, отец героини, бросил вызов миру в речи длиной в две страницы, произнесенной не переводя дыхания; волшебница Хейгар пропела ужасные заклинания над кипящим на медленном огне котелком, полным ядовитых жаб, добиваясь тем самым сверхъестественного результата; Родриго, главный положительный герой, решительно разорвал в куски свои цепи, а Гуго, главный злодей, умер в мучениях, вызванных мышьяком и угрызениями совести, с леденящим кровь «ха, ха, ха!».

– Это лучшая из всех наших постановок, – сказала Мег, когда мертвый злодей поднялся и сел, потирая ушибленные локти.

– И как это тебе удастся сочинять и ставить такие замечательные пьесы, Джо?

Ты настоящий Шекспир! – воскликнула Бесс, которая твердо верила, что все ее сестры обладают чудесными талантами во всех сферах.

– Ну, не совсем, – отвечала Джо скромно. – Я считаю, что моя опера «Проклятие волшебницы» неплохая вещь, но я охотно попыталась бы поставить «Макбета», если бы только мы могли устроить на сцене люк для духа Банко.

Мне всегда хотелось исполнить роль убийцы.

«Кинжал ли вижу пред собою?» – пробормотала Джо, дико вращая глазами и судорожно хватая руками воздух, как это делал какой-то знаменитый трагик, которого она видела однажды в театре.

– Нет, это всего лишь вилка для поджаривания хлеба, а вместо хлеба на ней мамина туфля! – воскликнула Мег, и репетиция закончилась общим взрывом хохота.

– Как это приятно, что я застала вас такими веселыми, девочки мои, – раздался у дверей радостный голос, и актеры и зрители обернулись, чтобы приветствовать высокую женщину с ласковым материнским взглядом и приятным выражением лица, которое, казалось, всегда говорило «Не могу ли я помочь вам?» и было поистине восхитительным.

Несмотря на скромную одежду, вид у нее был очень благородный, и девочки считали, что под простым серым плащом и немодной шляпкой скрывается самая замечательная мама на свете.

– Ну, дорогие мои, как вы поживали без меня сегодня?

У меня было много работы – мы готовили рождественские посылки, так что я не смогла прийти домой на обед.

Кто-нибудь заходил, Бесс?

Как твой насморк, Мег?

Джо, у тебя такой усталый вид.

Поцелуй меня, Эми, крошка.

И с этими материнскими расспросами миссис Марч сняла мокрый плащ и шляпку, надела теплые туфли, села в удобное кресло и привлекла к себе Эми, готовясь провести самые счастливые часы своего полного трудов и забот дня.

Девочки засуетились, стараясь – каждая по-своему – сделать все для ее удобства.

Мег накрывала на стол, Джо принесла поленья для камина и теперь расставляла стулья, с грохотом роняя и переворачивая все, к чему прикасалась, Бесс тихо и деловито сновала между кухней и гостиной, в то время как Эми сидела сложа руки и давала всем указания.

Когда все уже сидели за столом, миссис Марч сказала с особенно счастливым выражением лица:

– У меня есть чем угостить вас после ужина.

Быстрые, живые улыбки, словно солнечный луч, пробежали по лицам.

Бесс сложила руки, забыв о печенье, которое держала, а Джо подбросила вверх свою салфетку с криком:

– Письмо, письмо!

Да здравствует папа!

– Да, чудесное длинное письмо.

Он здоров и считает, что перенесет холодное время года гораздо лучше, чем мы думали.

Он шлет всем нам самые добрые пожелания к Рождеству и отдельно обращается к вам, девочки, – сказала миссис Марч, прикасаясь к своему карману так, словно там лежало сокровище.

– Быстро доедаем – и все!

Хватит тебе, Эми, стигать мизинчик и жеманиться над тарелкой! – закричала Джо, в спешке заглатывая чай и роняя хлеб маслом вниз на ковер.

Бесс больше не могла есть, она снова скользнула в свой темный уголок и, сидя там, размышляла о предстоящем удовольствии. Наконец все были готовы.

– Это просто замечательно, что папа отправился на войну капелланом, хотя он уже старше призывного возраста и здоровье у него не такое хорошее, чтобы быть солдатом, – сказала Мег с теплотой.

– Как я хотела бы отправиться на войну барабанщиком или vivan... Как они там называются?..

Или медсестрой, чтобы я могла быть рядом с папой и помогать ему, – простонала Джо.

– Должно быть, очень неприятно спать в палатке, есть всякую невкусную пищу и пить из жестяной кружки, – вздохнула Эми.

– Когда он вернется домой, мама? – спросила Бесс с чуть заметной дрожью в голосе.

– Не скоро, дорогая, если только не заболит.

Он останется там и будет свято исполнять свой долг столько, сколько сможет, и мы не имеем права

просить его вернуться ни одной минутой раньше того момента, когда без него смогут обойтись.

А теперь садитесь и слушайте.

Все сели поближе к огню: мама – в большом кресле, Бесс – у ее ног, Мег и Эми уселись с двух сторон на ручках кресла, а Джо прислонилась сзади к спинке, чтобы никто не увидел признаков волнения на ее лице, если письмо окажется трогательным.

А лишь немногие из писем, написанных в то тяжелое время, не были трогательными, особенно это касалось тех писем, что посылали домой отцы.

В этом письме мало говорилось о переносимых изо дня в день трудностях, о грозящих опасностях или упорно заглушаемой тоске по дому.

Это было бодрое, полное надежд послание с живыми описаниями солдатской жизни, походов, военных новостей, и лишь в конце обнаруживалось, что сердце автора переполнено отцовской любовью и тоской по оставшимся дома дочкам:

«Передай им мою глубокую любовь и поцелуй их за меня.

Скажи им, что я думаю о них днем, молюсь за них ночью и черпаю лучшее утешение в мыслях об их любви.

Целый год предстоит нам ожидать встречи; это такой долгий срок, но напомни им, что, пока мы ждем, мы можем трудиться, и потому эти тяжелые дни не должны пропасть зря.

Я знаю, они помнят все, о чем я говорил им, и будут любящими и заботливыми детьми для тебя, будут честно исполнять свой долг, упорно бороться со своими внутренними врагами и побеждать их так решительно и красиво, что, когда я вернусь к ним, я смогу еще сильнее любить моих маленьких женщин и гордиться ими».

Все вздохнули, когда прозвучал этот отрывок письма.

Джо не стыдилась огромной слезы, скатившейся на кончик носа, а Эми не обратила внимания на то, что взъерошивает волосы, когда спрятала лицо на плече у матери и всхлипнула:

– Я такая эгоистка!

Но я очень постараюсь стать лучше, так что он, может быть, не разочаруется во мне, когда вернется.

– Мы все будем стараться! – воскликнула Мег. – Я знаю, что слишком много думаю о своей внешности и не люблю работать, но больше этого не будет, насколько это в моих силах.

– Я постараюсь стать той «маленькой женщиной», какой он хочет меня видеть, не буду грубой и необузданной и исполню мой долг здесь, дома, вместо того чтобы мечтать оказаться где-нибудь в другом месте, – сказала Джо, думая при этом, что владеть собой, оставаясь дома, окажется для нее куда более трудной задачей, чем встретиться лицом к лицу с одним или двумя мятежниками-южанами.

Бесс не сказала ничего, она просто утерла слезы синим солдатским носком и принялась вязать изо всех сил, чтобы, не теряя времени, начать исполнять свой непосредственный долг. В глубине своей кроткой души она давала себе обещание стать такой, какой надеялся встретить ее отец, когда следующий год принесет ему счастливое возвращение домой.

Миссис Марч нарушила молчание, которое последовало за словами Джо, сказав бодрым голосом:

– Помните, как мы играли в пилигримов, когда вы были маленькими?

Как вы радовались, когда я привязывала вам на спину мешочки с лоскутками вместо котомок, давала

вам шляпы, палки и бумажные свитки с напутствиями и отправляла вас в путешествие по дому из погреба, который был Городом Разрушения, на самую крышу, где из разных красивых вещей мы создавали Небесный Город?

– О, как это было замечательно, особенно пробираться мимо львов, сражаться с Аполлионом, проходить через долину злых эльфов! – воскликнула Джо.

– Я очень любила тот момент, когда мы наконец сбрасывали наши котомки и они катились вниз по лестнице, – сказала Мег. – Мне было приятнее всего, когда мы все выходили на плоскую крышу и среди горшков с цветами и прочих красивых вещей стояли и пели от радости в лучах солнца, – сказала Бесс с улыбкой, словно вновь переживая эти прекрасные мгновения.

– А я помню только, что боялась погреба и темной передней, но зато любила молоко и пирожки, которые мы ели на крыше.

Если бы я не была теперь слишком взрослой для таких развлечений, то, пожалуй, поиграла бы снова, – сказала Эми, которая заговорила об отказе от детских забав в зрелом двенадцатилетнем возрасте.

– Дорогая моя, мы никогда не становимся слишком взрослыми для этой игры, потому что так или иначе играем в нее всю свою жизнь.

Наши котомки всегда за спиной, наша дорога перед нами, а стремление к добру и счастью – тот проводник, что ведет нас через множество огорчений и ошибок к душевному покою, который и есть настоящий Небесный Город.

А теперь, мои маленькие пилигримы, почему бы вам не начать сначала, только не понарошку, а на самом деле, и посмотрим, как далеко вы доберетесь, прежде чем папа вернется домой.

– Ты это серьезно, мама?

А где наши котомки? – спросила Эми, которая была очень прозаичной юной особой.

– Каждая из вас уже сказала, какую ношу ей предстоит нести. И только Бесс промолчала.

Я думаю, что у нее такой ноши нет, – заметила миссис Марч.

– У меня она тоже есть.

Моя ноша – мытье посуды и вытирание пыли, а еще я завидую девочкам, которые могут играть на хорошем фортепьяно, и боюсь людей.

Ноша Бесс оказалась такой забавной, что всем захотелось рассмеяться, но никто не сделал этого, не желая ее обидеть.

– Так двинемся в путь, – сказала Мег задумчиво. – Игра в пилигримов – это просто другое название стремления стать лучше.

Может быть, игра поможет нам; ведь хотя мы и хотим быть хорошими, это тяжелый труд для нас, и часто мы забываем о намеченных целях и делаем для их достижения меньше, чем могли бы.

– Сегодня вечером мы сидели в Болоте Уныния, а мама пришла и вытащила нас, словно Надежда в книжке.

Но нам тоже нужны свитки с напутствиями.

Где мы их возьмем? – спросила Джо в восторге от того, что эта игра внесет хоть немного романтики в такую скучную задачу, как исполнение долга.

– Загляните под подушку в рождественское утро, и вы найдете там свой путеводитель, – отвечала

миссис Марч.

Они обсудили этот новый план, пока старая Ханна убирала со стола. Затем были извлечены четыре маленькие рабочие корзинки, и замелькали иголки – девочки подшивали простыни для тети Марч.

Это было совсем не интересное занятие, но в тот вечер никто не роптал.

Работа спорилась, так как они приняли предложение Джо: разделить каждый из длинных швов на четыре части, назвать их Европа, Азия, Африка и Америка и, делая стежки на каждой из этих частей, беседовать о разных странах этих континентов.

В девять все прекратили работу и, прежде чем отправиться в постель, спели хором несколько песен.

Никто, кроме Бесс, не мог извлечь мелодичные звуки из старого фортепьяно; лишь она одна знала, как нежно коснуться пожелтевших клавиш, чтобы звучали под музыку те простые песни, которые они пели.

Голос Мег напоминал звуки флейты; она и мать вели маленький хор.

Эми стрекотала, как сверчок, а Джо была на седьмом небе от счастья и блуждала там как ей заблагорассудится, вечно умудряясь испортить самую задумчивую мелодию неожиданной трелью или хриплыми низкими звуками.

Девочки пели с тех самых пор, как научились говорить, и это вечернее пение стало семейной традицией, ибо мать была прирожденной певицей.

Первыми звуками, раздававшимися в доме по утрам, были звуки ее голоса, когда она шла по комнатам, распевая, словно жаворонок, и последнее, что слышалось вечером, были те же радующие душу звуки, ибо девочки так и не стали слишком взрослыми, чтобы отказаться от привычной материнской колыбельной.

Глава 2 Счастливое Рождество

Джо была первой, кто проснулась, когда забрезжил седой рассвет рождественского утра.

Ни одного чулка с подарками не висело у камина, и на мгновение она ощутила такое же глубокое разочарование, какое испытала однажды в раннем детстве, когда ее чулок упал, так как был битком набит подарками.

Потом она вспомнила об обещании матери, сунула руку под подушку и достала небольшую книжечку в малиновой обложке.

Она очень хорошо знала эту книжку, ибо это была прекрасная старая история о замечательной жизни, лучшей из всех когда-либо прожитых на земле, и Джо всей душой почувствовала, что это настоящий путеводитель для каждого пилигрима, отправляющегося в дальний путь.

Она разбудила сестру радостным восклицанием

«Счастливого Рождества, Мег!» и предложила ей тоже заглянуть под подушку.

Оттуда появилась такая же книжка, только в зеленой обложке, с той же самой картинкой внутри и теми же напутственными словами, написанными матерью. Надпись эта делала подарки по-настоящему драгоценными для девочек.

Проснувшиеся Бесс и Эми тоже заглянули под подушки и нашли там свои маленькие книжечки – серебристую и голубую, – и теперь все сидели, разглядывая подарки и беседуя, а восток все сильнее разгорался розовым светом приближающегося дня.

Несмотря на некоторую суетность и тщеславие, Маргарет отличалась кротостью и набожностью, чем невольно влияла на сестер, особенно на Джо, которая нежно ее любила и следовала ее советам, так как давались они мягко и с любовью.

– Девочки, – сказала Мег серьезно, переводя взгляд с растрепанной головы рядом с собой на две головки в ночных чепчиках на постели в смежной комнате, – мама хочет, чтобы мы с любовью и вниманием читали эту книгу, и мы должны начать прямо сейчас.

Прежде мы добросовестно относились к подобным вещам, но с тех пор как папа ушел в армию и трудности, связанные с войной, выбили нас из колеи, мы многое стали упускать из виду.

Вы, конечно, как хотите, но я буду держать свою книжку здесь, на ночном столике, и читать понемногу каждое утро, как только проснусь. Я уверена, что это принесет мне пользу и будет поддерживать меня в течение всего дня.

Затем она открыла свою новую книжку и начала читать.

Джо обняла ее и, прижавшись щекой к ее щеке, тоже погрузилась в чтение со спокойным выражением, которое так редко можно было увидеть на ее подвижном лице.

– Какая умница Мег!

Давай, Эми, и мы поступим так же.

Я помогу тебе, если встретятся трудные слова, а они объяснят нам, если что-то окажется непонятным, – шепнула Бесс под глубоким впечатлением от красивых книжек и примера старших сестер.

– Я рада, что моя – в голубой обложке, – пробормотала Эми. Затем в комнатах воцарилась тишина, которую нарушал лишь шелест переворачиваемых страниц, а зимнее солнце заглядывало в окна, чтобы в ласковом рождественском приветствии коснуться блестящих волос и серьезных лиц.

– А где же мама? – спросила Мег у Ханны, когда полчаса спустя они с Джо сбежали вниз, чтобы поблагодарить мать за подарки. Ханна жила в семье со времени рождения Мег и считалась скорее другом, чем служанкой.

– Да кто ж ее знает!

Приходил тут мальчуган какой-то милостыню просить, вот ваша мамаша и пошла прямо к нему домой, чтоб поглядеть, чем там помочь можно.

Не было на свете другой такой женщины, что так раздаривала бы еду да питье, одежду да дрова, – отвечала Ханна.

– Я думаю, она скоро вернется, Ханна, так что все равно грейте булочки и накрывайте на стол, – сказала Мег, выдвигая из-под дивана корзинку, где были спрятаны и ожидали своего часа подарки, предназначенные для мамы. – А где же подарок Эми? – спросила она, обнаружив, что флакончика с одеколоном в корзинке нет.

– Она только что вытащила свою бутылочку и унесла, чтобы перевязать ленточкой или что-то в этом роде, – ответила Джо, пританцовывая в новеньких туфлях, чтобы немного размять их, прежде чем вручить маме.

– Красивые у меня получились платочки, правда?

Ханна выстирала и выгладила их для меня, а я сама вышила на них метки, – сказала Бесс, с гордостью глядя на не очень ровные буквы, которые стоили ей немалых трудов.

– Вот это да!

Она взяла и вышила на них

«Мама» вместо

«Миссис Марч».

Ну и смех! – воскликнула Джо, взяв в руки один из платочков.

– Разве это плохо?

Я подумала, что так будет лучше, ведь у Мег те же инициалы – «М. М.», а я хотела, чтобы никто, кроме мамы, не пользовался этими платками, – отозвалась Бесс с обеспокоенным видом.

– Все замечательно, дорогая. Очень хорошая идея, вполне разумная; теперь никто не ошибется.

И ей очень понравится, я знаю, – сказала Мег, с неодобрением взглянув на Джо и с улыбкой на Бесс.

– Мама идет!

Прячь корзинку, живо! – приказала Джо, когда в передней хлопнула дверь и послышались шаги.

В комнату торопливо вошла Эми; она смутилась, увидев, что все сестры ждут ее.

– Где ты была? И что ты прячешь за спиной? – спросила Мег, удивленная тем, что, судя по капору и плащу, ленивая Эми выходила из дома так рано.

– Только не смейся надо мной, Джо!

Я хотела, чтобы никто не узнал раньше времени.

Я сбегала и поменяла маленькую бутылочку на большую и отдала за нее все свои деньги. И честное слово, я постараюсь больше не быть такой эгоисткой.

С этими словами Эми показала красивый большой флакон, который заменил прежний, дешевый, и выглядела она такой искренней и смиренной в этом маленьком усилии самоотречения, что Мег тут же обняла ее, а Джо объявила «молодцом», в то время как Бесс подбежала к окну и выбрала самую красивую из своих розочек, чтобы украсить ею внушительный флакон.

– Понимаете, мне стало стыдно за мой подарок, после того как сегодня утром мы говорили и читали о том, как быть хорошими. И как только я встала, сразу побежала в магазин. Я так рада, потому что мой подарок теперь самый красивый!

Снова послышался стук парадной двери – и корзинка исчезла под диваном, а девочки поспешили к столу, который уже был накрыт к завтраку.

– Счастливого Рождества, мама!

Спасибо за книжки!

Мы уже читали их сегодня и будем делать это каждое утро! – закричали они хором.

– Счастливого Рождества, доченьки!

Я очень рада, что вы сразу начали читать, и надеюсь, что будете возвращаться к этой книге снова и снова.

Но прежде чем мы сядем за стол, я хочу кое-что сказать вам.

В одном из домов неподалеку отсюда лежит бедная женщина с новорожденным младенцем.

Шестеро ее детишек, съезжившись, прижались друг к другу в одной постели, чтобы не замерзнуть,

потому что у них нет дров.

В доме нет никакой еды, и старший мальчик пришел сказать мне, что они страдают от голода и холода.

Девочки мои, вы согласны подарить им на Рождество свой завтрак?

Девочки были голодны более обычного, после того как прождали завтрак целый час, и с минуту все молчали – только минуту, а потом Джо воскликнула с жаром:

– Как хорошо, что ты пришла прежде, чем мы начали есть!

– Можно я пойду с тобой и помогу отнести еду этим бедным детям? – спросила Бесс горячо.

– Я понесу сливки и булочки, – добавила Эми, героически отказываясь от того, что больше всего любила.

Мег уже накрывала горшочек с гречневой кашей и складывала ломтики хлеба в одну большую тарелку.

– Я знала, что вы поступите именно так, – сказала миссис Марч с улыбкой удовлетворения. – Мы пойдем все вместе, и вы поможете мне, а когда вернемся, то позавтракаем хлебом и молоком.

Вскоре все были готовы и двинулись в путь.

К счастью, время было раннее и шли они по маленьким улочкам, так что лишь немногие видели их и никто не посмеялся над этой странной процессией.

И вот – жалкая, голая комната с выбитыми стеклами, без огня, лохмотья на постели, больная мать, плачущий младенец и несколько бледных, голодных детей, скорчившихся от холода под одним старым одеялом.

Как засияли большие глаза и заулыбались посиневшие губы этих детей, когда девочки вошли в комнату!

– Mein Gott!

Добрые ангелы пришли к нам! – воскликнула бедная женщина, заплакав от радости.

– Ну и ангелы! В капорах и в перчатках! – сказала Джо, и все рассмеялись.

Через несколько минут и в самом деле могло показаться, что за дело взялись добрые духи.

Ханна, которая принесла с собой полено, развела огонь, заткнула разбитые стекла старыми шляпами и занавесила собственным плащом.

Миссис Марч дала больной чаю и жидкой овсянки и теперь, сидя рядом с ней, утешала ее обещаниями помощи и пеленала младенца с такой нежностью, как если бы он был ее собственным.

Тем временем девочки распаковали провизию, усадили детей у огня и кормили их, словно голодных птенцов, смеясь, болтая и пытаясь понять забавно исковерканный английский.

– Das ist gut!

Die Engel-Kinder! – восклицали бедняжки, пока ели и грели свои красные руки у уютно потрескивавшего пламени.

Девочек никогда еще не называли ангелами, и они нашли это очень приятным, особенно Джо, которую считали Санчо с самого ее рождения.

И хотя они ничего не ели, это был их самый счастливый завтрак, а когда они ушли, то оставили за собой тепло и уют.

И я думаю, что не было в тот день во всем городе четырех более веселых людей, чем эти четыре голодные девочки, которые отказались от завтрака и поели в то рождественское утро лишь хлеба с молоком.

– Вот это и значит любить ближнего больше, чем себя самого, и мне это нравится, – сказала Мег, когда они снова достали из-под дивана корзинку с подарками, пока мать наверху собирала одежду для бедного семейства Хаммель.

Конечно, подарки не являли собой великолепного зрелища, но сколько любви было вложено в эти четыре маленьких свертка и какой праздничный вид придавала столу, на котором они лежали, высокая ваза с красными розами, белыми хризантемами и зелеными веточками петунии!

– Идет!

Начинай, Бесс!

Открывай дверь, Эми!

Да здравствует мама! – вскричала Джо, пританцовывая и подбегая следом за Мег к двери.

Бесс заиграла самый веселый марш, Эми распахнула дверь, а Мег торжественно провела мать к почетному месту.

Миссис Марч была удивлена и тронута. Глаза ее наполнились слезами радости, и она, улыбаясь, рассматривала подарки и читала приложенные к ним записочки.

Туфли были немедленно надеты, новый носовой платочек надушен одеколоном Эми и положен в карман, а о красивых перчатках сказано, что они «ну совсем как раз».

Немало было здесь смеха, поцелуев, веселых объяснений – и все это в той простой, уютной, исполненной любви домашней атмосфере, которая делает семейные праздники такими приятными и заставляет с нежностью вспоминать о них долгие годы. А потом все принялись за работу.

Посещение Хаммелей и церемония вручения подарков заняли так много времени, что весь остаток дня пришлось посвятить приготовлениям к вечернему спектаклю.

Всё еще слишком юные, чтобы часто посещать театр, и не такие богатые, чтобы позволить себе большие расходы, девочки пускали в ход всю свою изобретательность и – нужда всему научит – сами делали все, что было необходимо для домашних представлений.

Некоторые из их изобретений были весьма удачными: гитары из досок для разделки теста; старинные лампы из старомодных масленок, обернутых серебряной бумагой; великолепные платья из старых ситцевых, с пришитыми к ним сверкающими кусочками жестяных консервных банок; доспехи, покрытые вырезанными в форме ромбов кусочками тех же очень полезных жестянок.

Мебель обычно использовали не по прямому назначению, а переворачивая ее вверх дном, и большая гостиная оказывалась сценой множества невинных развлечений.

Никакие мальчики к участию в представлениях не допускались, так что Джо могла исполнять мужские роли сколько душе угодно и всегда с огромным удовлетворением надевала пару сапог из некрашеной кожи, подаренных ей одним из друзей, который был знаком с одной дамой, близко знавшей настоящего актера.

Эти сапоги, старая рапира и камзол с разрезами, однажды использованный каким-то художником, писавшим историческую картину, были главными сокровищами Джо и неизменно появлялись на

сцене в каждом спектакле.

Ограниченность численного состава труппы делала необходимым для двух главных актеров играть по нескольку ролей в каждой постановке, и они, конечно же, заслуживали похвал за тяжкий труд, который принимали на себя, разучивая по три или четыре роли, молниеносно меняя костюмы во время представления и успевая вдобавок управляться с переменной декораций.

Это являлось как великолепной тренировкой памяти, так и безобидным развлечением, занимавшим немало часов, которые иначе оказались бы скучными, ничем не заполненными или проведенными в менее благотворных занятиях.

В рождественский вечер около десятка девочек набилось в кровать, изображавшую бельэтаж, и сидело там перед желто-голубым занавесом из мебельного ситца в самом лестном для актеров состоянии нетерпеливого ожидания.

За занавесом было немало шорохов и шепота, несколько раз доносилось хихиканье возбужденной Эми, зрители чувствовали запах дыма от керосиновой лампы.

Наконец прозвенел звонок, занавес раздвинулся, и спектакль начался.

«Мрачный лес», обещанный театральной программкой, был изображен несколькими комнатными растениями в горшках, куском зеленого сукна на полу и пещерой на заднем плане.

Пещера была сделана из двух письменных столов вместо стен и рамы для сушки белья вместо крыши. В ней виднелась маленькая печь с черным котелком на фоне ярко пылающего огня, над которым склонилась старая волшебница.

На сцене было темно, и жар печи произвел великолепное впечатление, особенно потому, что, когда волшебница приподняла крышку, из котелка повалил настоящий пар.

Выдержав минутную паузу, чтобы улеглось первое волнение среди публики, вошел Гуго, злодей с черной бородой, позвякивающим мечом на боку, в фетровой шляпе с большими опущенными полями, в широком плаще и сапогах из некрашеной кожи.

Походив взад и вперед по сцене в большом волнении, он ударил себя по лбу и, не в силах сдержать неистовую страсть, запел о своей ненависти к Родриго, любви к Заре и решимости убить первого и добиться любви от второй.

Грубоватые звуки голоса Гуго, переходящие иногда от избытка чувств в крик, произвели глубокое впечатление, и в тот момент, когда он остановился, чтобы перевести дух, зрители бурно зааплодировали.

Поклонившись с видом человека, привыкшего к сценическому успеху, Гуго приблизился к пещере и обратился к волшебнице Хейгар с приказом:

«Эй, ты, старуха! Выходи!

Ты мне нужна!»

Появилась Мег, с длинными седыми волосами из конского хвоста, в красно-черном платье, с посохом в руке и каббалистическими знаками на плаще.

Гуго потребовал у нее одного зелья, чтобы заставить Зару полюбить его, и другого, чтобы известить Родриго.

Хейгар в прекрасной, исполненной драматизма арии пообещала ему то и другое и приступила к вызову духа, способного доставить любовный напиток: Дух любви, из роз рожденный, Сладкой вскормленный росой, Чудной властью наделенный Над любой людской судьбою. Я к тебе, о дух,

взываю: Где волшебная вода? Я тебя с ней ожидаю. Дух любви, сюда, сюда!

Нежная мелодия отзвучала, и в задней части пещеры появилась маленькая фигура в чем-то белом, со сверкающими крыльями и золотыми волосами, украшенными венком из роз.

Взмахнув золотым жезлом, это видение запело: Из страны сладких грез Я напиток принес. Но навек ты запомнить должна: Для добра одного Служит сила его, А иначе иссякнет она.

И, уронив маленькую позолоченную бутылочку к ногам волшебницы, дух исчез.

Новая песнь Хейгар вызвала появление другого призрака – на этот раз совсем не привлекательного, ибо из пещеры с шумом появился противный черный чертенок и, прокричав свой ответ, швырнул в Гуго черную бутылочку и исчез с издевательским смехом.

Мелодично излив свою благодарность и засунув обе бутылочки за голенища сапог, Гуго удалился, а Хейгар сообщила публике, что в прошлом он убил нескольких ее друзей и поэтому она прокляла его и намерена отомстить, разрушив все его планы.

Вслед за этим занавес закрылся, и в перерыве публика отдыхала, ела печенье и обсуждала достоинства оперы.

Довольно долго со сцены доносился стук молотка, но, когда занавес вновь раздвинулся и стало очевидным, какой шедевр плотницкого искусства был возведен за время антракта, никто не посмел жаловаться на задержку.

Зрелище было поистине великолепным!

До самого потолка поднималась башня, а посередине ее располагалось освещенное лампой окно, в котором из-за белой занавески появилась в прелестном голубовато-серебристом платье Зара, ожидающая Родриго.

И он появился – в великолепном наряде, в шляпе с перьями, в красном плаще, с выпущенным на лоб каштановым локоном, с гитарой и, разумеется, в тех же самых сапогах из некрашеной кожи, в которых в первом действии появлялся Гуго.

Преклонив колено у подножия башни, он запел чувствительнейшую серенаду.

Зара отвечала и, после музыкального диалога, согласилась на побег.

И тут произошла самая эффектная сцена спектакля.

Родриго извлек из кармана веревочную лестницу, забросил наверх один конец и предложил Заре спуститься.

Она робко выскользнула из-за решетки окна, положила руку на плечо Родриго и уже собиралась грациозно спрыгнуть вниз, когда – увы, бедняжка Зара забыла о своем шлейфе, и он зацепился за окно – башня зашаталась, наклонилась вперед и, упав с грохотом, погребла несчастных влюбленных в развалинах!

Раздался всеобщий вопль, над руинами отчаянно задержались ноги в сапогах из некрашеной кожи, а рядом с ними появилась золотистая головка, восклицающая:

«Я тебе говорила!

Я тебе говорила!»

В этот момент в дело с удивительным присутствием духа вмешался дон Педро, жестокосердный родитель Зары. Он извлек свою дочь из-под развалин, коротко заметив:

«Не смейся!

Играй как ни в чем не бывало!», а затем приказал Родриго встать и с гневом и презрением изгнал его из своего королевства.

Хотя и явно потрясенный падением башни, Родриго не повиновался величественному старцу и отказался двинуться с места.

Своим примером неустрашимый возлюбленный зажег Зару: она также бросила вызов своему суровому родителю, и в результате он отправил обоих в глубочайшее подземелье замка.

Явился маленький, толстенький и румяный стражник с цепями и увел влюбленных, имея при этом очень испуганный вид и, очевидно, забыв речь, которую ему надлежало произнести.

Третье действие разворачивалось в одном из залов замка, куда явилась Хейгар, чтобы освободить влюбленных и разделаться с Гуго.

Услышав его шаги, она прячется и наблюдает, как он выливает содержимое волшебных бутылочек в два кубка вина и приказывает маленькому робкому слуге:

«Снеси то пленникам в темницу и передай, что скоро я приду».

Слуга отводит Гуго в сторону, чтобы что-то сказать ему, а тем временем Хейгар заменяет отравленные кубки на другие, безвредные.

Фердинандо, слуга, уносит их, а Хейгар выставляет обратно на стол кубок, в котором находится предназначенный для Родриго яд.

Гуго, возжаждавший после долгих трелей, выпивает его, теряет рассудок и после продолжительного сжимания кулаков и топанья ногами падает плашмя и умирает, в то время как Хейгар в арии, исполненной исключительной силы и мелодичности, сообщает ему о том, что она сделала.

Это была по-настоящему захватывающая сцена, хотя некоторые, возможно, сочли, что неожиданно выбившиеся из-под шляпы в огромном количестве густые длинные волосы изрядно испортили впечатление от смерти злодея.

Публика громко вызывала Гуго, и он с большим достоинством выходил кланяться, ведя за руку Хейгар, чье пение рассматривалось как самое замечательное в спектакле, более замечательное, чем все остальное, вместе взятое.

Четвертое действие представляло отчаявшегося Родриго на грани самоубийства после сообщения о том, что Зара изменила ему.

Но в последний момент, уже приставив кинжал к сердцу, он слышит под окном прелестную песню, из которой узнает, что Зара верна ему, но находится в опасности и что он может спасти ее, если пожелает.

В окно брошен ключ, который откроет дверь, и в порыве восторга Родриго рвет свои цепи и бросается вон из темницы, чтобы найти и спасти возлюбленную.

Пятое действие открывалось бурной сценой между Зарой и доном Педро.

Он требует, чтобы она удалилась в монастырь, но она не желает и слышать об этом и, излив трогательные мольбы, готова лишиться чувств, когда врывается Родриго и требует ее руки.

Но он беден, и дон Педро отказывает ему.

Герои отчаянно кричат и жестикулируют, но никак не могут прийти к согласию, и Родриго уже собирается унести измученную Зару, когда входит робкий слуга с письмом и мешком от Хейгар,

которая таинственно исчезла.

В письме она объявляет присутствующим, что завещает юной паре несметные богатства, и угрожает обречь на ужасную кончину дону Педро, если он будет противиться их счастью.

Мешок развязан, и жестяные деньги сыплются на сцену, пока вся она не начинает блеснуть, поражая великолепием.

Это окончательно обезоруживает «сурового родителя».

Он уступает без звука, все сливаются в радостном хоре, и занавес закрывает влюбленных, опустившихся на колени, чтобы получить благословение дона Педро, в позах, исполненных самой романтической грации.

Последовавшие бурные аплодисменты натолкнулись на неожиданное препятствие, ибо складная кровать, на которой был возведен «бельэтаж», неожиданно закрылась и тем подавила энтузиазм публики.

Родриго и дон Педро бросились на помощь, и все были извлечены целыми и невредимыми, хотя многие не могли говорить от хохота.

Едва волнение улеглось, как появилась Ханна с поздравлениями от миссис Марч и приглашением к ужину.

Приглашение явилось приятным сюрпризом даже для актеров, а когда они увидели стол, то переглянулись в изумлении и восторге.

Конечно, мама часто старалась устроить для них маленькое угощение, но столь великолепное пиршество, как это, было неслыханным с давно ушедших в прошлое дней достатка.

Здесь было мороженое, и даже двух видов – розовое и белое, торт, фрукты и совершенно умопомрачительные французские конфеты, а в центре стояли четыре больших букета оранжевых цветов!

Все были поражены и, затаив дыхание, уставились сначала на стол, а затем на миссис Марч, которая, судя по ее виду, необычайно наслаждалась происходящим.

– Кто это сделал?

Фей? – спросила Эми.

– Это Санта-Клаус, – сказала Бесс.

– Это мама! – И Мег улыбнулась самой нежной улыбкой, несмотря на свою седую бороду и лохматые белые брови.

– У тети Марч было хорошее настроение, и она прислала нам этот ужин! – воскликнула неожиданно осененная этой мыслью Джо.

– Не угадали.

Это прислал старый мистер Лоренс, – улыбнулась в ответ миссис Марч.

– Мистер Лоренс!

Да как это ему такое в голову пришло!

Ведь мы его совсем не знаем! – воскликнула Мег.

– Ханна рассказала одному из его слуг о вашем сегодняшнем завтраке.

Мистер Лоренс немного странный старик, но то, что он услышал от слуги, ему понравилось.

Много лет назад он был знаком с моим отцом и сегодня прислал мне любезную записку, в которой выразил надежду, что я позволю ему проявить дружеские чувства к моим детям и передать им небольшое угощение в честь праздника.

Я не могла отказать, и поэтому сегодня у вас будет небольшой вечерний пир, чтобы возместить скудный завтрак.

– Это его внук подал ему такую идею, я точно знаю!

Он отличный парень, и я очень хотела бы познакомиться с ним поближе.

Похоже, он и сам не прочь с нами подружиться. Только он очень застенчивый, а Мег такая церемонная, что не позволяет мне заговорить с ним, когда мы проходим мимо, – сказала Джо, когда блюда пошли по кругу и мороженое начало исчезать на глазах под восторженные охи и ахи.

– Вы говорите о ваших соседях, которые живут в большом каменном доме, да? – спросила одна из приглашенных. – Моя мама знает старого мистера Лоренса. Она говорит, что он очень гордый и не желает общаться с соседями.

И внука своего он держит взаперти и заставляет целыми днями учиться. Мальчик только иногда ездит верхом или гуляет со своим наставником.

Мы однажды пригласили его на вечеринку, но он не пришел.

Мама говорит, что он очень милый, но он никогда не разговаривает с нами, девочками.

– Когда наша кошка как-то раз убежала в их сад, он принес ее назад, и мы с ним поговорили у забора – про крикет и все такое – и отлично поладили, но как только он увидел, что Мег идет, так сразу ушел.

Но я все равно собираюсь познакомиться с ним поближе, потому что ему одиноко и грустно, я в этом уверена, – сказала Джо решительно.

– Мне нравятся его манеры, он выглядит как настоящий юный джентльмен; так что я не возражаю, чтобы вы познакомились с ним, если представится подходящий случай.

Он сам принес эти цветы, и я охотно пригласила бы его зайти, если бы точно знала, что происходит тут у вас наверху.

У него был такой печальный вид, когда он уходил, слыша звуки веселья, которого явно лишен сам.

– Какое счастье, что ты не пригласила его зайти, мама! – засмеялась Джо, глядя на свои сапоги. – Но ничего, потом мы поставим другую пьесу, такую, что и он сможет увидеть или даже принять участие в спектакле.

Весело будет, правда?

– Я никогда не видела таких цветов!

Какие красивые! – Мег разглядывала букеты с большим интересом.

– Просто прелесть!

Но все же мне милее розы Бесс, – сказала миссис Марч, нюхая уже начинающий вянуть букетик, приколотый к ее платью.

Бесс прижалась к ней и шепнула нежно:

– Как я хотела бы, чтобы можно было послать мой букет папе.

Боюсь, у него не такое веселое Рождество, как у нас.

Глава 3 Внук мистера Лоренса

Джо!

Джо!

Где ты? – кричала Мег с нижней ступеньки чердачной лестницы.

– Здесь! – отозвался сверху хриплый голос, и, взбежав на чердак, Мег нашла там сестру, которая лежала, закутавшись в шерстяной платок, на старом трехногом диване возле освещенного солнцем окна, грызла яблоко и заливалась слезами над «Наследником Редклифа».

Чердак был излюбленным убежищем Джо, и сюда она обычно удалялась с полудюжиной яблок и хорошей книжкой, чтобы насладиться тишиной и обществом ручной крысы по прозвищу Скрэбл, которая жила поблизости и ничуть не возражала против присутствия Джо.

Когда появилась Мег, Скрэбл юркнула в свою норку, а Джо смахнула слезы со щек и приготовилась выслушать новости.

– Такая радость!

Только взгляни!

Настоящий пригласительный билет! От миссис Гардинер, на завтрашний вечер! – восклицала Мег, размахивая драгоценной бумажкой, а затем с восторгом прочла ее вслух: –

«Миссис Гардинер будет рада видеть мисс Маргарет Марч и мисс Джозефину Марч в своем доме на небольшом ужине с танцами по случаю Нового года».

Мама согласна нас отпустить – но что мы наденем?

– Что ты спрашиваешь, когда и так знаешь, что мы наденем наши поплиновые платья, потому что других у нас нет, – отвечала Джо с набитым ртом.

– Жаль, что у меня нет шелкового, – вздохнула Мег. – Мама говорит, что, может быть, получу шелковое, когда мне исполнится восемнадцать. Но ждать два года... Это целая вечность!

– Я уверена, что наши поплиновые выглядят ничуть не хуже шелковых и для нас они вполне сойдут.

Твое совсем как новое, только вот я забыла, что прожгла свое сзади.

Хоть дырка и залатана, здорово заметно. Что же мне делать?

– Тебе придется сидеть смирно и не поворачиваться спиной, а спереди все в порядке.

У меня будет новая лента для волос, мама даст мне надеть свою булавку с жемчугом, а мои новые туфли просто прелесть, и перчатки сойдут, хотя они и не такие красивые, как мне хотелось бы.

– Мои испорчены лимонадом, а новых взять негде, так что придется пойти без перчаток, – сказала Джо, которую никогда особенно не волновали ее туалеты.

– Ты должна быть в перчатках, иначе я не пойду, – решительно заявила Мег. – Перчатки даже важнее, чем все остальное.

Без перчаток не ходят на танцы, и, если бы ты пошла без перчаток, это было бы таким унижением для меня!

– Но я же все равно не буду танцевать.

И вообще, не люблю я бальные танцы.

Что за удовольствие семенить под ручку по комнате!

Я люблю скакать и выкидывать коленца.

– Ты не можешь просить у мамы новые перчатки: они такие дорогие, а ты такая неаккуратная.

Когда ты испортила вторую пару, она сказала, что больше не купит тебе перчаток в эту зиму.

Нельзя ли все-таки как-нибудь обойтись этой парой? – спросила Мег с тревогой.

– Я могу зажать их в руке, и никто не увидит, что на них пятна.

Это все, что я могу сделать... Нет!

Слушай, как мы можем устроиться: каждая наденет одну хорошую, а в руке будет держать одну плохую.

Понимаешь?

– У тебя руки больше моих, и ты ужасно растянешь мою перчатку, – начала Мег, для которой перчатки всегда были большим вопросом.

– Тогда я пойду без перчаток.

И наплевать мне, что скажут люди! – воскликнула Джо, снова взявшись за книгу.

– Хорошо, хорошо, я дам тебе мою!

Только не сажай на нее пятен и веди себя прилично.

Не закладывай руки за спину, не вытаращивайся ни на кого и воздержись от этой своей любимой присказки

«Христофор Колумб!», хорошо?

– Не волнуйся за меня.

Я постараюсь держаться как можно чопорнее и не попаду ни в какие переделки, если, конечно, смогу.

Теперь иди и ответь на приглашение, а мне дай дочитать эту замечательную историю.

И Мег отправилась, чтобы «принять с благодарностью» приглашение, оглядеть свое платье и, счастливо распевая, пришить к нему свою единственную рюшечку из настоящих кружев, пока Джо кончала свою книжку, четыре яблока и возню со Скрэбл.

Накануне Нового года в гостиной не было ни души, потому что обе младшие девочки присутствовали в качестве камеристок в комнате старших, поглощенных крайне важным делом – приготовлениями к вечеринке.

При всей простоте их туалетов было немало беготни вверх и вниз по лестнице, смеха, болтовни, а на некоторое время дом даже наполнился сильным запахом паленых волос.

Мег пожелала иметь несколько кудряшек надо лбом, и Джо зажала завернутые в бумажки пряди волос горячими щипцами.

– Разве должно так пахнуть? – спросила Бесс, усевшись на спинку кровати.

– Это влага высыхает, – пояснила Джо.

– Какой странный запах!

Похоже на паленую курицу, – заметила Эми, с видом превосходства поглаживая свои собственные красивые локоны.

– Ну вот, а теперь я сниму бумажки – и вы увидите пушистое облако мелких колечек, – объявила Джо, отложив щипцы.

Она сняла бумажки, но обещанного «облака колечек» не оказалось – обожженные волосы остались в бумажках, и перепуганная парикмахерша положила целый ряд маленьких обгоревших комочков на туалетный столик перед своей жертвой.

– О-о-о!

Что ты наделала!

Все испортила!

Как я теперь пойду?

О, мои волосы! – причитала Мег, с отчаянием глядя на неровные завитки надо лбом.

– Не везет мне, как всегда!

Зря ты меня попросила это сделать.

Вечно-то я все испорчу.

Ох, как мне жаль! Но щипцы оказались слишком горячими, и вот я такое устроила! – стонала бедная Джо, взирая со слезами раскаяния на лежащие на столе черные блинчики.

– Ничего не испорчено, просто подкрути их и завяжи лентой так, чтобы концы чуть-чуть свисали на лоб, и будет выглядеть как по последней моде.

Я видела, так многие девочки носят, – сказала Эми в утешение.

– Так мне и надо за то, что хочу быть элегантной.

Лучше бы я оставила свои волосы в покое! – воскликнула Мег с досадой.

– Я тоже так думаю, они были такие гладкие и красивые.

Но они скоро снова отрастут, – сказала Бесс, подбегая, чтобы поцеловать и утешить бедную стриженую овечку.

После разнообразных, не столь значительных неудач Мег была наконец готова, и объединенными усилиями всего семейства Джо была облачена в платье, а ее волосы уложены в высокую прическу.

Обе выглядели очень хорошо в своих простых платьях: Мег – в серебристо-сером, с кружевной рюшечкой и жемчужной булавкой, с синей бархатной лентой на голове, а Джо – в темно-бордовом, с жестким, почти мужским льняным воротничком и белой хризантемой в качестве единственного украшения.

Каждая надела одну хорошую чистую перчатку и держала в руке другую, испачканную, и все сошлись на том, что вид у них был «вполне изящный и непринужденный».

Туфли Мег на высоких каблуках были очень тесными и жали, хотя она и не признавалась в этом, а все девятнадцать шпилек в волосах Джо, казалось, впивались ей прямо в голову, что было не совсем приятно – но, боже мой, будем элегантны или умрем!

– Желаю вам весело провести время, дорогие мои! – сказала миссис Марч, когда сестры легкой походкой двинулись по дорожке. – Не ешьте много за ужином и возвращайтесь в одиннадцать, когда я пришлю за вами Ханну. – Ворота уже захлопнулись за ними, но из окна снова донесся голос: – Девочки, девочки!

А носовые платки вы не забыли?

– Все в порядке, платки чистые, а у Мег даже надушен одеколоном! – крикнула Джо, добавив со смехом, когда они зашагали дальше: – Мама наверняка спросила бы нас об этом, даже если бы мы выскакивали из дома во время землетрясения.

– Это одна из ее аристократических склонностей. И такая забота вполне обоснованна, так как настоящую леди всегда узнаешь по чистым ботинкам, перчаткам и носовому платку, – отозвалась Мег, у которой было немало собственных маленьких «аристократических склонностей».

– Так не забудь, Джо: постарайся, чтобы никто не видел твое платье сзади.

Как мой пояс, в порядке?

А волосы очень плохо выглядят? – спросила Мег, когда наконец отвернулась от зеркала в гардеробной дома миссис Гардинер после продолжительного прихорашивания.

– Я непременно о чем-нибудь забуду.

Как увидишь, что я делаю что-то не то, подмигни мне, ладно? – отозвалась Джо, резко дернув свой воротничок и торопливо поправляя волосы.

– Нет, подмигивать – это не женственно.

Я приподниму брови, если что-то не так, или кивну, если все в порядке.

А теперь держи спину прямо и делай маленькие шаги. И если тебе кого-нибудь представят, не пожимай ему руку – дамам это не подобает.

– И как ты все это запомнила?

Я вот никак не могу.

Какая веселая музыка, а?

Они спустились вниз, чувствуя себя несколько неуверенно, так как редко бывали в обществе и даже такая скромная вечеринка, как эта, была для них большим событием.

Миссис Гардинер, величавая пожилая дама, любезно приветствовала их и подвела к старшей из своих шести дочерей.

Мег была знакома с Салли и очень скоро почувствовала себя непринужденно, но Джо, которую мало интересовали девочки и девичья болтовня, стояла в стороне, предусмотрительно повернувшись спиной к стене, и чувствовала себя так же не на месте, как жеребенок в оранжерее.

Несколько мальчиков оживленно беседовали о коньках в другом конце зала, и ей очень захотелось подойти и присоединиться к ним, так как коньки были для нее одной из утех жизни.

Она телеграфировала о своем желании сестре, но брови Мег взлетели вверх в такой тревоге, что Джо не осмелилась двинуться с места.

Никто не заговорил с ней, стоявшие поблизости девочки отходили одна за другой, пока Джо не осталась в одиночестве.

Она не могла побродить по залу и развлечься, так как при этом взорам всех открылось бы испорченное полотнище юбки, так что она стояла и довольно печально глядела на окружающих. Начались танцы.

Мег сразу была приглашена, и тесные туфли замелькали так проворно, что никто даже не догадывался о боли, которую их обладательница переносила с улыбкой.

Джо увидела, что высокий рыжий юноша приближается к ее уголку, и, испугавшись, как бы он не вздумал пригласить ее, быстро скользнула в задернутую шторой нишу, в надежде, что сможет подглядывать оттуда и спокойно и приятно провести вечер.

К несчастью, некто застенчивый уже избрал для себя убежищем эту нишу, и когда штора упала за спиной Джо, она обнаружила, что очутилась лицом к лицу с внуком мистера Лоренса.

– Ох, я не знала, что здесь кто-то есть! – пробормотала Джо, запнувшись и собираясь вылететь так же быстро, как влетела.

Но мальчик засмеялся и сказал любезно, хотя и выглядел при этом несколько встревоженным:

– Ничего страшного, оставайтесь, если хотите.

– Я вам не помешаю?

– Ничуть.

Я зашел сюда просто потому, что почти никого здесь не знаю и, понимаете, почувствовал себя как-то неловко сначала.

– Со мной то же самое.

Не уходите, пожалуйста, если, конечно, я вам не мешаю.

Мальчик снова сел, молча уставившись на свои лакированные бальные туфли. Наконец Джо сказала, стараясь быть вежливой и побороть смущение:

– Кажется, я имела удовольствие встречать вас прежде.

Вы наш сосед, не правда ли?

– Сосед. – Он поднял глаза и засмеялся, ибо церемонные манеры Джо показались ему довольно забавными, когда он вспомнил, как они болтали о крикете у забора в тот день, когда он принес убежавшую кошку.

Джо сразу почувствовала себя непринужденно. Она тоже засмеялась и сказала самым дружеским тоном:

– Мы чудесно провели время за ужином, который вы прислали нам на Рождество.

– Это дедушка прислал.

– Но вы подали ему эту идею, правда?

– А как поживает ваша кошка, мисс Марч? – спросил мальчик, стараясь смотреть серьезно, хотя его черные глаза светились озорством.

– Отлично, спасибо, мистер Лоренс, но я не мисс Марч, а всего лишь Джо, – отвечала юная леди.

– А я не мистер Лоренс, а просто Лори.

– Лори Лоренс – какое странное имя!

– Мое настоящее имя Теодор, но я его не люблю, потому что приятели зовут меня Дорой. Поэтому я заставил их называть меня Лори.

– Я тоже терпеть не могу свое имя – такая сентиментальщина!

Я хотела бы, чтобы все говорили Джо вместо Джозефина.

А как вам удалось добиться, что мальчишки перестали называть вас Дорой?

– Я их лупил.

– Я не могу отлупить тетю Марч, так что мне, наверное, придется терпеть и дальше. – И Джо со вздохом покорила судьбе.

– Вы не любите танцевать, мисс Джо? – спросил Лори; судя по его виду, он счел, что это имя ей отлично подходит.

– Очень люблю, но только если много места и все просто веселятся.

А в таком зале, как этот, я непременно что-нибудь опрокину, наступлю кому-нибудь на ногу или сделаю еще что-нибудь ужасное, так что я стараюсь держаться подальше от греха и предоставляю Мег одной порхать по залу.

А вы танцуете?

– Иногда.

Понимаете, я несколько лет прожил за границей, а здесь еще мало бывал в обществе и не знаю, как у вас танцуют.

– За границей! – воскликнула Джо. – О, расскажите!

Я так люблю, когда рассказывают о путешествиях.

Лори, казалось, не знал, с чего начать, но заинтересованные вопросы Джо вскоре помогли ему, и он рассказал ей о том, как жил при школе в Веве, где мальчишки никогда не носили шляп и катались на лодках по озеру, а каникулы проводили, путешествуя пешком по Швейцарии со своими учителями.

– Как бы я хотела там пожить! – воскликнула Джо. – А в Париже вы были?

– Мы провели там всю прошлую зиму.

– И вы умеете говорить по-французски?

– В школе нам не разрешали говорить ни на каком другом языке.

– Скажите что-нибудь!

Я могу читать по-французски, но произносить не умею.

– Quel nom a cette jeune demoiselle en les pantoufles jolies? – сказал Лори добродушно.

– Как это у вас здорово выходит!

Дайте подумать... Вы сказали

«Кто эта молодая девушка в красивых туфлях», да?

– Oui, mademoiselle.

– Это моя сестра Маргарет. Вы знали, что это она?

Вы думаете, что она красивая?

– Да, она напомнила мне немецких девушек. Она такая приятная, спокойная и прекрасно танцует.

Джо даже зарумянилась от удовольствия, услышав эту похвалу сестре, и постаралась запомнить, чтобы потом повторить Мег.

Оба выглядывали из-за шторы, критиковали и просто болтали, пока не почувствовали себя как старые добрые знакомые.

Застенчивость Лори скоро прошла, так как мальчишеские манеры Джо забавляли его и позволяли ему держаться свободно, а Джо была опять такой же веселой, как всегда, ибо платье ее было забыто и никто не поднимал бровей в знак неудовольствия.

Внук мистера Лоренса нравился ей все больше, и она несколько раз внимательно взглянула на него, чтобы суметь потом подробно описать его сестрам. У них не было братьев и было очень мало кузенов, и потому мальчики являлись для них почти неведомыми существами.

«Вьющиеся черные волосы, смуглое лицо, большие черные глаза, правильный нос, ровные зубы, маленькие кисти рук и ступни, выше меня, очень вежливый и вообще славный малый.

Интересно, сколько ему лет?»

Вопрос уже вертелся у нее на кончике языка, но она вовремя спохватилась и с необычным для себя тактом попыталась выяснить это окольным путем.

– Вы, вероятно, готовитесь в университет?

Я видела, что вы корпите над книжками... о, то есть я хотела сказать, прилежно занимаетесь. – И Джо покраснела из-за этого ужасного «корпите», которое вырвалось так неожиданно.

Лори усмехнулся, но, казалось, не был обижен и ответил, пожав плечами:

– Через год или два, во всяком случае не раньше, чем мне исполнится семнадцать.

– Вам только пятнадцать? – спросила Джо, которая была уверена, что этому высокому юноше никак не может быть меньше семнадцати.

– Шестнадцать в следующем месяце.

– Как бы я хотела пойти в университет!

А вы, похоже, этому не рады.

– Терпеть не могу этих университетов!

Или зубрежка, или глупые развлечения.

Мне вообще не нравится, как юноши живут в этой стране.

– А как бы вы хотели жить?

– Я хотел бы жить в Италии и заниматься тем, чем мне нравится.

Джо очень хотелось спросить, чем именно ему нравится заниматься, но его черные брови сдвинулись так сурово, что она предпочла переменить тему и сказала, постукивая ногой в такт:

– Отличная полька!

Почему бы вам не пойти потанцевать?

– Только с вами, – ответил он с галантным полупоклоном.

– Не могу. Я обещала Мег, что не буду танцевать, потому что... – здесь Джо запнулась и взглянула на него в нерешительности, не зная, рассмеяться ей или продолжить.

– Почему? – спросил Лори с любопытством.

– Вы никому не скажете?

– Никогда!

– Понимаете, у меня скверная привычка стоять близко к огню, и поэтому я вечно подпаливаю платья, а это даже прожгла, и хотя оно аккуратно зачинено, все равно очень заметно, и Мег велела мне сидеть смирно, чтобы никто не увидел.

Можете смеяться, если хотите.

Это смешно, я знаю.

Но Лори не засмеялся; он на мгновение опустил взгляд, и выражение его лица озадачило Джо, когда он очень мягко сказал:

– Не беда, я скажу вам, как мы поступим: здесь рядом длинный зал, и мы можем великолепно потанцевать в конце его, и никто нас не увидит.

Пожалуйста, пойдемте.

Джо поблагодарила и охотно пошла, хотя, увидев красивые жемчужно-серые перчатки своего партнера, пожалела, что не обе ее перчатки чистые.

Длинный зал был пустым, а полька – великолепной. Лори танцевал очень хорошо и научил Джо новым немецким па, которые привели ее в восторг – столько в них было свободы и живости.

Когда музыка умолкла, они сели на ступенях лестницы, чтобы отдышаться. Лори увлеченно рассказывал ей о студенческих фестивалях в Гейдельберге, когда в зал в поисках сестры вошла Мег.

Она кивнула, и Джо неохотно последовала за ней в боковую комнату, где обнаружила ее на диване, бледную и держащуюся за щиколотку.

– Я вывихнула ногу.

Этот глупейший каблук подвернулся, и теперь мне так больно, что я едва могу стоять.

Не знаю, как я вообще доберусь до дома, – сказала она, раскачиваясь взад и вперед от боли.

– Я была уверена, что ты повредишь себе ноги в этих дурацких туфлях.

Вот несчастье!

Но я не знаю, что тут можно сделать, разве только нанять экипаж или остаться здесь на всю ночь, – ответила Джо, нежно растирая ногу сестры.

– Нанять экипаж стоит огромных денег.

К тому же, боюсь, нам не найти наемный экипаж, потому что большинство гостей приехали в собственных, а до ближайшей конюшни далеко и послать некого.

– Я сбегаю.

– Нет, ни в коем случае!

Уже десятый час, и на улице тьма египетская.

Но и здесь я остаться не могу: в доме полно гостей.

К Салли приехали несколько подруг.

Я отдохну, пока придет Ханна, а потом постараюсь встать.

– Я попрошу Лори, и он сбегает за экипажем, – сказала Джо с чувством облегчения, как только эта отличная идея пришла ей в голову.

– Помилуй, ни в коем случае!

И не проси никого, и не говори никому.

Дай мне мои галоши, а эти туфли положи к остальным нашим вещам.

Я не могу больше танцевать, но, как только ужин кончится, поищи Ханну и, когда она появится, тотчас дай мне знать.

– Все уже идут ужинать.

Я лучше останусь с тобой.

– Нет, дорогая, сбегай и принеси мне кофе.

Я так устала, мне с места не сдвинуться.

И Мег откинулась на спинку дивана, старательно закрыв галоши складками платья, а Джо неуверенно направилась на поиски столовой, в которой очутилась лишь после того, как сначала забрела в стенной шкаф с фарфором, а затем распахнула дверь комнаты, где подкреплялся в одиночестве мистер Гардинер.

Войдя в столовую, она бросилась к столу и завладела чашкой кофе, которую немедленно расплескала, сделав тем самым переднюю часть своего платья ничуть не лучше задней.

– Ну что я за растяпа! – воскликнула Джо, оттирая платье перчаткой Мег.

– Не могу ли я помочь вам? – раздался дружеский голос.

Это был Лори с полной чашкой кофе в одной руке и тарелкой мороженого в другой.

– Я хотела отнести что-нибудь Мег, она очень устала... но кто-то толкнул меня... и теперь я в таком отличном виде, – отвечала Джо, в ужасе переводя взгляд с пятна на юбке на перчатку цвета кофе.

– Сочувствую!

А я искал кого-нибудь, чтобы предложить вот это.

Можно я отнесу это вашей сестре?

– О, спасибо!

Я покажу вам, где она сидит.

Я не предлагаю отнести сама, потому что боюсь влипнуть в новые неприятности.

Джо указала путь, и Лори, так, словно он давно привык обслуживать дам, принес маленький столик, вторую порцию кофе и мороженого для Джо и был так любезен, что даже привередливая Мег объявила его «милым мальчиком».

Они приятно провели время за конфетами с девизами, и игра в «звонок», которой они занялись вместе с двумя-тремя молодыми людьми, случайно зашедшими в комнату, была в самом разгаре, когда появилась Ханна.

Мег забыла о своей ноге и проворно вскочила, но тут же схватилась за руку Джо, вскрикнув от боли.

– Тише!

Ничего не говори, – шепнула она, добавив вслух: – Ничего страшного.

Просто я слегка подвернула ногу, – и захромала вверх по лестнице, чтобы одеться.

Ханна ворчала, Мег плакала, а Джо была в полной растерянности, пока не решила взять дело в свои руки.

Выскользнув из гардеробной, она сбежала вниз, отыскала слугу и попросила его найти экипаж.

Но, к несчастью, это оказался нанятый на один вечер официант, который не знал, где находились ближайшие конюшни. Джо растерянно озиралась кругом, ища помощи, когда Лори, услышавший ее слова, подошел и предложил экипаж своего дедушки, который, по его словам, был только что прислан за ним.

– Но ведь еще так рано!

Вы, наверное, не собирались уезжать, – начала Джо с чувством облегчения, но все же не решаясь принять предложение.

– Я всегда уезжаю рано... всегда, правда!

Пожалуйста, позвольте мне отвезти вас домой.

Это по пути, вы же знаете... и, говорят, идет дождь.

Это обстоятельство оказалось решающим, и, рассказав ему о несчастье, постигшем Мег, Джо с благодарностью приняла предложение и бросилась наверх, чтобы доставить вниз остальную компанию.

Ханна, которая боялась дождя, как кошка, не стала возражать, и они покатали в роскошном закрытом экипаже, с ощущением праздничности и комфорта.

Чтобы Мег могла расположиться свободно и поднять ногу повыше, Лори сел на козлы, и по пути девочки без стеснения могли обсуждать события этого вечера.

– Я отлично провела время.

А ты? – спросила Джо, взъерошивая волосы и устраиваясь поудобнее.

– Да, пока не подвернула ногу.

Я понравилась Энни Моффат – это подруга Салли, – и она пригласила меня приехать к ней на недельку, когда у нее будет гостить Салли.

Салли собирается к ней весной, когда приедет оперная труппа. Это будет великолепно, если только мама позволит мне поехать, – ответила Мег, оживившись при этой мысли.

– Я видела, как ты танцевала с этим рыжим, от которого я убежала.

Он тебе понравился?

– О, очень!

И волосы у него совсем не рыжие, а каштановые. Он очень любезный, и я с большим удовольствием танцевала с ним рейдовак.

– Он выглядел как сумасшедший кузнецик, когда выделявал эти новые па.

Мы с Лори просто умирали от смеха.

Слышно было?

– Нет, но все равно это очень некрасиво.

Что вы делали все это время там, за шторой?

Джо принялась рассказывать о своих приключениях, и к тому времени, когда она закончила, экипаж подкатил к дому.

Рассыпавшись в благодарностях, они попрощались и тихонько вошли в дом, надеясь никого не побеспокоить, но, как только дверь их комнаты скрипнула, тут же появились два маленьких ночных чепчика и два сонных, но нетерпеливых голоса воскликнули:

– Расскажите о танцах!

Расскажите!

Проявив то, что Мег назвала «ужасной невоспитанностью», Джо ухитрилась припрятать несколько конфет для младших сестер; скоро, выслушав описание самых волнующих событий вечера, они были удовлетворены.

– У меня такое чувство, словно я элегантная юная леди, которая вернулась домой с танцев в своем экипаже и сидит в пеньюаре у зеркала, а вокруг хлопочет горничная, – сказала Мег, обращаясь к Джо, которая только что привязала ей на ногу компресс с арникой и теперь расчесывала ей волосы.

– Я уверена, что мы получаем от танцев ничуть не меньше удовольствия, чем элегантные юные леди, несмотря на наши подпаленные волосы, старые платья, испачканные перчатки и тесные туфли, в которых мы вывихиваем ноги, если у нас хватает глупости их надеть.

И я думаю, что Джо была совершенно права.

Глава 4 Ноши пилигримов

– Ах, как трудно снова поднять свою котомку и зашагать дальше, – вздохнула Мег на следующее утро после танцев. Праздники кончились, но неделя отдыха и веселья не прибавила ей желания взяться за работу, которую она никогда не любила.

– Хорошо бы все время было Рождество или Новый год!

Вот было бы весело, а? – отвечала Джо, свирепо зевая.

– Тогда мы не радовались бы праздникам так, как радуемся сейчас.

Но это так приятно – есть мороженое и получать букеты, ходить на танцы и возвращаться домой в экипаже, и читать, и отдыхать, и не работать.

Ведь живут так другие девочки. Я всегда им завидую. Я так люблю роскошь, – сказала Мег, одновременно пытаясь решить, какое из двух поношенных платьев менее поношенное.

– Ну, нам она недоступна, так что не будем роптать, а просто взвалим на плечи свою ношу и двинемся в утомительный путь так же радостно, как это делает мама.

Я думаю, что тетя Марч для меня – настоящий шейх моря из сказок «Тысяча и одна ночь», но, может быть, когда я научусь таскать ее на себе, не жалуясь, она свалится или сделается такой легкой, что я перестану ее замечать.

Эта мысль пришлась по вкусу Джо и привела ее в хорошее настроение, но Мег не развеселилась, ибо ее ноша, представлявшая собой четырех избалованных детей, казалась тяжелее, чем когда-либо.

У нее даже не достало духу, чтобы, как обычно, надеть на шею голубую ленточку и уложить волосы в свою самую любимую прическу.

– Какой смысл выглядеть привлекательно, когда никто меня не видит, кроме этих злых карликов, и никому и дела нет, красива я или некрасива? – пробормотала она, резким движением закрывая ящик комода. – Так я и буду убиваться на этой работе до конца моих дней, только изредка позволяя себе развлечься, и сделаюсь старой, некрасивой, угрюмой из-за того, что я бедна и не могу наслаждаться жизнью, как это делают другие девушки.

Как это обидно!

И Мег сошла вниз с оскорбленным видом и была совсем не приветливой за завтраком.

Да и все остальные, казалось, были не в духе и не прочь поворчать.

У Бесс болела голова, и она лежала на диване, пытаясь утешиться обществом кошки и трех котят; Эми злилась, потому что не сделала уроки и не могла найти свои галоши; Джо свистела и роняла все подряд, поднимая невероятный шум; миссис Марч была очень занята: она пыталась закончить письмо, которое необходимо было срочно отправить; а Ханна ходила мрачнее тучи, так как поздно ложиться спать было не в ее привычках.

– Второй такой злой семейки не найдешь! – воскликнула Джо, потеряв терпение, после того как опрокинула чернильный прибор, разорвала оба шнурка в ботинках и уселась на свою шляпу.

– А ты в ней самая злоющая! – ответила Эми, смывая совершенно неправильный ответ арифметической задачи слезами, которые капали на ее грифельную досочку.

– Бесс, если ты не будешь держать своих гадких кошек в подвале, мне придется их утопить! – с гневом воскликнула Мег, безуспешно пытаясь освободиться от котенка, который вскарабкался ей на спину и пристал там как смола, повиснув вне пределов досягаемости.

Джо смеялась, Мег негодовала, Бесс умоляла, Эми подвывала, так как не могла сообразить, сколько будет девятью двенадцать.

– Девочки, прошу вас, замолчите хоть на минуту!

Мне надо отправить это письмо с утренней почтой, а вы отвлекаете меня своей возней! – воскликнула миссис Марч, зачеркивая уже третье испорченное предложение в своем письме.

Наступило затишье, прерванное лишь Ханной, которая торжественно вошла, поставила на стол два свежее испеченных полукруглых пирожка и так же торжественно удалилась.

Для Джо и Мег стало традицией, отправляясь на работу, брать с собой эти пирожки, которые они называли «муфтами», так как настоящих муфт у них не было, а выходить из дома в холодную погоду с горячим свертком в руке было очень приятно.

Ханна, как бы занята или сердита она ни была, никогда не забывала испечь эти пирожки, ведь погода была холодной и ветреной, путь неблизким, а бедняжки не получали второго завтрака там, где работали, и редко возвращались домой раньше двух.

– Обнимайся со своими кошками, Бесс, и лечи головную боль.

До свидания, мама.

Мы были шайкой мерзавок в это утро, но вечером вернемся домой сущими ангелочками.

Пошли, Мег! – И Джо зашагала по дорожке, чувствуя, что пилигримы отправляются в путь отнюдь не так, как следовало бы.

Прежде чем свернуть за угол, они всегда оглядывались на родной дом, потому что мама обычно стояла у окна, кивая и улыбаясь, и махала им рукой.

Им казалось, что они не смогут прожить предстоящий день без этого прощания, и, в каком бы настроении они ни покидали дом, последнее мимолетное видение ласкового лица матери неизменно действовало на них, словно луч солнца.

– Если бы мама потрясла нам вслед кулаком, вместо того чтобы посылать воздушные поцелуи, то и поделом бы нам было, потому что более неблагодарных негодниц, чем мы, свет не видывал! – воскликнула Джо, испытывая мрачное, полное раскаяния удовлетворение от прогулки по снегу на пронизывающем ветру.

– Не употребляй таких ужасных выражений, – отозвалась Мег из глубин своей шали, в которую она закуталась, словно монахиня, смертельно уставшая от мира.

– Я люблю хорошие, сильные слова, которые что-то значат, – возразила Джо, судорожно хватаясь за шляпу, которая подпрыгнула у нее на голове, пытаюсь улететь совсем.

– Себя ты можешь называть как хочешь, но я не «мерзавка» и не «негодница» и не желаю, чтобы меня так называли.

– Ты разочарованное существо, а сегодня явно сердита из-за того, что не можешь окружить себя роскошью.

Но ничего! Подожди, бедняжка моя, вот сделаю карьеру, и тогда ты будешь наслаждаться экипажами, мороженым, туфлями на высоких каблуках, букетами и рыжими кавалерами для танцев.

– Какая ты смешная, Джо! – Но, посмеявшись над этой нелепой идеей, Мег почувствовала себя лучше.

– И хорошо, что смешная, а то, если бы я напускала на себя хандру и старалась быть такой же угрюмой, как ты, были бы мы сейчас в премилом виде.

К счастью, я всегда могу найти что-нибудь смешное, чтобы не падать духом.

И ты тоже не ворчи больше, а возвращайся домой веселой и будешь умницей.

Джо ободряюще похлопала сестру по плечу, и они расстались; каждая зашагала своей дорогой, каждая несла свой теплый пирожок, каждая старалась быть бодрой, несмотря на холодную ветреную погоду, предстоящую неприятную работу и неудовлетворенные желания жаждущей удовольствий юности.

Когда мистер Марч в попытке помочь неудачливому другу лишился своего состояния, старшие дочери попросили, чтобы им было позволено взяться за какую-нибудь работу, которая по меньшей мере обеспечивала бы их содержание.

Твердо веря, что никогда не рано развивать в детях энергию, трудолюбие и независимость, родители согласились, и обе девочки взялись за работу, преисполненные рвения, которое, какие бы ни встретились на пути препятствия, непременно ведет к успеху.

Маргарет нашла место гувернантки и теперь чувствовала себя богатой, получая скромное жалованье.

Как мы уже слышали, она «любила роскошь», и поэтому самым большим несчастьем для нее была

бедность, переносить которую ей было труднее, чем остальным, ибо она хорошо помнила то время, когда дом был красивым, жизнь – легкой и полной удовольствий, а нехватки и лишения – чем-то совершенно неизвестным.

Она старалась не завидовать и оставаться довольной, однако было вполне естественным, что она, как и любая молоденькая девушка, стремилась к красивым вещам, веселым друзьям, развитию собственных талантов и счастью.

В доме Кингов она каждый день наблюдала то, о чем мечтала, ибо старшие сестры ее воспитанников часто выезжали в свет и Мег не раз мельком видела прелестные бальные платья и букеты, слышала оживленные разговоры о театрах, концертах, катаниях на санях и всевозможных развлечениях, видела, как деньги бездумно тратятся на пустяки, которые были бы для нее настоящими драгоценностями.

Бедная Мег редко жаловалась, но сознание несправедливости порой вызывало в ее душе ожесточение против всех и каждого, так как она еще не научилась ценить те сокровища, которыми обладала, не сознавая, что им одним под силу сделать жизнь счастливой.

Что же касается Джо, то ей случилось приглянуться тете Марч, которая хромала и нуждалась в присутствии и помощи какого-нибудь энергичного человека.

Эта бездетная леди, сразу после того как на семью Марч обрушились несчастья, предлагала удочерить одну из девочек и была очень обижена тем, что ее предложение было отклонено.

Друзья предупреждали Марчей, что они потеряют всякую возможность получить что-либо в наследство от своей богатой пожилой родственницы, но эти «не от мира сего» Марчи только сказали в ответ:

«Мы не откажемся от наших девочек ни за какие сокровища в мире.

В богатстве или в бедности, но мы останемся вместе и найдем свое счастье друг в друге».

Старая леди некоторое время не желала даже разговаривать со своими строптивыми родственниками. Но однажды она случайно встретила Джо у знакомых, и что-то в забавном лице и простодушных манерах девочки пришлось ей по душе. В результате она предложила взять Джо в компаньонки.

Такая работа была совсем не по вкусу Джо, но она согласилась, так как ничего лучшего не подвернулось, и, ко всеобщему удивлению, замечательно поладила со своей обидчивой и раздражительной родственницей.

Правда, порой бывали и бури, а однажды Джо отправилась домой, заявив, что больше терпеть она не в силах, но тетя Марч была отходчива и послала за ней снова с такой настойчивой просьбой вернуться, что Джо, которой в глубине души нравилась вспыльчивая старая леди, не смогла ей отказать.

Впрочем, я подозреваю, что подлинной приманкой для Джо оказалась отличная большая библиотека, которая после смерти дяди Марча была предоставлена в распоряжение пыли и пауков.

Джо хорошо помнила доброго старика, который позволял ей строить дороги и мосты из своих огромных словарей, рассказывал удивительные истории о том, что было изображено на картинках в его латинских книгах, а каждый раз, встречая ее на улице, покупал ей в ближайшей лавке имбирную коврижку.

Темная пыльная комната с бюстами, вззирающими с высоких книжных шкафов, удобные кресла, глобусы и, самое главное, целые залежи книг, в которых можно было рыться сколько угодно, превращали библиотеку в настоящий рай в глазах Джо.

Стоило тете Марч задремать или заняться очередным гостем, как Джо спешила в это укромное место

и, свернувшись калачиком в удобном кресле, пожирала поэзию, романы, исторические книги, описания путешествий и иллюстрированные альбомы, словно настоящий книжный червь.

Но это счастье, как и всякое другое, длилось недолго, так как обычно в тот самый момент, когда она добиралась до самого захватывающего эпизода романа, самого прелестного стиха сонета или самого опасного приключения путешественников, до нее доносился пронзительный старческий голос, взывающий:

«Джозе-фина!

Джозе-фина!» – и ей приходилось покидать свой рай, чтобы разматывать пряжу, мыть пуделя или часами читать очерки Белшема.

Мечтой Джо было совершить что-нибудь замечательное; что именно, она пока не имела понятия, но надеялась, что это подскажет ей время. А пока она считала величайшим несчастьем своей жизни то обстоятельство, что не может читать, бегать и скакать верхом столько, сколько ей хочется.

Вспыльчивость, острый язык, беспокойный дух вечно навлекали на нее неприятности, и вся ее жизнь представляла собой непрерывную череду взлетов и падений, которые были одновременно и комическими, и трогательными.

Но работа в доме тети Марч была именно той жизненной школой, в которой нуждалась Джо, а мысль о том, что она сама зарабатывает себе на жизнь, делала ее счастливой, несмотря на вечное

«Джозе-фина!».

Бесс была слишком робкой, чтобы учиться вне дома; ее пытались посылать в школу, но она так страдала, что попытки пришлось оставить. Она занималась дома под руководством отца, и даже теперь, когда он ушел на войну, а мать посвятила всю свою энергию и умение деятельности Общества поддержки армии, Бесс продолжала добросовестно учить уроки и старалась изо всех сил.

Она была очень хозяйственным маленьким существом, помогала Ханне поддерживать в доме чистоту и порядок и при этом никогда не думала ни о какой иной награде, кроме любви.

Долгие спокойные дни проводила она без скуки и праздности, так как ее маленький мир был населен воображаемыми друзьями, а сама она по натуре была трудолюбива как пчелка.

У нее было шесть кукол, которых каждое утро нужно было разбудить и одеть, так как Бесс все еще оставалась ребенком и по-прежнему горячо любила своих подопечных.

Среди них не было ни одной целой или красивой; когда старшие сестры с возрастом переставали поклоняться этим идолам, Бесс принимала отверженных на свое попечение, ибо Эми не желала иметь ничего старого или некрасивого.

Но Бесс лелеяла их всех еще нежнее именно по этой причине и устроила настоящий приют для увечных кукол.

Никакие булавки не впивались в их тряпичные тела, никакие резкие слова или удары никогда не обрушивались на них, никакое невнимание со стороны хозяйки никогда не печалило сердце самой уродливой из них – все были одеты и накормлены, окружены заботой и осыпаны ласками с нежностью и любовью, которым не было конца.

Одна из таких отверженных представительниц кукольного рода прежде принадлежала Джо и на исходе своей бурной жизни оказалась в плачевном виде в мешке с лоскутками. Из этой мрачной богадельни бедняжка была спасена Бесс и поступила в ее приют.

У куклы не было верхней части головы, поэтому Бесс надела на нее аккуратную маленькую шапочку, а отсутствие рук и ног скрыла, завернув ее в одеяло, и предоставила этой неизлечимой больной

лучшую из кукольных кроваток.

Я думаю, что если бы кто-нибудь узнал о том, какой нежнейшей заботой была окружена эта кукла, это, несомненно, тронуло бы его сердце, пусть даже и вызвало бы улыбку.

Она приносила кукле букетики, читала ей вслух, выносила ее подышать свежим воздухом, спрятав под пальто на груди, пела ей колыбельные и никогда не ложилась спать без того, чтобы не поцеловать ее замаранное личико и не шепнуть ласково:

«Надеюсь, ты хорошо будешь спать в эту ночь, милая моя бедняжка».

У Бесс, так же как и у остальных, были свои огорчения, и, будучи не ангелом, но обычной девочкой, она часто «поплакивала», как выражалась Джо, из-за того, что не могла брать уроки музыки и играть на хорошем фортепьяно.

Она так глубоко любила музыку, так усердно училась, так терпеливо играла гаммы на позвякивающем старом инструменте, что, казалось, кто-то (без всякого намека на тетю Марч) должен был обратить на это внимание и прийти ей на помощь.

Никто, однако, не сделал этого, и никто не видел, как Бесс порой вытирала слезы с пожелтевших клавиш, когда из-под ее пальцев раздавались фальшивые звуки.

За работой она всегда распевала как птичка, никогда не отказывалась поиграть для матери и сестер и изо дня в день с надеждой повторяла себе:

«Я знаю, что получу хорошее фортепьяно, если буду хорошей».

Много есть таких Бесс на свете, робких, тихих, сидящих по своим уголкам и живущих для других так радостно, что никто не замечает их самопожертвования, пока маленький сверчок за печью не перестанет стрекотать и присутствие чего-то милого, солнечного не завершится, оставив за собой лишь тень и молчание.

Если бы кто-нибудь спросил Эми, что досаждал ей в жизни больше всего, она, ни минуты не раздумывая, ответила бы:

«Мой нос».

Когда она была младенцем, Джо случайно уронила ее в ведро с углем, и Эми упорствовала в том, что это падение навеки испортило ее нос.

Он не был ни большим, ни красным, а просто немного приплюснутым, но никакое усердное пощипывание не могло придать ему аристократическую форму.

Никто, кроме нее, не обращал на это внимания, и нос очень старался вырасти, но Эми глубоко переживала отсутствие греческого носа и покрывала целые листы бумаги изображениями прекрасных носов, чтобы утешиться.

«Маленький Рафаэль», как называли ее сестры, обладала явными способностями к рисованию. Больше всего она любила изображать цветы, придумывать и рисовать фей и иллюстрировать книжки необычными образчиками живописи.

Учителя жаловались, что, вместо того чтобы решать задачи, она рисовала на своей грифельной доске животных, на чистых страницах ее географического атласа появлялись копии карт, а карикатуры самого смехотворного свойства вылетали из ее учебников в самые неподходящие моменты.

Она справлялась с учебой как могла и умудрялась избегать замечаний благодаря своему образцовому поведению.

Одноклассницы любили ее за спокойный нрав и счастливый дар завоевывать симпатию без усилий, а присущая ей некоторая манерность даже вызывала большое восхищение, так же как и ее разнообразные таланты, включавшие, кроме умения рисовать, еще и умение играть двенадцать разных мелодий на фортепьяно, вышивать тамбуром и читать по-французски с неправильным произношением не более двух третей всех слов.

Она имела обыкновение жалобно сообщать:

«Когда папа был богат, мы делали то-то и то-то», что было очень трогательно, а ее «умные» слова, которые она так любила употреблять, были, по мнению прочих девочек, «совершенно изысканными».

Эми была на верном пути к тому, чтобы сделаться избалованной, так как все потакали ей и ее мелкое тщеславие и эгоизм росли как на дрожжах.

Впрочем, одно обстоятельство все же несколько умеряло ее самомнение: ей приходилось донашивать одежду двоюродной сестры.

А так как мама Флоренс не имела ни капли вкуса, то Эми глубоко страдала, надевая красную шляпку вместо синей, некрасивые платья и аляповатые переднички, которые к тому же были не впору.

Вся одежда была добротной, хорошо сшитой, мало ношенной, но Эми, с ее художественным вкусом, была в отчаянии, особенно в эту зиму, когда ее школьное платье оказалось мрачного темно-фиолетового цвета в желтую крапинку и без какой бы то ни было отделки.

– Единственное мое утешение, – со слезами на глазах говорила она Мег, – это то, что мама не подгибает подол моего платья в наказание за плохое поведение, как это делает мама Мэри Паркс.

Боже мой, это просто ужасно, потому что иногда она так плохо ведет себя, что платье лишь прикрывает колени и она не может пойти в школу.

Стоит мне подумать об этой дискриминации, как я чувствую, что могу вынести даже свой приплюснутый нос и фиолетовое платье с желтым фейерверком на нем.

Мег была доверенным лицом и наставницей Эми, а Джо по какому-то странному взаимному влечению противоположностей играла ту же роль в отношении кроткой Бесс, которая с одной лишь Джо делилась своими мыслями и которая неосознанно оказывала на свою порывистую сестру гораздо большее влияние, чем кто-либо иной в семье.

Старшие девочки были очень привязаны друг к другу, но каждая приняла на себя заботу об одной из младших и опекала ее на свой лад – это называлось у них «играть в мамочку». Тем самым они, повинуясь материнскому инстинкту маленьких женщин, поставили младших сестер на место забытых кукол.

– Расскажите что-нибудь интересное!

День был такой ужасный, что теперь мне до смерти хочется отвлечься, – сказала Мег, когда все четверо уселись за шитье в тот вечер.

– У меня сегодня вышла такая забавная история с тетей, и так как в результате я здорово выиграла, то расскажу вам, как это случилось, – начала Джо, которая страстно любила рассказывать. – Я опять читала ей этого бесконечного Белшема и бубнила без всякого выражения. Я так всегда делаю, чтобы она поскорее задремала и можно было достать какую-нибудь хорошую книжку и глотать страницу за страницей, пока она не проснется.

Но в этот раз я саму себя чуть не вогнала в сон, и, прежде чем она начала клевать носом, я зевнула во весь рот так, что она спросила меня, не собираюсь ли уж я проглотить всю книгу целиком.

«Жаль, что я не могу покончить с ней таким способом», – сказала я, стараясь не показаться дерзкой.

Тут она прочитала мне нудную проповедь о моих прегрешениях и велела посидеть и подумать о них, пока она на минуточку «забудется».

Но так как ей обычно нужно много времени, чтобы «вспомниться», то, как только ее чепец начал клониться, словно тяжелая далия на тонком стебле, я выхватила из кармана «Векфильдского священника» и принялась читать, но одним глазом косила на тетю.

Я дошла до того места, где все они свалились в воду, и тут не удержалась и расхохоталась.

Тетя проснулась, и так как, подремав, сделалась более добродушной, то велела мне немного почитать вслух, чтобы она могла узнать, какое пустое чтиво я предпочитаю достойному и поучительному Белшему.

Тут уж я постаралась, и тете явно понравилось, хотя она сказала только:

«Не пойму, о чем тут речь.

Начни сначала, детка».

И я начала с первой главы и постаралась изобразить Примрозов как можно интереснее.

А один раз я даже остановилась в каком-то захватывающем месте и спросила смиренно, но не без коварства:

«Боюсь, это чтение утомляет вас, мэм, может быть, не стоит читать дальше?»

Она подхватила вязанье, которое выпало у нее из рук, взглянула на меня сердито через очки и сказала, как всегда, коротко:

«Дочитывайте главу, мисс, и не дерзите».

– Она призналась, что ей понравилось? – спросила Мег.

– Ну что ты, конечно, нет!

Но она оставила в покое старика Белшема, а когда я собиралась домой и забежала назад за перчатками, она все сидела и так увлеклась «Векфильдским священником», что не слышала, как я смеялась и отплясывала джигу в передней от радости, что наступают хорошие времена.

Какой приятной она могла бы сделать свою жизнь, если бы только захотела!

Я не очень ей завидую, несмотря на все ее деньги, потому что, на мой взгляд, у богатых ничуть не меньше огорчений, чем у бедных, – заключила Джо.

– Твои слова напомнили мне, – сказала Мег, – что у меня тоже есть о чем рассказать.

Правда, это событие совсем не смешное в отличие от истории Джо, но я думала о нем всю дорогу домой.

Сегодня у Кингов все были в волнении, и одна из младших девочек сказала, что старший из их братьев сделал что-то ужасное и отец хочет прогнать его.

Я слышала, как миссис Кинг плакала, а мистер Кинг кричал, а Грейс и Элен отвернулись, когда столкнулись со мной в коридоре, чтобы я не увидела, какие у них заплаканные лица.

Я ни о чем, разумеется, не спрашивала, но мне было так жаль их, и я была рада, что у меня нет никаких распущенных братьев, которые позорили бы семью гадкими поступками.

– А я думаю, что оказаться опозоренной в школе гораздо мучительнее, чем быть скомпрометированной самым гадким поступком распущенного брата, – сказала Эми, покачив

головой, как особа, умудренная жизненным опытом. – Сузи Перкинс пришла сегодня в школу с прелестным колечком из красного сердолика.

Мне ужасно захотелось такое, и я всей душой жалела, что не могу оказаться на ее месте.

А потом она нарисовала на своей дощечке мистера Дэвиса с чудовищным носом и горбом на спине, а изо рта у него выходили слова «Я все вижу!».

И мы все смеялись над этой картинкой, когда вдруг оказалось, что он действительно «все видит», и он велел Сузи принести ему ее дощечку.

Она была паррилизována страхом, но подошла. И что, вы думаете, он сделал?

Он взял ее за ухо – за ухо! только вообразите! какой ужас! – вывел на помост у классной доски и велел полчаса стоять там с дощечкой в руках так, чтобы все могли видеть.

– И девочки не смеялись над картинкой? – спросила Джо, с удовольствием слушавшая эту историю.

– Смеялись?

Ни одна!

Все сидели тихо как мыши, а Сузи все глаза выплакала, я уверена, что выплакала.

И я больше ей не завидовала, так как чувствовала, что и миллион сердоликовых колечек не могли бы сделать меня счастливой после такого драматического инцидента. – И Эми продолжила свою работу с гордым сознанием как собственной добродетели, так и успешного произнесения двух трудных слов подряд без запинки.

– А я сегодня утром видела сценку, которая мне очень понравилась. Я собиралась рассказать вам о ней за обедом, но забыла, – сказала Бесс, не отрываясь от своего занятия – она приводила в порядок рабочую корзинку Джо, где все было перевернуто вверх дном. – Ханна послала меня в рыбную лавку за устрицами, а там был в это время мистер Лоренс, но он не видел меня, потому что я стояла за бочкой. Он беседовал с мистером Каттером, хозяином лавки.

Вдруг вошла какая-то бедная женщина с ведром и шваброй. Она спросила мистера Каттера, не позволит ли он ей вымыть полы за кусочек рыбы, потому что у нее нет обеда для детей и она не смогла найти сегодня никакой другой работы.

Мистер Каттер был очень занят и ответил «нет» довольно сердито. Она уже собралась уходить, и вид у нее был голодный и печальный, когда мистер Лоренс подцепил загнутым концом своей трости большую рыбу и подал ей.

Она так обрадовалась и удивилась, что схватила ее обеими руками и принялась без конца благодарить его.

А он велел ей пойти и сварить рыбу, и она торопливо ушла, такая счастливая!

Как он замечательно поступил!

И как смешно она прижимала к себе большую скользкую рыбу и желала мистеру Лоренсу «покойной постели» в небесах.

Отсмеявшись, девочки попросили мать тоже рассказать что-нибудь, и после минутного раздумья она начала очень серьезно:

– Сегодня я кроила синие фланелевые куртки и, работая, все время думала о папе и о том, как одиноки и беспомощны окажемся мы, если с ним что-нибудь случится.

Конечно, это было неразумно, но я продолжала думать и волноваться, пока не пришел старик с запиской, по которой он должен был получить одежду.

Он сел рядом со мной, и я заговорила с ним, потому что он показался мне бедным, усталым, встревоженным.

«У вас сын в армии?» – спросила я, потому что записка, которую он принес, была адресована не мне и я не знала, что там написано.

«Да, мэм.

Было четверо, но двое убиты, один – в плену, а я еду к четвертому, который тяжело ранен и лежит в госпитале в Вашингтоне», – ответил он спокойно.

«Как много вы отдали стране, сэр», – сказала я, чувствуя уже не жалость, а уважение.

«Ни крупницей больше, чем был должен, мэм.

Я пошел бы и сам, если б от меня мог быть какой-то прок; а так как я не иду, я отдаю моих мальчиков, и отдаю их, ничего не требуя взамен».

Он говорил так страстно, смотрел так искренне и, казалось, был так рад отдать все самое дорогое для него, что мне стало стыдно за себя.

Я отдала стране лишь одного человека и думала, что это много, а он отдал четверых и не жалел об этом.

У меня дома четыре дочки, в которых я могу найти свое утешение, а его последний сын где-то за много миль отсюда ждет его, чтобы, быть может, только сказать последнее прости!

И, думая о дарованных мне благах, я почувствовала себя такой богатой, такой счастливой, что вручила ему большую посылку, дала денег и сердечно поблагодарила за урок, который он преподавал мне.

– Расскажи еще что-нибудь, мама, и тоже с моралью.

Я люблю потом размышлять о твоих историях, если они настоящие и не слишком нравоучительные, – сказала Джо после минутного молчания.

Миссис Марч много лет рассказывала разные истории этой маленькой компании слушателей и знала, как угодить им. Она улыбнулась и начала так:

– Жили-были четыре девочки, у которых было вполне достаточно еды, питья и одежды, немало удовольствий и развлечений, добрые друзья и любящие родители, и все же эти девочки не были довольны. – Здесь слушательницы украдкой обменялись лукавыми взглядами и начали шить прилежнее. – Эти девочки очень хотели быть хорошими и принимали немало похвальных решений, но не слишком твердо их придерживались. Они постоянно говорили:

«Вот если бы у нас было это» или

«Вот если бы у нас было то», совершенно забывая, как много всего уже имеют и как много удовольствий им доступно.

Однажды они спросили одну добрую старушку, какое волшебство могло бы сделать их счастливыми, и та ответила им:

«Когда вы чувствуете, что недовольны своей судьбой, вспоминайте о дарованных вам радостях и будьте благодарны». (Здесь Джо быстро подняла глаза, словно хотела заговорить, но раздумала, видя, что рассказ не окончен.) Девочки были разумными и решили последовать совету старушки. Вскоре

они с удивлением увидели, что все пошло замечательно.

Одна из них обнаружила, что никакие деньги не могут уберечь дома богачей от позора и горя; другая узнала, что хотя она и бедна, но все же гораздо счастливее со своей юностью, здоровьем и бодростью, чем некая раздражительная и немощная старая леди, которая не может наслаждаться окружающими ее удобствами; третья поняла, что хоть и неприятно помогать готовить обед, но еще тяжелее, когда приходится выпрашивать его, а четвертая увидела, что даже сердоликовое кольцо не так ценно, как хорошее поведение.

Так что все девочки согласились перестать жаловаться. Они решили радоваться тем сокровищам, какими уже обладали, и стараться быть достойными их, чтобы Провидение не отняло их, вместо того чтобы умножить. И я точно знаю: эти девочки ни разу не пожалели, что последовали совету доброй старушки.

– Но, мама, это нечестно! Обратись против нас наши же истории и прочитай поучение вместо сказки!
– воскликнула Мег.

– Мне нравятся такие поучения.

Такие мы и от папы слышали, – заметила Бесс задумчиво, ровно втыкая иголки в подушечку Джо.

– Я жалуюсь меньше других, и я буду еще более осмотрительной впредь, так как трагедия Сузи послужила мне предостережением, – сказала Эми с добродетельным видом.

– Нам был нужен этот урок, и мы его не забудем.

Ну а если забудем, ты просто скажи нам, как старая Хлоя в «Хижине дяди Тома»:

«Думайте о ваших благах, дети!

Думайте о ваших благах!» – добавила Джо, которая, хоть убей, не могла удержаться и не обратить в шутку эту маленькую проповедь, хотя приняла ее смысл так же близко к сердцу, как и остальные.

Глава 5 По-соседски

Джо, скажи на милость, куда это ты отправляешься? – спросила Мег однажды холодным снежным днем, когда после обеда сестра в резиновых ботах, старом пальто и капоре, с метлой в одной руке и лопатой в другой, громко топая, прошла через переднюю.

– Иду на улицу размяться, – ответила Джо, задорно сверкнув глазами.

– Мне кажется, что двух долгих прогулок, на работу и обратно, вполне достаточно для одного дня!

Оставайся лучше, как я, дома, у камина. Здесь тепло и сухо, а на дворе сыро, холодно, мрачно, – сказала Мег с содроганием.

– Выслушай совет и поступи по-своему!

Не могу сидеть неподвижно целый день – я не кошка, чтобы дремать у огня.

Я люблю приключения и собираюсь их поискать.

Мег вернулась греть ноги у камина и читать «Айвенго», а Джо с огромной энергией принялась расчищать дорожки возле дома.

Снег был легким, и, решительно орудуя метлой, она вскоре расчистила дорожку вокруг сада, чтобы Бесс могла прогуляться по ней, когда выйдет солнце, а увечным куклам будет необходимо подышать свежим воздухом.

Сад отделял дом Марчей от дома мистера Лоренса.

Дома стояли на окраине большого города, напоминавшей своими рощами и лужайками, большими садами и тихими улочками сельскую местность.

Низкая живая изгородь разделяла владения соседей.

С одной стороны от нее стоял старый, потемневший от времени дом Марчей, который в зимнюю пору, когда побеги плюща не закрывали его стен, а под окнами не было цветов, казался голым и запущенным.

По другую сторону изгороди располагался величественный каменный особняк, где все – от большого каретного сарая и ухоженных газонов до оранжереи и видневшихся между богатыми занавесями в окнах красивых предметов обстановки – говорило о всевозможных удобствах и роскоши.

И все же этот великолепный дом выглядел унылым и безжизненным: на лужайках не резвились дети, не улыбалось в окне материнское лицо, и очень мало людей, кроме старого мистера Лоренса и его внука, входило в дом и выходило из него.

Для Джо, обладавшей живой фантазией, этот прекрасный особняк был чем-то вроде заколдованного дворца, полного сокровищ и источников наслаждения, которыми никто не пользовался.

Она давно мечтала увидеть это скрытое от посторонних глаз великолепие и поближе познакомиться с «внуком мистера Лоренса», который, казалось, и сам был не прочь завести знакомство с соседками, но только не знал, с чего начать.

После памятной вечеринки с танцами желание Джо стало еще сильнее, чем прежде, и она придумывала все новые способы подружиться с соседом; но в последние недели его совсем не было видно, и Джо уже начала бояться, что он уехал, когда однажды высмотрела в одном из окон второго этажа смуглое лицо со взглядом, печально устремленным в их сад, где Бесс и Эми играли в снежки.

«Этот мальчик страдает без друзей и развлечений, – сказала она себе. – Его дедушка просто не понимает, что полезно для внука, и держит его взаперти, а ему нужна компания веселых мальчишек, с которыми можно поиграть, или хотя бы присутствие кого-нибудь молодого и веселого.

И я твердо намерена когда-нибудь пойти и высказать мое мнение этому старому господину!»

Идея захватила Джо, которая любила дерзкие, смелые поступки и своим необычным поведением неизменно приводила в ужас благоразумную Мег.

Намерение «пойти и высказать» не было забыто, и в этот снежный день Джо решила предпринять первую попытку.

Она увидела, как отъехал от дома в экипаже мистер Лоренс, и вышла в сад, чтобы расчистить себе путь к изгороди. Там она остановилась и окинула взглядом особняк.

Все тихо – шторы в окнах нижнего этажа спущены, слуг не видно, и ни следа человеческого присутствия, кроме кудрявой черной головы, опущенной на худую руку, в окне второго этажа.

«Это он, – подумала Джо. – Бедняга!

Совсем один и больной в такой мрачный день.

Нехорошо!

Брошу-ка я снежок, чтобы он выглянул, и скажу ему доброе слово».

Горсть мягкого снега взлетела к окну – кудрявая голова мгновенно обернулась, и показалось лицо, сразу утратившее равнодушное выражение: большие глаза оживились, а губы растянулись в улыбке.

Джо кивнула, засмеялась и, помахав метлой, закричала:

– Как поживаешь?

Болеешь?

Лори открыл окно и прокаркал хрипло, словно ворон:

– Уже лучше, спасибо.

Сильно простудился, сидел дома целую неделю.

– Сочувствую.

А как развлекаешься?

– Никак.

Тоскливо тут, как в могиле.

– Читаешь?

– Немного.

Мне не позволяют.

– И некому почитать тебе вслух?

– Дедушка читает иногда, но мои книжки ему неинтересны, а все время обращаться с просьбами к мистеру Бруку мне не хочется.

– Тогда позови кого-нибудь в гости.

– Здесь нет никого, кого мне хотелось бы видеть.

Мальчишки вечно поднимают ужасный гвалт, а я все еще чувствую слабость.

– А разве нет какой-нибудь славной девчонки, которая могла бы прийти, чтобы почитать вслух и развлечь тебя?

Девочки обычно тихие и милые. Они любят играть в сиделок.

– Да я ни одной не знаю.

– Ты знаешь нас, – начала было Джо, но тут же рассмеялась и умолкла.

– В самом деле!

Приходи, пожалуйста! – крикнул Лори.

– Я, конечно, не тихая и не милая, но я приду, если мама позволит.

Сейчас спрошу у нее.

Будь умницей, закрой окно и жди, пока я приду.

С этими словами Джо забросила метлу на плечо и зашагала к своему дому, думая о том, что скажут мать и сестры.

Мысль о возможности обрести новое общество привела Лори в приятное возбуждение, и он носился по комнате в последних приготовлениях к ожидаемому визиту. Как справедливо отметила миссис Марч, он был настоящий юный джентльмен и поэтому в знак уважения к госте причесал свою

взлохмаченную кудрявую голову, надел свежий воротничок и попытался прибрать в комнате, которая, несмотря на присутствие в доме полудюжины слуг, была отнюдь не опрятной.

Наконец послышался громкий звонок, а затем решительный голос, спросивший мистера Лори, и удивленный слуга бегом поднялся по лестнице, чтобы объявить о визите молодой леди.

– Отлично, проведите ее сюда, это мисс Джо, – сказал Лори, подходя к двери своей маленькой гостиной, чтобы встретить гостью, которая вскоре появилась – румяная, веселая, совершенно непринужденная; в одной руке она держала накрытое блюдо, а на другой висели трое котят Бесс.

– Вот и я, со всеми пожитками, – заговорила она оживленно. – Мама велела передать привет и сказала, что будет рада, если я чем-нибудь смогу помочь тебе.

Мег захотела, чтобы я отнесла тебе ее бланманже, оно у нее неплохо получается, а Бесс решила, что ее котята принесут тебе облегчение.

Я знала, что ты над этим посмеешься, но не смогла отказать – она так хотела что-нибудь сделать для тебя.

Забавная посылка Бесс оказалась наилучшим средством для завязывания знакомства: посмеявшись над котятами, Лори забыл свою застенчивость и сразу стал общительным.

– Пожалуй, это слишком красиво, чтобы есть, – сказал он, довольно улыбаясь, когда Джо открыла блюдо и показала ему бланманже, окруженное гирляндой зеленых листиков и алых цветов любимой герани Эми.

– Ничего особенного, просто у всех были самые дружеские чувства и все хотели это показать.

Скажи горничной, путь унесет и оставит это тебе к чаю.

Бланманже не тяжелое для желудка, так что и больным его есть можно, и к тому же оно мягкое – запросто проскочит и не повредит твоему больному горлу... Какая уютная комната!

– Была бы уютной, если бы здесь убрали как следует, но горничные ничего не хотят делать, а я не знаю, как заставить их следить за порядком.

Хотя это меня не очень волнует.

– Я в две минуты все исправлю; нужно только вынести из камина... вот так... поставить все ровно на каминной полке... так... книжки положить сюда, а бутылочки с лекарствами сюда... твой диван отвернуть от света, а подушки немного взбить.

Ну вот, все в порядке.

Так оно и было: не переставая говорить и смеяться, Джо быстро рассовала вещи по местам, чем придала комнате совершенно новый вид.

Лори наблюдал за ее действиями в почтительном молчании, а когда она указала ему на диван, он сел со вздохом удовлетворения и сказал с благодарностью в голосе:

– Ты очень добра!

Спасибо. Это именно то, что было нужно сделать в этой комнате.

А теперь, пожалуйста, садись в то большое кресло и позволь мне как хозяину чем-нибудь развлечь мою гостью.

– Ну нет, это я пришла развлечь тебя.

Хочешь, почитаю вслух? – И Джо бросила нежный взгляд на несколько заманчивых книжек, лежавших поблизости.

– Спасибо!

Я уже все их читал, и, если ты не против, давай лучше поболтаем, – ответил Лори.

– Я ничуть не против.

Я могу болтать весь день, если только меня завести.

Бесс говорит, что я не знаю, где остановиться.

– Бесс – это та румяная, которая все время дома и только иногда выходит с маленькой корзинкой? – с любопытством спросил Лори.

– Да, это Бесс.

Она моя девочка, и очень славная к тому же.

– Красивая – это Мег, а кудрявая – Эми, кажется, так?

– Как ты узнал?

Лори покраснел, но ответил совершенно честно:

– Видишь ли, я часто сижу здесь наверху в одиночестве и слышу, как вы зовете друг друга, и не могу удержаться, чтобы не посмотреть на ваш дом. Вы, кажется, всегда так весело проводите время.

Я должен попросить прощения за дерзость, но иногда вы забываете опустить шторы в окне, где растут цветы, и, когда лампы зажжены, словно смотришь на картину: камин и все вы вокруг стола с вашей мамой; ее лицо прямо напротив, и оно такое милое в окружении цветов, что я не могу не смотреть.

Понимаешь, у меня нет мамы. – И Лори помешал кочергой в камине, чтобы скрыть невольную дрожь губ, с которой не мог справиться.

Унылый, страдальческий взгляд его черных глаз проник прямо в отзывчивое сердце Джо.

Ее так просто воспитывали, что в пятнадцать лет она была бесхитростной и простодушной как дитя.

Лори был болен и одинок, и, чувствуя себя богатой домашней любовью и счастьем, она с готовностью попыталась поделиться с ним этими сокровищами.

Выражение ее лица было самым дружеским, а резкий голос приобрел необычную мягкость, когда она сказала:

– Мы больше не будем занавешивать это окно, и можешь смотреть сколько хочешь.

Только лучше бы ты пришел к нам в гости, вместо того чтобы подглядывать.

Мама – просто прелесть, и тебе было бы очень полезно познакомиться с ней. А Бесс спела бы для тебя, если бы я ее попросила, а Эми станцевала бы.

А мы с Мег показали бы тебе наш забавный театральный реквизит и декорации, и все вместе отлично провели бы время.

Как ты думаешь, твой дедушка отпустит тебя?

– Думаю, что да, если твоя мама попросит его об этом.

Он очень добрый, хоть и суровый на вид; он часто позволяет мне делать то, что я хочу, но только

боится, что я могу причинить много хлопот чужим людям, – начал Лори, все больше оживляясь.

– Мы не чужие, а соседи, и даже не думай, будто причинишь нам какие-то хлопоты.

Мы сами очень хотим подружиться с тобой, и я давно пыталась завязать знакомство.

Мы живем здесь не так давно, но уже знаем всех соседей, кроме вас.

– Понимаешь, дедушка живет среди своих книг, его не очень волнует, что происходит вокруг.

Мистер Брук, мой учитель, не живет в нашем доме постоянно, так что мне часто не с кем погулять и я остаюсь дома и развлекаюсь как могу.

– Очень плохо.

Тебе надо бы сделать усилие над собой и начать ходить всюду, куда тебя приглашают. Тогда у тебя будет много друзей, и в их домах ты сможешь приятно провести время.

Ничего, что ты застенчивый.

Это скоро пройдет, когда ты начнешь ходить в гости.

Лори снова покраснел, но не обиделся на это обвинение в застенчивости. В тоне Джо было столько доброжелательности, что было невозможно превратно истолковать ее откровенные речи.

– Тебе нравится школа, где ты учишься? – спросил мальчик, меняя тему разговора, после небольшой паузы, во время которой он неотрывно смотрел на огонь, а Джо с большим удовольствием разглядывала комнату.

– Я не хожу в школу – я работаю.

Ухаживаю за моей двоюродной бабушкой и должна признаться, что старушка она пресердитая, – отвечала Джо.

Лори раскрыл было рот, чтобы задать новый вопрос, но, вовремя вспомнив, что неприлично слишком интересоваться чужими делами, снова закрыл его с неловким видом.

Джо оценила его тактичность, но была не прочь посмеяться над тетей Марч и живо описала ему суетливую старую леди, ее жирного пуделя, попугая, говорящего по-испански, и библиотеку, где она, Джо, наслаждается отличными книгами.

Все это необыкновенно позабавило Лори, а когда она рассказала о том, как однажды к тете Марч приходил свататься некий церемонный старый господин и как, к его великому ужасу, во время его изысканнейшей речи попугай сорвал с бедняги парик, мальчик упал на диван и хохотал до слез – так, что горничная заглянула в дверь, чтобы посмотреть, в чем дело.

– О!

Мне невероятно полезно посмеяться.

Пожалуйста, расскажи еще! – воскликнул он, отрывая лицо от диванной подушки, красный и сияющий улыбкой.

Окрыленная успехом, Джо «рассказала еще» – об их пьесах и планах, надеждах и опасениях за отца, о самых интересных событиях маленького мира, в котором жили четыре сестры.

Потом разговор зашел о книгах, и, к своему восторгу, Джо обнаружила, что Лори тоже любит читать и прочел даже больше, чем она.

– Если ты так любишь книги, пойдем вниз, и ты увидишь нашу библиотеку.

Дедушки нет, так что тебе нечего бояться, – сказал Лори, вставая.

– Я ничего не боюсь, – ответила Джо, встряхнув головой.

– Да уж вижу! – воскликнул мальчик, глядя на нее с восхищением, хотя в глубине души был уверен, что у Джо, несомненно, появились бы веские основания немного побаиваться старого мистера Лоренса, если бы она встретила его, когда тот был не в духе.

Во всем доме было тепло, как летом; Лори вел Джо из комнаты в комнату, позволяя ей останавливаться и разглядывать все, что поражало ее воображение, и так наконец они добрались до библиотеки, где Джо сцепила руки и затанцевала, что она делала всегда, когда приходила в особенный восторг.

Вдоль стен тянулись огромные книжные шкафы, здесь были и картины, и статуи, и вызывающие любопытство маленькие шкафчики с монетами и антикварными вещами, и удобные глубокие кресла, и забавные столики, и бронзовые канделябры, и – самое великолепное – открытый очаг, выложенный затейливыми изразцами.

– Какая роскошь! – вздохнула Джо, ныряя в глубины бархатного кресла и оглядываясь кругом с видом огромного удовлетворения.

Потом добавила: – Теодор Лоренс, вы, должно быть, самый счастливый мальчик на свете!

– Человек не может жить одними книгами, – сказал Лори, покачав головой, и взгромоздился на стол напротив Джо.

Это было все, что он успел сказать. Зазвонил колокольчик, и Джо вскочила, воскликнув с тревогой:

– Боже мой!

Это твой дедушка!

– Ну так что же?

Ведь ты ничего не боишься, – возразил мальчик, лукаво взглянув на нее.

– Похоже, я все-таки немного боюсь его, хотя не знаю почему.

Мама разрешила мне прийти, и я думаю, что тебе от этого не было вреда, – сказала Джо, овладев собой, хотя и продолжала с беспокойством поглядывать на дверь.

– Мне это даже очень полезно, и я тебе от души признателен.

Боюсь только, ты устала от наших долгих разговоров, но мне было так приятно, что хотелось говорить и слушать без конца, – сказал Лори с благодарностью.

– К вам доктор, – сказала горничная, поманив Лори рукой.

– Извини, но мне придется покинуть тебя на минутку.

Я думаю, что должен выйти к нему, – сказал Лори.

– Не волнуйся за меня.

В таком месте я скучать не буду, – отвечала Джо.

Лори вышел, а его гостя приятно провела время в обществе книг и картин.

В тот момент, когда дверь снова открылась, Джо стояла перед великолепным портретом старого мистера Лоренса. Не оборачиваясь, она решительно заявила:

– Теперь я уверена, что мне нечего бояться твоего дедушки. У него добрые глаза, хотя рот очень суровый и, судя по его виду, воля у него громадная.

Он не такой красивый, как мой дедушка, но очень мне нравится.

– Спасибо, мэм, – раздался у нее за спиной грубоватый голос. Она обернулась и, к своему великому ужасу, увидела стоящего в дверях старого мистера Лоренса.

Бедная Джо покраснела так, что покраснеть сильнее было уже невозможно, и сердце ее забилось неприятно быстро, когда она подумала о том, что сказала.

На мгновение ее охватило отчаянное желание убежать, но это было бы трусостью и сестры дома стали бы смеяться над ней; поэтому она решила остаться и постараться выбраться из этой неприятной ситуации.

Взглянув внимательнее, она увидела, что живые глаза под лохматыми седыми бровями были еще более добрыми, чем на портрете, и был в них лукавый огонек, который значительно умерил ее страхи.

Но грубый голос звучал еще грубее, чем прежде, когда после пугающей паузы старик сказал резко:

– Значит, вы не боитесь меня, мисс, так?

– Не очень, сэр.

– И думаете, что я не такой красивый, как ваш дедушка?

– Не совсем, сэр.

– И у меня громадная воля, так?

– Я только сказала, что я так думаю.

– Но я вам нравлюсь, несмотря на все это?

– Да, сэр.

Ответ доставил удовольствие старику, он коротко рассмеялся, пожал ей руку, а потом, чуть приподняв пальцем ее подбородок, серьезно взглянул ей в лицо и опустил руку, сказав с легким кивком:

– У тебя характер твоего дедушки, хоть лицом ты на него не похожа.

Он был замечательным человеком, дорогая моя, и что еще важнее – он был храбрым и честным, и я горжусь, что был его другом.

– Спасибо, сэр. – Теперь Джо чувствовала себя уверенно, так как сказанное стариком совпадало с ее собственным мнением.

– А что ты делала здесь, у моего мальчишки, а? – прозвучал следующий резко поставленный вопрос.

– Просто пыталась поступить по-соседски. – И Джо рассказала о том, что привело к ее визиту.

– Значит, ты считаешь, что его надо немного подбодрить и развлечь?

– Да, сэр. Мне кажется, что ему одиноко и общество ровесников принесло бы ему пользу.

Конечно, мы не мальчишки, а девочки, но были бы рады помочь, чем можем, потому что мы не забыли о вашем замечательном рождественском подарке.

– Ну-ну, не будем об этом!

Это все дело рук моего мальчишки.

Кстати, как там эта бедная женщина с ребяташками?

– Неплохо, сэр. – И Джо продолжила, скороговоркой сообщив все, что знала о Хаммелях, судьбой которых ее мать сумела заинтересовать друзей, более богатых, чем они сами.

– Так всегда делал добро ее отец.

На днях непременно схожу повидать твою мать.

Скажи ей об этом.

А вот и к чаю звонят. Мы сейчас пьем чай рано из-за болезни мальчика.

Пойдем, и продолжай «действовать по-соседски».

– Если вы этого хотите, сэр.

– Не просил бы, если б не хотел. – И мистер Лоренс со старомодной галантностью предложил ей руку.

«Что скажет об этом Мег?» – подумала Джо, шагая рядом с ним, а в глазах ее заплясали веселые огоньки, когда она представила, как рассказывает об этом дома.

– Эге!

Что за черт вселился в этого парня? – воскликнул старик, когда Лори сбежал вниз по лестнице и резко остановился, пораженный неожиданным зрелищем – Джо под руку с его грозным дедушкой.

– Я не знал, что вы вернулись, сэр, – начал он, когда Джо бросила на него торжествующий взгляд.

– Это очевидно, если судить по тому, с каким грохотом ты слетел вниз по лестнице.

Идемте пить чай, сэр, и ведите себя как подобает джентльмену. – И, ласково потрепав мальчика за волосы, мистер Лоренс проследовал в столовую, в то время как Лори за его спиной прошел через целую серию комических превращений, которые едва не вызвали у Джо взрыв смеха.

Старик мало говорил, пока пил свои четыре чашки чая. Но он внимательно наблюдал за молодыми людьми, которые вскоре уже болтали как старые друзья, и от его внимания не ускользнула перемена, происшедшая с внуком.

В лице мальчика были теперь краски, свет, жизнь, в манерах – живость, а в смехе – непритворное веселье.

«Она права, мальчику одиноко.

Посмотрим, чем могут помочь ему эти девочки», – думал мистер Лоренс, слушая и наблюдая.

Ему понравилась Джо, так как ее немного странная прямота была ему близка и понятна, к тому же эта девочка, казалось, понимала Лори так хорошо, как если бы сама была мальчишкой.

Окажись Лоренсы из тех, кого Джо называла «тупые и чопорные», она не сумела бы завоевать их расположение, так как в обществе подобных людей всегда оказывалась робкой и неуклюжей, но, найдя их свободными и естественными, она стала такой сама и потому произвела хорошее впечатление.

Когда все поднялись из-за стола, она собралась уходить, но Лори сказал, что хочет еще кое-что показать ей, и повел ее в оранжерею, где по такому случаю было включено освещение.

Оранжерея показалась Джо сказочной страной: она прогуливалась туда и сюда по длинным проходам, восхищаясь цветущими зелеными стенами с обеих сторон, мягким светом, влажным сладким воздухом, удивительными ползучими растениями и высокими деревьями, склонявшимися над ее

головой, а в это время ее новый друг срезал для нее красивейшие цветы, пока в руках его не оказалась целая душистая охапка; тогда он перевязал букет лентой и сказал, сияя счастливой улыбкой, которую так приятно было видеть Джо:

– Пожалуйста, передай это твоей маме и скажи ей, что мне очень понравилось лекарство, которое она мне прислала.

Вернувшись в дом, они застали мистера Лоренса в большой гостиной, где он стоял перед камином, но внимание Джо сразу привлёк раскрытый рояль.

– Ты играешь? – с уважением спросила она, оборачиваясь к Лори.

– Немного, – ответил он скромно.

– Поиграй, пожалуйста.

Я хочу послушать, чтобы потом рассказать Бесс.

– Не хочешь ли попробовать первая?

– Не умею.

Слишком тупа, чтобы выучиться, но музыку люблю страстно.

Лори сел за рояль и заиграл, а Джо слушала, с наслаждением зарывшись носом в пахучие гелиотропы и розы.

Ее уважение и дружеское расположение к внуку мистера Лоренса еще больше возросло, так как играл он замечательно и нисколько не задавался из-за этого.

Она пожалела, что Бесс не слышит его игру, но не сказала об этом вслух, а только принялась так хвалить его, что он совершенно смутился и дедушка пришел ему на помощь:

– Хватит, хватит, моя юная леди.

Слишком много лести. Это ему вредно.

Играет он неплохо, но я надеюсь, что он сумеет добиться таких же успехов и в более важных делах.

Уходишь? Ну, я весьма тебе обязан и надеюсь, что ты придешь к нам еще не раз.

Мое почтение вашей матушке.

Доброй ночи, доктор Джо.

Он ласково пожал ей руку, но все же ей показалось, будто он был чем-то недоволен, и, выйдя в переднюю вдвоем с Лори, она спросила, не сказала ли, сама того не зная, что-нибудь некстати.

Лори покачал головой:

– Нет, это я виноват, он не любит слушать, когда я играю.

– Почему?

– Я потом тебе расскажу.

Мистер Брук проводит тебя домой – мне еще нельзя выходить.

– Это лишнее.

Я не барышня, и потом здесь всего два шага.

Поправляйся!

– Хорошо. Но ты придешь еще, я надеюсь?

– Если ты обещаешь навестить нас, когда поправишься.

– Обещаю.

– Доброй ночи, Лори!

– Доброй ночи, Джо, доброй ночи!

Выслушав рассказ Джо о событиях этого вечера, все семейство Марч в полном составе пожелало посетить соседей, так как и мать, и каждая из девочек нашли что-нибудь очень заманчивое для себя в большом доме по другую сторону изгороди.

Миссис Марч хотела поговорить о своем отце со старым человеком, который хорошо помнил его, Мег желала прогуляться по оранжерее, Бесс вздыхала о рояле, а Эми мечтала увидеть картины и статуи.

– Мама, а почему мистеру Лоренсу не нравится, что Лори играет? – спросила Джо, которая была очень любопытной по характеру.

– Точно не знаю, но думаю, потому, что его сын, отец Лори, женился на итальянке, музыкантше, которая не нравилась гордому старику.

Девушка была и доброй, и милой, и талантливой, но ему она не нравилась, и он перестал встречаться с сыном после его женитьбы.

Лори был еще совсем маленьким, когда умерли его родители, и дедушка взял его к себе.

Я полагаю, что мальчик, который родился в Италии, в мягком климате, не очень крепок здоровьем. Старик боится потерять внука и от этого так дрожит над ним.

Лори очень похож на свою мать и, вероятно, унаследовал от нее любовь к музыке. Как я полагаю, дедушка боится, что внук захочет стать музыкантом.

Во всяком случае, способности мальчика к музыке напоминают мистеру Лоренсу о женщине, которая ему не нравилась, поэтому-то он и «мрачнеет», как ты выражаешься, Джо.

– Ах, как это романтично! – воскликнула Мег.

– Как это глупо! – сказала Джо. – И пусть станет музыкантом, если хочет, и нечего мучить его учебой в университете, если он эти университеты терпеть не может.

– Теперь я понимаю, откуда у него такие красивые черные глаза и приятные манеры.

Итальянцы вообще очень привлекательны, – заметила Мег, которая была немного сентиментальна.

– Что ты знаешь о его глазах и манерах?

Ты с ним даже ни разу не говорила, – возразила Джо, которая ни чуточки не была сентиментальной.

– Я видела его на танцах, а из твоих слов можно заключить, что он умеет себя вести.

Как это мило он сказал о лекарстве, которое ему послала мама!

– Он, наверное, имел в виду твоё бланманже.

– О, как ты глупа!

Он конечно же имел в виду тебя.

– Да что ты говоришь? – И Джо широко раскрыла глаза, такое никак не могло прийти ей в голову.

– В жизни не видела такой девушки!

Не понимает, что ей сделали комплимент! – воскликнула Мег с видом многоопытной юной особы, которой известно все об этом предмете.

– Я считаю, что все эти комплименты – полнейшая чепуха, и буду тебе очень благодарна, если ты не станешь своими домыслами портить мне все удовольствие.

Лори – отличный парень; мне он нравится, и я не хочу слышать никакой сентиментальной ахинеи насчет комплиментов и прочих глупостей.

Мы все будем добры к нему, потому что у него нет мамы. Ведь он может прийти к нам в гости, правда, мама?

– Конечно, Джо, мы все будем рады видеть твоего нового друга, и надеюсь, Мег не будет забывать, что дети должны оставаться детьми столько, сколько могут.

– Я не называю себя ребенком, хотя мне еще только двенадцать, – заметила Эми. – А что ты думаешь, Бесс?

– Я думаю о нашей игре в пилигримов, – ответила Бесс, не слышавшая ни слова из этого разговора. – Решив быть хорошими, мы выбрались из Пучины Отчаяния и с усердием поднимаемся вверх на крутой холм, а там нас, быть может, ожидает дом, полный радостей и чудес, и он станет нашим Прекрасным Дворцом.

– Но сначала нам придется пройти мимо грозных львов, – сказала Джо таким тоном, словно ее очень радовала эта перспектива.

Глава 6 Бесс находит Прекрасный Дворец

Особняк за изгородью и в самом деле оказался Прекрасным Дворцом, хотя попали они туда не сразу, а необходимость пройти мимо «львов», самым грозным из которых был старый мистер Лоренс, явилась тяжелым испытанием для робкой Бесс. Впрочем, никто, кроме нее, уже не боялся строгого старика, после того как он посетил их и сказал что-нибудь доброе или забавное каждой из девочек и побеседовал о прежних временах с их матерью.

Другим стоящим на пути «львом» могло считаться то обстоятельство, что они бедны, а Лори богат, в силу чего сначала они не решались принимать любезности и одолжения, на которые не могли ответить тем же.

Но через некоторое время стало ясно, что это он считает их своими благодетельницами и не знает, что еще можно сделать, чтобы выразить глубокую признательность за материнское гостеприимство миссис Марч, за приятное общество девочек, за утешение и поддержку, которые он находил в их скромном доме.

Так что скоро они забыли о своей гордости и обменивались услугами, не задумываясь, кто у кого в долгу.

Немало приятного для всех случилось в это время, когда новая дружба росла не по дням, а по часам.

Всем нравился Лори, а сам он по секрету сообщил своему наставнику, мистеру Бруку, что соседки «по-настоящему замечательные девочки».

С восторженным энтузиазмом юности они приняли одинокого мальчика в свой круг и уделяли ему много внимания, и он находил очаровательным общество этих наивных, простодушных девочек.

Никогда не знавший матери или сестер, Лори быстро почувствовал влияние своих новых знакомых, а их неизменная занятость и деловитость заставили его устыдиться праздной жизни, которую он вел.

Он успел устать от книг и теперь находил общение с живыми людьми таким интересным, что мистер Брук был вынужден представить мистеру Лоренсу крайне неблагоприятные отзывы о достижениях своего ученика, так как Лори все время прогуливал уроки и убегал к Марчам.

– Ничего, пусть отдохнет, потом все наверстает, – отвечал старик. – Наша добрая соседка говорит, что он слишком утомлен учебой и ему нужно общество юных, развлечения, прогулки, и я подозреваю, что она права и я сыграл тут роль бабушки, занявчив мальчишку.

Пусть делает что хочет, лишь бы был счастлив.

С ним не случится ничего плохого в этом маленьком женском монастыре по соседству, а миссис Марч влияет на него гораздо сильнее, чем можем повлиять мы.

И будьте уверены, все они отлично проводили время!

Какие игры и живые картины, какие прогулки на санях и катания на коньках, какие приятные вечера в старой гостиной дома Марчей, а порой еще и веселые праздники в особняке Лоренсов!

Мег могла гулять в оранжерее когда ей вздумается и радовать себя прекрасными букетами, ненасытная Джо паслась в новой для нее библиотеке и потрясала старого мистера Лоренса своими критическими замечаниями в адрес различных писателей, Эми копировала картины и наслаждалась красотой обстановки сколько душе угодно, а Лори играл роль «владельца поместья» самым восхитительным образом.

Но Бесс, хотя и стремилась увидеть и услышать прекрасный рояль, никак не могла набраться храбрости, чтобы отправиться в

«Обитель Блаженства», как называла соседский особняк Мег.

Однажды она пошла туда вместе с Джо, но мистер Лоренс, не зная о ее необыкновенной робости, очень сурово взглянул на нее из-под нависших бровей и громко сказал

«Хм!», чем так напугал бедняжку, что у нее, как призналась она потом матери, «задрожали колени», и она убежала, объявив дома, что никогда больше не пойдет к соседям, даже ради чудесного фортепьяно.

Ни уговоры, ни заманчивые обещания не могли заставить ее преодолеть страх, пока весть об этом неким таинственным образом не дошла до ушей мистера Лоренса, который решил поправить дело.

Во время одного из своих кратких визитов в дом Марчей он, незаметно переведя беседу на музыкальные темы, заговорил о великих певцах, которых видел на сцене, и замечательных органах, которые слышал, и рассказал такие увлекательные истории из жизни музыкантов, что даже для Бесс оказалось невозможным оставаться в своем дальнем уголке. Она как зачарованная подходила все ближе и ближе к рассказчику.

За спинкой его кресла она остановилась и замерла, слушая с широко раскрытыми глазами и возбужденно пылающими щеками.

Обратив на нее не больше внимания, чем если бы она была мухой, мистер Лоренс заговорил об учебе и учителях Лори и через минуту, так, словно эта мысль только что пришла ему в голову, сказал миссис Марч:

– Мальчик забросил сейчас свои занятия музыкой, и я даже рад этому, боюсь, он слишком увлекался ею.

Но для рояля вредно стоять без употребления.

Может быть, кто-нибудь из ваших девочек захочет иногда забежать к нам и поиграть, просто для того, чтобы рояль оставался настроенным, – вы ведь понимаете, мэм?

Бесс шагнула вперед и крепко сжала руки, чтобы не захлопать в ладоши; это предложение оказалось непреодолимым искушением для нее, и при мысли о том, что можно будет играть на замечательном инструменте, у нее перехватило дыхание.

Прежде чем миссис Марч ответила, мистер Лоренс, странно кивнув, продолжил с улыбкой:

– И нет необходимости спрашивать разрешения или говорить с кем-либо, пусть заходят в любое время.

Я сижу в своем кабинете в другом конце дома, Лори почти все время отсутствует, а слуги после девяти часов не появляются в гостиной.

Лучшего нельзя было и желать, и Бесс решилась заговорить. Старик поднялся, собираясь уходить, и сказал:

– Так что, пожалуйста, передайте вашим девочкам то, что я сказал, но, конечно, если у них нет желания, то... что ж – ничего не поделаешь.

Здесь маленькая рука скользнула в его ладонь, и Бесс, подняв к его лицу глаза, полные благодарности, сказала, как всегда, серьезно, но робко:

– О, сэр, у них есть желание, очень, очень большое!

– Ты любишь музыку? – спросил он без всякого пугающего

«Хм!» и посмотрел на нее очень ласково.

– Да. Я Бесс.

Я горячо люблю музыку, и я приду, если вы уверены, что меня никто не услышит и я никому не помешаю, – добавила она, боясь показаться невежливой, и, говоря это, задрожала от собственной смелости.

– Ни единой душе ты не помешаешь, моя дорогая.

Дом полдня пуст, так что приходи и барабань на рояле сколько хочешь. Я буду тебе только благодарен.

– Как вы добры, сэр!

Под его дружеским взглядом Бесс зарделась как роза, но теперь ей было совсем не страшно, и она с чувством пожала его большую руку, так как не могла найти слов, чтобы поблагодарить его за сделанный ей драгоценный подарок.

Старик нежно отвел волосы с ее лба и, склонившись, поцеловал ее, сказав тоном, который не многим доводилось слышать от него:

– Прежде у меня тоже была маленькая девочка, с такими же глазами, как у тебя.

Благослови тебя Господь, дорогая.

До свидания, мадам. – И он торопливо вышел.

Бесс излила свой восторг матери, а затем бросилась к себе в комнату, чтобы поделиться восхитительной новостью с семьей кукол-калек, так как сестер дома не было.

Как радостно распевала она в тот вечер и как все смеялись над ней, когда ночью она разбудила Эми, играя во сне пальцами на ее лице, словно на рояле.

На следующий день, увидев, как оба соседа, старый и молодой, вышли из дома, Бесс после двух или трех попыток благополучно вошла в боковую дверь особняка и бесшумно, точно мышка, пробралась в гостиную, где стоял предмет ее мечтаний.

На рояле – разумеется, совершенно случайно – лежали ноты несложных милых песен, и, дрожащими пальцами, часто останавливаясь, чтобы оглядеться и прислушаться, Бесс наконец коснулась клавиш огромного инструмента и сразу же забыла свои страхи, саму себя и все на свете, кроме невыразимого счастья, которое доставляла ей музыка, звучащая, словно голос дорогого друга.

Она оставалась там, пока не пришла Ханна, чтобы позвать ее к обеду, но у нее совсем не было аппетита, и она просто сидела за столом, улыбаясь всем, в состоянии полного блаженства.

После этого маленькая фигурка, увенчанная коричневым капором, почти каждый день проскальзывала через изгородь, а большую гостиную особняка посещал пленительный музыкальный дух, который и приходил, и уходил никем не видимый.

Она не знала, что мистер Лоренс часто приоткрывает дверь своего кабинета, чтобы послушать свои любимые старинные мелодии; она никогда не видела Лори, несущего стражу на подступах к гостиной и предупреждающего слуг, чтобы они не входили; она не подозревала, что фортепьянные упражнения и ноты новых песен, которые она находила на пюпитре, были положены там специально для нее, а когда Лори приходил в дом Марчей и говорил с ней о музыке, она думала только о том, как это чудесно, что он дает ей именно те советы, в которых она нуждается.

Теперь она была совершенно счастлива и обнаружила – а случается это с нами не всегда, – что с удовлетворением своего желания она получила все, что ей было нужно.

Возможно, именно потому, что она была так благодарна судьбе за этот подарок, ей был послан еще больший дар; во всяком случае, заслужила она их оба.

– Мама, я хочу вышить домашние туфли для мистера Лоренса.

Он так добр ко мне, я должна поблагодарить его, а я не знаю другого способа.

Ты позволишь? – спросила Бесс спустя несколько недель после памятного и принесшего столь важные последствия визита старика.

– Конечно, дорогая.

Это доставит ему большую радость и окажется очень милым способом выражения благодарности.

Девочки помогут тебе, а я заплачу за покупки, – ответила миссис Марч, которой было особенно приятно откликаться на просьбы Бесс, потому что та редко просила что-нибудь для себя.

После долгих и серьезных дискуссий с Мег и Джо был выбран образец для вышивки, куплен материал, и работа началась.

Букетик скромных, но радостных анютиных глазок на фоне глубокого фиолетового цвета был признан очень красивым и вполне подходящим рисунком, и Бесс трудилась и утром и вечером, с воодушевлением преодолевая встречавшиеся порой трудности.

Маленькая вышивальщица была усердной и проворной, и туфли были закончены, прежде чем кому-нибудь успели надоесть разговоры о них.

Тогда она написала простенькую короткую записку и с помощью Лори тайком пронесла однажды утром свой подарок в особняк и оставила его на столе в кабинете, прежде чем старик встал.

Когда все волнения и тревоги оказались позади, Бесс стала ждать, что будет дальше.

Прошел весь день и часть следующего, а ответа все не было, и она уже начала бояться, не обиделся ли на нее ее капризный друг.

Вечером второго дня она вышла из дома с каким-то поручением и взяла с собой бедную Джоанну, куклу-калеку, чтобы обеспечить ей ежедневный моцион.

Возвращаясь домой, она увидела с улицы три, даже четыре головы, появлявшиеся и исчезающие в окнах гостиной. Ее заметили, и несколько рук замахали, а несколько голосов закричали:

– Письмо от мистера Лоренса!

Иди скорее читай!

– О, Бесс, он прислал тебе... – начала было Эми, жестикулируя с невиданной энергией, но продолжить она не смогла, так как Джо, захлопнув окно, заставила ее умолкнуть.

Бесс поспешила в дом с трепетом ожидания в душе.

У дверей сестры подхватили ее под руки и торжественно ввели в гостиную, все одновременно указывали и говорили хором:

– Смотри, смотри!

Бесс посмотрела и побледнела от удивления и восторга – перед ней было маленькое изящное пианино, а на его блестящей крышке лежало письмо, адресованное «мисс Элизабет Марч».

– Мне? – задыхаясь, вымолвила Бесс и схватилась за Джо, чувствуя, что сейчас упадет, – она была совершенно ошеломлена.

– Да, тебе, тебе, драгоценная моя!

Разве не замечательно?

Разве он не самый милый старик на свете?

Вот, ключ в письме.

Мы еще не распечатали, но умираем от желания узнать, что он пишет! – закричала Джо, обнимая сестру и протягивая ей письмо.

– Прочитай лучше ты!

Я не могу, у меня голова кружится!

Ах, это слишком прекрасно! – И Бесс спрятала лицо в передник Джо, окончательно потеряв самообладание.

Джо развернула письмо и рассмеялась, так как первыми словами, какие она увидела, были:

«Мисс Марч, сударыня...»

– Как мило звучит!

Вот бы мне кто-нибудь так написал! – воскликнула Эми, которая нашла это старомодное обращение чрезвычайно изысканным.

У меня было много пар домашних туфель на протяжении жизни, но я никогда не имел таких, что подходили бы мне лучше, чем Ваши, – продолжала Джо. – Анютины глазки – мои любимые цветы, и

эта вышивка всегда будет напоминать мне о милой дарительнице.

Я люблю платить свои долги и уверен, что Вы позволите «старому мистеру Лоренсу» послать Вам то, что некогда принадлежало его маленькой внучке, которую он навсегда утратил.

С сердечной благодарностью и наилучшими пожеланиями остаюсь Ваш верный друг и покорный слуга Джеймс Лоренс.

– О, Бесс, я уверена, что это честь, которой стоит гордиться!

Лори говорил мне, как горячо мистер Лоренс любил свою покойную внучку и как он дорожил всеми ее вещами.

Подумать только, он отдал тебе ее пианино!

Вот что бывает, когда у тебя большие голубые глаза и любовь к музыке, – сказала Джо, пытаюсь успокоить Бесс, которая дрожала и выглядела взволнованной, как никогда прежде.

– Смотри, какие прелестные подсвечники по бокам, и чудесный зеленый шелк, весь в складочках и с золотой розой посередине, и красивый пюпитр, и стульчик – все с одинаковой отделкой, – добавила Мег, открывая инструмент и демонстрируя его красоты.

– «Ваш покорный слуга Джеймс Лоренс».

Подумать только! Он написал это тебе!

Я расскажу девочкам в школе.

Все будут восхищены, – сказала Эми, находившаяся под большим впечатлением от письма.

– Попробуй поиграть, милочка.

Послушаем, что за звук у этого пианино-крошки, – предложила Ханна, которая всегда разделяла все семейные радости и горести.

Бесс заиграла, и все единодушно признали, что это было самое замечательное фортепьяно, какое они слышали.

Оно явно было только что настроено и приведено в образцовый порядок, но, при всех его совершенствах, настоящее очарование этой минуты, думаю, было в самых счастливых из всех счастливых лиц, которые склонились над Бесс, когда она любовно коснулась красивых белых и черных клавиш и нажала блестящие педали.

– Тебе придется пойти и поблагодарить его, – сказала Джо в виде шутки, так как мысль о том, что Бесс действительно решится на такое, даже не приходила ей в голову.

– Да, я собиралась.

Пожалуй, я пойду прямо сейчас, прежде чем я успею подумать об этом и испугаться. – И к невыразимому удивлению всей семьи, Бесс неспешно прошла через сад, миновала изгородь и исчезла за дверью дома Лоренсов.

– Ох, помереть мне на этом месте, если я видала что-нибудь диковиннее этого!

Да у нее, видно, в голове помутилось от подарка!

Будь она в своем уме, так ни за что не решилась бы пойти туда! – воскликнула Ханна, изумленно уставившись ей вслед, в то время как девочки просто онемели перед лицом такого чуда.

Но они были бы изумлены еще больше, если бы могли видеть, что Бесс сделала потом.

Если вы поверите мне, она пошла и постучала в дверь кабинета, не дав себе времени подумать, а когда грубый голос произнес: «Войдите!», она вошла, подошла прямо к мистеру Лоренсу, которого, казалось, совершенно застала врасплох, протянула руку и сказала лишь с чуть заметной дрожью в голосе:

– Я пришла поблагодарить вас, сэр, за...

Но она не договорила: он смотрел на нее так дружески, что она забыла все, что хотела сказать, и, помня лишь, что он потерял свою маленькую девочку, которую любил, обняла его обеими руками за шею и поцеловала.

Даже если бы с дома внезапно сорвало крышу, мистер Лоренс не был бы более удивлен, но ему понравилась эта ласка – о да, это поразительно, но она понравилась ему, – и он был так тронут и доволен этим доверчивым поцелуем, что вся его обычная сдержанность исчезла. Он посадил ее к себе на колени и прижался своей морщинистой щекой к ее румяной щеке с таким чувством, словно снова обрел свою маленькую внучку.

С этой минуты Бесс перестала бояться его. Она сидела, беседуя с ним так свободно, как будто знала его всю жизнь, ибо любовь изгоняет страх, а благодарность способна победить гордость.

Когда Бесс пошла домой, он проводил ее до дверей дома, сердечно пожал ей руку, почтительно коснулся шляпы и зашагал назад, очень величественный, прямой, красивый, с воинской выправкой.

Увидев эту сцену, Джо затанцевала джигу, чтобы выразить свое удовлетворение, Эми чуть не вывалилась из окна от удивления, а Мег, воздев руки к небу, воскликнула:

– Да это прямо конец света!

Глава 7 Эми в Долине Унижения

Этот мальчик – настоящий циклоп! – сказала однажды Эми, когда Лори с топотом проскакал на лошади мимо их окна, помахав кнутиком в знак приветствия.

– Как ты смеешь говорить такое, когда у него целы оба глаза?

И к тому же они очень даже красивые! – с негодованием воскликнула Джо, которую возмущали любые пренебрежительные замечания в адрес ее друга.

– Но я же ничего не говорила о его глазах! Не понимаю, почему ты вдруг вспылила. Я просто восхищаюсь его посадкой на лошади.

– Ах ты господи!

Эта маленькая гусыня хотела сказать «кентавр», а вместо этого назвала Лори циклопом! – воскликнула Джо, разразившись смехом.

– Ну зачем такие грубости! Ведь это просто «ляпсус лингвы», как говорит мистер Дэвис, – возразила Эми, окончательно убивая Джо своей латынью. – Как я хотела бы иметь хоть малую долю денег, какие Лори тратит на эту лошадь, – добавила она словно про себя, но надеясь, что сестры услышат.

– Зачем? – спросила Мег ласково, так как Джо уже выбежала из комнаты, хохоча над латынью Эми.

– Мне очень нужны деньги.

Я по уши в долгах, а моя очередь получить на карманные расходы настанет только через месяц.

– В долгах?

Что ты хочешь сказать? – Мег строго взглянула на сестру.

– Понимаешь, я должна вернуть девочкам в школе по меньшей мере десяток лимонных цукатов, но я не могу это сделать, так как у меня нет денег, а мама запретила мне брать что-либо в лавке на наш счет.

– Расскажи мне поподробнее.

Что, эти цукаты – сейчас модное увлечение?

В наше время было модно протыкать кусочки резины и делать шарики. – Мег постаралась удержаться от улыбки, так как вид у Эми был очень серьезный и важный.

– Видишь ли, их покупают сейчас все девочки, и если не хочешь прослыть скупой, то тоже должна это делать.

Сейчас всех занимают только цукаты, все сосут их под партой во время уроков, а на переменах меняют их на карандаши, колечки из бусин, бумажных кукол или еще что-нибудь.

Если одной девочке нравится другая, она дает ей цукат, а если сердита на нее, то ест цукат у нее на глазах и даже не дает облизать.

Все угощают по очереди, и мне уже много раз давали, а я не могу отплатить тем же, хоть и должна. Ведь, ты понимаешь, это долг чести.

– Сколько нужно, чтобы отплатить за угощение и восстановить твой кредит? – спросила Мег, вынимая свой кошелечек.

– Двадцати пяти центов хватит с избытком, ну и еще несколько центов сверх того, чтобы угостить тебя.

Ты любишь цукаты?

– Не очень, можешь взять мою долю себе.

Вот деньги.

Постарайся растянуть, это не так уж много, ты сама знаешь.

– О, спасибо!

Как, должно быть, приятно самой зарабатывать и всегда иметь карманные деньги!

Теперь я устрою себе настоящий пир, а то я не пробовала ни одного цуката на этой неделе.

Я была в таком неловком положении и не могла даже принять угощение, так как знала, что не смогу вернуть долг, и вся прямо-таки исстрадалась.

На следующий день Эми явилась в школу довольно поздно, но не смогла отказать себе в удовольствии продемонстрировать одноклассникам, с простительной гордостью, сверток во влажной коричневой бумаге, прежде чем препроводить его в глубочайший тайник своей парты.

В следующие несколько минут слух о том, что в парте у Эми Марч лежат двадцать четыре восхитительных цуката (один она съела по дороге в школу) и что она собирается угощать, разнесся в ее «кругу», и внимание всех ее подружек было совершенно поглощено этим фактом.

Кейти Браун сразу же пригласила ее к себе на следующую вечеринку; Мэри Кингсли настояла на том, чтобы одолжить Эми свои часы – поносить во время перемены; а Дженни Сноу, язвительная юная особа, бесчестно попрекавшая Эми во время ее бедственного бесцукатного состояния, быстро решила заключить перемирие и предложила поделиться ответами к некоторым наводящим ужас арифметическим задачам.

Но Эми не забыла колких замечаний мисс Сноу насчет «некоторых, чьи носы не слишком приплюснутые, чтобы не чувствовать запаха чужих цукатов», и «тех задавак, которые не слишком горды, чтобы попрошайничать», а потому немедленно разрушила все надежды «этой Сноу» телеграммой следующего уничтожающего содержания:

«Ни к чему делаться вдруг такой любезной, потому что ты ничего от меня не получишь».

В то утро некий высокий гость неожиданно посетил школу, и красивые карты, нарисованные Эми, удостоились его похвалы; эта почесть, оказанная врагу, влила яд в душу мисс Сноу, а сама мисс Марч сразу же приобрела повадки спесивого молодого павлина.

Но увы, увы!

Гордыня не доводит до добра, и мстительная мисс Сноу успешно взяла реванш!

Как только высокий гость произнес обычные затасканные комплименты и откланялся, Дженни под предлогом необходимости задать важный вопрос подошла к мистеру Дэвису и сообщила ему, что в парте у Эми Марч лежат лимонные цукаты.

Мистер Дэвис еще прежде объявил, что цукаты будут рассматриваться в школе как контрабандный товар, и торжественно пообещал публично наказать линейкой первого, кто осмелится нарушить этот закон.

Сей стойкий человек после долгой и ожесточенной борьбы успешно провел в жизнь запрет на жевательную резинку, не раз разводил костер из конфискованных романов и газет, подавил деятельность частной почты, запретил корчить рожи, давать прозвища и рисовать карикатуры – словом, сделал все, что может сделать один человек, чтобы поддерживать порядок среди полусотни мятежных девиц.

Мальчики – тяжкое испытание для человеческого терпения, но иметь дело с девочками, видит Бог, несравненно мучительнее, особенно для нервных джентльменов с деспотическим характером и талантом к преподаванию не большим, чем у доктора Блимбера.

Мистер Дэвис обладал некоторыми познаниями в греческом, латыни, алгебре и всевозможных «логиях», так что его называли прекрасным учителем, а манеры, нравственный облик и подаваемый ученицам пример не рассматривались при этом как сколько-нибудь важные.

Это был самый удобный момент для разоблачения Эми, и Дженни это знала.

Мистер Дэвис явно выпил слишком крепкого кофе в то утро, ветер дул восточный, что всегда плохо отражалось на невралгиях учителя, а его ученицы не показали своих знаний с тем блеском, на какой, по его мнению, он вправе был рассчитывать, а потому, если употребить выразительный, пусть и не слишком изысканный язык школьниц, «зол он был как черт», и, произнеся слово «цукаты», Дженни лишь поднесла огонь к пороху. Желтое лицо учителя запылало, он стукнул кулаком по столу с такой силой, что Дженни помчалась на свое место с необычайной скоростью.

– Юные леди, внимание! Прошу внимания!

После этого сурового воззвания жужжание в классе прекратилось, и пятьдесят пар голубых, черных, серых и карих глаз послушно остановились на его свирепой физиономии.

– Мисс Марч, подойдите сюда.

Эми поднялась со своего места, сохраняя внешнее спокойствие, но тайный страх подействовал на нее угнетающе, ибо цукаты тяжким грузом лежали на ее совести.

– Захватите с собой цукаты, которые лежат у вас в парте! Этот неожиданный приказ задержал ее, прежде чем она успела сделать первый шаг.

– Не бери все, – шепнула ей соседка по парте, юная особа, отличавшаяся завидным хладнокровием.

Эми поспешно вытряхнула из пакета полдюжины цукатов, а остальное положила перед мистером Дэвисом, чувствуя, что любой, кто обладает человеческим сердцем, должен смягчиться в ту же минуту, когда этот восхитительный аромат коснется его ноздрей.

К несчастью, мистер Дэвис терпеть не мог этот запах, и чувство отвращения усилило его гнев.

– Это все?

– Не совсем, – с запинкой пробормотала Эми.

– Немедленно принесите остальное.

Окинув свой «круг» взглядом, полным отчаяния, она повиновалась.

– Вы уверены, что там ничего не осталось?

– Я никогда не лгу, сэр.

– Хорошо, я вижу.

Теперь берите эту гадость по две в каждую руку и бросайте в окно.

Последовал всеобщий вздох, вызвавший что-то вроде небольшого порыва ветра: исчезла последняя надежда, и угощение было отторгнуто от алчущих уст.

Багровая от стыда и гнева, Эми шесть ужасных раз прошла туда и обратно, и каждый раз ей стоило огромных усилий выпустить из рук обреченные цукаты – о! какие пухлые и сочные! – и каждый раз доносившийся с улицы крик усиливал мучения девочек, ибо свидетельствовал, что угощение приводит в ликование ирландских ребятишек, которые были их заклятыми врагами.

Это... это было уж слишком, все бросали негодующие или молящие взгляды на безжалостного мистера Дэвиса, а одна страстная любительница цукатов даже разразилась слезами.

Когда Эми возвратилась из своего последнего похода к окну, мистер Дэвис издал злое шепотом:

«Гм!» и сказал самым внушительным тоном:

– Юные леди, вы помните, что я сказал неделю назад.

Мне жаль, что так случилось, но я никому не позволяю нарушать установленные мною правила, и я всегда держу слово.

Мисс Марч, протяните руку.

Эми вздрогнула и спрятала обе руки за спину, устремив на него умоляющий взгляд, говоривший больше, чем слова, которые она была не в силах произнести.

Она была до некоторой степени любимицей «старого Дэвиса», как его называли, и лично я убеждена, что он нарушил бы свое слово, если бы одна неукротимая юная особа не выразила свое глубокое возмущение свистом.

Этот свист, каким бы он ни был слабым, еще пуще раздражил вспыльчивого мистера Дэвиса и решил судьбу преступницы.

– Вашу руку, мисс Марч! – было единственным ответом на ее безмолвный призыв, и, слишком гордая, чтобы плакать или умолять, Эми сжала губы, с вызовом откинула назад голову и, не дрогнув, приняла несколько обжигающих ударов на свою маленькую ладонь.

Ударов было немного, и были они не очень сильными, но для нее это уже не имело значения.

Впервые в жизни ее ударили, и Эми считала этот позор ничуть не меньшим, чем если бы от его удара она свалилась с ног. – А теперь вы останетесь у доски и будете стоять здесь до перерыва, – сказал мистер Дэвис, решив довести дело до конца, раз уж начал.

Это было ужасно.

Тяжело было бы даже просто отправиться на свое место и увидеть жалость на лицах подруг или удовлетворение в глазах немногочисленных врагов, но оказаться после такого позора лицом к лицу со всей школой представлялось невыносимым, и на секунду у нее появилось чувство, что сейчас она упадет прямо там, где стоит, и зарыдает.

Горькое чувство несправедливой обиды и мысль о Дженни Сноу помогли ей преодолеть себя, и, заняв позорное место, она устремила глаза на дымоход печи, поверх того, что теперь казалось морем лиц, и стояла там, такая неподвижная и бледная, что девочкам было очень трудно сосредоточиться на учебе, имея перед глазами эту трагическую фигуру.

В течение последовавших пятнадцати минут гордая и чувствительная девочка страдала от стыда и боли, которых никогда не смогла забыть.

Другим все это могло показаться смешным или незначительным происшествием, но для нее это было тяжелое испытание, так как все двенадцать лет жизни ее воспитывали лишь любовью и удары такого рода никогда прежде не обрушивались на нее.

Но и саднящая рука, и душевная боль были ничто в сравнении с мучительной мыслью:

«Мне придется рассказать об этом дома, и как все они разочаруются во мне!»

Пятнадцать минут показались ей часом, но и они наконец подошли к концу, а слово

«Перерыв!» никогда не казалось ей таким желанным.

– Можете идти, мисс Марч, – сказал мистер Дэвис, чувствуя себя неловко.

Не скоро забыл он полный упрека взгляд, который бросила на него Эми, когда, не сказав никому ни слова, направилась прямо в переднюю, где схватила свои вещи и покинула это место «навсегда», как пылко заявила она себе самой.

Она была в ужасном состоянии, когда пришла домой, а по возвращении старших девочек немедленно было проведено бурное семейное собрание.

Миссис Марч говорила мало, но выглядела обеспокоенной и утешала свою оскорбленную дочку самым нежным образом.

Мег омыла поруганную ладонь глицерином и слезами, Бесс почувствовала, что даже ее любимые котята не могут послужить бальзамом в подобных горестях, Джо с гневом потребовала безотлагательного ареста мистера Дэвиса, а Ханна потрясала кулаком, посылая проклятия в адрес «негодяя», и разминала картофель к обеду так, словно это он был под ее пестом.

Бегство Эми не вызвало никаких вопросов или замечаний со стороны мистера Дэвиса, но наблюдательные девицы заметили, что после перерыва он сделался на редкость добрым, а также и необычайно встревоженным.

Перед окончанием занятий в классе появилась Джо. Она с самым мрачным выражением лица величественно приблизилась к столу учителя и вручила ему письмо от своей матери, затем собрала вещи Эми и удалилась, тщательно вытерев ботинки о коврик перед дверью, словно желая отряхнуть от своих ног прах этого места.

– Да, ты можешь не ходить в школу, но я хочу, чтобы ты каждый день занималась дома вместе с Бесс,
– сказала в тот вечер миссис Марч. – Я против телесных наказаний, особенно для девочек.

Мне не нравятся методы обучения и воспитания, которые применяет мистер Дэвис, и я считаю, что общение с девочками, вместе с которыми ты учишься, не приносит тебе пользы, так что мы должны посоветоваться с папой, прежде чем отправить тебя в другую школу.

– Как хорошо!

Вот бы все девочки ушли от него и его противная старая школа опустела!

Я прямо-таки с ума схожу, как вспомню о моих прелестных цукатах, – вздохнула Эми с видом мученицы.

– Мне не жаль, что ты лишилась их, так как ты нарушила школьные правила и заслуживала наказания за непослушание, – таков был суровый ответ, изрядно разочаровавший юную леди, которая ожидала одного лишь сочувствия.

– Неужели ты рада, что я оказалась опозоренной перед всей школой? – воскликнула Эми.

– Я не избрала бы такой способ для исправления твоих недостатков, – ответила мать, – но я не уверена, что наказание не принесло тебе большей пользы, чем более мягкий подход.

Ты становишься слишком самодовольной, дорогая моя, и пора бы тебе подумать о том, как исправиться.

У тебя немало способностей и достоинств, но нет нужды выставлять их напоказ, ибо тщеславие портит даже прекраснейшего из гениев.

Опасность, что подлинный талант или добродетель долго останутся незамеченными, невелика, но даже если это и случается, сознание того, что человек обладает ими, вполне может его удовлетворить, а самое большое очарование любого одаренного человека – в его скромности.

– Именно так! – воскликнул Лори, который играл в шахматы с Джо в углу гостиной. – Я знал одну девочку, у которой были замечательные способности к музыке, а она не знала об этом и даже не догадывалась, какие чудесные мелодии она сочиняет, когда играет в одиночестве, и не поверила бы, если бы кто-нибудь сказал ей об этом.

– Вот бы мне познакомиться с этой милой девочкой!

Может быть, она помогла бы мне, а то я такая глупая, – сказала Бесс, стоявшая у него за спиной и слушавшая с живым интересом.

– Ты ее знаешь, и она помогает тебе больше, чем мог бы помочь кто-либо другой, – отвечал Лори, глядя на нее так многозначительно и с таким озорством в веселых черных глазах, что Бесс сделалась очень красной и спрятала лицо в диванную подушку, пораженная этим неожиданным открытием.

В награду за эту похвалу Бесс Джо позволила Лори выиграть у нее очередную партию, но им так и не удалось уговорить Бесс после прозвучавшего так неожиданно комплимента поиграть для них на пианино.

Лори одержал победу и, будучи в особенно радостном настроении по этому случаю, запел; в обществе Марчей он редко демонстрировал мрачную сторону своего характера.

Когда он ушел, Эми, которая весь вечер была очень задумчива, сказала вдруг, словно захваченная новой неожиданной мыслью:

– А Лори талантливый?

– Да, он получил отличное образование, и у него большие способности.

Он станет замечательным мужчиной, когда вырастет, если только его не избалуют, – отвечала мать.

– И он не тщеславный, нет? – спросила Эми.

– Ничуть.

Именно поэтому он так очарователен и так нам нравится.

– Понимаю.

Хорошо иметь достоинства и быть элегантным, но не похвастаться этим и не задирать нос, – сказала Эми глубокомысленно.

– Да, положительные качества человека всегда видны и чувствуются в манерах и разговоре, но нет необходимости назойливо выставлять их напоказ, – сказала миссис Марч.

– Точно так же, как и надевать на себя сразу все свои шляпки, платья и ленты, чтобы все знали, что они у тебя есть, – добавила Джо, и наставление завершилось общим смехом.

Глава 8 Джо встречает Аполлиона

Девочки, куда вы идете? – спросила Эми, войдя в субботу после обеда в комнату сестер и обнаружив, что те куда-то собираются с очень таинственным видом, который подогрел ее любопытство.

– Не твое дело.

Маленькие девочки не должны задавать много вопросов, – отвечала Джо резко.

Если есть что-либо унижительное в том, что мы молоды, так это то, что нам об этом напоминают, а уж получить приказ «Беги к себе, детка!» – еще более мучительное испытание.

Эми сдержалась и не ответила на оскорбление, но твердо решила, что узнает тайну, пусть даже придется домогаться ответа целый час.

Обернувшись к Мег, которая никогда ни в чем не отказывала ей слишком долго, она заговорила вкрадчиво:

– Скажи мне, куда вы идете!

Мне кажется, что вы могли бы взять с собой и меня, потому что Бесс теперь вечно торчит за своим пианино, а мне нечем заняться и мне так одиноко.

– Не могу, дорогая, ведь тебя не приглашали, – начала Мег, но тут нетерпеливо вмешалась Джо:

– Мег, замолчи, или ты все испортишь.

Мы не можем взять тебя, Эми, так что не будь младенцем и не хнычь из-за этого.

– Вы куда-то идете с Лори! Я знаю, идете!

Вы шептались и смеялись вчера вечером на диване, а как только я вошла, сразу замолчали.

Вы идете с ним, да?

– Да, с ним, а теперь помолчи и не приставай.

Эми придержала язык, но пустила в дело глаза и увидела, как Мег украдкой сунула в карман веер.

– Знаю!

Знаю!

Вы идете в театр на «Семь замков»! – закричала она и решительно добавила: – Я тоже пойду; мама сказала, что мне можно, и у меня есть свои карманные деньги. Это просто подлость, что вы не сказали мне заранее.

– Послушай меня, будь умницей, – сказала Мег примирительно. – Мама не хочет, чтобы ты ходила в театр на этой неделе: после болезни твоим глазам будет трудно вынести яркий свет этой сказочной пьесы.

Ты пойдешь на следующей неделе, вместе с Бесс и Ханной, и вы отлично проведете время.

– Мне приятнее пойти с тобой и Лори.

Пожалуйста, возьми меня.

Я так давно сижу взаперти из-за этой простуды, я до смерти хочу развлечься!

Мег, ну возьми меня!

Я буду так хорошо себя вести, – умоляла Эми, стараясь глядеть как можно жалостнее.

– Может быть, возьмем ее?

Я думаю, мама не будет возражать, если мы ее хорошенько укутаем, – начала Мег.

– Если она пойдет, то я останусь дома; а если я не пойду, думаю, что Лори это не понравится. И потом, это очень невежливо: взять и притащить с собой Эми, когда он приглашал только нас.

Я думаю, что ей самой должно бы быть неприятно втираться туда, где ее не хотят видеть, – сердито сказала Джо, которой совсем не улыбалось портить себе удовольствие необходимостью надзирать за непоседливой девчонкой.

Ее тон и манеры разгневали Эми, которая начала обувать ботинки, бормоча при этом самым противным и раздражающим тоном:

– Я пойду.

Мег говорит, что можно. А раз я сама заплачу за себя, то Лори это не касается.

– С нами ты сидеть не сможешь, так как для нас заранее заказаны только три места, и сидеть отдельно тебе нельзя; так что Лори придется уступить тебе свое место, и все удовольствие будет испорчено.

Ни шагу отсюда! Оставайся где сидишь! – гневно заявила Джо, еще сильнее рассердившись из-за того, что в спешке уколола булавкой палец.

Эми, сидя на полу с одним надетым ботинком, начала плакать, а Мег – урезонивать ее, когда Лори окликнул их снизу, и старшие девочки поспешили к нему, оставив в одиночестве ревущую сестру, которая время от времени забывала о своих взрослых манерах и вела себя как избалованный ребенок.

Когда вся компания уже выходила из дома, Эми, перегнувшись через перила лестницы, крикнула с угрозой:

– Ты еще пожалеешь об этом, Джо, вот увидишь!

– Чепуха! – отозвалась Джо и хлопнула дверью.

Они замечательно провели время в театре, так как «Семь замков на Алмазном озере» были самым блестящим и чудесным представлением, какого только могла пожелать душа.

Но, несмотря на забавных красных чертенят, сверкающих эльфов и великолепных принцев и принцесс, к радости Джо примешивалась и капля горечи: золотые кудри королевы фей напоминали ей об Эми, а в антракте она коротала время, строя догадки о том, что именно сделает сестра, чтобы заставить ее «пожалеть об этом».

На протяжении жизни у Джо и Эми не раз случались горячие стычки, так как обе отличались вспыльчивостью и легко впадали в ярость.

Младшая надоедала старшей, старшая раздражала младшую, и время от времени у обеих бывали вспышки гнева, за которые им было потом очень стыдно.

Джо, хотя и была одной из старших, меньше всех умела владеть собой, и ей нелегко давались попытки обуздать свой пылкий нрав, который постоянно навлекал на нее неприятности.

Но гнев ее никогда не был долгим, и, смиренно признав свою вину, она с искренним раскаянием старалась стать лучше.

Сестры обычно говорили, что, пожалуй, даже неплохо, что Джо иногда впадает в ярость, потому что после этого она бывает сущим ангелом.

Бедная Джо отчаянно старалась быть хорошей, но ее «внутренний враг» всегда был готов воспламенить ее чувства и нанести ей сокрушительное поражение; потребовались годы упорных усилий, чтобы усмирить его.

Вернувшись домой, они застали Эми в гостиной.

Она приняла обиженный вид, когда они вошли, и не подняла глаз от книжки, которую читала, и не задала ни одного вопроса.

Возможно, любопытство взяло бы верх над негодованием, если бы в комнате не было Бесс, чтобы расспросить обо всем и получить восторженное описание спектакля.

Поднявшись наверх, чтобы убрать в шкаф свою лучшую шляпу, Джо первым делом взглянула на комод, так как во время последней ссоры Эми дала выход своим чувствам, вывалив на пол содержимое верхнего ящика, принадлежавшего Джо.

Все было, однако, на месте, и, быстро заглянув в разные свои шкафчики, мешочки и коробочки, Джо решила, что Эми простила ее и забыла обиду.

Но Джо ошибалась, и сделанное на следующий день открытие вызвало бурю в ее душе.

Поздним вечером, когда Мег, Бесс и Эми сидели вместе в гостиной, туда неожиданно ворвалась Джо и с взволнованным видом, задышавшись, потребовала ответа:

– Кто-нибудь брал мою книгу?

Мег и Бесс одновременно сказали «нет» и взглянули на нее с удивлением.

Эми помешала кочергой в камине и промолчала.

Джо, увидев, как сестра краснеет, налетела на нее в ту же минуту:

– Эми, она у тебя!

– Нет, у меня ее нет.

– Тогда ты знаешь, где она!

– Не знаю.

– Врешь! – закричала Джо, схватив ее за плечи и так свирепо уставившись ей в глаза, что испугала бы и гораздо более храброго ребенка, чем Эми.

– Нет.

У меня ее нет, я не знаю, где она сейчас, и мне до нее и дела нет.

– Ты что-то знаешь о ней, и лучше говори сразу, а не то я заставлю тебя! – И Джо встряхнула ее.

– Ругайся сколько хочешь, а только ты больше никогда не увидишь своей дурацкой книжонки! – закричала Эми, возбуждаясь в свою очередь.

– Где она?

– Я ее сожгла.

– Что?!

Мою книжку, мою любимую книжку, над которой я столько трудилась и которую хотела закончить к папиному возвращению?

Ты сожгла ее? – сказала Джо, сильно побледнев. Глаза ее засверкали, а пальцы судорожно впились в Эми.

– Да, сожгла!

Я сказала тебе, что ты заплатишь за вчерашнее, и я...

Эми не смогла кончить, так как необузданный нрав Джо дал себя знать. Она затрясла Эми так, что у той застучали зубы, и в бешенстве от горя и гнева закричала:

– Ты подлая, подлая девчонка!

Я никогда не смогу написать это снова, и я не прощу тебе этого до конца своих дней.

Мег бросилась спасать Эми, а Бесс – успокаивать Джо, но Джо была совершенно вне себя. Влепив сестре прощальную пощечину, она вылетела из комнаты и помчалась на чердак, где, упав на диван, в одиночестве преодолела последний приступ ярости.

Тем временем внизу атмосфера разрядилась, так как вернувшаяся домой миссис Марч, узнав о том, что произошло, быстро образумила Эми, дав ей понять, какое горе она причинила сестре.

Книжка Джо была предметом ее величайшей гордости и рассматривалась всей семьей как многообещающий литературный росток.

Состояла она всего лишь из полудюжины сказок, но Джо трудилась над ними с величайшим терпением, вкладывая в работу всю душу, и надеялась создать нечто достойное того, чтобы появиться в печати.

Незадолго до этого она с большим тщанием переписала свои произведения в новую тетрадь и уничтожила старую рукопись, так что теперь Эми сожгла драгоценные плоды нескольких лет кропотливого труда.

Прочим это не казалось очень большой потерей, но для Джо это было ужасное бедствие, и она чувствовала, что ничто и никогда не возместит ей эту потерю.

Бесс оплакивала сожженную книжку так, как если бы это были усопшие котята, Мег отказалась защищать свою любимицу, миссис Марч выглядела печальной и озабоченной – и Эми почувствовала, что никто не будет любить ее, пока она не попросит у Джо прощения за свой поступок, о котором

сожалела теперь больше всех.

Когда позвонили к чаю, появилась Джо с таким мрачным и неприступным видом, что Эми потребовалось все ее мужество, чтобы сказать смиренно:

– Пожалуйста, прости меня, Джо.

Мне очень, очень жаль, что я это сделала.

– Никогда не прощу, – таков был суровый ответ Джо, и с этого момента она совершенно перестала обращать внимание на Эми.

Никто не пытался заговорить о случившемся – даже миссис Марч, – ибо все знали по опыту, что, когда Джо была в таком настроении, слова оказывались бесполезны и самым мудрым решением было подождать, пока случай или ее собственная великодушная натура не смягчат ее сердце и не положат конец ссоре.

Этот вечер нельзя было назвать счастливым, так как, хотя девочки шили как обычно, а мама читала вслух из Бремер, Скотта и Эджуорт, всем казалось, что чего-то не хватает, и сладость домашнего покоя была утеряна.

Еще острее они ощутили это, когда пришло время петь перед сном. Бесс могла лишь играть, Джо стояла молча с каменным лицом, Эми заплакала, так что Мег и мать пели вдвоем.

Но, несмотря на все их старания петь беззаботно, словно птички, их мелодичные голоса, казалось, звучали не так хорошо, как обычно, и они чувствовали, что поют не в лад.

Когда Джо подошла к матери, чтобы, как обычно, получить поцелуй и пожелание доброй ночи, миссис Марч ласково шепнула:

– Дорогая, не держи долго обиды!

Простите друг друга, помогите друг другу и начните завтра с чистой страницы.

Джо хотелось положить голову на грудь матери и выплакать все свое горе и гнев, но слезы были женской слабостью, и к тому же она чувствовала себя столь глубоко оскорбленной, что была еще не в силах простить.

Поэтому она с усилием моргнула, покачала головой и сказала резко, так как Эми слушала:

– Это был отвратительный поступок, и она не заслуживает того, чтобы ее простить.

С этим она отправилась в постель, и в тот вечер в спальнях не было никакой веселой болтовни или доверительных разговоров.

Эми была глубоко обижена тем, что ее мирные предложения оказались отвергнуты. Она стала жалеть, что так унизилась, чувствовать себя невероятно оскорбленной и кичиться своей исключительной добродетелью.

На следующий день Джо по-прежнему была мрачнее черной тучи, и все дела шли у нее скверно.

Утро оказалось пронизывающе-холодным, по дороге она умудрилась уронить в канаву свой драгоценный пирог, у тети Марч был приступ старушечьей суетливости, а вечером дома Мег была задумчивой, Бесс – печальной, а Эми то и дело вставляла замечания насчет людей, которые вечно твердят о том, как важно быть хорошими, но не пытаются стать таковыми, когда другие подают им достойный подражания пример.

«Какие все противные, позову-ка я лучше Лори покататься на коньках.

Он всегда добрый и веселый, и, я знаю, он поможет мне привести себя в порядок», – сказала себе Джо и отправилась к Лори.

Услышав звон коньков, Эми выглянула в окно и с раздражением воскликнула:

– Ну вот!

А ведь она обещала, что возьмет меня с собой в следующий раз, потому что это последний лед в эту зиму.

Но теперь бесполезно просить эту злыдню взять меня.

– Не говори так.

Ты поступила очень гадко, и ей тяжело примириться с потерей ее драгоценной книжки, но, может быть, она простит тебя сейчас. Да, я думаю, она простит тебя, если ты попросишь ее об этом в удачную минуту, – сказала Мег. – Догони их, но не говори ничего, пока Джо не станет добродушной, поболтав с Лори, а тогда выбери подходящий момент и просто поцелуй ее или сделай еще что-нибудь доброе и ласковое, и я уверена, она охотно помирится с тобой.

– Я постараюсь, – сказала Эми; совет пришелся ей по душе, и после торопливых сборов она выскочила из дома и помчалась вслед за друзьями, которые только что скрылись за холмом.

Река была недалеко, и оба уже успели надеть коньки, прежде чем Эми догнала их.

Джо увидела, что сестра приближается, и отвернулась.

Лори не видел Эми, он осторожно покатил вдоль берега, слушая лед, так как похолоданию этого дня предшествовала оттепель.

– Я проеду до первого поворота и посмотрю, все ли в порядке, а потом начнем гонки, – были его последние слова, которые услышала Эми, когда он заскользил прочь, очень напоминая русского молодца в своих обшитых мехом пальто и шапке.

Джо слышала, как Эми пыхтит после быстрого бега, топает ногой и дышит на неловкие озябшие пальцы, стараясь побыстрее надеть коньки. Но Джо не обернулась и медленно, выписывая зигзаги, заскользила вниз по реке, испытывая что-то вроде горького, угрюмого удовлетворения оттого, что у сестры трудности.

Она вынашивала свой гнев, пока он не усилился до того, что завладел ею целиком, как это всегда бывает со злыми мыслями и чувствами, если не отбросить их сразу.

Огибая поворот, Лори обернулся и крикнул:

– Держись ближе к берегу, посередине опасно!

Джо услышала, но Эми, только что с трудом поднявшаяся на ноги, не разобрала слов.

Джо оглянулась, но маленький демон, которого она лелеяла, шепнул ей на ухо:

«Какое тебе дело, слышала она или нет? Пусть сама о себе позаботится».

Лори исчез за поворотом, Джо была на самой излучине, а Эми, далеко позади них, быстро неслась к гладкому льду посередине реки.

На мгновение Джо замерла со странным чувством в душе, затем решила ехать дальше, но что-то удержало ее, и она обернулась как раз в то мгновение, когда Эми взмахнула руками и упала. Послышался треск подтаявшего льда, всплеск воды и крик, заставивший сердце Джо остановиться от страха.

Она попыталась окликнуть Лори, но голоса не было; она хотела броситься вперед, но ноги были как ватные, и на секунду она замерла, уставившись с искаженным от ужаса лицом на маленький синий капор над черной водой.

Что-то быстро промелькнуло мимо нее, и она услышала крик Лори:

– Тащи жердь!

Быстро, быстро!

Потом она никогда не могла вспомнить, как сделала это, но в следующие несколько минут она действовала как одержимая, слепо повинуясь приказам Лори, который сохранял полное самообладание и, лежа на льду, поддерживал Эми рукой и клюшкой, пока Джо вытаскивала жердь из изгороди. Вдвоем им удалось вытащить девочку, больше испуганную, чем пострадавшую.

– Теперь надо как можно скорее доставить ее домой.

Накинь на нее наши пальто, а я пока сниму эти дурацкие коньки! – крикнул Лори, закутывая Эми в свое пальто и дергая ремешки коньков, которые казались запутанными как никогда прежде.

Мокрую, дрожащую, плачущую Эми доставили домой, и после пережитых волнений она заснула перед жарким камином, завернутая в одеяла.

Во время всей этой суматохи Джо не говорила почти ни слова, но носилась бледная и обезумевшая, полураздетая, в порванном платье, с руками в порезах и синяках от острого льда, жерди и непослушных пряжек коньков.

Когда Эми уснула и в доме воцарилась тишина, миссис Марч, сидевшая у постели, позвала Джо и начала бинтовать ее поврежденные руки.

– Ты уверена, что с ней все в порядке? – шепотом спросила Джо, с раскаянием глядя на золотистую головку, которая могла навсегда скрыться из ее глаз под коварным льдом.

– Вполне, дорогая.

С ней ничего не случилось, и я думаю, она даже не простудится. Вы молодцы, что завернули ее в свои пальто и быстро доставили домой, – ответила мать с улыбкой.

– Все это благодаря Лори.

Мама, если бы она утонула, это была бы моя вина. – И Джо, разразившись слезами, упала на ковер возле постели и рассказала о случившемся, сурово осуждая себя за жестокосердие. Задышавшись от рыданий, она благодарила судьбу за то, что не обрушилось на нее более тяжелое наказание. – Это все мой ужасный характер!

Я стараюсь исправиться, и уже думаю, что исправилась, и тогда срываюсь опять, даже хуже, чем прежде.

О, мама, что мне делать?

Что мне делать? – в отчаянии плакала бедная Джо.

– «Бодрствуй и молись», как говорит Библия, моя дорогая, и пусть тебе никогда не надоедает стараться и никогда не кажется, что невозможно преодолеть свои недостатки, – сказала миссис Марч, притянув к своему плечу растрепанную голову и целуя мокрую щеку так нежно, что Джо расплакалась еще горше.

– Ты не знаешь, ты представить себе не можешь, как это ужасно!

Когда я впадаю в ярость, я, похоже, могу совершить что угодно; я становлюсь такой жестокой, я могу обидеть любого человека и радоваться этому.

Я боюсь, что однажды сделаю что-нибудь отвратительное и тем испорчу себе всю жизнь, и все будут ненавидеть меня!

О, мама, помоги мне, помоги!

– Конечно я помогу тебе, детка.

Не плачь так горько, но запомни этот день и пожелай всей душой никогда не знать второго такого дня.

Джо, дорогая, все мы сталкиваемся с искушениями, порой гораздо худшими, чем в твоём случае, и зачастую нам требуется вся жизнь, чтобы победить в борьбе с ними.

Ты думаешь, что хуже твоего характера нет на свете, но я прежде была точно такой, как ты.

– Ты, мама?

Но ты никогда не сердишься! – От удивления Джо на мгновение забыла об угрызениях совести.

– Я стараюсь исправить свой характер вот уже сорок лет, но все, чему я научилась, – это владеть собой.

Я раздражаюсь почти каждый день, Джо, но я научилась не показывать этого и все еще надеюсь научиться не испытывать самих нехороших чувств, хотя, возможно, для этого мне потребуется еще сорок лет.

Терпение и смирение, отражавшиеся на лице, которое она так любила, были для Джо лучшим уроком, чем самое мудрое наставление или самый резкий упрек.

Сочувствие и доверие, оказанное ей, сразу принесли облегчение.

От сознания, что мать обладает тем же недостатком, что и она сама, и старается преодолеть его, он перестал казаться невыносимым, а ее решимость справиться с ним окрепла, хотя сорок лет представлялись пятнадцатилетней девочке слишком долгим сроком, чтобы «бодрствовать и молиться».

– Мама, иногда ты крепко сжимаешь губы и выходишь из комнаты, когда тетя Марч ворчит или кто-нибудь огорчает тебя. Это бывает, когда ты сердишься? – спросила Джо, чувствуя себя ближе к матери, чем когда-либо прежде.

– Да, я научилась удерживать необдуманные слова, которые поднимаются к моим губам, и, когда чувствую, что они вот-вот прорвутся против моей воли, я просто выхожу на минуту, чтобы немного встряхнуть себя и упрекнуть за то, что так слаба и зла, – ответила миссис Марч со вздохом и легкой улыбкой, разглаживая и укладывая встрепанные волосы Джо.

– Как же ты научилась хранить молчание?

Именно это тяжелее всего для меня... потому что резкие слова вырываются еще прежде, чем я знаю, что собираюсь сказать, а чем больше я говорю, тем сильнее раздражаюсь, и потом для меня становится удовольствием оскорблять чувства других и говорить им гадости.

Скажи мне, как тебе удастся молчать, мама, дорогая.

– Моя добрая матушка помогала мне...

– Как ты нам... – прервала Джо с благодарным поцелуем.

– ...но я лишилась ее, когда была немногим старше, чем ты сейчас, и долгие годы мне приходилось вести борьбу в одиночку, так как я была слишком горда, чтобы признаться в своей слабости кому-нибудь другому.

Мне приходилось нелегко, Джо, и я пролила немало горьких слез из-за своих неудач, так как, несмотря на все усилия, я, как мне казалось, не добилась успеха.

Потом в моей жизни появился твой отец, и я почувствовала себя такой счастливой, что мне было нетрудно оставаться доброй.

Но когда у меня появились четыре дочки, а мы были бедны, прежние неприятности вернулись, потому что я нетерпеливая по натуре и для меня было мучительно видеть моих детей в нужде.

– Бедная мама!

Что же помогло тебе?

– Твой отец, Джо.

Он никогда не теряет терпения, никогда не сомневается и не жалуется, но всегда надеется, трудится и ждет так радостно, что рядом с ним стыдно быть иным.

Он помогал мне, ободрял меня, говорил о том, что я должна стараться воплотить в себе все те добродетели, какие хотела бы видеть в моих дочерях, и должна служить им примером.

Мне было легче стараться ради вас, чем ради себя самой.

Стоило мне заговорить резко, как испуганный или удивленный взгляд одной из вас упрекал меня сильнее, чем любые слова. Любовь, уважение и доверие моих дочерей были самой сладкой наградой за мои усилия быть такой женщиной, какими я хотела бы видеть их.

– О, мама, если я когда-нибудь буду хоть в половину такой хорошей, как ты, я буду удовлетворена! – воскликнула Джо, глубоко тронутая.

– Я надеюсь, ты окажешься намного лучше, дорогая, но ты должна внимательно следить за своим «внутренним врагом», как выражается папа, иначе этот враг может омрачить, если не испортить, твою жизнь.

Ты получила предупреждение, помни о нем и всей душой стремись преодолеть свою вспыльчивость, прежде чем она принесет тебе горести и сожаления, большие, чем те, что ты узнала сегодня.

– Я постараюсь, мама, я буду очень стараться.

Но ты должна помочь мне. Напоминай мне, удержи меня от вспышек гнева.

Я видела, как папа иногда прижимал палец к губам и смотрел на тебя очень ласково, но серьезно, и тогда ты крепко сжимала губы или уходила.

Это было напоминание, да? – спросила Джо мягко.

– Да.

Я просила его, чтобы он так помогал мне, и он никогда не забывал об этом. Своим незаметным жестом и добрым взглядом он удержал меня от многих резких слов.

Джо увидела, что глаза матери наполнились слезами, а губы задрожали, и, испугавшись, что сказала лишнее, она шепнула с тревогой:

– Это нехорошо, что я наблюдала за тобой и заговорила об этом?

Я не хотела сделать тебе неприятно, но для меня такое облегчение, что можно говорить тебе все, о чем я думаю, и чувствовать себя здесь свободно и счастливо.

– Моя Джо, ты можешь говорить мне все, что хочешь. Для меня величайшее счастье и гордость, что мои девочки доверяют мне и знают, как сильно я их люблю.

– Я подумала, что огорчила тебя.

– Нет, дорогая. Но когда мы заговорили о папе, я вспомнила, как мне его не хватает, как многим я обязана ему и как усердно должна я трудиться, чтобы его дочки были добрыми и счастливыми.

– Но ты сама проводила его в армию, мама, и не плакала, когда он уходил. Ты никогда не жалуешься, и не похоже на то, будто тебе нужна чья-то помощь, – сказала Джо с недоумением.

– Я отдала самое дорогое стране, которую люблю, и удержусь от слез, пока он вдали от нас.

Как могу я жаловаться, когда мы оба просто исполнили свой долг и в конечном счете непременно будем счастливее от этого?

Если кажется, что мне не нужна помощь, так это потому, что у меня есть еще один друг, который утешает и поддерживает меня даже лучше, чем папа.

Дитя мое, заботы и искушения начинают входить в твою жизнь, их может быть много, но ты сможешь преодолеть их все, если научишься чувствовать силу и нежность нашего Небесного Отца, так же как ты чувствуешь силу и нежность твоего земного отца.

Чем больше ты любишь Его и доверяешь Ему, тем ближе к Нему ты чувствуешь себя и тем меньше зависишь от человеческой силы и мудрости.

Его любовь и забота никогда не иссякнут, не изменятся и не будут отняты у тебя; они могут стать источником вечного покоя, счастья и силы.

Верь мне всей душой и обратись к Богу со всеми своими маленькими заботами, надеждами, грехами и горестями, открыто и доверчиво, как обращаешься к своей матери.

В ответ Джо лишь крепче прижалась к ней, и в последовавшем молчании самая искренняя из всех молитв, какие она когда-либо обращала к Богу, без слов излилась прямо из ее сердца, ибо в этот печальный, но счастливый час она познала не только горечь раскаяния и отчаяния, но и сладость самоотречения и самообладания и, ведомая рукой матери, подошла ближе к Другу, который приветствует каждое дитя с любовью более сильной, чем любовь любого отца, и более нежной, чем любовь любой матери.

Эми пошевелилась и вздохнула во сне, и, словно желая сразу искупить свою вину, Джо подняла глаза с выражением на лице, какого никогда не бывало на нем прежде.

– Я так долго не хотела простить ее, и, если бы не Лори, могло бы быть уже поздно!

Как могла я быть такой гадкой? – сказала Джо чуть слышно, склоняясь над сестрой и нежно проводя рукой по влажным волосам, рассыпавшимся по подушке.

Словно услышав ее, Эми открыла глаза и протянула руки с улыбкой, которая тронула Джо до глубины души.

Ни одна из них не сказала ни слова, но они крепко обнялись, несмотря на одеяла, и все было прощено и забыто в одном сердечном поцелуе.

Глава 9 Мег на Ярмарке Тщеславия

Какое счастье, что эти дети заболели корью именно сейчас, – сказала Мег в один из апрельских дней, когда она стояла в своей комнате в окружении сестер, упаковывая «заграничный» сундук.

– А как это мило со стороны Энни Моффат, что она не забыла о своем обещании.

У тебя будут целых две недели веселья! Просто замечательно! – ответила Джо, которая сворачивала юбки сестры, размахивая своими длинными руками и очень напоминая при этом ветряную мельницу.

– И какая прекрасная погода! Я очень за тебя рада, – добавила Бесс, тщательно сортируя ленточки для волос и для шеи в своей лучшей коробке, одолженной сестре по такому великолепному случаю.

– Как бы мне хотелось быть на твоём месте! Чтобы это я собиралась чудесно провести две недели и носить все эти красивые вещи, – сказала Эми, державшая во рту множество булавок, которыми она с художественным вкусом заполняла подушечку сестры.

– Мне тоже хотелось бы, чтобы все вы поехали вместе со мной, но так как это невозможно, я постараюсь сохранить в памяти все мои приключения и расскажу вам обо всем, когда вернусь.

Хотя бы этим я смогу отблагодарить вас за то, что вы были так добры: одолжили мне свои вещи и помогли собраться, – сказала Мег, окинув взглядом комнату, где повсюду были разложены предметы её нехитрого гардероба, почти совершенного в глазах девочек.

– А что дала тебе мама из коробки с сокровищами? – спросила Эми, не присутствовавшая при открытии некоего кедрового ящичка, в котором миссис Марч держала кое-какие остатки прежней роскоши, чтобы подарить своим девочкам, когда придет время.

– Шелковые чулки, красивый резной веер и прелестный голубой пояс.

Я хотела еще лиловое шелковое платье, но нет времени, чтобы подогнать его по фигуре, так что мне придется довольствоваться моим старым, из жесткой кисеи.

– Оно будет выглядеть прелестно на моей новой нижней юбке из муслина, а пояс будет выгодно на нем выделяться.

Жалко, что я разбила свой коралловый браслет, а то ты могла бы его взять, – сказала Джо, которая любила дарить и одалживать свои вещи, но чье имущество обычно было в слишком плачевном состоянии, чтобы принести какую-то пользу.

– В коробке с сокровищами есть прелестный старинный жемчужный набор, но мама сказала, что живые цветы – лучшее украшение для юной девушки, а Лори обещал прислать мне из оранжереи все, что я захочу, – отвечала Мег. – Теперь... дайте подумать... вот мой серый уличный костюм... только загни перья в шляпу, Бесс... теперь мое поплиновое платье, я надену его в воскресенье или на небольшую вечеринку – оно, пожалуй, слишком тяжелое для весны, правда?

Как было бы хорошо взять лиловое шелковое!

– Ничего, у тебя есть кисейное для большого бала, а в белом ты всегда выглядишь как ангел, – сказала Эми, погружаясь в созерцание восхищавших её до глубины души немногочисленных нарядов Мег.

– Жаль, что оно не с низким вырезом и не волочится сзади по полу, но придется обойтись и таким.

Мое голубое домашнее перелицовано и с другой отделкой выглядит совсем как новое.

Моя шелковая пелерина совершенно не модная, и шляпка не такая, как у Салли.

Мне неприятно об этом говорить, но я очень разочарована моим новым зонтиком.

Я просила маму купить черный с белой ручкой, но она забыла и купила зеленый с желтоватой ручкой.

Он прочный и чистый, так что мне не на что жаловаться, но я знаю, мне будет стыдно за него рядом с шелковым зонтиком Энни с маленьким золотистым шпилем, – вздохнула Мег, с большим неодобрением разглядывая маленький зонтик.

– Поменяй его, – посоветовала Джо.

– Это глупо, и я не хочу обидеть маму, ведь она приложила столько усилий, чтобы купить мне все необходимое.

Неразумно с моей стороны досадовать, и я постараюсь преодолеть это чувство.

Мои шелковые чулки и две пары новых перчаток могут служить мне утешением.

Как ты мила, Джо, что одолжила мне свои новые перчатки!

Я чувствую себя такой богатой, даже элегантной, имея две новые пары для балов и вычищенные старые на каждый день. – И Мег мельком заглянула в свою перчаточную коробку, чтобы освежить приятное воспоминание. – У Энни Моффат голубые и розовые бантики на ночных чепчиках, пришей на мои тоже, – попросила она Бесс, когда та внесла в комнату кучу белоснежного муслинового белья, только что вышедшего из-под утюга Ханны.

– Нет, я не стала бы этого делать, потому что нарядные чепчики не подходят к простым ночным рубашкам без всякой отделки.

Бедным людям нечего пускать кому-то пыль в глаза, – заявила Джо решительно.

– Я все думаю, дождусь ли я когда-нибудь такого счастья, чтобы иметь на одежде настоящие кружева, а на чепчиках банты? – раздраженно воскликнула Мег.

– На днях ты говорила, что будешь совершенно счастлива, если только сможешь поехать к Энни Моффат, – заметила Бесс, как всегда сдержанно.

– Конечно говорила!

И я действительно счастлива и не буду капризничать, но, похоже, чем больше человек получает, тем больше ему хочется, разве не так?

Ну вот, все готово и уложено, кроме моего бального платья, но его пусть лучше уложит мама, – сказала Мег, оживившись, как только перевела взгляд с наполовину заполненного сундука на много раз стиранное и зачиненное белое платье из жесткой кисеи, которое она с важным видом называла бальным.

Погода на следующий день была прекрасная, и Мег отправилась в путь, чувствуя себя очень элегантной и предвкушая целых две недели новизны и удовольствий.

Миссис Марч довольно неохотно дала согласие на этот визит, опасаясь, что Маргарет вернется в родной дом еще более неудовлетворенной, чем покинула его.

Но она так упрашивала, а Салли обещала позаботиться о ней, и небольшое удовольствие казалось таким привлекательным после долгой зимы, заполненной утомительной работой, что мать уступила, и дочь отправилась, чтобы впервые вкусить светской жизни.

Моффаты действительно были весьма светскими людьми, и простодушную Мег поначалу ошеломили великолепие дома и элегантность его обитателей.

Но, несмотря на легкомысленную жизнь, которую вели, они были очень благожелательны, и скоро их гостья преодолела свою робость.

Возможно, Мег чувствовала, не вполне отдавая себе в том отчет, что они не были особенно

культурными или умными людьми и что вся их позолота не до конца могла скрыть заурядный материал, из коего они были сделаны.

Но, конечно, было приятно жить в роскоши, ездить в прекрасных экипажах, каждый день надевать свое лучшее платье и не заниматься ничем, кроме развлечений.

Такая жизнь вполне ее устраивала, и скоро она начала подражать манерам и разговорам, которые видела и слышала вокруг, напускать на себя важность, держаться манерно, вставлять в речь французские фразы, завивать волосы, убавлять платья в талии и беседовать о модах.

Чем больше видела она красивых вещей Энни Моффат, тем больше она завидовала ей и мечтала о богатстве.

Когда она теперь вспоминала о родном доме, он казался ей убогим и унылым, работа представлялась тяжелее, чем когда бы то ни было, и она чувствовала себя очень бедной и несчастной девушкой, несмотря на свои новые перчатки и шелковые чулки.

У нее, впрочем, оставалось не так много времени, чтобы сетовать на судьбу, так как все три девушки – Энни, Салли и Мег – были очень заняты тем, что называется «хорошо проводить время».

Они ездили по магазинам, ходили на прогулки, катались верхом, делали визиты, посещали театр и оперу или устраивали вечеринки дома, так как у Энни было много друзей и она умела их развлечь.

Ее старшие сестры были очень элегантными юными особами, и одна из них, как оказалось, была помолвлена, что, по мнению Мег, было необыкновенно интересно и романтично.

Мистер Моффат был толстый и веселый пожилой господин, который знал ее отца, а миссис Моффат была толстой и веселой пожилой дамой, которой, как и ее дочери, очень пришлось по душе Мег.

Все ласкали ее, и Дейзи, как ее стали называть, оказалась на верном пути, чтобы ей окончательно вскружили голову.

Когда пришло время «небольшой вечеринки», она обнаружила, что поплиновое платье совершенно не годится, так как другие девочки надели тонкие платья и выглядели очень элегантно.

Пришлось извлечь из сундука кисейное платье, которое казалось еще более старым, обвисшим и поношенным, чем обычно, рядом с хрустящим новеньким платьем Салли.

Мег заметила, как девочки взглянули на ее платье и переглянулись между собой, и щеки ее запылали, так как при всей своей кротости она была очень гордой.

Никто не сказал ни слова о ее наряде, но Салли предложила уложить ей волосы, Энни – завязать пояс, а Белла, та сестра, что была помолвлена, сделала комплимент ее белым ручкам – но Мег видела в их любезности лишь жалость и сострадание к ее бедности, и на сердце у нее было очень тяжело, когда она стояла в стороне, в то время как остальные смеялись, болтали и порхали вокруг, словно полупрозрачные бабочки.

Тяжелое, горькое чувство стало совсем невыносимым, когда горничная внесла коробку с цветами.

Прежде чем горничная успела заговорить, Энни подняла крышку, и все разразились восхищенными восклицаниями, увидев прекрасные розы, гиацинты и папоротники, которые были в коробке.

– Это для Беллы, конечно. Джордж всегда посылает ей цветы, но на этот раз он превзошел самого себя! – воскликнула Энни, глубоко втягивая воздух.

– Посыльный сказал, что это для мисс Марч, вот записка, – вставила горничная, подавая ее Мег.

– Как занятно!

От кого это?

А мы и не знали, что у тебя есть поклонник! – восклицали девушки, порхая вокруг Мег в состоянии крайнего удивления и любопытства.

– Записка от мамы, а цветы от Лори, – сказала Мег просто, однако с чувством глубокой благодарности за то, что он не забыл ее.

– О, в самом деле? – сказала Энни, насмешливо взглянув на Мег, когда та спрятала записку в карман как талисман, способный уберечь от зависти, тщеславия, ложной гордости. Несколько исполненных любви слов матери принесли ей облегчение, а цветы порадовали своей красотой.

Снова чувствуя себя почти счастливой, она отложила несколько роз и папоротничков для себя и быстро превратила остальное в прелестные букеты, чтобы украсить ими волосы и платья своих подруг. Она предлагала эти подарки с такой любезностью и грацией, что Клара, старшая из сестер Моффат, назвала ее «прелестнейшей крошкой, какую она когда-либо видела», и все они, казалось, были совершенно очарованы этим маленьким знаком внимания с ее стороны.

Проявленная щедрость каким-то образом помогла ей покончить с унынием, и, когда все остальные побежали показаться миссис Моффат, Мег, оставшись одна, увидела в зеркале счастливое лицо с сияющими глазами и приколола свои папоротники к волнистым волосам, а розы – к платью, которое теперь не казалось ей таким уж поношенным.

Весь этот вечер она была счастлива, так как танцевала сколько душе угодно, а все были очень добры, и она получила три комплимента.

Энни уговорила ее спеть, и кто-то заметил, что у нее замечательный голос.

Майор Линкольн спросил, кто эта «незнакомая девочка с такими красивыми глазами», а мистер Моффат настоял на том, чтобы станцевать с ней, потому что она «не размазня и есть в ней огонек», как он изящно выразился.

Так что все шло чудесно, пока она случайно не подслушала обрывок разговора, который крайне обеспокоил ее.

Она сидела в оранжерее, ожидая, когда ее партнер принесет ей мороженое, и вдруг услышала голос по другую сторону стены из цветов, спросивший:

– Сколько ему лет?

– Шестнадцать или семнадцать, полагаю, – отвечал другой голос.

– Это была бы отличная партия для одной из этих девочек, не правда ли?

Салли говорит, что они очень близки теперь, а старик прямо души в них не чает.

– Миссис М. строит планы на будущее и, смею думать, отлично пользуется обстоятельствами, хотя, пожалуй, слишком рано.

Сама девочка, очевидно, еще об этом не думает.

– Она соврала, будто записка от ее мамы, и покраснела, когда сказали, что цветы для нее.

Бедняжка!

Она была бы очень хороша, если бы только одевалась со вкусом.

Как ты думаешь, она обидится, если мы предложим ей надеть на бал в четверг какое-нибудь из наших платьев? – спросил еще один голос.

– Она гордая, но, думаю, все же не откажется, потому что это допотопное кисейное – все, что у нее есть.

Может быть, она даже порвет его сегодня, и тогда у нас будет хороший предлог предложить ей приличное платье. – Посмотрим. Я приглашу молодого Лоренса, это будет как знак внимания к ней, а потом мы все над этим посмеемся.

Здесь появился партнер Мег и нашел ее раскрасневшейся и взволнованной.

Она действительно была гордой, и гордость в этот момент оказалась как нельзя кстати, так как помогла ей скрыть унижение, гнев и отвращение к тому, что она только что услышала, ибо при всем своем простодушии и доверчивости она не могла не понять смысл сплетен своих подружек.

Она старалась забыть об услышанном, но не могла и продолжала мысленно повторять:

«Миссис М. строит планы на будущее», «соврала, будто записка от ее мамы», «допотопное кисейное», пока ей не захотелось заплакать и броситься домой, чтобы рассказать о своих горестях и попросить совета.

Но так как это было невозможно, она сделала все, что могла, чтобы казаться веселой, и настолько преуспела в этом, что никто даже не догадался, каких усилий это ей стоило.

Она была безмерно рада, когда вечер кончился, и, лежа в тишине своей спальни, думала, удивлялась, кипела негодованием, пока у нее не заболела голова, а слезы не остудили горячие щеки.

Эти глупые, хоть и сказанные из самых лучших побуждений слова открыли Мег новый мир, возмутив покой того старого мира, в котором она до сих пор жила счастливо, как дитя.

Ее невинная дружба с Лори была испорчена этими случайно услышанными вздорными речами; ее вера в мать была несколько поколеблена мыслью о «планах», в которых подозревала ее миссис Моффат, судившая о других по себе; и разумная решимость удовлетвориться простым гардеробом, который подходит дочери небогатого человека, ослабла под воздействием ненужной жалости подруг, считавших поношенное платье одним из величайших бедствий на земле.

Бедная Мег провела беспокойную ночь и встала с тяжелыми веками, несчастная, отчасти обиженная на своих подруг, а отчасти стыдящаяся самой себя за то, что не может поговорить с ними откровенно и поставить все на свои места.

В это утро все лениво слонялись по комнатам и лишь к полудню нашли в себе достаточно энергии, чтобы взяться за шитье и вышивание.

Что-то изменилось в манерах подруг, и это сразу поразило Мег: ей показалось, что они обращались с ней более уважительно, чем прежде, с интересом относились к ее словам, а в глазах их, устремленных на нее, явно светилось любопытство.

Все это было и удивительным, и лестным, хотя она не понимала причин такого поведения, пока Белла, подняв на нее взгляд от записки, которую писала, не сказала с сентиментальным видом:

– Дейзи, дорогая, я пошлю приглашение на бал в четверг твоему другу, мистеру Лоренсу.

Мы хотим познакомиться с ним, и это наш маленький знак внимания к тебе.

Мег покраснела, но озорное желание поддразнить подруг заставило ее ответить с притворной скромностью:

– Вы очень добры, но, боюсь, он не приедет.

– Почему, chérie? – спросила мисс Белла.

– Он слишком стар.

– Да что ты говоришь, детка?

Сколько же ему лет, хотела бы я знать? – воскликнула мисс Клара.

– Почти семьдесят, я думаю, – ответила Мег, прилежно считая стежки, чтобы скрыть веселый огонек в глазах.

– О, какая хитрая!

Мы, конечно же, имели в виду молодого человека! – воскликнула мисс Белла со смехом.

– Там нет никакого молодого человека, Лори еще совсем мальчик. – И Мег тоже засмеялась, заметив странный взгляд, которым обменялись сестры, когда она так описала своего предполагаемого возлюбленного.

– Он примерно твоего возраста, – сказала Энни.

– Он скорее ближе по возрасту моей сестре Джо, а мне будет уже семнадцать в августе, – возразила Мег, вскинув голову.

– Очень мило с его стороны, что он посылает тебе цветы, не правда ли? – сказала Энни, неизвестно почему значительно поглядев на Мег.

– Да, он часто посылает нам всем цветы; у мистера Лоренса много цветов, а мы их очень любим.

Моя мама и мистер Лоренс большие друзья, так что вполне естественно, что и мы, дети, дружим. – Мег надеялась, что больше они ничего не скажут.

– Очевидно, Маргаритка еще не развернула лепестки, – кивнув, обратилась к Белле мисс Клара.

– Совершенно пасторальная невинность со всех сторон, – отвечала мисс Белла, пожав плечами.

– Я собираюсь поехать и купить кое-какие мелочи для моих девочек.

Может быть, вам тоже что-нибудь нужно? – спросила миссис Моффат, вваливаясь в комнату, словно слон, в шелках и кружевах.

– Нет, спасибо, мэм, – ответила Салли. – К четвергу я получу свое новое розовое шелковое платье, и мне ничего не нужно.

– Мне тоже, – начала Мег, но остановилась, так как ей пришло в голову, что ей действительно нужны кое-какие вещи, но что получить их она не может.

– Что ты наденешь в четверг? – спросила Салли.

– Опять то же белое платье, если смогу зачинить его так, чтобы было незаметно; оно очень порвалось вчера, – сказала Мег, стараясь говорить беззаботно, но чувствуя себя очень неловко.

– Почему ты не пошлешь домой за другим? – спросила Салли, которая была не слишком наблюдательной юной особой.

– У меня нет другого. – Мег потребовалось усилие, чтобы сказать это, но Салли ничего не заметила и воскликнула с приветливым удивлением:

– Нет другого?

Как забавно... – Она не кончила фразы, так как Белла покачала головой и вмешалась, сказав очень любезно:

– Ничего удивительного.

Зачем ей много платьев, если она не выезжает?

Но даже если бы у тебя была их целая дюжина, нет нужды посылать за ними домой, Дейзи, потому что у меня есть чудесное голубое шелковое платье, из которого я выросла. Может быть, ты наденешь его, дорогая?

– Ты очень добра, но меня не смущают мои старые платья, и если они не смущают вас, то вполне подходят для девочки моего возраста, – сказала Мег.

– Сделай мне удовольствие, дай нарядить тебя по моде.

Мне так хочется нарядить тебя! Ты будешь настоящей красавицей, стоит лишь чуть-чуть кое-где подправить.

Никто тебя не увидит, пока ты не будешь готова, а потом мы неожиданно появимся на балу, как Золушка и ее крестная, – сказала Белла самым убедительным тоном.

Мег не могла отказаться от предложения, сделанного так сердечно, и желание увидеть, станет ли она «настоящей красавицей», если «чуть-чуть подправить», заставило ее согласиться и забыть обо всех своих прежних неприятных чувствах по отношению к Моффатам.

В четверг вечером Белла и ее горничная, закрывшись в одной из комнат, вдвоем превратили Мег в элегантнейшую леди.

Они завили и уложили ее волосы, покрыли ее шею и руки какой-то ароматной пудрой, коснулись ее губ коралловой помадой, чтобы сделать их краснее, а Гортензия добавила бы и *sourçon de rouge*, если бы Мег решительно этому не воспротивилась.

Они затянули ее в небесно-голубое платье, которое было таким тесным, что она едва могла дышать, и с таким глубоким вырезом, что скромная Мег покраснела, увидев себя в зеркале.

Был прибавлен и набор серебряных украшений, браслеты, ожерелье, брошь и даже серьги, так как Гортензия сумела привязать их к ушам Мег на шелковых розовых ниточках, которые были совсем не видны.

Гроздь бутонов чайной розы на груди и кружевной рюш примирили Мег с видом ее красивых белых плеч, а пара шелковых голубых башмачков на высоких каблуках удовлетворила последнее желание ее сердца.

Кружевной носовой платочек, веер из перьев и букет в серебряном кольце довершили наряд, и мисс Белла обозрела ее с удовлетворением маленькой девочки, переодевшей свою куклу.

– Мадемуазель *charmante, très jolie*, не правда ли? – с преувеличенным восторгом воскликнула Гортензия, складывая руки.

– Пойди и покажись, – сказала мисс Белла, вводя Мег в комнату, где их ожидали остальные.

И когда Мег, шелестя шелками, волоча свои длинные юбки, позвякивая серьгами, с завитыми кудрями и сильно бьющимся сердцем, прошла по комнате, она почувствовала, что для нее наконец действительно началось «веселье», так как зеркало ясно сказало ей, что она «настоящая красавица».

Подруги оживленно повторяли приятные и лестные слова, и несколько минут она стояла, как ворона из басни, в восторге от позаимствованных павлиньих перьев, пока остальные трещали как сороки.

– Энни, пока я одеваюсь, научи ее, как обращаться с юбкой и этими французскими каблуками, а то она споткнется.

Клара, возьми свою серебряную бабочку и приколи к этому длинному локону слева на ее голове, и пусть никто не трогает это чудесное дело моих рук, – сказала Белла, поспешив к себе с очень довольным видом. – Я боюсь спускаться вниз. У меня такое странное чувство: мне неловко и кажется, что я полураздета, – сказала Мег, обращаясь к Салли, когда зазвонил колокольчик и миссис Моффат прислала просить девиц поскорее спуститься вниз.

– Ты совсем на себя не похожа, но очень красивая.

Рядом с тобой я выгляжу невзрачной. У Беллы бездна вкуса, и, уверяю тебя, ты кажешься совсем француженкой.

Пусть цветы висят, незачем так заботиться о них, лучше последи, чтобы не споткнуться, – ответила Салли, стараясь не принимать близко к сердцу то обстоятельство, что Мег красивее ее.

Помня о прозвучавшем предупреждении, Маргарет благополучно спустилась по лестнице и вплыла в гостиные, где уже находились Моффаты и несколько первых гостей.

Очень скоро она обнаружила, что есть в дорогой одежде некая магическая сила, которая притягивает определенного рода людей и обеспечивает их уважение.

Несколько девиц, которые прежде не обращали на Мег внимания, вдруг почувствовали большое расположение к ней; несколько молодых людей, которые только глазели на нее во время прошлой вечеринки, теперь не только глазели, но и попросили, чтобы их представили ей, и сказали ей всевозможные глупые, но очень приятные комплименты, а несколько старых дам, которые сидели на диванах и критиковали остальное общество, с заинтересованным видом осведомились у хозяйки, кто эта юная красавица.

Она слышала, как миссис Моффат ответила одной из дам:

– Дейзи Марч... отец – полковник... в армии... одно из наших первых семейств, но... превратности судьбы... вы понимаете... близкие друзья Лоренсов... прелестное создание, уверяю вас... мой Нед с ума по ней сходит.

– Боже мой! – сказала старая дама, снова поднося лорнет к глазам, чтобы обозреть Мег, которая старалась не показать своим видом, что слышала ложь миссис Моффат и шокирована ею.

Странное чувство не проходило, но она вообразила, что играет новую роль изысканной леди, и неплохо справлялась с ней, хотя из-за тесного платья у нее закололо в боку, шлейф попадал ей под ноги и она постоянно боялась, как бы ее серьги не упали и не потерялись или не разбились.

Она кокетничала и смеялась над невыразительными шутками своего кавалера, пытавшегося быть остроумным, когда вдруг оборвала смех и смутилась, так как прямо напротив себя увидела Лори.

Он смотрел на нее с нескрываемым удивлением и даже, как ей показалось, неодобрением, так как, хотя он поклонился и улыбнулся, что-то в его открытом, честном взгляде заставило ее покраснеть и пожалеть, что на ней не ее старое платье.

И в довершение всего она увидела, что Белла чуть заметно толкнула локтем Энни и обе перевели взгляд с нее на Лори, который, как ей было приятно видеть, казался необыкновенно юным и по-мальчишески робким.

«Глупые создания, зачем они хотят заронить мне в голову такие мысли?

Не буду я об этом думать и не допущу, чтобы эти мысли хоть как-то отразились на моем поведении», – подумала Мег и, шелестя шелками, пересекла комнату, чтобы обменяться рукопожатием со своим другом.

– Я рада, что ты приехал. Я боялась, что ты не приедешь, – сказала она, принимая самый «взрослый»

вид.

– Джо захотела, чтобы я приехал и потом рассказал ей, как ты выглядишь. Поэтому я приехал, – ответил Лори, не спуская с нее глаз и слегка улыбаясь ее «материнскому» тону.

– И что же ты ей скажешь? – с любопытством спросила Мег, желая узнать, что он о ней думает, но впервые испытывая неловкость в разговоре с ним.

– Скажу, что не узнал тебя, что ты выглядишь такой взрослой и так не похожа на себя, что я тебя даже боюсь, – сказал он, теребя пуговицу перчатки.

– Глупости!

Девочки просто нарядили меня для смеха, и мне это, пожалуй, нравится.

Разве Джо не изумилась бы, если бы увидела меня? – сказала Мег, твердо решив, что заставит его сказать, стала ли она, на его взгляд, красивее или нет.

– Да, я думаю, она изумилась бы, – сказал Лори серьезно.

– Я не нравлюсь тебе в таком виде? – спросила Мег.

– Нет, – был прямой ответ.

– Почему? – спросила она встревоженно.

Он окинул взглядом ее завитые волосы, голые плечи и причудливо украшенное платье, и выражение его лица смутило ее даже больше, чем ответ, в котором не было ни капли столь обычной для него вежливости.

– Я не люблю разодетых в пух и прах.

Это было уж слишком! Услышать такое от мальчишки моложе ее! И Мег удалилась, раздраженно заявив:

– В жизни не видела мальчика грубее!

Чувствуя, что совершенно утратила присутствие духа, она пошла и остановилась в уединении возле одного из окон, чтобы охладить пылающие щеки, так как из-за тесного платья у нее был неприятно-горячий румянец.

Она стояла там, когда мимо прошел майор Линкольн, и в следующую минуту она услышала, как он говорит своей матери:

– Они делают дурочку из этой девочки; я хотел, чтобы ты посмотрела на нее, но они ее совсем испортили.

Сегодня она просто кукла.

«О боже! – задыхнулась Мег. – Если бы я была благоразумнее и надела свое платье, я не внушала бы отвращение другим, и не испытывала бы этой неловкости, и не стыдилась бы за себя».

Она прижалась лбом к прохладному оконному стеклу и стояла так, почти скрытая за занавесками, не обращая внимания на то, что заиграли ее любимый вальс, пока кто-то не коснулся ее руки. Обернувшись, она увидела Лори, стоявшего перед ней с покаянным видом. С самым изысканным поклоном, протянув руку, он сказал:

– Прости меня за грубость, пойдем потанцуем.

– Боюсь, тебе это будет слишком неприятно, – сказала Мег, безуспешно пытаясь выглядеть

обиженной.

– Ничуть. Уверяю тебя, мне до смерти этого хочется.

Пойдем, я буду любезен.

Мне не нравится твой наряд, но я думаю, что ты сама... просто прелесть. – И он помахал рукой, словно у него не хватало слов, чтобы выразить свое восхищение.

Мег улыбнулась и смягчилась и, пока они стояли, ожидая удобного момента, чтобы начать танец, шепнула:

– Будь осторожен, не споткнись о мою юбку.

Она отравляет мне существование; какая я дуручка, что надела ее.

– Заколи ее вокруг шеи – тогда от нее будет хоть какой-то прок, – посоветовал Лори, глядя вниз на маленькие голубые туфельки, которые явно вызвали его одобрение.

Они легко и грациозно закружились в танце, так как прежде не раз танцевали дома и были удачной парой. Было приятно смотреть на них, счастливых и юных, когда они весело проплывали круг за кругом, чувствуя себя после маленькой размолвки еще более близкими друзьями, чем прежде.

– Лори, я хочу, чтобы ты сделал мне одно одолжение, хорошо? – сказала Мег, когда он остановился и принялся обмахивать ее веером, так как запыхалась она очень быстро, хотя ни за что не призналась бы почему.

– С удовольствием! – с живостью отозвался Лори.

– Пожалуйста, не говори дома о моем сегодняшнем наряде.

Они не поймут, что это шутка, и мама будет беспокоиться.

«Тогда зачем ты это сделала?» – сказали ей глаза Лори так выразительно, что Мег торопливо добавила:

– Я расскажу им об этом сама и признаюсь маме, как была глупа.

Но я хотела бы сделать это сама; ты не говори, хорошо?

– Даю тебе слово, что не скажу; только что мне ответить, когда они спросят о тебе?

– Скажи просто, что я выглядела хорошо и весело проводила время.

– Первое я скажу с чистой совестью, но как насчет второго?

По тебе не скажешь, что ты весело проводишь время.

Это так? – И Лори взглянул на нее с выражением, которое заставило ее ответить шепотом:

– Сейчас мне невесело... Не думай, что я такая отвратительная.

Я просто хотела немного развлечься, но теперь нахожу, что от такой забавы мало радости, и я от нее устала.

– Зачем сюда идет Нед Моффат?

Что ему нужно? – сказал Лори, сдвинув свои черные брови, как будто не считал молодого хозяина приятным дополнением к балу.

– Он записался на три танца и, как полагаю, теперь явился за ними.

Какая тоска! – сказала Мег, напуская на себя томный вид, который невероятно позабавил Лори.

Он не говорил с ней до ужина, пока не увидел, как она пьет шампанское с Недом и его другом Фишером, которые вели себя «точно пара идиотов», как сказал сам себе Лори, чувствовавший за собой право брата следить за дочками миссис Марч и вступать в бой всякий раз, когда им требовался защитник.

– Завтра у тебя будет трещать голова, Мег, если ты много выпьешь.

На твоём месте я не стал бы этого делать, Мег. Твоей маме это не понравится, ты же знаешь, – шепнул он, склонившись над её стулом, когда Нед отвернулся, чтобы наполнить её бокал, а Фишер нагнулся, чтобы поднять её веер.

– Сегодня я не Мег – я «кукла», которая совершает всевозможные безумства.

Завтра я отброшу свои «пух и прах» и опять сделаюсь отчаянно хорошей, – отвечала она с принужденным смехом.

– Хорошо бы завтра наступило уже сейчас, – пробормотал Лори и отошел, недовольный переменой, какую увидел в ней.

Мег танцевала и кокетничала, болтала и хихикала, как все остальные девушки; после ужина она заговорила по-немецки с ужасными ошибками, чуть не опрокинула своей длинной юбкой сопровождавшего её кавалера и шумела так, что исполненному возмущения Лори захотелось прочесть ей нотацию.

Но ему не представилось удобного случая, так как Мег старалась держаться подальше от него, пока он не подошел, чтобы попрощаться.

– Не забудь! – сказала она, слабо пытаясь улыбнуться, так как голова действительно уже начинала трещать.

– Silence à la mort! – отвечал Лори с мелодраматическим жестом, уходя.

Эта небольшая сценка возбудила любопытство Энни, но Мег была слишком утомлена, чтобы сплетничать, и пошла спать с таким чувством, словно была на маскараде, но получила гораздо меньше удовольствия, чем ожидала.

Весь следующий день она была больна, а в субботу поехала домой, совершенно измученная двухнедельным «весельем» и чувствуя, что срок её пребывания в «окружении роскоши» был вполне достаточным.

– Как приятно, когда можно быть спокойной и не нужно все время держаться, как в гостях.

Наш дом просто замечательный, хоть и не великолепный, – сказала Мег, глядя вокруг с умиротворенным выражением, когда в воскресенье вечером села у камина вместе с матерью и Джо.

– Рада это слышать, дорогая. Я боялась, что по возвращении наш дом покажется тебе скучным и бедным, – ответила мать, которая не раз с беспокойством обращала на неё взгляд в этот день, ибо материнские глаза быстро замечают любую перемену в лицах детей.

Мег весело рассказывала о своих приключениях, снова и снова повторяя, что замечательно провела время, но что-то, казалось, тяготило её, и, когда младшие сестры ушли спать, она осталась сидеть, задумчиво глядя в огонь, говорила мало, и вид у неё был встревоженный.

Когда часы пробили девять и Джо предложила пойти спать, Мег встала со стула и, присев на табурет Бесс, оперлась локтями о колено матери и сказала решительно:

– Мама, я хочу признаться.

– Я так и подумала; в чем, дорогая?

– Мне уйти? – спросила Джо сдержанно.

– Конечно, нет.

Разве я не рассказываю тебе все и всегда?

Мне было стыдно говорить об этом в присутствии младших, но я хочу, чтобы вы знали обо всем отвратительном, что я делала в доме Моффатов.

– Мы готовы, – сказала миссис Марч, улыбаясь, но глядя на нее с некоторой тревогой, – рассказывай.

– Я говорила вам, что они нарядили меня, но не сказала, что они напудрили, затянули и завили меня так, что я выглядела, как модная картинка.

Лори думает, что это было неприлично.

Я знаю, что он так думает, хотя и не сказал этого вслух, а один из гостей в разговоре со своей матерью назвал меня куклой.

Я знаю, что это было глупо, но они льстили мне, говорили, что я красавица, и кучу других глупостей, и я позволила им выставить меня такой дурой.

– И это все? – спросила Джо, а миссис Марч молча вглядывалась в красивое и удрученное лицо Мег; в глубине души она не находила ее маленькие безрассудства заслуживающими сурового осуждения.

– Нет, еще я пила шампанское, шумела и пыталась кокетничать, и все это вместе было отвратительно, – сказала Мег с раскаянием.

– Есть еще что-то, мне кажется. – И миссис Марч погладила нежную щеку, которая вдруг покрылась румянцем, когда Мег ответила медленно:

– Да.

Это очень глупо, но я хочу рассказать, потому что мне неприятно, что люди говорят такое о нас и Лори.

И она пересказала те обрывки сплетен, которые подслушала у Моффатов; и, пока она говорила, Джо видела, как мать плотно сжимает губы, раздосадованная тем, что подобные идеи попали в невинный ум Мег.

– Да это величайшая чушь, какую я только слышала! – раздраженно воскликнула Джо. – Почему ты не выскочила и не заявила им это прямо на месте?

– Я не могла, я была в таком замешательстве.

Я не могла не слушать сначала, а потом я была так сердита и пристыжена и забыла, что мне следует уйти и не слушать.

– Подожди, вот увижу Энни Моффат и покажу тебе, как надо действовать в таких случаях.

Что за нелепость думать, будто у нас «планы» и что мы хорошо относимся к Лори, потому что он богат и потом может на нас жениться!

Вот увидишь, как он возмутится, когда я скажу ему, какие глупости болтают о нас, бедных детях! – И Джо засмеялась, как будто по размышлении все это показалось ей хорошей шуткой.

– Если ты скажешь Лори хоть слово, я тебе этого не прощу!

Она не должна этого делать, правда, мама? – сказала Мег со страдальческим видом.

– Никогда не повторяй этих глупых сплетен и забудь о них как можно скорее, – сказала миссис Марч серьезно. – Это было очень неблагоприятно – позволить тебе отправиться к людям, о которых я так мало знаю: добрым, я признаю, но суетным, плохо воспитанным и с такими пошлыми представлениями об отношениях между молодыми людьми.

Мне невыразимо жаль, Мег, что этот визит мог причинить тебе такой вред.

– Не огорчайся, мама, я не допущу, чтобы все это повредило мне.

Я забуду о плохом и буду помнить только о хорошем, так как я все же получила немалое удовольствие и очень благодарна за то, что ты отпустила меня.

Я не стану сентиментальной или недовольной жизнью после этого визита.

Я знаю, что я еще просто глупая девочка, и я останусь с тобой, пока не буду способна сама позаботиться о себе... Но это так приятно, когда тебя хвалят и тобой восхищаются, и я не могу сказать, что мне это не нравится, – заключила Мег, испытывая некоторый стыд при этом признании.

– Хотеть нравиться другим – совершенно естественное и вполне невинное желание, если только оно не становится всепоглощающим и не ведет человека к глупым или нескромным поступкам.

Учитесь узнавать и ценить похвалу, которая заслуживает того, чтобы ее получить, и вызывайте восхищение хороших людей тем, что вы настолько же скромны, насколько и красивы.

Маргарет с минуту сидела в задумчивости, а Джо стояла рядом, заложив руки за спину, с заинтересованным и немного растерянным видом, так как для нее было совершенно непривычным видеть, как Мег краснеет и говорит о восхищении, поклонниках и прочих тому подобных вещах, и у Джо возникло такое чувство, словно за эти две недели сестра удивительно повзрослела и шагнула в новый мир, куда она, Джо, не могла последовать за ней.

– Мама, а у тебя есть «планы», как выразилась миссис Моффат? – спросила Мег смущенно.

– Да, дорогая, и много; у всех матерей они есть, но я подозреваю, что мои планы несколько отличаются от тех, какие строит миссис Моффат.

Я расскажу тебе о некоторых из них, ибо пришло время, когда искреннее слово может направить на верный путь твой романтический ум и сердце в том, что касается очень серьезного предмета.

Ты молода, Мег, но не настолько, чтобы не понять меня, а уста матери лучше других подходят для того, что поговорить о таких вещах с девочками.

Джо, и твой черед, вероятно, придет со временем, так что узнай и ты о моих «планах» и помоги мне претворить их в жизнь, если они хороши.

Джо подошла и присела на ручку кресла с таким видом, словно думала, что им предстоит объединить усилия в каком-то очень серьезном деле.

Взяв каждую из дочерей за руку и задумчиво глядя в юные лица, миссис Марч сказала серьезно, но вместе с тем радостно:

– Я хочу, чтобы мои дочери были красивыми, образованными и добрыми, чтобы ими восхищались, чтобы их любили и уважали, чтобы у них была счастливая юность, чтобы они хорошо и разумно вышли замуж и вели полезную и приятную жизнь с теми маленькими горестями и заботами, какие Бог сочтет нужным послать им.

Быть любимой хорошим мужчиной и стать его избранницей – самое лучшее и самое приятное, что может произойти в жизни женщины, и я искренне надеюсь, что мои девочки узнают это счастье.

Естественно думать об этом, Мег, уместно надеяться и ждать этого и разумно готовиться к этому, с тем чтобы, когда придет это прекрасное время, вы могли чувствовать себя готовыми к новым обязанностям и достойными ожидающей вас радости.

Дорогие мои девочки, я мечтаю о счастье для вас, но не хочу, чтобы вы безрассудно бросались в мир из родительского дома – выходили замуж за богатых людей только потому, что они богаты, или имели прекрасные дома, ни один из которых не назовешь родным домом, ибо нет в них любви.

Деньги – необходимая и ценная вещь и, когда их правильно используют, могут служить благородной цели, но я не хочу, чтобы вы думали, будто это главное и единственное благо, к которому нужно стремиться.

Я предпочла бы увидеть вас женами бедных мужей, если только вы будете счастливы, любимы, довольны, чем королевами на тронах, но лишенными самоуважения и душевного покоя.

– У бедных девушек нет никаких шансов на успех, говорит Белла, если только они не стараются привлечь к себе внимание, – вздохнула Мег.

– Тогда мы останемся старыми девами, – сказала Джо твердо.

– Правильно, Джо: лучше быть счастливыми старыми девами, чем несчастными женами или нескромными девицами, бегающими в поисках мужей, – сказала миссис Марч решительно. – Не волнуйся, Мег, бедность редко пугает искренне влюбленного.

Некоторые из лучших и глубоко уважаемых всеми женщин, каких я знаю, были бедными девушками, но столь достойными любви, что им не позволили остаться старыми девами.

Предоставьте все времени.

Делайте счастливым этот дом, так чтобы вы были готовы заняться потом своим собственным, если его вам предложат, или будьте довольны этим домом, если других вам не предложат.

Помните одно, девочки мои: мать всегда готова быть вашей наперсницей, а отец – другом, и оба мы верим в вас и надеемся, что наши дочери, замужние или нет, будут гордостью и утешением нашей жизни.

– Мы будем, мама, будем! – воскликнули обе от всего сердца, и мать пожелала им спокойной ночи.

Глава 10 Пиквикский клуб

Весна вступала в свои права, и вместе с ней, как всегда, появлялись новые занятия и новые радости, а становившиеся все длиннее дни предоставляли больше времени для разнообразной работы и развлечений.

Нужно было привести в порядок сад, где каждая из сестер имела свой участок – «садик», в котором ей была предоставлена полная свобода сажать что вздумается.

Ханна часто говорила:

«Я могла бы угадать, чей это садик, даже если б его в Китай перенесли», и это не было преувеличением, так как садоводческие вкусы девочек разнились между собой не меньше, чем их характеры.

В садике Мег росли розы, гелиотропы, мирт и померанцевое деревце.

Участок Джо преображался каждый год, так как она любила нововведения.

В этом году ему предстояло стать плантацией подсолнечника; семена этого радостного, горделиво стремящегося ввысь растения предназначались для тетушки Ко-ко и ее веселой семейки цыплят.

Бесс выращивала старомодные ароматные цветы: душистый горошек, резеду, дельфиниум, гвоздики, анютины глазки и кустарниковую полынь, а также курослеп для канарейки и кошачью мяту для кошек.

На участке Эми располагалась беседка, довольно маленькая, но очень красивая, обсаженная жимолостью и вся увитая ползучими растениями, сплетавшими свои зеленые усики и пурпурные колокольчики в изящные веночки; рядом росли высокие белые лилии, нежные папоротники и все яркие, живописные растения, какие только соглашались цвести там.

В погожие дни девочки работали в саду, гуляли, катались на лодке по реке и собирали цветы, а для дождливых дней были у них домашние развлечения – старые и новые, все более или менее оригинальные.

Одним из них был

«П. к.». В моде были всевозможные тайные общества, а потому считалось совершенно необходимым иметь таковое, и так как все девочки восхищались Диккенсом, то называли себя Пиквикским клубом.

Целый год, лишь с небольшими перерывами, они поддерживали его существование и каждым субботним вечером собирались в большом помещении на чердаке. Церемонии по сему случаю состояли в следующем. Три стула ставились в ряд перед столом, который украшали лампа, четыре эмблемы из белой бумаги, с изображенными на них цветными карандашами большими буквами

«П. к.», и яркая и содержательная еженедельная газета «Пиквикский листок», сотрудниками которой являлись все сестры, а редактором была Джо, отличавшаяся особой любовью к перу и чернилам.

В семь часов все четверо поднимались в комнату клуба, привязывали свои эмблемы лентами на головы и с большой торжественностью занимали места за столом.

Мег, как самая старшая, была Сэмюэлом Пиквиком; Джо, обладавшая литературными склонностями, – Огастесом Снодграссом; Бесс, так как была пухлой и румяной, – Треси Тапменом, а Эми, вечно пытавшаяся делать то, чего не умела, – Натэниелом Уинклем.

Пиквик, президент клуба, читал вслух газету, которая была заполнена рассказами и стихами их собственного сочинения, домашними новостями, объявлениями и рекомендациями, в которых они добродушно подшучивали над ошибками и недостатками друг друга.

И вот в один из таких вечеров мистер Пиквик водрузил на нос очки без стекол, слегка побарабанил пальцами по столу, откашлялся и сурово уставился на мистера Снодграсса, покачивавшегося на задних ножках стула, подождал, пока тот не сядет как следует, и начал читать: «ПИКВИКСКИЙ ЛИСТОК»

20 мая 1861 г.

Уголок поэта

Юбилейная ода
Еще один промчался год,
И новый юбилей
На праздник радостный зовет
Веселый круг друзей.

Здоров и бодр любой из нас,
На месте каждый друг —
Улыбки, блеск знакомых глаз,
Пожатья крепких рук.

Почтенный Пиквик не потух,
И, как всегда, в очках
Газету нам читает вслух
Он с огоньком в глазах.

Простужен он, но не беда!

Ведь даже хрипота Не скроет мудрость никогда, Коль льют ее уста. Вот с грацией слона Снодграсс!
Высок и смугл – как есть. Улыбкой озаряет нас И отдает нам честь.

Святой поэзии огонь Зажег его глаза.

Но, гордость, ты чела не тронь! Не разразись, гроза! Покой, и мир, и благодать Наш Тапмен нам
несет, Но рад всегда похотать, Коль каламбур найдет.

Уинкль наш задает bon ton, Уж он-то знает свет!

Блюсти приличья любит он, А умыться – нет. Мы все и шутим, и поем, Наш славный клуб цветет.

Шагаем творчества путем, Что к славе нас ведет. Пусть льют грядущие года Благословений ток На
плод совместного труда — Наш

«Пиквикский листок». О. Снодграсс

* * * Свадьба-маскарад (Венецианская история)

Гондола за гондолой устремлялись к мраморным ступеням великолепного дворца графа де Аделона,
чтобы пополнить своим прекрасным, очаровательным грузом блестящую толпу, собравшуюся на
маскарад.

Рыцари и дамы, пажи и карлики, монахи и цветочницы – все кружились в веселом танце.

Благозвучные голоса и пленительные мелодии наполняли воздух, и так, с весельем и музыкой,
маскарад продолжался.

«Ваше высочество, видели ли вы сегодня леди Виолу?» – спросил галантный трубадур у королевы фей,
которая медленно проплывала по залу под руку с ним.

«О да. Как она прелестна, хоть и так печальна!

И платье у нее подобрано с большим вкусом. Через неделю она венчается с графом Антонио, которого
терпеть не может».

«Клянусь честью, я завидую ему.

Смотрите, вот он, в наряде жениха, если, конечно, не считать черной маски.

Когда он снимет ее, мы увидим, каким взором смотрит он на красавицу, сердце которой не может
покорить, хотя ее суровый отец и отдает ему ее руку», – отвечал трубадур.

«Ходят слухи, что она влюблена в молодого английского художника, который следует за ней повсюду,
но к которому старый граф относится с презрением», – добавила дама, когда они присоединились к
танцующим.

Веселье было в полном разгаре, когда вдруг появился священник. Он отвел одну юную пару в альков с
занавесом из пурпурного бархата и велел им опуститься на колени.

В веселой толпе мгновенно воцарилось молчание, и ни один звук, кроме журчания фонтанов и
шелеста деревьев в дремлющих под сиянием луны апельсиновых рощах, не нарушал тишины, когда
граф де Аделон заговорил:

«Дамы и господа, простите мне маленькую уловку, которой я воспользовался, чтобы собрать вас здесь
на свадьбу моей дочери.

Начинайте, святой отец, мы ждем».

Все глаза устремились на юную пару в алькове, и чуть слышный шепот недоумения пробежал по толпе, так как ни жених, ни невеста не сняли масок.

Все сердца забились от любопытства и удивления, но почтение сковывало все языки, пока длились святые обряды.

Затем нетерпеливые зрители столпились вокруг графа, требуя объяснений.

«Я охотно дал бы их, если б мог, но я знаю лишь то, что это прихоть моей застенчивой Виолы, которой я уступил.

Теперь, дети мои, игра окончена.

Снимите маски и дайте мне благословить вас».

Но новобрачные не преклонили колен. Они сняли маски, и присутствующие вздрогнули, увидев благородное лицо Фердинанда Деверье, художника-любителя, на груди которого теперь сияла звезда английского графа, и черты прелестной Виолы, сияющей радостью и красотой. Фердинанд Деверье обратился к графу де Аделону:

«Милорд, вы с презрением заявили мне, что отдадите мне руку вашей дочери, лишь когда я смогу похвастаться столь же знатным именем и столь же большим состоянием, как у графа Антонио.

Я могу предложить вам большее: даже ваша честолубивая душа не сможет отказать графу Деверье Де Вер, который дает имя своего старинного рода и несметные богатства в обмен на руку этой прекрасной и горячо любимой леди, отныне моей супруги».

Старый граф стоял, словно окаменев, а Фердинанд, обернувшись к растерянной толпе, добавил с веселой и торжествующей улыбкой:

«А вам, мои любезные друзья, я могу только пожелать, чтобы ваше сватовство закончилось так же счастливо, как мое, и чтобы все вы могли получить руку такой же прекрасной невесты, какой добился я благодаря этой свадьбе-маскараду».

С. Пиквик * * *

Чем Пиквикский клуб напоминает вавилонское столпотворение?

Тем, что здесь полно болтливых членов. * * * История тыквы

Жил да был один фермер, и посадил он в своем огороде маленькое семечко. Прошло время, семечко проросло и стало вьющимся стеблем, на котором выросло много тыкв.

В один из дней октября, когда они созрели, снял он одну и повез на рынок.

Там ее купил зеленщик и выставил в витрине своей лавки.

В то же самое утро маленькая девочка в синем платье и коричневой шляпке, круглолицая и курносая, пошла и купила ее для своей мамы.

Притащила она тыкву домой, нарезала и сварила в большой кастрюле. Потом она размяла половину и приготовила к обеду пюре с маслом и солью, а в остальное добавила пинту молока, два яйца, четыре ложки сахара, немного мускатных орехов и сухого печенья, положила все это в глубокий сотейник и пекла, пока кушанье не стало румяным и красивым.

А на следующий день было оно съедено семейством по фамилии Марч.

Т. Тапмен

* * *

Мистер Пиквик!

Сэр, я обращаюсь к вам по вопросу о грехах грешник которого я имею в виду человек по имени Уинкль который вносит беспокойство в заседания клуба тем что смеется и иногда не вносит свой вклад в эту прекрасную газету я надеюсь вы простите ему его ужасные недостатки и позволите в следующий раз прислать французскую басню потому что он сам ничего не может придумать и у него много уроков и мало фантазии в будущем я постараюсь найти время чтобы написать что-нибудь что будет вполне *commu la fo* то есть подходяще а сейчас некогда потому что пора заниматься.

С почтением Н.

Уинкль

Вышеприведенное письмо – мужественное и благородное раскаяние в мелких преступлениях прошлого.

Если бы наш юный друг вдобавок изучил пунктуацию, это было бы весьма похвально. * * *
Прискорбное происшествие

В минувшую пятницу мы вздрогнули от раздавшегося в нашем подвале оглушительного грохота, за коим последовали страдальческие крики.

В полном составе мы ринулись в подвал и узрели нашего любимого президента, распростертого на полу. Выяснилось, что он резво сбежал в подвал за дровами для домашних нужд и упал с лестницы.

Нашим глазам предстала потрясающая картина, ибо при падении мистер Пиквик нырнул головой и плечами в лохань с водой, опрокинул бочонок жидкого мыла на свою благородную и мужественную особу и изрядно порвал свои одежды.

По вызволении нашего друга и президента из оной опасной ситуации было обнаружено, что он не получил иных телесных повреждений, кроме нескольких синяков, и мы счастливы сообщить, что в настоящее время он находится в добром здравии.

Ред. * * * Тяжкая утрата

Наш печальный долг сообщить о неожиданном и таинственном исчезновении нашего нежно любимого друга – миссис Снежинки Ласковой Лапки.

Эта милая и прелестная кошка была предметом восхищения большого круга горячих и преданных друзей.

Ее красота привлекала все взоры, ее изящество и добродетели пленяли все сердца, и эта утрата глубоко ощущается всем обществом.

В последний раз ее видели, когда она сидела у калитки, глядя на тележку мясника. Есть подозрения, что она была подло похищена каким-то негодяем, соблаздившимся ее красотой.

Прошло несколько недель, но нигде не было обнаружено никаких следов нашей красавицы, и ныне мы оставляем всякую надежду когда-либо увидеть ее снова.

Мы привязываем черную ленточку на корзиночку, где она спала, переворачиваем вверх дном ее блюдечко и оплакиваем ее как потерянную для нас навсегда. * * *

Сочувствующий друг прислал нам следующий шедевр. ЭЛЕГИЯ памяти миссис С.

Ласковой Лапки Судьба ее нам неизвестна, Навек от нас ее взял рок.

О, как она была прелестна, Когда играла в свой клубок.

Ее младенец под дубами Нашел последний свой приют. К ее ж могиле со слезами Друзья, горя, не придут.

Ее клубок и миска праздны, Постель холодная пуста, Не слышно «мур-мур-мур» прекрасной, Не видно пышного хвоста.

Другая кошка ловит мышек, Тех, что твоими быть должны, Но грации и страсти вспышек Ее движенья лишены. И где мятежная в ней сила, Что нас в тебе пленяла так?

Нет, ты пощады не просила, А смело прочь гнала собак.

Тебе, наш друг, нет равной в мире, И, горько плача и любя, Мы на прекрасной звучной лире Век будем прославлять тебя.

О. С.

* * * Объявления

В следующую субботу, по завершении заседания клуба, в Пиквикском зале состоится лекция знаменитой мисс Оранти Благодж на тему «Женщина и ее положение в обществе».

Еженедельный урок кулинарии проводит в Кухонном зале Ханна Браун. Приглашаются все желающие.

Члены Общества любителей мусорных совков собираются в следующую среду и парадным строем проходят на верхний этаж здания клуба.

Всем быть в униформе и нести на плечах швабры и совки.

На следующей неделе миссис Бесс Баунсер собирается предложить публике новый ассортимент кукольных шляп.

Ожидаются последние парижские модели.

Заказы принимаются.

В ближайшие недели в Амбарвильском театре состоится премьера пьесы, которой предстоит затмить все, что когда-либо появлялось на американской сцене.

Название этой захватывающей драмы – «Греческий невольник, или Константин-мститель»!!! * * * Рекомендации

Если С. П. не будет изводить столько мыла на свои руки, прекратятся его вечные опоздания к завтраку.

Убедительно просим О. С. не свистеть на улице.

Т. Т., просим Вас не забыть подрубить салфетку для Эми.

Н. У. должен быть благодарен судьбе за то, что его платье не подвернуто девять раз, как у Мэри Паркс.

Сводка успехов за неделю

Мег – хорошо.

Джо – плохо.

Бесс – очень хорошо.

Эми – удовлетворительно.

Когда президент завершил чтение

«Пиквикского листка» (который, как я прошу позволения заверить моих читателей, является bona fide копией газеты, написанной однажды bona fide девочками), раздались бурные аплодисменты. Затем мистер Снодграсс поднялся, чтобы внести предложение.

– Господин президент! Господа! – начал он важно, принимая парламентскую позу. – Я хочу предложить вам принять в наш клуб нового члена – человека, который вполне заслуживает этой высокой чести и будет глубоко благодарен за нее. Он, несомненно, внесет новый дух в деятельность клуба, будет в огромной степени способствовать оживлению наших заседаний и приумножению литературных достоинств нашей газеты и вообще будет бесконечно веселым и милым.

Я предлагаю избрать мистера Теодора Лоренса почетным членом П. к.

Ну давайте быстро, принимаем!

Неожиданная перемена в тоне Джо вызвала общий смех, но девочки, казалось, были несколько обеспокоены, и, когда Снодграсс опустил на свое место, никто не сказал ни слова.

– Поставим этот вопрос на голосование, – сказал президент. – Всех, кто за это предложение, прошу сказать «да».

Громкому восклицанию Снодграсса вторило, ко всеобщему удивлению, робкое согласие Бесс.

– Те, кто против, пусть скажут «нет».

Против были Мег и Эми. Мистер Уинкль поднялся, чтобы заявить с чарующим изяществом в манерах:

– Нам не нужно никаких мальчишек, они только насмеются и озорничают.

Это дамский клуб, и мы желаем, чтобы он был закрытым и чтобы все было пристойно.

– Я боюсь, что он будет смеяться над нашей газетой и дразнить нас потом, – заметил Пиквик, теребя маленький локон на лбу, как он всегда делал, когда был в нерешительности.

И тогда снова поднялся Снодграсс и сказал со всей серьезностью:

– Сэр, я даю вам слово джентльмена, что ничего подобного Лори делать не будет.

Он сам любит писать; сотрудничество с ним придаст новый тон нашему творчеству и поможет удержаться от сентиментальности, разве вы не понимаете?

И потом, мы так мало можем сделать для него, а он делает для нас так много. Поэтому я считаю, что нам следует предложить ему место среди нас и оказать гостеприимство, когда он придет.

Этот искусный намек на оказанные благодеяния заставил мистера Тапмена подняться с видом человека, принявшего окончательное решение:

– Да, мы должны так поступить, хоть и боимся.

Я согласна, чтобы он пришел, и его дедушка тоже, если захочет.

Этот неожиданный порыв Бесс наэлектризовал аудиторию, а Джо поднялась со своего места, чтобы с благодарностью пожать ей руку.

– Теперь голосуйте еще раз.

Все помнят, что это наш Лори, и говорят «да»! – воскликнул Снодграсс возбужденно.

– Да!

Да!

Да! – ответили одновременно три голоса.

– Отлично!

Молодцы!

А теперь позвольте мне, не теряя времени, представить вам нового члена клуба. – И к ужасу присутствующих, Джо распахнула дверцу стенного шкафа, где на мешке с лоскутами сидел Лори с озорно поблескивающими глазами и весь красный от сдавленного смеха.

– О, коварная!

Изменница!

Джо, как ты могла? – закричали девочки, когда Снодграсс с триумфом подвел своего друга к столу и, обеспечив ему и стул и эмблему, в один миг сделал его полноправным членом клуба.

– Дерзость этих двух плутов прямо-таки поразительна, – начал мистер Пиквик, пытаясь изобразить ужасное недовольство, хотя лицо его невольно расплылось в приветливой улыбке.

Однако новый член клуба оказался на высоте положения. Поднявшись со своего места, он отвесил благодарный поклон в сторону президента и сказал с самым очаровательным видом:

– Господин президент и дамы... прошу прощения – господа! Позвольте мне представиться – Сэм Уэллер, смиреннейший слуга этого клуба.

– Отлично!

Отлично! – воскликнула Джо, аккомпанируя себе стуком старой металлической грелки.

– Моего верного друга и благородного покровителя, – продолжил Лори, указав рукой в ее сторону, – представившего меня вам в столь лестных выражениях, не следует винить за имевшую место маленькую военную хитрость.

Это была моя идея, а он лишь согласился на мой план после продолжительных уговоров и поддразнивания.

– Перестань, не бери всю вину на себя.

Ты же знаешь, это я придумала насчет шкафа, – вмешался Снодграсс, которому вся проделка доставила огромное удовольствие.

– Не обращайтесь внимания на его слова, – сказал новый член с картинным, чисто уэллеровским поклоном в сторону мистера Пиквика. – Но, честное слово, я никогда больше не сделаю ничего подобного и впредь посвящу все свои силы интересам этого бессмертного клуба.

– Правильно!

Правильно! – воскликнула Джо, ударяя крышкой о грелку, словно это были литавры.

– Продолжай, продолжай! – добавили Уинкль и Тапмен, а президент благосклонно кивнул.

– Я хочу лишь добавить, что в виде благодарности за оказанную мне честь и в качестве средства развития дружеских отношений между нациями, проживающими в граничащих между собой

государствах, я открыл новое почтовое заведение. Оно находится в живой ограде, в нижней части сада. Это прекрасное просторное помещение с висячим замком на дверях и всевозможными удобствами.

Прежде оно служило скворечником, но я заткнул отверстие и превратил крышу в дверь, так что оно вполне может быть использовано для почтовых отправок, что позволит нам сохранить наше драгоценное время.

Там можно будет оставлять письма, рукописи, книги и посылки, а так как у каждой нации будет ключ, я думаю, все пойдет как нельзя лучше.

Позвольте мне вручить вам ключ и с глубокой признательностью за оказанную мне честь занять мое место.

Мистер Уэллер положил на стол маленький ключ и сел. Раздались оглушительные аплодисменты, грелка неистово застучала, и потребовалось некоторое время, чтобы восстановить порядок.

Последовала продолжительная общая дискуссия, в которой каждый из членов старался проявить себя с самой лучшей стороны, и в результате заседание оказалось необычайно оживленным, и перерыв не объявлялся до позднего вечера, когда оно наконец завершилось пронзительным троекратным «ура» в честь нового члена.

Никому никогда не пришлось пожалеть о приеме Сэма Уэллера, ибо более преданного, благовоспитанного и веселого члена не могло быть ни в одном клубе.

Он действительно внес новый «дух» в собрания и новый «тон» в газету, так как, слушая его речи, члены клуба корчились от смеха, а представленные им в газету произведения были великолепны – патриотические, классические, юмористические или драматические, но никогда не сентиментальные.

Джо находила их ничуть не хуже творений Бэкона, Мильтона и Шекспира и, подражая ему, переделывала свои с неплохим, как ей казалось, результатом.

Почта в живой изгороди оказалась великолепным изобретением и процветала. Через нее проходило почти столько же забавных писем и посылок, сколько и через настоящее почтовое заведение.

Трагедии и галстуки, стихи и соленья, длинные письма и семена цветов, ноты и имбирные пряники, ластики и приглашения, упреки и игрушки.

Эта игра понравилась и старому мистеру Лоренсу, и он принимал в ней участие, посылая забавные подарки, таинственные послания и смешные телеграммы, а его садовник, сраженный прелестями Ханны, даже отправил однажды через Джо настоящее любовное письмо.

Как смеялись они, когда секрет был раскрыт! Тогда они даже не предполагали, сколько любовных писем будет проходить через их почтовый ящик в предстоящие годы!

Глава 11 Новый опыт

Первое июня!

Завтра Кинги уезжают на море – и я свободна.

Впереди три месяца каникул! – воскликнула Мег, вернувшись домой в один из жарких дней и обнаружив, что Джо лежит на диване в состоянии необычного изнеможения и Бесс снимает с нее пыльные ботинки, а Эми занята приготовлением лимонада для поддержания сил всей компании.

– Тетя Марч уехала сегодня, чему – о! – возрадуемся! – сказала Джо. – Я смертельно боялась, что она попросит меня поехать с ней; ведь в таком случае мне, вероятно, пришлось бы согласиться из чувства долга, а в Пламфильде, вы же знаете, не веселее, чем на кладбище, и я предпочла бы, чтобы меня

избавили от такого удовольствия.

Сегодня с утра мы собирали ее в дорогу, и была такая суматоха. Я так спешила поскорее покончить со сборами, что была на редкость усердной и любезной, но боялась, – вдруг я так ей понравлюсь, что она не захочет со мной расстаться.

Я ужасно пугалась каждый раз, когда она обращалась ко мне, и дрожала, пока она не уселась в экипаж окончательно. Но когда он тронулся, тетя все-таки высунула голову и сказала:

«Джозефина, ты не...» Меня охватил ужас, я отвернулась и позорно бежала.

Я действительно побежала бегом и юркнула за угол и только там почувствовала себя в безопасности.

– Бедная Джо!

Она влетела в переднюю так, словно за ней гнались, – сказала Бесс, прижимая к груди стопы сестры с материнской нежностью.

– Тетя Марч – сущий сампфир, правда? – заметила Эми, пробуя свой напиток с критическим выражением лица.

– Она имела в виду «вампир», а не «сапфир», но это не важно.

Слишком жарко, чтобы тщательно подбирать выражения, – пробормотала Джо.

– А что вы будете делать на каникулах? – спросила Эми, тактично меняя тему разговора.

– Я буду подолгу нежиться в постели по утрам и ничего не делать, – отвечала Мег из глубин кресла-качалки. – Всю зиму мне приходилось рано вставать и проводить все дни, работая на других, так что теперь я собираюсь отдыхать и наслаждаться покоем сколько душе угодно.

– Нет, – сказала Джо, – мне этот дремотный способ отдыха не подошел бы.

Я уже отложила целую кучу книжек и собираюсь воспользоваться дарованной мне свободой, чтобы предаваться чтению на моем любимом суку старой яблони и еще чтобы скакать...

– Не говори «козлом»! – взмолилась Эми в отместку за исправление «сампфира».

– Хорошо, я скажу «скакать ланью» вместе с Лори.

– Давай мы тоже не будем учить никаких уроков, Бесс, только играть все время и отдыхать, – предложила Эми.

– Я согласна, если мама не будет против.

Я хочу разучить несколько новых песен, а моим деткам нужно сшить что-нибудь новенькое к лету, они ужасно пообносились.

– Ты позволишь, мама? – спросила Мег, оборачиваясь к миссис Марч, которая сидела с шитьем на своем обычном месте, которое все они называли «мамин угол».

– Да, проведите опыт в течение недели и посмотрите, как вам понравится такая жизнь.

Мне кажется, что к следующей субботе вы обнаружите, что одни развлечения без работы ничуть не лучше, чем одна работа без развлечений.

– О, нет, нет!

Это будет замечательно, я уверена, – сказала Мег с удовлетворением.

– Я предлагаю тост, как говорит мой «друг и компаньон, Сара Гэмп»: век веселиться, не корпеть! – подняв стакан, воскликнула Джо, когда лимонад пошел по кругу.

Они радостно выпили и начали свой опыт с того, что провели в праздности весь остаток этого дня.

На следующее утро Мег вышла к столу только около десяти часов; завтракать в одиночестве было не очень приятно, а комната казалась неопрятной и запущенной, так как Джо не заполнила вазы цветами, Бесс не вытерла пыль и везде валялись неубранные книжки Эми.

Ничто не радовало и не привлекало, кроме «мамино угла», который выглядел как обычно; там и села Мег, чтобы «отдохнуть и почитать», что на самом деле означало зевать и представлять себе, какие красивые летние платья купит она на свое жалованье.

Джо провела утро на реке вместе с Лори, а после обеда, сидя на яблоне, читала «Широкий, широкий мир» и заливалась слезами.

Бесс начала с того, что вытащила все содержимое из большого стенного шкафа, где проживала ее кукольная семья, но, утомившись, прежде чем успела навести порядок, оставила все свое хозяйство перевернутым вверх дном и перешла к пианино, радуясь, что не надо мыть посуду.

Эми надела свое лучшее белое платье, пригладила волосы, привела в порядок свою беседку и уселась рисовать под жимолостью, в надежде, что кто-нибудь увидит ее и поинтересуется, кто эта прелестная юная художница.

Но так как никто не появился, кроме любознательных долгоножек, которые с любопытством обследовали ее произведения, она пошла прогуляться, попала под проливной дождь и вернулась домой вымокшая до нитки.

За чаем они обменялись впечатлениями, и все сошлись на том, что это был восхитительный, хотя и необычно долгий день.

Мег, которая после обеда ходила в магазин и купила «прелестный голубой муслин», обнаружила – но лишь после того, как разрезала его на полотнища, – что он линяет, и эта неудача несколько испортила ей настроение.

У Джо, пока она каталась на лодке, обгорел на солнце нос, а слишком долгое чтение принесло невыносимую головную боль.

Бедную Бесс тревожил беспорядок в ее стенном шкафу и огорчала невозможность выучить три или четыре песни сразу, а Эми глубоко сожалела о том, что ее платье пострадало от дождя, так как на следующий день должна была состояться вечеринка у Кейти Браун и теперь, так же как Флоре Макфлимзи, ей «ну совершенно нечего было надеть».

Но все это, разумеется, были сущие пустяки, и они дружно заверили мать, что эксперимент проходит отлично.

Она улыбнулась и ничего не сказала, но с помощью Ханны сделала заброшенную ими работу, поддерживая тем самым приятную атмосферу в доме и обеспечив ровную работу всего механизма домашнего хозяйства.

Удивительно, к какому странному и неудобному положению дел привел этот процесс «отдыха и наслаждения покоем».

Казалось, что дни становятся все длиннее и длиннее, необычно разнообразной была как погода, так и настроение участников эксперимента, и дух беспокойства овладел всеми, а, как говорится, дьявол всегда найдет чем занять праздные руки.

В самый разгар «наслаждения покоем» Мег занялась кое-каким шитьем и тогда, найдя, что время

тянется мучительно медленно, принялась кромсать ножницами и портить свои платья в попытке переделать их à la Моффат.

Джо читала до тех пор, пока у нее не отказали глаза и ее не затошнило от книг. Она стала такой суетливой и раздражительной, что умудрилась поссориться даже с добродушным Лори, и до того пала духом, что в отчаянии подумала, как было бы хорошо, если бы она уехала с тетей Марч.

Бесс чувствовала себя совсем неплохо, так как постоянно забывала о том, что должны быть «одни развлечения без работы», и то и дело возвращалась к своим прежним занятиям; но что-то носившееся в воздухе воздействовало и на нее, и ее обычное душевное спокойствие было не раз заметно нарушено – в одном случае настолько, что она даже встряхнула милую Джоанну и назвала ее «страшилищем».

Хуже всех приходилось Эми, так как ее возможности были ограничены, и, когда сестры предоставили ей развлекаться в одиночестве и самой заботиться о себе, она очень быстро обнаружила, что превосходное и значительное «я» – большая обуза.

Кукол она не любила, сказки – это было слишком по-детски, а рисовать с утра до вечера человек не может; приглашения на чай не имели большого значения, так же как и пикники, разве только очень хорошо продуманные и устроенные.

«Если бы можно было жить в прекрасном доме, где полно милых девочек, или путешествовать, лето прошло бы великолепно, но оставаться дома с тремя эгоистичными сестрами и большим мальчишкой – тут и святой потеряет терпение», – роптала мисс Малапроп после нескольких дней, посвященных удовольствиям, раздражению и скуке.

Ни одна не призналась бы, что устала от проводимого опыта, но в пятницу вечером каждая в глубине души ощущала радость оттого, что неделя почти прошла.

Желая, чтобы урок запомнился лучше, миссис Марч, обладавшая большим чувством юмора, решила обеспечить подходящее завершение всему испытанию. Она дала Ханне выходной и позволила дочерям насладиться всеми последствиями принятых правил игры.

Когда они встали в субботу утром, в кухне не было огня, не было и завтрака в столовой, да и мамы нигде не было видно.

– Спаси и помилуй!

Что случилось? – воскликнула Джо, озираясь в ужасе.

Мег бегом поднялась наверх и вскоре спустилась обратно, на лице у нее было написано облегчение, но вид был довольно смущенный и немного пристыженный.

– Мама не больна, просто очень устала. Она говорит, что собирается весь день отдыхать у себя в комнате, а мы должны справляться как можем.

Это очень на нее не похоже, но она говорит, что прошедшая неделя была для нее тяжелой и что мы не должны ворчать и можем позаботиться о себе сами.

– Это не очень трудно, и мне даже нравится такая идея. Я очень хочу чем-нибудь заняться... – сказала Джо. – То есть найти какое-нибудь новое развлечение, ты понимаешь, – добавила она торопливо.

И в самом деле, необходимость немного поработать явилась для всех огромным облегчением, и они взялись за дело с охотой, но скоро убедились в справедливости любимой поговорки Ханны:

«Хозяйство – это вам не шутка».

В кладовой было полно провизии, и, пока Бесс и Эми накрывали на стол, Мег и Джо готовили завтрак и, занимаясь этим, удивлялись, почему это слуги вечно жалуются на свою тяжелую работу.

– Нужно отнести что-нибудь и маме, хотя она сказала, что мы можем не заботиться о ней, она сама о себе позаботится, – сказала Мег, которая сидела во главе стола за большим чайником и чувствовала себя настоящей матерью семейства.

И прежде чем кто-нибудь приступил к еде, поднос был уставлен кушаньями и отнесен наверх кухаркой вместе с наилучшими пожеланиями.

Прокипяченный чай был очень горьким, омлет засушенным, а печенье испещрено окалиной, но миссис Марч приняла все с выражением благодарности и от души посмеялась над содержимым подноса, после того как Мег ушла.

– Бедняжки, боюсь, им придется несладко, но вреда им от этого не будет, одна лишь польза, – сказала она себе, доставая куда более вкусные кушанья, которыми запаслась заранее, и пряча скверный завтрак, с тем чтобы чувства готовивших его не были задеты – маленькая материнская уловка.

Тем временем внизу звучало множество жалоб, а главная кухарка выражала досаду из-за постигших ее неудач.

– Ничего, обед приготовлю я. Я буду служанкой, а ты хозяйкой. Не порти ручки, принимай гостей и отдавай приказания, – сказала Джо, зная о кулинарных делах еще меньше, чем Мег.

Это любезное предложение было с радостью принято, и Маргарет удалилась в гостиную, которую поспешно привела в порядок, заметя мусор под диван и задернув шторы, чтобы не было видно пыли.

Джо, с глубокой верой в собственные силы и движимая желанием помириться с Лори, немедленно отнесла в почтовый ящик записку для него с приглашением к обеду.

– Лучше бы ты сначала посмотрела, что у тебя получится, прежде чем приглашать гостей, – заметила Мег, узнав об этом опрометчивом акте гостеприимства.

– О, у нас есть солонина и много картофеля, а еще я куплю спаржу и омара, «для аппетита», как говорит Ханна.

И салат-латук приготовим.

Не знаю как, но ничего, посмотрим в книжке.

На десерт я приготовлю бланманже и землянику со сливками и кофе тоже, если ты хочешь, чтобы обед был изысканным.

– Не старайся приготовить слишком много блюд, Джо. У тебя хорошо получаются только имбирная коврижка да конфеты из патоки.

Я снимаю с себя всякую ответственность за твой обед, и так как ты пригласила Лори, не советуясь со мной, то с тем же успехом можешь позаботиться о его удовольствии.

– От тебя ничего не требуется, кроме того, чтобы ты была вежлива с ним и помогла мне приготовить пудинг.

Ты ведь дашь мне совет, если я столкнусь с трудностями, хорошо? – спросила Джо, довольно, впрочем, обиженно.

– Хорошо, но я сама мало знаю – только про хлеб и так, несколько мелочей.

И лучше бы ты спросила у мамы разрешения, прежде чем покупать что-то к обеду, – ответила Мег благоразумно.

– Конечно, спрошу.

Я не дура. – И Джо вышла, оскорбленная столь явно выраженным сомнением в ее кулинарных способностях.

– Покупай что хочешь, только не беспокой меня.

Я сегодня обедаю в гостях и не могу думать о твоём обеде, – сказала миссис Марч, когда Джо обратилась к ней. – Я никогда не любила домашних забот и собираюсь сегодня устроить себе выходной – буду читать, писать, пойду в гости и доставлю себе удовольствие.

Необычное зрелище – мать, с утра качающаяся в кресле с книжкой в руках, – вызвало у Джо такие же чувства, какие могло бы вызвать какое-нибудь чудо природы, ибо даже неожиданное затмение, землетрясение или извержение вулкана вряд ли произвели бы на нее большее впечатление.

– Все как-то не так, – сказала она себе, спускаясь по лестнице. – Вот и Бесс плачет – верный знак, что дела в этом семействе идут плохо.

Если это Эми виновата, я уж ей задам.

Чувствуя, что и сама не в духе, Джо поспешила в гостиную, где нашла Бесс, рыдающую над своей канарейкой Пипом. Он лежал мертвый в клетке, с трогательно растопыренными коготками, словно умоляя о пище и воде, отсутствие которых и привело его к смерти.

– Это моя вина... я забыла о нем... здесь ни семечка, ни капли воды не осталось.

О, Пип!

Пип!

Как могла я быть такой жестокой? – плакала Бесс, держа бедняжку в руках и пытаясь вернуть его к жизни.

Джо заглянула в полуоткрытый глаз Пипа, потрогала его холодное, застывшее тельце, удрученно покачала головой и предложила свою коробку из-под домино в качестве гробика.

– Положи его в печку, может быть, он согреется и оживет, – сказала Эми с надеждой.

– Он умер от голода, и я не собираюсь еще и печь его теперь, когда он мертв.

Я сошью ему саван, и мы похороним его в саду. И я никогда не заведу другой птички, никогда, мой Пип! Я слишком скверная, чтобы иметь птичку, – бормотала Бесс, сидя на полу и держа своего любимца в сложенных ладонях.

– Похороны состоятся сегодня во второй половине дня, и все мы придем.

Ну-ну, Бесс, не плачь.

Жаль, конечно, но на этой неделе все шло кувырком, а на долю Пипа прилась худшая часть опыта.

Сшей саван и положи Пипа в мою коробку. После обеда у нас состоятся маленькие похороны, – сказала Джо, начиная чувствовать, что взяла на себя немалое бремя.

Оставив прочих утешать Бесс, она удалилась в кухню, которая была в весьма обескураживающем состоянии полного беспорядка.

Надев большой передник, Джо взялась за работу и собрала стопкой все тарелки, чтобы вымыть, но обнаружила, что огонь погас.

– Премилая перспектива, ничего не скажешь! – проворчала Джо, с грохотом распахнув дверцу печи и неистово тыкая кочергой в кучку тлеющих углей.

Снова разведя огонь, она подумала, что, пока вода греется, она успеет сходить на рынок.

Прогулка помогла ей воспрянуть духом, и, теша себя мыслью о том, что сделала очень выгодные покупки, она снова побрела домой, неся в корзинке очень молодого омара, очень старую спаржу и две коробки неспелой земляники.

К тому времени, когда она вымыла посуду, уже пора было обедать, а печь была накалиена докрасна.

Накануне вечером Ханна замесила хлеб и оставила его в квашне подниматься, а рано утром Мег обмяла тесто и, поставив его на теплую каменную плиту, чтобы оно поднялось второй раз, забыла о нем.

Она принимала в гостиной Салли Гардинер, когда дверь неожиданно распахнулась и на пороге появилась испачканная мукой, закопченная, красная и растрепанная особа и ядовито спросила:

– Послушай, разве тесто не достаточно поднялось, если оно уже вылезает из квашни?

Салли засмеялась, но Мег кивнула и подняла брови так высоко, что выше подняться они уже не могли; это заставило призрак исчезнуть и поставить перекиший хлеб в печь без дальнейших проволок.

Миссис Марч ушла из дома, предварительно взглянув, как идут дела, и сказав несколько слов утешения Бесс, которая сидела и шила саван, в то время как дорогой усопший был выставлен для торжественного прощания в коробке из-под домино.

Странное чувство беспомощности охватило девочек, когда серая шляпка исчезла за углом, и настоящее отчаяние овладело ими, когда несколько минут спустя появилась мисс Крокер и сообщила, что пришла к обеду.

Это была тощая желтая старая дева с острым носом и любопытными глазками, которая видела все и сплетничала обо всем, что видела.

Девочки не любили ее, но их учили быть добрыми к ней просто потому, что она старая, бедная и у нее мало друзей.

Поэтому Мег предложила ей стул поудобнее и постаралась поддержать разговор; гостья задавала вопросы, все критиковала и рассказывала всякие истории о своих знакомых.

Невозможно описать словами тревоги, испытания и труды, которые выпали в тот день на долю Джо, а обед, который она подала, стал в семье дежурной шуткой.

Опасаясь просить новых советов, она делала все, на что была способна, в одиночестве и обнаружила, что для того, чтобы стать кухаркой, необходимо нечто большее, чем энергия и добрая воля.

Она варила спаржу час и с огорчением обнаружила, что головки отвалились, а стволы стали тверже, чем были.

Хлеб подгорел, так как соус для салата привел ее в такое раздражение, что она забыла обо всем остальном, пока окончательно не убедилась, что не в силах сделать его съедобным.

Омар был для нее неразрешимой загадкой, но она била и тыкала его, пока не освободила от скорлупы, и затем его тощие формы были скрыты от глаз в роще салата-латука.

С картофелем пришлось спешить, чтобы не заставлять ждать спаржу, и в результате он оказался недоваренным.

Бланманже вышло комковатое, а земляника была не такой спелой, как казалась, ибо хитрый продавец умело выложил хорошие ягоды только сверху.

«Ну ничего, они могут поесть солонины и хлеба с маслом, если голодны, только уж очень обидно потратить впустую целое утро», – думала Джо, когда звонила в колокольчик на полчаса позже обычного и стояла, разгоряченная, усталая и обескураженная, обозревая пиршественный стол, который она предлагала Лори, привыкшему ко всевозможным изыскам, и мисс Крокер, чьи любопытные глазки подмечали все недостатки и чей болтливый язык разносил весть о них по округе.

Бедная Джо охотно спряталась бы под стол, когда все блюда, одно за другим, пробовались и отставлялись, в то время как Эми хихикала, Мег сидела со страдальческим видом, мисс Крокер поджимала губки, а Лори болтал и громко смеялся в попытке создать радостную и праздничную атмосферу.

Своей удачей Джо могла считать ягоды, так как она обильно посыпала их сахаром и к ним у нее имелся кувшин отличных сливок.

Ее пылающие щеки немного охладились и она перевела дыхание, когда по кругу пошли красивые стеклянные вазочки и все очень благосклонно взглянули на маленькие розовые островки, плавающие в море сливок.

Мисс Крокер попробовала первая, скривилась и поспешно запила водой.

Джо, которая отказалась от десерта из опасений, что ягод может не хватить на всех, так как количество их плачевно уменьшилось после того, как были отобраны лишь спелые, взглянула на Лори. Он ел мужественно, лишь возле губ его залегла небольшая складка, а глаз он не отрывал от тарелки.

Эми, любившая деликатную пищу, зацепила ложку с верхом, подавилась, спрятала лицо в салфетку и стремительно выбежала из-за стола.

– О, что случилось? – воскликнула Джо, дрожа.

– Соль вместо сахара, а сливки кислые, – отвечала Мег с трагическим жестом.

Джо застонала и откинулась на спинку стула, вспомнив, что забыла поставить сливки в холодильник, а под конец впопыхах посыпала ягоды из одной из двух стоявших на кухонном столе коробок.

Она покраснела и была готова расплакаться, когда встретила взглядом с Лори, чьи глаза глядели весело, несмотря на его героические усилия по съедению оригинального десерта.

Ее мгновенно поразила смешная сторона происходящего, и она расхохоталась так, что слезы побежали у нее по щекам.

То же самое сделали и остальные, даже «квакша», как девочки называли мисс Крокер, и злополучный обед завершился весело, с хлебом, маслом, оливками и шутками.

– У меня не хватает силы духа, чтобы убирать со стола сейчас, так что давайте сначала успокоим себя похоронами, – сказала Джо, когда все поднялись из-за стола, а мисс Крокер собралась уходить, горя нетерпением рассказать эту новую историю за обеденным столом у других знакомых.

Они действительно настроились на серьезный лад ради Бесс.

Лори выкопал могилку в роще среди папоротников, маленький Пип был положен в нее под горькие рыдания его мягкосердечной хозяйки, покрыт мхом, и венки из фиалок и курослепа были повешены на могильном камне, на котором карандашом вывели эпитафию, сочиненную Джо в те часы, когда она билась над приготовлением обеда: Здесь лежит Пип Марч.

В июле умер он.

Ему – стоны и плач.

Ему – низкий поклон.

По завершении траурной церемонии Бесс удалилась в спальню, подавленная чувствами и отведанным омаром, но там негде было отдохнуть, так как кровати были неубраны, и она нашла, что взбивание подушек и раскладывание вещей по местам очень помогает облегчить душевные страдания.

Мег и Джо убрали остатки пиршества; это заняло у них ровно половину послеобеденной части дня и до того утомило, что они решили обойтись чаем и жареным хлебом к ужину.

Лори взял Эми прокатиться в экипаже, что было актом милосердия по отношению ко всем, так как кислые сливки очень плохо отразились на ее и без того вспыльчивом характере.

Миссис Марч вернулась домой и застала трех старших девочек за работой, а взгляд, мельком брошенный в кладовую, дал ей представление об успехе заключительной части эксперимента.

Прежде чем усталые домохозяйки смогли отдохнуть, им нанесли визиты еще несколько знакомых, и было немало суматохи с переодеванием для встречи гостей; потом нужно было приготовить чай, сделать немало мелких дел, а кое-какое самое необходимое шитье пришлось отложить до последней минуты.

Когда опустились сумерки, тихие и росистые, одна за другой они вышли на крыльцо, где на розах наливались красивые бутоны, и каждая застонала или вздохнула, когда садилась, словно от усталости или заботы.

– Какой это был ужасный день! – начала Джо, которая всегда заговаривала первой.

– Он показался мне короче, чем обычно, но был таким неприятным, – сказала Мег.

– Будто и не дома, – добавила Эми.

– Дом не может быть таким, как всегда, если нет мамы и маленького Пипа, – вздохнула Бесс, глядя полными слез глазами на пустую клетку, висевшую над головой.

– А вот и мама, дорогая, и завтра же у тебя будет новая птичка, если захочешь.

С этими словами миссис Марч подошла и заняла свое место среди дочерей с таким видом, словно для нее этот субботний день был не намного приятнее, чем для них.

– Вы удовлетворены поставленным опытом или хотите продлить его еще на неделю? – спросила она, когда Бесс прильнула к ее груди, а остальные обернулись с просиявшими лицами, как цветы оборачиваются к солнцу.

– Я – нет! – воскликнула Джо решительно.

– Я тоже, – отозвались остальные.

– Значит, вы думаете, что все же лучше иметь некоторые обязанности и жить не только для себя, но и для других, так?

– Безделье и развлечения – невыгодное занятие, – заметила Джо, покачав головой. – Я устала от таких удовольствий и собираюсь теперь взяться за какую-нибудь работу.

– Я надеюсь, что ты научишься готовить простые блюда; это полезное умение, без которого не может обойтись ни одна женщина, – сказала миссис Марч, чуть заметно улыбаясь при воспоминании о званом обеде Джо, отчет о котором она услышала от мисс Крокер, столкнувшейся с ней на улице.

– Мама, ты ушла и оставила все только для того, чтобы посмотреть, как мы справимся с хозяйством? – спросила Мег, которую весь день не покидало это подозрение.

– Да, и я хотела, чтобы вы сами увидели, что удобства всех зависят от того, насколько ответственно каждая из вас выполняет свою долю работы.

Пока я и Ханна делали за вас вашу работу, дела у вас шли неплохо, хотя мне кажется, что вы были не очень счастливы и приветливы; так вот, я решила дать вам маленький урок, чтобы показать, что выходит, когда каждая думает только о себе.

Разве вы не почувствовали, что гораздо приятнее помогать друг другу и честно нести свое бремя ради того, чтобы в доме было удобно и приятно нам всем?

– Почувствовали, мама, конечно! – воскликнули девочки.

– Тогда позвольте мне посоветовать вам снова взвалить на плечи ваши небольшие ноши, так как, хотя они иногда и кажутся тяжелыми, пользу приносят большую и становятся легче, когда мы овладеем умением нести их.

Работа благотворна, и ее хватит на всех; она помогает уберечься от скуки и зла, она полезна для здоровья тела и духа, она дает нам чувство силы и независимости больше, чем деньги или элегантность.

– Мы будем трудиться как пчелки и даже полюбим труд, вот увидишь! – сказала Джо. – Я буду учиться готовить.

Вот моя задача на эти каникулы; и следующий званый обед, который я устрою, вызовет у всех восхищение.

– Я вместо тебя, мама, сошью рубашки для папы.

Я могу и хочу это сделать, хотя и не люблю шить.

Это будет лучше, чем возиться со своими собственными нарядами, которые вполне хороши как есть, – сказала Мег.

– Я буду учить уроки каждый день и не стану тратить так много времени на кукол и музыку.

Я такая глупая и должна учиться, а не играть, – таким было решение Бесс. Эми последовала примеру сестер, геройски заявив:

– Я научусь обметывать петли и буду обращать внимание на слова, которые употребляю.

– Очень хорошо!

Я вполне удовлетворена опытом и надеюсь, что нам не придется повторять его. Только не бросайтесь в другую крайность – не надрывайтесь.

Отведите себе часы для работы и для отдыха, сделайте каждый день и полезным и приятным и, хорошо используя время, докажите тем самым, что понимаете его ценность.

Тогда юность будет прекрасна, старость принесет мало сожалений о прошлом и жизнь окажется красивой и счастливой, несмотря на бедность.

– Мы запомним это, мама! – И они запомнили.

Глава 12 Лагерь генерала Лоренса

Обязанности почтальона обычно исполняла Бесс, так как, находясь по большей части дома, она могла регулярно посещать почтовое заведение в изгороди и очень любила свою ежедневную обязанность отпирать ключом маленькую дверцу и доставлять почту.

В один из июльских дней она вернулась домой с целой охапкой писем и посылок и прошла по дому, раздавая их, как заправский почтальон.

– Вот букет для тебя, мама!

Лори никогда не забывает прислать его, – сказала она, помещая свежий букет душистых цветов в вазу, которая стояла в «мамином углу».

– Мисс Мег Марч, письмо и перчатка, – продолжала Бесс, передавая эти предметы сестре, которая сидела рядом с матерью, пришивая манжеты к мужской рубашке.

– Но я забыла у Лоренсов пару перчаток, а здесь только одна, – сказала Мег, глядя на нитяную серую перчатку. – Ты не потеряла вторую, пока шла по саду?

– Нет, я уверена, что не потеряла. На почте была только одна.

– Терпеть не могу непарные перчатки!

Ну ничего, может быть, вторая найдется.

А в письме просто перевод немецкой песни, о котором я просила.

Я думаю, это мистер Брук перевел, потому что почерк не похож на почерк Лори.

Миссис Марч взглянула на Мег, очень хорошенькую в домашнем полотняном платье и с маленькими растрепанными кудряшками надо лбом, очень женственную за своим маленьким рабочим столиком и совершенно не подозревающую о мысли, родившейся в уме матери. Она шила и пела, пальцы ее мелькали, а мысли были заняты девичьими мечтами, такими же невинными и свежими, как анютины глазки, приколотые к ее поясу. Миссис Марч улыбнулась и осталась довольна.

– Для доктора Джо – два письма, книга и эта смешная старая шляпа, которая покрывала все почтовое заведение, – сказала Бесс со смехом, входя в кабинет, где сидела и писала Джо.

– Какой коварный этот Лори!

Я заметила как-то раз, что хотела бы, чтобы в моде были шляпы с большими полями, потому что в каждый солнечный день у меня обгорает лицо.

А он сказал:

«К чему обращать внимание на моду?

Носи большую шляпу – и тебе будет удобно!»

Я ответила, что совсем не прочь, если бы только она у меня была.

Вот он и прислал мне эту шляпу, чтобы испытать мою решимость.

Ну ничего, я надену ее для смеха и покажу ему, что мода меня не волнует. – И, повесив старомодную широкополую шляпу на бюст Платона, Джо прочитала оба письма.

Первое было от матери, и щеки Джо запылали, а глаза наполнились слезами, ибо в нем говорилось:

Дорогая моя!

Я пишу эту записочку, чтобы сказать тебе о том удовлетворении, с которым наблюдаю за твоими усилиями владеть собой.

Ты никогда не говоришь о своих переживаниях, успехах и неудачах и, быть может, думаешь, что никто не знает о них, кроме того Друга, к которому ты ежедневно обращаешься за помощью, насколько я

могу судить по истрепанной обложке твоего путеводителя.

Но я тоже вижу все и всем сердцем верю в твою искренность и решимость, так как они начинают приносить плоды.

Продолжай, дорогая, терпеливо и уверенно и знай, что никто не сочувствует тебе глубже, чем твоя любящая

мать.

«Как ты помогаешь мне, мама!

Такая записка лучше миллионов долларов и кучи похвал.

О, мама, я стараюсь!

И я буду стараться и не устану, так как у меня есть ты и ты поможешь мне».

И, уронив голову на руки, Джо окропила маленькую повесть, которую писала, несколькими счастливыми слезами, так как прежде она действительно думала, что никто не видит и не ценит ее усилий быть хорошей. Уверения матери были вдвойне ценны, вдвойне обнадеживали, так как оказались неожиданными и пришли от человека, чьей похвалой она дорожила больше всего.

Чувствуя в себе новые силы и решимость встретить лицом к лицу и усмирить своего Аполлиона, она приколотла записку в одной из складок своего платья как надежный щит и напоминание на случай, если опасность застигнет ее врасплох, и распечатала второе письмо, вполне готовая и к хорошим, и к плохим новостям.

Крупным, торопливым почерком Лори писал:

Дорогая Джо! Все очень хорошо!

Несколько мальчиков и девочек приезжают завтра ко мне в гости из Англии, и я хочу, чтобы мы весело провели время.

Если это устроит всех, я хотел бы разбить палатку на лугах в Лонгмедоу и перевезти туда на лодках всю компанию, чтобы устроить пикник и поиграть в крокет.

Мои гости отличные люди и любят такие развлечения.

Мистер Брук тоже поедет, чтобы держать нас, мальчиков, в узде, а Кейт Воун будет состоять при девочках.

Я очень хочу, чтобы все вы поехали, и ни за что не позволю Бесс остаться дома – на пикнике никто ее не будет тревожить.

Насчет провизии не беспокойтесь – я позабочусь об этом и обо всем остальном также. Только приезжай, будь другом!

Не покинь в горе Твоего Лори.

– Великолепно! – вскричала Джо, влетая в гостиную, чтобы сообщить новость Мег.

– Ты ведь позволишь поехать, мама?

И мы очень поможем Лори, потому что я умею грести, а Мег позаботится о завтраке, и младшие девочки чем-нибудь да будут полезны.

– Надеюсь, что эти Воуны не какие-нибудь очень элегантные, совсем взрослые люди.

Ты что-нибудь знаешь о них, Джо? – спросила Мег.

– Только то, что их четверо.

Кейт старше тебя, Фред и Френк (близнецы) примерно моего возраста, а Грейс – маленькая девочка, лет девяти или десяти.

Лори познакомился с ними за границей, и ему понравились мальчики, но, судя по тому, как он поджал губы, говоря о Кейт, он не в восторге от нее.

– Я так рада, что мое платье из французского ситца выстирано; это именно то, что нужно, и оно так мне идет! – заметила Мег самодовольно. – У тебя есть что-нибудь приличное, Джо?

– Красный с серым костюм для гребли, для меня он вполне хорош.

Я собираюсь грести и ходить пешком, так что я не желаю никакого крахмала на себе, чтобы думать о нем.

Ты поедешь, Бесс?

– Если ты не позволишь ни одному из мальчиков говорить со мной.

– Ни одному!

– Я хотела бы доставить удовольствие Лори, и мистера Брука я не боюсь, он такой добрый, но я не хочу играть, петь или разговаривать.

Я буду усердно работать и никому не помешаю, так что, если ты позаботишься обо мне, Джо, я поеду.

– Умница, ты стараешься побороть свою робость, и я люблю тебя за это.

Бороться с недостатками непросто, по себе знаю, а каждое слово ободрения так воодушевляет.

Спасибо, мама. – И Джо запечатлела на впалой щеке матери благодарный поцелуй, более драгоценный для миссис Марч, чем даже тот, который был бы способен вернуть этой щеке розовую округлость юности.

– А я получила коробку шоколадного драже и картинку, которую хотела срисовать, – сказала Эми, показывая свою почту.

– А у меня записка от мистера Лоренса; он просит, чтобы я пришла сегодня вечером и поиграла ему, прежде чем зажгут лампы, – сказала Бесс, чья дружба со старым мистером Лоренсом крепла день ото дня. – И я непременно пойду, – добавила она.

– Теперь давайте покрутимся как следует и сделаем сегодня двойную работу, чтобы завтра мы могли резвиться без забот, – сказала Джо, готовясь сменить перо на швабру.

Когда на следующее утро раннее солнце заглянуло в комнаты девочек, суля им погожий день, перед ним предстала забавная картина.

Каждая сделала такие приготовления к празднику на открытом воздухе, какие сочла необходимым.

Надо лбом Мег был дополнительный ряд папильоток, Джо обильно смазала обгоревшее лицо кольдкремом, Бесс взяла к себе в постель Джоанну, чтобы помочь ей примириться с предстоящей разлукой, но Эми превзошла всех, посадив зажимку, похожую на защипку для белья, на свой нос, чтобы приподнять эту оскорбляющую взор часть лица.

Это была зажимка того рода, какие используют художники, чтобы прикреплять бумагу к мольберту, и была вполне подходящим и эффективным средством для той цели, для которой была применена в

данном случае.

Это забавное зрелище, казалось, рассмешило солнце, так как оно вдруг вспыхнуло таким сиянием, что Джо проснулась и разбудила всех сестер, от души расхохотавшись при виде украшения Эми.

Солнце и смех были добрым предзнаменованием, и вскоре в обоих соседних домах началась веселая суета.

Бесс, которая была одета раньше всех, стояла у окна и описывала все, что творится у соседей, развлекая занятых туалетом сестер своими телеграфными сообщениями:

– Вот идет человек с палаткой!

Я вижу, миссис Баркер несет завтрак в коробе с плетеной крышкой и в большой корзинке.

Теперь мистер Лоренс глядит на небо и на флюгер; я хотела бы, чтобы он тоже поехал с нами.

А вот Лори; выглядит как настоящий моряк – милый мальчик!..

О, какой ужас!

Экипаж, полный людей: высокая дама, маленькая девочка и двое ужасных мальчишек.

Один хромает, бедняжка; с костылем.

Лори нам об этом ничего не говорил... Давайте скорее, девочки!

А то уже поздно.

О, да там и Нед Моффат – каково?!

Смотри, Мег, разве это не тот молодой человек, который раскланялся с тобой однажды, когда мы делали покупки?

– Да, это Нед Моффат.

Как странно: я думала, что он отдыхает в горах.

А вот и Салли, я рада, что она вернулась как раз к этому пикнику.

Я в порядке, Джо? – воскликнула Мег в возбуждении.

– Настоящая маргаритка.

Одерни платье и посади шляпу прямо, а то, когда она набок, и вид у тебя сентиментальный, и слетит она при первом же порыве ветра.

Ну, теперь пошли!

– О, Джо, не собираешься же ты идти в этой ужасной шляпе?

Что за нелепость!

Не делай из себя чучело, – увещевала Мег сестру, когда та подвязала красной лентой широкополую старомодную соломенную шляпу, которую Лори прислал ей шутки ради.

– И все-таки я ее надену, отличная шляпа – и от солнца защищает, и такая легкая и большая.

Это будет забавно, и я ничего не имею против того, чтобы выглядеть чучелом, лишь бы мне было удобно. – С этими словами Джо решительно направилась к выходу, и остальные последовали за ней – веселый маленький отряд сестер, замечательное зрелище – все в летних костюмах, со счастливыми

лицами под полями изящных шляпок.

Лори подбежал, чтобы в самой сердечной манере представить их своим друзьям.

Лужайка превратилась в приемный зал, и в течение нескольких минут там разыгрывалась оживленная сцена.

Мег было приятно видеть, что мисс Кейт, хотя и совсем взрослая, двадцатилетняя девушка, была одета с той простотой, которую неплохо было бы перенять всем юным американкам. Она также была весьма польщена уверениями мистера Неда Моффата в том, что он приехал исключительно для того, чтобы встретиться с ней.

Джо сразу стало ясно, почему Лори «поджимал губы», говоря о Кейт, ибо эта молодая особа имела весьма неприступный вид, сильно отличавший ее от остальных девочек с их свободными, непринужденными манерами.

Бесс, понаблюдав за новыми мальчиками, решила, что тот, который хромает, не «ужасный», но кроткий и слабый, и по этой причине она будет ласковой с ним.

Эми нашла, что Грейси – благовоспитанная и веселая маленькая особа, и, молча поглядев друг на друга в течение нескольких минут, они вдруг стали самыми добрыми друзьями.

Палатка, завтрак и приспособления для игры в крокет были отправлены заранее, а вскоре и вся компания погрузилась на две лодки; гребцы в обеих оттолкнулись от берега одновременно, оставив мистера Лоренса махать им вслед своей шляпой.

Лори и Джо гребли в одной лодке, а мистер Брук и Нед в другой, в то время как Фред Воун, мятежный близнец, делал все, что мог, чтобы помешать и той и другой паре, шлепая веслами по воде в маленькой плоскодонке и крутясь, как потревоженный водяной клоп.

Смешная шляпа Джо вполне заслуживала многочисленных выражений признательности, так как оказалась полезной во всех отношениях: она помогла сломать лед при первом знакомстве, вызвав всеобщий смех, она создавала приятный, освежающий ветерок, колыхаясь туда-сюда, когда Джо гребла, и могла бы, по словам Джо, послужить отличным зонтом для всей компании, если бы вдруг пошел дождь. Мисс Кейт наблюдала за поведением Джо с некоторым изумлением, особенно когда та, упустив весло, воскликнула: «Христофор Колумб!» – и когда Лори, занимая свое место в лодке, наступил Джо на ногу и сказал: «Приятель, прости; очень больно?» Но несколько раз приставив к глазам лорнет, чтобы получше разглядеть необычную девочку, мисс Кейт решила, что та «странная, но довольно умненькая», и улыбнулась ей издали.

Мег занимала восхитительное положение в другой лодке – она сидела лицом к лицу с гребцами, которые были в восторге от этого обстоятельства и выносили весла плашмя с необыкновенным мастерством и ловкостью.

Мистер Брук был серьезный, молчаливый молодой человек с красивыми карими глазами и приятным голосом.

Мег нравились его сдержанные манеры, и к тому же она считала его ходячей энциклопедией полезных знаний.

Он мало говорил с ней, но много смотрел на нее, и она была уверена, что во взгляде его нет антипатии.

Нед, будучи студентом, разумеется, напускал на себя важный вид, который считает своим святым долгом напускать на себя всякий первокурсник; он был не слишком умным, но очень добродушным и веселым малым и в целом вполне подходящим для участия в таком развлечении, как пикник.

Салли Гардинер была поглощена тем, чтобы сохранить чистым свое белое пикейное платье, а также болтовней с вездесущим Фредом, который держал Бесс в постоянном страхе своими озорными выходками.

До Лонгмедоу было совсем недалеко, но к тому времени, когда они прибыли на место, палатка уже была разбита и воротца для крокета расставлены.

Посередине манящего зеленого луга стояли три развесистых дуба и тянулась ровная полоса дерна, где и предстояло играть в крокет.

– Добро пожаловать в лагерь генерала Лоренса! – сказал юный хозяин, когда все высадились на берег с восклицаниями восторга. – Брук – главнокомандующий, я – генерал-интендант, остальные мальчики – офицеры штаба, а вы, дамы, – наши гости.

Палатка предоставляется в ваше исключительное пользование; под тем дубом – ваша гостиная, под вторым – столовая, под третьим – походная кухня.

А теперь давайте поиграем, прежде чем станет жарко; потом подумаем о завтраке.

Френк, Бесс, Эми и Грейс сели, чтобы наблюдать за игрой остальных восьми участников пикника.

Мистер Брук выбрал Мег, Кейт и Фреда в свою команду; Лори взял Салли, Джо и Неда в свою.

Англичане играли хорошо, но американцы лучше и сражались за каждую пядь земли так мужественно, словно дух 1776 года вдохновлял их на борьбу – у Джо и Фреда было несколько небольших стычек, а однажды едва удалось избежать сильных выражений.

Джо прошла последние воротца, но тут промахнулась, и эта неудача изрядно ее рассердила.

Фред лишь немного отставал от нее, и теперь наступил его черед играть.

Он сделал удар, шар его стукнулся о воротца и остановился в дюйме от них.

Возле ворот никого не было, и, подбежав, чтобы посмотреть, где лежит шар, он коварно подтолкнул его носком сапога и переместил на дюйм за воротца.

– Я прошел!

Теперь, мисс Джо, я разделаюсь с вами и пройду к колышку первым! – закричал этот юный джентльмен, занося свой молоток для нового удара.

– Вы подтолкнули, я видела; теперь мой черед играть, – сказала Джо резко.

– Клянусь, я его не трогал; ну, может быть, он сам покатился немного, но это не против правил, так что отойдите, пожалуйста, и дайте мне пробить к колышку.

– Мы, в Америке, не жульничаем, но вы можете, если хотите, – заявила Джо гневно.

– Янки – самые большие ловкачи на свете, все это знают.

Вот вам! – ответил Фред, отбивая ее шар своим шаром далеко в сторону.

Джо открыла было рот, чтобы сказать какую-нибудь грубость, но вовремя сдержалась. Она покраснела до корней волос и с минуту стояла, изо всей силы вколачивая воротца в землю своим молотком, в то время как Фред попал своим шаром в колышек и с ликованием объявил, что кончил игру.

Джо пошла забрать свой шар и долго искала его в кустах, но назад вернулась спокойная и хладнокровная на вид и терпеливо ждала своей очереди.

Ей потребовалось несколько ударов, чтобы вернуть себе утраченные позиции, но к тому времени

команда мистера Брука была близка к победе, так как их последний шар, принадлежавший Кейт, уже лежал близко к колышку.

– Эх! Все потеряно!

Прощай, Кейт!

Мисс Джо хочет свести со мной счеты, так что победы тебе не видать! – крикнул Фред возбужденно, когда все подбежали ближе, чтобы увидеть конец игры.

– Янки имеют обыкновение проявлять великодушие к врагам, – сказала Джо, бросив на Фреда взгляд, который заставил его покраснеть. – Особенно когда побеждают их, – добавила она после того, как, оставив нетронутым мяч Кейт, искусным ударом отправила свой шар к колышку и привела свою команду к победе.

Лори подбросил в воздух шляпу, но затем вспомнил, что не годится торжествовать по поводу поражения гостей, и, оборвав свое «ура», шепнул Джо:

– Bravo!

Он мошенничал, я видел.

Мы не можем сказать ему это прямо, но больше он этого делать не будет, ручаюсь.

Мег, под предлогом необходимости приколоть на место упавшую косу, отвела Джо в сторону и сказала с сочувствием и одобрением:

– Хотя это и было ужасно досадно, но ты сдержалась, Джо, и я так рада.

– Не хвали меня, Мег; в ту минуту я была готова дать ему пощечину.

Я наверняка вскипела бы от негодования, если бы не постояла там в крапиве и не подавила свой гнев настолько, чтобы суметь промолчать.

Ярость все еще кипит во мне, так что, надеюсь, он будет держаться подальше от меня, – отвечала Джо, кусая губы и бросая горящий взгляд на Фреда из-под полей своей большой шляпы.

– Пора завтракать, – сказал мистер Брук, взглянув на свои часы. – Генерал-интендант, будьте добры, разведите огонь и принесите воды, пока мисс Марч, мисс Гардинер и я расставим стол.

Кто может сварить хороший кофе?

– Джо может, – сказала Мег, радуясь возможности зарекомендовать сестру с положительной стороны.

Джо, чувствуя, что недавно полученным урокам кулинарного искусства предстоит принести ей лавры, заняла председательское место за кофейником; младшие отправились собирать сухие палочки, а мальчики тем временем разводили костер и носили воду из близлежащего источника.

Мисс Кейт делала наброски в своем альбоме для рисования, а Френк беседовал с Бесс, которая плела из тростинки маленькие салфеточки, чтобы подложить их под тарелки и чашки.

Главнокомандующий и его адъютанты расстелили скатерть и устали ее множеством соблазнительных напитков и кушаний, очаровательно украшенных зелеными листиками.

Вскоре Джо объявила, что кофе готов, и все с радостью уселись за обильную трапезу, ибо молодежь редко страдает расстройством пищеварения, а движение на свежем воздухе развивает здоровый аппетит.

Завтрак был очень веселым, так как все казалось необычным и забавным, и частые взрывы смеха

заставляли вздрагивать почтенную лошадь, что паслась неподалеку.

Стол стоял немного неровно, что привело к многочисленным казусам с чашками и тарелками; желуди падали в молоко, маленькие черные муравьи являлись без приглашения, чтобы отведать угощение, а лохматые гусеницы, извиваясь, свешивались с дерева, желая разглядеть, что происходит внизу.

Трое светлоголовых ребяташек выглянули из-за забора, а противный пес отчаянно залаял на пирующих с другой стороны реки.

– Есть и соль, если хочешь, – сказал Лори, вручая Джо тарелку с ягодами.

– Спасибо, я предпочитаю пауков, – ответила она, выуживая двух неосмотрительных крошек, нашедших свой конец в густых сливках. – Как ты можешь напоминать мне о моем отвратительном обеде, когда твой так хорош во всех отношениях? – прибавила она; оба они смеялись и ели из одной тарелки, так как посуды на всех не хватило.

– Я необыкновенно приятно провел время за тем обедом и до сих пор не могу его забыть.

А в сегодняшнем обеде нет никакой моей заслуги, я ничего не делал; все устроили ты, Мег и Брук, и я бесконечно вам благодарен.

Что мы будем делать, когда не сможем больше есть? – спросил Лори, чувствуя, что, когда завтрак кончится, его козырная карта окажется уже разыгранной.

– Поиграем в тихие игры, пока не станет прохладнее.

Я взяла с собой литературное лото, да и мисс Кейт, надеюсь, знает какие-нибудь новые интересные игры.

Пойди и спроси ее.

Она гостя, и тебе следовало бы уделять ей побольше внимания.

– А ты разве не гостя?

Я думал, что ею займется Брук, но он все время беседует с Мег, а Кейт только таращится на них через эти свои нелепые стеклышки.

Но я иду, Джо, так что не начинай читать лекцию о правилах хорошего тона, такие вещи у тебя плохо получаются.

Мисс Кейт действительно знала несколько новых игр, и, когда девочки уже не хотели, а мальчики не могли съесть больше, все перешли в гостиную под другим дубом, чтобы поиграть в «чепуху».

– Кто-нибудь начинает рассказывать любой вздор и говорит столько, сколько хочет, только должен следить за тем, чтобы остановиться в самый волнующий момент, и тогда следующий подхватывает, а потом делает то же самое.

Это очень забавно, если постараться, и обычно получается отличная трагикомическая история, над которой можно вдоволь посмеяться.

Пожалуйста, мистер Брук, начинайте, – сказала Кейт повелительным тоном, который очень удивил Мег, относившуюся к учителю с не меньшим уважением, чем к любому другому молодому человеку.

Лежа на траве у ног этих двух юных девиц, мистер Брук послушно начал рассказ, неподвижно устремив красивые карие глаза на сверкающую под лучами солнца реку.

– Много лет тому назад жил да был один рыцарь, и отправился он странствовать по свету и искать счастья, так как не было у него ничего, кроме меча да щита.

Долго путешествовал он, почти двадцать восемь лет, и приходилось ему нелегко, пока не попал он во дворец доброго старого короля, предлагавшего большую награду тому, кто укротит и приучит к узде великолепного, но необъезженного жеребенка, которого король очень любил.

Рыцарь согласился попробовать и медленно, но верно шел к успеху, так как жеребенок оказался славным малым и скоро научился любить своего наставника, хотя и оставался капризным и своевольным.

Каждый день рыцарь проезжал на этом любимце короля через город и, пока ехал, повсюду искал взором одно прелестное лицо, которое много раз видел во сне, но никогда не встречал наяву.

И вот однажды, гарцуя вдоль тихой улицы, он вдруг увидел это лицо в окне какого-то полуразрушенного замка.

Он был в восхищении и, расспросив встречных, узнал, что некий злодей удерживает там с помощью колдовства нескольких плененных им принцесс, которые прядут целыми днями, чтобы накопить денег и заплатить ему выкуп за свою свободу.

Рыцарю очень хотелось помочь им, но он был беден и мог лишь проезжать каждый день мимо замка, глядя на милое лицо и горячо желая когда-нибудь увидеть его вне стен замка под яркими лучами солнечного света.

Наконец он решил пробраться в замок и спросить самих принцесс, чем он может быть им полезен.

Он подошел и постучал – огромная дверь распахнулась, и он увидел...

– ...восхитительную красавицу, которая, просяя, воскликнула:

«Наконец-то!

Наконец!» – продолжила Кейт, которая читала много французских романов и восхищалась их стилем.
– «Это она!» – воскликнул граф Густав и упал к ее ногам в иступленном восторге.

«О, встаньте, встаньте!» – сказала она, протягивая ему мраморно-белую руку.

«Нет, я не встану, пока вы не скажете мне, как я могу спасти вас», – торжественно заявил рыцарь, все еще стоя на коленях.

«Увы, жестокою судьбою осуждена я оставаться в заточении, пока тиран мой не будет уничтожен». –

«Где этот злодей?» –

«В сиреновой гостиной.

Идите, мой храбрец, и спасите меня от вечного отчаяния». –

«Повинуюсь – и вернусь с победой или погибну!»

И с этими повергающими в трепет словами он бросился к двери сиреновой гостиной, распахнул ее и был уже готов перешагнуть порог, когда получил...

– ...оглушительный удар по голове большим греческим словарем, который швырнул в него какой-то старикашка в черной мантии, – продолжил Нед. – Сэр, не помню, как его там, мгновенно оправился, вышвырнул тирана в окно и шагнул назад, чтобы возвратиться к своей красавице с победой и шишкой на челе, но обнаружил, что дверь заперта. Он сорвал занавески с окон, сделал из них веревочную лестницу и был на полпути вниз, когда лестница неожиданно оборвалась, и он полетел с высоты шестьдесят футов прямо в ров с водой.

Но он умел плавать не хуже рыбы и поплыл вокруг замка, пока не добрался до маленькой дверцы,

которую охраняли два бравых молодца. Он схватил их и принялся стукать головами друг о друга, пока головы не раскололись, как пара орехов, а затем, обнаружив изумительную силу, играючи выломал дверь, взбежал вверх по каменным ступеням, покрытым слоем пыли в фут толщиной, жабами величиной с кулак и такими пауками, что они напугали бы вас, мисс Марч, до истерики.

Но на самом верху лестницы его глазам внезапно предстало зрелище, от которого у него перехватило дыхание и кровь застыла в жилах...

– Высокая фигура, вся в белом, с лицом, скрытым вуалью, стояла перед ним, держа лампу в костлявой руке, – продолжила Мег. – Фигура манила его, бесшумно скользя по коридору, темному и холодному, как могила.

Темные силуэты закованных в броню статуй виднелись по обеим сторонам, кругом царил мертвая тишина, лампа горела голубым пламенем, а призрачная фигура то и дело оборачивала к нему лицо, пугая блеском ужасных глаз, вспыхивавших за белой вуалью.

Так они добрались до скрытой за занавесом двери, за которой звучала чарующая музыка.

Рыцарь подскочил к двери, но призрак оттолкнул его и угрожающе взмахнул перед ним...

– ...табакеркой, – сказала Джо замогильным голосом, и все слушатели скорчились от смеха. – «Спасибочки», – сказал рыцарь вежливо, взял понюшку и чихнул семь раз с такой неистовой силой, что у него отвалилась голова.

«Ха-ха-ха!» – захохотал призрак. И, заглянув в замочную скважину на принцесс, которые пряли не на жизнь, а на смерть, злой дух подобрал свою жертву и сунул ее в большой жестяной ящик, где уже были упакованы, как сардинки, одиннадцать других безголовых рыцарей. Все они вдруг поднялись и начали...

– ...танцевать хорнпайп, – вставил Фред, когда Джо сделала паузу, чтобы перевести дыхание. – И пока они танцевали, полуразрушенный замок превратился в военный корабль под всеми парусами.

«Поднять кливера, рифы марселей взять, лево руля, людей к орудиям!» – заревел капитан, когда на горизонте показался португальский пиратский бриг с черным, как чернила, флагом, развевающимся на фок-мачте.

«Вперед, мои молодцы!» – сказал капитан, и началось ужасное сражение.

Конечно, британцы победили; они всегда побеждают.

– Нет, не всегда! – заметила Джо в сторону.

– Они захватили в плен португальского капитана, а на палубе пиратского брига было полно мертвецов, и по подветренным желобам вместо воды текла кровь, так как приказ пиратам был

«За абордажные сабли, драться до конца!».

Британский капитан сказал: «Эй, помощник боцмана, взяться за этого мерзавца – и в воду его, если не признается в своих грехах в два счета».

Но португалец был нем как рыба, и его сбросили в море. Но пока моряки веселились как сумасшедшие, этот негодяй подплыл под британский корабль, открыл люк и пустил корабль ко дну со всем экипажем.

И они пошли на дно, на самое дно моря, где...

– Ох!

Что же я скажу? – воскликнула Салли, когда Фред завершил свою «чепуху», в которой смешал как

попало фразы и факты из своей любимой книжки про моряков. – Ну ладно, значит, они пошли на дно, где их приветствовала милая русалка, которая, впрочем, была немало огорчена, обнаружив ящик с безголовыми рыцарями, и любезно засолила их в растворе океанской соли, надеясь когда-нибудь в будущем узнать их роковую тайну, ибо, как всякая женщина, была очень любопытна.

И вот однажды на дно спустился ловец жемчуга, и русалка сказала ему:

«Я дам тебе этот ящик жемчуга, если только ты сможешь поднять его наверх». Она хотела вернуть бедняг к жизни, но не могла поднять этот тяжелый груз сама.

Итак, ловец жемчуга поднял ящик, вытащил его на берег и был разочарован, когда, открыв его, не нашел никакого жемчуга.

Он оставил ящик на широком зеленом лугу, где его нашла...

– ...маленькая девочка, которая пасла там сотню жирных гусей, – сказала Эми, когда Салли истощила свою фантазию. – Девочке стало очень жаль рыцарей, и она спросила добрую старушку, что нужно сделать, чтобы помочь им.

«Твои гуси скажут тебе, они знают все», – отвечала старушка.

И девочка спросила у гусей, из чего она могла бы сделать им новые головы, если старые потеряны, и в ответ гуси загоготали в сотню глоток...

– ...«Из капусты!» – подхватил Лори живо. – «Правильно!» – сказала девочка и побежала на свой огород, чтобы притащить двенадцать кочанов капусты.

Она приставила их рыцарям, и они сразу ожили, поблагодарили ее и радостно пустились в путь, даже не замечая никакой разницы, потому что на свете так много других подобных голов и никого это уже не волнует.

Рыцарь, которым я интересуюсь, отправился снова к заколдованному замку, чтобы найти свою красавицу, и выяснил, что все принцессы уже напряли столько, что получили свободу и уехали, чтобы выйти замуж. Все, кроме одной.

Он пришел в огромное волнение и, вскочив на жеребчика, который был верен ему и оставался с ним во всех испытаниях, вихрем помчался в замок, чтобы увидеть, которая же из них осталась.

Заглянув за живую изгородь, он увидел королеву своего сердца, собирающую цветы в своем саду.

«Не дадите ли вы мне розу?» – спросил он.

«Вы должны войти и взять ее.

Я не могу подойти к вам первая, это неприлично», – сказала она сладким как мед голосом.

Он попытался перелезть через живую изгородь, но она, казалось, росла все выше и выше, тогда он попробовал пробиться сквозь нее, но она становилась все гуще и гуще, и он пришел в отчаяние.

Он принялся терпеливо ломать веточку за веточкой, пока не проделал маленькое отверстие в изгороди. Заглянув в него, рыцарь умоляюще заговорил:

«Впусти!

Впусти меня!»

Но прекрасная принцесса, должно быть, не понимала его, ибо продолжала спокойно срезать розы, предоставив ему самому пробиваться к ней.

Удалось это ему или нет, вам скажет Френк.

– Я не могу, я не играю, я никогда не играю, – сказал Френк в ужасе от необходимости вывести нелепую пару из столь затруднительного сентиментального положения.

Бесс спряталась за Джо, а Грейси спала.

– Неужели бедному рыцарю так и оставаться застрявшим в живой изгороди? – спросил мистер Брук, по-прежнему глядя на реку и играя дикой розочкой в своей бутоньерке.

– Я думаю, что спустя некоторое время принцесса вручила ему букет и открыла калитку, – сказал Лори, чуть заметно усмехнувшись и бросив желудем в своего наставника.

– Что за чепуху мы нагородили!

Потренировавшись, мы могли бы придумать что-нибудь поумнее, – сказала Салли и, после того как они вдоволь посмеялись над своей историей, спросила: – А «настоящую правду» вы знаете?

– Надеюсь, что так, – отвечала Мег очень серьезно.

– Игру, я хочу сказать.

– Что за игра? – спросил Фред.

– Очень простая: бросаем жребий, и тот, чей номер выпадет, должен честно ответить на вопросы, которые задают остальные.

Это очень забавно.

– Давайте попробуем, – сказала Джо, которая любила все новое.

Мисс Кейт, мистер Брук, Мег и Нед отказались участвовать, но Фред, Салли, Джо и Лори бросили жребий. Первым пришлось отвечать на вопросы Лори.

– Кого ты считаешь своими героями? – спросила Джо.

– Дедушку и Наполеона.

– Какая из присутствующих здесь девушек самая красивая, на твой взгляд? – спросила Салли.

– Маргарет.

– А какая тебе больше всего нравится? – такой вопрос задал Фред.

– Джо, разумеется.

– Какие глупые вопросы вы задаете! – И Джо с пренебрежением пожала плечами, в то время как остальные смеялись над сухим, деловым тоном Лори.

– Попробуем еще – неплохая игра эта «правда», – сказал Фред.

– Да, для вас она очень хороша, – отвечала Джо вполголоса.

Следующей была ее очередь.

– Какой самый большой ваш недостаток? – спросил Фред, желая испытать в ней ту добродетель, которой не обладал сам.

– Вспыльчивость.

– Что ты больше всего хотела бы получить? – спросил Лори.

– Пару шнурков для ботинок, – отвечала Джо, разгадав его замысел.

– Нечестный ответ; ты должна сказать, чего ты действительно хочешь.

– Талант; ты хотел бы, чтобы в твоих силах было подарить его мне, не так ли, Лори?

И она лукаво улыбнулась, глядя на его разочарованное лицо.

– Какие достоинства ты больше всего ценишь в мужчине? – спросила Салли.

– Храбрость и честность.

– Теперь моя очередь, – сказал Фред, взглянув на выпавший номер.

– Давай зададим ему, – шепнул Лори Джо, которая кивнула и сразу спросила:

– Вы жульничали, когда играли в крокет?

– Ну, пожалуй, чуть-чуть.

– Хорошо!

А свою историю вы взяли из книжки «Морской лев»?

– Отчасти.

– Вы считаете, что английская нация совершенна во всех отношениях? – спросила Салли.

– Мне было бы стыдно за себя, если бы я считал иначе.

– Он настоящий Джон Буль.

Теперь, мисс Салли, ваш черед, и жребий не надо бросать.

Для начала я хочу потерзать вас вопросом: не думаете ли вы, что вы в какой-то степени кокетка? – спросил Лори, когда Джо кивнула Фреду в знак заключения мира.

– Какой вы дерзкий!

Конечно же, нет! – воскликнула Салли с видом, подтверждавшим прямо противоположное.

– Что вы ненавидите больше всего? – спросил Фред.

– Пауков и рисовый пудинг.

– А любите больше всего? – спросила Джо.

– Танцы и французские перчатки.

– Мне кажется, что «правда» очень глупая игра, давайте займемся более разумной – вот литературное лото, чтобы освежить в памяти наши знания, – предложила Джо.

Нед, Френк и младшие девочки присоединились к ним, а трое старших, пока шла игра, сидели в стороне, беседуя.

Мисс Кейт снова взялась за свой эскиз, Маргарет наблюдала за ней, а мистер Брук лежал на траве с книгой, которую не читал.

– Как у вас красиво получается!

Жаль, что я не умею рисовать, – сказала Мег со смешанным чувством восхищения и сожаления.

– Почему вы не учитесь?

Я полагаю, у вас найдется для этого и вкус и талант, – любезно отвечала мисс Кейт.

– У меня нет времени.

– Вероятно, ваша мама предпочитает развивать в вас другие таланты.

С моей было то же самое, но я сумела доказать ей, что у меня есть способности к рисованию. Я взяла несколько уроков по секрету от нее, а потом она сама охотно позволила мне продолжать.

Может быть, и вам проделать то же с помощью вашей гувернантки?

– У меня нет гувернантки.

– О, я забыла, что в Америке не так, как у нас, и девочки чаще учатся вне дома.

Папа говорил мне, что школы у вас превосходные.

Вы, вероятно, посещаете частную школу?

– Я не хожу в школу.

Я сама гувернантка.

– О, неужели? – сказала мисс Кейт, но прозвучало это так, как если бы она воскликнула:

«Боже мой, какой ужас!» – и что-то, промелькнувшее в ее лице, заставило Мег пожалеть о своей откровенности.

Мистер Брук поднял взгляд и сказал быстро:

– В Америке девушки любят независимость не меньше, чем их доблестные предки, и мы восхищаемся нашими соотечественницами и уважаем их, если они сами зарабатывают себе на жизнь.

– О, да, конечно, это очень мило, и правильно, что они так поступают.

У нас тоже много достойных молодых женщин благородного происхождения, которые делают то же самое, и их берут гувернантками в аристократические дома, так как они хорошо воспитаны и образованны, – сказала мисс Кейт покровительственным тоном, который нанес тяжелый удар самолюбию Мег, и ее работа стала казаться ей не только еще более неприятной, но и унижительной.

– Понравился ли вам перевод немецкой песни, мисс Марч? – спросил мистер Брук, прервав неловкую паузу.

– О да, она очень хороша, и я благодарна тому, кто перевел ее для меня. – И огорченное лицо Мег прояснилось.

– Вы не читаете по-немецки? – спросила мисс Кейт, удивленно взглянув на нее.

– Читаю, но не очень хорошо.

Мой папа учил меня, но сейчас он в армии, а одной мне трудно заниматься, так как некому поправлять мое произношение.

– Попробуйте сейчас; вот

«Мария Стюарт» Шиллера и учитель, который любит учить. – И мистер Брук положил свою книгу ей на колени, улыбкой приглашая ее почитать.

– Это так трудно, я боюсь начать, – сказала Мег с благодарностью, но испытывая смущение от

присутствия образованной юной леди.

– Я начну, чтобы ободрить вас. – И мисс Кейт прочла один из самых красивых отрывков произведения – совершенно правильно, но вместе с тем совершенно невыразительно.

У мистера Брука ее чтение не вызвало ни похвал, ни замечаний, но когда она вернула книгу Мег, та наивно заметила:

– А я думала, что это стихи.

– Есть и стихи.

Попробуйте прочесть этот отрывок. – И что-то вроде улыбки промелькнуло в лице мистера Брука, когда он открыл книгу на горьких жалобах несчастной Марии.

Мег послушно следовала за длинной травинкой, которую ее новый учитель использовал вместо указки, и читала медленно и робко, невольно превращая в поэзию трудные слова мягкими интонациями своего мелодичного голоса.

Зеленая указка скользила вниз по странице, и, забыв о слушателях, увлеченная красотой этой печальной сцены, Мег читала так, словно была одна, придавая трагическое звучание словам несчастной королевы.

Если бы в это время она увидела, с каким выражением устремлены на нее карие глаза, то, без сомнения, резко оборвала бы чтение; но она ни разу не подняла глаза, и урок оказался для нее приятным.

– Очень хорошо! – сказал мистер Брук, когда она сделала паузу. Он ни словом не упомянул о ее многочисленных ошибках и смотрел на нее с таким видом, словно и в самом деле «любил учить».

Мисс Кейт поднесла к глазам свои «стеклышки» и, взглянув на эту небольшую сценку, закрыла альбом для зарисовок; затем она снисходительно заметила:

– У вас приятный акцент, и со временем вы сможете хорошо читать.

Я советую вам учиться. Знание немецкого очень ценно для учительницы.

Я должна пойти к Грейс, она что-то расшалилась. – И мисс Кейт удалилась, чуть заметно пожав плечами и добавив про себя:

«Я не предполагала, что стану компаньонкой какой-то гувернантки, пусть даже она молодая и хорошенькая.

Что за странные люди эти янки!

Боюсь, Лори совершенно испортится в таком обществе».

– Я забыла, что англичане свысока смотрят на гувернанток и относятся к ним не так, как мы, – сказала Мег, глядя вслед удаляющейся фигуре с раздосадованным видом.

– Учителям-мужчинам тоже приходится там нелегко из-за этого, насколько мне известно.

Нет на свете другого такого места, как Америка, для нас, тружеников, мисс Маргарет. – И, говоря это, мистер Брук выглядел таким довольным и радостным, что Мег стало стыдно сетовать на свой тяжкий жребий.

– Тогда я рада, что живу здесь.

Мне не нравится моя работа, но все же она приносит немалое удовлетворение, так что я не стану

роптать.

Жаль только, что я, в отличие от вас, не люблю учить.

– Я думаю, вы тоже полюбили бы свой труд, если бы вашим учеником оказался Лори.

Мне будет очень грустно расстаться с ним в будущем году, – сказал мистер Брук, старательно делая ямки в дерне.

– Он поедет в университет, я полагаю? – Губы Мег произнесли лишь этот вопрос, но глаза добавили:

«А что будет с вами?»

– Да, ему уже пора, он хорошо подготовлен; и как только он перестанет брать уроки, я стану солдатом.

Там я нужен.

– Как я рада! – воскликнула Мег. – Мне кажется, что каждый молодой мужчина хочет пойти в армию, хотя это тяжелое испытание для матерей и сестер, которые остаются дома, – добавила она печально.

– У меня нет родных и очень мало друзей, которых заботило бы, жив я или умер, – сказал мистер Брук с горечью, рассеянно опуская увядшую розу в ямку, которую проделал, и засыпая ее землей, словно маленькую могилу.

– Лори и его дедушка будут очень тревожиться о вас, и все мы будем глубоко огорчены, если с вами что-нибудь случится, – отвечала Мег дружески.

– Спасибо на добром слове, – начал мистер Брук, снова оживившись; но, прежде чем он успел договорить, к ним с топотом и грохотом подлетел Нед, оседлавший старую лошадь, чтобы продемонстрировать дамам свое искусство наездника, и больше в тот день тишины не было.

– Ты любишь ездить верхом? – спросила Грейс у Эми, когда они остановились отдохнуть после гонки по полю вместе с остальными во главе с Недом.

– До безумия люблю; моя сестра Мег часто ездила верхом, когда наш папа был богат, но теперь мы не держим лошадей. У нас есть только Яблонева Эллен, – добавила Эми со смехом.

– Расскажи мне про Яблоневую Эллен.

Это ослик? – спросила Грейс с любопытством.

– Видишь ли, Джо с ума сходит по лошадям, и я тоже, но у нас есть только старое дамское седло и никакой лошади.

В саду у нас растет яблоня с отличным низким суком, так что Джо вешает на него седло, привязывает вожжи там, где сук загибается кверху, и мы скачем на нашей Яблонева Эллен, когда захотим.

– Забавно! – засмеялась Грейс. – У меня дома есть пони, и я почти каждый день катаюсь верхом в парке вместе с Фредом и Кейт.

Это очень приятно, потому что мои друзья тоже катаются в Роу и там полно гуляющих.

– Ах, какая прелесть!

Я надеюсь, что когда-нибудь поеду за границу, но я больше хотела бы поехать в Рим, чем в Роу, – сказала Эми, которая не имела ни малейшего представления о том, что такое Роу, но не спросила бы об этом ни за что на свете.

Френк, наблюдавший за резвыми мальчишками, выделявшими всевозможные забавные курбеты на лугу, услышал разговор младших девочек и с досадой оттолкнул свой костыль.

Бесс, которая собирала рассыпанные карточки литературного лото, подняла глаза и сказала, как всегда, робко, но дружески:

– Боюсь, вы устали; не могу ли я чем-то помочь вам?

– Поговорите со мной, пожалуйста; скучно сидеть одному, – ответил Френк, который, очевидно, привык к тому, что дома ему уделяли много внимания.

Даже если бы он попросил ее произнести торжественную речь на латыни, это не показалось бы застенчивой Бесс более невыполнимой задачей, но бежать было некуда и не было поблизости Джо, за которую можно было бы спрятаться, а бедный мальчик смотрел на нее так печально, что она мужественно решила попробовать.

– О чем вы хотели бы поговорить? – спросила она, смущенно вертя в руках стопку карточек и роняя половину при попытке перевязать их ленточкой.

– Я люблю слушать про крикет, греблю и охоту, – сказал Френк, еще не научившийся находить для себя посильные развлечения.

«О боже!

Что же я скажу?

Я ничего об этом не знаю», – подумала Бесс и, забыв в своем волнении о несчастье мальчика, сказала в надежде разговорить его:

– Я никогда не видела охоту, но думаю, вы все об этом знаете.

– Знал когда-то, но больше я никогда не смогу охотиться, потому что получил травму, когда прыгал на лошади через проклятый барьер с пятью перекладинами. Так что лошади и гончие – это теперь не для меня, – сказал Френк со вздохом, услышав который бедная Бесс возненавидела себя за свой невинный промах.

– Ваши олени гораздо красивее, чем наши бизоны, – сказала она, обращаясь за помощью к прериям и радуясь, что прочла одну из книжек для мальчиков, которыми зачитывалась Джо.

Бизоны принесли умиротворение и удовлетворение, и в своем горячем желании развлечь другого Бесс забыла себя и совершенно не заметила удивления и радости, которые вызвало у ее сестер это необычное зрелище: Бесс, без умолку болтающая с одним из этих «ужасных мальчишек», от которых просила защиты.

– Благослови ее Бог!

Ей жаль его, и потому она добра к нему, – сказала Джо, с улыбкой глядя на Бесс с крокетной площадки.

– Я всегда говорила, что она маленькая святая, – добавила Мег так, словно отныне сомнений в этом быть не могло.

– Я давно не слышала, чтобы Френк столько смеялся, – сказала Грейс, обращаясь к Эми; обе сидели, беседуя о куклах и изготавливая чайные сервизы из шапочек желудей.

– В моей сестре Бесс очень много обаяния, – отозвалась Эми, весьма довольная успехами Бесс.

Она имела в виду «обаяние», но, так как Грейс не знала точного значения ни одного, ни другого слова, «обаяние» прозвучало эффектно и произвело хорошее впечатление.

Импровизированный цирк, игра «волки и овцы» и новая дружеская встреча двух команд на крокетной площадке завершили день.

На закате палатка была свернута, корзины с остатками еды и посудой упакованы, воротца выдернуты, лодки загружены, и вся компания поплыла вниз по реке, громко распевая.

Нед, сделавшийся сентиментальным, залился серенадой с меланхолическим рефреном: О, как я одинок, —

а дойдя до слов: Мы так юны с тобой, В сердце песнь и весна, Ах, зачем же, друг мой, Ты со мной холодна? —

он взглянул на Мег с таким томным выражением, что она засмеялась и испортила его пение.

– Как вы можете быть так жестоки со мной? – шепнул он под прикрытием громкого хора. – Вы весь день не отходили от этой церемонной англичанки, а теперь смотрите на меня свысока и смеетесь.

– Я не хотела вас обидеть, но у вас такой забавный вид, что я, право же, никак не могла удержаться от смеха, – ответила Мег, оставив без внимания первую половину его упрека, так как она действительно избегала его, помня о вечере у Моффатов и последовавшем разговоре с матерью.

Разобиженный Нед обратился за утешением к Салли, сказав ей довольно брюзгливым тоном:

– Ну не кокетка ли эта девушка!

– Чуть-чуть, но она само очарование, – ответила Салли, которая защищала своих подруг, даже признавая их недостатки.

– Уж скорее само разочарование, – сказал Нед, пытаясь сострить и преуспев не более, чем обычно преуспевают в этом молодые люди.

На той же самой лужайке, откуда утром началось путешествие, участники маленькой компании расстались с сердечными восклицаниями «Доброй ночи!» и «До свидания!», так как на следующий день Воунам предстояло отправиться в Канаду.

Когда четыре сестры зашагали домой через сад, мисс Кейт проводила их взглядом и сказала без всякого покровительственного оттенка в голосе:

– Несмотря на их слишком непосредственные манеры, американские девочки очень милы, когда с ними познакомишься поближе.

– Я с вами совершенно согласен, – отозвался мистер Брук.

Глава 13 Воздушные замки

В один из теплых сентябрьских дней Лори лежал в гамаке, с наслаждением покачиваясь и гадая о том, что подделывают его соседки, но ленился встать, чтобы пойти и выяснить это.

Настроение у него было скверное, так как день не принес ни полезных результатов, ни удовлетворения, и Лори жалел, что не может прожить его заново.

Стоявшая жара располагала к лени, и он увильнул от учебы, подвергнув жестокому испытанию терпение мистера Брука, рассердил дедушку тем, что полдня играл на рояле, чуть ли не до безумия напугал горничных, из озорства намекнув, что одна из его собак взбесилась, а после разговора в повышенном тоне с конюхом по поводу якобы нерадивого ухода за его лошадью бросился в гамак и, лежа в нем, возмущался глупостью сего мира в целом, пока тишина прекрасного дня не успокоила его вопреки его собственному желанию.

Он смотрел вверх в зеленый сумрак развесистых крон конских каштанов, и в голове его рождались самые разные мечты. В то самое время, когда он воображал себя участником кругосветного путешествия, несущимся по волнам океана, долетевший до него звук голосов в одно мгновение

возвратил его на берег.

Бросив взгляд через ячейки гамака, он увидел соседок, выходящих из дома с таким видом, словно они отправлялись в экспедицию.

«Да что же такое эти девчонки собираются делать?» – подумал Лори, пошире открывая сонные глаза, чтобы как следует разглядеть соседок, так как было что-то необычное в том, как они выглядели.

На каждой была широкополая шляпа, в руке – длинная палка, на плече висела темная холщовая сумка.

Мег несла подушку, Джо – книгу, Бесс – корзинку, а Эми – папку с бумагой для рисования.

Они тихо прошли через сад, миновали маленькую заднюю калитку и начали взбираться на холм, отделявший дом от реки.

«Однако, не очень-то любезно! – сказал сам себе Лори. – Устроить пикник и даже не пригласить меня!

Вряд ли они поедут на лодке, ведь у них нет ключа от сарая, где лежат лодки.

Может быть, они забыли о нем?

Отнесу им ключ и посмотрю, что там происходит».

Хотя у него и было целых полдюжины шляп, потребовалось некоторое время, чтобы найти хоть одну; затем последовали поиски ключа, который наконец был обнаружен в кармане, и к тому времени, когда он перепрыгнул через изгородь и побежал за девочками, они уже совсем скрылись из виду.

Кратчайшим путем он добежал до сарая, где хранились лодки, и стал ждать прихода соседок; но никто не появился. Тогда он поднялся на холм, чтобы увидеть, что происходит.

Часть холма занимала сосновая роща, и из глубины этого зеленого участка доносились более отчетливые звуки, чем нежный шепот сосен или усыпляющий стрекот сверчков.

«Ну прямо пейзаж!» – вглядываясь между ветками кустов, подумал Лори, уже совершенно проснувшийся и снова добродушный.

И действительно, картина была хороша: сестры сидели все вместе в тенистом уголке рощи, пятна солнечного света и тени трепетали на их лицах и платьях, душистый ветерок играл их волосами и остужал горячие щеки, а все маленькие обитатели рощи продолжали мирно заниматься своими делами, так, словно вновь прибывшие были отнюдь не чужаками, а просто старыми друзьями.

Мег сидела на своей подушке и выглядела свежей и прелестной, как цветок, в своем розовом платье на фоне зелени.

Бесс выбирала шишки из большой кучи, лежавшей под елью; она умела делать из них очень красивые вещицы.

Эми срисовывала папоротники, а Джо вязала и читала вслух.

Тень пробежала по лицу мальчика, пока он глядел на них; он чувствовал, что ему следует уйти, так как его не приглашали, и все же медлил: дома было слишком уныло, а это тихое общество в роще казалось необычайно привлекательным для его мятущегося духа.

Он стоял так тихо и неподвижно, что белка, занятая сбором урожая, сбежала вниз по сосне совсем рядом с ним, но, неожиданно увидев его, быстро запрыгала вверх с таким пронзительным и недовольным визгом, что Бесс подняла голову и, заметив печальное лицо за березами, кивнула ему с ободряющей улыбкой.

– Можно мне присоединиться к вам?

Или я помешаю? – спросил он, медленно приближаясь.

Мег подняла брови, но Джо сердито и с вызовом взглянула на нее и тут же ответила:

– Конечно, можно.

Нам следовало бы пригласить тебя заранее, но мы подумали, что тебе не интересны такие девичьи развлечения, как это.

– Мне всегда нравятся ваши развлечения, но, если Мег не хочет, чтобы я присутствовал, я уйду.

– Я ничуть не возражаю, если ты будешь что-нибудь делать; быть здесь праздным – против правил, – отвечала Мег серьезно, но любезно.

– Премного обязан.

Я буду делать все, что хотите, только позвольте мне немного побыть здесь, а то там, внизу, тоскливо, как в пустыне Сахара.

Что я должен делать? Шить, читать, искать шишки, рисовать? Или все сразу?

Давайте любую работу, я готов. – И Лори сел с покорным видом, радовавшим взор.

– Дочитай рассказ, а я пока свяжу пятку, – сказала Джо, вручая ему книжку.

– Слушаю, мэм, – отвечал он кротко и начал читать, стремясь выказать свою благодарность за честь быть допущенным в

«Общество усердных пчелок».

Рассказ оказался не очень длинным, и, закончив чтение, Лори, чувствуя, что заслуживает награды, решил задать несколько вопросов:

– Позволено ли мне будет спросить, мэм, является ли нововведением сей необычайно поучительный и привлекательный обычай?

– Скажем ему? – спросила Мег у сестер.

– Он будет смеяться, – предостерегла Эми.

– Ну и что? – отвечала Джо.

– Я думаю, что ему понравится, – добавила Бесс.

– Конечно, понравится!

И даю вам слово, что не буду смеяться.

Выкладывай, Джо, не бойся.

– Вот еще! Тебя бояться!

Понимаешь, мы играем в «Путешествие пилигрима», причем играем всерьез, и зимой и летом.

– Да, я знаю, – кивнул Лори.

– Кто тебе сказал? – спросила Джо.

– Духи.

– Нет, это я сказала.

Я хотела развлечь его однажды вечером, когда никого из вас не было дома, а он выглядел таким угрюмым.

Ему понравилось, так что не брани меня, Джо, – сказала Бесс кротко.

– Ты не умеешь хранить секрет.

Ну ничего, зато меньше хлопот теперь – и рассказывать не надо.

– Продолжай, пожалуйста, – попросил Лори, когда Джо снова погрузилась в работу с несколько недовольным видом.

– Разве она не рассказала тебе о нашем новом плане?

Мы очень старались, чтобы наши каникулы не пропали зря: у каждой была своя цель, и каждая усердно трудилась, добиваясь ее.

Теперь каникулы почти кончились, вся работа, что мы себе задали, сделана, и мы очень рады, что не лодырничали.

– Да, конечно. – И Лори с сожалением подумал о тех днях, что сам провел в праздности.

– Мама хочет, чтобы мы как можно больше времени находились на свежем воздухе, поэтому мы приносим сюда свою работу и славно проводим время.

Для забавы мы носим наши вещи в холщовых мешках, на головы надеваем старые шляпы, берем палки, чтобы взбираться на холм, и играем в пилигримов, как делали это много лет назад.

Мы называем этот холм Горой Услады, потому что отсюда мы можем смотреть вдаль и видеть чудесную страну, где мы надеемся когда-нибудь поселиться.

Лори приподнялся, чтобы взглянуть туда, куда указала рукой Джо. Через просвет между деревьями можно было видеть широкую голубую реку, луга на другой ее стороне, а за ними очертания большого города и зеленые холмы, поднимающиеся к небу.

Солнце висело низко, небо пылало великолепием осеннего заката.

Золотые и пурпурные облака лежали на вершинах холмов, и в красноватом сиянии высоко вздымались серебристо-белые пики, сверкающие, словно фантастические шпильки Небесного Города.

– Как красиво! – сказал Лори чуть слышно, он был очень восприимчив к красоте любого рода.

– Такая картина часто бывает здесь, и мы любим на нее смотреть, потому что она никогда не повторяется, но каждый раз великолепна, – отозвалась Эми, думая о том, как было бы хорошо нарисовать этот пейзаж.

– Джо рассказывает нам о стране, где мы надеемся когда-нибудь поселиться, – она имеет в виду настоящую сельскую местность, со свиньями, цыплятами, сенокосом.

Это было бы прекрасно, но я хотела бы, чтобы настоящей была та чудесная страна, там, в вышине, и мы могли бы попасть туда, – сказала Бесс задумчиво.

– Есть страна даже еще более прекрасная, чем эта, и туда мы в конце концов попадем, если будем достаточно хороши для этого, – отвечала Мег нежным голосом.

– Но так долго нужно ждать, а это трудно.

Я хочу улететь сразу, как ласточки, и войти в те великолепные ворота.

– Ты попадешь туда, Бесс, рано или поздно, нет сомнения, – сказала Джо. – А я из тех, кому придется бороться и трудиться, карабкаться и ждать и, может быть, так никогда и не добратся туда.

– Вероятно, я составлю тебе компанию; не знаю только, можно ли найти в этом утешение.

Мне тоже придется немало скитаться, прежде чем я увижу ваш Небесный Город.

Если я явлюсь слишком поздно, ты замолвишь там за меня словечко, хорошо, Бесс?

Что-то в выражении лица мальчика беспокоило его маленькую подругу, но она ответила радостно, устремив безмятежный взгляд на медленно меняющиеся облака:

– Если люди действительно хотят прийти туда и по-настоящему стараются всю жизнь, они доберутся; я не верю, что есть замки на той двери или стражи у ворот.

Я всегда представляю это так, как на той картинке в «Путешествии пилигрима», где сияющие фигуры протягивают руки к бедному Христиану, приветствуя его, когда он выходит из реки.

– Как было бы здорово, если бы все воздушные замки, которые мы строим в мечтах, могли стать настоящими и в них можно было бы жить, – сказала Джо после небольшой паузы.

– Я настроил их столько, что мне было бы трудно выбрать, в каком из них поселиться, – отозвался Лори, лежа на траве и бросая шишки в выдавшую его белку.

– Ты поселился бы в самом любимом.

И каков же он? – спросила Мег.

– Если я расскажу о моем, ты согласишься рассказать о своем?

– Да, если девочки тоже расскажут.

– Мы согласны.

Начинай, Лори.

– После того как я постраниствовал бы сколько душе угодно и поглядел мир, я поселился бы в Германии и слушал музыку столько, сколько захочется.

И мне предстоит самому стать знаменитым музыкантом, и все живущее будет стремиться услышать меня, и я никогда не буду беспокоить себя заботой о деньгах или делах, а буду лишь наслаждаться и жить ради того, что мне нравится.

Вот мой любимый воздушный замок.

А каков твой, Мег?

Казалось, Маргарет было немного трудно начать свой рассказ. Она помахала папоротником перед лицом, как бы отгоняя воображаемых комаров, и сказала медленно:

– Я хотела бы иметь прелестный дом, полный всевозможной роскоши – хорошая еда, красивая одежда, дорогая мебель, приятные люди и куча денег.

Я буду хозяйкой в нем и буду управлять всем этим как хочу. У меня будет множество слуг, так что мне никогда не придется делать и самой малой доли работы.

Как бы я была счастлива!

Ведь я не была бы праздной, я бы делала добро и этим заставила бы всех горячо любить меня.

– А разве не было бы хозяина в твоём воздушном замке? – спросил Лори лукаво.

– Я же сказала – приятные люди. – И, говоря это, Мег принялась аккуратно шнуровать туфлю, так что никому не было видно её лица.

– Почему ты не скажешь, что у тебя будет замечательный, умный, добрый муж и несколько детишек-ангелочков?

Ты же знаешь, без них твой замок не будет совершенным, – заявила прямолинейная Джо, у которой ещё не было собственных нежных фантазий и которая пренебрежительно относилась к любовным историям, если встречала их не в книжке.

– Уж в твоём-то не будет ничего, кроме лошадей, чернильниц и книжек, – отвечала Мег раздражённо.

– Неужели нет?

У меня была бы конюшня, полная арабских скакунов, комнаты, заваленные книгами, а писала бы я, макая перо в волшебную чернильницу, так что мои творения стали бы такими же знаменитыми, как музыка Лори.

Но прежде чем отправиться в мой дворец, я хочу совершить что-нибудь выдающееся – что-нибудь героическое или удивительное, такое, о чём не забудут и после моей смерти.

Я не знаю точно, что это будет, но жду случая и намерена когда-нибудь поразить вас всех.

Я думаю, что буду писать книги, стану богатой и знаменитой: это мне по вкусу, так что это и есть моя любимая мечта.

– Моя – благополучно оставаться дома с папой и мамой и помогать заботиться о семье, – сказала Бесс с довольным видом.

– Разве ты не хочешь ничего больше? – спросил Лори.

– С тех пор как у меня появилось моё маленькое пианино, я совершенно счастлива.

Я хочу только, чтобы все мы были здоровы и не разлучались, и ничего больше.

– У меня так много желаний, но главное – стать художницей, поехать в Рим, рисовать прекрасные картины и сделаться лучшим художником в мире, – таковы были скромные мечты Эми.

– Честолюбивая компания, не так ли?

Каждый из нас, кроме Бесс, хочет быть богатым, знаменитым и блистательным во всех отношениях.

Интересно, осуществлятся ли наши желания когда-нибудь? – сказал Лори, жуя травинку, словно задумчивый теленок.

– У меня есть ключ от моего воздушного замка, но сумею ли я открыть дверь, это ещё предстоит выяснить, – заметила Джо таинственно.

– У меня тоже есть ключ от моего, но мне даже не дают попробовать.

Пропади он пропадом, этот университет! – пробормотал Лори со вздохом досады.

– Вот мой ключ! – И Эми помахала своим карандашом.

– У меня нет ключа, – сказала Мег безнадежным тоном.

– Есть, – тут же отозвался Лори.

– Какой?

– Твое красивое лицо.

– Глупости, от этого никакой пользы.

– Поживем – увидим, не принесет ли оно тебе что-нибудь стоящее, – ответил мальчик, засмеявшись при мысли об отличном маленьком секрете, который, как он полагал, был известен ему одному.

Мег покраснела и, закрывшись папоротником, устремила взгляд на реку с таким же выжидательным выражением, какое было у мистера Брука, когда он рассказывал историю о рыцаре.

– Если через десять лет все мы будем живы, давайте встретимся и посмотрим, много ли наших желаний сбылось или насколько ближе стали мы к их осуществлению, чем сейчас, – сказала Джо, у которой всегда был наготове какой-нибудь план.

– Боже мой!

Какой я буду старой – двадцать семь! – воскликнула Мег, которая чувствовала себя взрослой, хотя ей лишь недавно исполнилось семнадцать.

– Нам с тобой, Тедди, будет по двадцать шесть, Бесс – двадцать четыре, а Эми – двадцать два.

Какое почтенное общество! – сказала Джо.

– Я надеюсь, что к тому времени уже сделаю что-нибудь, чем можно будет гордиться. Но я такой лентяй, Джо, боюсь, я буду, как ты выражаешься, «лодырничать».

– Мама говорит, что тебе нужен стимул, побудительный мотив; и, как только он у тебя появится, она уверена, ты будешь работать замечательно.

– Она так говорит?

Клянусь Юпитером, я буду трудиться, если только у меня будет такая возможность! – приподнявшись, воскликнул Лори с неожиданным приливом энергии. – Я должен радоваться, что могу угодить дедушке, и я буду стараться, но это против моего желания и, как вы понимаете, дается с трудом.

Он хочет, чтобы я стал торговцем, торговал с Индией, как прежде он сам, а по мне уж лучше умереть.

Терпеть не могу чай, шелк, пряности и прочую чепуху, которую возят эти его старые корабли, и, когда я стану их владельцем, мне будет ровным счетом наплевать, как скоро они пойдут ко дну.

Я думаю, что мне следует пойти в университет, чтобы угодить ему, потому что, если я соглашусь ради него потерять четыре года, его долгом будет отпустить меня и не заставлять заниматься делами его торговой компании.

Но он упрям, и, боюсь, мне придется делать в жизни то же, что делал он, если только я не убегу и не займусь тем, чем мне хочется, так же как мой отец.

Если бы здесь был кто-нибудь, кто мог бы остаться со стариком, я завтра же убежал бы.

Лори говорил взволнованно, и было очевидно, что достаточно малейшего повода, чтобы он привел в исполнение свою угрозу, ибо рос он очень быстро и, несмотря на привычку к праздности, испытывал, как любой молодой мужчина, отвращение ко всякого рода зависимости и беспокойную жажду встретиться с этим миром лицом к лицу.

– Я советую тебе уплыть на одном из твоих кораблей и не возвращаться, пока тебе не надоест жить по-своему, – сказала Джо, чье воображение воспламенилось при мысли о столь дерзновенном подвиге и чье сочувствие было подогрето тем, что она называла «нарушением законных прав Тедди».

– Ты не права, Джо, и не должна так говорить, а Лори не должен следовать твоему дурному совету.

Дорогой мой мальчик, ты должен делать именно то, чего хочет твой дедушка, – сказала Мег самым материнским тоном. – Старайся хорошо учиться в университете, и, когда он увидит, что ты хочешь угодить ему, я уверена, он не будет суров или несправедлив к тебе.

Как ты сам говоришь, у него нет никого, кто мог бы остаться с ним и заботиться о нем, и ты никогда не простишь себе, что покинул его без его согласия.

Не унывай и не злись, но просто исполняй свой долг, и ты получишь награду, такую же, как мистер Брук, то есть будешь любим и уважаем.

– Что ты знаешь о Бруке? – спросил Лори. Он испытывал благодарность за добрый совет, но был недоволен ее поучительным тоном, хотя и обрадован возможностью отвести разговор от себя после своей необычной вспышки чувств.

– Я знаю только то, что рассказал нам о нем твой дедушка: как он нежно заботился о своей матери до самой ее смерти и не поехал гувернером за границу в одну очень хорошую семью, потому что не хотел оставить мать в одиночестве; и как теперь он помогает старушке, которая ухаживала за его матерью, но никогда никому об этом не рассказывает, и какой он великодушный, добрый и терпеливый.

– Все правда, такой он и есть, дорогой старый друг! – сказал Лори сердечно, когда Мег сделала паузу, покрасневшись и проникшись глубоким чувством от собственных слов. – Как это похоже на дедушку – узнать все о человеке и, ничего не говоря ему, рассказать всем о его добродетелях, чтобы они полюбили его.

А Брук и не знает, почему ваша мама так добра к нему, приглашает его в ваш дом вместе со мной и так чудесно, по-дружески обходится с ним.

Он считает ее совершенством и целыми днями говорит о ней и о вас всех в самом пылком тоне.

Если когда-нибудь я смогу осуществить свои мечты, то вы увидите, что сделаю я для Брука!

– Начни прямо сейчас с того, что не отравляй ему жизнь, – сказала Мег резко.

– А с чего вы взяли, мисс, что я отравляю?

– Я всегда могу узнать это по его лицу, когда он возвращается домой.

Если ты был послушным и добросовестным, у него довольный вид и идет он быстрым шагом; если же ты досадил ему, он печален и идет медленно, словно очень хотел бы вернуться и сделать свою работу заново.

– Хм, мне это нравится!

Значит, вы получаете отчет о моих хороших и плохих отметках, глядя на физиономию Брука, так?

Я вижу, как он кланяется и улыбается, когда проходит мимо ваших окон, но даже и не подозревал, что вы устроили телеграф.

– Мы не устраивали.

Не сердись и не говори ему о том, что я сказала!

Я только хотела, чтобы ты знал, что меня волнуют твои успехи, и то, что было сказано здесь, было сказано по секрету, ты же понимаешь! – воскликнула Мег, очень встревоженная мыслью о том, какие последствия могут иметь ее необдуманные речи.

– Я не сплетник, – отвечал Лори «с высоты своего величия», как Джо называла некое определенное

выражение, иногда появлявшееся у него на лице. – Только если Брук намерен оставаться термометром, мне придется быть осторожным и поддерживать хорошую погоду, чтобы он мог о ней сообщать.

– Пожалуйста, не обижайся.

Я не собиралась ни поучать, ни сплетничать.

Просто мне не хотелось, чтобы Джо поддерживала тебя во мнении, о котором ты сам позднее пожалеешь.

Ты так добр к нам, и мы относимся к тебе как к брату и прямо говорим то, что думаем.

Прости меня, я хотела как лучше. – И Мег протянула ему руку в жесте одновременно и ласковом и робком.

Стыдясь своего минутного раздражения, Лори пожал маленькую нежную руку и ответил искренне:

– Это мне нужно просить у вас прощения.

Я сердит и весь этот день был не в духе.

Мне нравится, что вы прямо говорите мне о моих недостатках и относитесь ко мне по-сестрински, так что не сердитесь, если я иногда ворчлив.

Все равно я вам очень благодарен.

И, твердо решив доказать, что не обиделся, он постарался быть как можно любезнее – разматывал пряжу для Мег, читал стихи, чтобы доставить удовольствие Джо, сбивал шишки с ели для Бесс и помогал Эми срисовывать папоротники – и показал себя вполне достойным принадлежать к

«Обществу усердных пчелок».

В самый разгар оживленной дискуссии о семейных привычках черепах (одно из этих прелестных созданий проползло вверх по холму от реки) отдаленный звук колокольчика донес им, что Ханна поставила чай настаиваться и у них остается ровно столько времени, сколько нужно, чтобы добраться домой к ужину.

– Можно мне прийти снова? – спросил Лори.

– Да, если ты будешь хорошо себя вести и любить свою книжку, как говорят ученикам пригготовительного класса, – сказала Мег, улыбаясь.

– Я постараюсь.

– Приходи, и я научу тебя вязать, ведь вяжут же шотландские мужчины, – сказала Джо, когда они расставались у калитки. – Носков сейчас нужно много, – добавила она, размахивая своим вязаньем, словно большим синим шерстяным флагом.

В тот же вечер, когда в сумерки Бесс играла для мистера Лоренса, Лори, стоя в тени оконных занавесей, слушал «Маленького Дэвида» – простую мелодию, которая всегда успокаивала его мятежный дух, и наблюдал за дедушкой. Тот сидел, опустив седую голову на руку, и с нежностью на лице думал об умершем ребенке, которого так любил.

Вспомнив разговор в роще, мальчик сказал себе с радостной решимостью принести жертву:

«Пусть растает мой воздушный замок – я останусь с моим дорогим стариком, я нужен ему, ведь я – это все, что у него есть».

Глава 14 Секреты

Октябрьские дни начали становиться холоднее, а вечера короче, и Джо все больше своего свободного времени проводила на чердаке.

Два или три часа теплое солнце глядело в высокое окно, освещая Джо, расположившуюся на старом диване и усердно что-то пишущую; бумаги были разложены на сундуке перед ней, а Скрэбл, ручная крыса, разгуливала под балками в сопровождении старшего сыночка, славного малого, который явно был очень горд своими усами.

Совершенно поглощенная своим занятием, Джо торопливо и небрежно царапала пером, пока не была исписана последняя страница. Тогда она вывела внизу свое имя с великолепным росчерком и, уронив перо, воскликнула:

– Вот, я сделала все, что могла!

Если это не годится для печати, придется подождать, пока я не научусь писать лучше.

Откинувшись на спинку дивана, она внимательно прочла всю рукопись, делая кое-где пометки и вставляя множество восклицательных знаков, похожих на маленькие воздушные шарики; затем она перевязала ее хорошенькой красной ленточкой и с минуту сидела, глядя на нее с серьезным, задумчивым выражением, ясно говорившим о том, с каким усердием она трудилась.

Старый кухонный ящик из жести, подвешенный на стену, заменял Джо конторку.

В нем она держала свои бумаги и несколько книжек, заботливо запирая все это от Скрэбл, которая тоже отличалась любовью к литературе и, если какие-либо томики оказывались ей доступны, устраивала библиотеку с выдачей книг на дом, съедая целые страницы.

Из этого жестяного вместилища Джо извлекла вторую рукопись и, сунув обе в карман, тихонько спустилась по лестнице, оставив своих друзей грызть ее перья и пробовать чернила.

Она постаралась как можно бесшумнее надеть шляпу и жакет, подошла к заднему окну, выходящему на крышу невысокого крыльца, спустилась с нее на поросшую травой небольшую насыпь и кружным путем направилась к дороге.

Добравшись туда, она успокоилась, окликнула проезжавший омнибус и покатила в город с видом очень веселым и таинственным.

Если бы кто-нибудь наблюдал за ней, то, несомненно, счел бы ее действия очень странными, так как, высадившись, она зашагала быстро и решительно, пока не добралась до одного из домов на одной из оживленных улиц; найдя с некоторым трудом нужный подъезд, она вошла в дверь, взглянула вверх на грязную лестницу и, постояв с минуту как вкопанная, вдруг вынырнула на улицу и зашагала прочь так же стремительно, как пришла.

Этот маневр она повторила несколько раз, к большому удовольствию черноглазого молодого человека, который сидел развалившись в кресле у окна здания напротив.

Возвратившись в третий раз, Джо взяла себя в руки, надвинула шляпу на глаза и пошла по лестнице с таким видом, словно наверху ей должны были вырвать все зубы.

Среди других вывесок, украшавших витрину у подъезда, в котором исчезла Джо, была и реклама дантиста, и, бросив взгляд на пару огромных искусственных челюстей, которые медленно открывались и закрывались, чтобы привлечь внимание к красивым белым зубам, молодой человек надел пальто, взял шляпу и спустился, чтобы встать на караул в дверях напротив, бормоча при этом с улыбкой и содроганием:

– Как это на нее похоже – прийти одной! Но если ей придется туго, понадобится кто-нибудь, чтобы проводить ее домой.

Через десять минут Джо сбежала вниз по лестнице с очень красным лицом и обычным видом человека, только что прошедшего через определенного рода тяжелое испытание.

Увидев молодого человека, она отнюдь не просияла и прошла мимо, лишь кивнув ему, но он последовал за ней и спросил с сочувствием:

– Тяжело пришлось?

– Не очень.

– Быстро ты выбралась.

– Да, слава богу!

– Почему ты пошла одна?

– Хотела, чтобы никто не знал.

– Ну и странная же ты!

И сколько тебе вырвали?

Джо взглянула на своего друга, словно не понимая, о чем он говорит, а потом принялась смеяться, как будто слышала отличную шутку.

– Есть два, которые я хотела бы вырвать, но придется ждать две недели.

– Над чем ты смеешься?

Ты что-то затеваешь, Джо, – сказал Лори с заинтригованным видом.

– Ты тоже.

Что это вы делали, сэр, там, в бильярдной?

– Прошу прощения, мэм, но это не бильярдная, а гимнастический зал, и я брал урок фехтования.

– Я рада.

– Чему?

– Ты сможешь научить меня, и тогда мы поставим «Гамлета» – ты будешь Лаэртом, и у нас будет великолепная сцена сражения на шпагах.

Лори сердечно, по-мальчишески расхохотался, так что несколько прохожих тоже невольно улыбнулись.

– Я научу тебя, независимо от того, будем мы ставить «Гамлета» или нет.

Фехтование – отличное развлечение и замечательно поможет тебе избавиться от сутулости.

Но я не верю, что ты только поэтому так решительно заявила «Я рада». Ведь так, скажи?

– Я рада, что ты был не в бильярдной, и надеюсь, ты никогда не ходишь в такие места.

Ты ведь не ходишь?

– Хожу, но не очень часто.

– Я хотела бы, чтобы ты не ходил.

– В этом нет ничего плохого, Джо.

У меня есть бильярд и дома, но одному, без хороших партнеров, неинтересно. И так как я люблю бильярд, я иногда хожу поиграть с Недом Моффатом или с кем-нибудь еще.

– Боже мой, мне так жаль, потому что такие занятия будут привлекать тебя все больше и больше, ты будешь зря терять время и деньги и станешь похож на этих противных щеголей.

А я-то надеялась, что ты останешься достойным уважения и будешь гордостью своих друзей, – сказала Джо, качая головой.

– Разве не может человек иногда позволить себе невинное развлечение, оставаясь при этом достойным уважения? – спросил Лори с уязвленным видом.

– Все зависит от того, где и как он находит эти развлечения.

Мне не нравится Нед и его компания, и я хочу, чтобы ты держался подальше от них.

Мама не позволяет нам приглашать его в гости, хотя он хотел бы прийти; а если ты станешь таким, как он, она не согласится, чтобы мы дружили и резвились вместе, как сейчас.

– Не согласится? – переспросил Лори с тревогой.

– Нет, она терпеть не может этих светских франтов и скорее упрячет нас всех в шляпные картонки, чем позволит общаться с ними.

– Ну, пока ей не нужно доставать шляпные картонки.

Я не светский франт и не собираюсь им становиться, но я люблю порой безобидные развлечения – а ты разве не любишь?

– Люблю, да никто и не против этого, так что развлекайся на здоровье, но не делайся повесой, хорошо?

А то придет конец нашим радостям.

– Я буду святой высшей пробы.

– Терпеть не могу святых: будь простым, честным, порядочным мальчиком – и мы всегда будем с тобой.

Не знаю, что я стала бы делать, если бы ты вел себя, как сын мистера Кинга; у него полно денег, но он не знает, куда их девать, и пьет, играет в карты, убегает из дома – я думаю, он и как отца-то родного зовут забывает – и вообще ведет себя отвратительно.

– И ты думаешь, что я мог бы делать то же самое?

Покорно благодарю.

– Нет-нет, не думаю – о нет, конечно, нет, – но я слышала, как люди говорят, что деньги – большое искушение, и иногда мне хочется, чтобы ты был бедным; тогда я не беспокоилась бы так о тебе.

– А ты беспокоишься обо мне, Джо?

– Немного; когда ты угрюм или недоволен, как это с тобой иногда бывает; потому что у тебя такая сильная воля, и если ты однажды собьешься с пути, то, боюсь, трудно будет тебя остановить.

Несколько минут Лори шагал в молчании, и Джо поглядывала на него, жалея, что не придержала

язык, потому что глаза его были сердитыми, хотя на губах все еще играла усмешка, как будто вызванная ее предостережениями.

– Ты собираешься читать наставления всю дорогу домой? – спросил он вскоре.

– Конечно, нет.

А что?

– Да если ты собираешься, я сяду в омнибус; а если нет, то я хотел бы пройтись с тобой и рассказать тебе кое-что очень интересное.

– Я не буду больше поучать, и я очень хочу узнать новости.

– Очень хорошо, тогда пошли.

Но это секрет, и, если я расскажу тебе о нем, ты должна рассказать мне о своем.

– У меня нет никакого секрета, – начала было Джо, но резко оборвала речь, вспомнив, что это не так.

– Ты же знаешь, что есть! Ты ничего не можешь скрыть! Так что давай выкладывай, или я ничего не скажу! – воскликнул Лори.

– А твой секрет стоящий?

– Еще бы!

И о людях, которых ты знаешь! И так забавно!

Тебе следовало бы послушать, да мне и самому уже давно до смерти хочется рассказать.

Давай, ты первая.

– Но ты ничего не скажешь дома, хорошо?

– Ни слова.

– И не будешь дразнить меня, когда мы вдвоем?

– Я никогда не дразню.

– Дразнишь.

Ты можешь выудить из человека все, что захочешь.

Не знаю, как ты это делаешь, но ты прирожденный искуситель.

– Спасибо.

Выкладывай.

– Я оставила два рассказа редактору газеты «Парящий орел», и он даст мне ответ на следующей неделе, – шепнула Джо на ухо своему доверенному лицу.

– Да здравствует мисс Марч, знаменитая американская писательница! – закричал Лори, подбросив в воздух и снова поймав свою шляпу, к большому удовольствию двух уток, четырех кошек, пяти куриц и полудюжины ирландских ребятишек – дорога уже вышла за город.

– Тише!

Может быть, ничего и не выйдет, но я знала, что не найду покоя, пока не попробую. Я ничего не

говорила об этом дома, потому что не хочу, чтобы еще кто-то был разочарован.

– Неудачи не будет, Джо.

Твои рассказы – творение Шекспира по сравнению с половиной той чепухи, которую каждый день печатают газеты.

Вот здорово будет увидеть твои произведения в печати – и разве не будем мы гордиться нашей писательницей?

Глаза Джо блеснули – всегда приятно, если в тебя верят, а похвала друга всегда милее, чем дюжина газетных статей с дутой рекламой.

– А где же твой секрет?

Веди честную игру, Тедди, или я никогда больше тебе не поверю, – сказала она, стараясь погасить ослепительный блеск надежд, засиявших от ободряющих слов Лори.

– У меня, конечно, могут быть неприятности из-за того, что я скажу. Но я не давал слова молчать, так что все-таки скажу, потому что не смогу успокоиться, пока не поделюсь с тобой великолепной новостью.

Я знаю, где перчатка Мег!

– И это все? – спросила Джо разочарованно. Лори кивнул, в глазах его зажегся огонек, а на лице появилось таинственное выражение.

– Вполне достаточно. И ты сама согласишься, когда я скажу тебе, где она.

– Так скажи.

Лори наклонился и шепнул на ухо Джо три слова, что привело к забавной перемене: она остановилась и с минуту глядела на него с видом одновременно и удивленным и недовольным, затем пошла дальше, спросив резко:

– Откуда ты знаешь?

– Видел.

– Где?

– В кармане.

– Все это время?

– Да, разве не романтично?

– Нет, отвратительно.

– Тебе не нравится?

– Конечно, нет.

Это возмутительно, такое нельзя позволять.

Какое безобразие!

Что сказала бы на это Мег?

– Ты не скажешь никому.

Не забудь.

– Я не обещала.

– Это подразумевалось, и я доверял тебе.

– Хорошо, не скажу. По крайней мере пока. Но мне противно, и лучше бы ты мне ничего не говорил.

– Я думал, ты обрадуешься.

– Тому, что кто-то придет, чтобы увести Мег?

Нет уж, спасибо.

– Тебе станет легче это вынести, когда кто-нибудь придет, чтобы увести тебя.

– Хотела бы я посмотреть, как это он попробует, – сказала Джо свирепо.

– Я тоже! – И Лори засмеялся при этой мысли.

– Боюсь, мне вредно узнавать секреты. У меня голова идет кругом, с тех пор как ты мне это сказал, – заявила Джо, проявляя некоторую неблагодарность.

– Давай со мной наперегонки с этого холма – и ты сразу будешь здорова, – предложил Лори.

Никого не было видно поблизости, соблазнительно гладкая дорога отлого спускалась с холма, и, не в силах преодолеть искушение, Джо помчалась, вскоре потеряв шляпу и гребень и рассыпая шпильки во все стороны.

Лори оказался у цели первым и был вполне удовлетворен результатами своего метода лечения, ибо его Аталанта подбежала запыхавшаяся, с развевающимися волосами, сияющими глазами, румяная и без всяких признаков недовольства на лице.

– Хорошо бы быть лошадью, тогда я могла бы преодолевать милю за милей на этом чудесном воздухе и никогда не запыхалась бы.

Это было замечательно, но на кого я теперь похожа?

Пойди собери мои вещи, будь другом, ты ведь друг? – сказала Джо, присев под кленом, устлавшим землю пурпурными листьями.

Лори неторопливо отправился на поиски потерянного имущества, а Джо свернула косы в узел и стала ждать, надеясь, что никто не пройдет мимо, пока она не приведет себя в порядок.

Но кто-то появился, и этот кто-то был не кто иной, как Мег, особенно изящная и женственная в своем праздничном наряде, так как в этот день она ходила в гости.

– Помилуй, что ты здесь делаешь? – спросила она, глядя на свою взлохмаченную сестру со сдержанным удивлением хорошо воспитанной особы.

– Собираю листья, – кротко ответила Джо, разглядывая охапку красных листьев, которую только что зацепила.

– И шпильки, – добавил Лори, бросая полдюжины их на колени Джо. – Они растут вдоль этой дороги, Мег, так же как гребни и коричневые соломенные шляпки.

– Ты бегала, Джо!

Как ты можешь?

Когда же ты наконец прекратишь подобное озорство? – воскликнула Мег с упреком, одновременно поправляя свои манжеты и приглаживая волосы, по отношению к которым ветер позволил себе некоторую вольность.

– Никогда, разве только если стану старой, не смогу ни согнуться, ни разогнуться, и мне придется взять костыль.

Не старайся сделать меня взрослой раньше времени, Мег.

И так уже тяжело, что ты внезапно изменилась; позволь мне оставаться маленькой сколько смогу.

Говоря это, Джо склонилась над своей охапкой листьев, чтобы скрыть дрожь губ. В последнее время она все яснее чувствовала, что Маргарет быстро превращается в женщину, а секрет, который поведал ей Лори, заставлял ее содрогаться от страха при мысли о неизбежной разлуке, которая теперь, казалось, была очень близка.

Лори заметил ее волнение и постарался отвлечь внимание Мег торопливым вопросом:

– Куда это ты ходила такая нарядная?

– К Гардинерам. Салли рассказала мне о свадьбе Беллы Моффат.

Свадьба была великолепная, а всю зиму молодые проведут в Париже.

Подумать только! Какое это, должно быть, удовольствие!

– Ты завидуешь ей, Мег? – спросил Лори.

– Боюсь, что да.

– Я рада! – пробормотала Джо, судорожным движением завязывая ленты шляпы.

– Почему? – спросила Мег удивленно.

– Потому что, если для тебя так важно богатство, с тобой никогда не случится такого, чтобы ты вдруг вышла за бедного человека, – сказала Джо, хмуро взглянув на Лори, который взглядом просил ее следить за своими словами.

– Я никогда вдруг ни за кого не выйду, – заметила Мег и зашагала домой с большим достоинством, а Джо и Лори последовали за ней, смеясь, перешептываясь, прыгая через камешки на дороге, «совсем как дети», как сказала себе Мег, хотя и у нее, возможно, появилось бы искушение присоединиться к ним, если бы она не была в своем лучшем наряде.

Неделю или две Джо вела себя так странно, что сестры были в некотором замешательстве.

Она бросалась к двери, когда звонил почтальон, была груба с мистером Бруком, когда они встречались, подолгу сидела, глядя на Мег со скорбным выражением лица, и иногда подбегала к сестре, чтобы встряхнуть ее и затем поцеловать с очень таинственным видом.

Она все время обменивалась с Лори странными знаками и толковала с ним о каких-то «парящих орлах», пока сестры не заявили, что оба они, вероятно, совсем потеряли рассудок.

В субботу, спустя две недели после того, как Джо ездила в город, Мег, сидевшая у окна с шитьем, была возмущена, увидев, как Лори гоняется за Джо по всему саду.

Наконец он поймал ее в беседке, и, что произошло там, Мег было не видно, но оттуда доносились взрывы хохота, за которыми последовало жужжание голосов и громкие хлопки газет.

– Что нам делать с этой девочкой?

Она никогда не научится вести себя как барышня, – вздохнула Мег, наблюдавшая за погоней в саду с явным неодобрением на лице.

– И хорошо, что не научится; она такая веселая и милая, – сказала Бесс, скрывая некоторую обиду, вызванную тем, что у Джо есть секреты с кем-то, кроме нее.

– Это очень досадно, но, боюсь, нам никогда не сделать ее *compte la fo*, – добавила Эми, которая сидела, пришивая новые оборки к своему платью, и с кудрями, перехваченными лентой так, что они были ей очень к лицу, – два приятных обстоятельства, заставлявшие ее чувствовать себя необыкновенно изящной и элегантной.

Через несколько минут в комнату влетела Джо, растянувшись на диване и сделав вид, что читает.

– Что-нибудь интересное? – спросила Мег снисходительно.

– Так, просто рассказ; ничего особенного, я думаю, – отвечала Джо, стараясь держать газету так, чтобы не было видно ее названия.

– Почитала бы вслух: и нас развлечешь, и сама не будешь скакать и проказничать, – сказала Эми самым взрослым тоном.

– Как он называется? – спросила Бесс, удивляясь, почему Джо закрывает лицо газетой.

– «Художники-соперники».

– Название неплохое, прочти, – сказала Мег.

Издав громкое

«Гм!» и набрав побольше воздуха, Джо начала читать очень быстро.

Девочки слушали с интересом, история была весьма романтической и довольно трогательной, так как большинство героев в конце умирали.

– Мне понравилось то место, где говорилось о замечательной картине, – с одобрением сказала Эми, когда Джо замолчала.

– А мне больше всего понравилась любовная линия.

Виола и Анжело – наши любимые имена, ну не странно ли? – отозвалась Мег, вытирая слезы, так как «любовная линия» была трагической.

– А кто автор? – спросила Бесс, которая мельком увидела лицо Джо.

Чтица вдруг села, отбросила газету, открыв взорам раскрасневшееся лицо, и с забавной смесью торжественности и волнения громко ответила:

– Ваша сестра.

– Ты?! – вскрикнула Мег, роняя шитье.

– Очень хороший рассказ, – сказала Эми с видом критика.

– Я знала!

Знала!

О, моя Джо, я так тобой горжусь! – И Бесс подбежала, чтобы обнять сестру, и запрыгала от радости по случаю такого замечательного успеха.

Ах, как были все они восхищены, можете не сомневаться!

Как не верила Мег, пока не увидела слова «мисс Джозефина Марч», действительно напечатанные в газете; как благосклонно разбирала Эми те фрагменты рассказа, где речь шла о живописи, и давала советы, как написать продолжение, что, к несчастью, не представлялось возможным осуществить, ибо герой и героиня были мертвы; как взволнована была Бесс и как она прыгала и пела от радости; как вошла Ханна, чтобы воскликнуть:

«Вот это да! В жизни такого не видала!» – в огромном удивлении от того, «что наша Джо учинила»; как горда была, узнав обо всем, миссис Марч; как смеялась со слезами на глазах Джо, как она заявила, что чувствует себя спесивым павлином, и как

«Парящий орел», если можно так выразиться, триумфально взмахивал крылами над домом семейства Марч, когда газета переходила из рук в руки!

– Расскажи все.

Когда у тебя появилась такая идея?

Сколько тебе за это заплатили?

Что скажет папа?

А как Лори-то будет смеяться! – наперебой кричали все, столпившись вокруг Джо, потому что эти безрассудные, любящие люди превращали в большой праздник каждую маленькую семейную радость.

– Не галдите так, девочки, я все расскажу, – улыбнулась Джо, одновременно задавая себе вопрос, больше ли гордилась своей «Эвелиной» мисс Берни, чем она своими

«Художниками-соперниками».

Рассказав, как она распорядилась своими рассказами, Джо добавила: – А когда я пришла за ответом, этот человек сказал, что ему понравились оба рассказа, но он не платит начинающим авторам, а только дает им напечататься в его газете.

Он сказал, что рассказы – это хорошая практика, а когда начинающий станет писать лучше, тогда любой заплатит.

И я позволила ему взять оба рассказа, а сегодня мне прислали этот номер газеты. Лори увидел меня с ним в саду, поймал и настоял, чтобы я показала.

Ну и я показала, а он сказал, что рассказ хорош и чтобы я писала еще, а он постарается устроить так, чтобы за следующий заплатили. И я так счастлива, потому что со временем я, возможно, смогу содержать себя и помогать девочкам.

Тут у Джо перехватило дыхание, и, уткнувшись головой в газету, она окропила свой маленький рассказ искренними слезами, так как быть независимой и заслужить похвалы тех, кого она любила, было самым заветным желанием ее сердца – и казалось, что первый шаг к этой цели сделан.

Глава 15 Телеграмма

– Ноябрь – самый неприятный месяц в году, – сказала Маргарет, стоя у окна в один из хмурых дней и глядя на побитый морозом сад.

– Вот почему я именно в нем родилась, – заметила Джо с меланхолическим видом, не подозревая о том, что нос у нее испачкан чернилами.

– А если бы сейчас случилось что-нибудь очень приятное, мы подумали бы, что это замечательный

месяц, – сказала Бесс, которая с надеждой глядела на все, даже на ноябрь.

– Осмелюсь сказать, что в нашем семействе никогда ничего приятного не происходит, – отозвалась Мег, которая была не в духе. – Корпим изо дня в день – никаких перемен и очень мало развлечений.

Не лучше, чем каторжнику на ступальном колесе.

– Дай Бог терпения, ну и хандра же у тебя! – воскликнула Джо. – Впрочем, я не очень удивлена, бедняжка ты моя, потому что ты видишь, как отлично проводят время другие девушки, а сама только трудишься да трудишься из года в год.

О, как было бы хорошо, если бы я могла создать для тебя иные обстоятельства, так же как я делаю это для моих героинь!

Ты уже достаточно красива и достаточно добродетельна, так что мне осталось бы устроить так, чтобы какой-нибудь родственник неожиданно оставил тебе большое состояние.

И тогда ты в один миг превратилась бы в богатую наследницу, холодно отнеслась бы ко всем тем, кто прежде смотрел на тебя свысока, поехала за границу и вернулась бы домой леди такой-то в полном блеске роскоши и изящества.

– В наши дни люди не получают наследство подобным образом; мужчинам приходится работать, а женщинам выходить замуж из-за денег.

Это отвратительно несправедливый мир, – сказала Мег с горечью.

– Мы с Джо обеспечим состояние вам всем, подождите лет десять – и увидите, – вставила Эми, которая сидела в углу и «строила куличики» – так Ханна называла создание маленьких глиняных масок и моделей птиц и фруктов.

– Я не могу ждать и боюсь, что не очень верю в чернила и глину, хотя и благодарна вам за ваши добрые намерения.

Мег вздохнула и снова обернулась к побитому морозом саду; Джо застонала и, опустив локти на стол, поникла в безнадежной позе, но Эми продолжала энергично мять глину, а Бесс, сидевшая у другого окна, сказала с улыбкой:

– Целых два приятных события произойдут прямо сейчас: мама идет по улице, и Лори бежит через сад с таким видом, словно хочет сообщить что-то очень хорошее.

Через минуту оба появились в гостиной – миссис Марч с обычным вопросом:

«Не было ли письма от папы, девочки?», а Лори – чтобы сказать, как всегда, самым проникновенным тоном:

– Не хотите ли прокатиться в экипаже?

Я занимался сегодня математикой до «каши» в голове и теперь собираюсь освежить мозги быстрой ездой.

День мрачный, но воздух очень хорош. Я хочу отвезти Брука домой, так что будет весело, если не снаружи экипажа, то внутри.

Поехали, Джо, ведь вы с Бесс поедете?

– Конечно, поедем.

– Большое спасибо, но я занята. – И Мег выдвинула свою рабочую корзинку, так как еще прежде согласилась с матерью, что лучше, по крайней мере для нее самой, не ездить часто с этим молодым

человеком.

– Мы трое будем готовы через минуту! – крикнула Эми, выбегая, чтобы вымыть руки.

– Не могу ли я чем-нибудь помочь вам, наша мама? – ласково спросил Лори, склоняясь над стулом миссис Марч и, как всегда, с любовью глядя на нее.

– Нет, спасибо, вот только, может быть, будешь так добр – заглянешь на почту.

Мы должны сегодня получить письмо, но почтальон не заходил.

Папа обязателен, как солнце, но, видимо, в пути произошла какая-то задержка.

Резкий звонок прервал ее слова, а минуту спустя вошла Ханна с какой-то бумажкой в руке.

– Одна из этих отвратительных телеграфных штучек, мэм, – сказала она, вручая телеграмму с таким видом, словно боялась, что бумага взорвется и наделает бед.

При слове «телеграф» миссис Марч с живостью схватила послание, прочла содержащиеся в нем две строчки и снова упала в кресло, такая бледная, словно эта маленькая бумажка пулей пронзила ее сердце.

Лори бросился вниз за водой, Мег и Ханна подскочили, чтобы поддержать миссис Марч, а Джо испуганно прочла вслух:

МИССИС МАРЧ, ВАШ МУЖ ОПАСНО БОЛЕН. ПРИЕЗЖАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО.

С. ХЕЙЛ.

Н-СКИЙ ГОСПИТАЛЬ. ВАШИНГТОН.

Как тихо было в комнате, когда все слушали, затаив дыхание, как странно померк день и как внезапно показался изменившимся весь мир, когда девочки собрались вокруг матери с таким чувством, словно им предстояло утратить все счастье и опору их жизни.

Вскоре миссис Марч пришла в себя, перечитала телеграмму и, протянув руки к дочерям, сказала тоном, который они запомнили на всю жизнь:

– Я поеду сразу, но, может быть, уже слишком поздно.

О, дети, дети, помогите мне пережить это!

В течение нескольких минут в комнате слышались лишь всхлипывания, несвязные слова утешения, нежные обещания помощи и исполненный надежды шепот, тут же замиравший в слезах.

Бедная Ханна оправилась первой и с неосознанной мудростью подала добрый пример остальным, ибо для нее работа была лучшим лекарством от всех скорбей.

– Да хранит Господь дорогого хозяина!

Не буду я терять время на слезы, а сейчас же соберу ваши вещи, мэм, – сказала она с жаром, вытерла лицо передником, с чувством пожала хозяйке руку своей крепкой рукой и ушла работать за троих.

– Она права, нет времени плакать.

Успокойтесь, дорогие, и дайте мне подумать.

Они попытались успокоиться, бедняжки, пока их мать села, бледная, но спокойная, и отвлеклась от своего горя, чтобы подумать, что делать с ними.

– Где Лори? – спросила она, когда собралась с мыслями и приняла решение о том, что необходимо сделать в первую очередь.

– Здесь, мэм.

О, позвольте мне сделать что-нибудь! – воскликнул мальчик, торопливо выходя из соседней комнаты, куда он раньше удалился, чувствуя, что первый приступ семейного горя слишком священен, чтобы его видели даже дружеские глаза.

– Отправь телеграмму, что я выезжаю немедленно.

Следующий поезд уходит рано утром; этим поездом я и поеду.

– Что-нибудь еще?

Лошади наготове; я могу поехать куда угодно, сделать что угодно, – сказал он с таким видом, словно был готов скакать на край света.

– Отвези записку тете Марч.

Джо, дай мне перо и бумагу.

Оторвав чистый кусочек от одной из только что переписанных страниц, Джо придвинула матери стол. Она хорошо понимала, что деньги для долгого, печального путешествия придется занять, и чувствовала, что могла бы сделать что угодно, лишь бы добавить хоть немного к этой сумме ради отца.

– Теперь поезжай, дорогой, только не убейся, не скачи на отчаянной скорости, в этом нет нужды.

Предупреждение миссис Марч было, очевидно, пропущено мимо ушей, так как пять минут спустя Лори промчался мимо окна на своей быstroногой лошади, скача так, словно спасал свою жизнь.

– Джо, сбегай ко мне на работу и скажи миссис Кинг, что завтра я не приду.

По дороге купи то, что я перечислила в этой записке.

Пусть запишут на мой счет. Все эти вещи понадобятся мне, я должна серьезно подготовиться к тому, чтобы ухаживать за папой.

В госпиталях не всегда все есть.

Бесс, сбегай и попроси у мистера Лоренса пару бутылок старого вина: я не так горда, чтобы не попросить ради папы; он получит все самое лучшее.

Эми, попроси Ханну принести черный сундук. Мег, пойдем, ты поможешь мне отыскать мои вещи, а то у меня туман в голове.

Необходимость одновременно писать, думать и распоряжаться могла, конечно же, привести в смятение бедную женщину, и Мег уговорила ее посидеть спокойно в своей комнате и позволить им самим взяться за работу.

Все разлетелись, как листья, подхваченные порывом ветра, и тихого, счастливого дома не стало так неожиданно, как будто слова телеграммы были заклинанием злого волшебника.

Мистер Лоренс пришел вместе с Бесс торопливым шагом и принес с собой все то, что, по мнению доброго старика, могло пригодиться больному, а также самые дружеские обещания взять под свою защиту девочек на время отсутствия матери, чем очень ее утешил.

Не было ничего, чего бы он не предлагал, – от собственного халата и до самого себя в качестве сопровождающего.

Но последнее было невозможно: миссис Марч не желала и слышать о том, чтобы старик предпринял долгое путешествие, однако в глазах ее промелькнуло выражение сожаления, ибо тревога – плохой спутник для путешественника.

Мистер Лоренс заметил этот взгляд, сдвинул тяжелые брови, в задумчивости потер руки и неожиданно ушел, сказав, что скоро вернется.

Никто еще не успел вспомнить о нем снова, когда Мег, пробежавшая через переднюю с парой галош в одной руке и чашкой чая в другой, неожиданно столкнулась с мистером Бруком.

– Я очень расстроен случившимся, мисс Марч, – сказал он ласковым, спокойным тоном, который прозвучал очень приятно для ее смятенного духа. – Я пришел, чтобы предложить себя вашей матери в качестве сопровождающего.

Мистер Лоренс отправляет меня с поручением в Вашингтон, и я буду рад, если окажусь ей там полезен.

Галоши упали и чай чуть не последовал за ними, когда Мег протянула руку с таким выражением благодарности на лице, что мистер Брук счел бы себя вполне вознагражденным и за гораздо большие жертвы, чем такая мелочь, как время, которое он собирался затратить, и услуги, которые собирался оказать.

– Как все вы добры!

Мама согласится, я уверена, и для нас будет таким облегчением знать, что там есть кому о ней позаботиться.

Большое, большое спасибо!

Мег говорила горячо, думая лишь о матери, пока что-то в выражении устремленных на нее карих глаз не заставило ее вспомнить об остывающем чае и предложить мистеру Бруку пройти в гостиную и подождать там, пока она позовет мать.

Все было уже обсуждено к тому времени, когда Лори вернулся от тети Марч с запиской, в которую была вложена просимая сумма; в нескольких строчках тетя Марч повторяла все то, что часто говорила и прежде, – она всегда твердила им, как это нелепо, чтобы Марч шел в армию, она всегда предсказывала, что добра от этого не жди, она надеется, что в следующий раз они прислушаются к ее совету.

Миссис Марч сунула записку в огонь, деньги – в кошелек и продолжила приготовления к отъезду, плотно сжав губы с таким выражением, что если бы Джо была рядом, догадалась бы, что оно означает.

Короткий вечер подходил к концу; все поручения были выполнены, Мег и мать занимались необходимым шитьем, Бесс и Эми накрывали стол к чаю, а Ханна гладила, по ее выражению, «очертя голову», но Джо все не возвращалась.

Они начали тревожиться, а Лори отправился искать ее, так как никто не знал, что могло взбесить ей в голову.

Он, однако, разминутся с ней, и она вошла в гостиную с очень странным выражением, представлявшим собой смесь веселья и тревоги, удовлетворения и сожаления, которое озадачило семью не меньше, чем пачка денег, которую она положила перед матерью, сказав несколько сдавленным голосом:

– Это мой вклад в то, чтобы обеспечить папе удобства и привезти его домой!

– Дорогая, где ты это взяла?

Двадцать пять долларов!

Джо, я надеюсь, ты не совершила ничего безрассудного?

– Нет, это мое по праву.

Я не побиралась, не брала в долг, не воровала.

Я получила их честным путем, и, думаю, вы не осудите меня, так как я всего лишь продала то, что мне принадлежало.

С этими словами Джо сняла шляпу. Раздался всеобщий крик: ее роскошные волосы были коротко обстрижены.

– Твои волосы!

Твои прекрасные волосы!

– О, Джо, как ты могла?

Вся твоя краса!

– Дорогая моя девочка, в этом не было никакой нужды.

– Она больше не похожа на мою Джо, но я еще крепче люблю ее за то, что она сделала!

– На судьбе нации это не отразится, так что не хнычь, Бесс.

Это поможет мне излечиться от тщеславия, а то я начинала слишком гордиться своей шевелюрой.

И мозгам пойдет на пользу, что эти космы убрали; моей голове теперь так восхитительно легко и прохладно, а парикмахер сказал, что скоро у меня будет отличный вид, как у кудрявого мальчика, и прическу легко будет держать в порядке.

Я довольна, так что, пожалуйста, возьми деньги и давайте ужинать.

– Расскажи мне все, Джо.

Я не совсем довольна, но не могу винить тебя; я знаю, как охотно ты преодолела свое «тщеславие», как ты это называешь, ради своей любви.

Но, дорогая, это не было необходимо, и, боюсь, ты пожалеешь об этом уже на днях, – сказала миссис Марч.

– Нет, не пожалею! – отвечала Джо твердо, испытывая большое облегчение оттого, что ее выходка не вызвала однозначного осуждения.

– Что тебя на это толкнуло? – спросила Эми, которой скорее пришло бы на ум расстаться с головой, чем с ее красивыми кудрями.

– Я горела желанием сделать что-нибудь для папы, – ответила Джо, когда все уселись за стол, ибо здоровая молодежь может есть с аппетитом даже в разгар тревог и волнений. – Мне было неприятно, что маме приходится столько брать в долг, и я знала, что тетя Марч будет ворчать; попроси у нее хоть ломаный грош, она и то ворчать будет.

Мег отдала все свое трехмесячное жалованье в уплату за дом, а я на свое купила себе одежду и поэтому была готова собственный нос продать, лишь бы достать денег.

– Незачем так корить себя, дитя мое; у тебя не было зимней одежды, и ты купила самое необходимое на свои собственные, трудом добытые деньги, – сказала миссис Марч, и взгляд ее согрел душу Джо.

– Сначала я даже не думала о том, что можно продать волосы, но, идя по улице, не переставала размышлять, что бы такое я могла сделать, и чувство у меня было такое, что хотелось заскочить в какой-нибудь богатый магазин и всего там нахватать.

А потом в окне парикмахерской я увидела выставленные косы с обозначенной ценой, и одна, черная, далеко не такая толстая, как моя, стоила сорок долларов.

И мне вдруг пришло в голову, что у меня есть способ получить деньги. Я, не задумываясь, вошла и спросила, покупают ли они волосы и сколько дадут за мои.

– Не понимаю, как ты на это решилась, – сказала Бесс с благоговейным страхом.

– Меня встретил маленький человечек, у которого был такой вид, словно он только и занят тем, что помадит свои волосы.

Он сначала уставился на меня так, будто не привык к тому, чтобы девушки заскакивали в его заведение и предлагали купить их волосы.

Он сказал, что мои ему не нужны, что такой цвет не в моде, а прежде всего, он никогда не платит много за волосы: работы много надо вложить, и от этого они становятся дороги, и так далее.

Уже становилось поздно, и я побоялась, что если не продать волосы сразу, то я вообще не смогу сделать это, а вы знаете, что если уж я взялась за дело, то терпеть не могу бросать.

И я принялась уговаривать его взять мои волосы и сказала, почему так спешу.

Наверное, это было глупо, но все же помогло – он передумал, потому что я разволновалась и рассказала всю историю, по своему обыкновению, без начала и конца, и его жена услышала и сказала с такой добротой:

«Возьми ее волосы, Томас, помоги девушке.

Я сделала бы то же самое ради нашего Джимми, если б у меня была хоть прядь волос, на которую нашелся бы покупатель».

– Кто такой Джимми? – спросила Эми, которая любила выяснять все сразу.

– Она сказала, что это ее сын и он в армии.

Как такие вещи сближают незнакомых людей, не правда ли?

И все время, пока мужчина стриг, она говорила и очень мило меня отвлекала.

– Разве у тебя не было ужасного чувства, когда упала первая прядь? – спросила Мег с содроганием.

– Я взглянула в последний раз на свои волосы, когда хозяин достал инструмент, и все.

Я никогда не хнычу из-за таких пустяков.

Хотя, признаюсь, у меня возникло странное чувство, когда я увидела милые, такие знакомые волосы, лежащие на столе, а на голове ощутила лишь короткие неровные концы.

Это было почти как если бы я лишилась руки или ноги.

Женщина перехватила мой взгляд и отделила длинный локон для меня, на память.

Я дам его тебе, мама, просто чтобы он напоминал о прежнем великолепии, потому что с короткими волосами очень удобно и вряд ли я когда-нибудь снова отращу такую гриву.

Миссис Марч свернула волнистую каштановую прядь и положила в свой стол, где уже лежала другая,

короткая и седая.

Она сказала лишь

«Спасибо, дорогая», но что-то в ее лице заставило девочек переменить тему и заговорить как можно радостнее о доброте мистера Брука, о том, что завтра будет хорошая погода, и о том, как будет хорошо, когда папа вернется домой и они будут за ним ухаживать.

Никто не хотел идти в постель, пока в десять часов миссис Марч не сказала, отложив в сторону последнюю дошитую вещь:

«Пора, девочки».

Бесс подошла к фортепьяно и заиграла любимым папин псалом; все начали бодро, но потом одна за другой, не выдержав, расплакались, и под конец пела одна лишь Бесс, пела от всей души, ибо для нее музыка всегда была самым сладостным утешением.

– Идите спать и не болтайте. Завтра мы должны встать рано, и нужно постараться выспаться.

Доброй ночи, любимые мои, – сказала миссис Марч, когда псалом отзвучал, так как никому не хотелось больше петь.

Они безмолвно поцеловали ее и пошли спать, так тихо, словно дорогой больной уже лежал в соседней комнате.

Бесс и Эми скоро уснули, несмотря на глубокую тревогу, но Мег лежала без сна, и мысли у нее были такие серьезные, каких еще не было за всю ее короткую жизнь.

Джо лежала неподвижно, и Мег думала, что сестра спит, пока приглушенное рыдание не заставило ее воскликнуть, одновременно дотронувшись до мокрой щеки:

– Джо, дорогая, что с тобой?

Ты плачешь о папе?

– Нет, сейчас не о нем.

– О чем же?

– О моих... волосах! – вырвалось у Джо, тщетно пытавшейся задушить свое горе в подушке.

Это совсем не показалось забавным Мег, которая принялась целовать и ласкать сокрушенную героиню самым нежным образом.

– Я не жалею, – возразила Джо сдавленно. – И сделала бы то же самое завтра еще раз, если бы могла.

Это только то, что есть во мне тщеславного, себялюбивого, расплакалось так глупо.

Не говори никому; все уже прошло.

Я думала, ты спишь, так что я просто хотела немного постонать в одиночестве над моей единственной и утраченной красой.

Почему ты не спишь?

– Мне не уснуть, я так тревожусь, – сказала Мег.

– Подумай о чем-нибудь приятном и быстро задремлешь.

– Я пыталась, но от этого сон совсем пропал.

– О чем ты думала?

– О красивых лицах... особенно о глазах, – ответила Мег, улыбаясь в темноте.

– Какие тебе больше всего нравятся?

– Карие... то есть иногда... голубые – прелестны.

Джо засмеялась; Мег сердито велела ей не болтать, потом любезно пообещала завить ей волосы и уснула, чтобы увидеть во сне свой воздушный замок.

Часы пробили полночь, и в комнатах было очень тихо, когда фигура в белом заскользила от постели к постели, где разглаживая покрывало, где поправляя подушку и замирая, чтобы остановить долгий, нежный взгляд на лице каждой спящей, поцеловать ее с безмолвным благословением и обратить к небу горячие молитвы, какие исходят лишь от матерей.

Когда она подняла занавеску, за которой была мрачная ночь, из-за туч неожиданно прорвалась и озарила ее ярким светом луна, словно сияющее доброе лицо, которое, казалось, шептало в тишине:

«Утешься, дорогая душа!

Всегда есть свет за облаками».

Глава 16 Письма

Рассвет был холодным и серым. Сестры зажгли лампу и прочли главу из своих маленьких книжек так серьезно, как никогда прежде; ибо теперь, когда надвинулась тень настоящей беды, эти книжки были полны поддержки и утешения. Пока девочки одевались, они договорились, что скажут «до свидания» радостно и с надеждой и отправят маму в это тревожное путешествие, не огорчив ее ни слезами, ни жалобами.

Все казалось очень странным, когда они спустились вниз, – таким тусклым и неподвижным за окном и таким полным света и суеты в доме.

Было непривычно завтракать в столь ранний час, и даже знакомое лицо Ханны казалось неестественным, когда она носилась по кухне, не сняв ночного чепца.

В передней стоял уже упакованный дорожный сундук, на диване лежали плащ и шляпка матери, а сама она сидела за столом, пытаясь поесть, но выглядела такой бледной и утомленной бессонницей и тревогой, что девочкам было нелегко держаться в соответствии с принятым решением.

Глаза Мег наполнялись слезами помимо ее воли, Джо не раз пришлось прятать лицо за чайником, а у младших девочек было серьезное, озабоченное выражение, словно печаль была для них непривычным переживанием.

Говорили мало, но перед самым отъездом, когда уже ожидали экипаж, миссис Марч сказала девочкам, которые хлопотали вокруг нее – одна свертывала ее шаль, другая разглаживала завязки ее шляпы, третья надевала ей боты, а четвертая застегивала ее дорожную сумку:

– Дети, я оставляю вас на попечение Ханны и под защитой мистера Лоренса.

Ханна – сама преданность, а наш добрый сосед будет оберегать вас как родных детей.

Я не боюсь за вас, но очень хочу, чтобы вы правильно восприняли это несчастье.

Не сокрушайтесь и не растравляйте свое горе, пока меня не будет с вами, но и не думайте, что сможете утешиться, если будете праздны и постараетесь о нем забыть.

Надейтесь, трудитесь и, что бы ни случилось, помните, что вы никогда не останетесь без отца.

– Хорошо, мама.

– Мег, дорогая, будь осмотрительна, следи за сестрами, во всем советуйся с Ханной, а в случае каких-либо затруднений обращайся к мистеру Лоренсу.

Будь терпеливой, Джо, не унывай и не совершай опрометчивых поступков; пиши мне чаще и будь, моя решительная девочка, как всегда, готова помочь и ободрить нас всех.

Бесс, утешайся музыкой и добросовестно исполняй свои маленькие обязанности по хозяйству, а ты, Эми, помогай сестрам всем, чем можешь, будь послушной и поддерживай в доме мир и покой.

– Непременно, мама!

Непременно!

Стук колес приближающегося экипажа заставил всех вздрогнуть и прислушаться.

Это была тяжелая минута, но девочки выдержали: ни одна не заплакала, ни одна не убежала, ни у одной не вырвалось жалобы, хотя у каждой было тяжело на сердце, когда они просили мать передать слова любви отцу и, произнося их, помнили, что, быть может, уже слишком поздно посылать их.

Они спокойно поцеловали мать, нежно прижавшись к ней, и постарались как можно веселее махать ей вслед платками.

Лори и его дедушка пришли попрощаться с ней, и мистер Брук казался таким сильным, умным и добрым, что девочки тут же окрестили его «мистер Великодушный».

– До свидания, дорогие мои!

Благослови и сохрани нас всех Господь! – шептала миссис Марч, целуя одно любимое личико за другим, и затем поспешила в экипаж.

Когда он уже катил прочь, из-за туч вышло солнце, и, обернувшись, мать увидела то, что показалось ей добрым предзнаменованием, – маленькую группу у ворот, озаренную яркими лучами.

Они тоже заметили это и улыбались и махали руками, и последнее, что увидела она, прежде чем экипаж свернул за угол, были четыре оживленных лица, а за ними, словно личная охрана, старый мистер Лоренс, верная Ханна и преданный Лори.

– Как все добры к нам! – сказала она, оборачиваясь, чтобы найти новое подтверждение этому в выражении почтительного сочувствия на лице мистера Брука.

– По отношению к вам это нетрудно, – отвечал молодой человек с таким заразительным смехом, что миссис Марч не могла не улыбнуться; и долгое путешествие началось с добрых предзнаменований – солнца, улыбок и веселых слов.

– У меня такое чувство, словно произошло землетрясение, – сказала Джо, когда соседи ушли домой завтракать, оставив их успокоиться и подкрепиться в одиночестве.

– Кажется, будто половина дома исчезла, – добавила Мег уныло.

Бесс приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, но смогла лишь указать на кучу аккуратно заштопанных чулок, лежавших на рабочем столике матери, – свидетельство того, что даже в самые последние часы перед отъездом она думала о них и трудилась для них.

Конечно, это была мелочь, но она поразила каждую из них в самое сердце; и, несмотря на намерение держаться мужественно, все они не выдержали и горько расплакались.

Мудрая Ханна выждала, пока слезы облегчили им душу, а затем и сама пришла на помощь,

вооруженная кофейником:

– Ну вот, дорогие мои, помните, что ваша мамаша сказала, и не тревожьтесь.

Давайте-ка выпьем по чашечке кофе, и возьмемся за дело, и будем поддерживать доброе имя семьи.

Кофе был редким угощением в их доме, и Ханна проявила немалую чуткость, сварив его в это утро.

Никто не мог противиться ни ее убедительным кивкам, ни ароматному приглашению, исходившему из носика кофейника.

Они подошли к столу, сменили носовые платки на салфетки, и через десять минут все опять было в порядке.

– «Надеяться и трудиться» – вот наш девиз, и давайте посмотрим, кто будет помнить о нем лучше всех.

Я иду к тете Марч, как обычно.

Ох и будет же она сегодня читать нотации! – сказала Джо, делая маленькие глотки и вновь обретая присутствие духа.

– Я пойду к своим Кингам, хотя гораздо охотнее осталась бы дома и занялась хозяйством, – сказала Мег, с сожалением думая о том, какие у нее, должно быть, красные глаза.

– Это ни к чему.

Мы с Бесс отлично справимся с домашней работой, – вставила Эми с важным видом.

– Ханна скажет нам, что нужно сделать, и, когда вы придете домой, все уже будет готово, – добавила Бесс, без промедления вынимая мочалку и тазик для мытья посуды.

– Я думаю, что волнения – это очень интересно, – заметила Эми, задумчиво поедая сахар.

Девочки не сумели удержаться от смеха, и он принес им облегчение, хотя Мег все же покачала головой, глядя на юную особу, которая могла найти утешение в сахарнице.

Привычный вид полукруглых пирожков снова настроил Джо на серьезный лад, и когда они вдвоем с Мег вышли из дома, обе с грустью оглянулись на окно, за которым так привыкли видеть лицо матери.

Его там не было, но Бесс не забыла об этой маленькой домашней традиции и стояла у окна, с улыбкой кивая им, словно розовощекий китайский мандарин.

– Как это похоже на мою Бесс! – сказала с благодарностью на лице Джо, взмахнув шляпой. – До свидания, Мег, надеюсь, Кинги не будут тебе сегодня досаждать.

Не тревожься о папе, дорогая, – добавила она, расставаясь с сестрой.

– А я надеюсь, что тетя Марч не будет брюзжать.

Твоя новая прическа тебе к лицу; вид совсем как у мальчика, и очень привлекательно, – ответила Мег, глядя на кудрявую голову, которая казалась до смешного маленькой на плечах высокой сестры, и стараясь не улыбаться.

– Это мое единственное утешение. – И, притронувшись к шляпе à la Лори, Джо зашагала дальше, чувствуя себя как стриженная овечка в ветреный день.

Пришедшие известия об отце очень утешили девочек, ибо, хотя он и был опасно болен, само присутствие лучшей и нежнейшей из сиделок принесло ему ощутимую пользу.

Мистер Брук присылал свои донесения ежедневно, и, в качестве главы семьи, Мег настояла на том,

чтобы самой читать вслух сообщения, которые, по мере того как проходила неделя, становились все более и более оптимистичными.

Сначала все горели желанием написать, и та или иная из сестер, преисполненная сознанием собственной важности из-за переписки с Вашингтоном, аккуратно всовывала пухлый конверт в почтовый ящик.

Один из таких конвертов содержал типичные письма всей компании, и потому вообразим, что мы обокрали почту, и прочтем их.

Дражайшая мама!

Невозможно описать, как осчастливило нас твое последнее письмо; новости такие радостные, что мы и смеялись и плакали над ними.

Как добр мистер Брук и как это удачно сложилось, что дела мистера Лоренса так долго удерживают его возле тебя, ведь он так полезен и тебе и нам.

Все девочки – чистое золото.

Джо помогает мне шить и настаивает на том, чтобы одной делать всю тяжелую работу.

Я, вероятно, боялась бы, что она переутомится, если бы не была уверена, что этот «приступ добродетельности» долго не продлится.

Бесс исполняет свои обязанности пунктуально и никогда не забывает того, что ей говорят.

Она печалится об отце и выглядит задумчивой, оживляясь только за своим пианино.

Эми прекрасно меня слушается, и я уделяю ей много внимания.

Она сама расчесывает волосы, и я учу ее обметывать петли и штопать чулки.

Она очень старается, и я думаю, что ты будешь довольна ее успехами, когда вернешься.

Мистер Лоренс заботится о нас, как старая наседка, по выражению Джо. Лори тоже очень добр и приветлив.

Он и Джо стараются не давать нам унывать, но иногда мы очень грустим и чувствуем себя сиротами от того, что ты так далеко.

Ханна – просто святая; она совсем не ворчит и всегда называет меня «мисс Маргарет», как, разумеется, и должно быть, и относится ко мне с уважением.

Мы все здоровы и заняты делом, но очень хотим, днем и ночью, чтобы ты вернулась.

Передай мой сердечный привет папе. Вечно твоя

Мег

Эта записка, написанная красивым почерком на надушенной бумаге, представляла собой полную противоположность следующей, небрежно и наспех нацарапанной на большом листе тонкой заграничной бумаги, украшенной кляксами и всевозможными росчерками и завитушками:

Драгоценная моя мама!

Троекратное ура в честь дорогого папы!

Брук – славный малый, сразу телеграфировал и дал нам знать, как только папе стало лучше.

А когда пришло письмо, я бросилась на чердак и попыталась возблагодарить Господа за его доброту к нам, но только плакала и повторяла:

«Как я рада!

Как я рада!»

Может быть, это сойдет за настоящую молитву.

Ведь у меня в сердце было так много чувства.

У нас часто бывает весело; и теперь я могу радоваться, потому что все такие отчаянно хорошие – живешь как в голубином гнездышке.

Вот бы ты посмеялась, если бы видела, как Мег сидит во главе стола и пытается изображать из себя мать семейства!

Она становится все красивее с каждым днем, и я иногда в нее прямо-таки влюблена.

Бесс и Эми – сущие ангелы, а я – ну, я Джо, и никогда никем иным не буду.

О, я должна сказать тебе, что чуть не поссорилась с Лори.

Я откровенно высказалась по поводу какой-то ерунды, а он обиделся.

Я была совершенно права, но говорила не так, как следовало бы, и он ушел домой, сказав, что не придет больше, если я не попрошу прощения.

А я заявила, что не попрошу, и разозлилась.

Это тянулось целый день, мне было так тяжело и так хотелось, чтобы ты была рядом.

Мы с Лори оба такие гордые, и трудно попросить прощения, но я думала, что в конце концов он это сделает, потому что я и в самом деле была права.

Но он не приходил, и уже вечером я вспомнила, что ты сказала мне накануне того дня, когда Эми провалилась в реку.

Я почитала свою книжку, почувствовала себя лучше и решила не держать долго обиды. Я побежала к Лори, чтобы сказать ему, что жалею о случившемся.

Мы встретились у калитки, он шел ко мне с таким же намерением.

Мы оба засмеялись, попросили друг у друга прощения, и нам опять стало хорошо и спокойно.

Вчера, помогая Ханне стирать, я сочинила стих, и, так как папа любит мои безделки, я вкладываю эту мою «песнь», чтобы развлечь его.

Обними его с огромнейшей любовью и поцелуй двенадцать раз за твою

безалаберную Джо.

Песнь из мыльной пены Корыта королева я И весело пою!

Я стирку – славное из дел — Люблю, как песнь мою. Работу солнцу и ветрам Я часто задаю. Вот если б так же мы могли Смыть с наших душ всю лень, А с лиц унылых удалить Любой печали тень, Тогда настал бы на земле Великой стирки день. Коль труд полезный – наша цель, В душе цветет покой. Чей занят ум, тот незнаком Ни с грустью, ни с тоской. И нужно с сором выметать Тревожных мыслей рой. Пусть в Сердце много чувств живет, Дум Голова полна, Но с радостью скажу Руке: Трудиться ты должна. Я знаю, что работа мне Полезна и нужна.

Дорогая мама!

Мне хватит места в этом письме только для того, чтобы послать привет и несколько засушенных маргариток от того корешка, который я взяла в саду и посадила дома для папы.

Я читаю свою книжку каждое утро, стараюсь быть очень хорошей весь день, а на ночь пою папины любимые песни.

Только «Райскую страну» я теперь петь не могу, я от нее плачу.

Все очень добры, и мы счастливы, насколько это возможно без тебя.

Эми хочет, чтобы я оставила ей остальную часть страницы, поэтому кончаю.

Я не забыла закрыть шкафы и сундуки и завожу часы и проветриваю комнаты каждый день.

Поцелуй дорогого папу в ту щеку, которую он зовет моей.

О, приезжайте скорее к вашей любящей

маленькой Бесс.

Ma chere mamma

Мы все здоровы я делаю все уроки и конфликтно веду себя с девочками – Мег говорит, что я имею в виду корректно так что я привожу оба слова чтобы ты могла выбрать которое из них точнее.

Я нахожу большое утешение в Мег она позволяет мне есть варенье каждый вечер за чаем Джо говорит что это мне очень полезно потому что от этого у меня улучшается характер.

Лори не такой галантный как должен бы быть теперь когда я почти взрослая, он зовет меня «цыпка» и очень задевает мои чувства тем что говорит со мной по-французски очень быстро когда я скажу merci или bon jour как это всегда делает Хэтти Кинг.

Рукава моего голубого платья совсем протерлись и Мег пришила новые но спереди выглядит плохо и они голубее чем само платье.

Мне тяжело но я не раздражаюсь мужественно переносу мои страдания но я хочу чтобы Ханна клала побольше крахмала когда стирает мои передники и варила гречневую кашу каждый день.

Неужели она не может?

Красивый у меня вышел вопросительный знак?

Мег говорит что у меня ужасная пунктуация и правописание и я так уизвлена но ах у меня так много дел мне некогда думать.

Adieu, шлю огромный привет рара.

Ваша преданная дочь

Эми Кертис Марч

Дорогая миссис Марч!

Черкну вам только пару строк, чтобы сказать, что дела у нас идут первый сорт.

Девочки – умницы и крутятся по хозяйству как заводные.

Из мисс Мег выйдет хорошая хозяйка, у ней к етому дар, схватывает все на диво быстро.

Джо любому очко вперед даст, так все проворно делает, да вот только никогда не остановится, чтоб подумать сперва, и никогда не знаешь, где у ней что выйдет.

В понедельник она целое корыто настирала, только крахмал положила прежде, чем от мыла отполоскать, и розовое платье ситцевое подсинила, так я думала, помру от смеха.

Лучше Бесс в мире не сыскать, и отличная из нее мне помощница, такая она предусмотрительная и надежная.

Она всему старается научиться, ходит на рынок, даром что мала; счета ведет с моей помощью прямо чудо; я даю девочкам кофе только раз в неделю, как вы и велели, и держу их на простой здоровой пище.

Эми не дуется, так как носит свои лучшие платья и ест сладкое.

Мистер Лори на шалости горазд как всегда, и часто в доме все вверх дном; но он подбадривает девочек, и потому я даю ему полную волю.

Старый мистер Лоренс каждый день шлет нам кучу всего; пожалуй, надоедает даже, но я знаю, что он добра нам желает, да и не мое это дело чтой-то ему говорить.

Хлеб мой поднялся, так что пока кончаю.

Мое почтение мистеру Марчу. Надеюсь, это в последний раз у него воспаление лехких.

С уважением

Ханна Мюллет

Главной сиделке палаты № 2.

Все спокойно на Раппаханоке, войска в отличном состоянии, интендантская служба действует превосходно, Домашний Караул под командованием полковника Тедди всегда на посту, главнокомандующий генерал Лоренс ежедневно проводит смотр войск, квартирмейстер Мюллет поддерживает порядок в лагере, а майор Лев выходит в пикет по ночам.

По получении добрых вестей из Вашингтона был произведен салют из двадцати четырех орудий и парад в полной форме.

Главнокомандующий шлет наилучшие пожелания, в чем к нему от всей души присоединяется полковник Тедди.

Дорогая миссис Марч!

Девочки все здоровы, Бесс и мой мальчик ежедневно докладывают мне, как идут дела.

Ханна – образцовая служанка и сторожит прекрасную Мег, как грозный дракон.

Рад, что погода стоит хорошая; молю Бога, чтобы Брук был полезен, и обращайтесь ко мне за помощью, если издержки окажутся больше, чем вы предполагали.

Пусть ваш муж ни в чем не нуждается.

Слава Богу, что он поправляется.

Ваш верный друг и покорный слуга Джеймс Лоренс

Глава 17

«Маленькая Добросовестность»

В первую неделю того количества добродетели, что можно было найти в старом доме Марчей, с избытком хватило бы на всю округу.

Это было поистине удивительным, ибо каждая, казалось, пребывала в неземном умонастроении и самопожертвование было в моде.

Но когда первая тревога за отца улеглась, девочки незаметно для себя несколько ослабили свои похвальные усилия и начали возвращаться к прежним привычкам.

Хотя они не забыли свой девиз, но «надеяться и трудиться» стали с меньшим жаром, а после огромного напряжения возникло чувство, что отдых – вполне заслуженная награда, и они предоставляли его себе в изрядном количестве.

Джо сильно простудилась из-за того, что плохо покрывала стриженую голову, и получила распоряжение оставаться дома, пока не поправится, так как тетя Марч не любила, чтобы ей читали вслух насморочным голосом.

Джо обрадовалась и после энергичных поисков всего необходимого по всему дому, от чердака до подвала, успокоилась на диване, чтобы лечить свою простуду мышьяком и книжками.

Эми нашла, что домашние обязанности и искусство плохо совместимы, и вернулась к своим «куличикам».

Мег продолжала ежедневно ходить к своим питомцам, а дома шила или думала, что шьет, но больше времени проводила за длинными письмами к матери и вновь и вновь перечитывала сообщения из Вашингтона.

Одна лишь Бесс продолжала трудиться по-прежнему, лишь изредка предаваясь праздности или унынию.

Каждый день она добросовестно исполняла свои маленькие обязанности, а также и многие из обязанностей сестер, ибо те были забывчивы и хозяйство напоминало часы, маятник которых раскачивается по инерции.

Когда ей становилось тяжело на сердце из-за тоски по матери и страха за отца, она убегала в гардеробную и прятала лицо в складках милого старого платья матери, чтобы немножко постонать и помолиться в одиночестве.

Никто не знал, что возвращало ей бодрость после приступа печали, но все чувствовали, как добра и всем полезна Бесс, и стало обычным обращаться к ней за утешением или советом.

Они не сознавали, что выпавшее на их долю испытание является проверкой характера, и стоило первому возбуждению пройти, как у них возникло чувство, что они показали себя с хорошей стороны и заслуживают похвал.

Так оно, конечно, и было, но ошибка заключалась в том, что они перестали показывать себя с хорошей стороны, но узнали они об этой ошибке, только испытав немало тревог и горьких сожалений.

– Мег, может быть, ты сходишь к Хаммелям; ты же знаешь, мама велела нам не забывать о них, – сказала Бесс десять дней спустя после отъезда миссис Марч.

– Я слишком устала сегодня, – ответила Мег, с удовольствием покачиваясь в кресле с шитьем в руках.

– А ты, Джо, не могла бы сходить? – спросила Бесс.

– Слишком ненастная погода, а у меня ведь насморк.

– Я думала, он почти прошел.

– Он прошел настолько, чтобы я могла побегать в саду с Лори, но не настолько, чтобы пойти к Хаммелям, – сказала Джо со смехом, но несколько стыдясь своей непоследовательности.

– Почему ты не пойдешь сама? – спросила Мег.

– Я хожу к ним каждый день, но младенец болен, и я не знаю, что делать.

Миссис Хаммель уходит на работу, а его нянчит Лотхен, но ему все хуже и хуже, и я думаю, что вам или Ханне следовало бы зайти к ним.

Бесс говорила очень горячо, и Мег пообещала, что сходит завтра.

– Попроси у Ханны что-нибудь вкусненькое и отнеси им, Бесс, тебе полезно прогуляться, – сказала Джо, добавив извиняющимся тоном: – Я пошла бы, но хочу дописать рассказ.

– У меня болит голова, и я устала. Я надеялась, что, может быть, кто-нибудь из вас сходит, – сказала Бесс.

– Эми сейчас вернется, она сбегает вместо нас, – предположила Мег. – Хорошо, я немного отдохну и подожду ее.

Бесс прилегла на диван, остальные вернулись к своим занятиям, и Хаммели были забыты.

Прошел час; Эми не появилась, Мег ушла к себе, чтобы примерить новое платье, Джо с головой погрузилась в свой рассказ, а Ханна сладко спала в кухне перед очагом. Бесс тихонько надела капор, наполнила корзинку кое-какой едой для бедных детей и вышла на промозглый воздух с тяжелой головой и печалью в кротких глазах.

Было уже поздно, когда она вернулась, и никто не заметил, как она пробралась наверх и закрылась в комнате матери.

Полчаса спустя Джо отправилась поискать что-то в «мамином шкафу» и там нашла Бесс, которая сидела на деревянной аптечке с очень печальным лицом, красными глазами и бутылочкой камфары в руке.

– Христофор Колумб!

В чем дело? – воскликнула Джо, когда Бесс вытянула руку, как бы предостерегая ее, и спросила торопливо:

– У тебя была скарлатина, да?

– Сто лет назад, тогда же, когда и у Мег.

А что?

– Тогда я скажу тебе.

О, Джо, ребеночек умер!

– Какой ребеночек?

– Ребеночек миссис Хаммель; он умер у меня на коленях, прежде чем она вернулась! – воскликнула Бесс с рыданием.

– Бедняжка моя, какой ужас!

Я должна была пойти вместо тебя, – сказала Джо с раскаянием, хватая сестру в объятия и усаживаясь

в большое кресло матери.

– Нет, не ужас, Джо, я не испугалась, только это так печально!

Я сразу увидела, что ему хуже, но Лотхен сказала, что ее мать пошла за доктором, и я взяла ребеночка на руки, чтобы дать Лотти отдохнуть.

Он, казалось, спал, но вдруг вскрикнул, вздрогнул, а потом остался лежать очень спокойно.

Я пыталась согреть ему ножки, а Лотти дать молока, но он не шевелился, и я поняла, что он умер.

– Не плачь, дорогая!

И что ты сделала?

– Я просто сидела и держала его осторожно, пока не пришла миссис Хаммель с доктором.

Он сказал, что ребенок умер, и осмотрел Хейнриха и Минну, у которых болит горло.

«Скарлатина, мэм.

Следовало позвать меня раньше», – сказал он сердито.

Миссис Хаммель ответила ему, что бедна и пыталась лечить ребенка сама, но теперь слишком поздно, и она может лишь просить его помочь остальным и надеется на его милосердие.

Тогда он улыбнулся и подобрел, но все это было очень печально, и я плакала с ними, пока доктор вдруг не обернулся в мою сторону и не сказал мне, чтобы я шла домой и немедленно приняла белладонну, а иначе у меня будет скарлатина.

– Нет, не будет! – воскликнула Джо, в испуге прижимая ее к себе. – О, Бесс, если ты заболеешь, я этого себе никогда не прощу!

Что же делать?

– Не бойся, я думаю, что перенесу ее легко.

Я посмотрела в маминой книжке и нашла, что скарлатина начинается с головной боли, боли в горле и такого чувства недомогания, как у меня, так что я приняла белладонну, и мне стало лучше, – сказала Бесс, прикладывая холодные руки к пылающему лбу и пытаясь казаться здоровой.

– Если бы мама была дома! – воскликнула Джо, хватая «мамину книжку» и чувствуя, что Вашингтон безмерно далеко.

Она прочла страницу, взглянула на Бесс, пощупала ее лоб, заглянула в горло и затем сказала серьезно: – Ты была с ребенком каждый день более недели; так что, боюсь, ты заболеешь, Бесс.

Я позову Ханну, она знает все о болезнях.

– Не позволяй Эми заходить ко мне; она не болела скарлатиной, и я очень боюсь заразить ее.

А вы с Мег не заболете снова? – спросила Бесс встревоженно.

– Думаю, что нет.

Да пусть бы я и заболела, поделом бы мне было, себялюбивой свинье!

Позволила тебе пойти, а сама осталась писать свою чушь! – пробормотала Джо и отправилась советоваться с Ханной.

Добрая душа мгновенно очнулась от сна и сразу взяла дело в свои руки, заверив Джо, что

беспокоиться нечего, что у всех бывает скарлатина и что, если правильно лечить, никто от нее не умирает, – всему этому Джо поверила и с чувством облегчения последовала за Ханной в комнату Мег. Втроем они вернулись к больной.

– Теперь я вам скажу, как мы поступим, – заявила Ханна, осмотрев и расспросив Бесс. – Мы позовем доктора Бэнгза, просто осмотреть тебя, милочка, и убедиться, что мы не ошиблись.

Эми на время отправим к тете Марч, чтобы ей ничего не грозило, а одна из вас, девочки, не пойдет на работу и останется дома с Бесс на денек-другой, чтобы ей не скучать.

– Разумеется, останусь я; я старшая, – начала Мег; было видно, что ее мучают тревога и угрызения совести.

– Нет, останусь я. Это моя вина, что она заболела; я обещала маме, что буду ходить по всяким поручениям, и не сдержала слова, – сказала Джо с решимостью в голосе.

– Кого ты хочешь, Бесс?

Ведь достаточно одной, – сказала Ханна.

– Джо, пожалуйста. – И Бесс с довольным видом склонила голову к сестре на грудь, окончательно решив вопрос.

– Я пойду скажу Эми, что она поедет к тете, – уходя, проронила Мег, немного обиженная, однако в целом, пожалуй, даже с облегчением, так как она, в отличие от Джо, не любила ухаживать за больными.

Эми открыто взбунтовалась и со страстью заявила, что лучше заболит скарлатиной, чем пойдет к тете Марч.

Мег уговаривала, просила, приказывала – все напрасно.

Эми торжественно поклялась, что не пойдет, и Мег в отчаянии отступилась от нее и пошла к Ханне, чтобы спросить, что делать.

Прежде чем она вернулась, в гостиную зашел Лори и обнаружил там рыдающую Эми, уткнувшуюся головой в диванные подушки.

Она рассказала обо всем, ожидая утешения, но Лори только сунул руки в карманы и заходил по комнате, негромко насвистывая и сдвинув брови в глубокой задумчивости.

Потом он сел рядом с ней и сказал самым вкрадчивым тоном:

– Слушай, будь разумной маленькой женщиной и сделай как они говорят.

Ну-ну, не плачь, послушай, что я придумал.

Ты пойдешь к тете Марч, а я буду приезжать и брать тебя покататься или прогуляться пешком; мы отлично проведем время.

Разве это не лучше, чем хныкать тут?

– Я не хочу, чтобы меня отсылали, как будто я мешаю, – начала Эми обиженным тоном.

– Помилуй, детка, ведь это делается, чтобы ты осталась здорова.

Ты же не хочешь заболеть, правда?

– Конечно, нет, но я думаю, что все равно заболею, потому что я была с Бесс все это время.

– Именно поэтому тебе надо немедленно уходить, чтобы ты могла избежать болезни.

Я думаю, что перемена воздуха и обстановки поможет тебе остаться здоровой или, если ты все же заболеешь, перенести болезнь легче.

Я советую тебе отправляться как можно скорее. Скарлатина, мисс, – это вам не шутки.

– Но у тети Марч ужасная скука, и она такая сердитая, – сказала Эми довольно испуганно.

– Скучно не будет, если я буду заскакивать каждый день, рассказывать, как себя чувствует Бесс, брать тебя на прогулку.

Старой леди я нравлюсь, и я постараюсь быть с ней как можно милее, так что она не станет пилить нас, что бы мы ни делали.

– Ты покатаешь меня в маленькой колясочке на Шалуне?

– Клянусь честью.

– И приходить будешь каждый день?

– Вот увидишь.

– И возьмешь меня назад, как только Бесс поправится?

– В ту же минуту.

– И сводишь в театр, честно?

– В десяток театров, если удастся.

– Ну... я думаю... я пойду, – сказала Эми медленно.

– Молодец!

Позови Мег и скажи, что ты согласна, – ответил Лори, одобрительно похлопав ее по спине, что рассердило Эми даже больше, чем слово «согласна».

Мег и Джо, сбежавшие вниз, увидели свершившееся чудо, и Эми, чувствуя себя всеми любимой и очень самоотверженной, обещала уйти к тете Марч, если доктор скажет, что Бесс больна.

– Как там она, бедняжка? – спросил Лори, так как Бесс была его любимицей и он тревожился о ней больше, чем желал показать.

– Лежит на маминой кровати. Ей лучше.

Смерть ребенка произвела на нее тяжелое впечатление, но я надеюсь, что ее болезнь – всего лишь простуда.

Ханна говорит, что тоже так думает, но выглядит обеспокоенной, и от этого мне тревожно, – ответила Мег.

– Какой это ужасный мир! – сказала Джо, в волнении взъерошивая волосы. – Не успеешь выбраться из одной беды, как сваливается другая.

Похоже, не за что уцепиться теперь, когда мама уехала, и я в полной растерянности.

– Ну, не делай из себя дикобраза, тебе это не идет.

Пригладь свою шевелюру, Джо, и скажи лучше, должен ли я отправить телеграмму вашей маме или сделать что-то еще, – спросил Лори, который так и не смог примириться с тем, что его друг утратил

свою единственную красу.

– Это-то меня и волнует, – сказала Мег. – Мне кажется, что нам следует известить маму, если Бесс действительно больна, но Ханна говорит, что этого делать нельзя, потому что мама не может оставить папу и известие только встревожит их.

Бесс скоро поправится, и Ханна точно знает, что делать, а мама говорила, что мы должны слушаться ее, так что мы, вероятно, должны подчиниться, но мне кажется, что это не совсем правильно.

– Хм, не знаю.

Может быть, вы поговорите с дедушкой, после того как у вас побывает доктор?

– Обязательно поговорим.

Джо, сходи немедленно пригласи доктора Бэнгза, – распорядилась Мег. – Мы не можем ничего решать, пока он не придет.

– Оставайся на месте, Джо.

Я посыльный в этом заведении, – сказал Лори, взявшись за шляпу.

– Боюсь, что ты занят, – начала Мег.

– Нет, я сделал все уроки на сегодня.

– Ты учишься и в каникулы? – спросила Джо.

– Беру пример с соседок, – прозвучал ответ Лори, когда он повернулся на каблуках и выскочил из комнаты.

– Я возлагаю большие надежды на моего мальчика, – заметила Джо, с одобрительной улыбкой глядя, как он перескакивает через изгородь.

– Он очень хорошо проявил себя... для мальчика его возраста, – таков был довольно неблагодарный ответ Мег, эта тема ее не занимала.

Пришел доктор Бэнгз, сказал, что у Бесс все признаки скарлатины, и выразил надежду, что она перенесет ее легко, хотя заметно помрачнел, услышав о Хаммелях.

Эми было приказано немедленно уходить, и, снабженная лекарствами, чтобы предотвратить угрозу здоровью, она отбыла в большом волнении в сопровождении Джо и Лори.

Тетя Марч приняла их со своим обычным гостеприимством.

– А теперь что вам нужно? – спросила она, внимательно взглянув сквозь очки, в то время как попугай, сидевший на спинке ее стула, выкрикнул:

– Убирайся!

Мальчишкам тут не место!

Лори отступил к окну, а Джо изложила суть дела.

– Так я и знала. Чего же еще ждать, если вам позволяют болтаться среди бедняков?

Эми может остаться и помогать мне, если она не больна, но вид у нее такой, что я не сомневаюсь – она заболела.

Не плачь, детка, терпеть не могу, когда хлюпают носом.

Эми была готова заплакать, но в это время Лори украдкой дернул попугая за хвост, отчего у изумленного попки вырвался хриплый крик и возглас:

«Боже, благослови мои ботинки!» Это было так забавно, что Эми засмеялась, вместо того чтобы заплакать.

– А что пишет ваша мать? – спросила старая леди неприветливо.

– Папе гораздо лучше, – отвечала Джо, силясь сохранить серьезный вид.

– О, вот как?

Ну, это ненадолго, я полагаю.

Марч никогда не был вынослив, – таков оказался ободряющий ответ.

– Ха-ха!

Не падай духом! Возьми понюшку, прощай, прощай! – пронзительно завизжал попугай, пританцовывая на своей жердочке, и вцепился когтями в чепец старой дамы, когда Лори ущипнул его сзади.

– Замолчи, ты, дерзкая старая птица!

А тебе, Джо, лучше прямо сейчас отправляться домой, неприлично болтаться в такой поздний час с этим пустоголовым мальчишкой...

– Замолчи, ты, дерзкая птица! – закричал попка, соскакивая со стула и бросаясь вперед, чтобы клюнуть «пустоголового мальчишку», который трясся от смеха, вызванного этой последней репликой.

«Боюсь, что мне этого не вынести, но я попытаюсь», – подумала Эми, оставшись наедине с тетей Марч.

– Проваливай, ты, чучело! – завизжал попка, и при этом грубом заявлении Эми не смогла удержать всхлипывания.

Глава 18 Мрачные дни

Бесс действительно заболела скарлатиной, и состояние ее было хуже, чем все, кроме Ханны и доктора, подозревали.

Девочки почти ничего не знали о болезнях, а мистеру Лоренсу не позволили посетить больную, так что Ханна делала все как считала нужным, а занятый доктор Бэнгз старался как мог, но во многом полагался на Ханну как на отличную сиделку.

Мег оставалась дома, чтобы не занести болезнь в дом Кингов, и занималась хозяйством. Она испытывала немалую тревогу и даже чувство вины, когда отправляла матери письма, в которых не было никаких упоминаний о болезни Бесс.

Мег не считала правильным обманывать мать, но ей было приказано подчиняться Ханне, а та и слышать не хотела о том, чтобы «писать миссис Марч и волновать их из-за этого-то пустяка».

Джо целиком посвятила себя Бесс, проводя с ней дни и ночи – не слишком тяжелый труд, ибо Бесс была очень терпеливой и безропотно переносила все страдания, до тех пор пока оставалась в сознании.

Но бывали периоды, когда во время приступа лихорадки она начинала бормотать хриплым, прерывающимся голосом, играть на покрывале, словно это было ее любимое маленькое пианино, и пыталась петь, но горло ее было таким опухшим, что там не оставалось места для мелодии; периоды,

когда она не узнавала знакомые лица у своей постели, называла их другими именами и умоляюще звала маму.

Тогда Джо пугалась, Мег просила, чтобы ей было позволено написать правду, и даже Ханна говорила, что «подумает об этом, хотя пока опасности нет».

Письмо из Вашингтона прибавило волнений: у мистера Марча наступил рецидив, и о возвращении домой нельзя было и думать еще долгое время.

Какими мрачными казались теперь дни, каким печальным и унылым – все вокруг, как тяжело было на сердце у сестер, когда они трудились и ждали, а тень смерти витала над некогда счастливым домом!

И тогда-то Маргарет, сидя в одиночестве, со слезами, часто капающими на шитье, осознала, как богата была она прежде тем, что более драгоценно, чем любая роскошь, какую можно купить за деньги, – любовью, благополучием, покоем и здоровьем, настоящими сокровищами жизни.

И тогда-то Джо, живя в затененной комнате, где перед ее глазами постоянно была страдающая маленькая сестра, а в ушах звучал ее жалобный голос, научилась видеть красоту и прелесть натуры Бесс, чувствовать, как глубока нежная привязанность к ней в каждом из сердец, и признавать ценность бескорыстного стремления Бесс жить для других и поддерживать благополучие в доме с помощью тех простых добродетелей, которыми все могут обладать и которые все должны любить и ценить больше, чем талант, богатство или красоту.

А Эми, в своей ссылке, горела желанием вернуться домой, чтобы трудиться ради Бесс, чувствуя, что теперь никакая работа не будет для нее тяжелой или скучной, и вспоминая с горечью и раскаянием о том, сколько раз выполняли за нее забытую работу старательные руки сестры.

Лори то и дело являлся в дом, словно беспокойный дух, а мистер Лоренс запер рояль, не в силах вынести этого напоминания о юной соседке, которая так часто в сумерки услаждала его слух своей игрой.

Всем не хватало Бесс.

Молочник, булочник, бакалейщик и мясник осведомлялись о ее здоровье, бедная миссис Хаммель приходила, чтобы попросить прощения за свою неосмотрительность и получить ткань на саван для Минны, соседи присылали всевозможные лакомства и добрые пожелания, так что даже самые близкие ей люди были удивлены, обнаружив, как много друзей имела застенчивая Бесс.

Тем временем она лежала в постели со старой Джоанной под боком, ибо даже в бреду не забывала о своей несчастной протеже.

Она очень скучала по своим кошкам, но не позволяла принести их из опасений, как бы они не заболели, и неизменно была полна тревоги о Джо.

Она передавала Эми полные любви послания, просила сообщить маме, что скоро ей напишет, и часто умоляла дать ей бумагу и карандаш и пыталась написать хоть слово, чтобы папа не подумал, что она забыла о нем.

Но скоро даже эти непродолжительные периоды сознания кончились, и она часами металась в постели с несвязными словами на устах или проваливалась в тяжелый, не приносящий отдыха сон.

Доктор Бэнгз заходил дважды в день, Ханна не ложилась спать по ночам, Мег держала в столе уже написанную телеграмму, чтобы можно было отправить ее в любую минуту, а Джо не отходила от постели Бесс.

Первое декабря оказалось по-настоящему зимним днем – дул пронизывающий ветер, валил снег, и год, казалось, готовился к своей предстоящей кончине.

Зашедший в это утро доктор Бэнгз долго глядел на Бесс, затем с минуту подержал в своих руках ее горячую руку и, заботливо положив ее на покрывало, тихо сказал Ханне:

– Если миссис Марч может оставить своего мужа одного, лучше послать за ней.

Ханна кивнула без слов, губы ее нервно подергивались. Мег упала в кресло; силы, казалось, оставили ее при звуке этих слов, а Джо, постояв с минуту, очень бледная, бросилась в гостиную, схватила телеграмму и, накинув на себя пальто, выбежала в метель.

Она скоро вернулась и бесшумно снимала пальто в передней, когда вошел Лори с письмом, в котором сообщалось, что мистер Марч снова поправляется.

Джо прочла его с благодарностью, но, казалось, оно не сняло тяжесть с ее сердца, а на лице ее было написано такое отчаяние, что Лори поспешил спросить:

– В чем дело?

Ей хуже?

– Я отправила телеграмму маме, – сказала Джо с трагическим видом, пытаясь стянуть боты.

– Bravo, Джо!

Ты сделала это по собственному почину? – спросил Лори и, видя, как дрожат у нее руки, усадил ее на стул и снял непослушные боты.

– Нет, доктор велел.

– О, Джо, неужели так плохо? – воскликнул Лори с испугом.

– Да.

Она не узнает нас, она даже не говорит теперь о стаях зеленых голубей, как она называла виноградные листья на обоях, она не похожа на мою Бесс, и нет никого, кто помог бы нам вынести это.

Мама и папа в Вашингтоне, а Бог, кажется, теперь так далеко, что я не могу найти Его.

Слезы ручьями бежали по лицу бедной Джо, она протянула руку в беспокойном жесте, словно пробираясь ощупью в темноте, и Лори взял ее руку в свою и шепнул так внятно, как позволял ему комок, стоявший в горле:

– Я здесь.

Обопрись на меня, Джо, дорогая!

Она не могла говорить, но «оперлась», и горячее пожатие дружеской руки утешило ее страдающее сердце; оно словно подвело ее ближе к Божественной Руке, которая одна могла поддержать ее в этом горе.

Лори очень хотел сказать что-нибудь нежное и успокаивающее, но не мог найти подходящих слов и стоял молча, нежно глядя ее склоненную голову, как это делала обычно ее мать.

И это было самое подходящее из всего, что он мог сделать, утешающее боль гораздо лучше, чем самые красноречивые слова, и Джо чувствовала невысказанное сострадание и в молчании узнавала ту сладкую отраду, какую любовь приносит в горе.

Вскоре она осушила слезы, принесшие ей облегчение, и подняла на него благодарный взгляд:

– Спасибо, Тедди, теперь мне легче.

Я не чувствую себя такой одинокой и постараюсь вынести наихудшее, если оно произойдет.

– Не теряй надежды, это поможет тебе, Джо.

Скоро вернется ваша мама, и тогда все будет в порядке.

– Я так рада, что папе лучше; теперь ей будет не так тяжело покинуть его.

Боже мой!

Кажется, что все несчастья свалились разом и самая большая тяжесть пришлась на мои плечи, – вздохнула Джо, расправляя мокрый носовой платок на коленях, чтобы просушить его.

– Мег не помогает тебе? – спросил Лори с негодованием.

– О, она старается, но она не может любить Бесс так, как люблю ее я, и Мег не будет так не хватать ее, как мне.

Бесс – моя совесть, и я не могу смириться с такой потерей.

Не могу!

Не могу!

Джо снова закрыла лицо мокрым носовым платком и заплакала, особенно отчаянно именно потому, что в предыдущие дни старалась держаться бодро и ни разу не пролила ни слезинки.

Лори закрыл глаза рукой, но не мог заговорить, пока не проглотил комок в горле и не успокоил дрожь губ.

Может быть, это было не по-мужски, но он ничего не мог поделать с собой, и я этому рада.

Наконец, когда рыдания Джо стали тише, он сказал с надеждой:

– Я не верю, что она умрет; она такая хорошая, и мы все так горячо ее любим; я не верю, что Бог заберет ее от нас так скоро.

– Хорошие и любимые люди всегда умирают, – простонала Джо, но плакать перестала; слова друга подбодрили ее, несмотря на собственные страхи и сомнения.

– Бедняжка, ты совсем измотана.

Отчаиваться – это так на тебя не похоже.

Перестань.

Я подбодрю тебя в один миг.

Лори убежал, прыгая через две ступеньки, а Джо положила свою измученную голову на маленький коричневый капор Бесс, который никто и не подумал тронуть со стола, где она оставила его.

Должно быть, он обладал волшебной силой, ибо смиренный дух его кроткой обладательницы, казалось, проник в Джо, и, когда Лори спустился бегом со стаканом вина в руке, она взяла стакан с улыбкой и сказала бодро:

– За здоровье моей Бесс!

Ты отличный доктор, Тедди, и такой надежный друг.

Как смогу я отблагодарить тебя? – добавила она, когда вино дало новые силы ее телу, так же как прозвучавшие ранее слова – ее страдающей душе.

– Придет время, и я пришлю тебе мой счет; а пока я дам тебе еще кое-что, что согреет твое сердце лучше целой квартиры вина, – сказал Лори; на лице его было удовлетворение, которое он с трудом пытался скрыть.

– Что такое? – воскликнула Джо, на мгновение забыв от удивления о своем горе.

– Вчера я послал телеграмму вашей маме, и Брук ответил, что она выезжает. Она будет здесь сегодня вечером, и все будет в порядке.

Ты рада, что я это сделал?

Лори говорил очень быстро, он сильно покраснел и был взволнован и смущен, так как прежде держал свой план в секрете из боязни разочаровать девочек или повредить Бесс.

Джо вся побелела и вскочила со стула, а когда он умолк, она в то же мгновение придала ему уверенности тем, что закинула руки ему на шею и выкрикнула в порыве радости:

– О, Лори!

О, мама!

Я так рада!

На этот раз она не заплакала, но засмеялась нервно, задрожала и прильнула к своему другу, словно совсем потеряла голову от этого неожиданного известия.

Лори, хотя и явно удивленный, действовал с полным присутствием духа; он ласково похлопал ее по спине и, обнаружив, что она приходит в себя, добавил к этому один или два робких поцелуя, что сразу привело Джо в чувство.

Держась за перила, она мягко отстранила его и сказала чуть слышно:

– О, нет, не надо!

Я не хотела этого; ужасно, что я так себя веду, но ты такой милый, что сделал это, невзирая на Ханну, и я просто не могла не налететь на тебя.

Расскажи мне все и не давай мне больше вина, а то вот что получается.

– Я не против, – засмеялся Лори, поправляя галстук. – Понимаешь, я очень нервничал, и дедушка тоже.

Мы подумали, что Ханна превышает свои полномочия и ваша мама должна обо всем знать.

Она никогда не простила бы нам, если бы Бесс... ну, если бы с Бесс что-нибудь случилось, ты понимаешь.

Так что я убедил дедушку в том, что самое время для нас что-то предпринять, и вчера помчался на почту. Доктор выглядел вчера очень озабоченным, но Ханна чуть не сняла с меня голову, когда я предложил послать телеграмму.

Я не выношу, когда мной командуют, и от этого только укрепился в своей решимости – и так и поступил.

Твоя мама приедет, я знаю. Последний поезд в два часа ночи; я поеду встречать ее, а вам нужно только скрыть свой восторг и не тревожить Бесс, пока эта благословенная женщина не доберется сюда.

– Лори, ты ангел!

Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить тебя?

– Налети на меня еще разок; мне это, пожалуй, пришлось по вкусу, – сказал Лори с озорным видом, чего с ним уже две недели не бывало.

– Нет, спасибо.

Я сделаю это через посредника, когда придет твой дедушка.

Не дразни меня, иди лучше домой и отдохни, ведь тебе предстоит полночи не спать.

Благослови тебя Бог, Тедди!

Джо отступила в угол, а закончив свою речь, стремительно скрылась в кухне, где уселась на стол и сообщила собравшимся кошкам, что она «счастлива, ах как счастлива!», в то время как Лори направился домой, чувствуя, что удачно справился с делом.

– Это самый навязчивый мальчишка, какого я в жизни видела, но я его прощаю и надеюсь, что миссис Марч скоро здесь будет, – сказала Ханна с явным облегчением, когда Джо сообщила ей добрую весть.

Мег ощутила тихую радость, а затем долго размышляла над письмом, принесенным Лори, пока Джо приводила в порядок комнату больной, а Ханна «на скорую руку» стряпала пироги по случаю приезда «нежданных гостей».

Казалось, дыхание свежего воздуха пронеслось по дому и что-то более прекрасное, чем солнечный свет, озарило тихие комнаты.

Все словно почувствовали эту исполненную надежд перемену; птичка Бесс снова начала щебетать; на розовом кустике Эми, росшем на подоконнике, нашли полураспустившийся цветок; огонь в каминах, казалось, горел с необычной яркостью; и каждый раз, когда девочки встречались, их бледные лица озарялись улыбкой, и они обнимали друг друга, шепча ободряюще:

«Мама едет, дорогая!

Мама едет!»

Радовались все, кроме Бесс; она лежала в тяжелом оцепенении, равно не сознающая ни надежды и радости, ни сомнения и опасности.

Это было жалостное зрелище: некогда розовое личико – такое изменившееся и безучастное; некогда занятые ручки – такие слабые и изможденные; некогда улыбающиеся губы – совершенно неподвижные; некогда красивые, ухоженные волосы – спутавшиеся и рассыпавшиеся по подушке.

Весь день лежала она так, только порой приподнимаясь, чтобы пробормотать

«Воды!» – губами, так спекшимися от жара, что едва можно было разобрать это слово; весь день Джо и Мег не отходили от нее, наблюдая, ожидая, надеясь и полагаясь на Бога и мать; и весь день валил снег, завывал неистовый ветер, а часы тянулись мучительно медленно.

Но наконец пришла ночь, и каждый раз, слыша бой часов, сестры, по-прежнему сидевшие по обеим сторонам постели, обменивались радостными взглядами, ибо каждый час приближал помощь.

Заходил доктор и сказал, что около полуночи, вероятно, следует ожидать перемены к лучшему или к худшему и что к тому времени он вернется.

Ханна, совершенно измученная, легла на диванчик в ногах постели и быстро уснула; в гостиной шагал из угла в угол мистер Лоренс, чувствуя, что ему легче было бы встретиться лицом к лицу с целой батареей мятежников-южан, чем увидеть встревоженное лицо миссис Марч, когда она войдет в дом; Лори лежал на ковре, делая вид, что спит, но на самом деле неподвижно глядел в огонь задумчивым

взглядом, делавшим его глаза необыкновенно нежными и ясными.

Девочки запомнили эту ночь на всю жизнь; сон не шел к ним, когда они несли свое дежурство с тем ужасным ощущением бессилия, которое охватывает нас всех в подобные часы.

– Если Господь сохранит Бесс, я никогда больше не буду жаловаться на жизнь, – прошептала Мег с жаром.

– Если Господь сохранит Бесс, я постараюсь любить Его и служить Ему всю мою жизнь, – ответила Джо так же горячо.

– Лучше бы у меня не было сердца, так оно болит, – вздохнула Мег, помолчав.

– Если жизнь часто бывает так тяжела, то я вообще не представляю, как мы ее вынесем, – добавила сестра безнадежно.

В это мгновение часы пробили полночь, и обе, забыв о себе, стали наблюдать за Бесс; им показалось, что происходит какая-то перемена в ее бледном, изнуренном лице.

Дом был безмолвен, как могила, ничто, кроме завывания ветра, не нарушало глубокой тишины.

Усталая Ханна по-прежнему спала, и только сестры видели неясную тень, которая, казалось, легла на постель больной.

Прошел час, но ничто не изменилось, лишь Лори, стараясь не шуметь, вышел из дома и уехал на станцию.

Еще час – по-прежнему никого; тревожные мысли о задержке из-за метели, о несчастном случае в пути и, что хуже всего, об огромном горе в Вашингтоне преследовали бедных девочек.

Был уже третий час, когда Джо, которая стояла у окна, думая о том, как безотрадно выглядит мир за этой крутящейся пеленой снега, услышала какой-то звук возле кровати и, быстро обернувшись, увидела, что Мег опустилась на колени перед стулом матери и закрыла лицо руками.

Ужасный страх обдал Джо холодом, когда она подумала:

«Бесс умерла, а Мег боится сказать мне».

Она мгновенно вернулась на свой пост у кровати, и от волнения ей показалось, что произошла значительная перемена.

Горячечный румянец и выражение страдания исчезли, и любимое лицо казалось таким бледным и мирным в этом полном покое, что у Джо не было желания плакать или стенать.

Низко склонившись над любимейшей из сестер, она поцеловала влажный лоб, вложив в поцелуй всю душу, и нежно шепнула:

«Прощай, моя Бесс, прощай!»

Ханна, словно пробужденная неожиданным толчком, очнулась от сна и поспешила к постели. Она взглянула на Бесс, коснулась ее рук, прислушалась к ее дыханию, а затем, накинув на себя передник, села и, раскачиваясь взад и вперед, шепотом воскликнула:

– Лихорадка прошла; она спит по-настоящему; кожа влажная; дышит она легко.

Слава Тебе, Господи!

Прежде чем девочки смогли поверить в эту счастливую правду, пришел доктор, чтобы подтвердить ее.

Был он человеком невзрачным, но им показалось, что лицо у него неземной красоты, когда он

улыбнулся и сказал, отечески глядя на них:

– Да, дорогие мои, я думаю, что девочка выживет.

Соблюдайте тишину, пусть она спит, а когда проснется, дайте ей...

Что нужно дать, ни одна из сестер не слышала: обе выскользнули в темную переднюю и, присев на ступеньку лестницы, крепко обнялись; радость переполняла их сердца, и слова казались лишними.

Когда они вернулись, верная Ханна поцеловала их и крепко прижала к себе. Бесс лежала, подложив руку под щеку, как это обычно бывало прежде; пугающая бледность прошла, девочка дышала спокойно, словно только что уснула.

– Если бы только мама приехала сейчас! – сказала Джо, когда зимняя ночь начала приближаться к рассвету.

– Смотри, – сказала Мег, подходя к ней с белой полураскрывшейся розой в руке. – Я думала вчера, что она вряд ли распустится за ночь, чтобы можно было вложить ее в руку Бесс, если она... уйдет от нас.

Но она распустилась, и теперь я поставлю ее в свою вазу у постели Бесс, и, когда наша любимица проснется, первое, что она увидит, будут маленькая розочка и мамино лицо.

Никогда солнце не вставало так красиво и никогда мир не казался таким прелестным, каким предстал он перед утомленными бессонницей глазами Мег и Джо, когда они сидели у окна, вглядываясь в раннее утро после своего долгого и печального ночного бодрствования.

– Можно подумать, что это волшебный мир, – сказала Мег, чуть заметно улыбаясь и глядя на спящую блеском картину за окном.

– Слышишь? – воскликнула Джо, вскочив на ноги.

Да, это был звук колокольчиков у входной двери внизу, крик Ханны, а затем радостный шепот Лори:

– Девочки, она приехала!

Она приехала!

Глава 19 Завещание Эми

В то время, когда все это происходило дома, переселившейся к тете Марч Эми тоже приходилось нелегко.

Она остро переживала свою ссылку и впервые в жизни осознала, как ее любили и баловали дома.

Тетя Марч никогда никого не баловала, она не одобряла таких вещей; но она желала проявить доброту по отношению к благовоспитанной маленькой девочке, которая ей очень понравилась; тетя Марч вообще питала слабость к детям своего племянника, хотя и не считала нужным признаваться в этом.

Она была уверена, что делает все возможное, чтобы Эми было хорошо, – но как она заблуждалась!

Некоторые старые люди остаются молоды душой, несмотря на морщины и седину; они могут посочувствовать детям в их маленьких горестях и радостях, сделать так, чтобы те чувствовали себя как дома, и облечь мудрые наставления в форму приятной игры, даря дружбой и завоевывая ее самым чарующим образом.

Но тетя Марч не обладала подобным талантом и очень досаждала Эми своими правилами и распоряжениями, своим чопорным обращением и долгими, нудными беседами.

Обнаружив, что девочка гораздо более послушна и приветлива, чем ее сестра, старая леди сочла

своим долгом постараться, насколько это возможно, нейтрализовать дурные последствия свободы и снисходительности, царивших, по ее мнению, в доме племянника.

Она взяла Эми в руки и воспитывала ее так, как саму ее воспитывали лет шестьдесят назад, – процесс, наполнивший ужасом душу Эми, которая почувствовала себя мухой, попавшей в сети очень строгого паука.

Каждое утро она должна была мыть чашки и начищать до блеска старинные ложки и пузатый серебряный чайник.

Затем нужно было вытереть пыль в комнате – и какой же мучительной была эта работа!

Ни одна пылинка не ускользала от взора тети Марч, а у всей мебели были замысловатые резные ножки, которые никогда не удавалось вытереть как следует.

Затем требовалось накормить попугая, расчесать собачку и десяток раз пробежать вверх и вниз по лестнице с разными поручениями, так как старая леди была хромой и редко покидала свое большое кресло.

После этих утомительных трудов она должна была учить уроки, что являлось ежедневным испытанием всех добродетелей, какими она обладала.

Затем ей предоставлялся один час, чтобы погулять или поиграть, и сколько наслаждения приносил он ей!

Лори приходил каждый день и улещивал тетю Марч, пока та не позволяла Эми отправиться с ним на прогулку, и тогда они ходили пешком или катались в экипаже и отлично проводили время.

После обеда она должна была читать вслух и сидеть тихо, если старая леди заснет, что обычно случалось уже на первой странице.

Затем появлялось лоскутное покрывало или неподрубленные полотенца, и Эми шила, с внешней кротостью и протестом в душе, до самых сумерек, когда ей позволялось заняться до чая чем она хочет.

Вечера были хуже всего, так как тетя Марч обычно пускалась в длинные рассказы о своей молодости, которые были столь неописуемо скучны, что Эми всегда была рада отправиться в постель, намереваясь оплакать там свою горькую участь; впрочем, обычно она засыпала, успев выдать лишь одну или две слезинки.

Эми чувствовала, что, если бы не Лори и старая Эстер, горничная тети Марч, ей ни за что не удалось бы пережить это тяжелое время.

Одного попугая было достаточно, чтобы свести ее с ума, так как он скоро почувствовал, что она не в восторге от него, и мстил ей, озорничая как только мог.

Он дергал ее за волосы каждый раз, когда ей случалось оказаться рядом с ним; стоило ей вычистить его клетку, как он тут же опрокидывал миску с молоком и хлебом, чтобы досадить ей; клевал пуделя, чтобы тот лаял, когда старая леди задремывала; обзывал Эми в присутствии гостей – и во всех отношениях вел себя как заслуживающая осуждения старая птица.

Она не выносила и пуделя – жирного злого пса, который рычал и лаял на нее, когда она занималась его туалетом, и который заваливался на спину, задрав в воздух все четыре лапы, с самым идиотским выражением на морде, когда хотел есть, а случалось это раз десять в день.

Кухарка была сварлива, кучер глух, и одна лишь Эстер уделяла хоть какое-то внимание юной леди.

Эстер была француженка, много лет жившая с «мадам», как она называла свою госпожу. Старая леди

изрядно тиранила ее, хотя не могла без нее обойтись.

Ее настоящее имя было Эстелла, но тетя Марч приказала ей переменить его, и та повиновалась, при условии, что от нее никогда не потребуют отказаться от ее религии.

Она полюбила «мадемуазель» и иногда, когда Эми сидела с ней, пока она крахмалила и гладила кружева «мадам», развлекала ее рассказами о своей жизни во Франции.

Она также позволяла Эми бродить по огромному дому и разглядывать любопытные и красивые вещи, которыми были заполнены большие шкафы и старинные сундуки, ибо тетя Марч собирала и хранила всякий ненужный хлам не хуже сороки.

Наибольшее восхищение вызывал у Эми ларец индийской работы со множеством маленьких ящичков, отделений, тайничков, в которых хранились всевозможные украшения – одни драгоценные, другие просто интересные, все более или менее старинные.

Разглядывать и сортировать эти вещицы было для Эми огромным удовольствием, особенно занимали ее ящички, в которых на бархатных подушечках покоились ювелирные изделия, сорок лет назад служившие украшением прекрасной леди.

Среди них были гранатовый браслет, жемчуг, который отец подарил ей к свадьбе, бриллианты – подарок жениха, траурные кольца и булавки из черного янтаря, старинные медальоны с портретами умерших друзей и изображениями плакучих ив внутри, сделанными из их волос, детский браслетик, который носила одна из ее маленьких дочек, большие часы дяди Марча, с подвешенной к ним красной печаткой, которой играло так много детских рук; в отдельной коробочке лежало обручальное кольцо тети Марч, слишком маленькое теперь для ее пухлых пальцев, но заботливо хранимое как самая большая драгоценность.

– Что взяли бы вы, мадемуазель, если бы могли выбирать? – спросила Эстер, которая всегда сидела рядом, наблюдая, а затем запирая драгоценности.

– Больше всего мне нравятся бриллианты, но здесь нет ожерелья, а я люблю ожерелья, это так привлекательно.

Так что я выбрала бы вот это, если бы было можно, – ответила Эми, с восхищением глядя на нить золотых и эбеновых бусин, на которой висел такой же черный, с золотом, тяжелый крест.

– Я тоже очень хотела бы это, но не как ожерелье, о нет!

Для меня это четки, и в этом качестве я, как добрая католичка, стала бы использовать их, – сказала Эстер, печально созерцая красивую вещицу.

– То есть вы хотели бы использовать это как ту нитку деревянных бусин с приятным запахом, которая висит на вашем зеркале? – спросила Эми.

– Вот именно – чтобы молиться.

Это было бы приятно святым, если кто-то молится, перебирая такие прелестные четки, вместо того чтобы носить их как пустое украшение.

– Кажется, вы находите большое утешение в молитвах, Эстер; вы всегда спускаетесь вниз такая спокойная и умиротворенная.

Хорошо бы мне тоже так.

– Если бы вы, мадемуазель, были католичкой, вы обрели бы истинное утешение; но раз это не так, хорошо бы вам хотя бы уединяться каждый день, чтобы поразмышлять и помолиться, как это делала моя добрая хозяйка, у которой я служила, прежде чем перейти к мадам.

У нее была маленькая часовня, и там она находила утешение во многих скорбях.

– Будет это правильно, если я начну делать то же самое? – спросила Эми, которая в своем одиночестве чувствовала потребность в какой-то поддержке и обнаружила, что почти совсем забыла о своей маленькой книжечке, как только рядом не стало Бесс, чтобы напоминать об этом.

– Это было бы великолепно и очаровательно, и я охотно приготовлю для этой цели маленькую гардеробную, если хотите.

Ничего не говорите мадам, но, когда она спит, пойдите туда и посидите в одиночестве, чтобы подумать о хорошем и попросить доброго Бога сохранить вашу сестру.

Эстер была очень набожной и дала свой совет вполне искренне; у нее было отзывчивое сердце, и она очень сочувствовала сестрам в это тревожное для них время.

Эми идея понравилась, и она позволила приготовить светлую гардеробную рядом со своей комнатой, в надежде, что это принесет ей облегчение.

– Хотела бы я знать, куда попадут все эти красивые вещи, когда тетя Марч умрет, – сказала она, медленно кладя на место блестящие четки и закрывая одну за другой коробочки с драгоценностями.

– К вам и к вашим сестрам.

Я знаю; мадам сказала мне по секрету.

Я подписывала ее завещание как свидетельница; и как там записано, так и будет, – шепнула Эстер, улыбаясь.

– Как мило!

Но я хотела бы, чтобы она отдала их нам сейчас.

Хорошо, что ее намерение зафиксировано, но как долго ждать! – заметила Эми, бросая последний взгляд на бриллианты.

– Вы и ваши сестры еще слишком молоды, чтобы носить эти украшения.

Первая из вас, у которой появится жених, получит жемчуг – так сказала мадам; и я полагаю, что маленькое бирюзовое колечко будет подарено вам перед тем, как вы вернетесь домой, так как мадам очень нравится ваше хорошее поведение и очаровательные манеры.

– Вы так думаете?

О, я буду кроткой как ягненок, лишь бы получить это прелестное колечко!

Оно гораздо красивее, чем у Китти Брайант.

Несмотря ни на что, тетя Марч мне все-таки нравится. – И Эми примерила голубое колечко с восхищением на лице и твердой решимостью заслужить награду.

С этого дня она была образцом послушания, и старая леди самодовольно любовалась успехами своего метода воспитания.

Эстер принесла в гардеробную маленький столик, поставила перед ним табурет, а над ним повесила картину, взятую в одной из нежилых комнат.

Она полагала, что картина не имеет особой ценности, но полотно было подходящим по сюжету, и она взяла его в полной уверенности, что мадам никогда не узнает об этом и не обеспокоится, даже если и узнает.

Это была, однако, очень ценная копия одной из замечательнейших картин, и глаза Эми, восприимчивые к красоте, никогда не уставали смотреть на прекрасное лицо Богоматери, в то время как душу ее согревали нежные мысли о собственной маме.

На столе она положила свое Евангелие и книжку псалмов, а в вазу всегда ставила лучшие из цветов, какие приносил ей Лори, и каждый день ходила туда «посидеть в одиночестве, подумать о хорошем и попросить доброго Бога сохранить ее сестру».

Эстер дала ей четки из черных бусин, с серебряным крестом, но Эми просто повесила их на стену, сомневаясь, уместно ли ими пользоваться для протестантских молитв.

И не было во всем этом никакой неискренности, ибо, оказавшись одна, за пределами безопасного родного гнезда, она ощутила настолько острую необходимость опереться на чью-либо добрую руку, что инстинктивно обратилась к сильному и нежному Другу, окружающему отеческой любовью своих маленьких детей.

Ей не хватало помощи матери, чтобы понять себя и владеть собой, но, наученная, куда обратить взор за помощью, она делала все, что было в ее силах, чтобы найти верную стезю и вступить на нее с надеждой.

Но Эми была юным пилигримом, и в эти дни ноша ее казалась ей очень тяжелой.

Она старалась забыть о себе, думая только о других, сохранять бодрость и быть довольной тем, что поступает правильно, пусть даже никто этого не видит и не хвалит ее.

В этом своем стремлении стать очень, очень хорошей она решила прежде всего, подобно тете Марч, написать завещание, с тем чтобы, если она все-таки заболеет scarlatinой и умрет, ее имущество могло быть распределено справедливо и великодушно.

Она решилась на это, несмотря на то что для нее было мучительно даже подумать о том, чтобы отказаться от маленьких сокровищ, которые в ее глазах были не меньшими драгоценностями, чем бриллианты старой леди.

В один из часов, отведенных для игры, она написала этот важный документ, приложив немало стараний и воспользовавшись помощью Эстер в том, что касалось некоторых юридических терминов, и, когда добродушная француженка вывела под ним свое имя, Эми испытала облегчение и отложила завещание, чтобы потом показать его Лори, которого хотела сделать вторым свидетелем.

День был дождливый, и, взяв с собой для компании попугая, она пошла наверх, чтобы поиграть в одной из больших комнат.

В этой комнате стоял платяной шкаф, полный старинных нарядов, которые Эстер позволяла ей брать для игры, и ее любимым развлечением было облачаться в выцветшую парчу и гордо выступать перед высоким зеркалом, делая величественные реверансы и метя пол длинным шлейфом с шелестом, услаждавшим ее слух.

В этот день она так увлеклась, что не слышала звонка Лори и не видела, как он подглядывает за ней, когда она с серьезным видом прохаживалась взад и вперед, поигрывая веером и вскидывая голову, увенчанную большим розовым тюрбаном, который выглядел очень странно в сочетании с голубым парчовым платьем и торчащей из-под него желтой пикейной юбкой.

Ей приходилось передвигаться осторожно, так как на ногах у нее были туфли на высоких каблуках, и, как впоследствии Лори рассказывал Джо, было забавно смотреть, как она семенит в своем разноцветном наряде, а попка бочком, задирая голову, шагает следом, стараясь подражать ей, и иногда останавливается, чтобы поохотать или выкрикнуть:

– Ну не прелесть ли мы?

Убирайся, чучело!

Помалкивай!

Поцелуй меня, душечка!

Ха!

Ха!

С трудом подавив взрыв хохота, дабы не оскорбить ее величество, Лори постучал и встретил любезный прием.

– Сядь отдохни, пока я уберу эти вещи, а потом я собираюсь посоветоваться с тобой по одному очень серьезному вопросу, – сказала Эми, предварительно показавшись ему во всем своем великолепии и загнав попугая в угол. – Одно мучение с этой птицей, – продолжила она, снимая с головы розовую гору, в то время как Лори усаживался верхом на стул. – Вчера, когда тетя уснула, а я старалась сидеть тихо как мышка, попка начал визжать и метаться в клетке. Я подошла, чтобы выпустить его, и увидела, что к нему забрался большой паук.

Я выкинула паука из клетки, и он убежал под книжный шкаф; попка пошел прямо за ним, наклонился, заглянул под шкаф и сказал, как всегда забавно подмигивая:

«Выходи прогуляться, дорогой!»

Я не могла удержаться от смеха, и от этого попка стал ругаться, а тетя проснулась и отчитала нас обоих.

– Ну и как? Паук принял приглашение старика? – спросил Лори, зевая.

– Да, вылез, и попка убежал, испугавшись до смерти, вскарабкался на кресло тети и кричал оттуда:

«Держи ее!

Держи ее!

Держи ее!», пока я гонялась за пауком.

– Это ложь!

О боже! – крикнул попугай, клюнув Лори в носок ботинка.

– Я свернул бы тебе шею, если б ты был мой, ты, старый мучитель! – воскликнул Лори, потрясая кулаком перед птицей, которая склонила голову набок и серьезно прокаркала:

– Аллилуйя! Да будут благословенны твои пуговицы, дорогой!

– Вот, я готова, – сказала Эми, закрывая платяной шкаф и вынимая из кармана бумагу. – Я хочу, чтобы ты это прочитал и сказал мне, все ли здесь правильно и законно.

Я чувствую, что должна сделать это, так как все может случиться, а я не хочу никаких недобрых чувств над моей могилой.

Лори закусил губу и, слегка отвернувшись от своей меланхоличной собеседницы, прочел следующий документ, написанный с похвальной серьезностью и учетом правописания:

Моя последняя воля и завищание

Я, Эми Кертис Марч, находясь в здравом уме и твердой памяти, оставляю все мое земное имущество – viz, то есть поименно:

Моему отцу – мои лучшие рисунки, эскизы, карты и прочие произведения, вместе с рамками.

Также мои 100 долларов – в его полное распоряжение.

Моей матери – всю мою одежду, кроме голубого передника с карманами; также мой портрет и мой медальон, с чувством глубокой любви.

Моей дорогой сестре Маргарет я отдаю мое бирюзовое колечко (если я его получу); также мою зеленую коробку с голубками на крышке; также мой кусочек настоящих кружев, чтобы носить на шее, и ее портрет моей работы на память о ее «маленькой девочке».

Джо я оставляю мою брошь, склеенную сургучом; также мою бронзовую чернильницу – крышку от нее она сама потеряла – и моего драгоценного гипсового кролика, потому что мне жаль, что я сожгла ее книжку.

Бесс (если она переживет меня) я оставляю моих кукол, письменный столик, веер, мои полотняные воротнички и мои новые домашние туфли, если она похудеет за время болезни и сможет носить их.

И с этим я также оставляю ей мои сожаления, что смеялась над старой Джоанной.

Моему другу и соседу Теодору Лоренсу я завищаю мою папку из папе машье и мою глиняную модель лошади, хотя он и сказал, что у нее нет шеи.

Также за его огромную доброту ко мне в горький для меня час любую из моих художественных работ по его выбору, лучше всего *Noter Dame*.

Нашему почтенному благодетелю мистеру Лоренсу я оставляю мою лиловую коробку со стеклышком в крышке, которая очень пригодится ему для карандашей и перьев и будет напоминать ему о покойной девочке, которая благодарит его за милости, оказанные ее семье, и особенно Бесс.

Я желаю, чтобы моя любимая подруга Китти Брайант получила голубой шелковый передник и колечко из золотого бисера вместе с прощальным поцелуем.

Ханне я отдаю шляпную картонку, которую она хотела взять, и все лоскутные покрывала, в надежде, что она будет вспоминать обо мне всякий раз, когда увидит их.

И теперь, распорядившись самым ценным моим имуществом, я пребываю в надежде, что все будут удовлетворены и не станут порицать усопшую.

Я прощаю всех и верю, что все мы встретимся, когда прозвучит трубный глас.

Аминь.

К сему завещанию мою руку и печать прилагаю в день 20 ноября *Anni Domino* 1861.

Эми Кертис Марч

Свидетели:

Эстелла Вальнор, Теодор Лоренс

Последнее имя было вписано карандашом, и Эми объяснила, что Лори должен вписать его чернилами и надлежащим образом запечатать бумагу.

– С чего тебе пришло такое в голову?

Кто-нибудь говорил тебе, что Бесс раздала свои вещи? – спросил Лори сдержанно, когда Эми положила перед ним кусочек красной тесьмы, сургуч и поставила чернильницу.

Она объяснила, а затем спросила с тревогой:

– Что ты сказал о Бесс?

– Мне жаль, что я заговорил об этом, но, раз уж так случилось, я скажу тебе.

Ей было очень плохо на днях, и она сказала Джо, что хочет отдать свое пианино Мег, кошек – тебе, а бедную старую куклу – Джо, чтобы она заботилась о ней ради Бесс.

Ей было грустно, что она так мало может оставить, и она просила передать остальным из нас по пряди ее волос и ее сердечный привет бабушке.

Ей и в голову не пришло писать завещание.

Говоря это, Лори подписывал, запечатывал и не поднимал глаз, пока большая слеза не упала на бумагу.

Лицо Эми было расстроенным, но она лишь сказала:

– А нельзя ли добавить к завещанию что-нибудь вроде поскриптома?

– Можно, это называется «кодицилл».

– Тогда добавь к моему – я хочу, чтобы все мои волосы были отрезаны и розданы моим друзьям.

Я забыла об этом, но хочу, чтобы это было сделано, пусть даже это и испортит мою внешность.

Лори выполнил просьбу, с улыбкой думая об этой последней и величайшей жертве, принесенной Эми.

Затем он около часа развлекал ее и проявил большое участие, узнав о ее горестях.

Но когда он собрался уходить, Эми удержала его и шепнула дрожащими губами:

– Бесс в опасности?

– Боюсь, что да, но мы должны надеяться на лучшее, так что не плачь, дорогая. – И Лори обнял ее братским жестом, который принес ей облегчение.

Когда он ушел, она удалилась в свою маленькую часовню и, сидя в сумерках, молилась о Бесс со струящимися по лицу слезами и болью в сердце, чувствуя, что и миллион бирюзовых колечек не утешит ее, если она потеряет свою кроткую маленькую сестру.

Глава 20 Признания

Я думаю, что мне не найти слов, чтобы рассказать о встрече матери и дочерей; такие прекрасные часы хорошо пережить, но очень трудно описать, так что я оставлю это воображению моих читателей и просто скажу, что дом был полон настоящего счастья и что робкая надежда Мег сбылась: когда Бесс очнулась от долгого, целительного сна, первое, на что упал ее взгляд, были маленькая роза и лицо матери.

Она была слишком слаба, чтобы удивиться чему-либо, и только улыбнулась и, заключенная в нежные объятия, прильнула к матери, чувствуя, что ее страстное желание наконец осуществилось.

Затем она снова уснула, а девочки принялись ухаживать за матерью, так как она не могла разжать худенькую кисть, сжимавшую ее руку даже во сне.

Ханна соорудила для путешественницы поразительный завтрак, не зная, как еще дать выход своему волнению, а Мег и Джо кормили мать, как почтительные молодые аисты, и слушали ее отчет о состоянии отца, об обещании мистера Брука остаться в Вашингтоне, чтобы ухаживать за ним, о задержке в пути, вызванной метелью, и о невыразимом облегчении, которое принесло ей полное надежды лицо Лори, когда, измученная усталостью, тревогой и холодом, она прибыла на станцию.

Каким странным и вместе с тем приятным был этот день!

Такой ослепительный и радостный за стенами дома, ибо весь мир, казалось, приветствовал первый снег; такой тихий и спокойный в стенах дома, так как все спали, утомленные бессонной ночью, и кругом царила торжественная тишина, в то время как клюющая носом Ханна несла стражу у дверей.

С блаженным чувством людей, стряхнувших тяжелую ношу, Мег и Джо закрыли усталые глаза и лежали неподвижно, словно потрепанные бурей корабли, благополучно вставшие на якорь в тихой гавани.

Миссис Марч не отходила от Бесс и отдыхала в большом кресле, часто просыпаясь, чтобы взглянуть на свою девочку, коснуться ее и склониться над ней, как скупец над вновь обретенным сокровищем.

Тем временем Лори помчался к Эми, чтобы обрадовать ее, и так хорошо рассказал всю историю, что тетя Марч сама захлопала носом и даже ни разу не сказала свое «я же говорила».

Эми проявила при этом такую силу воли, что, я полагаю, «хорошие думы» в маленькой часовне действительно начали приносить свои плоды.

Она быстро осушила слезы, умерила желание немедленно увидеть мать и даже не подумала о бирюзовом колечке, когда старая леди искренне согласилась с мнением Лори, что Эми показала себя «замечательной маленькой женщиной».

Даже на попугая это, казалось, произвело впечатление, так как он назвал ее «хорошей девочкой», благословил ее пуговицы и уговаривал ее «выйти прогуляться» самым приветливым тоном.

И она охотно прогулялась бы в этот ясный морозный полдень, но, обнаружив, что Лори валится с ног от усталости, несмотря на все его мужественные усилия скрыть это обстоятельство, она уговорила его полежать на диване, пока она напишет матери записку.

Это заняло у нее немало времени, и, когда она вернулась, он спал, растянувшись на диване, заложив руки под голову, а тетя Марч, задернув шторы, сидела, ничего не делая, в приступе необычной доброты.

Спустя некоторое время они испугались, что он не проснется до вечера, и я уверена, что так бы оно и было, если бы не успешно разбудивший его радостный крик Эми, увидевшей в дверях мать.

Возможно, немало было в тот день счастливых девочек в городе и его окрестностях, но, по моему личному мнению, Эми была счастливее всех, когда сидела на коленях у матери и рассказывала ей о своих огорчениях, получая утешение и вознаграждение в виде одобрительных улыбок и нежных ласк.

Они были вдвоем в часовне, против которой мать не стала возражать, когда узнала о цели ежедневного уединения.

– Напротив, мне очень нравится, дорогая, – сказала она, переводя взгляд с пыльных четок и истрепанной маленькой книжечки на прекрасную картину, увитую гирляндой вечнозеленых листьев. – Это замечательная идея – отвести себе какое-то место, где можно побыть в тишине, когда что-то тревожит или гнетет.

В этой жизни нам нередко бывает тяжело, но мы всегда можем вынести любое бремя, если знаем, где просить помощи.

Я думаю, моя девочка, ты тоже учишься этому.

– Да, мама, и когда я вернусь домой, отведу угол в большой гардеробной, чтобы положить там мои книжки и повесить копию этой картины, которую я попыталась сделать.

Лицо женщины вышло не очень хорошо – оно слишком красивое, мне так не нарисовать, – но ребенок

получился лучше, и я Его очень люблю.

Мне приятно думать, что Он тоже когда-то был маленьким, потому что тогда мне не кажется, что я далеко от Него, и это мне помогает.

Когда Эми указала на улыбающееся лицо младенца Христа, сидящего на коленях Богоматери, миссис Марч увидела на поднятой руке нечто такое, что вызвало у нее улыбку.

Она ничего не сказала, но Эми поняла этот взгляд и после минутного замешательства добавила серьезно:

– Я хотела сказать тебе, но забыла.

Тетя дала мне сегодня это кольцо; она позвала меня к себе, поцеловала, надела его мне на палец и сказала, что я ее гордость и что она хотела бы, чтобы я осталась у нее навсегда.

Она дала мне и эту смешную штучку, чтобы кольцо не свалилось, а то оно слишком большое.

Мне хотелось бы носить его, можно, мама?

– Оно очень красивое, но я думаю, что ты слишком мала для таких украшений, Эми, – ответила миссис Марч, глядя на маленькую пухлую руку с полоской небесно-голубых камешков на указательном пальце и странной застежкой из двух крошечных золотых рук, сцепленных вместе.

– Я постараюсь не быть тщеславной, – сказала Эми. – Я думаю, что оно нравится мне не только потому, что оно такое красивое. Я хочу носить его, как та девушка в рассказе носила браслет, – носить, чтобы он напоминал мне о чем-то.

– О пребывании у тети Марч? – спросила мать, засмеявшись.

– Нет, напоминать мне, что я не должна думать лишь о себе. – Эми казалась такой серьезной и искренней в своих намерениях, что мать перестала смеяться и внимательно выслушала предлагаемый маленький план.

– Я много думала в последнее время о моей «котомке» недостатков, и себялюбие – самый большой из них, так что теперь я собираюсь приложить все силы, чтобы избавиться от него, если сумею.

Бесс не эгоистка, и именно поэтому все любят ее, и всем так тяжело от одной мысли потерять ее.

Людам не было бы и вполтину так тяжело, если бы это я заболела, да я и не заслуживаю их тревог. Но я хотела бы, чтобы множество друзей любили меня и скучали обо мне, поэтому я собираюсь изо всех сил стараться быть такой, как Бесс.

Я могу забыть о своем решении, но если у меня всегда будет с собой что-нибудь, напоминающее об этом, то, я думаю, у меня будет получаться лучше.

Можно мне попробовать?

– Конечно, но я больше верю в уголок в гардеробной.

Носи свое колечко, дорогая, и старайся.

Я думаю, ты придешь к цели, ведь искреннее желание быть хорошей – залог успеха.

Теперь я должна вернуться к Бесс.

Не падай духом, доченька, скоро ты вернешься к нам.

В тот же вечер, когда Мег писала отцу отчет о благополучном прибытии путешественницы, Джо проскользнула наверх, в комнату Бесс, и, застав мать на обычном месте, с минуту стояла в

нерешительности, глядя на нее и озабоченно теребя свою шевелюру.

– В чем дело, дорогая? – спросила миссис Марч, протянув руку, с выражением лица, располагающим к откровенности.

– Я хочу кое-что сказать тебе, мама.

– О Мег?

– Как ты сразу угадала!

Да, о ней; и хотя это мелочь, меня она тревожит.

– Бесс спит, говори тихо и Расскажи мне обо всем.

Надеюсь, этот Моффат не был здесь? – спросила миссис Марч довольно резко.

– Нет, я захлопнула бы дверь перед его носом, если б он посмел, – сказала Джо, устраиваясь на полу у ног матери. – Прошлым летом Мег забыла свои перчатки у Лоренсов, а назад получила только одну.

Мы совсем забыли об этом, пока Тедди не сказал мне, что вторая перчатка у мистера Брука.

Он держит ее в кармане жилета и однажды выронил; Тедди стал дразнить его, и тогда мистер Брук признался, что ему нравится Мег, но он не смеет сказать об этом, потому что она так молода, а он так беден.

Вот, разве это не ужасно?

– Ты думаешь, что он нравится Мег? – спросила миссис Марч, обеспокоенно взглянув на нее.

– Спаси и помилуй!

Я ничего не знаю о любви и прочей подобной чепухе! – воскликнула Джо с забавной смесью интереса и презрения. – В романах у девушек это проявляется в том, что они вздрагивают и краснеют, падают в обморок, худеют и ведут себя как дуры.

Что до Мег, она ничего такого не делает: она ест, пьет и спит как разумное существо, прямо смотрит мне в лицо, когда я говорю об этом человеке, и только немножко краснеет, когда Тедди отпускает шуточки насчет влюбленных.

Я запретила ему это делать, но он не слушается.

– Значит, ты думаешь, что Мег не проявляет интереса к Джону?

– К кому? – воскликнула Джо, удивленно уставившись на мать.

– К мистеру Бруку.

Теперь я называю его Джоном; мы начали называть его так в госпитале, и ему это нравится.

– Ну вот!

Я знала, что ты встанешь на его сторону: он был добр к папе, и ты не прогонишь его и позволишь Мег выйти за него замуж, если она захочет.

Какая подлость!

Поехать ухаживать за папой и помогать тебе, только чтобы добиться вашего расположения. – И Джо опять дернула себя за волосы в порыве гнева.

– Дорогая моя, не сердись; я расскажу тебе, как все вышло.

Джон поехал со мной по просьбе мистера Лоренса и так преданно заботился о нашем бедном папе, что мы не могли не полюбить его.

Он был совершенно откровенен и честен в том, что касается Мег; он рассказал нам, что любит ее, но хочет заработать денег на хороший дом, прежде чем предложит ей выйти за него замуж.

Он хотел только нашего позволения любить ее, и трудиться для нее, и иметь право добиться ее любви, если сумеет.

Он действительно превосходный молодой человек, и мы не могли отказаться выслушать его, хотя я не соглашусь, чтобы Мег была помолвлена так рано.

– Конечно нет; это была бы просто дурь!

Я знала, что затевается что-то недоброе, я это чувствовала, но дело даже хуже, чем я могла вообразить.

Хорошо бы я сама могла жениться на Мег, чтобы она благополучно оставалась с нами.

Этот необычный способ разрешения проблемы вызвал у миссис Марч улыбку, но затем она сказала серьезно:

– Джо, я доверяю тебе и надеюсь, что пока ты ничего не скажешь Мег.

Когда Джон вернется и я увижу их вместе, я лучше смогу судить о ее чувствах к нему.

– Она посмотрит в его красивые глаза, о которых иногда говорит, – и все будет кончено.

У нее такое мягкое сердце, оно тает как масло на солнце, стоит кому-нибудь нежно посмотреть на нее.

Она читала короткие записки, которые он присылал, дольше, чем твои письма, и ущипнула меня, когда я об этом сказала, и ей нравятся карие глаза, и она не считает, что Джон – отвратительное имя, и она возьмет и влюбится в него, и тогда прощай, покой, и веселье, и хорошие времена.

Я все это предвижу!

Они будут кружить влюбленной парочкой возле дома, а нам придется увертываться, чтобы они на нас не наткнулись.

Мег будет всецело этим поглощена, и никакого прока мне от нее больше; Брук так или иначе накопит денег, увезет ее и пробьет брешь в семье; и сердце мое будет разбито, и все будет до отвращения неудобно.

Ах, ну почему мы все не мальчики, тогда не было бы никаких хлопот!

Джо уперла подбородок в колени и в этой позе, выражающей отчаяние, потрясла кулаком в адрес заслуживающего всяческого осуждения Джона.

Миссис Марч вздохнула, и Джо подняла глаза, на лице ее было написано облегчение.

– Тебе это тоже не нравится, мама?

Я рада.

Давай скажем ему, чтобы не вмешивался в наши дела, и Мег об этом ни слова не говори, и все будем счастливы вместе, как всегда.

– Напрасно я вздохнула, Джо.

То, что каждая из вас должна со временем зажить своим домом, и естественно и правильно, но я

хотела бы держать моих девочек при себе сколько смогу, и мне жаль, что это случилось так скоро – ведь Мег еще только семнадцать и пройдет несколько лет, прежде чем Джон сможет обзавестись домом.

Твой отец и я согласились, что она не должна связывать себя никакими обязательствами или выходить замуж, пока ей не исполнится двадцать.

Если они с Джоном любят друг друга, то могут подождать и тем самым проверить свою любовь.

Она очень совестливая, и я не боюсь, что она может поступить с ним жестоко.

Красивая моя, добросердечная девочка!

Я надеюсь, все у нее сложится счастливо.

– Разве ты не предпочла бы, чтобы она вышла за богатого? – спросила Джо, когда голос матери дрогнул на последних словах.

– Деньги – хорошая и полезная вещь, Джо, и я надеюсь, мои девочки никогда не испытают ни жестокой нужды, ни слишком больших искушений.

Я хотела бы знать, что у Джона прочное положение и достаточный доход, чтобы не залезать в долги и устроить Мег с удобствами.

Я не ищу великолепного состояния, заметного положения в обществе или громкого имени для моих дочерей.

Если знатность и деньги придут с любовью и добродетелью, я приму их с благодарностью и буду рада вашему богатству, но я по опыту знаю, сколько подлинного счастья можно найти в обычном маленьком доме, где зарабатывают на хлеб ежедневным трудом, а некоторые лишения придают особую прелесть немногочисленным радостям.

Я согласна на то, что Мег начнет жизнь в скромных условиях, ибо, если я не ошибаюсь, у нее будет такое сокровище, как доброе мужское сердце, а это лучше, чем любое состояние.

– Я понимаю, мама, и вполне согласна, но все-таки разочарована насчет Мег, потому что я надеялась, что она в конце концов выйдет замуж за Тедди и будет жить в роскоши до конца своих дней.

Разве это не было бы хорошо? – спросила Джо, подняв глаза и с оживлением на лице.

– Он моложе ее, ты же знаешь, – начала миссис Марч, но Джо прервала ее:

– Совсем чуть-чуть, он старше своего возраста, и высокий, и вести себя может совсем как взрослый, когда захочет.

А потом он богатый, и щедрый, и добрый, и всех нас любит, и мне жаль, что моим планам помешали.

– Боюсь, Лори едва ли достаточно взрослый для Мег и вообще пока еще слишком непостоянный, чтобы кто-либо мог на него положиться.

Не строй планов, Джо, а соединять твоих друзей предоставь времени и их собственным сердцам.

Мы не можем без риска вмешиваться в такие дела, и лучше не забивать себе голову «романтической чепухой», как ты это называешь, чтобы не портить дружбу.

– Хорошо, не буду, но мне очень жаль, что дела идут вкривь и вкось и все так осложняется, когда дерни тут и надрежь там – и все будет в порядке.

Хотела бы я, чтобы мы носили на голове утюги, которые не давали бы нам вырастать.

Но бутоны станут розами, а котята – кошками; такая жалость!

– Что ты тут толкуешь об утюгах и кошках? – спросила Мег, тихонько проскользнув в комнату с готовым письмом в руке.

– Так, одна из моих глупых тирад.

Я иду спать, пошли, Мег, – сказала Джо, разворачиваясь, как раскладная игрушка-головоломка.

– Все хорошо и красиво написано.

Добавь, пожалуйста, что я передаю привет Джону, – сказала миссис Марч, пробежав глазами письмо и возвращая его дочери.

– Ты называешь его Джоном? – спросила Мег, улыбаясь; ее простодушные глаза открыто смотрели на мать.

– Да, теперь он нам как сын, и мы очень любим его, – отвечала миссис Марч.

– Я этому рада, он так одинок.

Доброй ночи, мама, дорогая.

Так хорошо, спокойно, что ты здесь, – прозвучал ответ Мег.

Поцелуй, которым проводила ее мать, был нежным, а когда она ушла, миссис Марч сказала со смешанным удовлетворением и сожалением:

– Она еще не любит Джона, но скоро этому научится.

Глава 21 Лори - нарушитель спокойствия и Джо - умиротворительница

На следующее утро лицо Джо весьма заслуживало того, чтобы на него взглянуть, так как новый секрет изрядно тяготил ее и оказалось трудным не напускать на себя таинственный и важный вид.

Мег заметила это, но даже не потрудилась о чем-либо расспрашивать, ибо знала, что лучший подход к Джо тот, который основан на законе противоположностей, и была уверена, что та расскажет все сама, если не задавать вопросов.

Поэтому она была несколько удивлена, когда молчание не было нарушено, а Джо начала обращаться с ней покровительственно, что явно рассердило Мег, и она, в свою очередь, изобразила величественную сдержанность и целиком предалась заботам о матери.

В результате Джо оказалась предоставленной самой себе, так как миссис Марч сменила ее в качестве сиделки, а ей велела отдыхать, гулять и развлекаться после долгого затворничества.

Эми все еще оставалась у тети Марч, и потому Джо могла найти прибежище лишь в Лори; но, как ни любила она его общество, теперь оно, пожалуй, пугало ее: она боялась, что этот неисправимый проказник выманит у нее ее секрет.

Она была совершенно права, так как стоило озорнику заподозрить существование тайны, как он твердо решил раскрыть ее и устроил Джо жизнь, полную мучений.

Он подольщался, подкупал, высмеивал, угрожал и бранил; притворялся равнодушным, чтобы затем застать ее врасплох и вырвать правду; то объявлял, что все знает, то – что ему все равно; и наконец благодаря упорству убедился в том, что дело касается Мег и мистера Брука.

Раздраженный тем, что наставник не посвятил его в свою тайну, Лори пустил в ход всю свою изобретательность, чтобы придумать подходящее возмездие за такое пренебрежение.

Тем временем Мег, очевидно, забыла о тайне Джо и была поглощена приготовлениями к возвращению отца, но вдруг в ней произошла какая-то неожиданная перемена, и день или два она была сама не своя.

Она вздрагивала, когда к ней обращались, краснела, когда на нее смотрели, была очень молчалива и сидела за шитьем с робким, обеспокоенным выражением лица.

На расспросы матери она отвечала, что все в порядке, а от Джо отделалась, просто попросив, чтобы та оставила ее в покое.

– Она чувствует, что это носится в воздухе – любовь, я имею в виду, – и заболевает очень быстро.

У нее уже большая часть симптомов – дрожит и сердится, не ест, лежит без сна и хандрит по углам.

Сегодня я застала ее, когда она пела песню, которую он перевел для нее, а один раз, говоря о нем, она назвала его, так же как и ты, Джоном и покраснела как мак.

Что же нам теперь делать? – спросила Джо с видом полной готовности на любые действия, вплоть до насильственных.

– Ничего, только ждать.

Оставь ее в покое, будь доброй и терпеливой, а возвращение папы расставит все по своим местам, – ответила мать.

– Вот записка для тебя, Мег. Запечатана.

Как странно!

Тедди никогда не запечатывает свои записки ко мне, – сказала Джо на следующий день, раздавая содержимое маленького почтового заведения.

Миссис Марч и Джо были совершенно погружены в собственные дела, когда возглас Мег заставил их поднять глаза. Она сидела, уставившись на полученную записку с испуганным видом.

– Девочка моя, что случилось? – воскликнула мать, подбегая к ней, а Джо попыталась взять бумагу, ставшую причиной беды.

– Это была ошибка – он не посылал письма.

О, Джо, как ты могла сделать такое? – И Мег закрыла лицо руками, рыдая так, словно сердце ее было навеки разбито.

– Я?

Я ничего не сделала!

О чем она говорит? – воскликнула Джо растерянно.

Кроткие глаза Мег зажглись гневом, когда она вынула из кармана помятую записку и бросила ее Джо, сказав с упреком:

– Ты это написала, а этот гадкий мальчишка помогал тебе.

Как вы могли оказаться такими грубыми, такими злыми и жестокими к нам обоим?

Джо почти не слышала ее, так как вместе с матерью читала записку, написанную странным почерком.

Моя дражайшая Маргарет,

Я больше не в силах скрывать мою страсть и должен узнать мою участь, прежде чем вернуться.

Я еще не осмелился поговорить с Вашими родителями, но думаю, они согласятся на наш брак, когда узнают, что мы обожаем друг друга.

Мистер Лоренс поможет мне получить хорошее место, и тогда, моя милая девочка, Вы осчастливите меня.

Я умоляю Вас пока ничего не говорить Вашим родным, но послать через Лори одно словечко надежды Вашему любящему Джону.

– Ах этот маленький негодяй!

Это так он решил отомстить мне за то, что я сдержала слово, данное маме.

Сейчас я его отругаю как следует и притащу сюда просить прощения! – воскликнула Джо, горя желанием немедленно свершить правосудие.

Но мать удержала ее, сказав с видом, который принимала очень редко:

– Стой, Джо, сначала ты должна оправдаться сама.

За тобой так много шалостей, что боюсь, ты приложила руку и к этой.

– Честное слово, мама, я ничего не знала!

Я никогда не видела эту записку прежде и не подозревала о ней, это чистая правда! – сказала Джо так горячо, что они поверили ей. – Уж если бы я участвовала в этом, я справилась бы с делом лучше и написала бы разумную записку.

Я думаю, ты сразу поняла, что мистер Брук никогда не написал бы такой чепухи, – презрительно добавила она, отбросив бумагу.

– Это похоже на его почерк, – запинаясь, выговорила Мег, сравнивая записку с той, которую держала в руке.

– О, Мег, ты ведь не ответила на нее? – воскликнула миссис Марч торопливо.

– Ответила! – И Мег опять закрыла лицо, подавленная стыдом.

– Ну и положеньице!

Дайте мне привести сюда этого скверного мальчишку, чтобы он объяснился и получил нагоняй.

Я не успокоюсь, пока не схвачу его. – И Джо опять рванулась к двери.

– Тише!

Я сама займусь этим, так как дело хуже, чем я думала.

Маргарет, расскажи мне все, – приказала миссис Марч, садясь рядом с Мег, но по-прежнему держа Джо, чтобы та не убежала.

– Я получила первую записку из рук Лори. Он, казалось, ничего не знал о ее содержании, – начала Мег, не поднимая глаз. – Сначала я встревожилась и хотела сказать тебе, но потом вспомнила, как тебе нравится мистер Брук, и подумала, что ты не будешь против, если я сохраню все в секрете на несколько дней.

Я так глупа – мне было приятно думать, что никто ни о чем не знает, и, пока я решала, что ответить, я

чувствовала себя как героини романов, которым приходится отвечать на подобные записки.

Прости меня, мама. Теперь я наказана за свою глупость; я никогда больше не смогу взглянуть ему в лицо.

– Что ты ответила ему? – спросила миссис Марч.

– Я написала лишь, что я еще слишком молода, что я не хочу иметь секретов от тебя и что он должен поговорить с папой.

Я написала, что благодарна ему за его доброту и буду ему другом, но пока это все.

Миссис Марч улыбнулась, словно была очень довольна, а Джо, хлопнув в ладоши, воскликнула со смехом:

– Да ты прямо образец благоразумия!

Ну и что дальше, Мег?

Что он на это?

– Он написал совершенно другим тоном, сказал, что не посылал мне никакого любовного письма и ему очень жаль, что моя озорная сестра Джо позволяет себе в отношении нас такие вольности.

Написано очень любезно и почтительно, но подумай, как это ужасно для меня!

Мег склонилась к матери с видом воплощенного отчаяния, а Джо, топая, расхаживала по комнате и ругала Лори на чем свет стоит.

Вдруг она остановилась, схватила обе записки и, внимательно посмотрев на них, сказала решительно:

– Я не верю, что Брук видел хоть одно из этих посланий.

Тедди написал оба и оставил твою записку у себя, чтобы восторжествовать надо мной, потому что я не хотела раскрыть ему свой секрет.

– Лучше не иметь секретов, Джо.

Расскажи все маме и избежишь неприятностей. Так и мне следовало поступить, – сказала Мег предостерегающе.

– Помилуй, детка!

От мамы-то я о нем и узнала.

– Довольно, Джо.

Я успокою Мег, пока ты сходишь и приведешь Лори.

Я разберусь в этом деле до конца и немедленно положу конец подобным шалостям.

Джо убежала, а миссис Марч осторожно рассказала Мег об истинных чувствах мистера Брука.

– А каковы твои чувства к нему, дорогая?

Ты любишь его настолько, что готова подождать, пока он сможет устроить дом для тебя, или ты хочешь пока оставаться совсем свободной?

– Я так напугана и встревожена, что долго не захочу иметь никакого дела с влюбленными – быть может, никогда, – отвечала Мег с досадой. – Если Джон ничего не знает об этой глупейшей истории, не говори ему и заставь Джо и Лори придержать языки.

Я не хочу, чтобы меня обманывали, и мучили, и делали из меня дуру – это позор!

Видя, что обычно кроткая Мег в гневе, а гордость ее уязвлена этой злой шуткой, миссис Марч постаралась успокоить ее обещанием сохранить все в тайне.

В передней слышались шаги Лори, Мег выбежала в кабинет, а миссис Марч, одна, встретила обвиняемого.

Джо не сказала ему, зачем его зовут, из опасений, что он не придет, но он догадался об этом в ту же минуту, когда увидел лицо миссис Марч, и стоял перед ней, вертя в руках шляпу, с виноватым видом, сразу обличавшим в нем преступника.

Джо была отпущена, но предпочла шагать из угла в угол в передней, как часовой, так как имела некоторые опасения, что арестованный может сбежать.

Голоса в гостиной то усиливались, то замирали в течение получаса, но, что произошло во время этой беседы, девочкам осталось неизвестно.

Когда их позвали в гостиную. Лори стоял рядом с их матерью с таким раскаянием в лице, что Джо тут же простила его, хотя и не сочла разумным обнаруживать это обстоятельство.

Мег выслушала его смиренные извинения и была очень обрадована уверениями в том, что Брук ничего не знает о шутке.

– Я ни слова не скажу ему до конца дней моих – этого из меня клещами не вытянешь, так что прости меня, Мег; я что угодно сделаю, чтобы показать, как глубоко я об этом жалею, – добавил он с очень пристыженным видом.

– Я постараюсь простить, но это было очень неблагородно с твоей стороны. Я не думала, что ты можешь быть таким злым и коварным, Лори, – ответила Мег, стараясь скрыть девичье смущение под полной упрека серьезностью.

– Это было отвратительно, и я заслуживаю, чтобы со мной месяц не разговаривали, – но ведь ты не накажешь меня так, не правда ли? – И, говоря это неотразимо убедительным тоном, Лори сложил руки в таком умоляющем жесте, что было невозможно сердиться на него, несмотря на его возмутительный поступок.

Мег простила его, и строгое лицо миссис Марч смягчилось вопреки ее усилиям сохранять суровость, когда она услышала его заявление о том, что он примирится с любым наказанием, лишь бы искупить свои грехи, и увидела, как унижается он перед оскорбленной девицей.

Тем временем Джо стояла в стороне, стараясь ожесточиться против него и преуспев лишь в том, что изобразила на лице глубочайшее осуждение.

Лори взглянул на нее раз-другой, но так как она не проявляла никаких признаков смягчения, он почувствовал себя обиженным и повернулся к ней спиной, пока другие говорили с ним, а затем отвесил ей низкий поклон и вышел, не сказав ни слова.

Как только он ушел, она пожалела, что не оказалась более великодушной, и, когда Мег и мать ушли вверх, ее охватило чувство одиночества и тоска по Тедди.

После недолгой борьбы она поддалась своему порыву и, вооружившись книгой, которую должна была вернуть мистеру Лоренсу, направилась к соседскому дому.

– Мистер Лоренс дома? – спросила она у горничной, спускавшейся по лестнице.

– Да, мисс, но не думаю, что его сейчас можно видеть.

– Почему?

Он болен?

– Нет, мисс, но у него был крупный разговор с мистером Лори. У того обычный приступ раздражения, и это до того рассердило старика, что я не осмелилась бы сейчас даже подойти к нему.

– Где Лори?

– Закрылся у себя в комнате и не отвечает, хотя я стучала.

Не знаю, что будет с обедом. Он готов, а есть некому.

– Я пойду и выясню, в чем дело.

Я не боюсь ни одного, ни другого.

Джо поднялась наверх и сильно постучала в дверь маленького кабинета Лори.

– Перестань, или я открою дверь и покажу тебе! – отозвался юный джентльмен угрожающим тоном.

Джо немедленно постучала снова; дверь распахнулась, и она вскочила в комнату, прежде чем Лори пришел в себя от удивления.

Видя, что он действительно взбешен, Джо, зная, как с ним обходиться, приняла сокрушенный вид и, картинно опустившись на колени, сказала смиренно:

– Пожалуйста, прости, что я была такой злой.

Я пришла помириться и не уйду, пока ты меня не простишь.

– Все в порядке.

Вставай, Джо, без глупостей, – таков был галантный ответ на ее прошение о помиловании.

– Спасибо, так я и сделаю.

Могу я спросить, в чем дело?

Ты, кажется, не совсем спокоен.

– Меня встряхнули, и я этого не вынесу! – прорычал Лори в гневе.

– Кто посмел? – спросила Джо.

– Дедушка.

Если бы это был кто-нибудь другой, я... – И оскорбленный юноша завершил фразу энергичным жестом правой руки.

– Подумаешь!

Я часто встряхиваю тебя, и ничего, – заметила Джо успокаивающе.

– Псс!

Ты девочка, и это шутка, но я не позволю ни одному мужчине трясти меня.

– Да я думаю, никто и пытаться бы не стал, если бы ты глядел такой тучей, как сейчас.

А почему с тобой так обошлись?

– Только потому, что я не сказал, зачем меня звала твоя мама.

Я обещал не говорить и, разумеется, не собирался нарушить слово.

– Ты не мог удовлетворить дедушку иным способом?

– Нет, ему нужна правда, вся правда и ничего, кроме правды.

Я рассказал бы о своей проделке, если бы мог сделать это, не впутывая Мег.

Но так как я не мог, то молчал и терпел всю его брань, пока старик не схватил меня за воротник.

Тогда я разозлился и убежал из страха, что могу забыться.

– Это нехорошо, но он жалеет о случившемся, я знаю, так что пойдй вниз и помирись.

Я тебе помогу.

– Будь я проклят, если пойду!

Я не желаю, чтобы мне читали поучения и чтобы меня тузил всякий только лишь за небольшую шалость.

Мне жаль, что я так поступил с Мег, и я попросил прощения как мужчина, но я не собираюсь делать это сейчас, когда я не виноват.

– Он об этом не знает.

– Ему следует доверять мне и не обращаться со мной как с ребенком.

Бесполезно, Джо, ему придется понять, что я способен сам о себе позаботиться и что нечего держать меня на привязи.

– Ну и кипяток же вы оба! – вздохнула Джо. – И как же ты собираешься уладить это дело?

– Он должен извиниться и поверить мне, раз я говорю, что не могу рассказать, из-за чего вышла вся суматоха.

– Помилуй!

Он не сделает этого.

– Я не спущусь вниз, пока он не извинится.

– Ну, Тедди, будь благоразумен.

Не обращай внимания на это.

Ведь ты не можешь всегда сидеть здесь, так зачем устраивать мелодраму?

– Как бы то ни было, а я не собираюсь оставаться здесь долго.

Я выскользну и уеду куда-нибудь, а когда дедушка хватится меня, он придет в себя довольно быстро.

– Думаю, что так, но тебе не следует убегать и тем самым огорчать его.

– Нечего меня поучать.

Я поеду в Вашингтон повидаться с Бруком; там интересно, и я смогу развлечься после всех этих неприятностей.

– Как тебе там будет весело!

Хорошо бы я тоже могла убежать, – сказала Джо, забыв о своей роли ментора и мысленно представляя яркие картины военной жизни в столице.

– Тогда поехали вместе!

А почему нет?

Поедешь и удивишь отца, а я расшевелю старину Брука.

Это будет великолепная шутка, давай, Джо.

Оставим письмо, что все в порядке, и сразу рванем.

Денег у меня хватит; и тебе полезно проехаться, и ничего тут нет плохого, раз ты едешь к отцу.

На мгновение показалось, что Джо согласится, так как каким бы отчаянным ни был этот план, он отвечал ее желаниям.

Она устала от ухода за больной и заточения в полутемной комнате, она жаждала перемен, а мысли об отце соблазнительно сливались с мыслями о неизведанном очаровании военных лагерей и госпиталей, о свободе и веселье.

Глаза ее загорелись, и она в задумчивости устремила их в окно, но взгляд ее упал на старый дом напротив, и она с печальной решимостью покачала головой:

– Если бы я была мальчиком, мы убежали бы вместе и отлично провели время в Вашингтоне, но я несчастная девочка, я должна блюсти приличия и оставаться дома.

Не искушай меня, Тедди, это безумный план.

– В том-то и прелесть, – начал Лори, охваченный приступом безрассудного своеволия и одержимый желанием вырваться за пределы дозволенного.

– Замолчи! – воскликнула Джо, закрывая уши. – «Жеманность и манерность» – мой удел, и я вполне готова примириться с ним.

Я пришла сюда читать нравоучения, а не выслушивать предложения, одна мысль о которых заставляет меня бежать вприпрыжку.

– Я знаю, что Мег принялась бы нагонять тоску, услышав такое предложение, но я ожидал, что у тебя больше храбрости, – начал Лори вкрадчиво.

– Скверный мальчишка, замолчи!

Сядь и подумай о своих собственных грехах и не заставляй меня множить мои.

Ну а если я добьюсь того, что твой дедушка извинится, ты бросишь мысль о побеге? – спросила Джо серьезно.

– Да, но у тебя ничего не выйдет, – ответил Лори, который хотел примирения, но чувствовал, что оскорбленное достоинство требует предварительного удовлетворения.

– Если я сумела справиться с молодым, то справлюсь и со старым, – пробормотала Джо, уходя и оставляя Лори склонившимся над железнодорожной картой и с головой, подпертой обеими руками.

– Войдите! – Грубоватый голос мистера Лоренса прозвучал еще резче, чем обычно, когда Джо постучала в дверь.

– Это всего лишь я, сэр. Пришла вернуть книжку, – вежливо сказала она, входя.

– Хочешь еще? – спросил старик; было заметно, что он мрачен и раздражен, но старается не показать этого.

– Да, пожалуйста.

Мне так понравился старый Сэм, что я, пожалуй, возьму второй том, – отвечала Джо в надежде, что сможет снискать расположение собеседника, согласившись принять вторую дозу босуэлловского «Джонсона», так как старик очень рекомендовал ей это приятное сочинение.

Косматые брови немного расправились, когда он подкатил лесенку к стеллажу, где стояли произведения Джонсона и литература о нем.

Джо вскарабкалась и, сидя на верхней ступеньке, притворилась, что ищет книгу, но на самом деле размышляла, как лучше всего подойти к опасной цели своего визита.

Мистер Лоренс, видимо, заподозрил, что у нее что-то на уме, так как, энергично пройдясь по комнате несколько раз, он обернулся к ней и заговорил так неожиданно, что «Расселас» полетел на пол вверх тормашками.

– Что натворил этот мальчишка?

И не пытайся выгораживать его.

Я знаю, что он выкинул какую-то штуку. Это было видно по тому, как он вел себя, когда вернулся домой.

Я не добился от него ни слова. А когда я пригрозил, что вытрясу из него правду, он помчался наверх и заперся у себя в комнате.

– Он поступил нехорошо, но мы простили его, и все обещали друг другу не говорить никому ни слова, – начала Джо неохотно.

– Так не пойдет; нечего ему прикрываться обещанием, выуженным у вас, мягкосердечных девочек.

Если он поступил плохо, то должен признаться, попросить прощения и быть наказан.

Выкладывай, Джо, в чем дело.

Я не желаю, чтобы меня держали в неведении.

Вид у мистера Лоренса был такой пугающий и говорил он так резко, что Джо охотно убежала бы, если б могла, но она сидела высоко на лестнице, а он стоял на полу, словно лев на ее пути, так что ей пришлось остаться и принять вызов.

– Право, сэр, я не могу вам сказать.

Мама запретила.

Лори во всем признался, попросил прощения и был наказан вполне достаточно.

Мы сохраняем все в тайне не ради него, но ради другого человека, и будет только хуже, если вы вмешаетесь.

Пожалуйста, не делайте этого; в случившемся была отчасти моя вина, но теперь все в порядке; так что давайте забудем об этом и поговорим лучше о «Рамблере» или о чем-нибудь приятном.

– Пропади он пропадом, этот «Рамблер»!

Слезай и дай мне слово, что этот безалаберный мальчишка не сделал ничего неблагодарного или дерзкого.

А если он это сделал после всей вашей доброты к нему, то я отлуплю его собственными руками.

Угроза прозвучала ужасно, но не встревожила Джо, которая знала, что вспыльчивый старик пальцем не тронет внука, как бы ни уверял в обратном.

Она послушно спустилась и постаралась пролить свет на случившееся, насколько это было возможно, не упоминая Мег и не отступая от истины.

– Гм, ха, ну, если он молчит из-за того, что обещал, а не из упрямства, я прощу его.

Он строптивый малый, и трудно с ним справиться, – сказал мистер Лоренс, приглаживая волосы, пока они не стали выглядеть так, словно он стоял лицом к ветру; суровость на его лице уступила место выражению облегчения.

– Я такая же, но доброе слово может подействовать на меня и тогда, когда всей королевской рати это не под силу, – сказала Джо, в попытке замолвить словечко за своего друга, который, казалось, выбрался из одной переделки лишь для того, чтобы тут же попасть в другую.

– Ты думаешь, что я недостаточно добр к нему, да? – прозвучал резкий ответ.

– О нет, сэр, вы, пожалуй, слишком добры иногда, но немного запальчивы, особенно когда он испытывает ваше терпение.

Вы не согласны?

Джо была намерена приступить к делу; она пыталась казаться совершенно безмятежной, хотя немного дрожала после своего смелого заявления.

К ее огромному удивлению и облегчению, старик только бросил со стуком на стол свои очки и искренне воскликнул:

– Ты права, девочка!

Я люблю его, но он испытывает мое терпение сверх всякой меры, и я не знаю, чем это кончится, если дело пойдет так и дальше.

– Я скажу вам чем.

Он убежит. – Джо пожалела об этих словах, как только они прозвучали.

Она хотела лишь предостеречь его, что Лори не смирится со слишком большими ограничениями своей свободы, и надеялась, что он будет более снисходителен к мальчику.

Но красноватое лицо мистера Лоренса вдруг изменилось, он сел, с волнением взглянув на портрет красивого мужчины, висевший над столом.

Это был отец Лори, который действительно убежал из дома в юности и женился против воли деспотичного старика.

Джо подумала, что он вспоминает и сожалеет о прошлом, и огорчилась, что не промолчала.

– Он не сделает этого, пока ему не станет неважно; он только грозит иногда, когда устает от учебы.

Я часто и сама не прочь сбежать, особенно с тех пор как у меня короткие волосы; так что, если когда-нибудь хватитесь нас, можете давать объявление о пропаже двух мальчиков и искать на кораблях, отправляющихся в Индию.

При этих словах она засмеялась, и мистер Лоренс, казалось, успокоился, очевидно приняв все за шутку.

– Ты, дерзкая девчонка, как ты смеешь так разговаривать?

Где твое почтение ко мне, где надлежащая благовоспитанность?

Ох уж эти мальчики и девочки!

Сущее наказание с ними, и, однако, мы не можем обойтись без них, – сказал он, добродушно ущипнув ее за щеку. – Пойди и приведи этого мальчишку обедать, скажи ему, что все в порядке, и посоветуй не делать трагедии.

Я этого не выношу.

– Он не придет, сэр, ему тяжело, так как вы не поверили его словам о том, что он не может рассказать о случившемся.

Я думаю, что, встряхнув его, вы очень задели его чувства.

Джо старалась говорить трогательно, но это ей, должно быть, не удалось, так как мистер Лоренс расхохотался, и ей стало ясно, что победа одержана.

– Мне жаль, что так вышло, и, вероятно, следует поблагодарить его за то, что он не встряхнул меня.

Какого ж черта этот парень хочет? – И старик взглянул на нее, чуть пристыженный из-за своей вспыльчивости.

– На вашем месте я принесла бы ему извинения в письменном виде.

Он твердит, что не спустится вниз, пока перед ним не извинятся, и говорит о Вашингтоне и прочие нелепости.

Формальное извинение покажет ему, как он глуп, и он спустится вниз во вполне дружелюбном настроении.

Попробуйте; он любит шутки, а написать лучше, чем говорить.

Я отнесу вашу записку и объясню ему, в чем его долг.

Мистер Лоренс внимательно взглянул на нее, надел очки и медленно сказал:

– Ах ты хитрая девчонка, но я не против, чтобы ты и Бесс водили меня на веревочке.

Ладно, давай бумагу и покончим с этой глупостью.

Записка была составлена в выражениях, которые мог бы употребить один джентльмен, нанесший тяжелое оскорбление другому.

Джо запечатлела поцелуй на лысине мистера Лоренса и бегом поднялась наверх, чтобы сунуть записку под дверь Лори и посоветовать ему через замочную скважину проявить смирение, благовоспитанность и прочее, уместное, но невозможное.

Дверь оставалась закрытой, и она, предоставив записке самой сделать свое дело, тихонько начала спускаться по лестнице, когда юный джентльмен, съехав по перилам, остановился внизу, ожидая ее, и сказал с самым благородным выражением лица:

– Какой ты отличный парень, Джо!

Тебе изрядно досталось? – добавил он со смехом.

– Нет, в целом он был вполне кроток.

– Ах!

Все-таки я выкрутился.

Ведь даже ты отреклась от меня, и я был готов катиться ко всем чертям, – начал он извиняющимся тоном.

– Не говори так. Переверни страницу и начни сначала, Тедди, сын мой.

– Я только и делаю, что переворачиваю и порчу все новые страницы, как прежде портил свои тетрадки; и я делаю так много начал, что у них никогда не будет конца, – ответил он с грустью.

– Иди пообедай – и тебе станет легче.

Мужчины всегда ворчат, когда голодны. – И с этими словами Джо выскользнула через парадную дверь.

– Это «дискредитация» моего пола, – отвечал Лори, цитируя Эми, и послушно отправился пообедать с дедушкой, который был совершенно невозмутим и подавляюще вежлив весь остаток дня.

Все думали, что вопрос исчерпан и набежавшее было облачко уплыло, но шалость была, и, хотя остальные забыли о ней, Мег помнила.

Она никогда не упоминала некое лицо, но думала о нем очень много и мечтала чаще, чем прежде, а однажды Джо, обшаривая стол сестры в поисках марок, нашла клочок бумаги, на котором было нацарапано:

«Миссис Маргарет Брук»; Джо трагически застонала и швырнула бумажку в огонь, чувствуя, что шалость Лори приблизила горький для нее день.

Глава 22 Счастливые луга

Последовавшие спокойные недели были словно сияние солнца после бури.

Больные быстро поправлялись, и миссис Марч начала поговаривать о возвращении отца в начале нового года.

Бесс скоро смогла целыми днями лежать на диване в кабинете; сначала она развлекалась со своими нежно любимыми кошками, а со временем занялась и шитьем для кукол, которое было так надолго заброшено.

Ее прежде бодрые ножки были такими неподвижными и слабыми, что Джо каждый день выносила ее на своих сильных руках подышать свежим воздухом.

Мег охотно пачкала и обжигала свои белые ручки, готовя изысканные кушанья для «нашей любимой», в то время как Эми, добровольная рабыня кольца, ознаменовала свое возвращение тем, что раздала столько своих сокровищ, сколько сестры после ее уговоров согласились принять.

Приближалось Рождество, и в доме завелись обычные предпраздничные секреты. Джо часто потрясала семью предложениями провести совершенно невероятные или великолепно-нелепые церемонии по случаю этого необыкновенно веселого Рождества.

Лори был столь же склонен к невыполнимым проектам и разжег бы костры, устроил фейерверки и воздвиг триумфальные арки, если бы ему было позволено действовать в соответствии с его желаниями.

После многочисленных стычек и пренебрежительного отклонения этих планов честолюбивая пара бродила с безнадежностью на лицах и считалась успешно обузданной, что отчасти опровергалось

взрывами хохота, раздававшимися, когда эти двое оставались наедине.

Несколько дней необычно мягкой погоды предвещали замечательный рождественский день.

Ханна «чувствовала в костях», что он будет необыкновенно хорошим, и показала себя настоящей пророчицей, ибо все и вся, казалось, были намерены обеспечить празднику грандиозный успех.

Прежде всего – мистер Марч написал, что скоро будет с ними; потом Бесс почувствовала себя необыкновенно хорошо в это утро и, одетая в мягкий красный шерстяной капот – подарок матери, – была торжественно подведена к окну, чтобы взглянуть на приношение Джо и Лори.

«Необузданные» постарались на славу, чтобы быть достойными этого имени; они, как эльфы, трудились под покровом ночи и наколдовали забавный сюрприз.

В саду стояла величественная снежная дева в венке из остролиста, с корзинкой, полной фруктов и цветов, в одной руке и большим свертком новых нот – в другой; великолепная радуга шерстяной шали была наброшена на ее холодные плечи, а изо рта исходила рождественская песнь, написанная на вымпеле из розовой бумаги:

Юнгфрау к Бесс В день Рождества от гор привет! И пусть текут рекой К тебе, моя Элизабет, Здоровье и покой.

Вот ноты – пой, гони печаль, Вот фрукты и цветы.

А в эту шерстяную шаль Закутай ножки ты.

Портрет Джоанны всех пленит Правдивостью своей.

Наш новый Рафаэль над ним Пыхтел немало дней.

Тебе мороженое шлет Прелестнейшая Мег. Оно искрится, словно лед, Как гор далеких снег. Мадам Мурлыки хвост укрась Ты лентой голубой. Она б на шейку ей пришлась, Но выбор за тобой. В моей груди – любви простор, А имя так свежо. Прими любовь и деву гор От Лори и от Джо.

Как смеялась Бесс, когда увидела ее, как быстро Лори сбегал и принес подарки и какие смешные речи произносила Джо, вручая их!

– Я так полна счастьем, что, если бы только папа был здесь, я не вместила бы ни капли больше, – сказала Бесс, удовлетворенно вздохнув, когда Джо отвела ее в кабинет отдохнуть после волнений и освежиться восхитительным виноградом, который прислала ей

«Юнгфрау».

– Я тоже, – кивнула Джо, похлопав себя по карману, где лежала долгожданная «Ундина и Синтрам».

– Я, разумеется, тоже, – эхом отозвалась Эми, сосредоточенно изучая подаренную матерью гравюру в красивой рамке – Мадонна с Младенцем.

– Конечно же, и я! – воскликнула Мег, разглаживая блестящие складки своего первого шелкового платья, так как мистер Лоренс настоял на том, чтобы подарить его ей.

– Может ли у меня быть иное чувство? – сказала с благодарностью миссис Марч, переводя взгляд с письма мужа на улыбающееся лицо Бесс и нежно касаясь рукой брошки из пепельных, золотистых, каштановых и темно-коричневых волос, которую девочки только что прикрепили ей на грудь.

Время от времени в этом скучном, сереньком мире происходят события, напоминающие восхитительную сказку, и какое в этом для нас утешение!

Полчаса спустя после того, как каждая из них сказала, что может вынести лишь еще одну каплю

счастья, эта капля была им дана.

Лори приоткрыл дверь гостиной и очень тихо просунул в нее голову.

Но он мог бы точно так же сделать сальто и выкрикнуть индейский боевой клич, потому что лицо его так сияло с трудом сдерживаемым возбуждением, а странный, прерывистый голос был столь предательски радостным, что все вскочили, хотя он сказал только:

– Еще один рождественский подарок для семейства Марч.

Не успели эти слова отзвучать, как Лори куда-то исчез, а на его месте появился высокий мужчина, укутанный до самых глаз и опирающийся на руку другого высокого мужчины, который пытался что-то произнести и не мог.

Последовало всеобщее движение, и на несколько минут все, вероятно, лишились рассудка, ибо творились самые странные вещи и никто не говорил ни слова.

Мистер Марч был скрыт из виду в объятиях четырех пар любящих рук; Джо осрамилась – она почти лишилась чувств, и Лори пришлось врачевать ее в буфетной; мистер Брук поцеловал Мег, исключительно по ошибке, как он объяснил довольно несвязно; а Эми, обычно исполненная достоинства Эми споткнулась о табурет и, не тратя времени на то, чтобы подняться, обнимала отца за ноги и лила слезы над его сапогами самым трогательным образом.

Миссис Марч была первой, кто пришел в себя; она подняла руку с предостерегающим:

– Тише!

Помните: Бесс!

Но было слишком поздно; дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился маленький красный капот – радость вдохнула силы в слабые члены, – и Бесс бросилась в объятия отца.

И не важно, что произошло сразу после этого, ибо радость переполнила сердца и лилась через край, унося горечь прошлого и оставляя лишь сладость настоящего.

Это совсем не было романтично, а сердечный смех снова привел всех в чувство, когда за дверью была обнаружена Ханна, рыдающая над жирным индюком, которого она второпях забыла переставить в плите пониже, прежде чем выскочить из кухни.

Когда смех утих, миссис Марч принялась благодарить мистера Брука за преданность и заботу о ее муже, и тут мистер Брук вдруг вспомнил, что мистеру Марчу нужен отдых, и, захватив с собой Лори, поспешно удалился.

Затем обоим больным было велено отдыхать, чем они и занялись, усевшись вдвоем в одно большое кресло и беседуя без умолку.

Мистер Марч рассказал, как он хотел сделать им сюрприз, и как доктор позволил ему воспользоваться установившейся хорошей погодой, и как заботлив был Брук, и какой он вообще достойный и честный молодой человек.

О том, почему мистер Марч сделал паузу именно в этом месте и, взглянув на Мег, которая отчаянно тыкала кочергой в огонь, устремил на жену вопросительный взгляд, я предоставляю догадываться вам, так же как и о том, почему миссис Марч чуть заметно кивнула и спросила довольно неожиданно, не хочет ли он поесть.

Джо видела и поняла этот взгляд и удалилась с мрачным видом, чтобы принести вино и крепкий бульон, хлопнув дверью и бормоча про себя:

– Терпеть не могу достойных молодых людей с карими глазами!

Никогда не было такого рождественского обеда, как в тот день.

Жирный индюк являл собой великолепное зрелище, когда Ханна принесла его наверх, фаршированного, подрумяненного, разукрашенного, столь же великолепным был и плампудинг, который просто таял во рту, а также и варенье, в котором Эми с наслаждением увязла, словно муха в горшочке с медом.

Все вышло замечательно, что было, по словам Ханны, прямо-таки счастьем:

«Потому что я так разволновалась, мэм, что истинное чудо, как это я не зажарила пудинг и не начинила индюка изюмом, не говоря уж о том, что не поставила его вариться в салфетке».

Мистер Лоренс и его внук обедали вместе с ними, а также и мистер Брук, на которого Джо смотрела мрачно и сердито, чем невероятно забавляла Лори.

Во главе стола в удобных креслах бок о бок сидели Бесс и отец, их пир был умеренным и ограничивался курицей и фруктами.

Все пили за здоровье друг друга, рассказывали разные истории, пели песни, «пробуждали воспоминания», как говорят старые люди, и время шло чудесно.

Предполагалось устроить катание на санях, но девочки не захотели расставаться с отцом, поэтому гости удалились рано, и, когда сгустились сумерки, счастливая семья уселась у огня.

– Ровно год назад мы сидели здесь и вздыхали из-за того, что нам предстояло ужасное Рождество.

Помните? – спросила Джо, прерывая недолгое молчание, которое последовало за долгой беседой на самые разные темы.

– В целом год оказался совсем неплохим! – сказала Мег, с улыбкой глядя в огонь и мысленно поздравляя себя с тем, что в обществе мистера Брука держалась с достоинством.

– Я думаю, он был довольно тяжелым, – заметила Эми, задумчиво глядя на отблески света на своем кольце.

– Я рада, что он позади, потому что теперь ты с нами, – шепнула Бесс, сидевшая на коленях у отца.

– Трудна была для вас эта дорога, мои маленькие пилигримы, особенно в конце пути.

Но вы прошли по ней мужественно, и я думаю, что совсем скоро тяжелые ноши упадут с ваших плеч, – сказал мистер Марч, глядя с отеческим удовлетворением на четыре юных лица.

– Откуда ты знаешь?

Мама рассказала тебе? – спросила Джо.

– Кое-что.

Но и соломинка показывает, куда ветер дует, и я сделал сегодня несколько открытий.

– Расскажи нам о них! – воскликнула сидевшая рядом с ним Мег.

– Вот одно из них. – И, приподняв ее руку, которая лежала на ручке его кресла, он указал на загрубевший указательный палец, на ожог на тыльной стороне кисти и на два-три твердых пятнышка на ладони. – Я помню время, когда рука эта была белой и гладкой, а твоей главной заботой было сохранить ее такой.

Она была очень красивой тогда, но для меня она гораздо красивее теперь – ведь по этим меткам я

читаю целую историю.

Тщеславие сгорело в огне, вызвавшем этот ожог, эта загрубевшая ладонь заработала для своей хозяйки нечто лучшее, чем волдыри; и я уверен, что все, сшитое этими исколотыми пальцами, проносится долго – так много усердия вложено в стежки.

Мег, дорогая, я ценю полезные женские умения, которые скорее сделают дом счастливым, чем белые ручки или модные рукоделия.

Я горжусь тем, что пожимаю эту добрую, трудолюбивую руку, и надеюсь, что меня не скоро попросят отдать ее.

Если бы Мег ожидала награды за долгие часы утомительного труда, она получила бы ее сполна в сердечном пожатии отцовской руки и его одобрительной улыбке.

– А Джо?

Пожалуйста, скажи что-нибудь хорошее, она так старалась и была очень, очень добра ко мне, – шепнула Бесс на ухо отцу.

– Несмотря на короткую стрижку, я уже не вижу «сына Джо», которого оставил год назад, – сказал мистер Марч. – Я вижу юную леди, которая прямо закалывает свой воротничок, аккуратно зашнуровывает ботинки, не свистит, не употребляет жаргонных словечек, не валяется на ковре, как делала прежде.

Сейчас у нее лицо довольно худое и бледное от долгих ночных бдений и тревоги, но мне приятно смотреть на него, потому что оно стало мягче, а голос ее тише, она не скачет, но движется плавно и так по-матерински заботится о некоей маленькой особе, что восхищает меня.

Мне, пожалуй, не хватает моей прежней буйной девочки, но, если вместо нее я получаю сильную, полезную, добросердечную женщину, я вполне удовлетворен такой заменой.

Не знаю, стрижка ли смирила нашу черную овечку, но знаю, что во всем Вашингтоне не найдется ничего настолько великолепного, чтобы я согласился расстаться с теми двадцатью пятью долларами, которые прислала мне моя добрая девочка.

Глаза Джо затуманились на мгновение, а худое лицо порозовело в свете камина, когда она выслушала похвалы отца, чувствуя, что действительно их заслужила.

– Теперь о Бесс, – сказала Эми, горячо желая, чтобы поскорее наступила ее очередь, но готовая подождать.

– Здесь ее почти совсем не осталось, и я не решаюсь сказать много из опасения, что она совсем исчезнет от смущения, хотя она уже не такая застенчивая, как прежде, – начал отец весело, но, вспомнив, как близки были они к тому, чтобы совсем потерять ее, он обнял дочь крепче и сказал нежно, прижавшись щекой к ее щеке: – Ты спасена, моя Бесс, и мы сохраним тебя, Бог даст.

После минутного молчания он взглянул вниз, на Эми, которая сидела у его ног на низенькой скамеечке, и сказал, глядя ее блестящие волосы:

– Я заметил, что Эми взяла за обедом ножку индейки, весь вечер бегала, исполняя поручения матери, уступила Мег свое место у огня, помогала всем с терпением и добродушием.

Я также заметил, что она не дуется, и не глядится в зеркало, и даже не упоминает об очень красивом колечке, которое носит. И я делаю вывод, что она научилась больше думать о других и меньше о себе и решила постараться и вылепить свой характер столь же тщательно, как лепит свои маленькие глиняные фигурки.

Я рад этому, потому что, хотя я стал бы очень гордиться какой-нибудь прекрасной статуей, сделанной ею, я буду бесконечно более горд, имея достойную любви дочь, обладающую талантом делать жизнь красивее и для себя, и для других.

– О чем ты думаешь, Бесс? – спросила Джо, после того как Эми поблагодарила отца и рассказала ему о своем колечке.

– Я сегодня читала в «Путешествии пилигрима» о том, как после многих испытаний Христиан и Верный пришли на прекрасный зеленый луг, где круглый год цвели лилии, и там они счастливо отдохнули, как мы сейчас, прежде чем продолжить свой путь до конца, – ответила Бесс и добавила, выскользнув из объятий отца и медленно направляясь к своему пианино: – Пора петь, и я хочу занять свое обычное место.

Я попробую спеть песню пастушка, которую слышали пилигримы.

Я сочинила музыку для этих стихов, потому что они нравятся папе.

И, присев к своему любимому маленькому пианино, Бесс нежно коснулась клавиш и сладким голосом, который они так боялись никогда не услышать вновь, запела под собственный аккомпанемент необычный гимн, который был единственно подходящей для нее песней: Кто низко стоит, не страшится падения; Чей скромн удел, тому гордость чужда; Тому, кто смирен, не знакомы сомненья; Господь проводник ему будет всегда.

Господь мой, доволен я тем, что имею.

И, много иль мало дано мне судьбой, Я в мире земном ни о чем не жалею, Лишь те, кто доволен, пребудут с Тобой. Для них, бескорыстных, простых пилигримов Богатство лишь бремя, что их тяготит, Не может пленить их вся роскошь, что зрима, Их Царство Господне блаженством манит.

Глава 23 Тетя Марч решает вопрос

Как пчелы, роящиеся вокруг своей матки, кружились на следующий день миссис Марч и ее дочери вокруг мистера Марча, забывая обо всем, лишь бы смотреть на дорогого больного, ухаживать за ним, слушать его, так что несчастный был на верном пути к тому, чтобы оказаться погубленным чрезмерной добротой.

И когда он сидел, обложенный подушками, в кресле возле дивана Бесс, в окружении трех остальных дочерей, а Ханна то и дело просовывала голову в дверь, чтобы «взглянуть на дорогого хозяина», ничего больше, казалось, не требовалось для полноты их счастья.

Но что-то все же было необходимо, и старшие чувствовали это, хотя никто в этом не признавался.

Мистер и миссис Марч часто следили взглядом за Мег и переглядывались с беспокойством.

У Джо случались неожиданные приступы угрюмости, и даже видели, как она потрясала кулаком перед зонтиком мистера Брука, забытым в передней.

Мег была рассеянной, робкой, молчаливой, вздрагивала, когда звонил колокольчик, и краснела при каждом упоминании имени Джона; Эми говорила:

«Все, кажется, чего-то ждут и не могут успокоиться, и это странно, так как папа дома и поправляется», а Бесс простодушно удивлялась, почему это их соседи не заходят к ним так часто, как прежде.

Лори, проходивший мимо их дома после обеда, увидел Мег у окна и, вероятно, решил разыграть мелодраму: он упал на одно колено в снег, ударял себя в грудь, рвал волосы на голове, сплетал руки, словно умоляя о каком-то благодеянии, а когда Мег велела ему перестать кривляться и уходить, он

смахнул носовым платком воображаемые слезы и, шатаясь, словно в полнейшем отчаянии, удалился за угол.

– Что этот глупец хотел изобразить? – спросила Мег со смехом, пытаясь сделать вид, что не догадывается.

– Он показывает тебе, как будет вести себя твой Джон.

Трогательно, не правда ли? – сказала Джо презрительно.

– Не говори «мой Джон», это неприлично и неправда, – но Мег задержалась на словах «мой Джон», словно они были ей приятны. – Пожалуйста, не докучай мне, Джо, я сказала тебе, что он не очень мне нравится, и больше тут сказать нечего, кроме того, что мы все друзья и так оно и останется.

– Быть по-прежнему уже не может, слова прозвучали, и после выходки Лори ты совсем иначе держишься со мной.

Я это вижу, и мама тоже; ты совсем другая и кажешься такой далекой от меня.

Я не собираюсь докучать тебе и перенесу все как мужчина, но я хочу, чтобы все было ясно и четко.

Терпеть не могу ждать, так что, если ты собираешься что-то делать, поспеши, и кончим с этим быстро, – сказала Джо раздраженно.

– Я не могу ничего сказать или сделать, пока он не заговорит, а он не сделает этого, потому что папа сказал ему, что я слишком молода, – начала Мег, склоняясь над шитьем со странной легкой улыбкой, свидетельствующей, что в этом отношении она не совсем согласна со своим отцом.

– А если он заговорит, ты не будешь знать, что ответить, и заплачешь, или покраснееешь, или дашь ему делать что он хочет, вместо того чтобы сказать твердое, решительное «нет».

– Я не так глупа и безвольна, как ты полагаешь.

Я знаю, что я должна сказать, так как уже все обдумала и ничто не застанет меня врасплох.

Неизвестно, что может случиться, и я хотела бы быть готовой ко всему.

Джо не смогла удержаться от улыбки, увидев важную мину Мег, которая была ей очень к лицу, так же как и прелестный румянец, игравший на ее щеках.

– Может быть, ты скажешь мне, что ты ему ответишь? – спросила Джо более почтительно.

– Охотно.

Тебе уже шестнадцать, ты достаточно взрослая, чтобы быть моей наперсницей, и мой опыт со временем, возможно, пригодится тебе в твоих собственных делах такого рода.

– Не собираюсь иметь никаких таких дел.

Забавно глядеть, как другие флиртуют, но я чувствовала бы себя дурой, если б взялась за это сама, – сказала Джо, испуганная этой мыслью.

– Думаю, что нет, если кто-то тебе очень понравился бы, а ты понравилась бы ему. – Мег сказала это словно про себя и взглянула на дорожку, где прежде, в летние сумерки, она часто видела прогуливающиеся влюбленные парочки.

– Кажется, ты собиралась сказать, что ты ответишь этому человеку, – сказала Джо, резко прерывая задумчивость сестры.

– О, я просто скажу, совершенно спокойно и решительно:

«Благодарю вас, мистер Брук, вы очень добры, но я согласна с отцом – я слишком молода, чтобы связывать себя каким-либо обязательством, так что, пожалуйста, оставим этот разговор и будем, как прежде, друзьями».

– Хм, да, это достаточно сдержанно и холодно!

Но я не верю, что ты так скажешь, и знаю, что он не успокоится, даже если ты так ответишь.

А если он начнет настаивать, как это делают отвергнутые поклонники в книжках, ты уступишь, чтобы его не обидеть.

– Нет, не уступлю.

Я скажу ему, что мое решение неизменно, и с достоинством выйду в другую комнату.

С этими словами Мег поднялась и собралась прорепетировать этот величественный выход, когда шаги, слышавшиеся в передней, заставили ее броситься на место и начать шить так быстро, словно жизнь ее зависела от того, кончит ли она этот шов в заданный срок.

Джо подавила смех, вызванный этим неожиданным превращением, и, когда кто-то сдержанно постучал, открыла дверь с мрачным, отнюдь не гостеприимным видом.

– Добрый день.

Я пришел за своим зонтиком... то есть узнать, как себя чувствует сегодня ваш папа, – сказал мистер Брук смущенно, переводя взгляд с одного выразительного лица на другое.

– Очень хорошо, он на вешалке, я его принесу и скажу ему, что вы здесь. – И, смешав отца и зонтик в своем ответе, Джо выскользнула из комнаты, чтобы дать Мег возможность произнести ее обдуманную речь и продемонстрировать свое достоинство.

Но как только сестра исчезла, Мег бочком начала продвигаться к двери, бормоча:

– Мама будет рада вас видеть.

Садитесь, пожалуйста, я ее позову.

– Не уходите.

Вы боитесь меня, Маргарет? – И мистер Брук взглянул на нее так огорченно, что Мег подумала, что, должно быть, сделала что-то очень невежливое.

Она покраснела до маленьких кудряшек надо лбом. Прежде он никогда не называл ее Маргарет, и она была удивлена тем, как естественно и приятно прозвучало это имя из его уст.

Желая казаться дружелюбной и непринужденной, она доверчиво протянула ему руку и сказала с признательностью:

– Могу ли я бояться, когда вы были так добры к папе?

Я очень хотела бы отблагодарить вас за это.

– Можно я скажу вам, как это сделать? – спросил мистер Брук, крепко держа маленькую руку в обеих руках и глядя на Мег сверху вниз с такой любовью в карих глазах, что сердце ее затрепетало и ей одновременно захотелось и убежать, и остаться, чтобы выслушать.

– О, нет, пожалуйста, не надо... лучше не надо, – пробормотала она, пытаясь отобрать свою руку, с испуганным видом, противоречившим ее уверениям, что она не боится.

– Я не беспокою вас, я только хочу знать, нравлюсь ли я вам хоть немножко, Мег.

Я так люблю вас, дорогая, – сказал мистер Брук нежно.

Это был тот самый момент, когда следовало произнести спокойное и достойное заявление, но Мег не произнесла его; она забыла все заготовленные слова и, опустив голову, ответила:

«Не знаю» – так тихо, что Джону пришлось наклониться, чтобы уловить этот короткий ответ.

Но он, казалось, решил, что потрудиться стоило, так как чуть заметно улыбнулся, словно был очень доволен, с благодарностью пожал пухлую ручку и сказал самым убедительным тоном:

– Постарайтесь, пожалуйста, и выясните.

Я так хочу знать! Я не могу работать с душой, пока не узнаю, ждет меня в конце моих трудов награда или нет.

– Я слишком молода, – запинаясь, выговорила Мег, удивляясь, почему все в ней так трепещет, и, пожалуй, радуясь этому ощущению.

– Я подожду, а пока вы могли бы научиться любить меня.

Это будет очень трудный урок, дорогая?

– Нет, если бы я хотела его выучить, но...

– Пожалуйста, захотите, Мег.

Я люблю учить, а это легче, чем немецкий, – прервал ее Джон, завладевая второй рукой, чтобы она не могла скрыть лица, когда он склонился, чтобы заглянуть в него.

Тон его был, как и следует, просительным, но, украдкой бросив на него робкий взгляд, Мег увидела, что глаза у него не только нежные, но и веселые, а на лице удовлетворенная улыбка человека, уверенного в успехе.

Это уязвило ее.

Глупые наставления Энни Моффат, касающиеся кокетства, пришли ей в голову, и желание властвовать, которое спит в груди даже самой лучшей из маленьких женщин, внезапно пробудилось и овладело ею.

Она чувствовала себя непривычно, была взволнованна и, не зная, что делать, поддалась этому беспричинному порыву. Отняв руки, она сказала нетерпеливо:

– Я не хочу.

Прошу вас, уйдите и оставьте меня в покое!

Бедный мистер Брук выглядел так, словно его любимый воздушный замок обрушился ему на голову, так как он никогда прежде не видел Мег в таком расположении духа, и был весьма озадачен.

– Вы говорите серьезно? – спросил он с беспокойством, последовав за ней, когда она отошла.

– Да.

Я не хочу, чтобы меня тревожили такими разговорами.

Папа говорит, что не нужно, слишком рано, и, пожалуй, не стоит.

– Но не могу ли я надеяться, что со временем вы передумаете?

Я подожду и не буду ничего говорить, пока вы все не обдумаете.

Не играйте со мною, Мег.

Я думал, что вы не такая.

– Не думайте обо мне совсем.

Я не хочу, чтобы вы думали, – сказала Мег, черпая жестокое удовлетворение в том, что испытывает терпение своего возлюбленного и свою собственную власть над ним.

Он был теперь серьезен и бледен и гораздо более похож на героев тех романов, которыми она восхищалась, но он не ударял себя по лбу и не бегал по комнате, как они.

Он просто стоял, глядя на нее так печально, так нежно, что сердце ее смягчилось вопреки ее желанию.

И я не могу сказать, что произошло бы дальше, если бы в эту интересную минуту в комнату, прихрамывая, не вошла тетя Марч.

Старая леди не могла противиться желанию увидеть племянника; выехав на прогулку, она встретила Лори, от которого узнала о возвращении мистера Марча, и решила заехать, чтобы повидаться с ним.

Все семейство было занято делами в задней части дома, и она вошла без шума, желая удивить их.

Двоих из них она удивила так сильно, что Мег вздрогнула, словно узрев привидение, а мистер Брук исчез в соседней комнате.

– Спаси и помилуй, да что ж это такое? – воскликнула старая леди, стукнув об пол своей палкой, когда перевела взгляд с бледного молодого джентльмена на красную молодую леди.

– Это друг папы.

Я так удивлена, что вижу вас! – с трудом вымолвила Мег, чувствуя, что нотации не избежать.

– Видно, что ты удивлена, – отвечала тетя Марч, усаживаясь. – Но что же такое может сказать друг отца, чтобы ты сделалась красная как пион?

Здесь что-то затевается, и я настаиваю, чтобы ты все мне рассказала. – И снова раздался стук.

– Мы просто разговаривали.

Мистер Брук пришел, чтобы забрать свой зонтик, – начала Мег, жалея, что мистер Брук и его зонтик еще не покинули благополучно стен этого дома.

– Брук?

Учитель этого мальчишки?

А!

Теперь ясно.

Я все знаю.

Джо как-то раз прочитала мне не тот абзац в одном из писем твоего отца домой, и я заставила ее все рассказать мне.

Но ты ведь не приняла его предложения, детка? – воскликнула тетя Марч с возмущенным видом.

– Тише!

Он слышит.

Может быть, я лучше позову маму? – сказала Мег, очень обеспокоенная.

– Подожди.

Я хочу кое-что сказать тебе и облегчить душу сразу.

Скажи мне, ты собираешься выйти за этого Кука?

Если ты это сделаешь, ни гроша из моих денег не получишь.

Помни это и будь благоразумна, – сказала старая леди выразительно.

Надо сказать, что тетя Марч в совершенстве владела искусством возбуждать дух противоречия даже в самых кротких людях, и с удовольствием делала это.

В лучшем из нас есть примесь своенравия, особенно когда мы молоды и влюблены.

Если бы тетя Марч принялась умолять Мег согласиться на предложение Джона Брука, та, скорее всего, объявила бы, что не желает и думать об этом, но, так как ей не допускающим возражений тоном было приказано не любить его, она немедленно решила, что полюбит.

Сердечное влечение наряду с упрямством сделали легким принятие этого решения; и без того уже очень взволнованная, Мег оказала сопротивление старой леди с необычной энергией.

– Я выйду за того, кто мне нравится, тетя, а вы можете оставить ваши деньги кому угодно, – сказала она, с решительным видом вскинув голову.

– Скажите пожалуйста!

Так-то вы принимаете мой совет, мисс!

Ты пожалеешь об этом, когда попытаешься найти рай в шалаше и потерпишь полную неудачу.

– Такая неудача будет не больше тех, что ожидают некоторых людей и в больших домах, – возразила Мег.

Тетя Марч надела очки и внимательно посмотрела на девушку, так как никогда не видела ее прежде в таком расположении духа.

Мег и сама едва ли узнавала себя; она чувствовала себя такой смелой и независимой, с такой радостью защищала Джона и утверждала свое полное право любить его, если хочет!

Тетя Марч увидела, что не так приступила к делу, и после небольшой паузы предприняла новую попытку, сказав как можно мягче:

– Мег, дорогая, будь благоразумна и прислушайся к моему совету.

Я ведь добра желаю и не хочу, чтобы ты испортила себе жизнь, сделав в самом ее начале серьезную ошибку.

Ты должна удачно выйти замуж и помочь семье; твой долг найти богатого человека, и тебе следует это осознать.

– Папа и мама так не думают, им нравится Джон, хоть он и беден.

– У твоих родителей, дорогая, житейского разума не больше, чем у двух младенцев.

– Я этому рада! – воскликнула Мег с твердостью.

Тетя Марч не обратила на это внимания и продолжила свои наставления:

– Этот Рук беден, и у него нет богатых родственников, ведь так?

– Да, так, но у него много близких друзей.

– Нельзя жить за счет близких друзей, попробуй – и увидишь, как они отдалятся.

У него нет хорошего места или должности, не так ли?

– Пока нет.

Мистер Лоренс намерен помочь ему.

– Его дружеское расположение долго не протянется.

Джеймс Лоренс – взбалмошный старик, и на него нельзя положиться.

И значит, ты собираешься замуж за человека без денег, положения в обществе или доходного занятия и будешь трудиться еще больше, чем сейчас, когда вполне могла бы прекрасно устроиться и жить без забот до конца своих дней, послушавшись меня?

Я думала, Мег, что ты умнее.

– Я не смогла бы устроиться лучше, даже если бы ждала еще полжизни!

Джон добр и умен, у него множество талантов, он готов трудиться и, конечно же, добьется успеха – ведь он такой энергичный и смелый.

Все любят и уважают его, и я горжусь тем, что он любит меня, хотя я так бедна, молода и глупа, – сказала Мег, в своей горячности выглядела она красивее, чем когда бы то ни было.

– Он знает, что у тебя есть богатые родственники, детка, вот секрет его любви, как я подозреваю.

– Тетя, как вы смеете это говорить?

Джон выше такой мелочности, и я не стану слушать вас ни минуты, если вы будете так говорить! – вскричала Мег негодуя, забыв обо всем, кроме несправедливых подозрений старой леди. – Мой Джон не стал бы жениться из-за денег, так же как и я.

Я не боюсь бедности, так как, хоть и бедная, я была счастлива до сих пор и знаю, что буду счастлива с ним, потому что он любит меня и я...

Здесь Мег остановилась, совершенно неожиданно вспомнив, что она еще ничего не решила, что она велела «своему Джону» оставить ее в покое и что он, вероятно, не может не слышать ее совершенно нелогичные заявления.

Тетя Марч была очень разгневана; она горячо желала, чтобы ее красивая племянница сделала прекрасную партию, и почему-то счастливое юное лицо девушки заставляло одинокую пожилую женщину испытывать одновременно и сожаление и озлобление.

– Ну, я умываю руки – больше меня это не касается!

Ты своевольная девчонка и не понимаешь, что ты теряешь из-за своей прихоти.

Нет, я здесь не останусь.

Ты обманула мои надежды, и у меня пропало желание видаться с твоим отцом.

Не жди ничего от меня, когда выйдешь замуж.

Пусть о тебе заботятся друзья твоего мистера Брука.

Я отступаю от тебя навсегда.

И, хлопнув дверью, тетя Марч уехала, уязвленная до глубины души.

Казалось, что она увезла с собой и всю смелость Мег, так как, оставшись одна, та на мгновение замерла в нерешительности, не зная, плакать ей или смеяться.

Не успела она решить для себя этот вопрос, как ею уже завладел мистер Брук, выпаливший, не переводя дыхания:

– Я не мог не слышать, Мег.

Спасибо вам за ваше заступничество, а тете Марч за то, что она доказала, что вы немножко меня любите.

– Я и сама не знала, как глубоко, пока она не оскорбила вас, – начала Мег.

– И мне не нужно уходить, я могу остаться и быть счастливым, могу, дорогая?

Представился новый прекрасный случай для произнесения уничтожающего ответа и торжественного выхода из комнаты, но Мег даже не подумала сделать ни то, ни другое и навеки опозорила себя в глазах Джо, кротко шепнув:

«Да, Джон» – и спрятав лицо в жилет мистера Брука.

Пятнадцать минут спустя после отъезда тети Марч Джо тихонько спустилась вниз, на мгновение замерла у двери гостиной и, не услышав ни звука, кивнула и улыбнулась с довольным выражением, сказав себе:

«Она его выпроводила, как мы и собирались. Дело сделано.

Пойду послушаю, вот посмеемся».

Но посмеяться бедной Джо не пришлось, ибо она оцепенела на пороге при виде зрелища, заставившего ее раскрыть рот почти так же широко, как и глаза.

Войти, чтобы ликовать над поверженным врагом и похвалить решительную сестру за изгнание нежеланного поклонника, – и получить такой удар: увидеть вышеупомянутого врага, безмятежно расположившегося на диване, с решительной сестрой, восседающей у него на коленях с выражением малодушной покорности на лице.

Джо судорожно втянула ртом воздух, словно ее внезапно окатили холодной водой, – противник до того неожиданно поменялся с ней ролями, что у нее захватило дух.

При этом странном звуке влюбленные обернулись и увидели ее.

Мег вскочила с видом одновременно и гордым и смущенным, но «этот человек», как называла его Джо, даже засмеялся и сказал спокойно, целуя изумленную вновь прибывшую:

– Сестра Джо, поздравьте нас!

Это было новым оскорблением, а все вместе оказалось просто невыносимо, и, обнаружив свои чувства в испуганном жесте рук, Джо исчезла без слов.

Бросившись наверх, она влетела в комнату, где были больные, и перепугала всех, трагически воскликнув:

– О, скорее! Кто-нибудь пойдите вниз!

Джон Брук ведет себя безобразно, а Мег это нравится!

Мистер и миссис Марч торопливо покинули комнату, а Джо, упав на кровать, плакала и неистово ругалась, рассказывая ужасную новость Бесс и Эми.

Младшие девочки, однако, сочли, что это приятное и интересное событие, и Джо не получила от них никакой поддержки. Поэтому она скрылась в своем убежище на чердаке и поведала все горести крысам.

Девочки не знали, что происходило в гостиной в тот вечер, но говорилось там немало, и обычно тихий мистер Брук поразил своих друзей красноречием и энергией, с которыми добивался их благосклонности; он рассказывал о своих планах и убеждал их сделать все так, как он хочет.

Звонок позвал всех к чаю, прежде чем мистер Брук завершил описание рая, который он намеревался создать для Мег, и он с гордостью повел ее к столу. Оба казались такими счастливыми, что у Джо не хватило совести ревновать или смотреть угрюмо.

Эми была под большим впечатлением от самозабвенной любви Джона и величественного вида Мег. Бесс издали улыбалась влюбленным, а мистер и миссис Марч наблюдали за юной парой с таким удовлетворением на лицах, что было совершенно очевидно, насколько права была тетя Марч, заявившая, что «житейского разума у них не больше, чем у двух младенцев».

Все ели мало, но каждый казался очень счастливым, и старая темная комната удивительно преобразилась и засияла, когда здесь началась первая в семье любовная история.

– Теперь ты не скажешь, что в нашем семействе никогда не происходит ничего приятного, правда, Мег? – сказала Эми, обдумывая одновременно, как лучше расположить влюбленных на рисунке, который собиралась начать.

– Нет, конечно, не скажу.

Сколько всего изменилось с тех пор, как я это сказала!

Кажется, что было это год назад, – ответила Мег, возносившаяся в блаженных мечтах куда выше таких банальных вещей, как хлеб и масло.

– На этот раз радости быстро идут на смену горестям, и я склонна думать, что перемены уже начались, – сказала миссис Марч. – В большинстве семей выпадает порой время, полное событий, и таким был для нас этот год, но кончился он хорошо, несмотря ни на что.

– Надеюсь, следующий кончится лучше, – пробормотала Джо, которой тяжело было видеть Мег, столь увлеченную кем-то «чужим»; Джо всем сердцем любила лишь немногих людей и очень боялась утратить их любовь, полностью или частично.

– А я надеюсь, что самый счастливый год наступит через три года.

Я уверен, это так и будет, если я доживу, чтобы осуществить мои планы, – сказал мистер Брук, улыбаясь Мег с таким видом, словно теперь для него не было невозможного.

– Но не слишком ли долго ждать? – спросила Эми, которой хотелось поскорее увидеть свадьбу.

– Мне еще многому нужно научиться, прежде чем я буду готова вести свое хозяйство, и этот срок не кажется мне долгим, – ответила Мег с пленительно серьезным выражением, какого еще никогда не видели на ее лице.

– Тебе нужно только ждать, я все сделаю сам, – сказал Джон, начиная свои труды с того, что поднял упавшую салфетку Мег с таким выражением лица, увидев которое Джо покачала головой, а затем, когда хлопнула парадная дверь, с облегчением сказала себе:

«Вот идет Лори».

Теперь-то мы услышим что-нибудь разумное».

Но Джо ошиблась, ибо Лори вбежал в комнату преисполненный энтузиазма, с великолепным букетом для «миссис Маргарет Брук» и в счастливом заблуждении, что все закончилось благополучно исключительно благодаря его замечательному руководству.

– Я знал, что Брук сделает все, как задумал; если уж он решился на что-нибудь, можно считать, что дело сделано, пусть хоть небеса упадут на землю, – сказал Лори после того, как вручил подарок и принес искренние поздравления.

– Весьма признателен за такую рекомендацию.

Я принимаю ее как счастливое предсказание и сразу же приглашаю тебя на свадьбу, – отвечал мистер Брук, который чувствовал себя примирившимся со всем человечеством, включая даже своего озорного ученика.

– Я приеду, даже если буду на краю земли; один вид лица Джо, какое будет у нее по случаю этого события, вполне будет стоить долгого путешествия.

У вас не праздничный вид, мэм, в чем дело? – спросил Лори, следуя за ней в другой угол гостиной, куда все перешли, чтобы приветствовать старого мистера Лоренса.

– Я не одобряю этот брак, но решила примириться с ним и больше не скажу ни слова возражения, – заявила Джо торжественно. – Ты не знаешь, как для меня тяжело уступить ему Мег, – продолжила она с легкой дрожью в голосе.

– Ты не уступаешь ее, вы делите ее пополам, – сказал Лори в утешение.

– Теперь уж никогда не быть тому, что было.

Я потеряла самого дорогого друга, – вздохнула Джо.

– Ну что ж, во всяком случае, у тебя есть я.

Не на многое гожусь, знаю, но я останусь с тобой, Джо, до конца моих дней.

Честное слово! – И Лори был при этом совершенно искренен.

– Я знаю и очень благодарна.

Ты всегда приносишь мне утешение, Тедди, – отвечала Джо, с чувством пожимая ему руку.

– Ну а теперь не грусти, будь молодцом.

Все в порядке, ты же видишь.

Мег счастлива, Брук сразу закрутится и быстро где-нибудь устроится, дедушка ему поможет, и будет очень весело, когда мы увидим Мег в ее собственном маленьком домике.

И мы отлично будем жить, так как пройдет лишь немного времени после ее отъезда – и я окончу университет, и тогда мы поедem куда-нибудь за границу.

Разве это не утешит тебя?

– Пожалуй, да, но кто знает, что может случиться за три года? – сказала Джо задумчиво.

– Это правда.

Ты не хотела бы заглянуть в будущее и увидеть, где мы все окажемся тогда?

Я хотел бы, – ответил Лори.

– Думаю, что нет, ведь там я могла бы увидеть что-нибудь печальное, а сейчас все так счастливы.

Я не верю, что им может быть лучше. – И Джо обвела комнату медленным взглядом, лицо ее прояснилось, так как зрелище было приятным.

Папа и мама сидели рядом, переживая заново первую главу романа, начавшегося для них двадцать лет назад.

Эми рисовала юных влюбленных; они сидели в сторонке, погружившись в собственный счастливый мир; свет его озарял их лица с чарующей прелестью, которую маленькая художница не могла передать в своем рисунке.

Бесс лежала на диване, оживленно беседуя со своим старым другом мистером Лоренсом; он держал ее маленькую руку так, словно чувствовал, что она обладает силой вести его тем мирным путем, которым идет его кроткая подруга.

Джо с серьезным, спокойным выражением, которое шло ей больше всего, сидела откинувшись в своем любимом низком кресле. Облокотясь о его спинку, стоял Лори, с подбородком на уровне ее кудрявой головы, улыбался с самым дружеским выражением и кивал ей, глядя в высокое зеркало, отражавшее их обоих.

И здесь опускается занавес, скрывая от нас Мег, Джо, Бесс и Эми.

Поднимется ли он вновь, зависит от того, какой прием будет оказан первому акту семейной драмы под названием «Маленькие женщины».

Часть 2

Глава 1

Поговорим о старых знакомых

Чтобы вновь начать наш рассказ и в приятном расположении духа подойти к описанию свадьбы Мег, будет, вероятно, вполне разумно предварительно немного посудачить о делах семейства Марч.

И здесь позвольте мне сразу заметить, что, если кто-либо из представителей старшего поколения, читая эту историю, сочтет, что в ней «слишком много про любовь» (не думаю, чтобы такой упрек высказали мне мои юные читатели), мне остается лишь отвечать вместе с миссис Марч:

«Чего же еще можно ожидать, если в доме четыре жизнерадостные девочки и порывистый и энергичный молодой сосед?»

Прошедшие три года внесли мало перемен в спокойную жизнь семьи.

Война была окончена, а мистер Марч, благополучно оказавшись дома, занялся своими книгами и делами вверенного его заботам маленького прихода, который обрел в своем пастыре священника по призванию и милостью Божией — скромного, трудолюбивого человека, богатого той мудростью, что лучше всякой учености, той отзывчивостью, что учит обращаться ко всему человечеству со словом «братья», тем благочестием, которое становится основой характера, вызывая уважение и любовь окружающих.

Эти качества, несмотря на бедность и бескомпромиссную честность, закрывшие ему путь к житейского рода успеху, привлекали к мистеру Марчу множество замечательных людей так же естественно, как душистые травы влекут к себе пчел, и так же естественно давал он им нектар мудрости, в который пятьдесят лет тяжелых жизненных испытаний не влили ни одной капли горечи.

Серьезные и искренние молодые люди находили, что их седовласый ученый друг так же молод душой, как и они; томимые заботами женщины шли к нему со своими тревогами, уверенные, что встретят самое глубокое сочувствие, получат самый мудрый совет; грешники исповедовались в своих грехах чистому сердцем старику, получая и нагоняй и спасение души; талантливые люди находили в нем интересного собеседника; честолюбцам открывалось существование стремлений куда более благородных, чем их собственные; и даже те, кто был всецело поглощен земными интересами, признавали, что его убеждения красивы и справедливы, хоть «на них и не разбогатеешь».

На взгляд постороннего, всем в доме распоряжались пять энергичных женщин; и так оно и было в том, что касалось многих домашних дел, но скромный мудрец, сидевший среди своих книг, по-прежнему оставался главой и совестью семьи, якорем спасения и утешителем, и к нему неизменно обращались в трудную минуту эти вечно занятые, озабоченные женщины, находя в нем мужа и отца в подлинном смысле этих священных слов.

Сердца девочек были открыты матери, души — отцу, и обоим родителям, живших и трудившихся ради них с такой преданностью, дочери дарили любовью, росшей вместе с ними и связывавшей всю семью самыми нежными и дорогими узами, которые делают счастливой жизнь и которые не в силах разрушить даже смерть.

Миссис Марч все так же бодра и энергична, хотя в волосах ее больше седины, чем тогда, когда мы видели ее в последний раз, и в данное время она настолько поглощена делами Мег, что госпиталиям, где еще остается много раненых «мальчиков», и домам солдатских вдов явно не хватает ее материнских забот и благотворительных посещений.

Джон Брук в течение года мужественно исполнял свой долг перед страной, был ранен и отправлен домой, вернуться на фронт ему не позволили.

Он не получил ни чинов, ни наград, хотя вполне заслужил их, ибо с готовностью рисковал всем, что имел, а жизнь и любовь необыкновенно дороги, когда и та и другая в полном расцвете.

Смирившись со своей отставкой из армии, он посвятил все силы тому, чтобы восстановить здоровье, подготовиться к новой работе и заработать на дом, где они с Мег могли бы поселиться.

С присущими ему здравым смыслом и упорным стремлением к независимости он отказался от более заманчивых предложений мистера Лоренса и поступил в его фирму на скромную должность бухгалтера, испытывая глубокое удовлетворение от того, что начинает свою карьеру с честно заработанного жалованья, а не с банковского займа на ведение какого-либо рискованного дела.

Мег проводила время не только в ожидании будущего счастья, но и в усердных трудах, все более становясь по характеру взрослой женщиной, овладевая искусством ведения домашнего хозяйства и хорошея с каждым днем, поскольку любовь — могучий союзник красоты.

У нее были свои девичьи желания и надежды, и она испытывала некоторое разочарование от того, как скромно предстояло начаться ее новой жизни.

Незадолго до этого Нед Моффат женился на Салли Гардинер, и Мег не могла не сравнивать их великолепный дом, роскошный экипаж, множество свадебных подарков и прекрасные наряды новобрачной со своими собственными, втайне страдая от того, что не может иметь всего этого.

Но зависть и неудовлетворенность сами собой куда-то исчезали, стоило лишь ей подумать о терпении, любви и трудах, вложенных Джоном в приобретение маленького домика, ожидающего ее, и, когда они сидели вдвоем в сумерках, обсуждая свои нехитрые планы, будущее неизменно представлялось таким прекрасным и ярким, что она забывала обо всей роскоши Салли и чувствовала себя самой красивой и богатой девушкой под солнцем.

Джо так и не вернулась на должность компаньонки тети Марч: старой даме так понравилась Эми, что

она постаралась подкупить ее, предложив оплачивать уроки рисования у одного из лучших учителей, а на таких условиях Эми согласилась бы служить и гораздо более суровой госпоже.

Так что Эми отдавала утренние часы обязанности, а вечерние — удовольствию, и все шло замечательно.

Джо тем временем посвятила себя занятиям литературой и уходу за Бесс, которая оставалась очень слабой еще долго после того, как лихорадка стала делом прошлого.

Бесс не была больной в прямом смысле слова, но не была и прежним цветущим, здоровым и румяным существом. И все же, всегда полная надежды, счастливая и безмятежная, занятая исполнением своих скромных домашних обязанностей, всеобщий друг, она превратилась в доброго ангела дома задолго до того, как это поняли даже те, кто любил ее больше всего на свете.

Пока «Парящий орел» платил Джо доллар за каждую колонку ее «чепухи» (ее же собственное выражение), она чувствовала себя женщиной со средствами и усердно строчила свои маленькие романтические истории.

Но в ее кипучем уме и честолюбивой душе бродили великие планы, и в старом жестяном ящике на чердаке медленно росла кипа листов исчерканной рукописи, которой предстояло поставить имя Марч в ряд знаменитейших имен американской литературы.

Лори, послушно отправившийся в университет, чтобы доставить удовольствие дедушке, старался теперь провести четыре года учебы как можно приятнее, чтобы доставить удовольствие самому себе.

Всеобщий любимец благодаря деньгам, манерам, талантам и добрейшему сердцу, вечно вовлекавшему его в неприятные истории при каждой попытке помочь другим из подобных историй выкрутиться, он подвергался огромной опасности превратиться в испорченного повесу и, вероятно, превратился бы, как немало других подающих надежды мальчиков, если бы не обладал хранящим от зла талисманом в виде воспоминания о добром старике, живущем лишь его успехами, о заботливой женщине, следящей за ним, словно за собственным сыном, и последнее по счету, но не по важности — о четырех простодушных девушках, которые любят его, восхищаются им и верят в него всей душой.

Будучи лишь «прекрасным смертным», он, разумеется, шалил и флиртовал, становился то щеголем, то любителем водного спорта, то сентиментальным, то спортивным, в зависимости от того, что предписывала студенческая мода, зло подшучивал над другими, так же как другие над ним, употреблял жаргонные словечки, а не раз даже был опасно близок к исключению из университета.

Но так как основной причиной всех его проделок было приподнятое настроение и любовь к забавам, он всегда ухитрялся спасти положение искренним раскаянием, честным искуплением вины или неотразимой силой убеждения — искусство, которым он владел в совершенстве.

Он, пожалуй, даже гордился тем, что так часто был на волосок от провала, и ему нравилось повергать девочек в трепет рассказами о своих победах над разгневанными младшими преподавателями, важными профессорами и опасными врагами.

Студенты «нашего курса» были героями в глазах девочек, которые никогда не уставали слушать о подвигах «наших ребят» и которым часто представлялась возможность заслужить благосклонные улыбки этих великих людей, когда Лори привозил однокурсников погостить в большом особняке Лоренсов.

Эми особенно часто достаивалась высокой чести пользоваться вниманием героев, так как рано почувствовала силу своего очарования и научилась ею пользоваться.

Мег была слишком поглощена своим единственным и неповторимым Джоном, чтобы уделять внимание иным представителям сильного пола, а робкая Бесс могла лишь украдкой бросать взгляды на студентов и удивляться, как это Эми осмеливается так командовать ими, но Джо чувствовала себя в

своей стихии, и ей было нелегко удержаться от того, чтобы не подражать мужским манерам, речам и героическим поступкам, которые казались ей куда более естественными, чем все приличия, в рамках которых предписано держаться юным леди.

Джо невероятно нравилась всем мальчикам, но ни один не был влюблен в нее, хотя лишь весьма немногие воздерживались от принесения нежной дани в виде одного-двух сентиментальных вздохов на алтарь красоты Эми.

И раз речь зашла о сентиментах, мы можем вполне естественно перейти к рассказу о «голубятне».

Так назывался маленький, выкрашенный коричневой краской домик, который мистер Брук приготовил для себя и Мег.

Название домику дал Лори, утверждавший, что оно как нельзя лучше подходит для жилища нежных влюбленных, которые «не перестают ворковать и целоваться, словно голубок и горлица».

Это был крошечный домик, к которому примыкал маленький садик сзади и газончик, размером чуть больше носового платка, спереди.

Тем не менее Мег собиралась иметь фонтан, обсаженную деревьями и кустами аллею и половодье великолепных цветов; пока же фонтан был заменен старой каменной вазой, потемневшей от непогоды и очень похожей на надбитую полоскательную чашку, аллею изображали несколько молоденьких лиственниц, еще не решивших, бороться ли им за жизнь или умереть, а на мысль о половодье цветов должны были наводить ровные и частые бороздки на земле, указывающие, где были посеяны семена.

Но внутри домик был очарователен, и счастливая невеста не видела изъяна нигде — от чердака и до погреба.

Хотя, конечно, передняя была такой узкой, что, будь у молодоженов фортепьяно, оно никак не вошло бы в дом целиком, а лишь по частям, но его, к счастью, не было; в столовой с трудом можно было посадить за стол шесть человек; кухонная лестница, казалось, была специально расположена таким образом, чтобы обеспечить падение и слуг и фарфора прямо в ларь с углем.

Впрочем, стоило лишь привыкнуть к этим незначительным недостаткам, как ни один другой дом уже не мог показаться более совершенным жилищем, поскольку те, кто обставлял его, руководствовались здравым смыслом и хорошим вкусом, и результат можно было назвать в высшей степени удовлетворительным.

В гостиной не было ни мраморных столиков, ни высоких зеркал, ни кружевных занавесей, зато была простая мебель, множество книг, несколько хороших картин, подставка для цветов в эркере и немало красивых мелочей — подарков, сделанных дружескими руками и казавшихся еще прекраснее оттого, что несли на себе печать глубокой любви.

Не думаю, что мраморная Психея — подарок Лори — хоть в какой-то мере утратила свою красоту оттого, что Джон поставил ее на самодельную консоль, или что какой-либо обойщик мог задрапировать скромные муслиновые занавески более изящно, чем сделала это искусная рука Эми, или что какая-нибудь иная кладовая хранила больший запас добрых пожеланий, веселых слов и счастливых надежд, чем та, в которую Джо и миссис Марч сложили немногочисленные коробки, ящики и свертки с приданым Мег; и я глубоко уверена, что чистенькая, совершенно новая кухня не выглядела бы такой уютной и аккуратной, если бы Ханна не переставила десяток раз каждую кастрюлю и сковородку, выбирая для них наилучшее место, и не принесла бы растопку, чтобы все было готово к тому моменту, когда «миссис Брук придет к себе домой».

Я также сомневаюсь в том, что какая-либо юная мать семейства начинала супружескую жизнь с таким запасом тряпочек для вытирания пыли, разнообразных прихваточек и лоскутных мешочков, — Бесс приготовила их в таком количестве, что Мег должно было хватить их до серебряной свадьбы.

Бесс даже изобрела три вида тряпочек особой формы специально для мытья предметов свадебного сервиза.

Те, кто заказывает изготовление подобных вещей посторонним, не понимают, что они при этом теряют, ибо даже самые простые и непритязательные предметы обретают красоту, если они сделаны с любовной заботливостью, и Мег нашла немало подтверждений этой истины: в ее маленьком уютном гнездышке все, от кухонной скалки до серебряной вазы на столе в гостиной, красноречиво говорило о семейной любви и нежной предусмотрительности.

Как весело проводили они время, совместно составляя свои планы, как торжественно отправлялись все вместе за покупками, какие смешные ошибки совершали, какими взрывами хохота встречали нелепые покупки Лори!

В том, что касалось любви к проказам, этот молодой человек, хотя уже почти с университетским образованием, оставался самым настоящим мальчишкой.

Его последней причудой было, возвращаясь домой на выходные, привозить с собой какие-нибудь новейшие, полезные и хитроумные товары, необходимые юной домохозяйке.

То это был комплект замечательных зажимок для белья, ничего не зажимавших, то удивительная терка для мускатных орехов, развалившаяся на части при первой же попытке пустить ее в дело, то приспособление для чистки ножей, совершенно их все затупившее, то щетка, аккуратнейше снимавшая с ковра ворс, но оставлявшая мусор, то облегчающее труд прачки мыло, от которого с рук слезала кожа, то надежнейший клей, который намертво приклеивался только к пальцам обманутого покупателя, то разнообразные скобяные товары — от игрушечной копилки для медяков до чудесного бака, моющего посуду паром и грозящего взорваться во время этой процедуры.

Тщетно Мег умоляла его остановиться.

Джон смеялся над ним, а Джо называла «мистером Тудлем» .

Он был одержим стремлением оказать поддержку изобретательным янки и обеспечить своих друзей на будущее всеми необходимыми для жизни приспособлениями.

Так что каждая неделя приносила какой-нибудь новый нелепый сюрприз.

И вот наконец все было готово, вплоть до мыла, заботливо подобранного Эми в тон к цвету обоев в каждой спальне, и стола, накрытого Бесс для первого ужина молодоженов в новом доме.

— Ты довольна?

Ты чувствуешь себя здесь как дома? Как ты думаешь, ты будешь здесь счастлива? — спрашивала миссис Марч, когда рука об руку с Мег обходила новые владения дочери, — казалось, что теперь они привязаны друг к другу еще нежнее, чем прежде.

— Да, мама, я совершенно довольна благодаря вам всем... и так счастлива, что и сказать не могу, — ответила Мег; взгляд ее выразил больше, чем любые слова.

— Если бы только у нее была одна или две служанки, все было бы в порядке, — сказала Эми, выходя из гостиной, где пыталась решить важный вопрос, не будет ли бронзовый Меркурий лучше выглядеть на этажерке, чем на каминной полке.

— Мы с мамой уже говорили об этом, и я решила сначала попробовать вести хозяйство так, как она советует.

Работы здесь будет немного, так что, если я смогу посылать Лотти с разными поручениями да изредка попрошу ее помочь по хозяйству, у меня будет ровно столько дел, чтобы не скучать и не тосковать по дому, — ответила Мег спокойно.

— У Салли Моффат четыре служанки, — начала было Эми.

— Если бы у Мег было столько же, все не поместились бы в доме и хозяевам пришлось бы поселиться в саду в походной палатке, — перебила сестру Джо, которая, надев огромный синий передник, доводила до окончательного блеска медные дверные ручки.

— Муж Салли не бедный человек, и в ее великолепном доме присутствие множества горничных вполне оправданно, — сказала миссис Марч.

— Мег и Джон начинают скромно, но что-то говорит мне, что в этом маленьком домике их ждет не меньшее счастье, чем можно найти в самом великолепном дворце.

Молодые девушки совершают большую ошибку, если не оставляют себе иных занятий, кроме нарядов, сплетен и распоряжений по дому.

Когда я вышла замуж, мне очень хотелось поскорее сносить или порвать мои новые наряды, чтобы иметь удовольствие чинить их, так как я уже изнемогала от вышивания и разглаживания своего носового платка.

— Почему же ты не пошла в кухню «поготовить»? Салли говорит, что иногда делает это для развлечения, хотя блюда получаются никуда не годные, а слуги над ней смеются, — улыбнулась Мег.

— Я отправилась в кухню спустя некоторое время, но не для того, чтобы «поготовить», а для того, чтобы научиться у Ханны, что и как следует делать, чтобы слугам не пришлось смеяться надо мной.

Тогда я смотрела на это занятие как на игру, но позднее, когда мы уже не могли позволить себе нанимать прислугу, я была очень рада, что обладаю не только желанием, но и умением готовить простую, здоровую пищу для моих маленьких дочек.

Ты, Мег, начинаешь не так, как начинала я, но то, чему ты учишься сейчас, пригодится тебе и тогда, когда Джон станет более состоятельным человеком, потому что хозяйка любого дома, пусть даже самого великолепного, если она хочет, чтобы ей служили хорошо и честно, должна знать, как правильно выполнять ту или иную домашнюю работу.

— Конечно, мама, я совершенно согласна, — сказала Мег, почтительно выслушав это маленькое наставление, ведь даже лучшая из женщин охотно рассуждает на увлекательную тему ведения домашнего хозяйства.

— А вот эта комната моего кукольного домика нравится мне больше всех, — продолжила Мег минуту спустя, когда поднялась вместе с матерью на второй этаж и заглянула в свою маленькую бельевую.

Там стояла Бесс, которая раскладывала на полках высокие стопы снежно-белого белья и бурно радовалась такому его великому множеству.

Все три женщины засмеялись словам Мег, поскольку этот бельевой шкаф уже давно служил в семье предметом шуток.

Дело в том, что тетя Марч оказалась в весьма затруднительном положении, когда время успокоило ее гнев и заставило раскаяться в данной клятве: вы ведь помните, она заявила тогда, что если Мег выйдет замуж за «этого Брука», то не получит от нее, тети Марч, ни цента.

Тетя Марч никогда не нарушала своих клятв, а потому ей пришлось изрядно поломать голову над тем, как обойти созданное ею самое препятствие, и наконец придумала вполне удовлетворивший ее план.

Миссис Кэррол, мама Флоренс, получила деньги и указание купить, сшить и пометить огромное количество столового и постельного белья и отправить Марчам в качестве подарка невесте от самой миссис Кэррол. Распоряжение тети Марч было добросовестно исполнено, но секрет был раскрыт и очень позабавил всю семью, тем более что тетя Марч усердно старалась сохранять невинный вид и

настойчиво повторяла, что не может подарить Мег ничего, кроме старомодных жемчугов, давно обещанных первой невесте.

— Это свидетельствует о том, что у тебя есть вкус к ведению домашнего хозяйства, и мне это очень приятно.

В юности у меня была подруга, которая начала вести собственное хозяйство, имея в запасе лишь шесть простынь, но зато у нее были чаши для ополаскивания пальцев после десерта — и такое положение ее вполне устраивало, — сказала миссис Марч, поглаживая дамастовые скатерти и проявляя при этом подлинно женское умение по достоинству оценить их отличное качество.

— У меня нет ни одной чаши для ополаскивания пальцев, но этого белья, как говорит Ханна, мне хватит на всю жизнь.

— Вид у Мег был очень довольный, что, впрочем, неудивительно. — К нам идет мистер Тудль! — крикнула снизу Джо, и все поспешили навстречу Лори, чьи еженедельные визиты были заметными событиями в их тихой, спокойной жизни.

Высокий, широкоплечий молодой человек с коротко подстриженными волосами шагал к ним по дорожке большими шагами. На нем был развевающийся плащ, в руке — плоская, похожая на тазик, фетровая шляпа. Он не стал открывать калитку, чтобы не терять времени, а просто перешагнул через низкую каменную ограду и направился прямо к миссис Марч, протянув ей навстречу руки и горячо восклицая:

— Вот и я, мама!

Ну конечно, все в порядке.

— Последние слова были ответом на внимательный взгляд миссис Марч — добрый вопросительный взгляд, который его красивые глаза встретили так прямо и открыто, что маленькая церемония приветствия завершилась, как обычно, нежным материнским поцелуем.

— Для миссис Брук — с приветом от изготовителя.

Благослови тебя Господь, Бесс!

Ну и страшный же вид у тебя, Джо, в этом переднике.

Эми, ты становишься чересчур красивой для незамужней особы.

И, говоря все это, Лори вручил Мег сверток в темной бумаге, дернул кончик ленты, которой были завязаны волосы Бесс, окинул взглядом передник Джо и на мгновение замер перед Эми в позе, выражающей притворное восхищение. Затем он пожал всем руки, и начался общий разговор.

— А где Джон? — спросила Мег встревоженно.

— Задержался, чтобы получить лицензию для завтрашней церемонии, мэм.

— Кто выиграл последний матч? — спросила Джо, упорно продолжавшая, несмотря на свои девятнадцать лет, проявлять интерес ко всем мужским видам спорта.

— Мы, разумеется.

Жаль, что тебя там не было, тебе было бы на что посмотреть.

— Как поживает прелестная мисс Рэндл? — спросила Эми с многозначительной улыбкой.

— Жестока, как никогда.

Разве ты не видишь, что я весь исчах? — И Лори звонко хлопнул себя по широкой груди и издал мелодраматический вздох.

— А что это за очередная шутка?

Развяжи сверток, Мег, и посмотрим, — сказала Бесс, с любопытством разглядывая странной формы сверток.

— Очень полезный предмет домашнего обихода на случай пожара или попытки ограбления, — заметил Лори, когда дружный смех девочек приветствовал появление из свертка большой трещотки сторожа.

— Всякий раз, когда Джона нет дома, а вам, миссис Мег, случится чего-нибудь испугаться, откройте окно над парадным входом и покрутите эту вещицу над головой — и вы вмиг поднимете на ноги всех соседей.

Славная вещица, а, каково? — И Лори продемонстрировал возможности трещотки, так что все заткнули уши.

— И это ваша благодарность?

Кстати о благодарности, можете поблагодарить Ханну за спасение от гибели вашего свадебного пирога.

Я увидел, как его вносят в ваш дом, когда проходил мимо, и, если бы она мужественно не выступила на его защиту, я непременно отхватил бы от него изрядный кусок, так как пирог был необыкновенно аппетитный на вид.

— Когда же ты наконец вырастешь, Лори? — сказала Мег тоном почтенной матери семейства.

— Стараюсь изо всех сил, мэм, но боюсь, что намного вырасти мне уже не удастся; шесть футов роста — это почти предел того, чего мужчины могут достичь в наш век вырождения и упадка, — ответил молодой человек, чья голова почти касалась висевшей под потолком маленькой люстры.

— Я полагаю, было бы святотатством есть что-либо в этом абсолютно новеньком жилище, но я умираю от голода и потому предлагаю перейти в другое здание, — добавил он тут же.

— Мы с мамой собираемся подождать Джона.

Здесь остались еще кое-какие дела, — сказала Мег, торопливо удаляясь.

— Мы с Бесс идем к Китти Брайант, чтобы взять еще цветов для завтрашнего дня, — отозвалась Эми, надевая живописную шляпку на свои живописные кудри и любуясь своим отражением в зеркале.

— Пойдем, Джо, не брось человека в беде.

Я до того измотан, что мне не дойти до дома без посторонней помощи.

Нет-нет, не снимай передник, он тебе очень к лицу, — сказал Лори, когда Джо, сняв с себя и свернув предмет его особого отвращения, сунула сверток во вместительный карман своего платья и предложила своему ослабевшему другу опереться о ее руку.

— Послушай, Тедди, я хочу серьезно поговорить с тобой относительно завтрашнего дня, — начала Джо, когда они зашагали вместе по дороге.

— Ты должен пообещать вести себя хорошо и не выкидывать никаких номеров.

— Ни одного не выкину!

— И не говорить ничего смешного, когда все должны сохранять серьезность.

— Никогда не говорю ничего смешного в такие моменты.

Это по твоей части.

— И умоляю, не смотри на меня во время венчания.

А то я непременно начну хохотать.

— Тебе не будет видно меня. Ты будешь проливать такие обильные слезы, что все вокруг застелит густой туман.

— Я никогда не плачу... только иногда, когда у меня большое горе.

— Вот, например, когда приятель уезжает в университет, — вставил Лори, лукаво засмеявшись.

— Не будь спесивым павлином.

Я так только, постонала немножко, чтобы составить девочкам компанию.

— Ну разумеется.

Слушай, Джо, а как там дедушка на этой неделе?

Не сердитый?

— Ничуть.

Снова, значит, попал в историю и хочешь знать, как он к этому отнесется? — спросила Джо довольно резко.

— Джо, неужели ты думаешь, что я мог бы прямо посмотреть в лицо твоей маме и сказать:

«Все в порядке», если бы это было не так? — И Лори остановился как вкопанный, глядя на нее с возмущенным видом.

— Нет, не думаю.

— Тогда откуда вдруг такие подозрения?

Просто-напросто мне нужны деньги, — сказал Лори, снова шагая рядом с ней и умиротворенный ее дружеским тоном.

— Ты очень много тратишь, Тедди.

— Господь с тобой, дорогая, не я их трачу, они сами собой расходятся и кончаются прежде, чем я успеваю заметить, как это происходит.

— Ты такой щедрый и мягкосердечный, что всем даешь взаймы и не можешь никому сказать «нет».

Мы слышали о твоём приятеле Хеншоу и обо всем, что ты сделал для него.

Вот если бы ты всегда тратил свои деньги именно так, никто бы тебя за это не осуждал, — сказала Джо с теплотой в голосе.

— Глупости, он просто делает из мухи слона.

Ты ведь тоже не согласилась бы позволить этому отличному парню измучить себя работой до смерти только из-за того, что некому оказать ему небольшую поддержку?

— Конечно, но я не понимаю, зачем тебе иметь семнадцать жилетов и бесчисленное количество галстуков да еще и покупать новую шляпу всякий раз, когда ты едешь домой.

Я думала, период франтовства у тебя уже позади, но ты то и дело возвращаешься к нему, и каждый раз по-новому.

Сейчас это мода делать из себя страшилище — голова как жесткая половая щетка, тесный жакет, оранжевые перчатки и ботинки с грубыми квадратными носами и на двойной подошве.

Будь это уродство по крайней мере дешевым, я промолчала бы, но ведь все это стоит немалых денег, а твой вид не доставляет мне никакого удовлетворения.

Лори откинул голову назад и так безудержно расхохотался, что фетровый тазик свалился на дорогу и Джо нечаянно наступила на него. Впрочем, это оскорбление лишь дало ему удобный случай порассуждать о преимуществах приобретенного на скорую руку костюма, после того как он свернул сплюсненную шляпу и сунул ее в карман.

— Хватит нотаций, перестань, будь другом!

Мне и так нелегко пришлось на этой неделе, и я хочу хотя бы дома провести время весело.

Завтра, независимо от того, каких это потребует расходов, я оденусь как следует, и мои друзья будут смотреть на меня с удовлетворением.

— Хорошо, я оставлю тебя в покое, но лишь при условии, что ты отратишь волосы.

Я не высокомерная аристократка, но даже я не хочу, чтобы меня видели в обществе молодого человека, похожего на профессионального кулачного бойца, — заметила Джо с суровым видом.

— Этот непритязательный стиль в одежде благоприятствует учебе, именно поэтому мы сделали его своим, — возразил Лори, которого никак нельзя было обвинить в самовлюбленности, ибо он добровольно пожертвовал своими красивыми кудрями, идя навстречу требованиям моды, предписывавшей носить волосы длиной в четверть дюйма.

— Между прочим, Джо, похоже, что малыш Паркер отчаянно влюблен в Эми.

Он постоянно говорит о ней, пишет стихи и проводит время в мечтах самым что ни на есть подозрительным образом... Лучше бы ему подавить в зародыше эту маленькую страсть, не так ли? — добавил Лори доверительным тоном старшего брата.

— Конечно.

Мы не хотим никаких свадеб в нашей семье в ближайшие годы.

Спаси и помилуй, о чем только эти дети думают?! — У Джо был такой возмущенный вид, словно Эми и «малышу» Паркеру еще не исполнилось и десяти лет.

— Это такой легкомысленный век, и, право, не знаю, мэм, куда мы идем.

Ты сущий младенец, Джо, но следующей будешь ты. Выйдешь замуж, а нас оставишь горевать, — сказал Лори, качая головой по поводу современного упадка нравов.

— Не бойся.

Я не из покладистых.

Да никто и не захочет взять меня замуж, и это к лучшему, так как в семье всегда должна быть старая дева.

— Ты не дашь никому возможности даже захотеть жениться на тебе, — заметил Лори, искоса бросив на нее взгляд; румянец на его смуглом лице стал чуть ярче.

— Ты не покажешь никому нежной стороны своей души, а если кто-то и увидит ее случайно и не сможет удержаться и не показать, что ему нравится эта сторона, ты поступишь с ним, как миссис Гаммидж поступила со своим поклонником, — окатишь его ледяной водой и станешь такой колючей, что никто не осмелится не то что дотронуться, даже взглянуть на тебя!

— Не люблю я этого.

У меня слишком много дел, чтобы я стала беспокоиться о всякой чепухе. И потом, я думаю, это ужасно — так разбивать семьи.

Не будем больше об этом говорить.

Свадьба Мег совсем выбила нас из колеи, и мы не ведем разговоров ни о чем другом, кроме любви и тому подобных нелепостей.

Я не хочу раздражаться, так что лучше переменяю тему. — Было очевидно, что Джо вполне готова окатить холодной водой того, кто решится на малейший вызов.

Каковы бы ни были чувства Лори, он дал им выход в негромком протяжном свисте и пугающем предсказании которое сделал, расставаясь с ней у калитки:

— Помяни мое слово, Джо, следующей выйдешь замуж ты.

Глава 2

Первая свадьба

В то утро июньские розы у крыльца, яркие и веселые, проснулись рано, от всего сердца радуясь безоблачному небу и солнечному свету. Они были похожи на добрых маленьких соседей.

Их румяные лица сияли от возбуждения, и, покачиваясь на ветру, они шептались о том, что видели. Одни из них заглядывали в окна столовой, где накрывали праздничный стол, другие приподнимались на цыпочки, чтобы покивать и улыбнуться сестрам, наряжавшим невесту, третьи приветственно махали тем, кто входил в дом или выходил по разным поручениям в сад, на крыльцо, в переднюю, и все они — от ярчайшей розы в полном цвету до бледнейшего крошки бутона — предлагали дань красоты и аромата своей ласковой хозяйке, которая так любила их и так долго ухаживала за ними.

Мег и сама напоминала розу, так как все, что было лучшего в ее душе и сердце, как будто расцвело на ее лице в тот день, сделав ее черты еще прекраснее и нежнее и придав им очарование, которое красивее, чем сама красота.

На ней не было ни шелка, ни кружев, ни флердоранжа.

— Я не хочу выглядеть необычно или казаться принаряженной сегодня, — сказала она. — Мне не нужна пышная свадьба, пусть рядом со мной будут только те, кого я люблю, а для них я хочу и выглядеть, и быть привычной и знакомой Мег.

Свое свадебное платье она сшила сама, вкладывая в каждый стежок нежные надежды и невинные мечты девичьего сердца.

Сестры заплели в косы и уложили ее волосы, а единственным украшением, которое она приколола к платью, был букетик ландышей, любимых цветов «ее Джона».

— В этом наряде ты все та же наша родная милая Мег, только такая очаровательная и прелестная, что я крепко обняла бы тебя, если бы не боялась измять твоё платье! — воскликнула Эми, с восхищением

разглядывая сестру, когда та завершила свой туалет.

— Тогда я могу быть довольна своим нарядом.

Только прошу вас, обнимите и поцелуйте меня, все-все, и не обращайтесь внимания на платье.

Я хочу, чтобы много складок такого рода появилось на нем сегодня. — И Мег раскрыла сестрам свои объятия. Девочки на мгновение прильнули к ней с сияющими лицами, чувствуя, что новая любовь не вытеснила старой в сердце Мег.

— Теперь я собираюсь пойти и завязать Джону галстук, а потом провести несколько минут с папой в его кабинете. — И Мег сбежала вниз по лестнице, чтобы совершить эти маленькие церемонии, а затем присоединиться к матери, чем бы та ни была занята, ибо Мег хорошо знала, что, несмотря на улыбку, на материнском лице была тайная грусть, скрытая в материнском сердце, какая бывает всегда, когда первый птенец покидает родное гнездо.

А теперь, когда младшие девочки стоят вместе, завершая свой нехитрый туалет, самое удобное время рассказать о тех переменах, что произошли в их внешности за прошедшие три года, поскольку именно сейчас все три выглядят как нельзя лучше.

Джо стала гораздо менее угловатой и научилась двигаться легко, если не грациозно.

Вьющиеся волосы снова отросли и были свернуты в тяжелое кольцо, которое выглядело более привлекательно на маленькой головке, венчающей высокую фигуру, чем прежние короткие завитки.

На ее смуглых щеках свежий румянец, в глазах теплый блеск, а с ее острого языка сегодня слетают только нежные слова.

Бесс стала тоньше, бледнее и даже еще тише, чем прежде, а красивые добрые глаза кажутся больше, но в них часто мелькает выражение, огорчающее тех, кто смотрит на нее, хоть это выражение само по себе и не печальное.

Оно — печать страдания, переносимого с трогательным терпением, но Бесс редко жалуется и всегда говорит с надеждой, что «скоро ей будет лучше».

Эми по праву считается «красой семьи»: в шестнадцать лет у нее вид и манеры взрослой женщины — не красавицы, но обладающей неуловимым очарованием, которое называется изяществом.

Его замечаешь в линиях фигуры, в форме и движениях рук, в том, как ложатся складки ее платья и золотые локоны, — все, не поддающееся определению, но гармоничное и столь же привлекательное для многих, как; и сама красота.

Нос по-прежнему досаждал Эми, так как было ясно, что он уже никогда не станет греческим; огорчал ее и рот, слишком широкий, и острый подбородок.

Эти, черты, нарушавшие все каноны красоты, придавали неповторимость всему ее лицу, но она не догадывалась об этом и пыталась утешиться своим прекрасным цветом лица, ярко-голубыми глазами и роскошными, золотистыми и необыкновенно густыми, кудрями.

Все три были одеты в костюмы из тонкой серебристо-серой ткани (их лучшие летние наряды), в волосах и на груди красовались красные розы; и все три выглядели именно такими, какими себя чувствовали, — девочками со свежими лицами и счастливыми сердцами, отвлекшимися на время от повседневных дел своего полного трудов и забот существования, чтобы прочесть задумчивыми и мечтательными глазами чудеснейшую главу романа женской жизни.

Предстояло обойтись без формальностей и соблюдения строгостей этикета, все должно было быть как можно более просто, естественно и по-домашнему, так что появившаяся на пороге тетя Марч была шокирована, увидев, что сама невеста бегом спускается вниз по лестнице, чтобы приветствовать

гостью; что жених прикрепляет над дверью упавшую цветочную гирлянду, а на лестнице мелькнула фигура отца-священника, шагающего наверх с серьезной миной и бутылкой вина в каждой руке.

— Да что же это такое! — воскликнула старая дама, заняв отведенное для нее почетное место и расправляя с сильным шелестом складки своего бледно-лилового муарового платья.

— Тебя никто не должен видеть вплоть до самой последней минуты, детка.

— Моя свадьба не спектакль, тетя, и те, кто придет сюда, придут не за тем, чтобы разглядывать меня, критиковать мое платье и подсчитывать, сколько стоил мой свадебный завтрак.

Я слишком счастлива, чтобы меня заботило, что говорят и думают о моей свадьбе, и я собираюсь сделать ее такой, какой хочу... Джон, дорогой, сейчас я подам тебе молоток.

— И Мег исчезла в передней, чтобы помочь «этому Бруку» в его в высшей степени неуместном занятии.

Мистер Брук даже не сказал «спасибо», но, наклонившись, чтобы взять неромантичный инструмент, поцеловал свою прелестную невесту за створчатой дверью с таким видом, что тетя Марч поспешила вынуть носовой платок, чтобы вытереть слезы, неожиданно навернувшиеся на ее колючие старые глаза.

Послышался шум, крик и смех Аори, сопровождавшийся нарушающим все приличия восклицанием:

— Юпитер Аммон!

Джо опять опрокинула пирог! Все это вызвало суматоху, которая едва улеглась, когда в дом прибыла толпа кузин и «гости начались», как обычно говорила в детстве Бесс.

— Не позволяй этому юному гиганту подходить близко ко мне: он досаждаёт мне хуже комаров, — шепнула на ухо Эми тетя Марч, когда комнаты заполнились гостями, над которыми возвышалась коротко остриженная черная голова Лори.

— Он обещал вести себя очень хорошо сегодня и способен быть совершенно очаровательным, когда захочет, — ответила Эми и ускользнула, чтобы предупредить Геркулеса о необходимости держаться подальше от дракона, но это предупреждение привело к тому, что юный герой принялся преследовать старую даму с такой самоотверженностью, что привел ее в полнейшее смятение.

Не было никакой свадебной процессии, но, когда мистер Марч и юная пара заняли свои места под цветочными гирляндами, в комнате внезапно воцарилось молчание.

Мать и сестры толпились рядом, словно не желая расставаться с Мег; голос отца не раз прерывался от волнения, что, впрочем, лишь делало службу еще более красивой и торжественной; рука жениха заметно дрожала, и его ответов было почти не слышно, но Мег взглянула прямо в глаза мужа и сказала «да» с такой нежной доверчивостью в лице и голосе, что сердце матери дрогнуло от радости, а тетя Марч всхлипнула вслух.

Нет, Джо не заплакала, хотя был момент, когда слезы подступили к глазам. От этого проявления чувств ее спасло лишь сознание того, что Лори пристально смотрит на нее с забавным выражением лукавых черных глаз — выражением, в котором к веселью примешивалось глубокое душевное волнение.

Бесс прятала лицо на плече у матери, но Эми стояла величественно и неподвижно, словно изящная статуя, а яркий луч солнца касался ее белого лба и красного цветка в волосах, что было ей в высшей степени к лицу.

Боюсь, то, что произошло дальше, совершенно не принято в обществе, но в ту самую минуту, когда Мег была надлежащим образом повенчана, она воскликнула:

«Маме мой первый поцелуй!» — и, обернувшись к матери, с чувством поцеловала ее.

А на протяжении следующих пятнадцати минут она была больше чем когда-либо похожа на розу, так как каждый из присутствующих в полной мере воспользовался предоставленной ему привилегией поцеловать невесту — от мистера Лоренса до старой Ханны, которая, нарядная и в совершенно невероятном чепце, налетела на нее в передней, восклицая со всхлипываниями и смехом:

— Благослови тебя Бог, дорогая, тысячу раз!

И пирог ни капельки не пострадал, и все выглядит замечательно.

После этого все оживились, и каждый сказал что-нибудь блестяще остроумное или попытался сказать, чего было вполне достаточно для общего веселья, ибо все рады посмеяться, когда на душе легко.

Не было показа свадебных подарков, так как все они уже были перенесены в маленький домик, ожидавший Мег и Джона; не было и обеда из множества блюд — всего лишь небольшой завтрак, состоявший из пирога и фруктов.

Мистер Лоренс и тетя Марч пожали плечами и переглянулись с улыбкой, когда чай, лимонад и кофе оказались единственными видами нектара, который разливали три Гебы.

Никто, однако, ничего не сказал, пока Лори, настоявший на том, чтобы собственноручно подать напитки невесте, не появился возле нее с нагруженным подносом в руке и озадаченным выражением на лице.

— Неужели Джо по неосторожности перебила все бутылки с вином? — спросил он шепотом. — Или я просто нахожусь под властью иллюзии и жестоко заблуждаюсь, будто видел несколько бутылок не далее как сегодня утром?

— Нет, твой дедушка любезно прислал нам лучшее вино из своих запасов, и тетя Марч тоже, но папа оставил лишь две бутылки для Бесс на случай болезни, а остальное отправил в госпиталь.

Он считает, что вино следует употреблять только во время болезни, а мама говорит, что ни она, ни ее дочери никогда не предложат вина ни одному молодому человеку в нашем доме.

Мег говорила серьезно, но ожидала, что Лори засмеется или нахмурится. Он не сделал ни того, ни другого и, лишь бросив на нее быстрый взгляд, сказал, как всегда повинуюсь первому порыву:

— Что ж, мне это нравится!

Я знаю, сколько бед приносит вино, и хотел бы, чтобы и другие женщины поступали так же, как вы.

— Надеюсь, ты приобрел благоразумие не в результате личного опыта? — В голосе Мег прозвучало беспокойство.

— Нет, честное слово, нет.

Но и слишком хорошо обо мне думать не стоит: для меня вино не обладает прелестью соблазна.

Я рос там, где оно почти такой же обычный напиток, как вода, и почти такой же безвредный. Мне не хочется вина, но, когда красивая девушка предлагает, трудно отказаться.

— Но ведь ты откажешься ради других, если не ради себя?

Обещай мне это, Лори, чтобы у меня был еще один повод назвать сегодняшний день счастливейшим в моей жизни.

Требование столь неожиданное и столь серьезное заставило молодого человека на мгновение заколебаться; он предвидел, что его обещание может вызвать насмешки приятелей, а насмешки часто

труднее вынести, чем любые самоограничения.

Мег знала, что если он даст слово, то сдержит его во что бы то ни стало, и, чувствуя свою женскую силу, постаралась воспользоваться ею для блага своего друга.

Она молча смотрела вверх на него со счастливым лицом и выразительной улыбкой, говорившей:

«Никто и ни в чем не может отказать мне в такой день».

Лори, конечно, тоже не смог и с ответной улыбкой, протянув ей руку, сказал сердечным тоном:

— Обещаю, миссис Брук!

— Благодарю тебя от всей души!

— А я пью за осуществление твоих благих намерений, Тедди! — воскликнула Джо с одобрительной улыбкой, совершая при этом своеобразный обряд крещения: взмахнув своим стаканом, она нечаянно плеснула на Лори лимонадом.

Лимонад был выпит, обещание дано и добросовестно исполнено вопреки многим искушениям. Так внутреннее чутье помогло девочкам воспользоваться удачным моментом, чтобы оказать своему другу услугу, за которую он благодарил их всю жизнь.

После завтрака все разбрелись по двое и по трое по дому и саду, согретые теплом солнца и гостеприимства.

Мег и Джон случайно остановились в центре лужайки перед домом, и Лори тут же пришла в голову идея, осуществление которой стало заключительным аккордом этой необычной свадьбы, где все было не так, как принято в светских кругах.

— Все женатые и замужние берутся за руки и танцуют вокруг молодых, как это делается в Германии, а мы, холостяки и девицы, разбившись на пары, выделяем курбеты за кругом! — крикнул Лори, увлекая Эми в танец на садовой дорожке с таким заразительным весельем и ловкостью, что все остальные без возражений последовали их примеру.

Сначала в круг встали мистер и миссис Марч, тетя и дядя Кэррол, к ним тут же присоединились остальные, и даже Салли Моффат после минутного колебания перебросила шлейф через руку и вовлекла в круг Неда.

Но довершили всеобщее веселье мистер Лоренс и тетя Марч: когда величественный старый джентльмен торжественно подошел к старой леди танцевальным шагом, она сунула свою палку под мышку, и проворно заковыляла по лужайке, чтобы, взявшись за руки с остальными, потанцевать вокруг новобрачных, в то время как молодежь порхала по саду, словно бабочки в летний зной.

Все запыхались, и импровизированный бал завершился. Вскоре гости начали расходиться.

— Желаю тебе счастья, моя дорогая. От всей души желаю. Но думаю, что ты все-таки пожалеешь о том, что сделала, — сказала тетя Марч, а когда жених вел ее к экипажу, добавила: — Вы, молодой человек, получили сокровище, смотрите же, будьте его достойны.

— Ах, Нед, это самая прелестная свадьба из всех, на которых я была. И не могу понять почему. Ведь здесь не было ни капли роскоши и шика, — заметила, обращаясь к мужу, миссис Моффат, когда их экипаж отъезжал.

— Лори, мой мальчик, если когда-нибудь ты захочешь позволить себе подобного рода удовольствие, призови себе на помощь одну из этих девочек, и я буду вполне удовлетворен, — сказал мистер Аоренс, поудобнее устраиваясь в своем любимом кресле, чтобы отдохнуть после утренних волнений.

— Я сделаю все, что смогу, сэр, чтобы вы были довольны, — с необычной готовностью ответил Лори, аккуратно вынимая из петлицы букетик, который приколола ему Джо.

Маленький домик был совсем недалеко, и свадебным путешествием Мег стала просто тихая прогулка с Джоном по дороге от старого дома к новому.

Когда, переодевшись, она снова спустилась в гостиную, похожая в своем сером костюме и завязанной белой лентой соломенной шляпке на очаровательную квакершу, вся семья собралась вокруг нее и прощание было таким нежным, словно она и в самом деле отправлялась в далекое путешествие.

— Не думай, будто я теперь разлучена с тобой, мама, дорогая, или будто люблю тебя меньше оттого, что так глубоко люблю Джона, — сказала она, обняв мать, и глаза ее на мгновение наполнились слезами.

— Я буду каждый день приходить сюда, папа. И надеюсь, что вы будете любить меня по-прежнему, хоть я теперь и замужем.

Бесс собирается часто проводить время со мной, и остальные девочки будут забегать в гости, чтобы посмеяться над стараниями и промахами новоиспеченной домохозяйки.

Благодарю вас всех за этот счастливый день моей свадьбы.

До свидания, до свидания!

Они стояли, провожая ее взглядами, в которых было выражение любви, надежды и нежной гордости, а она шла, опираясь на руку мужа, с охапкой цветов, и июньское солнце освещало ее счастливое лицо — так началась замужняя жизнь Мег.

Глава 3

Творческие искания

Людям требуется много времени, чтобы понять разницу между талантом и гениальностью; это особенно касается честолюбивых молодых мужчин и женщин.

К Эми понимание этого различия пришло лишь в результате множества испытаний и разочарований, так как, принимая энтузиазм за вдохновение, она с юношеской дерзостью перепробовала все виды искусств.

На долгое время наступило затишье в создании «куличиков» (выражение Ханны), и Эми посвятила все свои усилия выполнению тончайших рисунков тушью и пером, проявив при этом такой вкус и мастерство, что ее изящные произведения принесли ей и удовлетворение, и доход.

Но переутомление глаз вскоре заставило художницу отложить перо и тушь и предпринять смелую попытку овладеть искусством выжигания по дереву.

Пока продолжался этот творческий порыв, семья жила в постоянном страхе перед пожаром. В любое время дня и ночи в доме ощущался запах горелого дерева, пугающе часто с чердака или из дверей сарая валил дым, повсюду в беспорядке валялись раскаленные покеры[4 - Покеры — приборы для выжигания по дереву.], и Ханна никогда не ложилась спать, не поставив у двери ведро воды и обеденный колокольчик на случай пожара.

На нижней стороне доски для разделки теста было обнаружено выполненное дерзновенной рукой лицо Рафаэля, на крышке пивной бочки появилось изображение Бахуса, поющий херувим украсил крышку ведра с сахаром, а попытки изобразить Ромео и Джульетту обеспечивали в течение некоторого времени кухонную растопку.

Переход от выжигания к маслу был вполне естественным для обожженных пальцев, и Эми с тем же

пылом принялась за живопись.

Знакомый художник снабдил ее своими старыми палитрами, кистями и красками, и она малевала вовсю, производя в огромном количестве сельские и морские пейзажи, каких никто никогда не видывал на суше и на море.

Ее чудовища, долженствовавшие изображать домашний скот, вероятно, получили бы приз на сельскохозяйственной выставке, а опасный угол наклона ее судов несомненно вызвал бы морскую болезнь у самого опытного моряка, в том случае, разумеется, если бы полнейшее пренебрежение всеми известными нормами кораблестроения и расположения оснастки не заставило бы его скорчиться в судорогах от хохота при первом же взгляде на полотно.

Смутные мальчики и темноглазые мадонны, взиравшие на вас из угла студии, напоминали творения Мурильо; маслянисто-коричневые неясные очертания лиц с огненной полоской не в том месте, где нужно, предположительно были навеяны Рембрандтом, пышущие здоровьем дамы и отечные младенцы — Рубенсом, а Тернер являлся в голубых грозах, оранжевых молниях, коричневом дожде и фиолетовых облаках с томатного цвета пятном посередине, которое могло быть солнцем или маяком, рубахой матроса или королевской мантией, как заблагорассудится зрителю.

На смену живописи пришли портреты углем, и все члены семьи висели в ряд, такие растрепанные и закоптелые, словно только что вылезли из ларя с углем.

В карандашных эскизах они стали выглядеть лучше, так как сходство с оригиналами было значительным, и волосы Эми, нос Джо, рот Мег и глаза Лори были объявлены «просто превосходными».

За этим последовало возвращение к глине и гипсу, и похожие на страшные призраки слепки ее знакомых заполняли все углы комнат и валялись с полок шкафов на головы домашним.

В качестве живых моделей удавалось заманить соседских ребятишек, однако лишь до тех пор, пока их несвязные отчеты о таинственных манипуляциях мисс Эми не превратили ее в глазах окрестных жителей в некое подобие великанши людоедки.

Ее усилия в этом направлении получили, однако, неожиданное завершение в результате несчастного случая, остудившего ее пыл.

Из-за временного отсутствия других моделей она решила сделать слепок собственной прелестной ножки, и однажды вся семья была перепугана невероятным стуком и визгом, доносившимся из сарая, и, бросившись на помощь, обнаружила, что юная энтузиастка отчаянно скачет по сараю с ногой, крепко зажатой в кастрюле с гипсом, который затвердел с неожиданной быстротой.

Освободить ногу удалось с большим трудом и не без опасности для здоровья, поскольку Джо так хохотала, расковыривая гипс, что нож вошел слишком глубоко и вонзился в бедную ножку, оставив долгую память об этом творческом опыте.

После этого происшествия Эми на некоторое время успокоилась, пока мания делать эскизы с натуры не заставила ее ежедневно отправляться на реку, в поле или в лес для «изучения натуры» и вздыхать по руинам, которые можно было бы срисовать.

Она без конца простужалась, сидя на сырой траве и заноса в альбом какой-нибудь очередной «восхитительный фрагмент», состоящий из камня, пня, гриба и сломанной ветки, или «божественную массу облаков», которая выглядела в ее альбоме как вспоротая перина.

Она жертвовала своим прекрасным цветом лица, проводя жаркие летние дни на реке, где, сидя в лодке, «изучала свет и тень», и приобрела вертикальную морщинку на лбу, пытаясь найти нужный «угол зрения» или как там это еще называется.

Если, как утверждает Микеланджело, «гений — это вечное терпение», Эми вполне могла претендовать на обладание этим божественным свойством, ибо она упорно продолжала свои искания вопреки всем препятствиям, неудачам и противодействию, твердо веря, что со временем обязательно создаст нечто заслуживающее названия «высокое искусство».

Она с удовольствием училась и многому другому, так как решила стать привлекательной и образованной женщиной даже в том случае, если ей не суждено быть великой художницей.

И здесь она преуспела больше, будучи одним из тех счастливо созданных существ, которые всем нравятся, повсюду заводят друзей и идут по жизни так легко и грациозно, что у менее удачливых людей возникает искушение поверить, будто такие баловни судьбы рождены под счастливой звездой.

Ее любили все, потому что среди ее талантов была и тактичность.

Врожденное чутье подсказывало ей, что будет приятно и правильно, поэтому она всегда говорила то, что нужно, тому, кому нужно, делала именно то, что было к месту и ко времени, и отличалась таким самообладанием, что сестры часто говорили:

«Если бы нашей Эми пришлось отправиться в королевский дворец без всякой репетиции, то она все равно знала бы, что и как там нужно делать».

Главной ее слабостью было желание возвращаться в «лучшем обществе», хотя оставалось не совсем ясным, какое именно общество «лучшее».

Деньги, положение в обществе, светские таланты и изысканные манеры были предметом ее вожделений, и ей нравилось встречаться с теми, кто всем этим обладал. При этом она часто ошибочно принимала ложь за истину и восхищалась тем, что не заслуживало восхищения.

Никогда не забывая, что она леди по рождению, Эми усердно культивировала свои аристократические вкусы и склонности, с тем чтобы, когда появится удобная возможность, она могла занять то место в обществе, которого сейчас лишала ее бедность.

«Миледи», как называли ее друзья, искренне стремилась стать истинной леди во всех отношениях и была таковой в душе, но ей еще только предстояло узнать, что ни за какие деньги нельзя купить утонченность натуры, что положение в обществе не гарантирует его обладателю благородства чувств и мыслей и что воспитанность человека чувствуется, несмотря ни на какие неблагоприятные обстоятельства, в которых он оказывается.

— Я хочу попросить тебя, мама, об одолжении, — сказала однажды Эми, входя в комнату со значительным видом.

— Да, маленькая, что такое? — отозвалась мать, в чьих глазах эта величественная юная леди по-прежнему оставалась «младшенькой».

— На следующей неделе наш рисовальный класс распускают на каникулы, и перед тем как девочки разъедутся, я хочу пригласить их провести один день у нас в гостях.

Они все безумно хотят увидеть реку, срисовать разрушенный мост и другие здешние виды, которые понравились им в моем эскизном альбоме.

Они во многих отношениях были очень добры ко мне, и я благодарна им за это, ведь все они богаты и знают, что я бедна, однако относятся ко мне как к равной.

— А почему бы им относиться к тебе иначе? — Миссис Марч задала этот вопрос с тем видом, который девочки хорошо знали и называли «видом Марии-Терезии».

— Ты не хуже меня знаешь, что почти все подчеркивают эту разницу, так что не взъерошивай перышки, мама-курочка, когда твоих цыплят клюют более яркие птички.

Гадкий утенок станет лебедем, ты же знаешь. — И Эми улыбнулась без всякой горечи, так как обладала веселым нравом и оптимистическим взглядом на жизнь.

Миссис Марч засмеялась и, успокоив свою материнскую гордость, спросила:

— Ну, мой лебедь, каков же твой план?

— Я хотела бы пригласить девочек к нам на второй завтрак, взять их прокатиться по тем местам, которые они хотели увидеть, а может быть, покатать и в лодке по реке, и устроить небольшой праздник на лоне природы.

— Вполне осуществимо.

Что ты предполагаешь подать к столу?

Пирог, бутерброды, фрукты и кофе — этого будет достаточно, я полагаю?

— Ах нет, конечно нет!

Нужны холодный язык, курица, французский шоколад, а кроме того, мороженое.

Девочки привыкли ко всему этому, и я хочу, чтобы мой завтрак был приличным и изысканным, пусть я и зарабатываю себе на жизнь трудом.

— Сколько же девочек в твоем классе? — спросила мать более сдержанно.

— Двенадцать, но полагаю, что приедут не все.

— Помилуй, детка, да тебе придется брать напрокат омнибус, чтобы катать их по окрестностям!

— Ну что ты, мама!

Приедут, вероятно, шесть или восемь — не больше, так что я найму небольшую открытую коляску и попрошу мистера Лоренса одолжить мне его «сырой жбан». — (Произношение слова «шарабан», излюбленное Ханной.)

— Все это обойдется очень дорого, Эми.

— Нет, не очень.

Я все подсчитала и за все заплачу из своих денег.

— А ты не думаешь, дорогая, что, если эти девочки давно «привыкли ко всему этому», более скромный прием оказался бы для них приятным разнообразием, да и для нас это было бы гораздо лучше, чем покупать и брать напрокат то, что нам не нужно, пытаюсь подражать тем, чей образ жизни не соответствует нашему материальному положению?

— Если мне нельзя устроить все так, как я хочу, то я вообще не хочу ничего устраивать!

Я знаю, что могу отлично осуществить мой план, если ты и девочки немного мне помогут. И не понимаю, почему мне нельзя это сделать, если я готова заплатить за все сама! — сказала Эми с решимостью, которую противодействие может превратить в упрямство.

Миссис Марч знала, что опыт — лучший учитель, и, когда это было возможно, предоставляла своим детям учиться на собственных ошибках, которых она охотно помогла бы им избежать, если бы только они не отказывались принять ее совет, словно это была английская соль или сenna.

— Хорошо, Эми, если ты так этого хочешь и знаешь, как осуществить свою затею без чрезмерного расхода денег, сил и времени, я не стану возражать.

Поговори с сестрами, и, какое бы решение вы ни приняли, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам.

— Спасибо, мама, ты всегда так добра! — И Эми ушла, чтобы изложить план сестрам.

Мег согласилась сразу и обещала свою помощь, предложив для осуществления проекта все, что имела, от самого ее маленького домика до ее парадных ложечек для соли.

Но Джо взглянула на проект в целом неодобрительно и поначалу даже на пожелала иметь ничего общего с этой затеей.

— Ну скажи на милость, зачем тебе тратить твои деньги, беспокоить семью и переворачивать вверх дном весь дом ради кучки девчонок, которым на тебя наплевать?

Я думала, у тебя достаточно гордости и здравого смысла, чтобы не пресмыкаться перед каждой смертной, которая носит французские ботинки и ездит в карете, — сказала Джо, которую отвлекли от трагической кульминации ее романа и которая поэтому была не в самом подходящем для устройства приемов расположении духа.

— Я ни перед кем не пресмыкаюсь! И терпеть не могу, когда ко мне относятся так покровительственно, как ты! — раздраженно заявила в ответ Эми; сестры по-прежнему ссорились, когда возникали подобные вопросы.

— Эти девочки любят меня, а я их, и у них много доброты, рассудительности и таланта, несмотря на то, что ты называешь «светской чепухой».

Ты не хочешь нравиться людям, бывать в хорошем обществе, совершенствовать свои манеры и развивать свои вкусы.

А я хочу. И я намерена извлечь все, что можно, из каждого случая, какой мне представится.

Ты можешь идти по жизни, выставив локти и задрав нос, и называть это независимостью, если тебе нравится.

Но это не для меня.

Когда Эми давала волю языку и чувствам, она обычно одолевала в споре, поскольку здравый смысл почти всегда оказывался на ее стороне. К тому же Джо действительно довела свою любовь к свободе и презрение к условностям до такой степени, что ее поражение в этой стычке было неизбежно.

Определение, которое дала Эми представлению Джо о независимости, было столь удачным выпадом, что обе не удержались от смеха, и дискуссия приняла более дружеский характер.

Хоть и очень неохотно, Джо в конце концов дала согласие пожертвовать день на светские условности и помочь сестре в том, что продолжала по-прежнему считать «дурацкой затеей».

Приглашения были разосланы, почти все приняты, и следующий понедельник назначен днем грандиозного события.

Ханна была не в духе, оттого что привычный еже-недельный порядок ее работы был нарушен, и предрекала, что «коли стирка и глажка не сделаны в срок, так и ничто другое хорошо не пойдет».

Нарушение ритма работы машины домашнего хозяйства плохо отразилось на начинании в целом, но девизом Эми было

«Nil desperandum», и, приняв решение, она продолжала идти к цели, несмотря на все препятствия.

Начать с того, чтостряпня Ханна оказалась на редкость неудачной: курица была жесткая, язык пересоленным, шоколад не пенился.

Пирог и мороженое обошлись дороже, чем предполагала Эми, то же самое касалось и экипажа. Разные прочие расходы, казавшиеся поначалу пустячными, сложившись, образовали пугающую сумму.

Бесс простудилась и слегла в постель; у Мег было необычно много посетителей, и она не могла отлучиться из дома; Джо была до того погружена в собственные мысли, что всякого рода поломки, катастрофы и ошибки оказались на редкость многочисленны, серьезны и досадны. — Если бы не мама, я не выдержала бы всего этого, — объявила Эми впоследствии и с благодарностью вспоминала о помощи матери даже тогда, когда «лучшая шутка сезона» уже была забыта всеми остальными участниками событий.

В случае если понедельник окажется дождливым, гости должны были перенести свой визит на вторник — договоренность, рассердившая Джо и Ханну до последней степени.

В понедельник утром погода была неустойчивой, что обычно раздражает куда больше, чем упорный неизменный дождь.

То моросило, то светило солнышко, то поднимался ветер, и погода никак не могла принять решение, что делать дальше, пока наконец не стало слишком поздно и всем остальным принимать подобное решение.

Эми встала на заре, заставила всех домашних вскочить с постелей и наспех позавтракать, чтобы можно было поскорее подготовить дом к приему гостей.

Парадная гостиная поразила ее своим убогим видом, и, не теряя времени даже на то, чтобы повздыхать о том, чего у нее не было, она постаралась извлечь максимум возможного из того, что у нее было: расставила стулья так, чтобы они закрывали потертые места на ковре, прикрыла пятна на стенах картинками в плетеных рамках и заполнила пустые углы скульптурами домашнего изготовления, что придало комнате вид художественного салона, так же как и полные прелестных цветов вазы, которые Джо расставила, где только было можно.

Стол, накрытый для гостей, выглядел замечательно, и, обозревая его, Эми всей душой надеялась, что блюда окажутся хороши на вкус и что взятые напрокат стекло, фарфор и серебро благополучно вернутся к своим хозяевам.

Экипажи ожидались в срок. Мама и Мег были готовы встретить гостей; Бесс оправилась от простуды настолько, что могла помогать Ханне за кулисами; удалось также убедить Джо быть настолько оживленной и любезной, насколько это могли позволить рассеянность, головная боль и крайне неодобрительное отношение ко всем и вся. И когда Эми, уже усталая, одевалась в свое лучшее платье, она пыталась ободрить себя мыслями о той счастливой минуте, когда завтрак будет благополучно завершен и она уедет со своими подругами, чтобы посвятить день обзору живописных окрестностей, так как считала «сырой жбан» и руины моста выигрышными моментами своего плана.

За этим последовали два часа томительной неопределенности, в течение которых она бродила из гостиной на крыльцо и обратно, в то время как общественное мнение менялось вместе с направлением флюгера на крыше.

Начавшийся в одиннадцать часов проливной дождь, вероятно, не вызвал энтузиазма у юных художниц, которые должны были приехать в полдень. Никто из гостей так и не появился, и в два часа дня измученные ожиданием члены семьи сели за стол в лучах яркого солнца, чтобы поглотить скоропортящиеся блюда во избежание убытка.

— Но уж сегодня погода не вызывает сомнений. Они конечно же приедут, так что мы должны поскорее приготовить все необходимое, — сказала Эми, когда солнце разбудило ее на следующее утро.

Она старалась говорить бодро, но втайне жалела, что предоставила подругам возможность перенести визит на вторник, поскольку ее энтузиазм, так же как и ее пирог, давно остыл.

— Нигде не смог достать омара, так что, дорогая, придется сегодня обойтись без салата, — сказал мистер Марч, когда полчаса спустя вошел в дом с выражением спокойной безнадежности на лице.

— В таком случае можно использовать курицу; то, что она жестковата, не будет заметно в салате, — посоветовала миссис Марч.

— Ханна на минуточку оставила курицу на столе, и котята добрались до нее.

Мне очень жаль, Эми, — добавила Бесс, по-прежнему остававшаяся покровительницей кошек.

— Тогда без омара нельзя, одного лишь языка недостаточно, — заявила Эми решительно.

— Помчаться в город и купить омара? — предложила Джо с великодушием мученика.

— Ты, пожалуй, еще явишься, держа его под мышкой и даже не завернутого в бумагу, только чтобы досадить мне.

Я поеду за ним сама, — ответила Эми, начиная терять самообладание.

Спрятав лицо под густой вуалью и вооружившись изящной дорожной корзинкой, она отправилась в путь, полагая, что прохладный утренний воздух успокоит ее смятенный дух и даст сил для предстоящих трудов этого дня.

После некоторой задержки предмет ее вожделений был добыт, так же как и бутылка соуса, чтобы избежать дальнейшей потери времени по возвращении домой, и она пустилась в обратный путь, очень довольная своей предусмотрительностью.

Так как в омнибусе был всего лишь еще один пассажир — сонная старая дама, Эми сунула вуаль в карман и коротала скучную дорогу, пытаясь разобраться, куда ушли все ее деньги.

Она была так поглощена своей бумажкой, заполненной упрямыми цифрами, что даже не заметила нового пассажира, который сел в экипаж прямо на ходу. Неожиданно мужской голос произнес:

«Доброе утро, мисс Марч», и, подняв голову, она увидела одного из самых элегантных университетских друзей Аори.

Горячо надеясь, что он выйдет из омнибуса раньше ее, Эми полностью игнорировала стоящую у ее ног корзинку. Внутренне поздравив себя с тем, что одета в новое дорожное платье, она ответила на приветствие молодого человека со всей своей обычной учтивостью и достоинством.

Беседа шла замечательно, так как главное опасение, мучившее Эми, вскоре исчезло: она узнала, что молодой человек выходит первым. Но как раз в тот момент, когда она говорила что-то особенно изысканным тоном, старая дама поднялась со своего места.

Ковыляя к двери, она опрокинула корзинку, и — о, ужас! — омар во всем своем вульгарном размере и красноте предстал пред благородными очами мистера Тюдора.

— Ей-богу, она забыла свой обед! — воскликнул ни о чем не ведающий молодой человек, заталкивая алое чудовище на место своей тросточкой и готовясь протянуть корзинку вслед старой даме.

— Пожалуйста, не надо... это... это мое, — пробормотала Эми, лицо ее было почти таким же красным, как и ее улов.

— О, вот как! Прошу прощения.

Необыкновенно красивый, не правда ли? — сказал Тюдор с огромным присутствием духа и, выражая

своим видом сдержанный интерес, что делало честь его воспитанию.

Эми мгновенно пришла в себя, смело поставила свою корзинку на сиденье и сказала, смеясь:

— Разве вам не хочется отведать салата, который из него приготовят, и взглянуть на очаровательных юных леди, которые будут его есть?

Что ж, это был ловкий ход, поскольку удалось затронуть две главные мужские слабости: омар был мгновенно окружен ореолом приятных воспоминаний, а любопытство, вызванное упоминанием об «очаровательных юных леди», отвлекло его от происшедшего комического несчастья.

— Я думаю, они с Лори будут смеяться и острить по этому поводу, но я их не услышу, и это утешает, — сказала себе Эми, когда Тюдор раскланялся и вышел из омнибуса.

Дома она не упомянула об этой встрече (хотя обнаружила, что, когда корзинка опрокинулась, ее новое платье заметно пострадало от соуса, струйки которого оставили извивающиеся следы на подоле), но продолжила необходимые приготовления, которые теперь казались более утомительными и скучными, чем прежде, и к полудню все было готово.

Чувствуя, что соседи уже заинтересовались ее передвижениями и маневрами, она желала загладить воспоминания о вчерашней неудаче грандиозным успехом сегодняшнего дня, а потому распорядилась подать «сырой жбан» и торжественно выехала навстречу гостям, чтобы сопроводить их на банкет.

— Стук колес! Они едут!

Я выйду на крыльцо, чтобы их встретить.

Я так хочу, чтобы бедная девочка хорошо провела время после всех этих испытаний, — сказала миссис Марч, выходя из парадной двери.

Но, бросив на дорогу один-единственный взгляд, она отступила в переднюю с не поддающимся описанию выражением лица: почти затерявшись в большом экипаже, сидели Эми и еще одна девочка.

— Беги, Бесс, и помоги Ханне убрать половину еды со стола.

Это будет чересчур нелепо — выставить завтрак на двенадцать персон перед одной гостьей! — крикнула Джо, опускаясь до раздражения и слишком взволнованная, чтобы посмеяться над комизмом положения.

Вошла Эми, совершенно спокойная и очаровательно любезная по отношению к своей единственной гостье, сдержавшей обещание; остальные члены семьи, обладая актерскими способностями, так же хорошо сыграли свои роли, и мисс Элиот нашла их весьма жизнерадостными людьми, поскольку им не вполне удавалось сдерживать свою веселость.

Когда приведенный в соответствие с числом гостей завтрак был с удовольствием съеден, состоялось посещение студии художницы и сада, во время которого с жаром обсуждалось искусство. Затем Эми распорядилась подать двухместную коляску (увы, не элегантный «сырой жбан»!) и катала свою подругу по окрестностям почти до заката, после чего «гости кончились».

Войдя в дом с видом очень усталым, но, как всегда, спокойным, она заметила, что все следы злосчастного пира исчезли, кроме подозрительных складок в углах рта Джо.

— Замечательная сегодня была погода, как раз для прогулки в экипаже, дорогая, — сказала мать так же вежливо и любезно, как если бы в прогулке участвовали двенадцать человек.

— Мисс Элиот — очень милая девушка и, кажется, осталась довольна, — заметила Бесс с особой теплотой.

— Не дадите ли мне с собой кусок вашего пирога?

Мне он, право, пригодился бы, у меня так много гостей в эти дни, а такого замечательного пирога мне не испечь, — сказала Мег серьезно.

— Возьми весь.

Я здесь единственная, кто любит сладкое, так что он успеет заплесневеть, прежде чем мне удастся с ним справиться, — ответила Эми со вздохом, думая о той огромной сумме, которую потратила на этот пирог.

— Жаль, что нет Лори и некому помочь нам, — начала было Джо, когда они во второй раз приступили к салату и мороженому.

Предостерегающий взгляд матери помешал дальнейшим высказываниям на эту тему, и вся семья ела в героическом молчании, пока мистер Марч не заметил мягко: — Салат был одним из любимых блюд в древности и... — Здесь общий взрыв смеха прервал изложение «истории салатов», к большому удивлению ученого мужа.

— Сложи все в корзинку и отправь к Хаммелям: немцы любят покушать.

Меня тошнит от одного вида всего этого, и вам нет никакой необходимости умирать от объедания только из-за того, что я оказалась такой душой! — воскликнула Эми, вытирая глаза.

— Я думала, умру, когда увидела вас двоих, трясущихся в этом — как там его? — словно два крошечных зернышка в большой ореховой скорлупе. А мама-то ждет целую толпу! — И, отсмеявшись, Джо вздохнула.

— Мне очень жаль, дорогая, что тебя постигло такое разочарование, но мы все очень старались, чтобы ты была довольна, — сказала миссис Марч с нежным сочувствием.

— Я удовлетворена.

Я сделала то, за что взялась, и не моя вина, что ничего не вышло.

Этим я и утешаюсь, — ответила Эми с легкой дрожью в голосе.

— Я благодарна всем вам за помощь и буду еще более благодарна, если вы не будете упоминать о случившемся, по крайней мере в ближайший месяц.

Никто и не упоминал в течение нескольких месяцев, но слова «праздник на природе» всегда вызывали общую улыбку, а на день рождения Эми получила в подарок от Лори крошечного кораллового омара, чтобы носить в виде брелока на цепочке часов.

Глава 4

Литературные уроки

Судьба неожиданно улыбнулась Джо и бросила монетку на счастье прямо на ее пути.

Не золотую, правда, но не знаю, смог ли бы целый миллион принести Джо большее счастье, чем та небольшая сумма, которую она зарабатывала сочинительством.

Каждые несколько недель она закрывалась в своей комнате, облачалась в «писательский костюм» и «погружалась в водоворот», как она это определяла, строча свой роман и вкладывая в это всю душу, так как, пока он не был закончен, она не могла обрести покой.

«Писательский костюм» состоял из черного шерстяного передника, о который она могла сколько угодно вытирать перо, и шапочки из той же ткани, украшенной веселым красным бантиком, под

которую она собирала волосы, готовясь приступить к решительным действиям.

Эта шапочка служила маяком для пытливых глаз членов семейства, которые в такие периоды старались держаться на расстоянии, лишь порой всовывая головы в дверь ее комнаты, чтобы спросить с интересом:

«Ну, как, Джо, кипит ли твой гений?»

Впрочем, они не всегда решались задать даже этот вопрос, не отметив предварительно состояние шапочки.

Если этот выразительный предмет одеяния был низко надвинут на лоб, то был ясный знак, что тяжелая работа продолжается; в моменты волнения он был ухарски сдвинут набок; а когда отчаяние охватывало автора, шапочка срывалась решительной рукой и швырялась на пол.

В такие моменты вторгшийся молча исчезал, и, пока веселый красный бантик не появлялся вновь над вдохновенным челом, никто не осмеливался обратиться к Джо.

Она отнюдь не считала себя гением, но когда ее охватывал творческий порыв, она предавалась ему с полным самозабвением и вела блаженное существование, забыв о неприятностях, заботах или плохой погоде на то время, пока оставалась в счастливом и благополучном воображаемом мире, где было полно друзей, почти столь же реальных и столь же дорогих ей, как и любой из ее друзей во плоти.

Сон бежал ее глаз, еда стояла нетронутой, день и ночь были слишком коротки, чтобы успеть насладиться счастьем, которое приходило к ней только в такие периоды. Ради этих часов стоило жить, даже если они не приносили никаких иных плодов.

Божественное вдохновение обычно длилось неделю или две, а затем она появлялась из своего «водоворота», голодная, сонная, сердитая или унылая.

Она только что пришла в себя после одного из подобных приступов, когда ее уговорили проводить мисс Крокер на публичную лекцию, и в награду за добродетель она получила новую идею.

Это была общедоступная лекция о египетских пирамидах, и Джо отчасти удивил выбор такой темы для такой аудитории, но она согласилась допустить, что какое-то огромное социальное зло будет исправлено или какая-то глубокая потребность удовлетворена раскрытием величия фараонов и их династий перед слушателями, чьи мысли были заняты ценами на муку и уголь и чьи жизни были посвящены попыткам разгадать загадки потруднее загадок Сфинкса.

Они пришли рано, и, пока мисс Крокер штопала принесенный с собой чулок, Джо пыталась развлечься, наблюдая за людьми, занимавшими одну с ними скамью.

Слева от нее сидели две матроны с массивными лбами и в соответствующих шляпках, обсуждавшие женские права и вязавшие кружева.

Чуть дальше расположилась пара скромных влюбленных, простодушно и бесхитростно державшихся за руки; мрачного вида старая дева ела мятные леденцы из бумажного пакетика, старый джентльмен дремал, накрывшись желтым платком, в порядке подготовки к предстоящей лекции.

Единственным соседом Джо справа был вдумчивого вида паренек, поглощенный чтением газеты.

Это было дешевое иллюстрированное издание, и Джо внимательно изучала ближайшее к ней произведение искусства, тщетно пытаясь догадаться, какое неслучайное стечение обстоятельств потребовало мелодраматического изображения индейца, в полной боевой раскраске падающего в пропасть вместе с вцепившимся ему в горло волком, в то время как поблизости два разъяренных молодых человека, с неестественно маленькими ступнями и большими глазами, вонзали друг в друга ножи, а встрепанная женщина с широко раскрытым ртом убегала в лес на заднем плане.

Оторвавшись на минуту от чтения, чтобы перевернуть страницу, паренек заметил, что она смотрит на него, и с мальчишеским добродушием предложил ей половину газеты, сказав грубовато: — Хочешь почитать?

История — первый сорт!

Джо приняла листок с улыбкой — даже с возрастом она так и не избавилась от привычки симпатизировать мальчикам — и вскоре уже погрузилась в обычный лабиринт любви, тайн и убийств, так как история принадлежала к тому разряду легкого чтения, в котором дается полная свобода страстям, а когда автору не хватает изобретательности, грандиозная катастрофа очищает сцену от половины действующих лиц, оставляя вторую половину ликовать по поводу гибели первой.

— Отлично, а? — сказал паренек, когда она пробежала глазами последний абзац доставшейся ей части.

— Думаю, и мы с тобой смогли бы написать не хуже, если бы попробовали, — ответила Джо, которую забавляло его восхищение этой литературной халтурой.

— Я считал бы себя счастливчиком, если б умел так писать.

Она, говорят, здорово зарабатывает на таких историях. — И он указал на имя миссис С. Л. Е. Н. Г.

Нортбери под заголовком рассказа.

— Ты ее знаешь? — спросила Джо с внезапно возникшим интересом.

— Нет, но я читал все ее рассказы и знаю парня, который работает в конторе, где печатают эту газету.

— И ты говоришь, что она хорошо зарабатывает на таких историях? — И Джо с большим почтением взглянула на возбужденную группу на рисунке и на густо усеявшие страницу восклицательные знаки.

— Еще бы!

Она знает, что людям нравится, и ей хорошо платят за то, что она пишет.

Здесь началась лекция, но Джо мало что слышала из нее, так как, пока профессор Сендс распространялся о Бельцони, Хеопсе, скарабеех и египетской письменности, она украдкой переписала адрес издателя и смело решила принять участие в объявленном газетой конкурсе на лучшую сенсационную историю и получить стодолларовый приз.

К тому времени, когда лекция кончилась и публика проснулась, Джо уже заложила фундамент своего будущего богатства (не первого в этом мире построенного с помощью пера и бумаги) и была погружена в разработку сюжета, затрудняясь относительно того, должна ли дуэль произойти до тайного побега влюбленных или после убийства.

Дома она никому не сказала о своем плане, но принялась за работу на следующий же день, к большой тревоге матери, которая всегда волновалась, когда «гений кипел».

Джо еще никогда не писала в такой манере — до сих пор она довольствовалась очень сдержанными романтическими историями для «Парящего орла», — но ейгодились ее театральные опыт и начитанность, которые дали ей некоторое представление о средствах, обеспечивающих драматический эффект, и помогли в том, что касалось сюжета, языка и костюмов персонажей.

Ее история была настолько пронизана безрассудством и отчаянием, насколько позволяло ее ограниченное знакомство с этими душевными состояниями, и, сделав местом действия Лиссабон, она избрала землетрясение в качестве подходящей и поражающей воображение развязки.

Рукопись была отправлена тайно и сопровождалась запиской, в которой скромно говорилось, что, если

история не получит приза, которого автор едва ли смеет ожидать, она была бы рада получить за его публикацию любую сумму, какую издатель сочтет приемлемой.

Шесть недель — большой срок, если приходится ждать, и еще больший, если нужно хранить секрет, но Джо терпеливо делала и то, и другое и только что начала терять надежду вновь увидеть свою рукопись, когда пришло письмо, от которого у нее совершенно захватило дух: она вскрыла конверт, и ей на колени выпал чек на сто долларов.

С минуту она сидела неподвижно, глядя на него так, словно это была змея, потом прочитала письмо и заплакала.

Я полагаю, что если бы добрейший редактор, писавший эту любезную записку, знал, какое огромное счастье он приносит ближнему, то непременно посвятил бы свои свободные часы, если они у него есть, этому приятному занятию, поскольку для Джо письмо обладало куда большей ценностью, чем деньги: оно было ободряющим, и после долгих лет упорного труда оказалось так приятно обнаружить, что чему-то она все-таки научилась, пусть даже всего лишь писать сенсационные истории.

Редко можно увидеть девушку, выступающую с более гордым видом, чем тот, что был у Джо, когда, успокоившись сама, она взволновала всю семью, появившись в гостиной с письмом в одной руке и чеком в другой, и объявила, что выиграла приз.

Разумеется, это было великое торжество, а когда историю напечатали в газете, все читали и хвалили, хотя потом отец, отметив, что и язык хорош, и сюжет оригинальный, и трагедия вызывает дрожь, все же покачал головой и сказал, как неизменный бессребреник:

— Ты можешь писать лучше Джо.

Стремись к высшему и никогда не думай о деньгах.

— А я думаю, что во всем этом деньги — самое приятное.

Что ты собираешься делать с таким богатством, Джо? — спросила Эми, с благоговением взирая на магический клочок бумаги.

— — Отправлю Бесс и маму на море на месяц или два, — ответила Джо не задумываясь. — О, замечательно! — воскликнула Бесс, хлопнув худенькими руками и глубоко вздохнув, словно жаждала свежего океанского бриза, но тут же отодвинула чек, которым взмахнула перед ней сестра. — Нет, я не могу, дорогая, это будет ужасным эгоизмом. — Ах, ты должна поехать, я только об этом и мечтаю. Для этого я и старалась и поэтому добилась успеха. У меня никогда не выходит хорошо, когда я думаю только о себе, так что если я буду работать ради тебя, это мне поможет, разве ты не понимаешь? А кроме того, маме тоже нужна перемена, но она ни за что не покинет тебя — значит, ты должна поехать. Как это будет весело, когда ты вернешься домой розовая и пухленькая, как прежде! Да здравствует доктор Джо, которая всегда излечивает своих пациентов!

И после долгих дискуссий они поехали на море, и хотя Бесс вернулась домой не такой «розовой и пухленькой», как хотелось, ей все же было гораздо лучше, а миссис Марч объявила, что чувствует себя на десять лет моложе.

Джо осталась довольна вложением своих призовых денег и с бодростью принялась за работу, твердо решив заработать еще не один такой восхитительный чек.

В тот год она заработала их несколько и начала чувствовать себя значительной силой в доме, так как колдовство пера превращало ее «чепуху» в удобства для всей семьи.

«Дочь герцога» оплатила счет мясника, «Рука призрака» расстелила новый ковер, а «Проклятие семейства Ковентри» стало благословением семейства Марч в виде бакалейных товаров и одежды.

Богатство, разумеется, в высшей степени желанная вещь, но и у бедности есть своя светлая сторона, и самое приятное, что можно извлечь из житейских трудностей, — это подлинное удовлетворение, которое приносит плодотворная работа ума и рук. И вдохновению, порожденному нуждой, мы обязаны по крайней мере половиной всего умного, красивого и полезного, что есть в этом мире.

Джо наслаждалась вкусом этого удовлетворения и перестала завидовать более богатым девушкам, черпая большое утешение в сознании того, что может обеспечить свои потребности и ей не нужно просить ни у кого ни гроша.

Ее истории не привлекли широкого внимания публики, но нашли своего читателя, и, ободренная этим обстоятельством, она решила одним решительным ударом добиться и славы и богатства.

Переписав свой роман в четвертый раз, прочитав его всем близким друзьям и предложив его со страхом и трепетом трем издателям, она наконец получила возможность продать его, но лишь при условии, что сократит его на треть и выкинет все места, которыми особенно восхищалась.

— Итак, теперь я должна либо сунуть его обратно в мой жестяной ящик — и пусть плесневеет, либо заплатить за его опубликование из своих денег, либо обкорнать, чтобы удовлетворить покупателя и получить за свой труд сколько можно.

Слава — вещь приятная, но наличные деньги — вещь более полезная, так что я хочу поставить этот вопрос на голосование нашего собрания, — сказала Джо, созвав семейный совет.

— Не порти свою книгу, девочка моя. Ты даже не знаешь, как она хороша. И идея хорошо разработана.

Пусть полежит, созреет, — так звучал совет отца, который и сам следовал в жизни тому, что проповедовал, терпеливо ожидая созревания собственных плодов и не спеша снять их даже теперь, когда они стали сладкими и мягкими.

— Мне кажется, что Джо получит больше пользы, пройдя через испытание, чем выжидая, — сказала миссис Марч.

— Критика — лучшая проверка для такого рода работы; критика выявит неожиданные достоинства и недостатки произведения Джо и поможет ей в следующий раз написать лучше.

Мы слишком пристрастны, а похвала и порицание посторонних окажутся полезными, пусть даже роман принесет мало денег.

— Да, — сказала Джо, сдвинув брови, — вот именно.

Я так долго с ним возилась. И, право, не знаю, хорош он, или плох, или так себе.

Мне будет очень полезно, если спокойные, беспристрастные люди взглянут на него и скажут мне, что они думают.

— Я не выбросила бы из него ни слова.

Ты испортишь его, если сделаешь то, что требует издатель. То, что происходит в умах людей, гораздо интереснее, чем их действия, и выйдет просто каша, если ты выкинешь те объяснения, которые есть в твоём романе сейчас, — возразила Мег, которая была твердо уверена, что книга Джо — самый замечательный из всех когда-либо написанных романов.

— Но мистер Аллен пишет:

«Откажитесь от всех пояснений, сделайте повествование ярким и драматичным и дайте самим персонажам рассказать всю историю», — перебила ее Джо, обращаясь к записке издателя.

— Поступи так, как он тебе велит; он знает, что можно продать, а мы нет.

Сделай хорошую, популярную книжку и получи столько денег, сколько дадут.

Потом, когда сделаешь себе имя, сможешь позволить себе не подчиняться правилам и вставлять в свои романы всяких философов и метафизиков, — сказала Эми, которая придерживалась сугубо практического взгляда на дело.

— Если мои герои — «философы и метафизики», — отозвалась Джо со смехом, — это не моя вина. Я ничего не знаю о подобных вещах, кроме того, что слышу иногда от папы.

А если я взяла кое-что из его мудрых мыслей и вплела в мой роман, тем лучше для меня.

А ты, Бесс? Что ты скажешь?

— Я так хотела бы увидеть его напечатанным поскорее, — вот и все, что сказала Бесс, и, говоря это, улыбнулась.

Но было и невольное ударение на последнем слове, и печальное выражение в никогда не терявших детского простодушия глазах — и сердце Джо на мгновение сжалось от страха перед грядущим несчастьем, заставив ее пуститься в свое маленькое коммерческое предприятие «поскорее».

Итак, со спартанской твердостью юная писательница положила своего первенца на стол и принялась кромсать с безжалостностью людоеда.

В надежде угодить всем она принимала все поступавшие советы и, подобно старику и его ослу в известной басне, не угодила никому.

Отцу нравилась метафизическая струя, которая незаметно для нее самой оказалась в романе, так что этой струе было позволено остаться, хотя Джо и сомневалась в правильности такого решения.

Мать полагала, что в романе многовато описаний, поэтому почти все они были выброшены, а вместе с ними и многие необходимые связующие звенья романа.

Мег восхищалась трагическими сценами, и Джо нагромождала страдания, чтобы угодить ей. Эми же возражала против шуток, и из самых лучших побуждений Джо убрала все веселые сцены, так оживлявшие мрачную историю.

Затем, чтобы довершить разрушение, она выбросила одну треть и отправила свой бедный роман, словно ощипанную малиновку, в большой, кипучий мир — попытать судьбу.

Роман был опубликован, она получила за него триста долларов, так же как и множество похвал и упреков — и то, и другое в настолько более сильных, чем она ожидала, выражениях, что они повергли ее в замешательство, и, чтобы прийти в себя, ей потребовалось некоторое время.

— Ты говорила, мама, что критика поможет мне.

Но возможно ли это, когда она так противоречива, что я не знаю, написала ли я многообещающую книгу или нарушила все десять заповедей? — восклицала бедная Джо, листая кучу газетных вырезок, внимательное чтение которых наполняло ее душу то гордостью и радостью, то гневом и неподдельным ужасом.

— Вот этот человек пишет:

«Исключительная книга, полна правды, красоты и убежденности; все в ней прекрасно, чисто, здорово», — продолжила сбита с толку писательница, — а следующий говорит так:

«Теория книги порочна; полно нездоровых фантазий, спиритических воззрений, неестественных характеров».

Но у меня не было никакой «теории», я не верю в спиритуализм, а мои характеры взяты из жизни. Не понимаю, как этот критик может быть прав... Еще один говорит:

«Это один из лучших американских романов, появившихся за многие годы» (у меня достаточно здравого смысла, чтобы так не думать), а следующий утверждает, что «хотя роман оригинален и написан с большой силой и чувством, он является опасной книгой».

Ничего подобного!..

Одни смеются, другие неумеренно хвалят, и почти все настаивают на том, что у меня была глубокая теория, которую я хотела развить, когда я всего лишь писала ради денег и удовольствия.

Уж лучше бы я опубликовала его целиком или не печатала совсем, потому что терпеть не могу, когда обо мне судят превратно.

Домашние и друзья не скупилась на похвалы и слова утешения, однако это было тяжелое время для чувствительной, пылкой Джо, которая хотела как лучше, а вышло так плохо.

И все же это испытание принесло ей пользу, так как она услышала и критику со стороны тех, чье мнение было по-настоящему ценно, — критику, которая служит лучшим уроком для начинающего писателя. А когда первая боль прошла, Джо смогла посмеяться над своей бедной книжкой, все еще, однако, веря в нее и чувствуя себя мудрее и сильнее после полученных ударов.

— Я не гений, как Китс, и это не убьет меня, — говорила она решительно. — В конце концов не я осталась в дураках, так как фрагменты, взятые прямо из реальной Жизни, были объявлены нелепыми и невозможными, а сцены, которые я создала в своей собственной глупой голове, названы «чарующе естественными и правдивыми».

Постараюсь утешиться этим, а когда буду готова, сделаю новую попытку.

Глава 5

Опыты семейной жизни

Как большинство других юных матрон, Мег начинала свою супружескую жизнь с твердой решимостью стать образцовой хозяйкой.

Джону предстояло найти дома рай, всегда видеть улыбающееся лицо жены, великолепно питаться каждый день и не знать о том, что такое потерянные пуговицы.

Она вкладывала в свой труд столько любви, энергии и оптимизма, что просто не могла не добиться успеха.

Ее рай был не из безмятежных, ибо маленькая женщина усердно хлопотала, была сверхзабочена тем, чтобы угодить мужу, и суежилась, как настоящая Марта, обремененная множеством забот.

Иногда она так уставала, что была не в силах даже улыбаться. У Джона после череды изысканных блюд расстроилось пищеварение, и он неблагодарно требовал простой пищи.

Что же до пуговиц, она скоро начала удивляться, куда они деваются, качала головой по поводу мужской беспечности и грозила заставить его самого пришивать их, чтобы посмотреть, будут ли они пришиты настолько крепко, чтобы выдержать нетерпеливые рывки и резкие движения его пальцев.

Они были очень счастливы, даже после того, как открыли, что не могут жить одной любовью.

Джон не нашел, что Мег стала менее красивой оттого, что улыбалась ему теперь из-за знакомого кофейника; и Мег вполне хватало романтичности в ежедневном прощании, хотя ее муж сопровождал поцелуй нежным вопросом:

«Что прислать домой к обеду: телятину или баранину?»

Маленький домик перестал быть разукрашенной беседкой и сделался просто домом, и юная пара скоро почувствовала, что это перемена к лучшему.

Сначала они играли в свое новенькое хозяйство и радовались, как дети; но затем Джон степенно и размеренно занялся делом, чувствуя на своих плечах всю тяжесть забот главы семьи, а Мег отложила свои батистовые капотики, надела большой передник и взялась за работу, вкладывая в нее, как уже было сказано, больше энергии, чем благоразумия.

Пока длилось увлечение кулинарией, она проработала от начала и до конца всю книгу рецептов миссис Корнелиус так, будто это был арифметический задачник, и решала каждую из задач с терпением и упорством.

Иногда приходилось приглашать мать, отца и сестер, чтобы помочь съесть чересчур обильный обед из удачно получившихся блюд, а иногда Лотти получала тайное указание отнести домой узелок неудачных кушаний, которые можно было скрыть от всех в удобных животах маленьких Хаммелей.

Вечер, проведенный с Джоном над расходными книгами, обычно приводил к временному затишью в кулинарной деятельности и приступу бережливости, когда бедного человека держали на хлебном пудинге, рагу с подливкой и подогретом кофе, испытывавшем его терпение, хотя он выносил это с заслуживающей похвалы стойкостью.

Однако, прежде чем удалось найти золотую середину, Мег добавила к своему семейному достоянию то, без чего юные пары редко обходятся, — семейную ссору.

Горя хозяйственным желанием увидеть в своей кладовой припасы домашнего изготовления, она взялась приготовить смородинный джем.

Джон получил распоряжение заказать десяток маленьких горшочков и дополнительное количество сахара, так как смородина в их садике уже созрела и предстояло заняться ею как можно скорее.

Джон твердо верил, что его жена может все, и гордился ее талантами, и поэтому решил, что ее желание должно быть исполнено и их единственный урожай ягод должен быть переведен в форму весьма приятную для употребления зимой.

В результате в маленький домик поступили четыре десятка прелестных маленьких горшочков, полбочонка сахара и маленький мальчик, чтобы собрать смородину с кустов.

Спрятав свои красивые волосы под маленький чепчик, закатав рукава до локтей и надев клетчатый передник, имевший кокетливый вид, несмотря на то, что был кухонный, юная хозяйка взялась за дело, ничуть не сомневаясь в успехе, ведь разве не видела она сотни раз, как это делала Ханна?

Количество выстроенных в ряд горшочков сначала изумило ее, но Джон так любит джем, а маленькие баночки будут так хорошо выглядеть на верхней полке — и Мег решила заполнить их все. Она провела этот долгий день, перебирая, кипятя, Протирая, процеживая и без конца крутясь возле своего джема.

Она старалась изо всех сил, она прибегла к советам миссис Корнелиус, она напрягала память, чтобы вспомнить, что делала Ханна и чего не сделала она, Мег, она снова кипятила, добавляла сахар, процеживала, но отвратительная смородина не желала «густеть».

Ей очень хотелось броситься бегом домой, прямо в переднике, и попросить маму помочь, но они с Джоном давно решили, что никогда не будут никого беспокоить своими личными заботами, переживаниями или ссорами.

Они даже посмеялись над этим последним словом, как будто мысль, на которую оно наводило, была совершенно нелепой. И они твердо придерживались своего решения и всякий раз, когда могли

обойтись без посторонней помощи, обходились без нее, и никто не вмешивался в их дела.

Так что Мег продолжала бороться одна с упрямой сладкой массой весь этот жаркий летний день. В пять часов она села посреди своей перевернутой вверх дном кухни, заломила испачканные руки и заплакала в голос.

Надо сказать, что в первое время после свадьбы, упоенная новой жизнью, она часто повторяла:

«Мой муж волен приводить домой друзей, когда пожелает.

Я всегда буду готова принять их: не будет ни суеты, ни неудовольствия, ни стеснения, лишь убранный дом, веселая жена и хороший обед.

Джон, дорогой, никогда даже не спрашивай моего согласия, приглашай кого хочешь и будь уверен в любезном приеме с моей стороны».

Как это было очаровательно!

Джон просто сиял от гордости, слушая ее, и сознавал, какое это счастье иметь такую замечательную жену.

Но хотя гости у них время от времени бывали, их приход никогда не был неожиданностью, и Мег до сих пор не имела случая отличиться.

Такое часто случается в сей юдоли слез, есть некая неотвратимость в такого рода событиях, и мы можем лишь удивляться ей, скорбеть и мужественно переносить испытания... Если бы Джон не забыл — целиком и полностью — о джеме, было бы, пожалуй, непростительно с его стороны выбрать именно этот день из всех дней в году для того, чтобы неожиданно привести к обеду друга.

Внутренне поздравляя себя с тем, что значительный запас провизии был заказан и отправлен домой в то утро, чувствуя полную уверенность в том, что кушанья будут готовы к нужному часу, и предаваясь приятным предчувствиям относительно прекрасного впечатления, какое произведет на гостей красивая хозяйка, когда выбежит им навстречу, Джон вел друга в свое жилище с нескрываемой гордостью юного хозяина и мужа.

Этот мир полон разочарований, как обнаружил Джон, когда подошел к «голубятне».

Обычно парадная дверь была гостеприимно открыта, теперь она была закрыта, и к тому же на замок, а вчерашняя грязь все еще украшала ступени крыльца.

Окна гостиной были закрыты и занавешены, не было видно красивой жены, пьющей чай на веранде в белом платье, со сводящим с ума маленьким голубым бантом в волосах, или гостеприимной хозяйки, приветствующей гостей с сияющими глазами и робкой улыбкой.

Не было видно ни души, кроме мальчугана, на первый взгляд окровавленного, который спал под кустом смородины.

— Боюсь, что-то случилось.

Зайдите в сад, Скотт, а я пока поднимусь и поищу миссис Брук, — сказал Джон, встревоженный безмолвием и безлюдьем.

Он торопливо обошел дом, путь ему указывал резкий запах жженого сахара. Мистер Скотт со странным выражением лица шагал следом за хозяином.

Когда Брук исчез за дверью, гость скромно задержался в саду, зная, что и так сможет все увидеть и услышать, и, будучи холостяком, безмерно радовался такой перспективе.

В кухне царили беспорядок и уныние.

Одно издание джема тонкой струйкой перетекало из горшочка в горшочек, другое растеклось по полу, а третье весело горело на плите.

Лотти, с тевтонской бесстрастностью, спокойно ела хлеб, запивая его чем-то вроде смородиновой настойки, так как джем по-прежнему оставался в безнадежно жидком состоянии. Миссис Брук сидела посреди кухни, закрыв лицо передником и отчаянно всхлипывая.

— Девочка моя милая, что случилось? — воскликнул Джон, врываясь в кухню; перед его внутренним взором стояли страшные видения ошпаренных рук, он боялся услышать неожиданное известие о тяжелой утрате и испытывал тайный ужас при мысли о госте в саду.

— О Джон, я так устала, мне так жарко, и я так сердита и расстроена!

Я трудилась над этим джемом, пока не выдохлась окончательно.

Скорее помоги мне или я умру! — И измученная хозяйка бросилась ему на грудь, обеспечив супругу сладкий, в прямом смысле слова, прием, поскольку ее передник был окроплен вареньем тогда же, когда и пол.

— Что расстроило тебя, дорогая?

Что-нибудь ужасное случилось? — спросил встревоженный Джон, нежно целуя макушку маленького чепчика, сидевшего совсем криво.

— Да! — И Мег отчаянно зарыдала.

— Что же? Скажи мне скорее.

Не плачь, я вынесу все, только не это.

Говори же, любовь моя.

— Дж... джем не густеет, и я не знаю, что делать!

Джон Брук засмеялся тогда, хотя впоследствии он уже не осмеливался смеяться над случившимся. И ироничный Скотт в саду тоже невольно улыбнулся, услышав этот раскат сердечного хохота, который нанес последний удар сраженной горем Мег.

— И это все?

Выкини его в окно и забудь.

Я куплю несколько кварт готового джема, если хочешь, только, Бога ради, не устраивай истерику. Я привел к обеду Джека Скотта и...

Джон не договорил, так как Мег оттолкнула его и, трагически заломив руки, упала на стул, воскликнув так, что в голосе ее смешались раздражение, упрек и ужас:

— Гость к обеду, а все вверх дном!

Джон, как ты мог это сделать?

— Тише, он в саду!

Я совсем забыл о проклятом джеме, но теперь уже ничего не исправишь, — сказал Джон, с тревогой глядя в будущее.

— Ты должен был прислать кого-нибудь, чтобы предупредить меня, или сказать мне сегодня утром. И ты должен был вспомнить, как я буду занята сегодня, — продолжила Мег, ибо даже голубка может клюнуть, если начать взъерошивать ей перышки.

— Утром я еще не знал, что приглашу его, предупредить не было времени: я встретил его, когда шел с работы.

Да я и не думал, что нужно просить позволения, ведь ты всегда говорила мне, что я могу приглашать друзей когда хочу.

Я никогда не делал этого прежде, и будь я проклят, если сделаю что-нибудь подобное еще раз! — заявил Джон с оскорбленным видом.

— Надеюсь, что не сделаешь!

Сейчас же уведи его; я не могу выйти к нему в таком виде, а в доме нет никакого обеда.

— Мне это нравится!

А где говядина и овощи, которые я послал домой, и пудинг, который ты обещала? — воскликнул Джон, бросаясь к кухонной кладовой.

— У меня не было времени готовить; я думала, мы пообедаем у мамы.

Мне очень жаль, но я была так занята. — И у Мег снова полились слезы.

Джон был человеком мягким, но и он был всего лишь человеком, а прийти домой после долгого трудового дня усталым, голодным, полным надежд и найти дом в беспорядке, пустой стол и сердитую жену — такое не слишком способствует безмятежности духа и спокойствию манер.

Он, однако, сдержался, и маленький шквал, вероятно, пронесся бы быстро, если бы не одно роковое слово.

— Положение неприятное, я согласен, но, если ты поможешь, мы справимся и, несмотря ни на что, хорошо проведем время.

Не плачь, дорогая, сделай маленькое усилие и приготовь нам что-нибудь поесть.

Мы оба голодные как волки, так что нам все равно, что будет на столе.

Дай нам солонины, хлеба и сыра, мы не станем просить джема.

Джон сказал это добродушно и в шутку, но одним этим словом подписал себе приговор.

Мег сочла, что это слишком жестоко — намекать на ее печальную неудачу, и последняя капля ее терпения испарилась.

— Выбирайся из этого положения как знаешь.

Я слишком измучена, чтобы «делать усилие» ради кого бы то ни было.

Как это по-мужски — предлагать гостю кость и вульгарный хлеб с сыром!

Я не желаю, чтобы подобное происходило в моем доме.

Отведи этого Скотта к маме и скажи ему, что я уехала, заболела, умерла — что хочешь.

Я не выйду к нему, и вы с ним можете сколько угодно смеяться над моим джемом; больше вы здесь ничего не получите.

— И, произнеся этот вызов на одном дыхании, Мег отшвырнула передник и стремительно покинула поле битвы, чтобы оплакать себя в своей комнате.

Что эти двое делали в ее отсутствие, она так никогда и не узнала, но мистера Скотта не повели «к

маме», а когда Мег спустилась в столовую, после того как они оба ушли, то нашла следы приготовленной на скорую руку трапезы, вызвавшие у нее ужас.

Лотти сообщила, что они съели много, и очень смеялись, и хозяин велел ей «выкинуть все сладкое варево и спрятать горшочки».

Мег очень хотелось пойти и рассказать обо всем матери, но стыд за собственное поведение и верность Джону, «который, возможно, и был слишком жесток, но никто не должен знать об этом», удержали ее, и после торопливой уборки в кухне и столовой она принарядилась и села ждать, когда Джон придет, чтобы получить прощение.

К несчастью, Джон видел дело совсем в ином свете.

Он постарался выйти из неприятного положения, представив его Скотту как забавный случай, извинился как мог за жену и так хорошо играл роль гостеприимного хозяина, что друг получил удовольствие от импровизированного обеда и обещал прийти еще. Но на самом деле Джон был сердит, хотя и старался не показать это гостю. Он чувствовал, что Мег сначала посадила его в лужу, а затем бросила в беде.

«Это нечестно — сказать человеку, чтобы он приводил друзей в любое время, а когда он тебе поверит, рассердиться, обвинить его во всем и оставить одного в трудном положении, чтобы над ним смеялись или жалели его.

Нет, видит Бог, это нечестно!

И Мег должна это знать».

На протяжении всего обеда он внутренне кипел от злости, но, когда все тревоги и волнения оказались позади и, проводив Скотта, он зашагал домой, им овладело более умиротворенное расположение духа.

«Бедняжка!

Я несправедливо строг к ней, ведь она всей душой стремилась доставить мне удовольствие, когда варила этот джем.

Конечно, она была не права, обвинив меня, но ведь она так молода.

Я должен быть терпелив, помочь ей, научить ее».

Он надеялся, что она не ушла к родителям, — он терпеть не мог сплетен и вмешательства других в его личные дела.

При одной мысли об этом им на минуту снова овладел гнев. Затем страх, что Мег захворает от слез и горя, смягчил его сердце и заставил ускорить шаг. Он решил быть спокойным и добрым, но твердым, совершенно твердым, и показать ей, в чем она уклонилась от своего долга перед супругом.

Но Мег точно так же решила быть «спокойной и доброй, но твердой» и показать ему, в чем состоял его долг.

Ей очень хотелось выбежать ему навстречу и попросить прощения, и чтобы он поцеловал ее и утешил, что — она была уверена — непременно произошло бы. Но она, разумеется, не сделала ничего подобного и, увидев, что Джон приближается, начала мурлыкать песенку, раскачиваясь в качалке с шитьем в руках, как светская дама в часы досуга в своей лучшей гостиной.

Джон был немного разочарован тем, что не нашел нежной Ниобеи, но, чувствуя, что его достоинство требует, чтобы первые извинения прозвучали из уст жены, он ничего не сказал", вошел не спеша и лег на диван с весьма уместным замечанием:

— Скоро новолуние, моя дорогая.

— Ничего не имею против, — прозвучал чрезвычайно успокоительный ответ Мег.

Несколько других тем, представляющих общий интерес, были затронуты мистером Бруком и исчерпаны ответами миссис Брук, затем разговор иссяк.

Джон сел у окна, развернул газету и, фигурально выражаясь, ушел в нее с головой.

Мег села у другого окна и шила с таким усердием, словно бантики для ее домашних туфель принадлежали к числу предметов самой первой необходимости.

Оба молчали, оба имели вид совершенно «спокойных и твердых», и оба чувствовали себя ужасно неловко.

«Боже мой, — думала Мег, — супружеская жизнь так тяжела и требует наряду с любовью и бесконечного терпения, как мама говорит».

Со словом «мама» на память пришли и другие советы матери, данные давно и выслушанные тогда со скептическими возражениями.

«Джон — хороший человек, но и у него есть недостатки, и ты должна научиться видеть их и мириться с ними, помня о своих собственных».

Он очень решителен, но никогда не будет упрямитесь, если ты ласково представишь ему свои доводы вместо того, чтобы нетерпеливо возражать.

Он очень строг к себе и требователен к другим в том, что касается правды, — хорошая черта, хоть ты и называешь его „занудой“.

Никогда не обманывай его ни взглядом, ни словом, Мег, и он будет относиться к тебе с доверием, какого ты заслуживаешь, оказывать поддержку, в которой ты нуждаешься.

Характер у него не такой, как у нас (мы вспыхнем — и все прошло), его гнев — гнев честный и неизменный, который редко разгорается, но если разгорится, погасить его нелегко.

Будь осторожна, очень осторожна, не вызови у него гнев и раздражение против тебя, ведь мир и счастье в вашей семье будут зависеть от сохранения взаимного уважения.

Следи за собой, а если вы оба оказались не правы, не бойся попросить прощения первой. Остерегайся мелких ссор, размолвок, взаимонепонимания, поспешных резких слов, которые часто ведут к горьким сожалениям».

Эти слова вспомнились теперь Мег, когда она сидела с шитьем у окна в лучах заката.

Это была их первая серьезная размолвка. Ее собственные торопливые слова показались ей и глупыми и жестокими, когда она вспомнила их. Ее гнев представлялся ей теперь ребяческим, а мысли о бедном Джоне, пришедшем домой, где его ждала такая сцена, смягчили ее сердце.

Она взглянула на него со слезами на глазах, но он не смотрел на нее.

Она отложила рукоделие и встала, думая:

«Я первой скажу: „Прости меня!“», но он, казалось, не слышал ее шагов.

Она медленно, ибо трудно переступить через гордость, прошла через комнату и остановилась рядом с ним, но он не повернул головы.

На мгновение ей показалось, что она не сможет сделать это, но тут же возникла мысль:

«Это начало; я пройду свою половину пути, и мне не в чем будет упрекнуть себя», и, склонившись, она нежно поцеловала мужа в лоб.

Ссора была улажена — поцелуй раскаяния был лучше океана слов. И через минуту Джон уже держал ее на коленях и говорил нежно:

— Да, это было очень нехорошо — смеяться над бедными маленькими горшочками для джема.

Прости меня, дорогая!

Никогда больше не буду.

Но он смеялся — о да! — и много раз, как и сама Мег, и оба утверждали, что это был самый сладкий джем в их жизни, так как им удалось и в этой ссоре сохранить сладость семейной жизни.

После этого Мег пригласила мистера Скотта к ним в дом и угостила отличным обедом, без распаренной жены в качестве первого блюда; по этому случаю она была так весела и мила и все было так очаровательно, что мистер Скотт назвал Джона «счастливчиком» и всю дорогу домой качал головой, размышляя о тяготах холостяцкого положения.

Осенью Мег ожидали новые испытания и переживания.

Салли Моффат возобновила свою дружбу с ней и часто заходила в маленький домик поболтать и выпить чашечку чая или приглашала «милую бедняжку» зайти и провести день в большом доме Моффатов.

Это было приятно, так как в пасмурную погоду Мег обычно чувствовала себя одиноко: дома все были заняты, Джон сидел на работе до позднего вечера, делать было нечего, и оставалось только шить, читать или слоняться по дому.

Вполне естественно, что у Мег вошло в обыкновение ходить в гости и болтать с подругой.

Красивые вещи Салли вызывали у Мег желание иметь такие же и жалость к себе самой, оттого что она их лишена.

Салли была очень добра и часто предлагала ей взять ту или иную приглянувшуюся вещицу, но Мег не принимала таких подарков, зная, что Джону это не понравится, а затем эта глупая маленькая женщина вдруг взяла и сделала то, что не понравилось Джону бесконечно больше.

Она знала, каковы доходы ее мужа, и ей было приятно сознавать, что он доверяет ей не только свое счастье, но и то, что некоторые мужчины ценят больше, — свои деньги.

Она знала, где они находятся, и могла взять сколько хочет; все, о чем он просил, это чтобы она вела записи о каждом потраченном центе, платила по счетам каждый месяц и не забывала о том, что она жена бедного человека.

В первые месяцы она хорошо проявила себя в ведении расходов, была осмотрительной и бережливой, аккуратно вела домашние расходные книги и без страха показывала их каждый месяц мужу.

Но в ту осень в рай Мег вполз змей и соблазнил ее, как не одну современную Еву, не яблоками, но платьем.

Мег не нравилось, когда ее жалели и давали почувствовать, что она бедна; это сердило ее, но она стыдилась признать, что сердится, и иногда пыталась утешиться тем, что покупала что-нибудь красивое, чтобы Салли не думала, что ей приходится экономить.

Правда, после таких покупок она всегда чувствовала, что поступила нехорошо, так как без этих красивых вещей вполне можно было обойтись, но они стоили так мало, что не было оснований

волноваться; в результате количество покупаемых мелочей постепенно увеличивалось, и во время поездок по магазинам вместе с Салли Мег уже больше не была лишь пассивной зрительницей.

Но мелочи стоят больше, чем можно вообразить, и, когда в конце месяца она подвела итог своим расходам, сумма почти испугала ее.

Но в тот месяц у Джона было много работы, и он поручил счета ей; в следующий месяц он был в отъезде, но на третий устроил день квартальных платежей, и Мег на всю жизнь запомнила этот день.

За неделю до того она совершила ужасный поступок, тяжким грузом лежавший теперь на ее совести.

Салли покупала шелка, а Мег очень хотелось новое платье — просто красивое, легкое, для вечеринок, так как ее черное шелковое было таким заурядным, а батист и кисея на вечер годятся только для девушек.

Тетя Марч обычно давала сестрам в подарок на Новый год по двадцать пять долларов каждой; ждать оставалось только месяц, а здесь на распродаже был прелестный лиловый шелк; и деньги у нее были, если только осмелиться взять их.

Джон всегда говорил, что все, принадлежащее ему, принадлежит ей, но подумает ли он, что это хорошо — потратить не только будущие двадцать пять долларов, но и другие двадцать пять из денег на хозяйство?

Это был еще вопрос.

Салли убеждала ее купить шелк, предлагала одолжить деньги и из лучших побуждений искушала Мег так, что та была не в силах противиться.

В недобрую минуту продавец приподнял прелестные шуршащие складки и сказал:

«Почти даром, мэм, уверяю вас».

Она ответила:

«Я беру его». Шелк был отмерен и оплачен. Салли была в восторге, и Мег тоже смеялась, словно это было незначительное событие, но уехала из магазина с таким чувством, как будто украла что-то и за ней гонится полиция.

Вернувшись домой, она попыталась смягчить угрызения совести созерцанием прелестного шелка, но теперь он не казался таким уж блестящим, не был ей к лицу, а слова «пятьдесят долларов», казалось, были напечатаны, как узор, на каждом полотнище.

Она убрала его в шкаф, но он продолжал преследовать ее не как восхитительное видение, каким должна бы быть ткань на новое платье, но как назойливый пугающий призрак безрассудного поступка.

В тот вечер, когда Джон достал свои расходные книги, сердце Мег замерло, и впервые в своей супружеской жизни она почувствовала, что боится мужа.

Добрые карие глаза казались ей суровыми, и, так как он был необычно весел, она вообразила, что он уже разоблачил ее проступки, но не хочет показать ей этого.

Все хозяйственные счета были оплачены, все расходные книги в полном порядке.

Джон похвалил ее и раскрыл старый бумажник, который они в шутку называли «банком», и тогда Мег, зная, что бумажник совершенно пуст, остановила руку мужа, сказав нервно:

— Ты еще не видел книгу моих личных расходов.

Джон никогда не просил ее показать эту книгу, но она всегда настаивала на том, чтобы он заглянул туда, и привыкла наслаждаться его изумлением по поводу странных вещей, необходимых женщинам: заставляла его угадывать, что такое органди, неумолимо требовала объяснить, что такое пендель, или удивляться, как маленькая вещь, состоящая из трех розовых бутонов, кусочка бархата и пары ленточек, может быть шляпкой и стоить пять или шесть долларов.

В тот вечер вид у него был такой, словно и ему нравится с насмешливой улыбкой разбирать ее цифры и притворяться, будто он в ужасе от ее расточительности, хотя на самом деле он был чрезвычайно горд своей бережливой женой.

Она принесла маленькую книжечку, положила ее на стол перед Джоном, встала за его стулом, якобы для того, чтобы разгладить морщинки на" его усталом лбу, и, спрятавшись там, сказала с растущей тревогой:

— Джон, дорогой, сегодня мне стыдно показывать тебе мою книжечку; я была ужасно расточительна в последнее время.

Понимаешь, в последнее время я так часто бываю на людях, и мне нужны кое-какие вещи, и Салли посоветовала мне кое-что купить, и я так и поступила. Деньги, которые я получу на Новый год, позволят частично возместить расходы, но мне было очень неприятно, после того как я сделала эту покупку, так как я знала, что ты можешь плохо обо мне подумать.

Джон засмеялся и притянул ее к себе сзади, сказав добродушно:

— Иди сюда, не прячься.

Я не буду тебя бить за то, что ты купила пару сногшибательных ботинок.

Я горжусь ножками моей жены и ничего не имею против того, чтобы она заплатила восемь долларов за свои ботинки, если они хороши.

Это была одна из последних купленных ею «мелочей», и взгляд Джона упал на эту строку, когда он говорил.

«Ох, что он скажет, когда дойдет до этих кошмарных пятидесяти долларов!» — подумала Мег с содроганием.

— Это хуже, чем ботинки. Это шелковое платье, — сказала она со спокойствием обреченного, желая, чтобы худшее поскорее оказалось позади.

— Каков же, дорогая, «проклятый итог», как говорит мистер Манталини?

Это было так непохоже на Джона, и она знала, что сейчас он смотрит вверх на нее тем открытым, прямым взглядом, который она до сих пор всегда была готова встретить таким же открытым и искренним.

Она перевернула страницу и одновременно отвернулась, указав на сумму, которая была бы слишком велика и без тех злополучных пятидесяти долларов и которая совершенно ужаснула ее, когда все цифры были сложены.

На минуту в комнате стало очень тихо, затем Джон сказал негромко и медленно — но она почувствовала, что ему потребовалось сделать над собой усилие, чтобы не выразить недовольствия:

— Ну, я не знаю, много ли это — пятьдесят долларов за платье при том количестве оборок и всего прочего, что вам необходимо, чтобы отделать его по моде.

— Оно не сшито и не отделано, — слабо вздохнула Мег. Неожиданное напоминание о предстоящих дополнительных расходах совершенно убило ее.

— Двадцать пять ярдов шелка — изрядный кусок, чтобы завернуть в него одну маленькую женщину. Но я не сомневаюсь, что моя жена будет выглядеть в нем не менее элегантно, чем жена Неда Моффата, — сказал Джон сухо.

— Я знаю, Джон, ты сердишься, но я ничего не могу поделать.

Я не хотела попусту тратить твои деньги, но я и не предполагала, что все вместе эти мелочи будут стоить так много.

Я не могла устоять, когда видела, как Салли покупает все, что хочет, и жалеет меня, так как я не могу себе этого позволить.

Я пыталась быть довольной тем, что у меня есть, но это нелегко, и мне надоело быть бедной.

Последние слова были произнесены так тихо, что она не была уверена, услышал ли он их. Но он услышал, и они глубоко ранили его, ведь он отказывал себе во многих удовольствиях ради Мег.

Она была готова откусить свой глупый язык, когда эти слова прозвучали, так как Джон вдруг оттолкнул от себя книги и встал, сказав с легкой дрожью в голосе:

— Я боялся этого.

Я делаю все, что могу, Мег.

Если бы он отругал ее или даже встряхнул, это не ранило бы ее так, как эти скупые слова.

Она бросилась к нему, обхватила за шею и воскликнула со слезами раскаяния:

— О Джон, мой дорогой, добрый, трудолюбивый мальчик, я не хотела тебя обидеть.

Как я могла сказать такое!

Это было гадко, несправедливо, неблагодарно!

О, как я могла это сказать!

Он был очень добр, охотно простил ее и не произнес ни слова упрека, но Мег знала, что она сделала и сказала то, что не скоро забудется, хотя он, возможно, никогда не даст ей это почувствовать.

Она обещала любить его и в горе и в радости, а теперь, став его женой, бросила ему упрек в его бедности, после того как сама же безрассудно потратила заработанные им деньги.

Это было ужасно, а хуже всего то, что после этого Джон вел себя так спокойно, будто ничего не случилось, и лишь задерживался на работе дольше обычного и работал дома в поздние ночные часы, когда она, наплакавшись, засыпала.

Неделя, проведенная в постоянных угрызениях совести, измучила Мег, а известие о том, что Джон отказался от заказанного для себя нового зимнего пальто, привело ее в отчаяние, на которое было тяжело смотреть.

В ответ на ее расспросы он просто сказал:

«Я не могу позволить себе такой расход, дорогая».

Мег ничего не сказала в ответ, но несколько минут спустя он нашел ее в передней — уткнув лицо в его старое пальто, она рыдала так, словно сердце ее готово было разорваться.

Они долго говорили в тот вечер, и Мег научилась любить мужа еще глубже за его бедность, которая сделала его настоящим человеком, дала ему силу и смелость прокладывать свой путь в жизни, научила его кроткому терпению, позволявшему спокойно переносить как собственные

неудовлетворенные желания, так и недостатки и слабости тех, кого он любил.

На следующий день, спрятав гордость в карман, она пошла к Салли, рассказала ей правду и попросила оказать услугу — купить у нее шелк.

Добросердечная миссис Моффат охотно пошла ей навстречу, и у нее хватило деликатности не предложить его тут же в подарок.

Затем Мег оплатила счет портного и распорядилась прислать пальто Джона на дом. Когда Джон пришел, она нарядилась в пальто и спросила мужа, как ему нравится ее новое шелковое платье.

Можно легко вообразить, каков был его ответ, как он принял подарок и какими благоприятными были последствия.

Джон приходил домой рано, Мег больше не бегала в гости, новое пальто надевал утром очень счастливый муж, а вечером помогала снять преданная жена.

Так прошел год, а лето принесло Мег новые переживания — самые глубокие и нежные в жизни женщины.

Однажды в субботу Лори с взволнованным лицом вошел на цыпочках в кухню «голубятни» и был встречен звуками литавр, ибо Ханна пыталась хлопать в ладоши, держа в одной руке кастрюлю, а в другой крышку.

— Как там маленькая мама?

Где все?

Почему вы не сказали мне ничего, прежде чем я приехал домой на каникулы? — начал Лори громким шепотом.

— На седьмом небе от счастья милочка наша!

Все до одного наверху и восхищаются.

А не говорили, потому как нам тут не нужны никакие ураганы.

Идите-ка в гостиную, а я схожу наверх и пришлю их к вам, — дав этот несколько туманный ответ, Ханна исчезла с торжествующим смехом.

Вскоре появилась Джо. Она с гордостью несла фланелевый сверток на большой подушке.

Лицо у Джо было очень серьезное, но в глазах плясали озорные огоньки, и что-то очень странное звучало в голосе — какие-то еле сдерживаемые чувства.

— Закрой глаза и протяни руки, — сказала она.

Лори попятился и спрятал руки за спину с умоляющим:

— Нет, спасибо, лучше не надо, я уроню его, как пить дать.

— Тогда ты не увидишь племянничка, — сказала Джо решительно, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Хорошо, хорошо!

Только если что-нибудь случится, ты будешь виновата. — И, послушный приказу, Лори мужественно закрыл глаза, и что-то было дано ему в руки.

В следующую минуту взрыв смеха столпившихся вокруг него Джо, Эми, миссис Марч, Ханны и Джона заставил Лори открыть глаза, чтобы обнаружить, что он получил двух младенцев вместо ожидаемого

одного.

Неудивительно, что они смеялись: выражение лица у него было такое забавное, что заставило бы любого скорчиться от смеха. Он стоял и переводил изумленный взгляд с ничего не ведающих младенцев на хохочущих зрителей с таким ужасом, что Джо села на пол и завизжала от смеха.

— Близнецы, клянусь Юпитером! — только и сумел он сказать, а затем обернулся к женщинам с умоляющим, комически жалобным взглядом и добавил: — Возьмите их поскорее, кто-нибудь!

А то я сейчас расхохочусь и уроню их.

Джон спас своих малюток и принялся расхаживать по комнате взад и вперед, держа их по одному на каждой руке, с таким видом, словно был уже посвящен в тайны ухода за младенцами.

— Лучшая шутка сезона, а?

Я не сказала тебе сразу, потому что очень хотела сделать тебе сюрприз. И похоже, могу поздравить себя с тем, что мне это удалось, — сказала Джо, отсмеявшись и переведя дух.

— В жизни не был более ошарашен.

Ну не смешно ли?

Мальчики?

Как вы собираетесь их назвать?

Дайте еще взглянуть.

Поддержи меня, Джо, ведь, честное слово, их тут слишком много для меня, — сказал Лори, глядя на младенцев с видом огромного благодушного ньюфаундлендского пса, разглядывающего двух крошечных котят.

— Мальчик и девочка.

Ну не прелесть ли? — сказал гордый папа, сияя улыбкой и глядя на два маленьких копошащихся красных комочка так, словно это были еще не оперившиеся ангелы.

— Самые замечательные дети, каких я видел в жизни.

И кто же тут кто? — Лори склонился как колодезный журавль, чтобы разглядеть чудо-детей. — Закрой глаза и протяни руки, — сказала она. Лори попятился и спрятал руки за спину с умоляющим: — Нет, спасибо, лучше не надо, я уроню его, как пить дать. — Тогда ты не увидишь племянничка, — сказала Джо решительно, поворачиваясь, чтобы уйти. — Хорошо, хорошо! Только если что-нибудь случится, ты будешь виновата. — И, послушный приказу, Лори мужественно закрыл глаза, и что-то было дано ему в руки. В следующую минуту взрыв смеха столпившихся вокруг него Джо, Эми, миссис Марч, Ханна и Джона заставил Лори открыть глаза, чтобы обнаружить, что он получил двух младенцев вместо ожидаемого одного. Неудивительно, что они смеялись: выражение лица у него было такое забавное, что заставило бы любого скорчиться от смеха. Он стоял и переводил изумленный взгляд с ничего не ведающих младенцев на хохочущих зрителей с таким ужасом, что Джо села на пол и завизжала от смеха. — Близнецы, клянусь Юпитером! — только и сумел он сказать, а затем обернулся к женщинам с умоляющим, комически жалобным взглядом и добавил: — Возьмите их поскорее, кто-нибудь! А то я сейчас расхохочусь и уроню их. Джон спас своих малюток и принялся расхаживать по комнате взад и вперед, держа их по одному на каждой руке, с таким видом, словно был уже посвящен в тайны ухода за младенцами. — Лучшая шутка сезона, а? Я не сказала тебе сразу, потому что очень хотела сделать тебе сюрприз. И похоже, могу поздравить себя с тем, что мне это удалось, — сказала Джо, отсмеявшись и переведя дух. — В жизни не был более ошарашен. Ну не смешно ли? Мальчики? Как вы собираетесь их назвать? Дайте еще взглянуть. Поддержи меня, Джо,

ведь, честное слово, их тут слишком много для меня, — сказал Лори, глядя на младенцев с видом огромного благодушного ньюфаундлендского пса, разглядывающего двух крошечных котят. — Мальчик и девочка. Ну не прелесть ли? — сказал гордый папа, сияя улыбкой и глядя на два маленьких копошащихся красных комочка так, словно это были еще не оперившиеся ангелы. — Самые замечательные дети, каких я видел в жизни. И кто же тут кто? — Лори склонился как колодезный журавль, чтобы разглядеть чудо-детей.

— Эми повязала голубую ленточку мальчику, а розовую девочке — французская мода, — так что всегда можно отличить.

К тому же у мальчика карие глаза, а у девочки голубые.

Поцелуйте их, дядюшка Тедди, — призвала озорная Джо.

— Боюсь, им это может не понравиться, — ответил Лори с необычной для него робостью в такого рода делах.

— Понравится, конечно понравится, они уже привыкли к этому.

Поцелуйте! Сию же минуту, сэр! — приказала Джо, опасаясь, что он предложит ей передать поцелуй по доверенности.

Лори вытянул губы и осторожно прикоснулся ими к каждой маленькой щечке, что вызвало у зрителей новый взрыв смеха, а у младенцев — пронзительный крик.

— Ну вот, я же знал, что им не понравится!

Это наверняка мальчишка, смотрите, как брыкается и машет кулачками, как большой.

Слушай, юный Брук, меть в мужчину своих размеров! — воскликнул Лори, восхищенный полученным тычком маленького кулачка, беспорядочно двигавшегося возле его лица.

— Его назовем Джон-Лоренс, а девочку — Маргарет, в честь мамы и бабушки.

А дома будем называть ее Дейзи, чтобы не было двух Мег, а малыша — Джон, если не придумаем что-нибудь получше, — сказала Эми с заинтересованностью тети.

— Назовите его Демиджоном, а для краткости — Деми, — посоветовал Лори.

— Дейзи и Деми — то, что надо!

Я знала, что Тедди придумает! — воскликнула Джо, хлопая в ладоши.

Тедди действительно придумал удачно, и с тех пор детей всегда называли «Дейзи» и «Деми».

Глава 6

Визиты

— Идем, Джо, пора.

— Куда?

— Не хочешь же ты сказать, что забыла о своем обещании сделать вместе со мной пять-шесть визитов сегодня?

— В моей жизни было немало опрометчивостей и глупостей, но не думаю, чтобы я когда-нибудь была столь безумна, что заявила, будто сделаю шесть визитов в один день, когда и один-единственный выбивает меня из колеи на неделю.

— Да, ты обещала, мы договорились.

Я должна была закончить рисунок пастелью — портрет Бесс — для тебя, а ты — пойти со мной и нанести ответные визиты соседям.

— Если будет хорошая погода — это было в договоре, а я стою за букву договора, мой Шейлок.

На востоке гроздятся облака. Погода не хороша, и я не пойду.

— Все это увертки.

Чудесный день, на дождь и намек нет, а ты гордишься тем, что держишь свои обещания. Так что прояви благородство, пойдем, исполнишь свой долг — и я оставлю тебя в покое на следующие шесть месяцев.

В ту минуту Джо была всецело поглощена шитьем. Она была главным изготовителем манто для всех членов семьи и ставила себе в особую заслугу умение владеть иглой не хуже, чем пером.

Это было очень неприятно — прямо посреди первой примерки получить приказ отправиться с визитами в лучшем наряде в жаркий июльский день.

Она терпеть не могла формальные визиты и всегда уклонялась от них, если только Эми не вынуждала ее уговорами или подкупом.

В данном случае отвертеться было невозможно, и, возмущенно щелкнув ножницами и заявив, что чувствует в воздухе грозу, она уступила: отложила работу и, взяв шляпу и перчатки с видом покорности судьбе, сказала Эми, что жертва готова.

— Джо! До чего ты упряма! С тобой и святой согрешит!

Неужели ты собираешься отправиться в таком виде? — воскликнула Эми, оглядывая ее с изумлением.

— Почему нет?

Я одета аккуратно, мне не жарко и удобно. Вполне подходящий наряд для прогулки по пыльной дороге в жаркий день.

Если для людей важнее моя одежда, чем я сама, я не хочу их видеть.

Ты можешь нарядиться за двоих и быть такой элегантной, как тебе нравится.

Тебе приятно быть изящной, мне — нет, и оборки мне только мешают.

— О Боже! — вздохнула Эми. — Теперь у нее приступ упрямства, и она сведет меня с ума, прежде чем я смогу привести ее в надлежащий вид.

Я уверена, что сегодняшние визиты не принесут мне никакого удовольствия, но это долг перед обществом, и некому уплатить его, кроме нас с тобой.

Джо, я сделаю для тебя что угодно, если только ты оденешься красиво и поможешь мне исполнить этот долг вежливости.

Ты, если постарайся, можешь так хорошо вести беседу, выглядеть такой аристократичной в твоих лучших нарядах и вести себя с таким тактом, что я горжусь тобой.

Я боюсь идти одна, пойдем, поддержи меня.

— Ах ты, хитруля, льстишь и обхаживаешь свою сердитую старшую сестру. Надо же до такого додуматься!

Я и аристократична, и могу вести себя с таким тактом! А ты боишься идти одна!

Одно другого нелепее!

Хорошо, я пойду, если должна, и сделаю, что смогу.

Ты будешь возглавлять экспедицию, а я выполнять приказы. Это тебя устроит? — спросила Джо с неожиданным переходом от упрямства к безропотной покорности.

— Ты суший ангел!

Ну, надень свое лучшее платье, а я скажу тебе, как и где нужно себя вести, чтобы у хозяев сложилось о тебе благоприятное мнение.

Я хочу, чтобы ты всем понравилась, и ты понравишься, если только постарайшься быть чуточку более любезной.

Причешись красиво и приколи пунцовую розу на шляпку.

Тебе это идет, а то у тебя слишком строгий вид в твоём простом костюме.

Возьми тонкие перчатки и вышитый носовой платок.

Мы зайдем по дороге к Мег и попросим одолжить нам ее белый зонтик, тогда ты сможешь взять мой серебристый, он больше подойдет к твоему костюму.

Эми отдавала эти распоряжения, пока одевалась сама, и Джо исполняла их, однако не без внутреннего протеста. Она тяжело вздыхала, с шелестом влезая в свое новое органди-новое платье, мрачно хмурилась, глядя на свое отражение в зеркале, когда завязывала ленты шляпы в безупречный бант, озлобленно боролась с булавками, прикалывая свой воротничок, избородила морщинами чело, пока сворачивала носовой платок, вышивка которого раздражала ее нос так же, как и предстоящая миссия ее чувства, а зажав свои руки в тесных перчатках с тремя пуговками и кисточкой, явившихся последним штрихом элегантности, обернулась к Эми с выражением слабоумного и сказала кротко:

— Я чувствую себя совершенно отвратительно. Но если ты считаешь, что я выгляжу прилично, я умру счастливой.

— Все в высшей степени прилично.

Ну-ка, поворачивайся и дай мне посмотреть внимательно.

Джо поворачивалась, а Эми поправляла то тут, то там и, наконец, откинулась назад и, склонив голову набок, заметила одобрительно:

— Да, так пойдет.

Твоя голова выглядит замечательно — лучшего я и желать не могла. С розой эта белая шляпка совершенно очаровательна.

Плечи держи развернутыми, а руки неси легко, пусть даже тебе жмут перчатки.

Есть одна вещь, Джо, которую ты можешь делать хорошо, а я нет, а именно — носить шаль.

Я этого не умею, но очень приятно посмотреть на тебя. Я так рада, что тетя Марч подарила тебе эту прелестную шаль.

Она простая, но очень красивая, и эти складки, которые закладываются пониже локтя, очень живописны.

Как там шов моей пелерины — посредине? Ровно ли я приподняла подол платья?

Я хочу, чтобы были видны ботинки, так как ножки у меня красивые, в отличие от носа.

— Ты образец красоты и источник вечной радости, — сказала Джо, сложив ладони трубочкой и глядя через нее с видом знатока живописи на голубое перо на фоне золотистых волос.

— Я должна волочить подол моего лучшего платья по пыльной дороге или мне следует его приподнять, мэм?

— Приподнимай, когда идешь по дороге, а когда войдем в дом, опусти.

Тебе идут юбки со шлейфом, и ты должна научиться волочить его красиво и грациозно.

Ты не до конца застегнула перчатку, сделай это сейчас же.

Твой наряд никогда не будет выглядеть завершенным, если ты не будешь внимательна к таким мелочам: именно они создают приятное впечатление в целом.

Джо вздохнула и продолжила застегивать перчатку, почти отрывая пуговицы. Наконец обе сестры были готовы и медленной, плавной походкой отправились в путь, — «прямо загляденье», как сказала Ханна, высунувшаяся в окно второго этажа, чтобы посмотреть на них.

— Послушай, Джо, дорогая, Честеры считают себя очень утонченными людьми, так что я хочу, чтобы ты обратила внимание на свои манеры.

Воздержись от своих обычных отрывистых замечаний и не делай ничего необычного, хорошо?

Будь просто спокойной, сдержанной и тихой, это безопасно, и это подобает леди. Ты вполне сможешь держаться так в течение пятнадцати минут нашего визита, — сказала Эми, когда они приблизились к первому дому, уже позаимствовав белый зонтик и показавшись со всех сторон Мег, державший по младенцу на каждой руке.

— Дай подумать.

«Спокойная, сдержанная и тихая». Да, думаю, я могу это обещать.

Мне приходилось играть на сцене чопорную юную леди, и я снова примерю эту роль на себя.

Мои актерские способности, как ты увидишь, велики, так что, дитя мое, не волнуйся.

Эми успокоилась, но коварная Джо поймала ее на слове и на протяжении всего первого визита сидела, грациозно поджав ноги, ровно разложив складки платья, спокойная, как море летом, холодная, как сугроб, и молчаливая, как сфинкс.

Тщетно миссис Честер пыталась намекать на ее «прелестный роман», а обе мисс Честер заводили разговор о визитах, пикниках, опере и модах — ответом на все это была улыбка, поклон и сдержанное «да» или «нет».

Тщетно Эми телеграфировала сестре: «Говори», пыталась вовлечь ее в беседу, тихонько толкала ногой — Джо сидела, словно ничего не замечая; к определению ее манер подошли бы слова, описывающие лицо Мод: «холодная правильность, великолепная пустота».

— Какое неинтересное и высокомерное существо эта старшая мисс Марч! — к несчастью, громко прозвучало замечание одной из мисс Честер, когда дверь закрывалась за гостями.

Джо беззвучно смеялась, проходя через переднюю, но Эми выглядела раздосадованной таким превратным истолкованием ее инструкций и всецело возлагала вину за это на Джо.

— Как ты могла так неправильно меня понять?

Я хотела лишь, чтобы ты держалась скромно и с достоинством, а ты вместо этого сидела как истукан.

У Лэмбов постарайся быть общительной, болтай, как другие девочки, прояви интерес к платьям, к флирту, к любой чепухе, о какой бы там ни заговорили.

Они возвращаются в лучшем обществе, и знакомство с ними очень ценно для нас. Я очень хочу, чтобы мы сумели произвести на них хорошее впечатление.

— Я буду очень любезна, буду болтать и хихикать, выражать ужас и восторг по поводу любого пустяка.

Пожалуй, эта роль нравится мне больше: я буду изображать так называемую «очаровательную девушку».

Я вполне могу сделать это — образцом мне послужит Мэй Честер, я подделаюсь под нее.

Вот увидишь, Лэмбы скажут:

«Какое живое, милое создание эта Джо Марч!»

Эми встревожилась, и не без оснований, поскольку когда Джо начинала дурачиться, было неизвестно, как далеко она может зайти.

На лицо Эми вполне стоило посмотреть, когда она увидела, как ее сестра внеслась в очередную гостиную, экспансивно перецеловала всех находившихся там юных леди, любезно разулыбалась всем юным джентльменам и присоединилась к разговору с оживлением, которое изумило наблюдательницу.

Тем временем самой Эми завладела мис-сис Лэмб, очень ее любившая, и Эми пришлось выслушать, подробный отчет о последнем приступе болезни мисс Лукреции, в то время как три очаровательных молодых человека слонялись поблизости в ожидании паузы, когда они могли бы броситься на помощь и вызволить ее.

В таком положении она не имела возможности проследить за Джо, которая, казалось, была одержима духом озорства и болтала напропалую, не хуже самой старой миссис Лэмб.

Вокруг нее уже собралась кучка слушателей, и Эми напрягала слух, чтобы услышать, о чем идет речь, так как долетавшие до нее отрывки фраз вызывали тревогу, круглые глаза и вздетые руки заставляли умирать от любопытства, а частые взрывы смеха — гореть желанием разделить общее веселье.

Можно вообразить, какие страдания вызвал у нее подслушанный обрывок такого вот разговора:

— Она отлично скачет верхом — кто ее учил?

— Никто.

Она привязывала старое седло на большой сук дерева и училась садиться верхом, держать вожжи и сохранять равновесие.

И теперь она может скакать на любой лошади, потому что не знает, что такое страх. В соседней конюшне ей охотно и дешево дают напрокат лошадей, так как она отлично учит их ходить под дамским седлом.

У нее такая страсть к верховой езде! Я часто говорю ей, что если ничего другого из нее не выйдет, она вполне сможет зарабатывать на жизнь, объезжая лошадей.

Эми едва сдерживалась, слушая эту ужасную речь, ведь у слушателей наверняка создавалось впечатление о ней, как о довольно бесшабашной юной особе, а именно такие особы были предметом ее глубокого отвращения.

Но что она могла сделать?

Старая леди продолжала говорить, и задолго до того, как был кончен ее рассказ, Джо продолжила свой, делая еще более забавные признания и совершая еще более грубые ошибки.

— Да, в тот день Эми была в отчаянии, потому что всех хороших лошадей разобрали и остались только три: одна хромая, другая слепая, а третья такая норовистая, что нужно сунуть ей в пасть комок грязи, прежде чем она стронется с места.

Отличное животное для приятной прогулки, не правда ли?

— Какую же она выбрала? — спросил один из засмеявшихся молодых людей, с удовольствием слушавший рассказ Джо.

— Никакую.

Она услышала, что выше по реке на одной ферме есть молодой конь, и, хотя дамы никогда не ездили на нем, она решила попробовать, потому что он был красивый и горячий.

Ее борьба с ним была поистине драматической.

Начать с того, что некому было привести лошадь к седлу, поэтому она взяла седло и отправилась с ним к лошади.

Она перевезла его на лодке через реку, а потом положила себе на голову и так прошла в конюшню, к превеликому изумлению старика хозяина.

— И она скакала на этом коне?

— Конечно, и отлично провела время.

Я думала, когда она вернется, на ней живого места не будет, но она справилась с ним отлично и была душой компании!

— Ну и отвага! — И молодой мистер Лэмб бросил одобрителный взгляд на Эми и с недоумением подумал о том, что же это такое говорит девушке его мать и почему та выглядит такой красной и смущенной.

Она покраснела еще гуще и почувствовала себя еще более неловко минуту спустя, когда в результате неожиданного поворота разговора речь зашла о нарядах.

Одна из юных леди спросила Джо, где та купила красивую бледно-желтую шляпку, которую надевала на пикник, и глупая Джо вместо того, чтобы просто назвать магазин, где два года назад была куплена шляпка, снова пустилась в ненужные откровенности:

— Это Эми выкрасила ее в такой цвет.

Нежных оттенков не купишь, так что мы сами красим наши шляпки в любой цвет, какой хотим.

Очень удобно иметь сестру-художницу.

— Что за оригинальная идея! — воскликнула мисс Лэмб, которая нашла Джо очень занимательной особой.

— Это еще пустяки по сравнению с некоторыми другими блестящими идеями, тоже принадлежащими ей.

Нет ничего такого, чего бы она не смогла сделать.

Так, она очень хотела голубые ботинки к свадьбе Салли — и что же вы думаете? Она просто взяла и

выкрасила свои старые белые в прелестнейшего оттенка небесно-голубой цвет, и они выглядели точно-точно как атлас, — заявила Джо, явно гордясь талантами сестры, чем раздражила Эми до такой степени, что ей захотелось швырнуть в Джо свою сумочку с визитными карточками.

— На днях мы читали ваш рассказ, и он очень нам понравился, — заметила старшая мисс Лэмб, желая сделать комплимент литературной даме, которая, надо признать, совсем не походила на таковую в тот момент.

Любое упоминание о ее «произведениях» всегда плохо действовало на Джо, которая или становилась суровой, или принимала обиженный вид, или, как в этом случае, резко меняла тему разговора:

— Жаль, что вы не нашли ничего лучшего для чтения.

Я написала эту чепуху, потому что ее легко продать, а заурядным людям такие вещи нравятся.

Вы едете в Нью-Йорк в эту зиму?

Так как мисс Лэмб сказала, что рассказ им понравился, такой ответ Джо не был ни любезным, ни лестным.

Джо тут же заметила свою ошибку, но, опасаясь еще больше испортить дело, вдруг напомнила себе, что ей предстоит подать сигнал сестре к окончанию визита, и она сделала это так неожиданно, что трое из присутствующих даже не договорили начатых фраз.

— Эми, мы должны идти.

До свидания, дорогая, приходите к нам, мы жаждем увидеть вас в нашем доме.

Я не осмеливаюсь приглашать вас, мистер Лэмб, но, если вы придете, я думаю, мы будем не в силах отпустить вас.

Джо говорила это, так забавно подражая словоохотливом и сентиментальной Мэй Честер, что Эми поспешила выскочить из комнаты, испытывая непреодолимое желание расхохотаться и расплакаться одновременно.

— Ну как? Отлично я справилась? — спросила Джо с удовлетворенным видом, когда они отошли от дома Лэм-бов.

— Хуже и быть не могло, — таков был уничтожающий ответ Эми.

— Что на тебя нашло? Зачем тебе потребовалось рассказывать о моем седле, шляпах, ботинках и прочем?

— Просто это смешно, и людям интересно.

Они и так знают, что мы бедны, так что ни к чему делать вид, будто у нас есть грумы, и будто мы покупаем три-четыре шляпы каждый сезон, и все вещи достаются нам так же легко и просто, как другим.

— Все равно, не было необходимости рассказывать им обо всех наших маленьких хитростях и выставлать напоказ нашу бедность.

У тебя нет ни капли настоящей гордости, и тебе никогда не понять, в каких случаях надо держать язык за зубами, а в каких — говорить, — заключила Эми в отчаянии.

Бедная Джо имела сконфуженный вид и молча терла кончик носа жестким носовым платком, словно наказывая себя за свои прегрешения.

— Как мне вести себя здесь? — спросила она, когда они подошли к третьему дому.

— Как хочешь.

Я умываю руки, — коротко сказала Эми.

— Тогда я постараюсь доставить себе удовольствие.

Мальчики дома, и мы славно проведем время.

Право же, мне нужна некоторая перемена — элегантность плохо действует на мой организм, — отвечала Джо угрюмо, выведенная из душевного равновесия своей неудачей в попытке оказаться на высоте требований.

Восторженный прием, оказанный тремя юношами и несколькими милыми мальчиками, быстро успокоил ее смятенные чувства, и, оставив Эми развлекать хозяйку и мистера Тюдора, которому также случилось зайти в этот дом с визитом, Джо посвятила себя юным членам семьи и нашла перемену живительной.

Она с глубоким интересом слушала студенческие новости, безропотно гладила пойнтеров и пуделей, от души соглашалась, что

«Том Браун был молодчина», невзирая на неподходящую форму похвалы, а когда один из мальчиков предложил посетить его черепаший садок, она поспешила вместе с ним с живостью, заставившей мать семейства улыбнуться ей вслед, поправляя свой чепец и прическу, оказавшуюся в плачевном состоянии после по-дочернему горячих объятий Джо, медвежьих, но прочувствованных и более дорогих для хозяйки дома, чем любое самое безупречное творение рук вдохновенной модистки-француженки.

Предоставив сестру себе самой, Эми всей душой предалась удовольствиям, отвечавшим ее вкусу.

Дядя мистера Тюдора был женат на некоей английской леди, четвероюродной сестре настоящего лорда, и Эми смотрела на все семейство с большим почтением, ибо, несмотря на американское происхождение и воспитание, обладала тем благоговением перед титулами, которое преследует даже лучших из нас, — та не признаваемая открыто, но сохранившаяся старинная приверженность королям, заставившая несколько лет назад самую демократическую нацию под солнцем взволноваться по случаю прибытия монаршего светловолосого паренька и свидетельствующая о любви, которую юная страна все еще питает к старой, как взрослый сын к властной матери, что удерживала его при себе так долго, как могла, и с прощальной бранью позволила уйти лишь тогда, когда он взбунтовался.

Но даже удовлетворение, которое доставляла Эми беседа с отдаленной родней британской аристократии, не заставило ее забыть о времени, и по истечении надлежащего количества минут она неохотно покинула это изысканное общество и отправилась на поиски Джо, горячо надеясь, что не застанет свою неисправимую сестру в каком-либо положении, могущем навлечь позор на семейство Марч.

Конечно, могло быть и хуже, но Эми считала, что и так уже плохо: Джо сидела на траве в окружении компании мальчиков, с восхищением слушавших ее рассказ об одной из проделок Лори. На подоле ее великолепного праздничного платья отдыхал пес с грязными лапами.

Один из малышей тыкал в черепах зонтиком Эми, которым она так дорожила, другой ел имбирный пряник над лучшей шляпкой Джо, третий играл в футбол ее перчатками. Но всем было весело, и когда Джо, собрав свое потрепанное имущество, направилась к выходу, ее свита сопровождала ее, умоляя прийти еще раз:

«Ты так интересно рассказываешь про Лори!»

— Отличные ребята, правда?

После такого я вновь чувствую себя молодой и бодрой, — сказала Джо, шагая с заложенными за спину руками, отчасти по привычке, отчасти, чтобы скрыть из вида забрызганный грязью зонтик.

— Почему ты избегаешь мистера Тюдора? — спросила Эми, благоразумно воздерживаясь от замечаний по поводу растерзанного вида Джо.

— Мне он не нравится — важничает, унижает своих сестер, доставляет неприятности отцу, неуважительно говорит о своей матери.

Лори называет его беспутным, и я не считаю его желательным знакомством для себя, поэтому его и не трогаю.

— Ты могла бы, по крайней мере, вежливо с ним обращаться.

Ты только холодно кивнула ему, хотя перед тем поклонилась и улыбнулась самой любезной улыбкой Томми Чемберлену, сыну бакалейщика.

Если бы ты просто поменяла местами кивок и поклон, все было бы в порядке, — сказала Эми с упреком.

— Нет, не в порядке, — возразила упрямая Джо, — Тюдор мне не нравится, я не уважаю его и не восхищена им, пусть даже племянница племянника дяди его дедушки и является четвероюродной сестрой какого-то лорда.

Томми бедный, и застенчивый, и добрый, и очень умный.

Я хорошего мнения о нем и не стыжусь это показать, потому что он все-таки джентльмен, несмотря на занятие бакалейной торговлей.

— Нет смысла с тобой спорить, — начала было Эми.

— Ни малейшего, — перебила ее Джо. — Так что давай примем дружелюбный вид и занесем визитную карточку в этот дом, так как Кингов явно нет дома, чему я очень рада.

Сумочка с визитными карточками исполнила свой долг, и девочки пошли дальше. Дойдя до пятого дома, Джо вновь вознесла благодарение небесам, когда им сказали, что юные хозяйки уехали в гости.

— Теперь — домой! К тете Марч сегодня не пойдем.

К ней мы можем забежать в любое время, и, право, жаль тащиться дальше по такой пыли в наших лучших платьях, когда мы к тому же устали и раздражены.

— Мы?

Говори за себя... Тете нравится, когда мы выражаем ей наше почтение тем, что наносим формальный визит и приходим к ней в наших лучших платьях.

Это совсем нетрудно, но доставит ей удовольствие, и я не думаю, что это нанесет больше вреда твоему наряду, чем грязные собаки и тяжело топающие мальчишки.

Наклонись, дай я стряхну крошки с твоей шляпы.

— Какая ты хорошая девочка, Эми! — сказала Джо, переводя полный раскаяния взгляд со своего измятого платья на наряд сестры, который был по-прежнему свеж и без единого пятнышка.

— Хорошо бы, и мне было так же легко, как тебе, делать всякие мелочи, доставляющие людям удовольствие.

Я иногда вспоминаю о них, но, чтобы их осуществить, нужно так много времени. Поэтому я жду

удобного случая, чтобы одним махом оказать большую любезность, а о маленьких любезностях не забочусь. Но, думаю, в конечном счете, важны именно мелочи.

Эми улыбнулась и тут же смягчилась, сказав по-матерински наставительно:

— Женщины должны учиться быть приятными для окружающих. Особенно это касается бедных женщин, ведь у них нет другого способа выразить благодарность другим людям за их доброту.

Если бы ты помнила об этом и поступала соответственно, ты нравилась бы людям больше, чем я, потому что ты интереснее, чем я.

— Я чудаковатая старушка и всегда ею буду. Но я готова признать, что ты права, да только мне гораздо легче рисковать жизнью ради человека, чем быть с ним любезной, — когда мне этого не хочется.

Большое несчастье иметь такие сильные пристрастия и предубеждения, правда?

— Еще худшее — не уметь их скрывать.

Я готова признать, что отношусь к Тюдору с не меньшим неодобрением, чем ты, но не мое дело говорить ему об этом, так же как и не твое, и тебе незачем делать непривлекательной себя из-за того, что непривлекателен он.

— Но я считаю, что девушки должны показывать свое неодобрение молодым людям, а как еще можно сделать это, если не с помощью манер?

Поучения не приносят пользы, как, к моему огорчению, я убедилась с тех пор, как стала иметь дело с Тедди; но есть множество других способов повлиять на него без единого слова. И я думаю, мы должны поступать так же и по отношению к другим мальчикам, если можем.

— Тедди — исключительный мальчик, по нему нельзя судить обо всех, — сказала Эми внушительным тоном, который заставил бы «исключительного мальчика» скорчиться от смеха, доведись ему услышать эти слова.

— Если бы мы были красавицами или богатыми женщинами с положением в обществе, мы, возможно, могли бы на кого-то повлиять, но для нас смотреть сердито на тех молодых людей, которых мы осуждаем, и улыбаться тем, кого одобряем, бесполезно, а нас самих будут считать странными и пуритански строгими.

— Значит, только потому, что мы не красавицы и не миллионерши, мы должны оказывать нравственную поддержку тем порокам и людям, к которым питаем отвращение, не так ли?

Хороша мораль!

— Я не хочу спорить об этом, я только знаю, что таков мир и что над людьми, выступающими против такого порядка вещей, только смеются за все их страдания.

Мне не нравятся те, кто пытается менять людей к лучшему, и надеюсь, ты никогда не станешь одной из них.

— А мне они нравятся, и я стану одной из них, если смогу, потому что хоть мир и смеется над ними, без них он никогда не добьется успеха.

Мы не можем прийти к согласию в этом вопросе, поскольку ты привержена старым взглядам, а я — новым: ты будешь жить лучше, но я интереснее.

Я думаю, что меня, пожалуй, будут веселить недоброжелательные выпады в мой адрес и улюлюканье.

— Ну хорошо, хорошо, а теперь успокойся и не тревожь тетю своими новыми идеями.

— Постараюсь, но в ее присутствии меня вечно подмывает разразиться какой-нибудь дерзкой речью или излить самые революционные чувства.

Это мой рок, и я ничего не могу поделать.

У тети Марч они застали другую свою тетю — миссис Кэррол. Дамы обсуждали что-то с большим интересом, но, как только вошли девочки, обе умолкли. По виду собеседниц можно было догадаться, что речь шла как раз о племянницах.

Джо была отнюдь не в лучшем настроении, к ней вернулась прежняя раздражительность, но Эми, сознавая, что исполнила свой долг, была в самом ангельском расположении духа, и тетки сразу почувствовали это.

Они приветствовали ее любовным «моя дорогая», и взгляды их говорили то же, что они потом сказали друг другу:

«Этот ребенок становится лучше с каждым днем».

— Ты собираешься помочь миссис Честер в устройстве благотворительного базара, дорогая? — спросила миссис Кэррол, когда Эми села рядом с ней с тем доверчивым видом, который так нравится пожилым людям у молодых.

— Да, тетя.

Она попросила меня помочь, и я вызвалась торговать за одним из столиков, ведь я не могу предложить ничего другого, кроме моего труда.

— Я не собираюсь участвовать в этой затее, — вставила Джо решительным тоном.

— Терпеть не могу, когда мне покровительствуют, а Честеры считают, что делают нам большое одолжение, разрешив помочь в устройстве их базара, где будут присутствовать всякие важные особы.

Удивляюсь, Эми, как ты согласилась. Ты нужна им только для того, чтобы работать.

— Я согласна поработать, ведь я буду делать это не только для Честеров, но и для бывших рабов, в пользу которых пойдет выручка. И я считаю, что Честеры очень добры, позволяя мне принять участие в трудах и развлечении.

Покровительство других не тяготит меня, если его оказывают из лучших побуждений.

— Совершенно справедливо и разумно.

Мне нравится твой благодарный дух, моя дорогая.

Очень приятно помочь людям, которые ценят наши усилия.

Некоторые не ценят, и это досадно, — заметила тетя Марч, глядя через очки на Джо, которая сидела поодаль и раскачивалась в качалке с довольно надутым видом.

Если бы Джо только знала, какое огромное счастье ждет ту из них, в чью пользу склонится чаша весов, она в одно мгновение сделалась бы сущим ангелом, но, к несчастью, у людей нет окон в груди и мы не можем видеть, что происходит в сердцах наших друзей.

Быть может, так лучше для нас, но в некоторых случаях это было бы таким удобством, такой экономией времени и чувств.

Своим следующим замечанием Джо лишила себя нескольких лет удовольствия и получила своевременный урок, заставивший ее понять, что искусство сдерживать свой язык не последнее среди прочих.

— Не люблю благодетелей. Они угнетают, заставляют чувствовать себя рабом.

Я предпочитаю делать все для себя сама и быть совершенно независимой.

— Хм! — кашлянула тетя Кэррол приглушенно и бросила взгляд на тетю Марч.

— Я же тебе говорила, — сказала тетя Марч, выразительно кивнув тете Кэррол.

В блаженном неведении относительно того, что именно она сделала, Джо сидела, задрав нос с вызывающим видом, отнюдь не располагавшим к ней.

— Ты говоришь по-французски, дорогая? — спросила тетя Кэррол, положив руку на руку Эми.

— Да, довольно хорошо благодаря тете Марч, которая позволила Эстер говорить со мной, когда я захочу, — ответила Эми, бросив на тетю Марч благодарный взгляд, заставивший старую даму улыбнуться.

— А как у тебя с языками? — спросила миссис Кэррол у Джо.

— Ни слова не знаю.

Слишком тупая. И терпеть не могу французский — такой дурацкий, скользкий язык, — прозвучал грубый и резкий ответ.

Дамы снова обменялись взглядом, и тетя Марч сказала Эми:

— Ты, кажется, теперь здорова и окрепла, дорогая?

С глазами у тебя уже все в порядке, не так ли?

— О да, спасибо, мэм.

Я вполне здорова и собираюсь много рисовать предстоящей зимой, чтобы иметь хорошую подготовку на случай, если мне когда-нибудь доведется осуществить свою мечту и поехать в Рим.

— Милая девочка!

Ты вполне заслуживаешь того, чтобы твоя мечта осуществилась. И я уверена, что она осуществится, — сказала тетя Марч, одобрительно погладив Эми по голове, когда та наклонилась, чтобы поднять упавший теткин клубок.

— Ворчунья, — двери на замок, Сядь у огня, вяжи чулок, — завизжал попка, свесившись со спинки стула тети Марч и заглядывая в лицо Джо с таким забавным выражением дерзкого любопытства, что было невозможно удержаться от смеха.

— Весьма наблюдательная птица, — заметила старая дама.

— Пойди, дорогая, прогуляйся! — крикнул попка и запрыгал к посудному шкафчику, имея явные виды на кусочки сахара.

— Спасибо за совет. Так я и сделаю.

Пошли, Эми. — И Джо завершила визит, чувствуя еще глубже, что такие посещения знакомых плохо влияют на ее организм.

Она по-мужски пожала теткам руки, но Эми поцеловала обеих, и девочки удалились, оставив впечатление тени и света, заставившее тетю Марч сказать, когда дверь закрылась:

— Возьми ее с собой, Мэри.

Денег я дам, — а тетю Кэррол ответить очень решительно:

— Непременно, если ее родители согласятся.

Глава 7

Последствия

Общество, которое собирала на своем благотворительном базаре миссис Честер, было столь изысканным и элегантным, что у всех юных леди в округе считалось большой честью быть приглашенными торговать за одним из столиков, и все они были очень заинтересованы в том, чтобы получить приглашение.

Эми была приглашена, но Джо — нет, что было благом для всех сторон, так как в этот период жизни ее локти все еще были решительно выставлены в стороны, и ей предстояло не раз ушибиться, чтобы научиться держаться легко и свободно.

«Высокомерное и неинтересное существо» было сурово оставлено в одиночестве, но талант и вкус Эми получили должную оценку: ей был предложен столик художественных изделий, и она приложила все усилия к тому, чтобы своими произведениями внести достойный вклад в его оформление.

Все шло гладко до последнего дня накануне открытия базара, когда произошла одна из мелких стычек, которых почти невозможно избежать там, где около двух с половиной Десятков женщин, молодых и старых, со всеми их предубеждениями и взаимными обидами, пытаются работать вместе.

Мэй Честер завидовала Эми, так как та пользовалась большим успехом в обществе, и как раз в этот период имели место несколько мелких происшествий, усиливших это чувство.

Изящные рисунки пером и тушью, вышедшие из-под руки Эми, совершенно затмили на столике художественных изделий большие вазы, разрисованные Мэй, — это был первый укол ее самолюбия; далее, покоритель сердец Тюдор на последней вечеринке танцевал четыре раза с Эми и только один с Мэй — это была заноза номер два; но главным, что влило яд в ее душу и давало ей, по ее мнению, право на недружественное поведение, был слух, донесенный до нее услужливыми сплетниками, о том, что девочки Марч передразнивали ее, когда были с визитом у Лэмбов.

Вся вина за это ложилась на озорную Джо, которая слишком похоже подражала манерам Мэй, чтобы это могло остаться незамеченным, а любящие посмеяться Лэмбы позволили этой шутке стать общим достоянием.

Ни слова об этом, впрочем, не дошло до самих преступниц, и можно вообразить ужас Эми, когда вечером накануне открытия базара к ней, вносившей заключительные штрихи в убранство своего очаровательного столика, подошла миссис Честер, которой, разумеется, тоже не понравилось известие о насмешках над ее дочерью, и сказала вежливым тоном, но с холодным взглядом:

— Дорогая, я выяснила, что участницы базара возражают против того, чтобы я отдавала этот столик кому бы то ни было, кроме моих девочек.

Он самый заметный — а некоторые говорят, что и самый привлекательный, — из всех, а так как мои дочери — главные устроительницы базара, лучше всего им занять это место.

Мне жаль, что так получилось, но я знаю, что ты искренне заинтересована в успехе дела и не станешь обращать внимание на маленькое личное разочарование. Ты получишь другой столик, если хочешь.

Миссис Честер предполагала, что ей будет нетрудно произнести эту небольшую речь, но оказалось нелегким делом говорить естественно, когда прямо на нее были устремлены простодушные глаза, полные удивления и огорчения.

Эми чувствовала, что за этим что-то кроется, но не могла догадаться что, и сказала тихо, не в силах скрыть обиду:

— Может быть, вы предпочитаете, чтобы я совсем не участвовала в базаре?

— Дорогая, прошу, не обижайся.

Это вопрос целесообразности. Мои девочки, естественно, берут на себя руководство базаром, а этот столик расположен на видном месте.

По моему личному мнению, столик с художественными изделиями самый подходящий для тебя, и я очень благодарна за твои старания заполнить его красивыми вещами, но мы, разумеется, вынуждены пожертвовать нашими личными желаниями ради успеха всего дела. Я позабочусь о том, чтобы ты получила другое хорошее место.

Не хочешь ли цветочный столик?

За него взялись младшие девочки, но у них ничего не выходит, а ты могла бы сделать его очаровательным.

И потом, цветочный столик всегда привлекает покупателей.

— Особенно мужчин, — добавила Мэй, со взглядом, объяснившим Эми одну из причин, по которой она так неожиданно впала в немилость.

Она рассердилась и покраснелась, но постаралась не обращать внимания на сарказм и ответила неожиданно дружелюбно:

— Хорошо, пусть будет так, как вы хотите, миссис Честер.

Я немедленно уступлю мое место Мэй и займусь цветами, если хотите.

— Можешь взять с собой свои изделия и положить на цветочный столик, — сказала Мэй, чувствуя некоторые угрызения совести при взгляде на красивые полочки, раскрашенные ракушки, веселые яркие рисунки, которые Эми так аккуратно сделала и так красиво расположила.

Мэй сказала эту фразу из лучших побуждений, но Эми неверно истолковала ее намерения и торопливо ответила:

— Конечно, конечно, если они тебе мешают, — и, сметя все свои изделия в передник, понесла их к цветочному столику, чувствуя, что ей и ее творениям нанесено оскорбление, которое нельзя простить.

— Разозлилась... Ах, уж лучше бы я не просила тебя, мама, поговорить с ней, — сказала Мэй, печально глядя на пустые места на своем столике.

— Девичьи ссоры быстро забываются, — ответила мать, чувствуя себя немного пристыженной, и не без основания, за свою роль в этой девичьей ссоре.

Маленькие девочки встретили Эми и ее сокровища с восторгом, и этот сердечный прием несколько успокоил ее смятенные чувства. Она взялась за работу, надеясь преуспеть в цветочном деле, если не смогла в художествах.

Но все, казалось, было против нее: час был поздний и она устала; все были слишком заняты собственными делами, чтобы помочь ей; маленькие девочки только мешали ей, болтая и прыгая как настоящие обезьянки, и своими неумелыми попытками навести порядок вносили еще большую неразбериху.

Эми подняла деревянную арку, к которой были прибиты еловые ветки, и повесила на нее корзиночки с цветами, но арка никак не хотела стоять ровно, все время покачивалась и грозила опрокинуться на

голову цветочницам.

На лучшую глиняную тарелку Эми попали брызги воды, оставив похожий на слезу след сепии на щеке Купидона, она наставила синяков на руках, работая молотком, и простудилась на сквозняке — и это последнее из постигших ее бедствий вызвало у нее большие опасения относительно завтрашнего дня.

Любая девушка, которой пришлось пройти через подобные испытания, читая эту главу, посочувствует бедной Эми и пожелает ей успешно справиться с ее задачей.

Домашние были в негодовании, когда, вернувшись домой, она рассказала о том, что произошло.

Мать сказала, что это бесчестно, но что Эми поступила правильно; Бесс заявила, что на месте Эми совсем не пошла бы на базар, а Джо вопрошала, почему Эми не забрала все свои красивые изделия и не оставила этих подлых людей, чтобы они обходились, как знают, без нее.

— То, что они подлые, не означает, что и я должна быть такой же, как они.

И хотя я считаю, что у меня есть полное право обижаться, я не намерена показывать это.

Такое поведение произведет на них большее впечатление, чем сердитые слова и ответные действия, правда, мама?

— Да, это совершенно правильный подход, дорогая.

Всегда лучше ответить поцелуем на удар, хотя не всегда легко ответить именно так, — сказала мать с видом человека, знающего разницу между поучением и следованием ему.

Несмотря на вполне естественное искушение обидеться и отомстить, Эми весь следующий день оставалась верна своему решению, твердо намереваясь победить врага добротой.

Утро началось хорошо благодаря молчаливому напоминанию, которое пришло неожиданно, но весьма кстати.

Пока младшие девочки наполняли цветами корзины в задней комнате, Эми начала раскладывать на столике свои изделия и взяла в руки самое любимое из них — маленькую старинную книжечку в красивом переплете, которую отец нашел среди своих сокровищ и в которой она на листах пергамента сделала красивые цветные надписи.

Когда она с вполне простительной гордостью листала страницы, украшенные изящными эмблемами и девизами, взгляд ее упал на один стих, заставивший ее остановиться и задуматься.

В обрамлении великолепного орнамента в виде алых, голубых и золотых завитков, под изображением маленьких духов добра, помогающих друг другу пробираться сквозь заросли роз и терновника, сияли слова:

«Люби ближнего твоего, как самого себя».

«Я должна любить, но не люблю», — подумала Эми, переведя взгляд с яркой страницы на недовольное лицо Мэй рядом с большими вазами, которые не могли закрыть пустоту, оставшуюся там, где прежде лежали работы Эми.

Эми постояла с минуту, переворачивая листки и читая на каждом из них новый нежный упрек за свою досаду и неспособность простить.

Много мудрых проповедей читают нам каждый день невольные проповедники на улице, в школе, в конторе и дома; даже столик на благотворительном базаре может стать церковной кафедрой, если на нем мы найдем хорошие и полезные слова, которые всегда остаются злободневными.

И совесть Эми, опираясь на библейский стих, прочла ей маленькую проповедь прямо за ее столиком, и

она сделала то, что не всегда делают многие из нас, — приняла эту проповедь близко к сердцу и воплотила призыв этой проповеди в жизнь.

У стола Мэй стояла группа девочек. Они восхищались вазами и беседовали о произведенном перемещении продавщиц.

Они говорили вполголоса, но Эми знала, что они говорят о ней — говорят, выслушав лишь одну сторону, и судят в соответствии с тем, что слышали.

Это было неприятно, но лучшие побуждения владели ею, и тут же представился случай доказать это.

Она услышала, как Мэй сказала печально:

— Очень плохо, нет времени изготовить другие вещи, а заполнять пустые места случайными мелочами мне не хочется.

Стол имел законченный вид, теперь все испорчено.

— Я думаю, она вернула бы сюда свои изделия, если бы ты ее об этом попросила, — предположил кто-то.

— Как я могу после такой сцены... — начала Мэй, но не закончила, так как от цветочного столика донесся голос Эми, любезно сказавшей:

— Можешь взять все, и даже не спрашивая разрешения.

Я как раз думала о том, чтобы предложить вернуть их, ведь они больше подходят к твоему столу, чем к моему.

Вот они, пожалуйста, возьми и прости меня, если я поспешила забрать их вчера вечером.

С этими словами Эми вернула свои творения, кивнула, улыбнулась и поспешила отойти, чувствуя, что легче сделать дружественный жест, чем задержаться и выслушать слова благодарности за него.

— Как это мило с ее стороны! Я так считаю, а вы?

Что ответила Мэй, было не слышно, но другая молодая особа, имевшая кислую мину (вероятно, оттого, что делала лимонад), заметила с неприятным смехом:

— Очень мило! Ведь она знает, что не сможет продать их со своего столика.

Это было тяжело; когда мы приносим свои маленькие жертвы, нам хочется, чтобы их, по меньшей мере, оценили. На мгновение Эми пожалела о своем порыве, чувствуя, что изречение «добродетель сама себе награда» не всегда справедливо.

Но оно справедливо! И Эми вскоре убедилась в этом — настроение ее начало улучшаться, а ее стол становиться все красивее под ее умелыми руками, все девочки были очень добры к ней, и казалось, что один этот маленький поступок удивительным образом положительно повлиял на всю атмосферу происходящего в зале.

Это был очень длинный и тяжелый день для Эми. Она сидела за своим столиком часто в полном одиночестве, так как маленькие девочки скоро убежали.

Мало кто хотел покупать летом цветы, и ее букеты начали вянуть.

Столик с художественными изделиями был самым привлекательным в зале, вокруг него все время толпились покупатели, и посыльные с выручкой постоянно сновали от столика и обратно с важными лицами, позвякивая монетами в коробках.

Эми часто бросала печальный взгляд в ту сторону, страстно желая перенестись из своего угла, где нечего делать, туда, где она чувствовала бы себя на месте и была бы совершенно счастлива.

Быть может, сидеть в углу и ждать редких покупателей не показалось бы некоторым из нас таким уж трудным делом, но красивой, беспечной юной девушке это было не только скучно, но и досадно, а мысль о том, что вечером ее найдут здесь в таком положении родные, Лори и его друзья, была настоящей пыткой.

Ближе к вечеру она вернулась домой пообедать и выглядела такой бледной и была так молчалива, что все знали: день оказался тяжелым, хотя она не жаловалась и даже не сказала о том, что передала свои изделия на столик Мэй.

Мать дала ей дополнительную чашечку укрепляющего чая, Бесс помогла переодеться и сделала прелестный маленький венок на головку, Джо же изумила всю семью тем, что нарядилась с необычным тщанием и туманно намекнула, что кое-кому снова предстоит поменяться местами.

— Прощу тебя, Джо, не надо никаких грубостей. Я не хочу никакого скандала, пусть все идет, как идет, и веди себя прилично, — умоляла Эми, снова уходя из дома. Она вышла пораньше в надежде успеть найти свежие цветы для своего бедного столика.

— Не волнуйся, я намерена лишь сделаться обворожительно любезной со всеми знакомыми и постараться удержать их в твоём углу как можно дольше.

Тедди и его друзья помогут мне, и мы еще повеселимся! — ответила Джо, проводив сестру до калитки, на которой и повисла в ожидании Лори.

Вскоре в сумерках слышались знакомые шаги, и Джо бросилась на их звук.

— Это мой мальчик?

— Конечно, а это моя девочка? — И Лори сунул ее руку себе под руку с видом человека, которому нечего больше желать.

— О, Тедди, тут такие дела! — И Джо с сестринским пылом принялась рассказывать об обидах, нанесенных Эми.

— Сейчас здесь появится целая компания наших ребят, и я не я, если не заставлю их мигом раскупить все цветы до одного, а после этого расположиться на остаток вечера вокруг ее столика, — сказал Лори, горячо поддержав план Джо.

— Эми говорит, что цветы никуда не годятся, а свежих могут не принести вовремя.

Я не хотела бы оказаться несправедливой или излишне подозрительной, но не удивлюсь, если цветы вообще не поступят.

Если люди делают одну гадость, они, вероятно, сделают и другую, — заметила Джо с отвращением.

— Разве Хейс не дал вам лучших цветов из нашей оранжереи?

Я ему говорил.

— Я этого не знала. Он, вероятно, забыл, а так как твоему дедушке нездоровится, я не посмела его беспокоить, хотя мне и хотелось попросить немного цветов.

— Что ты, Джо! Как ты можешь думать, что нужно просить!

Цветы точно так же твои, как и мои.

Разве мы не всегда делим все пополам? — начал Лори тоном, от которого Джо всегда становилась

колючей.

— Спаси и помилуй! Надеюсь, что это не так.

Половинки некоторых из твоих вещей мне совсем бы не подошли... Послушай, некогда стоять тут и любезничать.

Я должна пойти и помочь Эми, а ты пойд и переоденься, а если будешь так добр, что скажешь Хейсу, чтобы он отнес букет красивых цветов в зал, где устроен базар, ты меня очень обяжешь.

— Я тебя обяжу с удовольствием, — сказал Лори так многозначительно, что Джо негостеприимно захлопнула калитку перед его носом и крикнула через изгородь:

— Уходи, Тедди, мне некогда.

Благодаря заговорщикам к вечеру положение Эми совершенно изменилось, ибо Хейс прислал море цветов и прелестную корзинку, для которой с присущим мастерством составил букет и которую поместили в центре столика.

Затем прибыло семейство Марч в полном составе, и стараниями Джо успех торговли был обеспечен, так как люди не только подходили к столику, но и оставались — смеясь, слушали ее веселый вздор, восхищались вкусом Эми и явно были очень довольны.

Лори и его друзья тоже храбро бросились в прорыв, раскупили букеты и расположились возле столика, сделав угол Эми самым оживленным местом в зале.

Эми была теперь в своей стихии и из чувства благодарности, не говоря уже о других чувствах, была чрезвычайно оживлена и любезна — к тому времени она уже пришла к окончательному выводу, что в конце концов добродетель все же является сама себе наградой.

Джо была образцом приличий и, успешно окружив Эми почетным караулом, прогуливалась по залу. Случайно подслушанные обрывки разговоров прояснили для нее мотивы поведения Честеров.

Она упрекнула себя в дурных чувствах, осознав свою долю вины за происшедшее, и решила как можно скорее добиться снятия обвинений с Эми.

Она также узнала о том, что Эми вернула свои изделия на столик Мэй, и нашла сестру олицетворением великодушия.

Проходя мимо столика с художественными изделиями, она окинула его взглядом в надежде увидеть произведения сестры, но там не было и следа их.

«Засунули подальше, чтоб никто не видел», — решила Джо, которая могла простить нанесенные ей самой обиды, но загоралась гневом всякий раз, когда оскорбление наносилось ее семье.

— Добрый вечер, мисс Джо.

Как дела у Эми? — спросила Мэй с дружелюбным видом, ибо хотела показать, что тоже способна проявить благородство.

— Распродала все, что у нее было стоящего, а теперь веселится в кругу гостей.

Цветочный столик всегда привлекает покупателей, как ты знаешь, «особенно мужчин».

Джо не смогла удержаться от этой маленькой колкости, но Мэй приняла ее так кротко, что Джо тут же пожалела о своих словах и принялась хвалить большие вазы, которые все еще оставались непроданными.

— А рисунки Эми еще остались?

Мне захотелось купить что-нибудь для папы, — сказала Джо, которой не терпелось узнать, какая участь постигла работы сестры.

— Все изделия Эми давно проданы.

Я постаралась, чтобы их увидели те, кому они понравятся, и мы выручили за них неплохую сумму, — ответила Мэй, которая так же, как и Эми, поборолась в тот день немало искушений.

Очень довольная, Джо бросилась к цветочному столику, чтобы сообщить приятную новость, и Эми была тронута и удивлена ее отчетом о словах и манерах Мэй.

— Теперь, господа, я хочу, чтобы вы пошли и исполнили свой долг у других столиков с той же щедростью, что и у моего, особенно у столика с художественными изделиями, — сказала она, отсылая от себя «отряд Тедди», как девочки называли компанию его университетских друзей.

— «Выше цены, выше!» — вот девиз того столика, но исполните ваш долг, как мужчины, и за свои деньги вы получите искусство во всех смыслах этого слова! — воскликнула неукротимая Джо, когда фаланга преданных бойцов готовилась выступить на поле битвы.

— Слушаю и повинуюсь, однако март прекраснее мая, — сказал малыш Паркер, делая отчаянное усилие быть одновременно остроумным и галантным, но Лори тут же обескуражил его, заметив:

— Неплохо, сын мой, для такого малыша! — и увел, отечески погладив по голове.

— Купи вазы, — шепнула Эми Лори, желая еще раз воздать добром за зло своему врагу.

К огромному удовольствию Мэй, Лори не только купил вазы, но и расхаживал затем по залу, держа по вазе в каждой руке.

Другие молодые люди с равной опрометчивостью накупили всевозможных хрупких безделушек и беспомощно бродили после этого с восковыми цветами, раскрашенными веерами, папками из филигранной бумаги и другими столь же полезными и ценными приобретениями.

Тетя Кэррол тоже была в зале, она слышала всю историю, выглядела очень довольной, а затем потихоньку сказала миссис Марч что-то, что заставило последнюю засиять от радости и взглянуть на Эми с гордостью, к которой примешивалось и беспокойство, однако причину своей радости и гордости она хранила в тайне следующие несколько дней.

Было объявлено, что благотворительный базар имел успех, а Мэй, пожелав Эми спокойной ночи, не стала, как обычно, изливаться в своих чувствах, но лишь ласково поцеловала ее, словно говоря взглядом: «Прости и забудь».

Эми была удовлетворена, а придя домой, обнаружила, что вазы Мэй стоят на каминной полке в гостиной и в каждой из них огромный букет.

«Награда за заслуги — великодушной Марч», — как напыщенно объявил Лори с эффектным жестом.

— У тебя гораздо больше принципиальности, великодушия и благородства, чем я могла предположить, Эми.

Ты вела себя замечательно, и я глубоко уважаю тебя за это, — сказала Джо с теплотой, когда поздно вечером все они расчесывали перед сном волосы.

— Да, все мы уважаем ее и любим за то, что она прощает обиды с такой готовностью.

Тебе, должно быть, было ужасно тяжело, Эми, ведь ты так долго трудилась и так хотела сама продать свои красивые поделки.

Не думаю, что я смогла бы проявить такую доброту, как ты, — добавила Бесс со своей подушки.

— Что вы, девочки, не нужно так меня хвалить.

Я всего лишь поступила с Мэй так, как я хотела бы, чтобы поступали со мной.

Когда я говорю, что хочу быть настоящей леди, вы смеетесь надо мной, но я подразумеваю под этим благородство души и манер и стремлюсь к этому, как умею.

Я не могу объяснить точно, но я хочу быть выше мелких слабостей, глупостей и недостатков, которые портят многих женщин.

Сейчас я далека от этой цели, но стараюсь и надеюсь со временем стать такой, как мама.

Эми говорила серьезно, и, обняв ее, Джо сказала с чувством:

— Теперь я понимаю, что ты имеешь в виду, и никогда больше не буду смеяться над тобой.

Твои успехи больше, чем ты предполагаешь, и я буду учиться у тебя истинной вежливости, поскольку уверена, что ты знаешь ее секрет.

Старайся, дорогая, и однажды ты получишь свою награду, и тогда я буду счастливее всех.

Спустя неделю Эми действительно была вознаграждена, а бедной Джо оказалось нелегко быть в этом случае счастливой.

Пришло письмо от тети Кэррол, и, читая его, миссис Марч так сияла, что сидевшие поблизости Джо и Бесс спросили, какие приятные новости оно принесло.

— Тетя Кэррол едет в Европу в следующем месяце и хочет...

— Чтобы я поехала с ней! — воскликнула Джо, вскакивая со стула в безудержном восторге.

— Нет, дорогая, не ты, а Эми.

— О, мама!

Она еще слишком маленькая; я должна быть первой.

Я так давно этого хотела... поездка принесет мне столько пользы, и в целом это будет замечательно... Я должна поехать.

— Боюсь, Джо, это невозможно.

Тетя выбрала Эми, и не нам диктовать ей, кого взять, ведь она делает нам такую любезность.

— — Так всегда.

Эми — все удовольствия, а мне — вся работа.

Это несправедливо, о, это несправедливо! — крикнула Джо страстно.

— Боюсь, дорогая, отчасти это твоя собственная вина.

Когда тетя разговаривала со мной на днях, она посетовала на твои резкие манеры и независимый характер; и в письме она говорит, — цитируя среди прочего твои слова: «Сначала я собиралась пригласить Джо, но так как „благодетельные угнетают ее“ и она „терпеть не может французский“, я не отважилась пригласить ее.

Эми более послушна, она будет хорошим обществом для Фло и будет благодарна за ту пользу, которую ей, несомненно, принесет это путешествие».

— О мой язык, мой ужасный язык!

Почему я не могу научиться держать его за зубами? — стонала Джо, вспоминая слова, ставшие причиной ее несчастья.

Когда миссис Марч выслушала объяснение происхождения приведенных в письме цитат, она сказала печально:

— Я очень хотела бы, чтобы ты могла поехать, но на этот раз надежды для тебя нет; так что постарайся перенести это мужественно и не порти удовольствие Эми упреками или сетованиями.

— Постараюсь, — сказала Джо, с трудом моргая и опустившись на колени, чтобы собрать вещи, высыпавшиеся из рабочей корзинки, которую она опрокинула, когда вскочила.

— Я возьму пример с нее и постараюсь не только казаться, но и быть довольной и не завидовать ни единой минуте ее счастья.

Но мне будет нелегко, потому что это ужасное разочарование. — И бедная Джо оросила маленькую пухлую игольную подушечку несколькими очень горькими слезами.

— Джо, дорогая, наверное, я ужасная эгоистка, но я не могу расстаться с тобой и рада, что ты пока не уезжаешь, — шепнула Бесс, обнимая ее прямо вместе с корзинкой так крепко и с такой любовью на лице, что Джо стало легче, несмотря на жестокие сожаления и желание надрать себе самой уши и смиренно просить тетю Кэррол обременить ее своими благодеяниями и посмотреть, с какой благодарностью она будет нести эту ношу.

К тому времени, когда вошла Эми, Джо уже могла принять участие в семейном ликовании, быть может не так искренне и сердечно, как обычно, но без ропота на счастливую судьбу Эми.

Сама же юная леди встретила новость очень радостно, ходила по дому торжественная и счастливая и в тот же вечер принялась собирать свои краски и упаковывать карандаши, оставив заботы о таких мелочах, как одежда, деньги и паспорт, тем членам семьи, которые были меньше, чем она, погружены в мечты об искусстве.

— Для меня, девочки, это не просто приятная поездка, — сказала она выразительно, отскребая сухую краску со своей лучшей палитры.

— Она решит вопрос о моем будущем. Если у меня есть гений, он проявится в Риме, и я совершу что-нибудь, чтобы доказать это.

— А вдруг его нет? — спросила Джо, не поднимая покрасневших глаз от новых воротничков, которые усердно шила и которые предстояло передать Эми.

— Тогда я вернусь домой и буду зарабатывать на жизнь уроками рисования, — с философским спокойствием заметила претендентка на славу.

Но при мысли о такой перспективе лицо ее скривилось от отвращения, и она продолжила отчищать палитру с видом человека, готового предпринять самые решительные действия, прежде чем отказаться от своей мечты.

— Нет, это не для тебя.

Ты терпеть не можешь тяжелую и скучную работу. Ты выйдешь замуж за какого-нибудь богатого человека и будешь купаться в роскоши до конца своих дней, — сказала Джо.

— Твои предсказания иногда сбываются, но я не верю, что сбудется это последнее, хотя мне и хотелось бы этого.

Если я не смогу сама стать художницей, мне было бы приятно иметь возможность помочь другим, — сказала Эми с улыбкой, говорившей, что роль дамы-патронессы кажется ей более подходящей, чем

роль скромной учительницы рисования.

— Хм! — сказала Джо со вздохом.

— Если ты этого хочешь, так и будет. Твои желания всегда исполняются, мои — никогда.

— Ты хотела бы поехать в Европу? — спросила Эми, задумчиво поглаживая себя по носу ножом, которым отчищала краску.

— Еще как!

— Что ж, через год-два я пошлю за тобой, и мы еще поищем следы Древнего Рима на Форуме и осуществим все те планы, которые строили столько раз.

— Спасибо.

Я напомню тебе о твоем обещании, когда придет твой счастливый день, если он когда-нибудь придет, — ответила Джо, принимая это неопределенное, но великодушное предложение сестры со всей возможной благодарностью.

Времени на сборы оставалось немного, и в доме до самого отъезда Эми царило волнение.

Джо держалась очень хорошо, пока не исчезла вдаль с последним взмахом голубая лента, а тогда бросилась в свое убежище на чердаке и плакала там до изнеможения.

Эми также держалась мужественно до отплытия парохода, но в тот момент, когда собрались убрать трап, она вдруг осознала, что скоро целый океан раскинется между ней и самыми близкими ей людьми, и, схватив за руку Лори, последнего из провожающих, задержавшегося у трапа, сказала, всхлипнув:

— Позаботься о них, и если что-нибудь случится...

— Хорошо, дорогая, я позабочусь, а если что-нибудь случится, я приеду, чтобы утешить тебя, — шепнул Лори, едва ли предполагая, что ему и в самом деле придется выполнить это обещание.

Так Эми отправилась открывать Старый Свет, который всегда предстает новым и красивым перед юными глазами, а ее отец и друг следили за ней с берега, горячо надеясь, что лишь добрый жребий выпадет этой девочке, которая радостно махала им рукой, пока с берега не стало видно ничего, кроме слепящего блеска летнего солнца на поверхности океана.

Глава 8

Наш зарубежный корреспондент

Лондон.

Дорогие мои, я сижу у окна в гостинице «Бат», расположенной на Пикадилли.

Это совсем не фешенебельная гостиница, но дядя жил здесь много лет назад и не хочет останавливаться ни в какой другой.

Но мы не собираемся задерживаться в Лондоне надолго, так что это неважно.

Ах, не могу передать вам, какое это замечательное путешествие!

И никогда не смогу, так что я просто пошлю вам фрагменты из моей записной книжки: с самого моего отъезда я не делала ничего другого, кроме эскизов и записей.

Я послала вам записку из Галифакса; тогда, в самом начале, я чувствовала себя довольно скверно, но

потом все пошло отлично — укачивало редко, весь день на палубе и множество приятных людей вокруг.

Все были очень добры ко мне, особенно офицеры.

Не смейся, Джо, джентльмены очень нужны на борту, чтобы поддержать даму или что-нибудь подать; а так как им совершенно нечего делать, мы лишь облагодетельствуем их, заставив быть полезными, а иначе постоянным курением они просто себя испепелят.

Тетя и Фло плохо чувствовали себя во время путешествия и хотели быть одни, так что когда я не могла ничем им помочь, то шла на палубу.

Какие закаты, какой чудесный воздух, какие волны!

Это возбуждает почти так же, как скачка на быстрой лошади.

Я думаю, если бы Бесс тоже поехала, ей это было бы очень полезно.

А Джо залезала бы на кливер грот-марса, или как там эта высокая штука называется, заводила бы дружбу с механиками, кричала в капитанский рупор — и была бы в полном восторге.

Все было восхитительно в океане, но я была рада, когда увидела берег Ирландии — такой зеленый, залитый солнцем, с разбросанными тут и там коричневыми хибарками, с руинами, виднеющимися кое-где на холмах, с богатыми поместьями в долинах, где в парках устроены оленьи заповедники.

Было раннее утро, но я не пожалела, что встала рано и увидела все это. В заливе было полно рыбачьих лодок, а берег так живописен и над головой розовое небо — я никогда этого не забуду.

В Квинстауне мы расстались с одним из наших новых знакомых — мистером Ленноксом, и, когда я сказала что-то об озерах Килларни, он вздохнул и пропел, глядя на меня:

О, слышали ли вы о Кейт Корни, Что живет на прекрасных Килларни?

Ее взгляд роковой Унесет ваш покой, Избегайте опасной Кейт Корни.

Ну не глупо ли?

В Ливерпуле мы остановились всего на несколько часов.

Это грязное, шумное место, и я была рада уехать оттуда.

Дядя первым делом помчался и купил пару лайковых перчаток, какие-то отвратительные грубые ботинки, зонтик и побрился, оставив бакенбарды.

Он льстил себя надеждой, что выглядит как настоящий британец, но в первый же раз, когда он остановился, чтобы почистить свои новые ботинки, маленький чистильщик, увидев, что в них стоит американец, сказал с усмешкой:

«Готово, сэр.

Я начистил их новейшей американской ваксой».

Это рассмешило дядю чрезвычайно.

О, я должна рассказать вам, что этот глупый Аеннокс сделал!

Он попросил своего друга, мистера Уэрда, который ехал с нами дальше, заказать цветы для меня, и первое, что я увидела в моем гостиничном номере, был великолепный букет с запиской: «От Роберта Леннокса».

Ну не забавно ли, девочки?

Мне нравится путешествовать.

Если бы я ехала одна и мне не надо бы было спешить, боюсь, я никогда не добралась бы до Лондона, так как останавливалась бы на каждом шагу. Наша поездка напоминала скачку по картинной галерее, где с обеих сторон множество прелестных пейзажей.

Фермерские домики привели меня в восторг — соломенные крыши, стены увиты плющом до самого верха, окна с решетками и полные женщины с румяными детишками на пороге.

Скот кажется более спокойным, чем наш, — коровы стояли по колено в клевере, а курицы довольно клохтали, словно никогда не нервничают, как наши американские куры.

Таких чудесных красок я еще не видела — трава такая зеленая, небо такое голубое, поля такие желтые, леса такие темные, — я была в восхищении всю дорогу.

И Фло тоже, и мы прыгали от окна к окну, пытаясь увидеть все с обеих сторон — а мчались со скоростью шестьдесят миль в час.

Тетя устала и уснула, а дядя читал путеводитель и ничему не удивлялся.

Вот как мы ехали — Эми, вскакивая: «О, это должно быть Кенилворт, это серое пятно среди деревьев!»; Фло, бросаясь к моему окну: «Какая прелесть!

Мы непременно должны туда заехать. Правда, папа?»; дядя, спокойно любуясь своими ботинками: «Нет, дорогая. Разве только если ты пива хочешь. Это пивоварня».

Пауза, затем Фло кричит:

«Боже мой, виселица, и человек на нее поднимается!» —

«Где, где?» — взвизгивает Эми, тараща глаза на два высоких столба с перекладиной и какими-то звякающими цепями.

«Шахта», — замечает дядя с усмешкой в глазах.

«Смотри, какое там стадо миленьких ягнят!» — говорит Эми.

«Какая прелесть, смотри, папа!» — добавляет Фло сентиментально.

«Это гуси, мои юные леди», — отвечает дядя тоном, от которого мы замолкаем. Фло усаживается за «Похождения капитана Кавендиша», а весь пейзаж остается мне одной.

Когда мы приехали в Лондон, конечно же полил дождь, и не было видно ничего, кроме тумана и зонтиков.

Мы отдохнули, распаковали вещи и немного походили по магазинам в промежутках между ливнями.

Тетя Мэри купила мне кое-какие вещи, потому что я собиралась в такой спешке, что не взяла с собой и половины того, что нужно.

Теперь у меня белая шляпка с голубым пером, муслиновое платье, тоже белое с голубым, и прелестнейшая пелерина.

Покупать на Риджент-стрит — одно удовольствие; и все кажется так дешево: очень красивые ленты — всего шесть пенсов за ярд.

Я купила впрок, но перчатки куплю в Париже.

Как это изысканно звучит, правда?

Мы с Фло для забавы заказали наемный экипаж и поехали прокатиться, пока тети и дяди не было. Потом мы узнали, что молодым девушкам неприлично ездить в таких экипажах без сопровождающих.

Но это было так забавно!

Потому что когда мы сели, возница закрыл нас деревянным кузовом и поехал так быстро, что Фло испугалась и велела мне остановить его. Но он был снаружи и высоко и чем-то отгорожен, и я не могла до него докричаться — он не слышал меня и не видел, как я махала зонтиком. И так мы и ехали, совершенно беспомощные, с головокружительной скоростью. Нас подкидывало и трясло и швыряло из угла в угол, пока наконец, когда мы уже были в полном отчаянии, я не увидела в крыше маленькую дверцу. Я открыла ее, и появился красный глаз, и разящий пивом рот произнес:

— Что такое, мэм?

Я, стараясь говорить спокойно, отдала ему распоряжение ехать потише, и, захлопнув дверку со словами:

«Слушаю, мэм», он перевел лошадь на самый медленный шаг, словно на похоронах.

Я опять ткнула в дверку и сказала:

«Чуть побыстрее», и он помчался с бешеной скоростью, как прежде, а мы смирились с судьбой.

Сегодня день был ясный, и мы пошли в Гайд-парк, это совсем рядом — наша гостиница в аристократическом районе, хоть этого и не скажешь по ее виду.

Рядом с нами — дворец герцога Девонширского, и я часто вижу его ливрейных лакеев, бездельничающих возле задних ворот. И дом герцога Веллингтонского недалеко.

А что я видела в Гайд-парке!

Картинки не хуже, чем в «Панче»: толстые старые дамы в красных и желтых каретах с пудренным кучером впереди и важными лакеями в шелковых чулках и бархатных ливреях высоко сзади, бойкие няни с детьми, румяней которых я в жизни не видела, красивые девушки с полусонным видом, щеголи в странных шляпах и бледно-лиловых лайковых перчатках и рослые солдаты в коротких красных куртках и высоких меховых шапках, такие забавные, что мне очень захотелось их нарисовать. Роттен-роу значит «RoutedeRoi», или «королевская дорога», но похожа она больше всего на школу верховой езды.

Лошади великолепные, и мужчины, особенно грумы, ездят очень хорошо, но женщины не склоняются и подсакивают, что не по нашим правилам.

Мне очень захотелось показать им бешеный американский галоп, а то они разъезжают важно рысцей туда и сюда в тонких амазонках и высоких шляпах, будто куклы из игрушечного Ноева ковчега.

Верхом ездят все — старики, толстые дамы, маленькие дети, — а девушки и молодые люди в основном флиртуют здесь.

Я видела пару, обменивавшуюся розовыми бутонами; их модно носить в петлице, и я подумала, что это довольно милая маленькая идея. После обеда посетили Вестминстерское аббатство, но не ждите от меня описаний — описать его невозможно!

Я только скажу, что это было грандиозно! Сегодня вечером мы собираемся в театр, смотреть Фехтера.

Это будет подходящим завершением самого счастливого дня в моей жизни. Полночь

Очень поздно, но я не смогу отправить утром это письмо, не рассказав вам, что произошло сегодня

вечером.

Как вы думаете, кто вошел, когда мы пили чай?

Английские друзья Лори — Фред и Френк Воуны!

Я была так удивлена и даже не узнала бы их, если бы не визитные карточки.

Оба высокие и с бакенбардами; Фред очень красив, в английском вкусе, а Френк почти не хромает и ходит без костылей.

Они узнали от Лори, где мы собираемся остановиться в Лондоне, и пришли пригласить нас в их дом; но дядя не захотел переезжать, так что теперь мы должны нанести им ответный визит, когда сможем.

Они ходили с нами в театр, и всем было очень весело; Френк беседовал с Фло, а мы с Фредом говорили о прошлых, настоящих и будущих развлечениях, и так легко, будто знали друг друга всю жизнь.

Скажите Бесс, что Френк спрашивал о ней и был огорчен, услышав о ее плохом здоровье.

Фред засмеялся, когда я заговорила о Джо, и попросил передать его «почтительный поклон большой шляпе».

Никто из них не забыл лагерь генерала Лоренса и как там было весело.

Как, кажется, давно это было, правда?

Тетя третий раз стучит в стену, так что я вынуждена кончить это письмо.

Право же, я чувствую себя словно ведущая праздную жизнь лондонская красавица, когда сижу здесь в комнате, где полно красивых вещей, в такой поздний час и пишу это письмо, а в моей голове путаница парков, театров, новых платьев и галантных кавалеров, которые говорят:

«Ах!» — и крутят свои светлые усы так, как и должны крутить английские лорды.

Я очень хочу увидеть вас всех, и, несмотря на мою глупость, я все равно, как всегда, ваша любящая Эми

Париж

Дорогие девочки,

в моем последнем письме я рассказывала вам о нашем пребывании в Лондоне — как любезны были Воуны, какие приятные вечеринки они устраивали для нас.

Но больше всего мне понравились поездки в Хэмптон-Корт и Кенсинг-тонский музей. В Хэмптоне я видела картины Рафаэля, а в музее целые залы, где висят полотна Тернера, Лоренса, Рейнолдса, Хогарта и других великих мастеров.

День, проведенный в Ричмонд-парке, был очарователен, мы устроили настоящий пикник, и там было больше прелестных дубов и групп оленей, чем я могла срисовать.

А еще я слышала соловья и видела, как взлетают с земли жаворонки. Благодаря Фреду и Френку мы могли осматривать Лондон сколько душе угодно, и нам было жаль уезжать.

Англичане неохотно вводят в свой круг новых людей, но уж если решат сделать это, их гостеприимство, на мой взгляд, невозможно превзойти. Воуны надеются встретиться с нами в Риме предстоящей зимой, и я буду ужасно разочарована, если этого не произойдет, потому что мы с Грейс очень подружились и мальчики очень славные, особенно Фред.

Ну вот, едва мы устроились на новом месте, как он появился опять — сказал, что у него каникулы и он

едет в Швейцарию.

Тетя сначала взглянула на него очень строго, но он был так невозмутим, что она ничего не смогла сказать.

И теперь мы отлично проводим время и очень рады, что он приехал, так как он говорит по-французски не хуже настоящего француза и я не знаю, что бы мы без него делали.

Дядя не знает и десятка слов и упорно старается очень громко говорить по-английски, будто от этого его поймут.

У тети очень старомодное произношение, а мы с Фло, хоть и думали, что много знаем, обнаружили, что это не так, и очень рады, что есть Фред, чтобы «parlez-vous»-кать, как дядя выражается.

Как чудесно мы проводим время!

С утра до вечера осматриваем достопримечательности, а обедаем в приятных веселых кафе, где с нами часто происходят всякие забавные случаи.

Дождливые дни я провожу в Лувре, наслаждаясь разглядыванием картин.

Боюсь, что Джо вздернула бы свой дерзкий нос перед некоторыми из изящнейших, но это потому, что у нее нет склонности к искусству, а у меня есть, и я стараюсь как можно скорее развить глаз и вкус.

Наверное, ей больше понравились бы всякие реликвии; так, я видела треуголку и серый сюртук Наполеона, его детскую колыбель и старую зубную щетку, а также маленькую туфельку Марии Антуанетты, кольцо Сен-Дени, меч Карла Великого и много других интересных вещей.

Я буду часами рассказывать о них, когда вернусь, но сейчас — нет времени.

Пале-Рояль — восхитительное место! Столько bijoux-terie и других прелестных вещей, я почти с ума схожу от того, что не могу их купить.

Фред хотел купить кое-что для меня, но я, разумеется, не позволила.

А еще Буа и Елисейские поля — *tres magnifique*.

Несколько раз я видела императорскую семью: император некрасивый, с тяжелым взглядом, императрица бледная и красивая, но одета, по моему мнению, безвкусно — фиолетовое платье, зеленая шляпа и желтые перчатки.

Малыш Нап — красивый мальчик, все время болтает со своим наставником и посылает народу воздушные поцелуи, когда проезжает в своем запряженном четверней ландо с форейторами в красных атласных куртках и верховой охраной спереди и сзади.

Мы часто ходим в сады Тюильри, они очень красивы, хотя старинные Люксембургские нравятся мне больше.

Кладбище Пер-Лашез тоже очень интересное место, многие склепы будто маленькие комнатки, и, заглянув, видишь стол с портретом умершего на нем и вокруг стулья, чтобы посетителям было где сесть, когда они придут оплакивать похороненного в этом склепе.

Это так по-французски.

Мы сняли комнаты на Рю-де-Риволи, и с балкона открывается вид на всю эту длинную, великолепную улицу.

Это так красиво, что мы часто проводим вечера на балконе, беседуя, когда слишком устаем за день, чтобы отправиться куда-нибудь и вечером.

Фред — очень интересный и, пожалуй, самый приятный молодой человек, какого я знаю, — кроме Лори, чьи манеры более обворожительны.

Хорошо бы у Фреда были темные волосы, я не люблю светлых мужчин, однако Воуны очень богаты и из аристократического рода, так что я не против того, что у них светлые волосы, да к тому же мои собственные еще светлее.

На следующей неделе мы едем в Германию и Швейцарию, и, так как не будем нигде в пути останавливаться надолго, я смогу писать вам лишь наспех.

Но я веду дневник и стараюсь «правильно запоминать и ясно описывать все, что вижу и чем восхищаюсь», как папа советовал.

Это хорошая практика для меня, и дневник вместе с моим эскизным альбомом даст вам лучшее представление о моем путешествии, чем эти мои каракули.

Adieu, нежно вас целую, Votre Amie.

Гейдельберг

Дорогая мама,

еще целый час до нашего отправления в Берн, и я постараюсь рассказать тебе, что произошло, так как есть кое-что и очень важное, как ты увидишь.

Поездка на пароходе вверх по Рейну была великолепна, я просто сидела, смотрела и наслаждалась всей душой.

Возьми старые папины путеводители и прочитай там об этом, а у меня нет достаточно красивых слов, чтобы описать, что я видела.

В Кобленце мы чудесно провели время, а студенты из Бонна, с которыми Фред познакомился на пароходе, пропели нам серенаду.

Ночь была лунная, и около часа нас с Фло разбудила раздавшаяся под окном прелестнейшая музыка.

Мы вскочили и, спрятавшись за шторами, стали выглядывать украдкой. Оказалось, что это Фред и студенты распевают внизу.

Романтичнее я ничего не видела — река, мост из лодок на реке, большая крепость на другом берегу, всюду лунный свет и музыка, которая могла бы смягчить даже каменное сердце.

Когда они кончили, мы бросили вниз цветы и видели, как они толкаются, чтобы схватить их, посылают воздушные поцелуи нам, невидимым красавицам, а потом уходят смеясь — курить и пить пиво, я думаю.

А на следующее утро Фред показал мне один примятый цветок в кармане своей куртки и посмотрел на меня очень сентиментально.

Я посмеялась над ним и сказала, что цветок бросила не я, а Фло, что, кажется, вызвало у него отвращение, так как он тут же выбросил его в окно и опять стал благоразумным.

Боюсь, у меня будут неприятности с этим мальчиком — похоже на то.

На водах в Нассо очень весело, и в Баден-Бадене тоже. Там Фред проиграл много денег, и я его отругала.

Когда с ним нет Френка, нужно, чтобы кто-нибудь за ним приглядывал.

Кейти однажды сказала, что хорошо бы, чтобы он поскорее женился, и я совершенно согласна, что это было бы благоприятно для него.

Франкфурт восхитителен; я видела дом Гете, памятник Шиллеру и знаменитую «Ариадну» Даннекера.

Она очаровательна, но доставила бы мне больше удовольствия, если бы я лучше знала мифологию.

Я не захотела спрашивать, раз все знают или делают вид, что знают этот миф.

Мне следовало побольше читать, а то я теперь выясняю, что ничего не знаю, и это унизительно.

Теперь о серьезном — потому что это произошло здесь, и Фред только что уехал.

Он такой добрый и веселый, что все мы очень полюбили его, но я даже не думала ни о чем, кроме дорожного знакомства, — до той ночи с серенадой.

С тех пор я начала чувствовать, что прогулки при луне, разговоры на балконе и ежедневные приключения для него больше чем забава.

Я не флиртвала, мама, честное слово, и, помня все, что ты говорила мне, делала что могла.

Но я не виновата, что нравлюсь людям; я не стараюсь им понравиться, а если я к ним равнодушна, то их отношение ко мне даже вызывает у меня сожаление, хотя Джо и говорит, что я бессердечная.

Ну вот, я знаю, теперь мама покачает головой, а девочки скажут:

«О, корыстная маленькая бесстыдница!», но я все-таки решила, что если Фред сделает мне предложение, я приму его, хотя и не схожу с ума от любви.

Мне он нравится, и, думаю, мы поладим.

Он красивый, молодой, довольно умный и очень богатый — гораздо богаче, чем даже Лоренсы.

Я думаю» что его семья не стала бы возражать, а я была бы очень счастлива, потому что все они добрые, воспитанные, благородные люди и любят меня.

Фреду, я полагаю, как первому из близнецов, достанется недвижимость, и какая!

Городской дом на фешенебельной улице, не такой внушительный, как большие дома в Америке, но гораздо удобнее, и во всем солидная роскошь, такая, какой придают большое значение англичане.

Мне это нравится, потому что это — настоящее.

Я видела столовое серебро, фамильные драгоценности, старых слуг, картины, изображающие загородное поместье Воунов, с парком, огромным домом, очаровательными окрестностями, породистыми лошадьми.

Это было бы все, чего я только могу желать!

И для меня все это лучше, чем любой титул, за который девушки хватаются с такой готовностью, обнаруживая потом, что за ним ничего нет.

Может, я и корыстна, но я ненавижу бедность, и, как только у меня появится возможность от нее избавиться, я не намерена терпеть ни минуты дольше.

Одна из нас должна хорошо выйти замуж; Мег не сделала этого, Джо не хочет, Бесс пока не может, так что я сделаю и все устрою.

Разумеется, я не выйду за человека, которого ненавижу или презираю.

Можете быть в этом уверены. Хотя Фред не мой идеальный герой, он вполне подойдет, а со временем и я полюблю его, если он будет очень любить меня и позволит мне во всем поступать, как я хочу.

Я обдумала это все в последнюю неделю, так как невозможно было не видеть, что я нравлюсь Фреду.

Он ничего не говорил, но многие мелочи свидетельствуют об этом: он никогда не ходит с Фло, всегда едет верхом с моей стороны экипажа, садится рядом за стол, смотрит нежно, когда мы одни, и хмуро смотрит на всякого, кто осмелится заговорить со мной.

Вчера за обедом, когда какой-то австрийский офицер уставился на нас, а затем сказал что-то о «ein wunderschönes Blondchen», обращаясь к своему приятелю — щеголеватому барону, Фред взглянул на них свирепо, как лев, и принялся резать мясо на своей тарелке с такой яростью, что оно чуть не отлетело в сторону.

Он не такой, как другие англичане, неизменно сдержанные и чопорные, но, напротив, довольно горяч — в нем есть шотландская кровь, как можно догадаться по его красивым голубым глазам.

Ну так вот, вчера вечером на закате мы отправились к замку — все, кроме Фреда. Он должен был присоединиться к нам после того, как заберет на почте адресованные ему письма.

Мы замечательно провели время, осматривая развалины, подвал, где стоит чудовищных размеров бочка, красивые сады, насаженные курфюстом для его жены-англичанки.

Мне больше всего понравилась огромная терраса — вид был неземной, так что, пока остальные пошли осматривать внутренние покои замка, я села там, чтобы срисовать голову серого каменного льва на стене со свисающими отовсюду алыми побегами вьющихся растений.

У меня было такое чувство, словно я героиня романа, когда я сидела там, глядя на извивающийся в долине Неккар, слушая музыку австрийского оркестра, доносящуюся от подножия горы, и ожидая моего поклонника.

Я чувствовала, что что-то должно произойти, и была готова к этому.

Я не краснела и не дрожала, но была совершенно спокойна и лишь чуть-чуть взволнована.

Вдруг я услышала голос Фреда, и вскоре он торопливо вбежал через большую арку, ища меня.

Вид у него был такой огорченный, что я совсем забыла о себе и спросила его, что случилось.

Он сказал, что получил письмо из дома, его умоляют вернуться — Френк тяжело заболел; так что он уезжает вечерним поездом и должен прямо сейчас попрощаться.

Я глубоко сочувствовала ему, а также испытывала разочарование, но оно длилось лишь минуту, потому что, пожимая мне руку, он сказал — и сказал так, что я не могла ошибиться:

«Я скоро вернусь. Вы не забудете меня, Эми?»

Я ничего не обещала, только взглянула на него, и он, кажется, был удовлетворен. Времени у него оставалось только на то, чтобы передать всем приветы и сказать «до свидания». Через час он уехал, и нам всем очень его не хватает.

Я знаю, он хотел поговорить со мной, но, судя по тому, на что он однажды намекал в разговоре, отец взял с него слово пока ничего такого не делать, так как он опрометчив, а старый джентльмен очень боится невестки-иностранки.

Мы скоро встретимся в Риме, и тогда, если я не передумаю, я скажу:

«Да», когда он спросит:

«Вы согласны? »

Конечно все это очень личное, но я хочу, чтобы ты знала, что происходит.

Не беспокойся, помни, что я по-прежнему твоя «осмотрительная Эми», и будь уверена, что я не сделаю ничего необдуманного.

Пошли мне сколько хочешь советов, я воспользуюсь ими, если смогу.

Жаль, что нельзя увидеть тебя, мама, и поговорить обо всем.

Люби меня и доверяй мне.

Всегда твоя Эми.

Глава 9

Трудности деликатного свойства

— Джо, я беспокоюсь о Бесс.

— Почему, мама? Она выглядит очень хорошо с лета, с тех пор как появились малыши.

— Меня беспокоит сейчас не ее здоровье, а ее настроение.

Я уверена, у нее что-то на душе, и я хочу, чтобы ты узнала что.

— Почему ты так думаешь?

— Она подолгу сидит одна, реже говорит с отцом.

На днях я застала ее, когда она плакала над малышами.

Когда она поет, песни всегда печальные, а иногда я замечаю на ее лице выражение, которого не могу понять.

Это так непохоже на Бесс, и это меня беспокоит.

— Ты спрашивала ее об этом?

— Пару раз пробовала, но она или избегает моих расспросов, или смотрит так огорченно, что я умолкаю.

Я никогда не принуждаю моих детей к откровенности, и мне редко приходится долго ждать, чтобы они доверились мне.

Миссис Марч выразительно взглянула на Джо, но выражение лица последней говорило о том, что никакие собственные тайные тревоги ее не томят. Джо задумчиво продолжала шить, затем через минуту сказала:

— Я думаю, она просто становится большой и начинает мечтать, ее одолевают надежды, страхи, тревоги, но она не знает, откуда они, и не может их объяснить.

Да, мама, Бесс — восемнадцать лет, но мы не сознаем этого и обращаемся с ней как с ребенком, забывая, что она уже взрослая.

— Ты права.

Как быстро вы растете! — ответила мать со вздохом и улыбкой.

— Ничего не поделаешь, мама, так что ты должна смириться с тем, что всевозможные волнения

неизбежны, и позволить своим птенцам вылетать из гнезда, одному за другим.

Я обещаю никогда не улетать слишком далеко, если это может послужить тебе утешением.

— Да, это большое утешение, Джо; теперь, когда Мег ушла, я всегда чувствую себя сильнее, если ты рядом.

Бесс слишком слаба, а Эми слишком молода, чтобы на нее полагаться, но ты всегда готова помочь в трудную минуту.

— Что ж, ты знаешь, я не против тяжелой работы. В семье всегда должен быть кто-то для таких дел.

Эми годится для тонких работ, а я нет; зато я в своей стихии, когда надо поднять и выколотить все ковры в доме или когда одновременно заболевает половина семьи.

Эми сейчас отличается за границей, но, если что-то не так дома, я — тот, кто вам нужен.

— Тогда я оставлю Бесс на твое попечение, она откроет свое нежное сердце любимой Джо скорее, чем кому-либо другому.

Будь очень ласкова с ней и не вызови у нее подозрения, будто кто-то следит за ней.

Если только она станет снова совсем здоровой и веселой, у меня не останется неисполненных желаний.

— Счастливая женщина!

У меня их куча.

— Что же это за желания, дорогая?

— Вот разберусь с тревогами Бесс, тогда расскажу тебе о моих.

Они не слишком обременительны для меня, так что подождут. — И Джо снова усердно принялась за шитье с многозначительным кивком, позволявшим не беспокоиться по крайней мере за ее настоящее, если не будущее.

Внешне казалось, что Джо поглощена собственными делами, но она наблюдала за Бесс и после множества противоречивых догадок укрепилась в одной, объяснявшей, как ей казалось, происшедшую в сестре перемену.

Ключ к тому, что Джо считала разгадкой, дало ей незначительное происшествие, а живая фантазия и любящее сердце сделали остальное.

Однажды в субботу после обеда она и Бесс были вдвоем в комнате.

Джо делала вид, что усердно пишет, однако, быстро водя пером по бумаге, посматривала на сестру, которая казалась необычно тихой.

Бесс сидела у окна и часто, уронив на колени свое рукоделие, подпирала голову рукой и замирала в унылой позе, устремив глаза на мрачный ноябрьский пейзаж.

Вдруг внизу раздались звуки шагов, кто-то просвистел как заводная птичка и чей-то голос окликнул:

«Все отлично!

Зайду вечером».

Бесс вздрогнула, склонилась вперед, улыбнулась и кивнула, а когда звук шагов замер в отдалении, сказала негромко, словно про себя:

— Какой он сильный, здоровый и счастливый, этот милый мальчик!

— Хм! — произнесла Джо, все еще внимательно наблюдая за лицом сестры: яркий румянец исчез так же быстро, как появился, улыбка пропала, а на оконный выступ упала блестящая слеза.

Бесс стерла ее и с опаской взглянула на Джо, но та строчила с бешеной скоростью, явно увлеченная «Клятвой Олимпии». Как только Бесс отвернулась, Джо возобновила наблюдение и увидела, что рука Бесс несколько раз тихо поднялась к глазам, а в ее повернутом вполборота к Джо лице читалась такая кроткая печаль, что глаза Джо тоже наполнились слезами.

Боясь выдать себя, она выскользнула из комнаты, пробормотав что-то о кончившейся бумаге.

— Спаси и помилуй! Бесс любит Лори! — сказала она, садясь в своей комнате, бледная от поразительного открытия, которое, по ее мнению, только что сделала.

— Никогда не предполагала такого.

Что скажет мама?

Интересно, а что он... — Тут Джо остановилась, побагровев от неожиданной мысли.

— Если он не полюбит ее, это будет ужасно.

Он должен, я его заставлю! — И она грозно взглянула на портрет озорного мальчишки, смеявшегося над ней со стены.

— О Боже, мы растем вовсю!

Вот и Мег замужем и сама стала мамой, Эми преуспевает в Париже, Бесс влюблена.

Я единственная, у кого хватает здравого смысла держаться подальше от греха.

— С минуту Джо напряженно размышляла, устремив глаза на портрет, затем расправила нахмуренное чело и, решительно кивнув, сказала, обращаясь к лицу на портрете: — Нет, сэр, спасибо. Вы очаровательны, но у вас не больше постоянства, чем у флюгера.

Так что можете не писать чувствительных записок и не улыбаться многозначительно. Ничего из этого не выйдет, и я этого не потерплю.

Затем она вздохнула и впала в задумчивость, из которой не выходила, пока ранние сумерки не заставили ее спуститься в гостиную, чтобы продолжить наблюдения, которые лишь укрепили ее подозрения.

Хотя Лори флиртовал с Эми и шутил с Джо, к Бесс он всегда относился с особенной добротой и нежностью.

Но так относились к ней все, поэтому никому и не приходило в голову, будто он любит ее больше, чем других.

Напротив, в последнее время в семье существовало общее мнение, что «наш мальчик» становится нежнее, чем прежде, к Джо, которая, однако, не желала слышать ни слова на эту тему и гневно отчитывала каждого, кто осмеливался это общее мнение высказать.

Если бы в семье знали о тех нежных признаниях или, точнее, попытках нежных признаний, которые сурово подавлялись в зародыше на протяжении прошедшего года, они с огромным удовлетворением могли бы сказать:

«Мы же говорили!»

Но Джо терпеть не могла «любезничания» и не допускала ничего подобного, всегда имея наготове шутку или улыбку, которую использовала при первом признаке надвигающейся опасности.

В первое время учебы в университете Лори влюблялся примерно раз в месяц, но эти маленькие увлечения были столь же непродолжительными, сколь и страстными, не приносили вреда и очень забавляли Джо, которую интересовало постоянное чередование надежды, отчаяния и покорности судьбе, которые поверялись ей во время еженедельного обмена новостями.

Но пришло время, когда Аори перестал курить фимиам во многих храмах, туманно намекал на одну всепоглощающую страсть и порой предавался байронической угрюмости.

В такие периоды он совершенно избегал деликатной темы, писал Джо записки философского содержания, становился прилежным студентом, объявляя, что собирается «долбить», дабы завершить учебу в блеске славы.

Это нравилось юной леди куда больше, чем признания в сумерки, нежные пожатия руки и красноречивые взгляды, так как у Джо ум развился раньше, чем сердце, и она предпочитала воображаемых героев реальным, поскольку, когда они надоедали, первых можно было запереть в жестяном ящике и держать там, пока не понадобятся, вторые же были менее управляемы.

Так обстояли дела на момент, когда было сделано важное открытие, и в тот вечер Джо наблюдала за Лори так, как никогда прежде.

Если бы она не вбила себе в голову новую идею, то не увидела бы ничего необыкновенного в том обстоятельстве, что Бесс была очень молчалива, а Лори очень ласков с ней.

Но Джо дала волю своей бурной фантазии, и та понесла ее с невероятной скоростью, а здравый смысл, несколько ослабленный постоянным писанием романтических историй, не пришел на помощь.

Как обычно, Бесс лежала на диване, а Лори сидел рядом в низком кресле, развлекая ее легким разговором на самые разные темы, так как она всегда ждала этого еженедельного удовольствия, и друг никогда не разочаровывал ее.

Но в тот вечер Джо вообразила, что глаза Бесс устремлены на живое смуглое лицо с необычным удовольствием и что она с напряженным вниманием слушает отчет о волнующем крикетном матче, хотя спортивный жаргон был понятен ей не более чем санскрит.

Джо так же вообразила — ибо очень хотела увидеть это, — что видит, как манеры Лори становятся мягче, как он то и дело понижает голос, смеется меньше, чем обычно, немного рассеян и поправляет шерстяную шаль, покрывающую ноги Бесс, с усердием, граничащим с нежностью.

«Кто знает?

Случались вещи и постранные, — думала Джо, нервно расхаживая по комнате.

— Она превратит его в сущего ангела, а он сделает жизнь нашей милочки восхитительно легкой и приятной — если только они полюбят друг друга.

Не понимаю, как он может не влюбиться в нее; я уверена, он влюбился бы обязательно, если бы мы, остальные, ему не мешали».

Так как остальные, кроме нее самой, не мешали, Джо почувствовала, что должна удалиться со сцены как можно скорее.

Но куда могла она деться?

И, горя желанием принести себя в жертву на алтарь сестринской любви, она села на диван, чтобы разрешить эту проблему.

Старый диван был настоящим патриархом диванов — длинный, широкий, низкий, со множеством подушек, немного потрепанный, что неудивительно, так как девочки ползали по нему еще младенцами; ловили рыбу через спинку, скакали верхом на ручках, устраивали под ним зверинец, когда были детьми, и покоили усталые головы, мечтали, вели нежные беседы, став взрослыми.

Они все любили его, и он был прибежищем для каждого члена семьи, а один его угол издавна стал излюбленным местом Джо.

Среди множества подушек, украшавших почтенный диван, был и жесткий круглый валик, покрытый грубой колючей тканью и снабженный твердой выпуклой пуговицей на каждом конце.

Этот неприятный валик был исключительной собственностью Джо и использовался как оружие для самозащиты, баррикада или предупредительное средство против слишком продолжительной дремы.

Аори хорошо знал этот валик и имел причины питать к нему глубокое отвращение. Этим валиком его немилосердно тузили в прежние дни, когда еще позволялась веселая возня, а теперь тем же валиком лишали возможности занять возделенное место на диване — в углу, рядом с Джо.

Если «колбаса», как они его называли, стояла вертикально, то был знак, что Лори может приблизиться и расположиться на отдых, но, если она лежала поперек дивана, горе тому мужчине, женщине или ребенку, который смел тронуть ее!

В тот вечер Джо забыла забаррикадироваться в своем углу. Она не просидела там и пяти минут, как рядом с ней появилась массивная фигура и, раскинув обе руки на спинке дивана и вытянув обе длинные ноги перед собой, Лори заявил со вздохом удовлетворения:

— Вот так, дешево и сердито.

— Без вульгарностей, — отрывисто отозвалась Джо, опрокидывая валик.

Но было слишком поздно, для валика не было места, и, приземлившись на полу, он тут же исчез самым таинственным образом.

— Ну, Джо, не будь такой колючей.

Если человек всю неделю учится так, что к концу ее похож на скелет, он заслуживает, чтобы его пожалели и приласкали.

— Бесс приласкает тебя, мне некогда.

— Нет, ее нельзя беспокоить; но ты это любишь, если только не потеряла вдруг вкус к таким занятиям.

Неужели потеряла?

Неужели ты ненавидишь своего мальчика и собираешься швырять в него подушками?

Речь, более вкрадчивую, чем этот трогательный призыв, редко приходилось слышать, но Джо не оставила надежд «своему мальчику», обернувшись к нему с суровым вопросом:

— Сколько букетов ты послал мисс Рэндл за эту неделю?

— Ни одного, честное слово.

Она помолвлена.

А что такое?

— Я рада; это была одна из твоих дорогостоящих причуд — посылать цветы и все такое девушкам, до

которых тебе нет дела ни на грош.

— Благоразумные девушки, до которых мне есть дело, и куда больше чем «на грош», не позволят мне посылать им «цветы и все такое». Что же мне делать?

Моим чувствам нужен выход.

— Мама не одобряет тех, кто флиртует даже ради шутки, а ты, Тедди, флиртуешь напропалую.

— Отдал бы что угодно за возможность ответить:

«Как и ты», но, так как не имею ее, просто скажу, что не вижу вреда в этой приятной маленькой игре, если обе стороны понимают, что это только игра.

— Похоже, что это действительно приятно, но я никогда не могла понять, как это делается.

Я пробовала, потому что чувствуешь себя неловко в компании, не занимаясь тем, чем заняты все остальные, но я, похоже, не преуспела, — сказала Джо, забыв о роли наставника.

— Бери уроки у Эми, у нее настоящий талант.

— Да, у нее это получается очень мило, и она никогда не заходит далеко.

Я полагаю, это от природы: одни нравятся всем, даже не прилагая к этому усилий, а другие вечно говорят не то и не к месту.

— Я рад, что ты не умеешь флиртовать; это очень приятно — встретить разумную, прямолинейную девушку, которая может быть веселой и доброй, не делая из себя дуру.

Между нами, Джо, есть среди моих знакомых девушки, которые заходят настолько далеко, что мне бывает стыдно за них.

У них нет дурных намерений, я уверен, но, если бы они знали, что мы, молодые люди, говорим о них потом, они постарались бы изменить свои манеры.

— Они тоже говорят о вас, а так как языки у них острее, то вам достается больше, потому что вы не умнее их, ничуть.

Если бы вы вели себя как следует, они делали бы то же самое. Но они видят, что вам нравятся их глупости, и продолжают в том же духе, а тогда вы во всем вините их.

— Много вы об этом знаете, мэм, — сказал Лори тоном превосходства.

— Мы не любим заигрывания и флирт, хоть и ведем себя иногда так, будто любим.

О хороших, скромных девушках в кругу джентльменов не говорят иначе как с уважением.

Невинная ты душа!

Вот побыла бы на моем месте с месяц, увидела бы такое, что тебя слегка удивило бы.

Честное слово, когда я вижу одну из этих легкомысленных девушек, мне всегда хочется воскликнуть вместе с нашим другом Коком Робинем:

Позор тебе, долой тебя, О, дерзкая вертушка!

Было невозможно удержаться от смеха, вызванного забавным противоречием между рыцарским нежеланием Лори дурно отзываться о женщинах вообще и его вполне естественным отвращением к тем образчикам неподобающего женщине безрассудства, которые во множестве представило ему светское общество.

Джо знала, что «молодого Лоренса» рассматривали как желательную parti многие практичные мамы, ему много улыбались их дочери, и лести, которую он слышал от дам всех возрастов, было вполне достаточно, чтобы сделать из него фата; поэтому она довольно ревниво следила за ним, боясь, что его испортят, и радуясь больше, чем показывала, тому, что ему все еще нравятся скромные девушки.

И, неожиданно вернувшись к своему наставительному тону, она сказала, понизив голос:

— Если твоим чувствам, Тедди, нужен выход, возьми и посвяти себя одной из «хороших, скромных девушек», которых уважаешь, и не теряй времени на глупых.

— Ты в самом деле мне это советуешь? — И Лори взглянул на нее со странным выражением смешанной тревоги и радости.

— Да, но лучше подожди, пока кончишь университет, а тем временем готовься к тому, чтобы посвятить себя ей.

Сейчас ты еще и вполтину не так хорош, как нужно для... ну, кто бы та скромная девушка ни была.

— На лице Джо тоже появилось странное выражение, так как имя чуть не сорвалось у нее с языка.

— Я знаю! — согласился Лори с выражением покорности, совершенно непривычной для него, и опустил глаза, рассеянно накручивая тесемку передника Джо себе на палец.

«Боже мой, так ничего никогда не выйдет!» — подумала Джо, добавив вслух:

— Пойди, сыграй и спой для меня.

Мне до смерти хочется музыки, а твоей особенно.

— Спасибо, но я предпочел бы остаться здесь.

— Нет, это невозможно, здесь нет места.

Иди и постарайся быть полезным, раз ты слишком велик, чтобы служить украшением.

Мне казалось, что ты терпеть не можешь «быть привязанным к женской юбке», — сказала Джо, цитируя слова, сказанные им однажды в мятежном порыве.

— О, все зависит от того, чья это юбка! — И Лори дерзко дернул тесемку.

— Так ты идешь? — грозно спросила Джо, ныряя под диван за валиком.

Он сразу умчался, и, немного выждав, Джо потихоньку ушла, чтобы не вернуться, пока юный джентльмен не удалился, обиженный до глубины души.

В ту ночь Джо лежала без сна и едва начала засыпать, когда звуки приглушенных рыданий заставили ее броситься к постели Бесс с встревоженным:

— Что случилось, дорогая?

— Я думала, ты спишь, — всхлипнула Бесс.

— Это прежняя боль, драгоценная моя?

— Нет, другая, новая, но я могу выносить ее. — И Бесс постаралась удержать слезы.

— Расскажи мне, что тебя мучает, и дай мне исцелить тебя.

— Ты не можешь, нет исцеления.

— Голос Бесс дрогнул, и, прильнув к сестре, она заплакала так отчаянно, что Джо испугалась.

— Где у тебя болит?

Позвать маму? Бесс не ответила на первый вопрос, но в темноте одна рука невольно поднялась к сердцу, словно боль была там, а другая еще крепче сжала руку Джо.

— Нет, нет, не зови ее, не говори ей, — горячо зашептала Бесс.

— Мне скоро станет легче.

Полежи со мной и «пожалей» мою бедную голову.

Я успокоюсь и засну, правда, засну.

Джо повиновалась, но, пока ее рука нежно скользила по горячему лбу и мокрым щекам Бесс, ее сердце переполнялись чувства и ей очень хотелось заговорить.

Но как ни была Джо молода, она уже знала, что сердце, как цветы, — их нельзя открыть силой, они должны раскрыться сами; так что хотя Джо и полагала, что знает причину страданий Бесс, она только лишь спросила самым нежным тоном:

— Что-то беспокоит тебя, дорогая?

После долгой паузы прозвучал ответ: — Да, Джо.

— Разве тебе не станет легче, если ты скажешь мне, что тебя беспокоит?

— Сейчас — нет, пока — нет.

— Тогда я не буду задавать вопросов, но помни, что мама и я всегда рады выслушать тебя и помочь, если можем.

— Я знаю.

Я скажу вам — потом.

— Боль отпустила?

— О да, мне гораздо легче; с тобой так хорошо, Джо!

— Усни, дорогая.

Я останусь с тобой.

Так, щека к щеке, они уснули, а утром Бесс, казалось, была такой, как обычно, ибо в восемнадцать лет ни голова, ни сердце не болят долго, а ласковое слово может помочь преодолеть большинство невзгод.

Но Джо уже приняла решение и, за несколько дней обдумав план действий, поделилась им с матерью.

— На днях ты спрашивала меня о моих желаниях, мама.

Я скажу тебе об одном, — начала она, когда они сидели вдвоем.

— Я хотела бы, для разнообразия, уехать куда-нибудь на зиму.

— Почему, Джо? — И мать быстро подняла глаза, словно это был не только вопрос, но и возражение.

Не отрывая взгляда от шитья, Джо ответила серьезно:

— Я хочу чего-то нового.

Я испытываю беспокойство и стремление видеть, делать и узнавать больше, чем сейчас.

Я слишком много раздумываю о своих собственных маленьких делах, мне нужно взбодриться. Так что если в эту зиму можно обойтись без меня, я хотела бы вылететь из гнезда и полетать где-нибудь недалеко, попробовать крылышки.

— Куда же ты хочешь полететь?

— В Нью-Йорк.

Вчера мне пришла в голову отличная идея. Вот она.

Помнишь, миссис Кирк писала тебе о том, что ищет какую-нибудь заслуживающую доверия молодую особу, которая помогла бы ей приглядывать за детьми и шить?

Довольно сложно найти именно такую, какую нужно, но я думаю, что сгожусь, если постараюсь.

— Дорогая моя, уехать, чтобы служить в этом огромном пансионе миссис Кирк! — Миссис Марч взглянула на нее удивленно, но без неудовольствия.

— Это не совсем то, как если бы я поступила в услужение, ведь миссис Кирк — твой друг. Нет на свете души добрее, она постарается сделать мою жизнь там приятной, я знаю.

Ее семья живет отдельно от самого пансиона, и никто меня там не знает.

Да если и знают, мне все равно.

Это честный труд, и я его не стыжусь.

— Я тоже.

Но как же твое писательство?

— Перемена лишь пойдет мне на пользу.

Я увижу и услышу много нового, наберусь новых идей, пусть даже там у меня и не будет времени, чтобы писать. Домой я вернусь с богатым материалом для моей новой чепухи.

— В этом я не сомневаюсь, но скажи, это единственная причина для такой неожиданной фантазии?

— Нет.

— Могу ли я узнать о других?

Джо подняла глаза, Джо их опустила, затем сказала медленно, вдруг залившись румянцем:

— Может быть, тщеславно и нехорошо говорить это, но... боюсь... Лори становится слишком нежен ко мне.

— Значит, ты не отвечаешь ему той же любовью, какую он, по-видимому, начинает испытывать к тебе?

— Что ты! Конечно, нет!

Разумеется, я люблю дорогого мальчика так, как всегда любила, и очень горжусь им, но насчет большего... Об этом не может быть и речи.

— Я рада этому, Джо.

— Но почему?

— Потому, дорогая, что, на мой взгляд, вы не подходите друг другу.

Как друзья вы очень счастливы, а ваши частые ссоры быстро проходят и забываются, но боюсь, вы оба скоро взбунтовались бы, если бы были связаны друг с другом на всю жизнь.

Вы слишком похожи и слишком любите свободу, не говоря уже о том, что оба обладаете горячим темпераментом и сильной волей, что помешало бы вам быть счастливыми вместе, так как супружеские отношения требуют бесконечного терпения и снисходительности друг к другу, а не только любви.

— Именно это я и чувствую, хотя не могла выразить словами.

Я рада, что, на твой взгляд, его привязанность только начинает зарождаться.

Мне было бы очень грустно, если бы он стал несчастным из-за меня. Но не могу же я влюбиться в славного старину Лори просто из благодарности, правда?

— Ты уверена в его чувствах к тебе?

Джо ответила, покраснев еще сильнее, с выражением, в котором слились радость, гордость и боль и с которым юные девушки всегда говорят о своих первых поклонниках:

— Боюсь, это так, мама.

Он еще не сказал ничего, но смотрит так выразительно.

Я думаю, мне лучше уехать, пока это еще ни к чему не привело.

— Я согласна с тобой, и, если есть возможность уехать, ты должна это сделать.

Джо, казалось, была обрадована и, помолчав, сказала с улыбкой:

— Как удивилась бы миссис Моффат, что ты так на это смотришь, и как она обрадуется, что у Энни еще есть шанс.

— Ах, Джо, матери смотрят на это по-разному, но надежда одна у всех — видеть своих детей счастливыми.

Мег счастлива, и я довольна ее положением.

Тебя я оставляю наслаждаться свободой, пока не надоеет, так как только тогда ты поймешь, что есть в жизни и нечто более приятное.

Главная моя забота сейчас — Эми, но ей поможет ее благоразумие.

Относительно Бесс я не питаю никаких надежд, кроме той, что она будет здорова.

Кстати, она кажется веселее в последние дни.

Ты говорила с ней?

— Да, и она призналась, что ее что-то мучает, и обещала I со временем рассказать мне об этом.

Я не стала больше ни о чем спрашивать ее, так как, кажется, знаю причину. — И Джо изложила свою версию.

Миссис Марч покачала головой и не согласилась разделить столь романтическую точку зрения, но выглядела огорченной и повторила свое мнение о том, что ради Лори Джо должна на время уехать.

— Мы ничего не скажем ему заранее, а когда все будет готово, я исчезну, прежде чем он опомнится и начнет делать из этого трагедию.

Пусть Бесс думает, что я еду ради собственного удовольствия, — так оно, впрочем, и есть.

Я не могу поговорить с ней о Лори, но она сможет приласкать и утешить его, когда я уеду, и так вылечит его от романтических идей.

Он столько раз прошел через подобного рода мелкие испытания, что привык к ним, и скоро избавится от своей безнадежной любви.

Джо говорила с надеждой, но не могла отделаться от недоброго предчувствия, что это «мелкое испытание» окажется тяжелее других и что Лори не так скоро избавится от «безнадежной любви», как избавлялся до сих пор.

План был обсужден на семейном совете и одобрен. Миссис Кирк написала, что будет рада принять Джо и постарается хорошо устроить ее у себя.

Работа обеспечит ей материальную независимость, а свой досуг она сможет сделать доходным, занимаясь литературой; в то же время новые впечатления и знакомства будут и приятны, и полезны.

Джо привлекала такая перспектива, и она горела желанием уехать — семейное гнездо становилось слишком тесным для ее деятельной натуры и мятежного духа.

Когда все было окончательно решено, она со страхом и трепетом сказала Лори о своем отъезде, но, к ее удивлению, он принял это очень спокойно.

В последнее время он стал серьезнее, чем обычно, но оставался все таким же милым и любезным, а когда его шутливо обвинили в том, что он опять «начинает новую страницу», ответил серьезно:

— Да, и хочу, чтобы предыдущая осталась перевернутой навсегда.

Джо испытывала большое облегчение от того, что приступ добродетельности случился у него именно в этот период, и готовилась к отъезду с легким сердцем — поскольку Бесс казалась более веселой — и надеясь, что поступает так, как лучше для всех.

— Я хочу поручить кое-что твоей особой заботе, — сказала она Бесс перед отъездом.

— Твои бумаги?

— Нет, моего мальчика.

Будь очень добра к нему, хорошо?

— Конечно буду, но я не смогу заменить тебя, и ему будет очень грустно без его Джо.

— Это ему не повредит; помни, я оставляю его на твое попечение — мучить, баловать и обуздывать.

— Я постараюсь, ради тебя, — обещала Бесс, удивляясь, почему Джо смотрит на нее так странно.

Прощаясь, Лори шепнул со значением:

— Бесполезно, Джо.

Я слежу за тобой, так что думай, что делаешь, или я приеду и увезу тебя домой.

Глава 10

Дневник Джо

Нью-Йорк, ноябрь

Дорогие мои мама и Бесс,

я собираюсь написать вам целый том! У меня куча новостей, хоть я и не очаровательная юная леди, путешествующая по Европе.

Когда милое папино лицо скрылось из виду, я чуть погрустнела и вполне могла бы пролить пару горьких слез, если бы меня не отвлекло ирландское семейство с четырьмя малышами, которые плакали один громче другого; и я забавлялась тем, что кидала кусочки имбирной коврижки на их скамью, как только они открывали рты, чтобы зареветь.

Скоро вышло солнце, и, приняв это за доброе предзнаменование, я от всей души радовалась поездке.

Миссис Кирк встретила меня так доброжелательно, что я сразу почувствовала себя как дома, хотя в этом большом пансионе полно незнакомых людей.

Она отвела мне забавную маленькую гостиную под самой крышей — единственная свободная комната, какая у нее есть, — но там стоит печь и отличный стол у солнечного окна, так что я могу сидеть там и писать, если захочу.

Отличный вид из окна и шпиль церкви, стоящей напротив, позволяют примириться с высокой лестницей, и я сразу полюбила свою берлогу.

Детская, где мне предстоит заниматься с двумя девочками и шить, — очень уютная комната рядом с комнатой самой миссис Кирк, а девочки — очаровательные малышки, правда довольно избалованные, но я понравилась им, когда рассказала сказку про «семь непослушных поросят», и не сомневаюсь, что стану образцовой гувернанткой.

Есть я буду с детьми, если предпочту детскую большой общей столовой, и пока я предпочитаю, так как я застенчива, хоть никто этому не поверит.

— Ну вот, дорогая, будь как дома, — сказала мне по-матерински ласково миссис Кирк.

— Я на ногах с утра до ночи, как нетрудно догадаться, с такой огромной «семьей». Но ты снимешь большой груз с моих плеч, если я буду знать, что дети под присмотром.

Мои комнаты всегда открыты для тебя, а твою собственную я постараюсь сделать как можно уютнее.

Если хочешь общества, в пансионе есть очень симпатичные люди, а по вечерам ты всегда свободна.

Приходи ко мне, если что не так, и чувствуй себя как дома.

О, звонок к чаю! Я должна бежать и переменить чепец.

— И она торопливо ушла, оставив меня устраиваться в моем новом гнезде.

Когда вскоре после этого я спускалась вниз по лестнице, мое внимание привлекло нечто такое, что мне понравилось.

Лестничные пролеты в этом высоком доме очень длинные, и мне пришлось остановиться на площадке третьего этажа, чтобы подождать, пока поднимется маленькая служанка, тащившая наверх ведро с углем. Вдруг я увидела, что ее нагнал какой-то мужчина, взял у нее тяжелое ведро и понес наверх, затем поставил возле одной из дверей и, добродушно кивнув, сказал с иностранным акцентом:

— Так лучше.

Тфоя маленькая спина слишком молода тля такой тяжести.

Разве не мило с его стороны?

Мне нравятся такие поступки — как папа говорит, характер проявляется в мелочах.

Когда в тот вечер я упомянула об этом в разговоре с миссис Кирк, она засмеялась и сказала:

— Это, должно быть, профессор Баэр: он всегда делает такие вещи.

Миссис Кирк сказала мне, что он из Берлина, очень ученый и добрый, но беден как церковная мышь и зарабатывает уроками на жизнь себе и двум маленьким племянникам-сиротам, которых воспитывает здесь, в Америке, в соответствии с желанием его сестры, которая была замужем за американцем.

Не очень романтическая история, но меня она заинтересовала, и я обрадовалась, когда услышала, что миссис Кирк сдает ему свою гостиную для занятий с некоторыми из его учеников.

Между этой гостиной и детской стеклянная дверь, и я собираюсь бросить на него взгляд, когда он придет, и тогда расскажу вам, как он выглядит.

Ему почти сорок, мама, так что ничего плохого в этом нет.

После чая и возни с укладыванием девочек в постель я взялась за большую рабочую корзинку и провела тихий вечер, беседуя с моей новой подругой.

Я буду вести письмо-дневник и посылать вам раз в неделю. Так что доброй ночи, продолжение — завтра.

Вечер вторника

Ну и времечко у меня было сегодня утром в детской! Дети расшалились, и я даже подумала, не встряхнуть ли их как следует.

Некий добрый дух навел меня на мысль занять их гимнастикой, и я применяла это средство, пока они не устали и не захотели посидеть спокойно.

После завтрака служанка пошла с ними на прогулку, а я взялась за шитье, подобно маленькой Мейбл, с «готовностью духа».

Я благодарила свою счастливую звезду за то, что научилась хорошо обметывать петли, когда вдруг дверь гостиной открылась и закрылась и кто-то принялся напевать «Kennst du das Land», словно большой шмель.

Конечно, я знаю, это было ужасно неприлично, но я не могла противиться искушению и, приподняв один конец портьеры, за которым находится стеклянная дверь, заглянула в гостиную.

Там был профессор Баэр, и, пока он раскладывал на столе свои книги, я разглядывала его.

Настоящий немец — довольно плотный, с темными волосами, взъерошенными на всей голове, пышная борода, внушительный нос, добрейшие глаза и прекрасный глубокий голос, очень приятный для слуха после нашего американского, резкого или небрежного, бормотания.

Костюм на нем выцветший, руки большие, а в лице нет ни одной по-настоящему красивой черты, кроме великолепных зубов, однако он мне понравился. У него превосходная голова, хорошее белье — он выглядел как джентльмен, хотя на сюртуке не хватало двух пуговиц, а на одном башмаке я увидела заплату.

Он выглядел очень серьезным, несмотря на то что напевал. Потом он улыбнулся, подошел к окну и повернул к солнцу бутоны гиацинтов, погладил кошку, встретившую его как старого друга, а когда раздался стук в дверь, откликнулся звучно и оживленно:

— Herein!

Я уже собралась опустить портьеру, как вдруг увидела, что в гостиную вбежала малышка, тащившая большую книжку. Я остановилась посмотреть, что будет дальше.

— Мне нужен мой Баэл, — сказала крошка, уронив свой толстый том и подбегая к профессору.

— Фот тебе тфой Баэр.

Иди сюда, и он обнимет сфою Тину, — сказал профессор, подняв ее со смехом и держа так высоко над головой, что ей пришлось наклониться, чтобы поцеловать его.

— Тепель я должна учить улок, — продолжила забавная малышка.

Он посадил ее за стол, открыл большой словарь, который она принесла, и дал ей бумагу и карандаш. И она принялась писать, то и дело переворачивая страницы словаря и водя по ним пухлым пальчиком в поисках слова, да так серьезно, что я чуть не выдала себя смехом, а мистер Баэр стоял рядом, отечески смотрел на нее и гладил ее красивые волосы, так что я даже подумала, что она его дочка, хотя она больше похожа на француженку, чем на немку.

Новый стук в дверь — появление двух девушек заставило меня вернуться к моей работе, и я добродетельно оставалась на своем месте в течение всего урока, несмотря на шум и разговор за дверью.

Одна из девушек все время смеялась притворным смехом и повторяла:

«Что вы, профессор!» — кокетливым тоном, а другая произносила немецкие слова с таким акцентом, что ему, должно быть, трудно было оставаться серьезным.

Обе, похоже, жестоко испытывали его терпение. Я не раз слышала, как он говорит выразительно:

«Нет, нет, не так, фы не слушаете, что я гофору», а один раз — громкий звук, словно кто-то стукнул по столу книгой, и полное отчаяния восклицание:

«Фу!

Фсе сегодня идет плохо».

Бедняга, мне стало очень жаль его, и, когда девушки ушли, я заглянула еще раз, чтобы посмотреть, как он все это перенес.

Он сидел, устало откинувшись на спинку стула, с закрытыми глазами, а когда часы пробили два, вскочил, сунул свои книги в карман и, взяв маленькую Тину, которая уснула на диване, тихо унес ее.

Я думаю, жизнь у него тяжелая.

Миссис Кирк спросила меня сегодня, спущусь ли я в пять часов в общую столовую на обед, и, так как мне немного одиноко, я подумала, что, пожалуй, спущусь, — просто посмотреть, что за люди живут со мной под одной крышей.

Так что я позаботилась о том, чтобы выглядеть вполне прилично, и постаралась незаметно проскользнуть в столовую, спрятавшись за спину миссис Кирк. Но она маленького роста, а я высокая, и моя попытка оказалась неудачной.

Она посадила меня рядом с собой, и, когда мое лицо поостыло, я набралась смелости и огляделась.

За длинным столом почти не было свободных мест, и каждый из присутствующих был увлечен своим обедом — особенно мужчины, которые, казалось, ели по расписанию, заглатывая еду и тут же исчезая.

Здесь был обычный набор из молодых людей, занятых только своей особой, молодых пар, занятых только друг другом, замужних дам, занятых только своими детьми, старых джентльменов, занятых только политикой.

Не думаю, что мне захочется иметь дело с кем-либо из них, кроме одной незамужней леди приятной наружности, в которой, похоже, что-то есть.

Далеко от меня, на самом конце стола, сидел профессор, кричавший ответы на вопросы одного очень любознательного глухого старика справа и беседуя о философии с французом слева.

Будь здесь Эми, она повернулась бы спиной к нему навсегда, потому что, как я с сожалением вынуждена; заметить, у него огромный аппетит и он так орудовал ложкой, что привел бы в ужас «ее милость».

Меня это не смущает, мне приятно «видеть, что люди едят со вкусом», как выражается Ханна, а бедняге, должно быть, надо немало еды после того, как он весь день учил идиотов.

Когда я поднималась к себе после обеда, два молодых человека надевали шляпы перед высоким зеркалом, и я слышала, как один тихо сказал другому:

— Кто эта новая?

— Гувернантка или что-то в этом роде.

— Какого же черта она сидит с нами за столом?

— Друг старой леди.

— Красивая голова, но никакого вкуса.

— Ни капли.

Дай огонька и пошли.

Сначала я рассердилась, но потом мне стало наплевать, ведь гувернантка ничем не хуже клерка, и у меня есть здравый смысл, если нет вкуса, но и вкуса у меня побольше, чем у некоторых, если судить по тем замечаниям, какие делают эти утонченные существа, затопавшие прочь, дымя как нечищенные печные трубы.

Ненавижу заурядных людей!

Четверг

Вчерашний день прошел спокойно — занималась с детьми, шила, писала в моей маленькой комнате, где очень уютно с лампой и камином.

Узнала еще кое-что об обитателях пансиона и была представлена профессору.

Оказалось, что Тина — дочь гладильщицы-французенки, которая работает в прачечной при пансионе, гладит тонкое белье.

Малышка прямо влюблена в мистера Баэра, бегаёт за ним по пятам точно собачонка, когда он дома, и он очень рад, так как любит детей, хоть и «холоштяк».

Китти и Минни Кирк тоже говорят о нем с любовью, рассказывают об играх, которые он придумывает, о подарках, которые приносит, о замечательных сказках, которые рассказывает.

Молодые люди в пансионе, похоже, подшучивают над ним: зовут его Старый Фриц, Пенистое и Косолапый и придумывают всевозможные шутки с его именем.

Но он только радуется этому, как мальчишка, и принимает все поддразнивания так добродушно, что все любят его, несмотря на его иностранные манеры и привычки.

Незамужняя леди, о которой я говорила, — мисс Нортон — богатая, добрая и культурная.

Она заговорила сегодня со мной за обедом (так как я опять ходила в столовую; так интересно наблюдать за людьми!) и пригласила меня к себе в комнату.

У нее много хороших книг, картин, она знакома с известными людьми и очень дружелюбна, так что я постаралась ей понравиться, потому что я хочу попасть в «лучшее общество», хотя и не того рода «лучшее общество», какое нравится Эми.

Вчера вечером я сидела в гостиной, когда вошел мистер Баэр с газетами для миссис Кирк.

Ее не было, но Минни — маленькая старушка — очень мило представила:

— Это мамина подруга, мисс Марч.

— Да, и она веселая, и мы ее очень любим, — добавила Китти, *enfant terrible*.

Мы поклонились друг другу, а затем рассмеялись, потому что чопорное представление и неожиданное добавление к нему представляли собой довольно забавный контраст.

— Да, да, я слышал, что эти озорницы досаждают вам, мисс Марч.

Если такое повторится, позовите меня, — сказал он, грозно хмурясь, что привело маленьких негодниц в восторг.

Я обещала так и поступить, и он ушел; но, похоже, я обречена видеть его часто, так как сегодня, проходя мимо его двери, когда отправлялась на прогулку, я случайно стукнула по ней зонтиком.

Она распахнулась, и там стоял он, в халате, с большим синим носком в одной руке и штопальной иглой в другой; он, кажется, совсем не был этим смущен, и, когда я объяснила, что произошло, и поспешила дальше, он помахал мне вслед рукой, в которой держал носок, и сказал громко и весело, как всегда:

— Хорошая погода для прогулки.

Bon voyage, mademoiselle.

Я смеялась всю дорогу, пока спускалась по лестнице, но было также немного грустно при мысли о бедняге, которому приходится самому чинить свою одежду.

Я знаю, немецкие мужчины вышивают, но штопка носков — другое дело, да и не так красиво.

Суббота

Не произошло ничего такого, о чем стоит писать, кроме визита к мисс Нортон. В ее комнате полно прелестных вещей, и сама она была очаровательна — показала мне все свои сокровища и попросила иногда выходить с ней на лекции и концерты для компании — если я захочу.

Она просила об этом как об одолжении, но я уверена, что миссис Кирк рассказала ей о нас, и она пригласила меня, желая оказать любезность.

Я горда как Люцифер, но такие благодеяния от таких людей меня не тяготят, и я приняла предложение с благодарностью.

Когда я вернулась в детскую, за стеклянной дверью был такой шум, что я заглянула в гостиную. Там на четвереньках стоял мистер Баэр — с Тиной на спине. Китти водила его на скакалке, Минни кормила печеньем двух маленьких мальчиков, а они рычали и метались в клетках, построенных из стульев.

— Мы играем в зверинец, — объяснила Китти.

— Это мой слон! — добавила Тина, держась за волосы профессора.

— Мама всегда позволяет нам делать, что мы хотим, по субботам, когда Франц и Эмиль приходят в гости. Ведь правда, мистер Баэр? — сказала Минни.

«Слон» сел, глядя на меня так же серьезно, как остальные, и сказал:

— Даю вам слово, что это так. Если мы слишком расшумимся, скажите нам: «Тихо!» — и мы станем потише.

Я обещала, но оставила дверь открытой и наслаждалась весельем не меньше, чем они, — свидетелем более великолепных шалостей мне еще не приходилось быть.

Они играли в пятнашки и в солдатики, танцевали и пели, а когда стало темнеть, все забрались на диван и сидели вокруг профессора, который рассказывал им чудесные сказки об аистах на трубах домов и о маленьких кобольтах, которые скачут верхом на падающих снежинках.

Я очень хотела бы, чтобы американцы были такими же простыми и естественными, как немцы, а вы?

Мне очень нравится писать вам, и моему письму не было бы конца, если бы не соображения экономии, так как хотя я пишу мелко и на тонкой бумаге, меня все же бросает в дрожь при мысли о марках, которые потребуются для этого длинного письма.

Перешли мне письма Эми, как только вы все их прочитаете.

Мои скромные новости прозвучат очень невыразительно после всего ее великолепия, но тебе они понравятся, я знаю.

Неужели Тедди учится так напряженно, что не может найти времени, чтобы написать старым друзьям?

Заботься о нем хорошенько, Бесс, ради меня и расскажи мне все о малютках и всем передай приветы от твоей верной Джо.

P.S.

Когда я перечитала это письмо, оно показалось мне слишком «Баэрным», но меня всегда интересуют необычные люди, и к тому же мне, право, почти не о чем больше писать.

Благослови вас Господь, дорогие!

Декабрь

Драгоценная моя Бетси,

так как это письмо обещает быть сумбурным, я адресую его тебе — может быть, тебя оно развлечет и даст представление о моем житье-бытье; хоть и тихое оно, но все же довольно интересное, чему — о, возрадуйся!

В результате того, что Эми назвала бы «геркуланумовыми усилиями» в сфере умственного и духовного садоводства, мои юные подопечные начали расти, а их маленькие веточки загибаться туда, куда я хочу.

Они не так интересны для меня, как Тина или мальчики, но я исполняю мой долг по отношению к ним, и они меня любят.

Франц и Эмиль — отличные ребята, вполне в моем вкусе, так как смесь немецкого и американского духа вызывает постоянное бурное кипение их натур.

В субботу после обеда наступает шумное время, независимо от того, проводится ли оно дома или на улице; в хорошие дни все выходят на прогулку, как целая школа, а профессор и я поддерживаем порядок, и тогда — какое веселье!

Теперь мы с профессором очень хорошие друзья, и я тоже начала брать у него уроки.

Все произошло само собой и так забавно, что я должна тебе об этом рассказать.

Начну сначала. Однажды, когда я проходила мимо двери мистера Баэра, где убирала миссис Кирк, она окликнула меня:

— Видели вы когда-нибудь такую берлогу, моя дорогая?

Зайдите и помогите мне расставить эти книги, а то я перевернула все вверх дном, пытаюсь выяснить, куда он дел шесть носовых платков, которые я дала ему недавно.

Я вошла, и пока мы работали, огляделась — вот уж действительно «берлога».

Повсюду книги и бумаги, пенковая трубка и старая флейта на каминной полке; на сиденье у одного окна пищит в клетке потрепанная птичка без хвоста, другое украшает коробка с белыми мышами; недоделанные кораблики и кусочки шнурка среди рукописей, у огня сушатся грязные маленькие ботинки; а следы дорогих, любимых мальчиков, рабом которых он стал, видны по всей комнате.

После долгих поисков удалось обнаружить три из шести пропавших платков — один на птичьей клетке, другой в чернилах, а третий обгоревший, его использовали как прихватку.

— Ну что за человек! — засмеялась добродушная миссис Кирк, сунув остатки в мешочек с лоскутками.

— Я думаю, другие три разорваны, чтобы оснастить кораблики, перевязать порезанные пальцы или сделать хвост воздушному змею.

Это ужасно, но я не могу его отругать: он такой рассеянный и добродушный и позволяет этим мальчишкам его тиранить.

Я согласна взять на себя стирку и починку его вещей, но он забывает их мне отдавать, а я забываю их искать, так что иногда он оказывается в плачевном положении.

— Позвольте мне починить его вещи, — сказала я.

— Мне нетрудно, а ему незачем об этом знать.

Я буду рада сделать это — он так добр ко мне, приносит мои письма с почты, одалживает книги.

Я привела в порядок его вещи и ввязала пятки в две пары носков, потому что он испортил их форму своей неумелой штопкой.

Мы ни о чем не говорили ему, и я надеялась, что он ни о чем не узнает, но на прошлой неделе он поймал меня за этим занятием.

Когда я сижу в детской, Тина часто вбегает и выбегает, оставляя дверь в гостиную открытой, так что я могу слушать уроки, которые он дает другим. И они так меня заинтересовали и увлекли, что я решила тоже поучиться.

Я сидела у двери, кончая последний носок и пытаюсь понять, что он говорит новой ученице, такой же глупой, как я.

Потом девушка ушла, и я думала, он тоже ушел, — было так тихо. И я усердно бубнила какой-то глагол и раскачивалась в качалке самым нелепым образом, когда какие-то негромкие странные звуки заставили меня поднять глаза. В дверях стоял мистер Баэр, он смотрел на меня, смеялся тихонько и

делал Тине знаки не выдавать его.

— Вот так! — сказал он, когда я встала и глупо уставилась на него. — Вы подглядываете за мной, я за вами — и это неплохая идея... Но послушайте, я не шучу, хотите учить немецкий?

— Да, но вы слишком заняты, а я слишком бестолковая, — выпалила я, покраснев как рак.

— Ничего, мы найдем время и сумеем найти способности.

Вечером я дам вам маленький урок с большим удовольствием, так как — взгляните, мисс Марч, — у меня есть долг, который я должен заплатить.

— И он указал на мою работу. —

«Да, — сказали они, эти добрые женщины, — он глупый старина, он не поймет, что мы делаем, он никогда не заметит, что на пятках его носков больше нет дыр, он будет думать, что новые пуговицы вырастают сами, когда оторвутся старые, и верить, что разорванные шнурки срастаются».

Но у меня есть глаза, и я вижу многое.

У меня есть сердце, и я благодарен вам.

Приходите! Маленький урок время от времени — или никаких трудов доброй феи для меня и моих мальчиков.

Конечно, я ничего не могла возразить ему, и, так как это действительно прекрасная возможность учиться, я пошла на сделку — и мы начали.

Я взяла четыре урока и затем крепко засела в грамматическом болоте.

Профессор был очень терпелив, но я думаю, это была для него пытка, и иногда он смотрел на меня с таким выражением кроткого отчаяния, что я не знала, засмеяться мне или заплакать.

Я пробовала и то и другое, а когда дело дошло до шмыганья носом от крайнего унижения и отчаяния, он бросил грамматику на пол и вышел из комнаты.

Я чувствовала себя опозоренной и покинутой навек, но ничуть не винила его, а принялась торопливо собирать мои бумаги, чтобы броситься к себе наверх и хорошенько себя встряхнуть. Но тут вошел он, оживленный и сияющий, словно я уже покрыла себя славой.

— Мы попробуем по-другому.

Мы с вами прочитаем вместе эту милую маленькую *Marchen* и не будем копать в этой скучной книжке, которая пойдет в угол за то, что огорчила нас.

Он говорил так ласково и так любезно раскрыл передо мной томик Андерсена, что мне стало ужасно стыдно и я принялась за урок с отчаянной решимостью, чем, кажется, чрезвычайно позабавила профессора.

Я забыла свою застенчивость и вкалывала (никакое другое слово не может этого выразить) вовсю, спотыкаясь на длинных словах, произнося по наитию и стараясь изо всех сил.

Когда я кончила первую страницу и остановилась, чтобы перевести дух, он захлопал в ладоши и воскликнул, как всегда от души:

— *Das ist gut!*

Теперь идет хорошо!

Моя очередь.

Я читаю, вы слушаете.

И он принялся за дело, грохоча слова своим сильным голосом и с наслаждением, которое было приятно видеть, так же как и слышать.

К счастью, это была сказка «Стойкий оловянный солдатик», забавная, как ты помнишь, и я могла смеяться — и смеялась, хотя не понимала половины того, что он читал; я не могла удержаться — он был так серьезен, а я так возбуждена, и все вместе так смешно.

После этого дела у меня пошли лучше, и теперь я читаю довольно хорошо. Мне подходит такой способ обучения, и я глотаю грамматику в сказках и стихах, как горькие пилюли в варенье.

Мне очень нравится, и ему, кажется, это еще не надоело — очень мило с его стороны, правда?

Я хочу сделать ему подарок на Рождество.

Посоветуй мне что-нибудь хорошее, мама.

Я рада, что Лори выглядит довольным и занятым, что он бросил курить и отрастил волосы.

Видишь, Бесс справляется с ним лучше, чем я.

Я не ревную, дорогая, старайся, только не делай его святым.

Боюсь, я не смогу любить его без примеси человеческой греховности.

Прочитай ему отрывки из моих писем.

У меня нет времени писать всем отдельно, и так сойдет.

Слава Богу, что Бесс чувствует себя хорошо.

Январь

Счастливого Нового года всем вам, родные мои, включая, конечно, и мистера Л., и молодого человека по имени Тедди.

Не могу описать, как меня порадовала ваша рождественская посылка, которую я получила только поздно вечером, когда уже потеряла всякую надежду.

Ваше письмо пришло утром, но вы не упоминали о посылке — хотели сделать сюрприз; я была разочарована, так как до этого у меня было «смутное предчувствие», что вы меня не забудете.

Я была немного грустной, поднявшись после чая в мою комнату, и когда мне принесли большую, забрызганную грязью, потрепанную посылку, я просто обхватила ее обеими руками и заплакала.

Она была такая домашняя, желанная и неожиданная, что я села рядом с ней на пол и читала, и рассматривала, и ела, и смеялась, и плакала, как это у меня всегда по-дурацки бывает.

В ней было именно то, чего я хотела, и гораздо лучше, что все самодельное, а не покупное.

Новый «чернильный передник» Бесс великолепен, а коробка имбирных пряников Ханны — просто клад.

И я непременно буду носить теплое белье, которое ты, мама, прислала, и внимательно прочту все книги, которые папа отметил.

Спасибо вам всем огромное, огромное!

Заговорила о книгах, и это напомнило мне, что я стала в этом отношении богаче — на Новый год

мистер Баэр подарил мне красивый, большой том Шекспира, тот самый, которым он очень дорожил и которым я часто восхищалась, разглядывая полку, где Шекспир стоял на почетном месте рядом с немецкой Библией, Платоном, Гомером и Мильтоном. Так что можете вообразить, что я почувствовала, когда он принес ее, раскрыл и показал мне надпись: «Мисс Марч от ее друга Фридриха Баэра».

— Вы часто говорите, что хотели бы иметь библиотеку.

Я дарю одну, так как под этой крышкой (он имел в виду обложку) много книг в одной.

Читайте Шекспира внимательно, и он очень поможет вам. Исследование характеров, которое вы найдете в этой книге, научит вас читать их в жизни и изображать вашим пером.

Я горячо поблагодарила и теперь говорю «моя библиотека», словно у меня сотня томов.

Я и не знала прежде, как много можно найти в пьесах Шекспира, потому что не было рядом никакого Баэра, чтобы мне это объяснить.

И не смейтесь над его ужасным именем; оно произносится не Беар или Веер, а что-то среднее, как только немцы могут произнести.

Я рада, что вам обоим понравилось все, рассказанное о нем в моих письмах, и надеюсь, что вы когда-нибудь сможете с ним познакомиться.

Маме понравится его доброе сердце, а папе умная голова.

Я восхищена и тем и другим и чувствую, что обрела сокровище в моем новом «друге Фридрихе Баэре».

Денег у меня немного, и, не зная, что он любит, я просто купила несколько мелочей и разложила в его комнате, чтобы он нашел их неожиданно для себя.

Они были полезные, красивые или забавные, — новый чернильный прибор, вазочка для его цветка — у него всегда стоит цветок или зеленая веточка в стакане для оживления обстановки, как он говорит, — и прихватка для кочерги, чтобы ему не приходилось каждый раз сжигать то, что Эми называет *muchoir*.

Я сшила ее, взяв за образец те, что придумала и делает Бесс, — большая бабочка с толстым тельцем, черно-желтыми крыльями, вышитыми шерстью усиками и глазами-бусинками.

Она очень пришлась ему по вкусу, и он поставил ее на каминную полку как предмет украшения — так что этот подарок все же оказался неудачным.

Хоть он и беден, но на Рождество не забыл ни служанки, ни ребенка в доме, и ни одна душа, от прачки-француженки до мисс Нортон, не забыла о нем.

Я так этому рада.

В канун Нового года в пансионе устроили маскарад.

Я не хотела идти — не было костюма.

Но в последнюю минуту миссис Кирк вспомнила про свое старое парчовое платье, а мисс Нортон одолжила мне кружева и перья, так что я нарядилась в миссис Малапроп и вышла в зал в маске.

Никто не узнал меня, так как я изменила голос, да никто и не подозревал, что молчаливая, чопорная мисс Марч (они думали, что я очень высокомерная и холодная — большинство из них, — и такая я и есть с самонадеянными ничтожествами) может нарядиться, и танцевать, и изрекать «прелестные замысловатые эпитафии, словно аллегория на берегах Нила».

Мне было очень весело, а когда мы все сняли маски, было забавно видеть, как они уставились на меня.

Я слышала, как один молодой человек говорил другому, что я, вероятно, актриса; да, да, ему кажется, что он видел меня в одном из небольших театров.

Мег понравится эта шутка.

Мистер Баэр изображал ткача Основу, а Тина, настоящая маленькая фея у него на руках, — Титанию.

Смотреть, как они танцуют, было одно удовольствие — «прямо пейзаж», если употребить «теддиизм».

Так что я все же встретила Новый год очень весело, а потом, уже в моей комнате, размышляя о прошедшем годе, я пришла к ощущению, что кое-чего добилась, несмотря на мои многочисленные неудачи, так как теперь я всегда бодрa, работаю с охотой и больше, чем прежде, интересуюсь другими людьми — и все это приносит удовлетворение.

Благослови вас всех Господь!

Всегда ваша любящая Джо.

Глава 11

Друг

Хотя Джо была очень довольна новым приятным кругом общения и очень занята каждодневной работой, которой добывала свой хлеб насущный — сладкий, ибо не даровой, — она по-прежнему находила время для занятий литературой.

Цель, которую она поставила себе, была вполне естественной для бедной и честолюбивой девушки, но средства, выбранные ею для достижения этой цели, были не лучшими.

Она видела, что деньги приносят материальные блага: поэтому она решила добиться денег и благ — не для себя одной, но для тех, кого любила больше, чем себя.

Мечта обеспечить удобства семье, дать Бесс все, что ей хочется — от земляники зимой до рояля в ее спальне, самой отправиться за границу и всегда иметь больше чем достаточно, так, чтобы она могла позволить себе роскошь заняться благотворительностью, — эта мечта многие годы оставалась самым заветным воздушным замком Джо.

Путь к этому замку, пусть долгий и нелегкий, открыло участие в конкурсе на лучшую сенсационную историю.

Но катастрофа, постигшая ее роман, на время лишила ее уверенности в себе, ибо общественное мнение — великан, который напугал и более мужественных мальчиков с пальчик, взбирающихся на более высокие бобовые стебельки, чем ее.

Как этот бессмертный литературный герой, она немного отдохнула после первой попытки, результатом которой в сказке, если я правильно помню, было падение и получение наименее ценного из сокровищ великана.

Но воля, побуждавшая мальчика с пальчик «встать опять и попытаться еще раз», была столь же сильна и в Джо, и теперь она карабкалась с теневой стороны и завоевала больше трофеев, но едва не потеряла то, что гораздо более ценно, чем любое богатство.

Она принялась писать сенсационные истории, ибо в то «мрачное средневековье» даже во всех отношениях безупречная Америка зачитывалась всяким вздором.

Джо ни с кем не советовалась, но состряпала «захватывающую историю» и сама смело понесла ее

мистеру Дэшвуду, редактору «Еженедельного землетрясения».

Она никогда не читала «SartorResartus», но женское чутье говорило ей, что на многих одежда оказывает влияние более мощное, чем ценности характера или магия манер.

Так что она надела свое лучшее платье, постаралась убедить себя, что не волнуется и не нервничает, смело преодолела два марша темной и грязной лестницы и оказалась в неприбранной комнате, облаке сигарного дыма и обществе трех джентльменов, сидевших задржав ноги выше своих шляп, которых ни один из них не потрудился снять при ее появлении.

Несколько обескураженная таким приемом, Джо замялась на пороге, пробормотав в большом смущении:

— Извините, я ищу редакцию «Еженедельного землетрясения».

Я хотела бы видеть мистера Дэшвуда.

Задранная выше всех пара каблуков опустилась, вверх поднялся самый прокуренный джентльмен и, заботливо и нежно сжимая в пальцах сигару, выдвинулся вперед с кивком и взглядом, не выражавшим ничего, кроме сна.

Чувствуя, что должна пройти через это испытание, Джо подала ему свою рукопись и, краснея с каждым словом все гуще, выдавила из себя по частям маленькую речь, заботливо приготовленную для такого случая:

— Моя подруга попросила меня предложить вам... рассказ... просто для пробы... хотела бы ваше мнение... будет рада написать еще, если это подойдет.

Пока она краснела и бормотала, мистер Дэшвуд, взяв рукопись, переворачивал страницы двумя довольно грязными пальцами и окидывал критическим взглядом аккуратно написанный текст.

— Не первая попытка, я полагаю? — проронил он, отметив, что страницы пронумерованы, исписаны только с одной стороны и рукопись не перевязана ленточкой — верный признак новичка.

— Нет, сэр.

У нее есть опыт, и она получила приз за рассказ в «Бларнистоунском знамени».

— О, вот как? — И мистер Дэшвуд окинул Джо быстрым взглядом, который, казалось, отметил все, что на ней было, — от кокардки на шляпе до пуговиц на ботинках.

— Что ж, можете оставить, если хотите.

Такого рода вещей мы сейчас имеем на руках больше, чем можем пристроить, но я пробегу глазами на досуге и дам вам ответ на следующей неделе.

Нет, Джо не хотелось оставлять рукопись, так как мистер Дэшвуд совсем не понравился ей; но в сложившихся обстоятельствах ей не оставалось ничего, как только поклониться и уйти, приняв особенно высокомерный и достойный вид, что она обычно делала, когда была уязвлена или сконфужена.

В этот момент было и то и другое, так как понимающий взгляд, которым обменялись джентльмены, явно свидетельствовал, что ее выдумка насчет «моей подруги» рассматривалась как хорошая шутка, а смех, вызванный каким-то замечанием редактора, закрывшего за ней дверь, довершил ее растерянность.

Почти окончательно решив никогда не возвращаться, она пошла домой и дала выход своему раздражению в усердном шитье передников, а через час-другой успокоилась настолько, что могла

посмеяться над всей сценкой, и стала с нетерпением ожидать следующей недели.

Когда она пришла снова, мистер Дэшвуд был один, чему она обрадовалась; мистер Дэшвуд был далеко не таким сонным, как в прошлый раз, что было приятно; и мистер Дэшвуд не был так глубоко поглощен своей сигарой, чтобы забыть о своих манерах, — так что их вторая встреча вызвала у Джо более положительные чувства.

— Мы возьмем это (редакторы никогда не говорят «я»), если вы не возражаете против некоторых изменений.

Слишком длинно, но если исключить пассажи, которые я отметил, будет как раз подходящей длины, — сказал он деловым тоном.

Джо едва узнала свою рукопись, так измяты и исчирканы были страницы, и, чувствуя себя, как мог бы чувствовать нежный родитель, если бы его попросили отрезать ноги его младенцу, чтобы тот поместился в новую колыбель, просмотрела отмеченные места, с удивлением заметив, что все моральные размышления — которые она заботливо вставила в качестве противовеса необыкновенным приключениям и любовным сценам — были вычеркнуты.

— Но, сэр, я считала, что в каждой истории должна быть какая-то мораль, поэтому я позаботилась о том, чтобы некоторые из моих грешников раскаялись.

Редакторская серьезность мистера Дэшвуда смягчилась улыбкой, поскольку Джо забыла о своей «подруге» и говорила так, как мог говорить только автор.

— Люди любят, чтобы их развлекали, а не поучали.

В наши дни мораль имеет плохой сбыт, — что, между прочим, было не совсем справедливым утверждением.

— Ас этими изменениями, вы думаете, рассказ пойдет?

— Да, оригинальный сюжет, довольно неплохо разработан, хороший язык и так далее, — любезно ответил мистер Дэшвуд.

— А что вы... то есть какое вознаграждение... — начала Джо, не совсем уверенная, как нужно выразиться.

— Ах да, мы даем от двадцати пяти до тридцати за такого рода вещи.

Выплата после публикации, — ответил мистер Дэшвуд, словно прежде этот момент ускользнул от его внимания; такие мелочи, как говорят, часто ускользают от внимания редакторских умов.

— Очень хорошо, можете взять, — сказала Джо, возвращая рукопись с довольным видом, так как после доллара за колонку даже двадцать пять кажутся хорошей оплатой.

— Могу я передать моей подруге, что вы возьмете и другие, если у нее есть еще лучше, чем этот? — спросила Джо, не ведая о том, что язык уже выдал ее, и ободренная успехом.

— Посмотрим; обещать ничего не можем.

Скажите ей, пусть делает короче и интереснее, и без всякой морали.

Какое имя хотела бы поставить ваша подруга? — спросил он небрежным тоном.

— Без подписи, пожалуйста, она не хочет указывать свое имя, а псевдонима у нее нет, — сказала Джо, краснея помимо воли.

— Как хочет, разумеется.

Публикация на следующей неделе.

Вы зайдете за деньгами или прислать вам? — спросил мистер Дэшвуд, испытывая естественное желание узнать, кто его новый автор.

— Я зайду.

До свидания, сэр.

Когда она вышла, мистер Дэшвуд задрал ноги с изящным замечанием:

— Бедная и гордая, как обычно, но вполне подойдет.

Следуя указаниям мистера Дэшвуда и взяв за образец миссис Нортбери, Джо смело нырнула в пенистый океан сенсационной литературы, но благодаря спасательному кругу, брошенному ей другом, выплыла вновь, не став намного хуже от этого погружения.

Как и большинство юных писак, за своими героями и обстановкой она отправлялась за границу; бандиты, графы, цыгане, монахини и герцогини появлялись на ее сцене и играли свои роли так безошибочно и задорно, как только можно было желать.

Ее читатели были не слишком разборчивы насчет таких пустяков, как грамматика или правдоподобие, а мистер Дэшвуд милостиво позволял ей заполнять колонки его издания за мизерную плату, не считая необходимым сообщать ей, что было настоящей причиной его гостеприимства, — один из его литературных поденщиков, которому была предложена более щедрая оплата в другой редакции, подло бросил мистера Дэшвуда в беде.

Скоро она заинтересовалась своей работой, так как ее тощий кошелек начал полнеть, и маленький запас, который она делала, чтобы следующим летом взять Бесс в горы, рос медленно, но верно.

Единственное, что омрачало ее радость, — это то, что она не рассказывала ни о чем домашним.

Она чувствовала, что родители не одобрили бы ее писаний, и предпочитала сначала поступить по-своему и попросить прощения потом.

Сохранить все в тайне было легко, так как рассказы выходили без подписи; мистер Дэшвуд, разумеется, очень скоро узнал ее имя, но обещал молчать и, как ни странно, сдержал слово.

Она думала, что новое занятие не причинит ей вреда, ибо искренне хотела не писать ничего, за что ей могло бы быть стыдно, и успокаивала все уколы совести предвкушением той счастливой минуты, когда покажет дома заработанные деньги и посмеется вместе со всеми над секретом, который так хорошо сохранила.

Но мистер Дэшвуд отвергал все, кроме понимающих насквозь историй, а так как дрожь нельзя вызвать иначе как терзая души читателей, то историю и литературу, сушу и море, науку и искусство, полицейскую хронику и сумасшедшие дома — все приходилось изучать ради достижения этой цели.

Джо быстро обнаружила, что собственный жизненный опыт позволил ей лишь несколько раз мельком заглянуть в тот трагический мир, который считают дном общества, и, встав на деловую точку зрения, она принялась восполнять эти пробелы с присущей ей энергией.

В стремлении найти материал для рассказов и сделать их оригинальными по сюжету, если не мастерскими в исполнении, она выискивала в газетах сообщения о происшествиях, несчастных случаях и преступлениях; она вызывала подозрения библиотекарей, спрашивая литературу о ядах; она изучала лица прохожих и характеры окружающих, хорошие, плохие и невыразительные; она рылась в пыли времен в поисках фактов или вымыслов, столь древних, что они были, в сущности, новыми, и знакомилась с безумием, грехом и страданием, насколько позволяли ей ее ограниченные возможности.

Она думала, что отлично справляется с делом, но неосознанно начала осквернять самые основы женского характера.

Она жила в дурном обществе, и, пусть воображаемое, оно влияло на нее, ибо она держала сердце и ум на пустой и опасной пище и быстро теряла духовное здоровье от преждевременного знакомства с мрачной стороной жизни.

Она начинала скорее ощущать это, чем сознавать, так как постоянное списывание страстей и чувств других людей заставляло ее строить предположения и пытаться делать выводы относительно своих собственных — нездоровое развлечение, которому не предаются по доброй воле юные умы.

Дурные поступки всегда влекут за собой наказание, и Джо понесла его тогда, когда более всего в нем нуждалась.

Не знаю, изучение ли Шекспира научило ее читать характеры, или то было прирожденное влечение ко всему честному, смелому, сильному, но, продолжая наделять своих воображаемых героев всеми возможными совершенствами, она в то же время открывала для себя живого героя, который интересовал ее, несмотря на множество человеческих слабостей и несовершенств.

Во время одного из разговоров мистер Баэр посоветовал ей прежде всего изучать простые, правдивые и красивые натуры, где бы она ни встретила их, что является хорошей подготовкой для писателя.

Джо последовала его совету и спокойно взялась за изучение его самого — поведение, которое очень удивило бы достойного профессора, знай он об этом, так как в собственных глазах он был очень простым и ничем не примечательным человеком.

Почему все любили его? Вот что озадачивало Джо в первое время.

Он не был ни богат, ни знатен, ни молод, ни красив, ни в каком отношении не был он и тем, кого называют обворожительным, представительным, выдающимся, и, однако, он привлекал к себе, и люди собирались вокруг него, так же как вокруг приятного теплого очага.

Он был беден, но всегда, казалось, что-то отдавал; чужестранец, но каждый был ему другом; далеко не молод, но радовался жизни, как мальчик; некрасивый и чудаковатый, но лицо его многим казалось прекрасным, а странности охотно прощались.

Джо часто наблюдала за ним, пытаясь открыть магическую формулу, и наконец решила, что именно его добросердечие творит это чудо.

Если у него было какое-либо горе, оно «сидело, спрятав голову под крыло», а он поворачивался к миру лишь своей солнечной стороной.

На лбу его были морщины, но Время, казалось, прикасалось к нему нежно, помня, как добр он был к другим.

Симпатичные складки возле рта были памяткой о многих дружеских словах и веселом смехе, его глаза никогда не были холодными или строгими, а большая рука дарила теплым крепким пожатием, более выразительным, чем слова.

В самой его одежде, казалось, было что-то от приветливой натуры ее обладателя.

Она выглядела так, словно чувствовала себя непринужденно и ей нравилось доставлять ему удобства; вместительный жилет наводил на мысль о большом и добром сердце под ним, выцветшее пальто имело общительный вид, мешковатые карманы явно свидетельствовали, что маленькие ручки часто залезают в них пустые, а вылезают полные, даже его ботинки казались доброжелательными, а воротнички никогда не были жесткими и не врезались в шею, как у других.

— Вот оно! — сказала себе Джо, когда наконец открыла, что подлинная доброта к ближним может

украсить и облагородить даже полного немецкого учителя, который накидывается на еду, сам штопает свои носки и обременен фамилией Баэр.

Джо высоко ценила доброту, но она также обладала и в высшей степени женским почтением к уму, и еще одно сделанное ею маленькое открытие усилило ее уважение к профессору.

Он никогда не рассказывал о себе, и о том, что в Германии, в своем родном городе, он был человеком весьма почитаемым и ценимым за ученость и справедливость, не знал никто, пока об этом приятном факте не сообщил в разговоре с мисс Нортон приехавший повидать профессора соотечественник.

От мисс Нортон обо всем узнала Джо, и это понравилось ей тем больше, что сам мистер Баэр никогда ни о чем подобном не упоминал.

Она испытывала удовлетворение, зная, что в Берлине он уважаемый всеми профессор, хотя здесь, в Нью-Йорке, лишь бедный учитель языка, и это открытие очень украсило в глазах Джо его простую и трудную жизнь налетом романтичности.

Другой и лучший, чем интеллект, дар профессора был продемонстрирован ей самым неожиданным образом.

Мисс Нортон имела доступ в литературные круги, куда Джо не имела бы никакого шанса попасть, если бы не ее новая подруга.

Одинокая женщина заинтересовалась честолубивой девушкой и часто оказывала ей такого рода любезности, так же как и профессору Баэру.

Однажды вечером она взяла их на обед, даваемый в честь нескольких знаменитостей, где должен был присутствовать узкий круг избранных.

Джо отправилась туда, готовая преклониться перед великими, которых с юношеским энтузиазмом боготворила издали.

Но ее почтению к гениям был нанесен жестокий удар, и потребовалось время, чтобы прийти в себя после открытия, что великие существа, в конце концов, всего лишь люди.

Вообразите ее ужас, когда, украдкой бросив взгляд робкого восхищения на поэта, чьи строфы наводили на мысль об эфирном существе, вскормленном «духом, огнем и росой», она увидела его пожирающим ужин со страстью, заливавшей краской его интеллектуальное лицо.

Отвернувшись, словно от поверженного идола, она сделала другие открытия, которые быстро рассеяли ее романтические иллюзии.

Великий романист тянулся то к одному, то к другому графину с регулярностью маятника; знаменитый теолог открыто флиртовал с одной из мадам де Сталь своего времени, метавшей молнии во вторую Корину, которая любезно высмеивала ее, после того как перехитрила в попытках занять беседой глубокого философа, вкушавшего чай по-джонсоновски и, похоже, дремавшего — словоохотливость этой леди делала речь невозможной.

Ученые знаменитости, забыв своих моллюсков и ледниковые периоды, болтали об искусстве, занимаясь с присущей им энергией устрицами и мороженым; молодой музыкант, очаровывавший город подобно второму Орфею, толковал о лошадях, а представитель современной британской аристократии оказался самым заурядным человеком в компании.

Не прошло и половины вечера, как Джо почувствовала себя так глубоко desillusionnée, что села в углу, чтобы оправиться от удара.

Вскоре к ней присоединился мистер Баэр, который тоже чувствовал себя не на месте, и тут же несколько философов, каждый оседлав своего конька, начали сходиться мелкой рысцой, чтобы в

перерыве скрестить копья на интеллектуальном турнире.

Содержание разговора было далеко за пределами понимания Джо, но он доставил ей удовольствие, хотя Кант и Гегель были неведомыми богами, а Субъективное и Объективное так и остались непонятными терминами, и единственным, что «эволюционировало из ее внутреннего сознания», оказалась сильная головная боль, когда все кончилось.

Постепенно у нее складывалось впечатление, что мир разбивают на куски и строят заново, и, по мнению собеседников, на бесконечно лучших, чем прежде, принципах, что религия вот-вот окажется превращенной логическим путем в ничто, а единственным Богом предстоит стать интеллекту.

Джо почти ничего не знала ни о какой философии и метафизике, но волнение и любопытство, отчасти приятные, отчасти мучительные, охватывали ее, когда она слушала их с ощущением существа, несущегося по течению во времени и пространстве, словно воздушный шарик, вырвавшийся из рук гуляющих на празднике.

Она оглянулась, чтобы посмотреть, нравится ли происходящее профессору, и увидела, что он смотрит на нее с самым мрачным выражением.

Он покачал ей головой и знаком предложил уйти вместе с ним, но она была зачарована свободой спекулятивной философии и осталась на месте, надеясь понять, на что ученые мужи намерены опереться после того, как упразднили все старые убеждения.

Мистер Баэр был человеком скромным и не спешил предлагать другим свои собственные воззрения не потому, что не имел твердых убеждений, но потому, что эти убеждения были слишком искренними и серьезными, чтобы говорить о них так легко.

Но когда он перевел взгляд с Джо на нескольких других молодых людей, также привлеченных великолепием философской пиротехники, брови его сдвинулись и он почувствовал желание вступить в дискуссию, боясь, что некоторые легковоспламеняющиеся юные души могут быть введены в заблуждение ракетами фейерверка, но, когда представление окончится, обнаружат лишь, что держат в обожженной руке пустую оболочку.

Он терпел это сколько мог, но, когда его попросили высказать свое мнение, вспыхнул честным негодованием и выступил в защиту религии со всем красноречием истины — красноречием, которое сделало его прерывистый английский музыкальным, а заурядное лицо — красивым.

Ему пришлось выдержать нелегкое сражение, ибо ученые мужи умели спорить, но он не сдавался и стоял за свое знамя, как боец.

И постепенно, пока он говорил, мир для Джо вернулся в обычное состояние; старые убеждения, которые служили человечеству так долго, показались лучше, чем новые; Бог не был слепой силой, а бессмертие представлялось не красивой выдумкой, но счастливой действительностью.

Она снова почувствовала твердую почву под ногами, и когда мистер Баэр сделал паузу — его переговорили, но не сумели ни на йоту изменить его убеждений, — Джо захотелось заплодировать и поблагодарить его.

Она не сделала ни того, ни другого, но почувствовала глубокое уважение к профессору, так как знала, что ему было нелегко так неожиданно вступить в спор, но совесть не позволяла ему молчать.

Она начала понимать, что характер — лучшее достояние, чем деньги, положение в обществе, интеллект или красота, и чувствовать, что если величие — это, по определению какого-то умного человека, «правда, благоговение и добрая воля», то ее друг Фридрих Баэр не только хороший, но и великий человек.

Это ее убеждение крепло с каждым днем.

Она ценила его одобрение, она жаждала его уважения, она хотела быть достойной его дружбы; и именно тогда, когда эти желания были самыми горячими и искренними, она чуть не потеряла все.

А началось с треуголки. Однажды вечером, когда профессор вошел в гостиную, где его ждала приготовившаяся к уроку Джо, на голове у него была бумажная треуголка, которую надела на него Тина и которую он забыл снять.

«Очевидно, он не смотрит в зеркало, прежде чем спуститься», — подумала Джо с улыбкой.

— Добрый вечер, — сказал он серьезно и сел, совершенно не ведая о нелепом контрасте между предметом урока и своим головным убором: он собирался читать ей «Смерть Валленштейна».

Сначала она решила ничего не говорить ему, ей нравился громкий сердечный смех, которым он разражался, когда случалось что-нибудь забавное. Она предоставила ему самому обнаружить, что у него на голове, и на время совсем забыла об этом, так как слушать немца, читающего Шиллера, — увлекательное занятие.

После чтения начался собственно урок, который проходил оживленно, поскольку Джо была в тот вечер в веселом расположении духа и треуголка заставляла ее глаза искриться смехом.

Профессор не мог понять, что с ней, и, наконец, прервав объяснения, спросил с видом кроткого удивления, который был неотразим:

— Мисс Марч, почему вы смеетесь в лицо своему учителю?

Разве у вас нет уважения ко мне, что вы ведете себя так плохо?

— Как я могу быть почтительной, сэр, если вы забыли снять шляпу? — сказала Джо.

Подняв руку, рассеянный профессор с серьезным видом нащупал и снял маленькую треуголку; с минуту он смотрел на нее, потом запрокинул голову и засмеялся как веселый контрабас.

— А!

Понимаю. Этот бесенок Тина сделала из меня дурака своей шляпой.

Ну ничего, но смотрите, если урок пойдет плохо, вам тоже придется носить дурацкий колпак.

Но урок совсем прервался на несколько минут, так как мистер Баэр заметил на сделанной из газетного листа треуголке картинку и, развернув ее, сказал с чувством глубокого отвращения:

— Я не хотел бы, чтобы эти газеты появлялись в доме.

Их не должны видеть дети и читать молодежь.

Это нехорошо, и меня выводят из терпения те, кто делает такое зло.

Джо взглянула на лист и увидела очаровательную иллюстрацию, изображавшую сумасшедшего, труп, злодея и змею.

Ей не понравилась картинка, однако торопливо перевернуть лист ее заставило не отвращение, но страх, так как на мгновение она вообразила, что это «Землетрясение».

Впрочем, газета была другая, а паника Джо улеглась, когда она вспомнила, что, даже если бы это был номер «Землетрясения» с одной из ее собственных историй, там не было бы имени автора.

Но она выдала себя сама — взглядом и румянцем, поскольку хоть профессор и был рассеянным человеком, он замечал гораздо больше, чем предполагали окружающие.

Он знал, что Джо пишет, и не раз встречал ее в квартале, где находились редакции газет, но она

никогда не говорила об этом, и он не задавал вопросов, несмотря на большое желание увидеть ее произведения.

И теперь ему пришло в голову, что она делает то, в чем стыдится признаться. Это обеспокоило его.

Он не сказал себе:

«Не мое это дело, я не имею права что-либо говорить», как сделали бы другие; он лишь напомнил себе, что она молода и бедна, вдали от материнской любви и отцовской заботы; и он почувствовал желание помочь ей — порыв, столь же мгновенный и естественный, как тот, который заставил бы его протянуть руку, чтобы защитить ребенка от собаки.

Все это в одно мгновение промелькнуло в его уме, но никак не отразилось на лице, и, когда газета была перевернута, а в иглу Джо вдета нитка, он сказал вполне естественным тоном, но очень серьезно и проникновенно:

— Да, вы правы, что отодвинули это от себя.

Мне неприятно думать, что такое видят хорошие молодые девушки.

Может быть, некоторым это нравится, но я скорее дал бы моим мальчикам играть с порохом, чем читать такую макулатуру.

— Возможно, это не так плохо, как глупо, а если на такие вещи есть спрос, я не вижу вреда в том, что кто-то его удовлетворяет.

Множество очень почтенных людей честно зарабатывает на жизнь сочинением так называемых сенсационных историй, — сказала Джо, столь энергично расправляя булавкой складки, что на ткани образовался ряд мелких надрезов.

— Есть спрос на виски, но думаю, ни вы, ни я не пойдем им торговать.

Если бы почтенные люди знали, какой вред они приносят, они не считали бы, что честно зарабатывают на жизнь.

Они не имеют права класть яд в засахаренную сливу и давать ее малышам.

Нет, они должны о немного подумать и скорее пойти мести улицы, чем делать такое.

Мистер Баэр произнес эти слова страстно и подошел к камину, скомкав газету в руках.

Джо сидела неподвижно с таким видом, словно огонь обжигал и ее, а щеки у нее горели еще долго после того, как треуголка превратилась в дым и благополучно унеслась в трубу.

— Я хотел бы послать вслед за ней и все остальные, — пробормотал профессор, возвращаясь к столу с более спокойным выражением лица.

Джо пришло в голову, какой костер вышел бы из кипы газет с ее рассказами, лежавшей в ее комнате наверху, а трудом заработанные деньги показались тяжким грузом для ее совести.

Затем в утешение себе она сказала:

«Мои рассказы не такие; они просто глупые, но никогда не были безнравственными. Так что я не буду волноваться». И, взяв учебник, сказала тоном прилежной ученицы:

— Продолжим, сэр?

Теперь я буду хорошей и благоразумной.

— Надеюсь, что так, — лишь сказал он в ответ, но вложил в эти слова более глубокий смысл, чем тот,

какой вложила в свои слова она, а под его серьезным, добрым взглядом она почувствовала себя так, будто слова «Еженедельное землетрясение» были крупно напечатаны у нее на лбу.

Едва войдя в свою комнату, она вытащила газеты и начала заново внимательно перечитывать свои рассказы.

Мистер Баэр был немного дальнзорким и иногда пользовался очками, и однажды Джо примерила их, с улыбкой глядя, как они увеличивают мелкий шрифт ее книги.

Теперь : она, казалось, была в духовных и моральных очках профессора, так как все недостатки этих рассказов бросались в глаза и наполнили ее душу ужасом.

— Эти истории — макулатура, а если я продолжу, они скоро станут хуже, чем макулатура, потому что каждая следующая сенсационнее предыдущей.

Я шла вперед, не разбирая, куда иду, вредя себе и другим ради денег.

Я знаю, что это так, и не могу читать то, что написала, без отчаянного стыда. Что я буду делать, если их увидят дома или они попадутся на глаза мистеру Баэру?

Джо бросило в жар при этой мысли, и она затолкала всю пачку в печь, так что огонь чуть не поднялся в трубу.

«Да, это самое подходящее место для такой разжигающей страсти чепухи.

И я полагаю, что охотнее сожгла бы дом, чем позволила бы другим людям подрываться на моем пороге», — подумала она, глядя, как исчезает «Демон острова Джура» — маленький черный уголек с огненными глазами.

Но когда от трехмесячных трудов не осталось ничего, кроме кучки пепла и денег в кошельке, Джо успокоилась и, сидя на полу, задумалась, что ей следует делать с ее доходами.

«Думаю, что пока еще я не сделала много зла и могу оставить эти деньги себе за потраченное время, — сказала она себе после долгих размышлений, добавив почти раздраженно: — Уж лучше бы у меня не было совести.

Это так неудобно. Если бы меня не заботило, поступаю я правильно или неправильно, я преуспевала бы.

Я не могу иногда удержаться и не пожалеть, что папа и мама так щепетильны в таких вопросах».

Ах, Джо, вместе того чтобы жалеть об этом, благодари Бога, что «папа и мама так щепетильны», и жалеет от всего сердца тех, у кого нет таких опекунов, чтобы оградить их со всех сторон принципами, которые могут показаться нетерпеливой молодежи тюремными стенами, но на которых, как на надежном фундаменте, можно построить свой характер.

Джо больше не писала сенсационных историй, решив, что деньги не возмещают ей ее долю сенсаций, но, бросившись в другую крайность, как это случается с людьми такого склада, взяла за образец миссис Шервуд, мисс Эджуорт и Ханну Мор и создала историю, которую было бы правильнее назвать проповедью, столь навязчиво моральной она была.

Джо с самого начала была не совсем уверена в достоинствах этого сочинения — ее живое воображение и девичья романтичность чувствовали себя неловко в новом стиле, как неловко чувствовала бы себя она сама, нарядившись в тяжелый и неуклюжий костюм прошлого века.

Она послала этот перл дидактики нескольким издателям, но не нашла покупателя и была склонна согласиться с мистером Дэшвудом, что мораль не пользуется спросом.

Затем она взялась за детскую книжку, которую легко могла бы пристроить, если бы не была столь корыстна, что потребовала за нее презренный металл.

Единственным человеком, кто предложил достаточно, был один достойный джентльмен, видевший свою миссию в обращении всего человечества в одну конкретную веру.

Но как ей ни нравилось писать для детей, Джо не могла пойти ни на то, чтобы всех ее непослушных мальчиков съедали медведи или разрывали на части бешеные быки за то, что они не ходили в определенную воскресную школу, ни на то, чтобы все ее послушные детки, которые ходили, получали в награду все мыслимые блага от позолоченных пряников до эскорта ангелов, предоставленного им, когда они, расставаясь с земной жизнью, шепелявили псалмы или проповеди.

В результате из этих опытов ничего не вышло, и Джо, закупорив свою чернильницу, сказала в порыве добро детельного смирения:

— Я ничего не знаю.

Я подожду, а пока буду «мести улицы», если не гожусь ни на что лучшее. Это, по крайней мере, честно.

Принятие такого решения свидетельствовало о том, что повторное падение с бобового стебелька принесло, как и в случае с мальчиком с пальчик, некоторую пользу.

Пока происходил этот душевный перелом, внешняя жизнь Джо оставалась все такой же — заполненной делами и бедной событиями, а если сама Джо иногда и выглядела серьезной и немного грустной, никто, кроме профессора Баэра, не замечал этого.

Джо даже не знала, что он наблюдает за ней, чтобы узнать, принес ли ей пользу его упрек, но она выдержала испытание, и, хотя между ними не было сказано ни слова об этом, он знал, что она бросила писать.

Он догадался об этом не только по тому обстоятельству, что указательный палец ее правой руки больше не был испачкан чернилами, — теперь она проводила вечера внизу, в гостиной, не встречалась ему поблизости от редакций газет и училась с упорством и терпением, убедившими его, что она твердо решила занять свой ум чем-нибудь полезным, если не приятным.

Он многим помогал ей, показав себя настоящим другом, и Джо была счастлива, так как, пока ее перо оставалось праздным, она не теряла времени, получая и иные уроки, кроме уроков немецкого, и закладывала основы прекрасной истории собственной жизни.

Это была веселая зима, и к тому же ее пребывание у миссис Кирк оказалось более продолжительным, чем предполагалось, — Джо уехала только в июле.

Все, казалось, огорчились, когда пришло это время: дети были безутешны, а у мистера Баэра все волосы на голове стояли дыбом, так как он всегда отчаянно ерошил их, когда что-нибудь выводило его из душевного равновесия.

— Едете домой!

А, вы счастливица — у вас есть дом, — сказал он ей в ответ и молча сидел в углу, теребя бороду, пока она принимала гостей в вечер накануне отъезда.

Она уезжала рано утром и поэтому попрощалась со всеми накануне; когда подошла его очередь, Джо сказала с теплотой:

— Ну вот, сэр, надеюсь, вы не забудете посетить нас, если вам случится попасть в наши края.

Я не прощу вам, если забудете! Я очень хочу, чтобы все домашние познакомились с моим другом.

— Правда?

Я могу приехать? — спросил он, глядя вниз на нее с выражением оживления и надежды, которого она не поняла.

— Да, приезжайте-ка в следующем месяце.

Лори тогда будет заканчивать университет, и вы сможете пережить выпускной акт как нечто новое.

— Это ваш лучший друг, тот, о ком вы говорите? — спросил он изменившимся тоном.

— Да, мой мальчик Тедди; я очень горжусь им и хотела бы, чтобы вы увидели его.

Джо подняла глаза, не думая ни о чем другом, кроме того, как будет приятно ей самой, когда она представит их друг другу.

Что-то в выражении лица мистера Баэра напомнило ей, что она может найти в Лори не только «лучшего друга», и только потому, что ей не хотелось, чтобы по ее виду можно было предположить такое, она невольно начала краснеть, и чем больше старалась не делать этого, тем краснее становилась.

Если бы не Тина, сидевшая у нее на коленях, она не знала, что бы с ней стало.

К счастью, девочка потянулась обнять ее, и Джо удалось спрятать лицо. Она надеялась, что профессор ничего не заметил, но он заметил, и мимолетная тревога опять сменилась на его лице обычным выражением, когда он сказал сердечно:

— Боюсь, что у меня не будет времени приехать, но я желаю вашему другу больших успехов, а всем вам — счастья.

Благослови вас Бог!

С этими словами он тепло пожал ей руку, посадил Тину себе на плечо и ушел.

Но когда мальчики уже были в постели, он долго сидел у огня с усталым выражением лица, и «heimweh», или тоска по дому, была у него на сердце.

И, вспомнив Джо — как она сидела с ребенком на коленях, и эту новую, необычную мягкость в ее лице, — он на минуту опустил голову на руки, а затем прошелся по комнате, словно ища что-то, чего не мог отыскать.

— Это не для меня. Я не должен надеяться на это теперь, — сказал он себе со вздохом, похожим на стон, а затем, словно упрекая себя за желание, которого не мог подавить, подошел и поцеловал две взъерошенные головки на подушке, взял свою пенковую трубку, что бывало с ним редко, и открыл Платона.

Он боролся с собой как мог, и делал это мужественно, но, боюсь, не нашел, что пара бойких мальчиков, трубка и даже божественный Платон могут заменить жену, детей, дом.

Несмотря на ранний час, он пришел на станцию, чтобы проводить Джо; и благодаря ему она начала свое одинокое путешествие с приятными воспоминаниями о знакомом лице, улыбающемся ей на прощание, с букетиком фиалок, составившим ей компанию, и, что лучше всего, со счастливой мыслью:

«Зима кончилась, и хотя я не написала книг, не заработала богатства, зато нашла настоящего друга и постараюсь сохранить его на всю жизнь».

Глава 12

Сердечные муки

Каковы бы ни были его мотивы, Лори в тот год учился усердно и не без результата — он окончил курс с отличием и во время выпускного акта произнес свою речь на латыни «с изяществом Филиппа и красноречием Демосфена», как сказали его друзья.

Все они были там: его дедушка — о, как он был горд! — мистер и миссис Марч, Джон и Мег, Джо и Бесс; и все радовались и выражали искреннее восхищение, которому выпускники обычно не придают большого значения, но которого не могут потом добиться от мира никакими новыми победами.

— Придется остаться на этот чертов ужин, но завтра рано утром буду дома.

Вы придете встретить меня, как обычно, девочки? — сказал Лори, сажая сестер в экипаж, когда все радости дня были позади.

Он сказал «девочки», но имел в виду Джо, так как она была единственной, кто держался старой традиции; у нее не хватило духа отказать в чем бы то ни было ее замечательному, добившемуся такого успеха мальчику, и она ответила дружески:

— Я приду, Тедди, — дождь или солнце — и буду маршировать перед тобой и играть

«Приветствуйте победителя» на варгане.

Лори поблагодарил ее взглядом, который вызвал у нее панический страх:

«О ужас!

Я знаю, он что-то скажет, и тогда — что я буду делать?»

Вечерние размышления и утренняя работа отчасти успокоили ее страхи, и, решив не быть столь тщеславной, чтобы думать, будто кто-то сделает ей предложение, когда она дала ясно понять, каков будет ее ответ, Джо в назначенный час отправилась встречать Тедди, надеясь, что он своим поведением не вынудит ее задеть его бедные маленькие чувства.

Визит к Мег и освежающий глоток общения с Дейзи и Демиджоном еще больше укрепили ее перед предстоящим *tete-a-tete*, и все же, когда она увидела замаячившую в отдалении рослую фигуру, у нее возникло сильное искушение повернуться и убежать.

— Где же варган, Джо? — воскликнул Лори, приблизившись.

— Забыла.

— И Джо снова набралась храбрости, поскольку такое приветствие никак нельзя было назвать приветствием влюбленного.

Раньше в таких случаях она всегда брала его под руку, теперь же не сделала этого, и он не выразил недовольствия, что было плохим знаком, но говорил быстро, перескакивая с одной отвлеченной темы на другую. Затем они свернули с дороги на узкую тропинку, которая через рощу вела к дому.

Здесь он пошел медленнее, плавный поток речи стал прерываться, и то и дело возникала пугающая пауза.

Чтобы спасти разговор, провалившийся в очередную яму молчания, Джо торопливо сказала:

— Теперь тебе нужны хорошие длинные каникулы!

— Я на это и рассчитываю.

Что-то в его решительном тоне заставило Джо поднять глаза, и она увидела, что он смотрит вниз на нее. Выражение его лица говорило, что момент, которого она боялась, наступил. Она протянула вперед руку с умоляющим:

— Тедди, пожалуйста, не надо!

— Надо, и ты должна выслушать меня.

Бесполезно, Джо, нам придется выяснить все до конца, и чем раньше, тем лучше для нас обоих, — ответил он, став вдруг красным и взволнованным.

— Тогда говори, что хочешь, я слушаю, — сказала Джо с той покорностью, которую порождает безысходность.

Лори был неопытным влюбленным, но серьезным и искренним и хотел «выяснить все», пусть даже придется умереть при этой попытке; поэтому он приступил к делу с присущей ему горячностью. Несмотря на мужественные усилия Лори сохранить твердость, голос его все время прерывался.

— Я люблю тебя, Джо, с тех пор как узнал тебя; я не мог иначе, ты была добра ко мне.

Я пытался показать тебе это, но ты не позволяла.

Теперь я намерен заставить тебя выслушать все и дать мне ответ, так как я не могу продолжать так и дальше.

— Я хотела уберечь тебя от этого.

Я думала, ты поймешь... — начала Джо, чувствуя, что объяснить ему что-то гораздо труднее, чем она предполагала.

— Я знаю, ты хотела, но девушки такие странные; никогда не знаешь, что они имеют в виду.

Они говорят «нет», когда хотят сказать «да», и сводят человека с ума просто для забавы, — возразил Лори, подкрепляя свою позицию этим неоспоримым утверждением.

— Я не такая.

Я никогда не хотела вызвать у тебя такую любовь ко мне.

И я уехала, чтобы удержать тебя от этого, если смогу.

— Я так и думал; это на тебя похоже, но все бесполезно.

Я полюбил тебя еще сильнее, и учился усердно, чтобы понравиться тебе, и бросил бильярд и все, что тебе не нравится, и ждал, и никогда не жаловался. Я надеялся, что ты полюбишь меня, хоть я и «вполовину не так хорош»... — Здесь голос Лори прервался, и, не в силах справиться с ним, он принялся срывать лютики, пока прочищал «проклятое горло».

— Ты хороший, ты слишком хорош для меня, и я благодарна тебе, и так горда, и люблю тебя, но не понимаю, почему я не могу любить тебя так, как ты хочешь.

Я пыталась полюбить, но не могу изменить свое чувство, и это будет ложью, если я скажу, что люблю, когда любви нет.

— Правда? Честно, Джо?

Он резко остановился и схватил обе ее руки, задав ей этот вопрос и взглянув на нее так, что ей не скоро удалось забыть этот взгляд.

— Правда, честно, дорогой.

Они были теперь в роще, возле ступенек изгороди; и, когда Джо неохотно произнесла эти слова, Лори уронил ее руки и отвернулся, словно желая идти дальше. Но впер — вые в жизни изгородь оказалась для него слишком трудной преградой, и он остановился, прислонившись головой к покрытому мхом

столбу, и стоял так неподвижно, что Джо испугалась.

— О Тедди, мне жаль, мне ужасно жаль, я убила бы себя, если б от этого была какая-то польза!

Я не хочу, чтобы ты переживал это так тяжело. Я не могу ничего поделать.

Ты же знаешь, люди не могут заставить себя любить других людей, если их не любят, — сказала Джо весьма неуклюже, но с раскаянием и нежно погладила его по плечу, вспоминая то время, когда так же утешал ее он.

— Иногда они это делают, — отозвался из-за столба сдавленный голос.

— Не думаю, что такого рода любовь настоящая, и не хочу пробовать, — был решительный ответ.

Последовала долгая пауза — дрозд беспечно распевал на иве у реки, а высокая трава шелестела на ветру.

Вдруг Джо сказала очень серьезно, присев на ступеньку изгороди:

— Лори, я хочу тебе что-то сказать.

Он вздрогнул, словно в него выстрелили, вскинул голову и выкрикнул свирепо:

— Не говори, Джо, я не вынесу этого сейчас!

— Не говорить чего? — спросила она, удивляясь такой его ярости.

— Что ты любишь этого старика.

— Какого старика? — удивилась Джо, думая, что он, быть может, имеет в виду своего дедушку.

— Этого треклятого профессора, о котором ты без конца писала.

Если ты скажешь, что любишь его, — я знаю, что сделаю что-нибудь отчаянное. — И вид у него, со сжатыми кулаками и сверкающими гневом глазами, был такой, будто он готов на все.

Джо хотелось засмеяться, но она сдержалась и сказала дружески, хотя и сама начала терять хладнокровие:

— Не ругайся, Тедди!

Он не старый и вовсе не плохой, а хороший и добрый, мой самый лучший друг после тебя.

Прошу, не злись.

Я хочу быть доброй, но знаю, что рассержусь, если ты будешь оскорблять моего профессора.

У меня нет ни малейшего намерения влюбляться ни в него, ни в кого-то еще.

— Но потом ты полюбишь, и тогда что будет со мной?

— Ты тоже кого-нибудь полюбишь, как благоразумный мальчик, и забудешь все эти огорчения.

— Яне смогу полюбить никого другого, и я никогда не забуду тебя, Джо!

Никогда, никогда! — И он топнул, чтобы подчеркнуть эти страстные слова.

— Ну что мне с ним делать? — вздохнула Джо, чувствуя, что эмоции поддаются управлению еще меньше, чем она ожидала.

— Ты не выслушал, что я хотела тебе сказать.

Сядь и выслушай, ведь я действительно хочу поступить правильно и сделать тебя счастливым, — сказала она, надеясь успокоить его небольшим рассуждением, и это доказывало, что она ничего не знает о любви.

Увидев в ее последних словах луч надежды, Лори бросился на траву у ее ног, оперся локтем о нижнюю ступеньку и в ожидании устремил глаза на ее лицо.

Такое положение не способствовало ни спокойствию речей, ни ясности мысли, ибо как могла Джо сказать суровые слова своему мальчику, когда он смотрел на нее глазами, полными любви и тоски, с ресницами, все еще влажными от горькой слезы, которую исторгло у него ее жестокосердие?

Она ласково отвернула от себя его лицо и заговорила, глядя кудрявые волосы, которые были отпущены ради нее — это, разумеется, было трогательно!

— Я согласна с мамой, что ты и я не подходим друг другу, так как наша вспыльчивость и сильная воля, вероятно, сделали бы нас очень несчастными, если бы мы были настолько глупы, чтобы... — Джо помедлила, прежде чем выговорить последнее слово, но Лори произнес его с восторгом:

— Пожениться. Нет, мы были бы счастливы!

Если бы ты полюбила меня, Джо, я стал бы сущим ангелом, ведь ты можешь сделать со мной все, что хочешь.

— Нет, не могу.

Я пробовала, и неудачно. Я не хочу рисковать нашим счастьем путем такого серьезного опыта.

Мы не подходим друг другу — и никогда не подойдем, так что будем всю жизнь добрыми друзьями и не станем совершать ничего опрометчивого.

— Станем, если только получим возможность, — пробормотал Лори мятежно.

— Ну будь благоразумным, смотри на вещи здраво, — умоляла Джо, почти не зная, что делать.

— Не хочу быть благоразумным и, как ты это называешь, «здро» смотреть на вещи.

Мне легче от этого не станет, а ты только становишься жестокой от такого благоразумия.

Я не верю, что у тебя есть сердце.

— Я хотела бы, чтобы его не было.

В голосе Джо слышалась легкая дрожь, и, приняв это за добрый знак, Аори обернулся и постарался вложить всю силу убеждения во вкрадчивый тон, который еще никогда не был столь опасно вкрадчивым.

— Не разочаровывай нас, дорогая!

Все ждут этого.

Дедушка хочет этого всем сердцем, твои родные будут рады, и я не могу без тебя.

Скажи «да», и будем счастливы.

Скажи, скажи!

Даже месяцы спустя Джо удивлялась, как хватило у нее силы воли, чтобы упорно держаться того решения, которое она приняла, когда пришла к выводу, что не любит своего мальчика и никогда не полюбит.

Ей было очень тяжело, но она знала, что отсрочка бесполезна и жестока.

— Я не могу сказать «да» с чистой совестью, так что не скажу.

Со временем ты поймешь, что я права, и поблагодаришь меня за это, — начала она торжественно.

— Будь я проклят, если поблагодарю! — И Лори вскочил с травы, пылая негодованием от одного такого предположения.

— Да, поблагодаришь! — упорствовала Джо.

— Скоро это у тебя пройдет, ты найдешь какую-нибудь прелестную, хорошо воспитанную девушку, которая будет обожать тебя и станет прекрасной хозяйкой твоего прекрасного дома.

Я не стала бы такой хозяйкой.

Я некрасивая, и неуклюжая, и странная, и старая, и ты стал бы стыдиться меня, и мы начали бы ссориться — вот видишь, даже сейчас мы не можем не ссориться, — и мне не нравилось бы изысканное общество, а тебе нравилось бы, и ты терпеть бы не мог мою писанину, а я не могла бы без нее, и мы стали бы несчастны и жалели бы, что поженились, и все было бы отвратительно!

— И что еще? — спросил Лори, которому было нелегко дослушать до конца это с таким жаром произнесенное пророчество.

— Ничего, только то, что я, наверное, никогда не выйду замуж.

Я счастлива и так, и я слишком люблю мою свободу, чтобы спешить отказаться от нее ради какого бы то ни было смертного мужчины.

— Я знаю лучше! — перебил ее Лори.

— Это сейчас ты так думаешь, но придет время, когда ты кого-нибудь полюбишь и будешь любить его безмерно, и будешь готова жить и умереть для него.

Я знаю, так и будет, ты такая, у тебя так всегда; а мне придется стоять и смотреть! — И отчаявшийся влюбленный бросил шляпу на землю с жестом, который показался бы комичным, если бы не было таким трагическим его лицо.

— Да, я буду готова жить и умереть для него, если он когда-нибудь придет и заставит меня полюбить его вопреки моей воле, а ты должен делать все, что в твоих силах! — крикнула Джо, окончательно потеряв терпение с бедным Тедди.

— Я сделала все, что в моих силах, но ты не хочешь быть рассудительным, и это эгоизм с твоей стороны — выпрашивать то, чего я не могу дать.

Я всегда буду любить тебя, очень любить — как друга, но я никогда не выйду за тебя замуж, и чем раньше ты поймешь это, тем лучше для нас обоих. Вот и все!

Эта речь была словно огонь, поднесенный к пороху.

С минуту Лори смотрел на нее, словно не зная, что ему с собой делать, потом резко отвернулся, сказав с отчаянием:

— Когда-нибудь ты пожалеешь об этом, Джо.

— Куда ты? — крикнула она; его лицо испугало ее.

— К черту! — прозвучал утешительный ответ.

Когда он бросился к реке, сердце Джо на мгновение замерло, но нужно много безумия, греха или

горя, чтобы заставить молодого человека искать смерти, а Лори был не из тех слабых натур, для которых единственное поражение — уже полный разгром.

Он не думал о мелодраматическом прыжке в воду — какой-то слепой инстинкт заставил его швырнуть шляпу и сюртук в лодку и грести прочь изо всех сил, показывая лучшее время вверх по реке, чем на всех гребных гонках, в которых он когда-либо участвовал.

— Это пойдет ему на пользу, и домой он придет в таком нежном, покаянном настроении, что у меня не хватит духу с ним встретиться, — сказала Джо, медленно бредя домой с таким чувством, словно убила какое-то невинное существо и погребла его под листьями.

— Я должна пойти и подготовить мистера Лоренса, чтобы он был очень ласков с моим бедным мальчиком.

Я хотела бы, чтобы он полюбил Бесс; может быть, так оно и будет со временем. Но мне начинает казаться, что я ошиблась относительно ее чувств.

Боже мой!

Как это девушкам может нравиться иметь поклонников и отказывать им?

Я думаю, это отвратительно.

Уверенная, что никто не сделает это лучше, чем она сама, Джо отправилась прямо к мистеру Лоренсу, мужественно рассказала о том, о чем так трудно рассказать, а затем не выдержала и так горько расплакалась по поводу собственной бесчувственности, что добрый старик, хоть и был очень разочарован случившимся, не произнес ни слова упрека.

Ему было нелегко понять, как какая-то девушка может не любить его Лори, и он надеялся, что Джо передумает, но знал, пожалуй, даже лучше, чем она, что «насильно мил не будешь»; так что он печально покачал головой и решил увезти внука подальше от греха, поскольку последние, обращенные к Джо, слова Юной Запальчивости обеспокоили его больше, чем он готов был признать.

Когда Лори пришел домой, смертельно уставший, но довольно спокойный, дедушка встретил его так, словно ни о чем не знал, и вел эту игру час или два.

Но когда они сидели вдвоем в сумерки — время, которое прежде так приятно проводили вместе, — старику было тяжело говорить о пустяках и еще тяжелее молодому слушать, как хвалят его за успехи последнего года, которые теперь казались ему напрасными трудами любви.

Он выносил это, пока был в силах, но затем подошел к фортепьяно и начал играть.

Окна были открыты, и Джо, прогуливаясь в саду с Бесс, впервые понимала музыку лучше, чем сестра; Лори играл Патетическую сонату, и играл так, как никогда прежде.

— Очень хорошо, но так печально, до слез.

Сыграй нам что-нибудь повеселее, мой мальчик, — сказал мистер Лоренс, чье доброе старое сердце было полно сочувствия, которое он хотел показать, но не знал как.

Лори начал более оживленную пьесу. Несколько минут он играл с напряжением и мужественно прошел бы через это испытание, если бы в момент, когда музыка звучала тише, не слышался голос миссис Марч, позвавшей:

— Джо, дорогая, иди сюда.

Ты мне нужна.

Те самые слова, которые жаждал сказать Лори, с другим значением!

Прислушавшись, он забыл, где остановился, и музыка завершилась оборванным аккордом, а музыкант остался молча сидеть в темноте.

— Не могу это выносить, — пробормотал старик.

Он встал, ощупью приблизился к фортепьяно, ласково положил руки на широкие плечи и сказал нежно, как женщина: — Я знаю, мой мальчик, все знаю.

С минуту ответа не было, потом Лори спросил резко:

— Кто вам сказал?

— Сама Джо.

— Тогда кончим этот разговор.

— И он нетерпеливым движением стряхнул с плеч руки дедушки. При всей благодарности за сочувствие мужская гордость не могла вынести мужской жалости.

— Подожди.

Я хочу кое-что сказать тебе, и тогда кончим, — ответил мистер Лоренс с необычной мягкостью.

— Ты, вероятно, не захочешь теперь остаться дома?

— Не собираюсь бежать от девушки.

Джо не может запретить мне видеть ее, и я останусь столько, сколько захочу, — ответил Лори с вызовом.

— Нет, если ты джентльмен, а я считаю тебя джентльменом.

Я тоже разочарован, но девушка не может ничего с этим поделать, и единственное, что тебе остается, — это уехать на время.

Куда ты хотел бы поехать?

— Куда угодно.

Мне все равно, что со мной будет. — И Лори встал с равнодушным смехом, резавшим слух его дедушки.

— Прими это как мужчина и, Бога ради, не делай ничего безрассудного.

Почему бы тебе не поехать за границу, как ты и хотел, и не забыть обо всем?

— Не могу.

— Но ты так хотел поехать, и я обещал тебе, что ты поедешь, когда окончишь университет.

— Ах, я же собирался ехать не один! — И Лори быстро зашагал по комнате с выражением лица, которого дедушка, к счастью, не видел.

— Я не предлагаю тебе ехать одному.

Есть человек, который готов и рад поехать с тобой в любой конец света.

— Кто, сэр? — Лори остановился, чтобы услышать ответ.

— Я сам.

Лори подошел к нему так же стремительно, как прежде отошел, и, протянув руку, сказал хрипло:

— Я себялюбивая скотина, но... вы понимаете... дедушка...

— Помоги мне Господь, да, я знаю, ведь я сам прошел через это в юные годы, а потом и с твоим отцом.

Ну же, дорогой мой мальчик, сядь спокойно и выслушай мой план.

Все уже готово, и можно осуществить его сразу, — сказал мистер Лоренс, удерживая юношу, словно боялся, что он убежит, как это было с его отцом.

— Хорошо, сэр, что за план? — И Лори сел без всякого признака интереса в лице и голосе.

— У меня есть дело в Лондоне, которым надо заняться.

Сначала я думал поручить это тебе, но, пожалуй, лучше сделаю все сам, а здесь все будет хорошо и без меня, так как Брук умело ведет дело.

Мои партнеры делают почти все сами, я лишь стою во главе предприятия в ожидании, пока ты займешь мое место; так что я могу уехать в любое время.

— Но вы же терпеть не можете путешествовать, сэр.

Я не могу просить вас об этом в вашем возрасте, — начал Лори. Он был благодарен дедушке за самоотверженность, но предпочитал если уж ехать, то ехать одному.

Старик отлично знал это и именно такое развитие событий стремился предотвратить: настроение внука свидетельствовало о том, что было бы неразумно предоставить его самому себе.

И, подавив естественные сожаления о домашнем уюте, с которым придется расстаться, он сказал твердо:

— Помилуй, я еще не старая развалина.

Идея поездки кажется мне довольно привлекательной: путешествие принесет мне пользу, развлечет, а мои старые кости ничуть не пострадают, ведь в наши дни путешествовать не труднее, чем сидеть в кресле.

Беспокойное движение Лори наводило на мысль, что ему трудно сидеть в кресле или что ему не нравится план, и старик добавил торопливо:

— Я не намерен быть тебе помехой или обузой.

Я еду потому, что, на мой взгляд, так ты будешь чувствовать себя лучше, чем если я останусь здесь.

Я не собираюсь следовать за тобой повсюду — ты волен ехать куда хочешь, пока я развлекаюсь на свой лад.

У меня есть друзья в Лондоне и Париже, и я хотел бы повидать их; а ты тем временем можешь съездить в Италию, Германию, Швейцарию — куда угодно — и наслаждаться живописью, музыкой, новыми местами и приключениями — сколько угодно.

И хотя в тот момент Лори по-прежнему чувствовал, что сердце его разбито, а мир — страшная пустыня, все же при звуке некоторых слов, которые дедушка предусмотрительно вставил в свое заключительное предложение, разбитое сердце неожиданно прыгнуло в груди, а в страшной пустыне вдруг появилось несколько зеленых оазисов.

Он вздохнул, а затем сказал безжизненным тоном:

— Как хотите, сэр; мне все равно, куда я поеду и что буду делать.

— Мне не все равно, помни это, мой мальчик.

Я даю тебе полную свободу; но надеюсь, ты не злоупотребишь ею.

Обещай мне это, Лори.

— Обещаю все, что хотите, сэр.

«Очень хорошо, — подумал старик.

— Сейчас тебе все равно, но придет час, когда это обещание удержит тебя от греха, или я очень ошибаюсь».

Будучи человеком энергичным, мистер Лоренс ковал железо, пока горячо, и, прежде чем поникшее существо вновь обрело силу духа, чтобы начать возражать, они отправились в путь.

Все то непродолжительное время, которое потребовалось для приготовлений к путешествию, Лори вел себя так, как обычно ведут себя юные джентльмены в подобных случаях.

Он был то угрюм, то раздражителен, то задумчив, потерял аппетит, одевался небрежно, подолгу и со страстью предавался игре на фортепьяно, избегал Джо, утешаясь тем, что смотрел на нее из окна с трагическим выражением, которое преследовало ее по ночам во сне и подавляло тяжким сознанием вины днем.

В отличие от некоторых иных страдальцев, он никогда не говорил о своей безответной страсти и не позволял никому, даже миссис Марч, пытаться утешить его или выразить сочувствие.

По понятным причинам это было облегчением для его друзей, но все же эти недели перед его отъездом были очень неприятными, и все радовались, что «милый мальчик уезжает, чтобы забыть свои огорчения и вернуться домой счастливым».

Конечно же, он мрачно улыбался по поводу подобных заблуждений, но обходил их молчанием с печальным чувством превосходства человека, знающего, что его верность, как и его любовь, неизменны.

Когда пришло время расставания, он изобразил притворную веселость, чтобы скрыть некоторые неудобные эмоции.

Эта веселость ни на кого не произвела впечатления, но все попытались сделать вид, что произвела, — ради него. И он держался хорошо до той минуты, когда миссис Марч поцеловала его и шепнула что-то ему на ухо с материнской заботливостью, и тогда, чувствуя, что быстро теряет мужество, он торопливо поцеловал всех, не забыв и огорченной Ханны, и бросился вниз, словно от смертельной опасности.

Джо тоже спустилась немного погода, чтобы помахать ему, если он обернется.

И он обернулся, возвратился, обнял ее, пока она стояла на ступеньке чуть выше его, и посмотрел вверх ей в лицо с выражением, сделавшим его краткий призыв красноречивым и трогательным:

— О, Джо, неужели не можешь?

— Тедди, дорогой, если б я могла!

И это было все, если не считать небольшой паузы.

Лори выпрямился, произнес:

— Все в порядке, не обращай внимания, — и ушел, ничего больше не сказав.

Но не все было в порядке, и Джо не могла «не обращать внимания», ведь, когда кудрявая голова легла на ее руку мгновение спустя после ее жестокого ответа, она почувствовала себя так, словно убила самого дорогого друга, а когда он ушел, не оглянувшись, поняла, что мальчик Лори больше никогда не вернется.

Глава 13

Секрет Бесс

Когда той весной Джо вернулась домой, она была поражена переменой, происшедшей в Бесс.

Никто не говорил об этой перемене и, казалось, даже не признавал ее, так как все происходило слишком постепенно, чтобы поразить тех, кто видел ее каждый день, но для Джо после долгого отсутствия перемена была очевидна, и тяжесть легла на ее сердце, когда она вгляделась в лицо сестры.

Оно не было бледнее и лишь чуть-чуть похудело с осени, но казалось странно прозрачным, словно смертное медленно отступало и бессмертное сияло сквозь слабую плоть с неописуемо трогательной красотой.

Джо увидела и почувствовала это, но ничего не сказала, и вскоре первое впечатление утратило свою остроту, так как Бесс казалась довольной, никто, похоже, не сомневался, что ей лучше, а вскоре за иными заботами Джо на время забыла о своих страхах.

Но когда Лори уехал и снова возобладал покой, смутная тревога вернулась и стала преследовать ее.

Она призналась в своих литературных грехах и получила прощение. Однако когда она показала свои сбережения и предложила поехать в горы, Бесс от души поблагодарила ее, но попросила не увозить так далеко от дома.

Было решено, что более подходящей будет еще одна поездка к морю, а так как бабушку не удалось убедить даже на время оставить малышей Мег, Джо сама повезла Бесс в тихий приморский городок, где та могла проводить много времени на свежем воздухе, чтобы морские бризы вдохнули немного румянца в ее бледные щеки.

Это не был модный курорт, но даже среди приятных людей, которых девочки встретили там, они завязали мало знакомств, предпочитая проводить время вдвоем.

Бесс была слишком застенчива, чтобы получать удовольствие от общения с новыми людьми, а Джо — слишком озабочена состоянием Бесс, чтобы думать о ком-либо еще.

Они были всем друг для друга и приходили и уходили, совершенно не сознавая, какой интерес вызывали у окружающих, с сочувствием наблюдавших за двумя сестрами — сильной и слабой, не расстававшимися ни на миг, словно обе инстинктивно чувствовали, что долгая разлука недалеко.

Да, они чувствовали, но никогда не говорили об этом; ибо часто в наших отношениях с теми, кто нам всего ближе и дороже, существует сдержанность, которую трудно преодолеть.

Джо казалось, будто какая-то завеса разделяет их сердца, но стоило ей протянуть руку, чтобы отодвинуть эту завесу, как возникало ощущение, что в молчании есть что-то священное, и она ждала, когда заговорит Бесс.

Она удивлялась — но вместе с тем и была благодарна Богу, — что родители, похоже, не видят того, что видит она, и в эти тихие недели, когда печальные тени сгущались все более очевидно для нее, она не писала об этом домашним, уверенная, что все будет ясно, когда Бесс вернется домой, не улучшив

своего состояния.

Еще чаще задумывалась она о том, догадывается ли сестра о горькой правде и какие мысли бродят в ее голове в те долгие часы, когда она лежит на теплых скалах, положив голову на колени Джо, а бодрящие ветры обвевают ее и музыка моря звучит у ее ног.

И однажды Бесс заговорила.

Она лежала так неподвижно, что казалась спящей, и Джо, опустив книгу, сидела, печально глядя на худое лицо и пытаясь отыскать луч надежды в слабом румянце на щеках.

Но ей не удалось найти того, что удовлетворило бы ее, — щеки были впалыми, а руки слишком слабыми даже для того, чтобы держать маленькие розовые ракушки, которые они собрали на берегу.

И тогда с новой остротой она осознала, что Бесс медленно уходит от нее, и невольно сжала в объятиях дражайшее сокровище, каким обладала, чтобы удержать его.

С минуту глаза ее были затуманены, и она ничего не видела; когда взгляд ее прояснился, Бесс смотрела вверх на нее так нежно, что едва ли ей нужно было говорить:

— Джо, дорогая, я рада, что ты все знаешь.

Я пыталась сказать тебе, но не могла.

Ответа не было, лишь щека сестры прижалась к ее щеке; не было даже слез — когда Джо бывала глубоко тронута, она не плакала.

Теперь Джо была более слабой из них двоих, и Бесс попыталась утешить и поддержать ее. Она обняла ее и нежно зашептала:

— Я знаю об этом давно, дорогая, и теперь привыкла. Мне не тяжело думать об этом или это выносить.

Постарайся смотреть на это так и не беспокойся обо мне, потому что так лучше всего, в самом деле лучше.

— Поэтому ты была так несчастна прошлой осенью, Бесс?

Тогда тебе еще было тяжело и ты держала это про себя так долго, да? — спросила Джо, отказываясь видеть или говорить, что это — «лучше всего»; но ей было приятно знать, что горести Бесс никак не были связаны с Лори.

— Да, тогда я потеряла надежду, но не хотела признаться в этом.

Я пыталась убедить себя, что это болезненное воображение, и не хотела никого беспокоить.

Но когда я видела вас всех, таких здоровых, сильных, полных счастливых надежд, мне было тяжело сознавать, что я никогда не буду такой, как вы, и тогда я чувствовала себя несчастной.

— О, Бесс, и ты ничего не сказала мне, не дала утешить тебя, помочь тебе!

Как ты могла отгородиться от меня и выносить все это одна?

В голосе Джо звучал нежный упрек, и сердце ее сжималось при мысли об одинокой борьбе, которая шла в душе Бесс, прежде чем та научилась сказать прости здоровью, любви, жизни и нести свой крест так спокойно и с готовностью.

— Может быть, это было нехорошо, но я старалась поступать правильно.

Я не была уверена, и никто ничего не говорил. Я надеялась, что ошибаюсь.

Это было бы эгоизмом — пугать вас всех, когда мама так озабочена делами Мег, Эми уехала, а ты так счастлива с Лори — по крайней мере, я так тогда думала.

— А я думала, что ты влюблена в него, Бесс, и я уехала, потому что не могла полюбить его! — воскликнула Джо, радуясь, что может наконец сказать всю правду.

Бесс была так изумлена этой мыслью, что Джо улыбнулась, несмотря на страдание, и добавила мягко:

— Значит, ты не была влюблена, дорогая?

А я-то боялась, что это так, и воображала, будто твое бедное сердце все это время было полно страданий безнадежной любви.

— Ну что ты, Джо, как я могла, когда он был так влюблен в тебя? — сказала Бесс по-детски простодушно.

— Да, я очень люблю Лори; может ли быть иначе, ведь он так добр ко мне?

Но для меня он никогда не мог быть никем иным, кроме как братом.

И я надеюсь, когда-нибудь он действительно станет моим братом.

— Не через меня, — отозвалась Джо решительно.

— Для него остается Эми, она прекрасно подошла бы ему, но я не испытываю склонности к подобным вещам сейчас.

И мне все равно, что будет с кем угодно, кроме тебя, Бесс.

Ты должна поправиться.

— Я хочу — о, как я хочу!

Я стараюсь, но каждый день понемногу теряю силы и чувствую все яснее, что мне никогда не вернуть потерянного.

Это как отлив, Джо, когда он сменяет прилив, вода уходит медленно, но его нельзя остановить.

— Его надо остановить, твой отлив не должен сменять прилив так рано; девятнадцать — это слишком рано.

Бесс, я не позволю тебе уйти от нас.

Я буду трудиться и молиться и бороться с этим.

Я удержу тебя, несмотря ни на что; должны быть средства, не может быть, чтобы было слишком поздно.

Бог не будет так жесток, чтобы отнять тебя у меня! — с мятежным чувством воскликнула бедная Джо, чей дух отличался куда меньшей набожной покорностью, чем дух Бесс.

Простые, искренние люди редко говорят о своей набожности: она проявляется в поступках скорее, чем в словах, и влияет на окружающих больше, чем проповеди или торжественные заявления.

Бесс не могла рассуждать о вере или объяснить, что дает ей терпение и мужество отречься от жизни и спокойно и бодро ожидать смерти.

Как доверчивое дитя, она не задавала вопросов, но оставила все Богу и природе, Отцу и матери всех нас, уверенная в том, что они, и только они, могут научить и укрепить сердце и дух для этой жизни и той, что ждет нас после смерти.

Она не произносила благочестивых речей, не упрекала Джо, она лишь еще глубже любила ее за эту страстную привязанность и тянулась к дорогой ей человеческой любви, которой наш Отец никогда не хочет лишать нас, но через которую Он еще ближе привлекает нас к Себе.

Она не могла сказать:

«Я рада умереть», ибо жизнь была мила ей; она могла лишь всхлипнуть:

«Я стараюсь смириться», крепко прижавшись к Джо, когда первая тяжелая волна этого великого горя обрушилась на них.

Вскоре Бесс сказала с вновь обретенной безмятежностью:

— Ты скажешь им об этом, когда мы вернемся домой?

— Я думаю, они поймут все без слов, — вздохнула Джо; ей казалось, что Бесс меняется с каждым днем.

— Может быть, и нет.

Я слышала, что те, кто больше всего любит, часто более всех слепы к таким вещам.

Если они не поймут, скажи им вместо меня.

Я не хочу никаких секретов, и лучше приготовить их заранее.

У Мег есть Джон и малыши, чтобы утешиться, но ты должна поддержать папу и маму, хорошо, Джо?

— Если смогу.

Но, Бесс, я еще не сдалась.

Я хочу верить, что это все же больное воображение, и не позволю тебе думать, что это правда, — сказала Джо, стараясь говорить весело.

С минуту Бесс лежала, задумавшись, потом сказала, как всегда, тихо и спокойно:

— Мне трудно это выразить, и я не попыталась бы объяснить это никому, кроме тебя, потому что я могу открыто высказать все только моей Джо.

Я хочу лишь сказать, что у меня такое чувство, будто мне не было предназначено жить долго.

Я не такая, как вы, остальные; я никогда не строила планов, не говорила, что буду делать, когда вырасту.

Я никогда не думала о замужестве, как думали все вы.

Я не могла вообразить себя никем иным, кроме маленькой глупенькой Бесс, топчущей по дому и ни на что не годной в любом другом месте.

Я никогда не хотела никуда уезжать, и сейчас самое тяжелое для меня — это оставить вас всех.

Я не боюсь, но, похоже, буду скучать о вас даже на небесах.

Джо не могла говорить, и несколько минут не было никаких других звуков, кроме вздохов ветра и плеска прибоя.

Мимо пронеслась белокрылая чайка, ее серебристая грудь вспыхнула на солнце; Бесс проводила чайку взглядом, и глаза ее были полны печали.

Маленькая серая птичка приблизилась к ним, шагая по прибрежной полосе песка и попискивая тихо

и нежно, словно наслаждалась солнцем и морем.

Она медленно подошла совсем близко к Бесс, посмотрела на нее дружески маленьким глазком и села на теплом камне, расправляя мокрые перышки и чувствуя себя вполне непринужденно.

Бесс улыбнулась, и ей стало легче — казалось, эта крошка предлагала ей свою маленькую дружбу и напоминала, что этим приятным миром все еще можно наслаждаться.

— Милая маленькая птичка!

Смотри, Джо, совсем ручная.

Я люблю этих птичек больше, чем чаек: они не такие смелые и красивые, но кажутся довольными и доверчивыми.

Я привыкла называть их «моими птичками», когда мы были здесь прошлым летом; и мама сказала, что они напоминают ей меня — вечно занятые, неприметные, всегда у берега и всегда насвистывают свою счастливую песенку.

Ты, Джо, чайка, сильная и свободная, любишь грозу и ветер, летаешь далеко над морем и счастлива в одиночестве.

Мег — голубка, а Эми — жаворонок, пытающийся подняться за облака, но всегда падающий назад в свое гнездо.

Милая девочка!

Она так честолобива, но сердце у нее доброе и нежное, и, как бы высоко она ни взлетела, она не забудет родной дом.

Надеюсь, что я еще увижу ее, но кажется, что она так далеко.

— Она приедет весной, и к тому времени я собираюсь сделать тебя здоровой и веселой, — начала Джо, чувствуя, что из всех перемен, происшедших в Бесс, самой большой была перемена в ее речи — казалось, что теперь она говорит без усилий, просто думая вслух, и это было так непохоже на прежнюю стеснительную Бесс.

— — Джо, дорогая, оставь надежду.

Это бесполезно.

Я уверена.

Не будем горевать, а насладимся тем, что пока, в ожидании будущего, мы вместе.

Мы счастливо проведем это время; я не слишком страдаю и думаю, отлив пройдет легко, если ты поможешь мне.

Джо склонилась, поцеловала спокойное лицо и с этим безмолвным поцелуем душой и телом посвятила себя Бесс.

Она оказалась права: когда они вернулись домой, слова были не нужны. Родители увидели то, чего они так просили в молитвах не дать им увидеть.

Утомленная даже этим коротким путешествием, Бесс сразу пошла в постель, сказав лишь, как рада снова быть дома. А когда Джо снова спустилась в гостиную, она обнаружила, что избавлена от тяжелой задачи — рассказать о секрете Бесс.

Отец стоял, прислонившись головой к каминной полке, и не обернулся, когда Джо вошла; но мать

протянула руки, словно прося о помощи, и Джо подошла, чтобы утешить ее без слов.

Глава 14

Новые впечатления

В три часа пополудни весь модный свет Ниццы можно видеть на Promenade des Anglais — очаровательной широкой аллее, обсаженной пальмами, цветами и тропическими кустарниками; с одной стороны раскинулось море, с другой лежит широкая проезжая дорога с отелями и виллами вдоль нее, за которыми виднеются апельсиновые рощи и поднимаются к небу горы.

Много народов представлено здесь, многие языки звучат, много разнообразных нарядов носят — и зрелище в солнечный день веселое и блестящее, как карнавал.

Высокомерные англичане, бойкие французы, серьезные немцы, красивые испанцы, некрасивые русские, кроткие евреи, непринужденные американцы — все едут, сидят или прогуливаются пешком, болтая о новостях и обсуждая последнюю прибывшую знаменитость — Ристори или Диккенса, Виктора Эммануила или королеву Сандвичевых островов.

Экипажи не менее разнообразны, чем сами отдыхающие, и привлекают столько же внимания, особенно маленькие и низкие плетеные ландо, которыми правят сами сидящие в них дамы, с парой лихих пони, с яркими сетками, чтобы не дать каскадам оборок перелиться через борта экипажа, и с маленькими грумами на высокой жердочке сзади.

По этой аллее шел в рождественский день высокий молодой человек, с заложенными за спину руками и довольно рассеянным выражением лица.

Он выглядел как итальянец, был одет как англичанин и имел независимый вид американца — сочетание, заставившее немало пар женских глаз проводить его благосклонным взглядом и немало щеголей в черных бархатных костюмах с розовыми галстуками, желтыми кожаными перчатками и апельсиновыми цветами в петлицах позавидовать его росту.

Вокруг было множество прелестных лиц, вызывавших восхищение, но молодой человек обращал на них мало внимания, лишь изредка бросая взгляд на какую-нибудь юную блондинку или леди в голубом.

Вскоре он дошел до конца аллеи и на мгновение задержался на перекрестке, словно был в нерешительности — пойти ли послушать оркестр в публичном саду или пройти вдоль берега к Замковому холму.

Быстрый топот резвых пони заставил его поднять глаза — вдоль по улице стремительно мчался один из прелестных маленьких экипажей, в котором сидела одинокая леди — молодая блондинка в голубом.

Молодой человек внимательно посмотрел на нее, затем лицо его оживилось, и, размахивая шляпой точно мальчик, он бросился к ней.

— О, Лори, неужели ты?

Я уж думала, ты никогда не приедешь! — воскликнула Эми, бросив вожжи и протянув ему обе руки, к великому возмущению какой-то французской мамы, которая заставила свою дочь ускорить шаги, чтобы на нее не оказал дурного влияния вид свободных манер этих «сумасшедших англичан».

— Была задержка в пути; но я обещал провести с тобой Рождество — и вот я здесь.

— Как здоровье твоего дедушки?

Когда ты приехал?

Где остановился?

— Очень хорошо... Вчера вечером... В «Шовэне».

Я заходил в вашу гостиницу, но мне сказали, что вы вышли.

— Мне так много нужно тебе сказать, не знаю даже, с чего начать!

Садись, и мы сможем поговорить свободно.

Я собираюсь прокатиться и очень хочу иметь спутника.

Фло не поехала — готовится к вечеру.

— Что же будет? Бал?

— Большой рождественский бал в нашей гостинице.

Там много американцев, и они хотят отпраздновать Рождество.

Ты ведь пойдешь с нами?

Тетя будет в восторге.

— Спасибо.

А куда сейчас? — спросил Лори, откинувшись на спинку сиденья и сложив руки, что вполне устраивало Эми, которая предпочитала править сама — ее очаровательный кнутик и голубые вожжи, протянувшиеся над спинами белых пони, доставляли ей бесконечную радость.

— Сначала за письмами, а затем на Замковый холм; там такой прелестный вид, и я очень люблю кормить павлинов.

Ты бывал там?

— Часто, много лет назад, но не против взглянуть и сейчас.

— Теперь расскажи мне все о себе.

Последние вести о тебе были от твоего дедушки: он писал, что ждет тебя из Берлина.

— Да, я провел там месяц, а затем присоединился к нему в Париже, где он обосновался на зиму.

У него там друзья и много развлечений, так что я то приезжаю к нему, то уезжаю, и все у нас идет отлично.

— Дружеский уговор, — заметила Эми, которой чего-то не хватало в манерах Лори, хотя она не могла сказать, чего именно.

— Понимаешь, он терпеть не может путешествовать, а я терпеть не могу сидеть на одном месте, так что каждый из нас поступает в соответствии со своими желаниями — и никаких хлопот.

Я часто бываю с ним, он радуется моим приключениям, а мне приятно, что кто-то рад меня видеть, когда я возвращаюсь из моих странствий... Грязная старая дыра, правда? — добавил он с отвращением, когда они ехали по бульвару в старой части города к площади Наполеона.

— Грязь живописна, так что я не против.

Река и горы восхитительны, а эти мелькающие с обеих сторон узкие извилистые улочки вызывают восторг.

Нам придется подождать, пока пройдет эта процессия.

Они идут в церковь Святого Иоанна.

В то время как Лори равнодушно наблюдал за процессией, состоявшей из священников под балдахинами, монахинь в белых покрывалах, несущих горящие свечи, и монахов в голубом, поющих на ходу, Эми наблюдала за ним и чувствовала, как какая-то незнакомая робость овладевает ею. Он изменился, и она не могла увидеть в этом угрюмом мужчине, сидевшем рядом с ней, того милого мальчика с веселым лицом, которого покинула дома.

Она подумала, что он стал еще красивее и даже гораздо интереснее, но теперь, когда первый порыв радости при встрече с ней прошел, он выглядел утомленным и апатичным — не больным, не явно несчастным, но казался как-то старше и серьезнее, чем могли сделать его год или два благополучной жизни.

Она не могла этого понять, но не решилась задать какие-либо вопросы, а лишь покачала головой и тронула с места своих пони, когда процессия свернула под арки моста Пальони и исчезла в церкви.

— Que pensez-vous? — спросила она, демонстрируя свой французский, который улучшился количественно, если не качественно, с тех пор как она приехала в Европу.

— Эта мадемуазель не теряет времени даром, и результат очарователен, — галантно ответил Лори, поклонившись с восхищенным видом и положив руку на сердце.

Она покраснела от удовольствия, но почему-то комплимент не удовлетворил ее так, как удовлетворяли те грубоватые похвалы, которые она прежде слышала от него дома, когда в праздник он, обойдя ее со всех сторон, говорил, что она выглядит «вполне отлично», и с сердечной улыбкой одобрительно гладил по голове.

Ей не нравился его новый тон, так как хоть в нем и не было пресыщенности, он оставался равнодушным, несмотря на восхищенный взгляд.

«Если он так будет меняться с возрастом, то уж лучше бы всегда оставался мальчиком», — подумала она со странным ощущением разочарования и неловкости, пытаясь тем временем казаться непринужденной и веселой.

В Авигдоре она получила драгоценные письма из дома и, отдав вожжи Лори, читала с наслаждением, пока они ехали по тенистой дороге, вьющейся между живыми изгородями, в которых цвели чайные розы, такие же свежие, как в июне.

— Бесс очень плоха, мама пишет.

Я часто думаю, что мне следовало бы вернуться домой, но все они говорят «оставайся».

И я остаюсь, ведь мне никогда больше не представится такая возможность, как сейчас, — сказала Эми, печально глядя на одну из страниц письма.

— Я думаю, ты поступаешь правильно.

Ты не смогла бы ничем помочь дома, а для них большое утешение знать, что ты здорова и счастлива и так хорошо проводишь время, моя дорогая.

Он придвинулся чуть ближе, говоря это, и стал больше похож на прежнего Лори; и страх, закрадывавшийся порой в душу Эми, отступил, ибо взгляд, движение, братское «моя дорогая» уверили ее, что, если придет горе, она не будет одна с этим горем в чужой земле.

Вскоре она засмеялась и показала ему маленький рисунок Джо — она сама в ее «писательском костюме» с грозно торчащим на шапочке бантиком и исходящими изо рта словами:

«Гений кипит!»

Лори улыбнулся, взял листок, положил в карман жилета — чтобы «не унесло ветром» — и с интересом прослушал веселое письмо, которое прочитала ему Эми.

— Это будет самое настоящее «веселое Рождество» для меня: утром — подарки, после обеда — ты и письма, а вечером — бал, — сказала Эми, когда они вышли из ландо среди руин и стая великолепных, совсем ручных павлинов окружила их, ожидая угощения.

Пока Эми стояла на валу, смеясь и бросая крошки сверкающим на солнце птицам, Лори смотрел вверх на нее так, как прежде она смотрела на него, — с естественным любопытством, отмечая перемены, которые принесло время.

Он не нашел ничего, что смутило бы его или разочаровало, но нашел многое, чем восхитился и что одобрил, так как, если не считать некоторой искусственности речей и манер, она была такой же веселой и грациозной, как всегда, но к этому добавилось нечто такое в одежде и поведении, что не поддается описанию и что мы называем элегантностью.

Всегда необычно зрелая для своего возраста, она обрела определенный апломб и в осанке, и в разговоре, отчего еще больше казалась светской женщиной; но все же ее прежняя капризность иногда проявлялась, ее сильная воля не слабела, а природная искренность не была испорчена иностранным лоском.

Всего написанного здесь Лори не читал, пока наблюдал, как она кормит павлинов, но он заметил в ней немало такого, что понравилось ему и вызвало интерес, и унес с собой прекрасное воспоминание — девушка с оживленным лицом, стоящая на солнце, которое подчеркивает нежный оттенок ее платья, свежий румянец на щеках, золотистый блеск ее волос и делает всю ее заметной фигурой на фоне приятного пейзажа.

Когда они поднялись на каменную площадку на вершине горы, Эми помахала рукой, словно приглашая его на свое излюбленное место, и, указывая рукой то туда, то сюда, сказала:

— Ты помнишь все это — собор и Корсо, рыбаков, которые тянут сети в заливе, прелестную дорогу, ведущую к Вилла-Франка, башню Шуберта здесь, внизу, и самое лучшее — вон то пятнышко в морской дали, говорят, что это Корсика?

— Помню; не так уж все изменилось за то время, что я не был здесь, — отозвался он без энтузиазма.

— Чего бы не отдала Джо за вид этого знаменитого пятнышка! — сказала Эми; у нее было отличное настроение, и ей очень хотелось, чтобы такое же было и у Лори.

— Да, — вот и все, что он сказал, но, обернувшись, напряг зрение, пытаясь разглядеть остров, который сделало интересным для него напоминание о любви — узурпаторе еще более могущественном, чем даже Наполеон.

— Хорошенько посмотри на него — ради нее, а потом сядь и расскажи мне, что ты делал все это время, — сказала Эми, усаживаясь и приготовившись к дружеской беседе.

Но беседы не получилось, так как, хотя он присоединился к ней и ответил на все ее вопросы откровенно, она смогла узнать только то, что он много ездил по Европе и побывал в Греции.

Проведя так целый час, они поехали обратно, и, засвидетельствовав свое почтение миссис Кэррол, Лори покинул их, пообещав прийти вечером.

Нужно отметить, что Эми особенно тщательно чистила перышки в тот вечер.

Время и разлука изменили и ее, и Лори, и она увидела своего старого друга в новом свете, уже не как «нашего мальчика», но как красивого и приятного мужчину, и испытывала вполне естественное

желание найти благосклонность в его взоре.

Эми знала свои сильные стороны и использовала их наилучшим образом, со вкусом и мастерством, которые можно назвать приданным красивой, но бедной женщины.

Кисея и тюль были дешевы в Ницце, и потому она облачалась в них по праздничным случаям и, следуя разумной английской моде на простые платья для юных девушек, украшала свои туалеты цветами, несколькими безделушками и прочими изящными средствами, которые были и недороги, и эффектны.

Нужно признать, что порой художница брала в ней верх над светской женщиной, и тогда она увлекалась античными прическами, скульптурными позами и классическими драпировками.

Но, ах, у всех нас есть свои маленькие слабости, и нам нетрудно извинить подобные в молодых, которые радуют наш взгляд своей миловидностью и веселят наши сердца своим безыскусственным тщеславием.

«Я хочу, чтобы он нашел, что я хорошо выгляжу, и написал им об этом домой», — сказала себе Эми, надевая старое белое шелковое бальное платье Фло и покрывая его сверху облаком новой «иллюзии», из которого ее белые плечи и золотая голова появлялись, производя весьма живописное впечатление.

У нее хватило здравого смысла, чтобы оставить в покое свои волосы, после того как густые волны кудрей были собраны на затылке в прическу *a la Геба*.

— Да, это немодно, но это к лицу, а я не хочу делать из себя пугало, — обычно отвечала она, когда ей советовали сделать завивку, валик или косу, как диктовала новейшая мода.

Не имея достаточно изящных для такого важного случая украшений, Эми подколола свои пышные юбки несколькими розовыми азалиями и обрамила белые плечи нежной веточкой зеленого плюща.

Вспоминая крашенные ботинки прежних лет, она с удовлетворением взглянула на свои белые атласные туфельки и прошла по комнате, восхищаясь в полном одиночестве своими аристократическими ножками.

— Мой новый веер очень подходит к моим цветам, перчатки к брелоку, а настоящие кружева на тетином *mouchoir* придают изысканность всему моему наряду.

И если бы только у меня были классические нос и рот, я была бы совершенно счастлива, — сказала она, обозревая себя критическим взглядом в зеркале, со свечой в каждой руке.

Несмотря на это последнее огорчение, она выглядела необыкновенно веселой и изящной, когда заскользила к выходу — она редко бегала, считала, что это не в ее стиле и что при высоком росте больше подходит быть величавой, как Юнона, чем шаловливой или пикантной.

Она прошла туда и обратно по длинному приемному залу в ожидании Лори и сначала расположилась под люстрой, в выгодном для ее волос освещении, но затем, подумав, отошла в другой конец зала, стыдясь тщеславного желания произвести благоприятное впечатление с первого взгляда.

Но оказалось, что более удачной позиции, чем та, которую заняла она, нельзя было и придумать: Лори вошел так бесшумно, что она не слышала шагов и стояла неподвижно у дальнего окна, чуть повернув голову и подобрав одной рукой складки платья, — стройная белая фигура на фоне красных занавесей была эффектна, как хорошо размещенная статуя.

— Добрый вечер, Диана! — сказал Лори, глядя на нее с удовольствием, которое ей было приятно видеть.

— Добрый вечер, Аполлон! — ответила она, отвечая улыбкой на его улыбку, так как он тоже выглядел необычайно элегантно, и, представив, как она войдет в бальный зал под руку с таким представительным мужчиной, Эми от души пожалела своих знакомых — четырех некрасивых мисс

Дэвис.

— Вот цветы, я подобрал их сам, помня, что ты не любила, как выражается Ханна, «набирать букет», — сказал Лори, вручая ей нежный букетик в кольцо, о котором она давно мечтала, проходя мимо витрины «Кардильи».

— Какой ты милый! — воскликнула она с благодарностью. — — Если бы я знала, что ты приедешь, я тоже приготовила бы для тебя подарок, только боюсь, он не был бы таким красивым, как твой.

— Спасибо.

Он не так красив, как должен бы быть, но ты замечательное к нему дополнение.

— Пожалуйста, не надо таких комплиментов.

— Я думал, тебе нравится их слышать.

— Не от тебя. Они звучат неестественно, и мне больше по душе твоя прежняя грубоватая прямота.

— Я этому рад, — сказал он с видом облегчения, помог ей застегнуть перчатки и спросил, прямо ли завязан его галстук, как делал это прежде, когда они вместе ходили на вечеринки дома.

Таких гостей, как те, что собрались в тот вечер в длинной гостиничной *salle a manger*, не увидишь нигде, кроме континентальной Европы.

Радужные американцы пригласили всех, кого знали в Ницце, и, не имея никаких предрассудков в отношении представителей титулованной знати, раздобыли и их для придания большего блеска своему рождественскому балу.

Русский князь соизволил посидеть в углу с час и поговорить с внушительной дамой, одетой, как мать Гамлета, в черный бархат с жемчужной уздой под подбородком.

Польский граф, восемнадцати лет, целиком посвятил себя дамам, которые объявили его «очаровательным юношей», а какая-то немецкая «его светлость», пришедшая на вечер в одиночестве, блуждала по залу, ища, что бы она могла поглотить.

Личный секретарь барона Ротшильда, еврей с крупным носом и в тесных ботинках, любезно улыбался миру, словно имя патрона венчало золотым ореолом его собственное чело.

Полный француз, личностно знавший императора, пришел, чтобы предаться страсти к танцам, а леди «де» Джоунз, некая британская матрона, украсила общество своим маленьким семейством из восьми человек.

Конечно, здесь было много быстроногих, визгливых американских девушек; красивых, с безжизненным видом англичанок — точных копий друг друга; несколько некрасивых, но пикантных французских *demoiselles*; а также и обычный набор путешествующих молодых людей, которые веселились и развлекались, в то время как мамы всех наций стояли вдоль стен и благосклонно улыбались им, пока они танцевали с их дочерьми.

Любая девушка может вообразить настроение Эми, когда она «вышла на сцену» в тот вечер в сопровождении Лори.

Она знала, что выглядит хорошо, любила танцевать и радовалась восхитительному чувству власти, которое приходит, когда юные девушки впервые открывают для себя новое и прекрасное королевство, которым рождены править в силу красоты и женственности.

Е, й было жаль девочек Дэвис, которые были неловкие, некрасивые и которых сопровождал только мрачный папа и три еще более мрачные незамужние тетки, и она самым дружеским образом

поклонилась им, проходя мимо, тем самым любезно позволив разглядеть свое платье и загореться любопытством относительно того, кем может быть ее незаурядной внешности друг.

С первыми звуками оркестра Эми зарумянилась, глаза ее заблестели, ножкой она нетерпеливо постукивала по полу. Она научилась очень хорошо танцевать, и ей хотелось, чтобы Лори узнал об этом, поэтому легче вообразить, чем описать, каким ударом оказались для нее слова Лори, сказанные совершенно равнодушным тоном:

— Тебе хочется танцевать?

— Всем хочется этого на балу.

Ее удивленный взгляд и быстрый ответ побудили Лори постараться как можно скорее исправить ошибку.

— Я имел в виду первый танец.

Могу я иметь честь?

— Пожалуй, но мне придется отказать графу.

Он танцует великолепно, но он извинит меня, ведь ты старый друг, — сказала Эми, надеясь произвести на Лори впечатление упоминанием титула и показать, что к ней не следует относиться несерьезно.

— Милый малыш, но, пожалуй, слишком короткий шест, чтобы поддержать

«Дочь дивную богов С божественной красотой и статью», —

услышала она в ответ, и тем ей пришлось удовлетвориться.

Круг танцующих, в котором они оказались, состоял в основном из англичан, и Эми была принуждена плавно расхаживать в танце по залу, чувствуя в то же время, что куда охотнее станцевала бы тарантеллу.

Лори уступил ее «милому малышу», а сам отправился исполнить свой долг перед Фло, не гарантировав Эми будущих радостей, и эта предосудительная непредусмотрительность была надлежащим образом наказана: она немедленно раздала все танцы до самого ужина, но все же с намерением смягчиться, если бы он проявил признаки раскаяния.

Когда он медленно и лениво подошел — вместо того чтобы броситься — к ней, желая пригласить ее на следующий танец, она со скромным удовлетворением показала ему свою бальную записную книжку.

Он выразил вежливое сожаление; но, когда она галопом понеслась по залу с графом, ей бросилась в глаза фигура Лори, который усаживался рядом с ее теткой, и на лице его было выражение подлинного облегчения.

Нет, это было непростительно, и Эми больше не обращала на него внимания, обмениваясь лишь парой слов, когда между танцами подходила к тетке, чтобы взять понадобившуюся булавку или просто минуту передохнуть.

Однако она скрыла свое раздражение под веселой улыбкой и казалась необыкновенно счастливой и красивой.

Лори было приятно смотреть на нее: она танцевала с живостью и грацией, делая это приятное времяпрепровождение таким, каким оно и должно быть.

Он начал изучать ее с этой точки зрения, и не прошло и половины вечера, как у него сложилось убеждение, что «маленькая Эми превращается в очаровательную женщину».

Бал представлял великолепное зрелище: дух праздника овладел всеми, рождественское веселье сделало сияющими все лица, счастливыми сердца, легкими ноги.

Музыканты с увлечением водили смычками, трубили и барабанили, танцевали все, кто мог, а те, кто не мог, с жаром восхищались другими.

По залу порхали девочки Дэвис; Джоунзы резвились, точно стадо юных жирафов.

Сияющий секретарь барона проносился как метеор с кокетливой француженкой, метущей пол своим розовым шлейфом.

Сиятельный тевтон нашел наконец накрытый к ужину стол и был счастлив, заказывая по порядку все блюда, указанные в меню, и ужасая официантов производимыми опустошениями.

Но славой покрыл себя в тот вечер друг императора — он танцевал все, умел или не умел, вводя импровизированные пируэты в незнакомые ему фигуры танцев.

Было приятно видеть юношескую непринужденность этого полного человека: хоть ему и приходилось «носить свой вес», он скакал как резиновый мячик.

Он бегал, летал, выделял ногами курбеты, лицо его пылало, лысина сияла, фалды фрака отчаянно развевались, лакированные бальные туфли прямо-таки мелькали в воздухе, а когда музыка умолкала, он вытирал пот со лба и улыбался своим партнершам как французский Пиквик без очков.

Эми и ее поляк отличались равным энтузиазмом, но куда большей грацией, и Лори заметил, что невольно считает в такт с ритмичными движениями белых туфелек, порхающих так неумолимо, словно на них были крылья.

Когда маленький Владимир наконец оставил ее, с уверениями, что «очень жаль покидать бал так рано», она решила отдохнуть и посмотреть, как перенес наказание ее рыцарь-изменник.

Оно и в самом деле принесло пользу, ибо в двадцать три приятное общество — бальзам для раненых чувств, очарование красоты, света, музыки и движения заставляет нервы трепетать, кровь кипеть, душу радоваться.

У Лори был вполне проснувшийся вид, когда он поднялся, чтобы уступить ей свое место. А когда он отошел, чтобы принести ей ужин, она сказала себе с улыбкой:

«Ага, я знала, что ему это будет полезно».

— Ты выглядишь как бальзаковская «femme peinte par elle-meme», — заметил он, обмахивая ее веером, который держал в одной руке, а другой поднося ей чашку кофе.

— Мои румяна не стираются. — Эми потерла пылающую щеку и показала ему белую перчатку с простодушной серьезностью, заставившей его рассмеяться вслух.

— Как называется эта ткань? — спросил он, касаясь складки ее платья, которую отнесло движением воздуха ему на колено.

— Иллюзия.

— Хорошее название.

Очень красивая ткань — недавно появилась, да?

— Все это старо как мир.

Ты видел эту ткань на десятках девушек, но никогда не замечал, что она красива, до сих пор, stupide!

— Причина в том, что никогда прежде я не видел ее на тебе.

— Без комплиментов, это запрещено.

Сейчас мне больше нужен кофе, чем комплименты.

И не сиди развальясь, меня это раздражает.

Лори сел прямо и покорно принял от нее пустую тарелку, чувствуя странное удовольствие от того, что им командует «маленькая Эми». Что же до нее, она утратила прежнюю робость и испытывала непреодолимое желание третировать его, как девушки имеют восхитительное обыкновение делать, когда мужчины, эти «венцы творения», проявляют какие-либо признаки покорности.

— Где же ты всему этому научилась? — спросил он с насмешливым взглядом.

— «Всему этому» — довольно неопределенное выражение, не будешь ли любезен уточнить? — ответила Эми, отлично зная, что он имеет в виду, но лукаво предоставляя ему определить то, что не поддается определению.

— Ну... общий вид, стиль, самообладание... это... эту... иллюзию... — засмеялся Лори, растерявшись и преодолевая затруднение при помощи нового слова.

Эми была обрадована, но, разумеется, не показала этого и сдержанно отвечала:

— Жизнь за границей придает внешний лоск; я невольно учусь, словно играя, а это... — Она небрежным жестом указала на платье. — Тюль дешев, цветы почти ничего не стоят, а я привыкла наилучшим образом использовать свои скромные вещи.

Эми отчасти пожалела об этой последней фразе, боясь, что она была не в лучшем вкусе. Но Лори почувствовал, что у него вызывает восхищение и уважение это мужественное терпение, которое извлекает максимум возможного из того, что имеет, и бодрый дух, скрывающий бедность под цветами.

Эми не знала, почему он смотрит на нее так ласково и почему он заполнил все оставшиеся пустые строки в ее бальной книжке своим именем, посвятив ей свое внимание на остаток вечера, но порыв, вызвавший эту приятную перемену в их отношениях, был результатом тех новых впечатлений, которые они оба, сами того не сознавая, производили друг на друга.

Глава 15

Сдана в архив

Во Франции молодые девушки ведут скучную жизнь, пока не выйдут замуж, а уж тогда «vive la liberte!» становится их девизом.

В Америке, как всем известно, девушки рано подписывают «декларацию независимости» и наслаждаются своей свободой с республиканским пылом, но юные матроны обычно отрекаются от престола с появлением первого наследника и отправляются в уединение, почти столь же строгое, как французский монастырь, хотя далеко не такое спокойное.

Нравится им это или нет, они фактически списаны в архив, как только свадебные волнения позади, и большинство из них могли бы воскликнуть, как воскликнула на днях одна очень красивая молодая женщина:

«Я все так же хороша собой, но никто не обращает на меня внимания, потому что я замужем!»

Не будучи ни красавицей, ни светской леди, Мег не испытывала подобных огорчений, пока ее малышам не исполнился год. В ее маленьком мире господствовали простые нравы, и она чувствовала, что ее любят и ею восхищаются еще больше, чем прежде.

Так как она была женственной маленькой женщиной, ее материнский инстинкт оказался очень сильным, и она была совершенно поглощена своими детьми — до полного забвения всех и всего остального.

День и ночь она лелеяла их с неутомимой заботливостью, оставляя Джона на милость наемной кухарки.

Как человек домашний, Джон явно страдал без внимания жены, к которому успел привыкнуть, но он очень любил своих малышей и потому охотно отказался на время от собственных удобств, полагая с типично мужским невежеством, что покой и порядок скоро будут восстановлены.

Но прошло несколько месяцев, а не было и признаков возврата семейной гармонии: Мег казалась измотанной и нервной, дети поглощали все ее время до минуты, дом был брошен, а Китти, кухарка-ирландка, которая принимала жизнь «леххо», держала хозяина впроголодь.

Когда он выходил утром из дома, его приводили в замешательство многочисленными поручениями мамы-пленницы; когда он возвращался вечером, горячо желая обнять семью, его порыв гасили возгласом:

«Тише!

Они только что уснули, а весь день плакали».

Если он предлагал небольшое развлечение дома —

«Нет, это беспокоит для маленьких».

Если он намекал на лекцию или концерт, ему отвечали полным упреком взглядом и решительным: «Бросить детей ради собственного удовольствия — никогда!»

Его сон нарушался младенческим плачем и видениями призрачной фигуры, бесшумно шагающей взад и вперед в бессонные ночные часы; его еда прерывалась частыми отлетами председательствующего за столом гения, который покидал его, полуобслуженного, если из гнездышка наверху слышалось сдавленное чириканье; а когда он читал по вечерам газету, колика Деми включалась в перечень судов торгового флота, а падение Дейзи влияло на цену биржевых акций, поскольку миссис Брук интересовали лишь домашние новости.

Бедный мужчина чувствовал себя очень неудобно, ибо дети лишили его жены, весь дом стал одной большой детской, а вечное «Тсс!» заставляло его чувствовать себя свирепым захватчиком, когда бы он ни вступал в священные границы Страны Младенцев.

Он выносил это очень терпеливо шесть месяцев, но, когда не появилось никаких признаков улучшения ситуации, он сделал то, что делают обычно другие ссыльные отцы, — постарался найти утешение в другом месте.

Скотт женился и завел свое хозяйство, и Джон привык забегать к нему на час-другой, когда его собственная гостиная была пуста, а его собственная жена пела колыбельные, которым, казалось, не будет конца.

Миссис Скотт была живой, красивой молодой женщиной, у которой не было иных забот, кроме как быть приятной, и она исполняла свою миссию весьма успешно.

Гостиная всегда была нарядной и привлекательной; шахматная доска с расставленными фигурами, настроенное пианино, множество веселой болтовни и хороший небольшой ужин — все это предлагалось самым соблазнительным образом.

Джон предпочел бы свой собственный семейный очаг, если бы не чувствовал себя возле него таким одиноким, но, так как дело обстояло иначе, он с благодарностью принимал наилучшую из возможных

замен этого семейного очага и наслаждался обществом соседей.

Сначала Мег, пожалуй, даже одобряла новый порядок. Для нее было утешением знать, что Джон хорошо проводит время, вместо того чтобы дремать в гостиной или бродить по дому и будить детей.

Но постепенно, когда волнения, связанные с первыми зубами, прошли и ее кумиры стали ложиться спать в надлежащее время, оставляя маме время для отдыха, она начала скучать без Джона и находить свою рабочую корзинку унылым обществом, когда муж не сидел напротив в старом халате, спокойно подпаливая свои домашние туфли на каминной решетке.

Она не просила его остаться дома, но обижалась, так как он не догадывался сам, что нужен ей, и даже не вспоминала о тех бесчисленных вечерах, когда он напрасно ждал ее.

Она была нервной, измученной бессонными ночами и тревогами и в том расположении духа, не позволяющем смотреть на вещи здраво, которое бывает порой у лучших из матерей, когда их угнетают домашние заботы.

Отсутствие движения на воздухе лишает их бодрости, а чрезмерное поклонение идолу американских женщин — чайнику — заставляет их чувствовать себя так, словно у них одни нервы и никаких мускулов.

— Да, — говорила она, глядя в зеркало, — я становлюсь старой и некрасивой.

Джон больше не находит меня интересной, поэтому покидает свою поблекнувшую жену и идет смотреть на хорошенькую соседку, у которой нет забот.

Ну что ж, зато дети любят меня, им неважно, что я худая и бледная и у меня нет времени завивать волосы. Дети — мое утешение, и когда-нибудь Джон поймет, что я принесла себя в жертву с радостью. Правда, сокровища мои?

На этот жалостный призыв Дейзи отвечала воркованием, а Деми гуканьем, и Мег от жалоб переходила к материнским восторгам, которые на время скрашивали ее одиночество.

Но душевная боль росла, так как Джона увлекла политика и он еще чаще стал забегать к Скотту, чтобы обсудить с ним интересные вопросы, даже не подозревая, что Мег скучает о нем.

Однако она не говорила ни слова, пока однажды мать не застала ее в слезах и не настояла на том, чтобы узнать, в чем дело, поскольку уныние Мег не ускользнуло от ее внимания.

— Я не сказала бы об этом никому, кроме тебя, мама. Но мне действительно нужен совет, потому что, если Джон продолжит так и дальше, я все равно что овдовела, — ответила миссис Брук с оскорбленным видом, осушая слезы нагрудничком Дейзи.

— Продолжит как, моя дорогая? — спросила ее мать с тревогой.

— Его нет дома целый день, а вечером, когда я хочу видеть его, он постоянно у Скоттов.

Это нечестно, что у меня должна быть только самая тяжелая работа и никогда никаких развлечений.

Мужчины ужасно эгоистичны, даже лучшие из них.

Так же как и женщины.

Не вини Джона, пока не поймешь, в чем виновата сама.

— Но он не может быть прав в том, что так невнимателен ко мне.

— А ты внимательна к нему?

— Но, мама, я думала, ты встанешь на мою сторону!

— Это я и делаю, пока речь идет о сочувствии. Но я думаю, Мэг, что виновата ты.

— Не понимаю в чем.

— Позволь мне объяснить.

Разве Джон когда-нибудь был невнимателен к тебе, как ты это называешь, пока ты не лишала его своего общества по вечерам — единственное время, какое у него есть для отдыха?

— Нет, но я не могу уделять ему столько времени теперь, когда на моем попечении двое малышей.

— Я думаю, ты могла бы, дорогая, и я думаю, ты должна это делать.

Могу я говорить совершенно откровенно? Ты будешь помнить, что мать, которая порицает, это та же мать, которая сочувствует?

— Конечно.

Поговори со мной так, словно я снова маленькая Мег.

С тех пор как у меня появились дети, которые во всем зависят от меня, я часто чувствую, что нуждаюсь в уроках больше, чем когда бы то ни было.

Мег придвинула свое кресло-качалку ближе к креслу, в котором сидела мать, и, покачиваясь в них, женщины начали душевную беседу, чувствуя, что материнство объединяет их больше, чем прежде.

— Ты всего лишь совершила ошибку, которую совершает большинство молодых жен: в своей любви к детям ты забыла о долге по отношению к мужу.

Очень естественная и простительная ошибка, Мег, но ошибка, которую лучше исправить, прежде чем вы пойдете каждый своим путем, ведь дети должны сближать вас, а не разъединять, словно они целиком твои, а Джон должен лишь обеспечивать их материально.

Я наблюдаю за тем, что происходит, немало недель, но ни о чем не говорила, так как была уверена, что со временем все встанет на свои места.

— Боюсь, что не встанет.

Если я попрошу его оставаться со мной, он подумает, что я ревную, а я не хотела бы оскорбить его такой мыслью.

Он не понимает, что нужен мне, а я не знаю, как выразить это без слов.

— Сделай дом таким приятным, чтобы ему не хотелось уходить.

Дорогая, он очень хочет иметь родной дом, но без тебя это не дом, а ты всегда в детской.

— Но разве я не должна быть там?

— Не все время. Затворничество делает тебя нервной, и тогда ты уже ни на что не годишься.

Кроме того, у тебя есть моральный долг и перед Джоном, а не только перед детьми.

Не забывай о муже ради детей, не оставляй его за пределами детской, но научи, как помочь тебе там, где и его место, точно так же как и твое. Он нужен детям; дай ему почувствовать, что и у него есть своя роль в воспитании детей, и он исполнит ее охотно и правильно, и так будет лучше для вас всех.

— Ты правда так думаешь, мама?

— Я знаю это, Мег. Я редко даю советы, если не убедилась на опыте в их практичности.

Когда ты и Джо были маленькими, я вела себя так же, как ты теперь. Я чувствовала, что не исполню мой долг, если всецело не посвящу себя вам.

Бедный папа ушел в свои книги, после того как я отвергла все его предложения о помощи, и оставил меня проводить мой эксперимент в одиночестве.

Я старалась изо всех сил, но с Джо мне было не справиться.

Я чуть не испортила ее, во всем потакая ее прихотям.

Вы заболели, и я так тревожилась о вас, что заболела сама.

Тогда папа пришел на помощь, спокойно и уверенно устроил все, как нужно, и стал так полезен, что я увидела мою ошибку и с тех пор никогда не могла обойтись без него.

И вот секрет нашего домашнего счастья: он не позволяет своей работе отгородить его от тех маленьких забот и обязанностей, которые касаются нас всех, а я стараюсь не дать домашним хлопотам уничтожить мою заинтересованность в продолжении им его ученых занятий.

У каждого из нас есть дела, которые мы выполняем самостоятельно, но дома мы трудимся вместе, всегда.

— Да, это так, мама. И я очень хочу быть для моего мужа и детей тем же, чем была и остаешься для нас ты.

Укажи мне, как поступить, и я сделаю все, что ты скажешь.

— Ты всегда была послушной дочерью, Мег.

Так вот, дорогая, на твоём месте я позволила бы Джону принимать больше участия в воспитании Деми; мальчику это будет полезно, и чем раньше начать, тем лучше.

Затем я сделала бы то, что уже не раз предлагала, — позволила бы Ханне прийти и помочь тебе.

Она отличная няня, и ты со спокойной душой можешь доверить ей своих драгоценных малышей, а сама уделить больше внимания хозяйству.

Ты будешь больше двигаться, Ханна с удовольствием займется детьми, а Джон опять обретет жену.

Почаще выходи в гости и на прогулку, будь не только деятельной, но и веселой. Помни, погоду в семье делаешь ты и, если у тебя подавленное настроение, не жди солнечных дней.

Затем я постаралась бы проявить интерес ко всему, что нравится Джону, — поговорить с ним, послушать, что он почитает тебе, обменяться мыслями и тем самым помочь друг другу.

Не закрывайся в шляпной картонке из-за того, что ты женщина, но постарайся понять, что происходит в мире, и развиться, чтобы принять участие в происходящем, поскольку все это касается тебя и твоей семьи.

— Джон очень умный; боюсь, он подумает, что я ужасно глупа, если я начну задавать вопросы о политике и прочем.

— Я не верю в это.

Любовь не замечает недостатков. Да и кому ты можешь задавать вопросы свободнее, чем ему?

Попробуй и посмотри, не окажется ли твое общество по вечерам более приятным для него, чем ужины у миссис Скотт.

— Хорошо.

Бедный Джон!

Боюсь, это я была очень невнимательна к нему, но я считала, что я права, а он никогда ни о чем не говорил.

— Он старался не быть себялюбцем, но я думаю, ему было довольно одиноко.

Сейчас то время, Мег, когда молодые супруги могут почувствовать взаимное отчуждение, и вместе с тем именно то, когда для них важнее всего быть друг с другом. Первая нежность проходит очень скоро, если не позаботиться о том, чтобы сохранить ее, и нет периода более прекрасного и счастливого в жизни родителей, чем первые годы жизни маленьких существ, которых им предстоит воспитать.

Не допусти, чтобы Джон стал чужим для детей, так как они скорее, чем что-либо другое, сохранит его и сделают счастливым в этом мире испытаний и искушений, и через детей вы научитесь понимать и любить друг друга как должно.

Теперь, дорогая, до свидания.

Подумай о материнском наставлении и прими мой совет, если он покажется тебе хорошим. Да благословит вас всех Бог!

Мег обдумала совет, нашла его хорошим и впредь следовала ему, хотя первая попытка оказалась не совсем такой, как она планировала.

Действительно, дети были тиранами и правили домом, с тех пор как узнали, что брыканье и визги приносят им все, чего они хотят.

Мама была жалкой рабыней, исполнявшей все их капризы, но папу было не так легко поработить, и иногда он очень огорчал свою нежную супругу попытками подчинить отцовской дисциплине их буйного сына.

Дело в том, что Деми унаследовал от своего родителя твердость характера — не назовем это упрямством — и, когда он решал что-то получить или сделать, «вся королевская конница и вся королевская рать» не могли повлиять на этот неуступчивый маленький ум.

Мама думала, что голубчик еще слишком мал, чтобы учить его преодолевать собственные пристрастия и предубеждения, но папа верил, что чем раньше начать учить послушанию, тем лучше.

И мастер Деми рано обнаружил, что в борьбе с папой всегда терпит жестокое поражение. Он, однако, уважал победившего его человека и любил папу, чье строгое «нет, нет» было более внушительным, чем все мамины ласковые поглаживания.

Несколько дней спустя после разговора с матерью Мег решила устроить Джону приятный вечер. Она заказала хороший ужин, прицела в порядок гостиную, принарядилась сама и рано уложила детей спать, чтобы ничто не помешало ее планам.

Но, к ее несчастью, самым непреодолимым предубеждением Деми было предубеждение против того, чтобы ложиться спать, и в тот вечер он решил и ночью продолжить дневное буйство.

Бедная Мег пела и качала, рассказывала сказки и перепробовала все наводящие сон хитрости, но все было напрасно — большие глаза никак не закрывались, и долго после того как Дейзи — этот пухленький комочек добродушия — подчинялась правилам, непослушный Деми лежал, таращась на свет с самым обескураживающе несонным выражением лица.

— Деми полежит тихо, как хороший мальчик, пока мама сбегает вниз и даст чаю бедному папе? —

спросила Мег, когда внизу негромко стукнула парадная дверь и послышались хорошо знакомые шаги Джона, на цыпочках проследовавшего в столовую.

— Мне чай! — сказал Деми, готовясь присоединиться к пиршеству.

— Нет, дорогой, но я оставлю тебе печенье к завтраку, если ты будешь бай-бай, как Дейзи.

Хорошо, миленький?

— Та! — И Деми крепко закрыл глаза, словно чтобы поскорее уснуть и тем приблизить желанное утро.

Воспользовавшись этим благоприятным моментом, Мег ускользнула, чтобы с улыбкой на лице и голубым бантиком в волосах приветствовать мужа. Этот бантик всегда вызывал у него особенное восхищение, и сейчас он сразу заметил его и сказал, приятно удивленный:

— О, маленькая мама, какие мы сегодня веселые!

Ждем гостей?

— Только тебя, дорогой.

— День рождения, годовщина или что?

— Нет, просто я устала быть небрежно одетой и нарядилась для разнообразия.

Ты всегда приходишь к столу аккуратно одетым, каким бы ни был усталым, так что, почему бы и мне не делать то же самое, когда у меня есть время?

— Я делаю это из уважения к тебе, моя дорогая, — ответил старомодный Джон.

— Взаимно, взаимно, мистер Брук, — засмеялась Мег; она опять казалась юной и хорошенькой, кивая ему над чайником.

— Замечательно, совсем как в прежнее время.

И на вкус отлично.

Твое здоровье, дорогая. — И Джон потягивал свой чай с видом мирного упоения, которое, впрочем, длилось недолго. Когда он поставил чашку, ручка двери таинственно задребезжала и послышался нетерпеливый голосок:

— Открой, я тут!

— О, непослушный мальчик.

Я велела ему засыпать одному, а он уже внизу; ведь простудится насмерть, топая по этим половикам, — сказала Мег, откликаясь на призыв из-за двери.

— Утло! — объявил Деми радостным голосом, входя в столовую в длинной ночной рубашке с переброшенным через руку подолом, и каждый завиток на его кудрявой голове весело торчал, когда он запрыгал вокруг стола, любовным взглядом отыскивая печенье.

— Нет, еще не утро.

Ты должен идти в кровать и не беспокоить бедную маму.

Тогда утром ты получишь печенье, и я полью его сахарным сиропом.

— Я люблю папу, — сказал хитрец, готовясь взобраться на отцовское колено и насладиться

запретными радостями.

Но Джон покачал головой и сказал Мег:

— Если ты велела ему оставаться наверху и спать одному, заставь его сделать это, иначе он никогда не научится считаться с тобой.

— Да, конечно.

Пойдем, Деми. — И Мег увела сына, чувствуя огромное желание отшлепать маленькую помеху всем ее планам, ковылявшую за ней, и впадая в заблуждение, что следует применить подкуп, как только они доберутся до детской.

И он не был разочарован, так как эта недалёковидная женщина действительно дала ему кусок сахара, прежде чем уложила в постель и запретила дальнейшие прогулки до утра.

— Та! — сказал Деми-клятвопреступник, посасывая сахар и считая свою первую попытку в высшей степени удачной.

Мег вернулась, и ужин очень мило продолжался, когда маленький призрак вышел опять и разоблачил преступления матери дерзким требованием:

— Еще сахала, мама.

— Так не годится, — сказал Джон, ожесточая сердце против обаятельного маленького грешника.

— Не знать нам покоя, пока этот ребенок не научится ложиться спать как следует.

Ты слишком долго делала себя его рабой.

Дай ему один урок, и тогда этому наступит конец.

Положи его в постель, Мег, и оставь одного.

— Он не останется в постели; он никогда не остается, если я не сижу рядом.

— Я справлюсь с ним.

Деми, иди наверх и ложись в постель, как мама велит.

— Не пойду, — ответил юный мятежник, схватив вожащенное печенье и начиная есть его со спокойной дерзостью.

— Ты не должен так разговаривать с папой.

Я отнесу тебя, если ты не пойдешь.

— Уходи, не люблю папу. — И Деми отступил под прикрытия материнской юбки.

Но даже это убежище оказалось ненадежным: он был выдан врагу с тихим:

«Будь ласков с ним, Джон», что поразило преступника ужасом — уж если мама покинула его, судный день был близок.

Лишенный печенья и веселой игры и отнесенный сильной рукой в ненавистную постель, бедный Деми не мог удержать свой гнев и открыто вызвал папу на бой. Он брыкался и визжал всю дорогу до детской.

Едва его положили в постель с одной стороны, он скатился с другой и бросился к двери, только затем, чтобы быть позорно схваченным за хвост его маленькой тоги и положенным обратно; и это

оживленное представление продолжалось, пока силы молодого человека не иссякли, и тогда он предался воплям во все горло.

Этим вокальным упражнением обычно удавалось победить Мег, но Джон сидел неподвижно, как каменный; ни уговоров, ни сахара, ни колыбельной, ни сказки, даже свет был погашен, и только красный жар камина оживлял фигуру «большого и темного», на которого Деми смотрел скорее с любопытством, чем со страхом.

Новый порядок вызывал у него отвращение, и, когда гневные страсти улеглись и воспоминание о нежной рабыне вернулось к плененному деспоту, он ужасно завопил: «Маму!»

Жалостный плач, последовавший за неистовым ревом, поразил Мег в самое сердце, и она взбежала наверх, чтобы сказать умоляюще:

— Позволь мне остаться с ним, Джон.

Теперь он будет вести себя хорошо.

— Нет, дорогая, я сказал ему, что он должен спать, как ты ему велела. И он будет спать, даже если мне придется остаться здесь на всю ночь.

— Но он заболит от слез, — попыталась возразить Мег, упрекая себя за то, что покинула своего мальчика.

— Нет, ничего не будет. Он так устал, что скоро заснет, и тогда дело сделано: он поймет, что должен слушаться.

Не вмешивайся, я справлюсь с ним.

— Это мой ребенок, и я не хочу, чтобы его дух сломили жестокостью.

— Это мой ребенок, и я не желаю, чтобы его характер испортили потаканием.

Иди вниз, дорогая, и предоставь мне справиться с мальчиком.

Когда Джон говорил таким властным тоном, Мег всегда подчинялась, и ей никогда не приходилось сожалеть о своей уступчивости.

— Только, пожалуйста, позволь мне разочек поцеловать его.

— Конечно.

Деми, пожелай маме доброй ночи и дай ей уйти и отдохнуть; она заботилась о тебе весь день и очень устала.

Мег всегда настаивала на том, что победу принес именно поцелуй, так как после него Деми только тихо всхлипывал и лежал совсем неподвижно в ногах постели, куда перед этим скатился, извиваясь в душевных муках.

«Бедный малыш, он измучен слезами и заснул.

Я укрою его получше, а потом пойду и успокою Мег», — подумал Джон, тихонько подходя поближе к постели, в надежде обнаружить своего мятежного наследника спящим.

Но тот не спал, и, когда отец взглянул на него, глаза Деми открылись, подбородок задрожал и он вытянул руки, икнув с раскаянием:

— Я холоший тепель.

Сидя на ступенях лестницы, Мег удивлялась долгому молчанию, последовавшему за ревом, и,

вообразив самые разные невозможные несчастные случаи, проскользнула в детскую, чтобы унять свои страхи.

Деми крепко спал, но не в обычной позе, разбросав руки и ноги, а в кольце отцовской руки, свернувшись и держась за отцовский палец, словно понял, что справедливость была неотделима от милосердия, и уснул, умудренный горьким опытом.

И, удерживаемый таким образом, Джон терпеливо ждал, когда маленькая рука ослабит свое пожатие, и, ожидая, заснул, утомленный борьбой с сыном больше, чем целым рабочим днем.

Стоя и глядя на два лица на подушке, Мег улыбалась про себя, а затем тихо ушла, подумав с удовлетворением:

«Мне нечего бояться, что Джон будет слишком строг с детьми.

Он знает, как справиться с ними, и очень поможет мне, так как Деми действительно становится мне не по силам».

Когда Джон наконец спустился, ожидая, что его встретят грустным или полным упрека взглядом, он был приятно удивлен, увидев, что Мег безмятежно украшает шляпку. Его приветствовали просьбой почитать что-нибудь о выборах, если он не очень устал.

Джон сразу понял, что происходит своего рода революция, но благоразумно не стал задавать вопросов, зная, что Мег — очень откровенная маленькая особа и не может хранить секреты даже под угрозой смерти, а потому разгадка скоро появится.

Он читал длинные отчеты о дебатах с самой любезной услужливостью, а затем объяснял их в самой ясной манере, а Мег тем временем пыталась выглядеть глубоко заинтересованной, задавать умные вопросы и не позволять своим мыслям ускользать от состояния нации к состоянию ее шляпки.

Впрочем, в глубине души она решила, что политика не лучше математики, а главная задача политических деятелей ругать друг друга, но она оставила эти мысли про себя, а вслух, когда Джон умолк, сказала, покачивая головой и с тем видом, который считала дипломатичным:

— Право, не знаю, до чего мы так дойдем.

Джон засмеялся и с минуту наблюдал, как она поворачивает в руках хорошенькое маленькое изделие из кружев и цветов и смотрит на него с настоящим интересом, какого не смогли пробудить все его разглагольствования.

«Она старается полюбить политику ради меня, а я постараюсь полюбить галантерею ради нее», — решил Джон Справедливый и добавил вслух:

— Очень красиво.

Это то, что ты называешь утренним чепчиком?

— Дорогой мой супруг, это шляпка!

Моя лучшая шляпка для театров и концертов.

— Прошу прощения; она так мала, что я принял ее за одну из тех легкомысленных штучек, которые ты иногда носишь.

Как она держится на голове и не слетает?

— Вот эти кружевные ленточки скрепляются под подбородком с помощью этого розового бутона. — И Мег показала, как это делается, надев шляпку и глядя на него с видом спокойного удовольствия, который был неотразим.

— Прелестная шляпка, но мне больше нравится лицо под ней, оно снова юное и счастливое. — И Джон поцеловал это улыбающееся лицо, что пагубно отразилось на розовом бутоне под подбородком.

— Я рада, что тебе нравится. Я хочу, чтобы ты повел меня на концерт как-нибудь вечером.

Мне нужно немного музыки, чтобы настроиться на новый лад.

Хорошо?

— Конечно, охотно и куда хочешь.

Ты так долго сидела взаперти, тебе будет полезно отдохнуть, и я буду этому рад больше всего.

Но как это пришло тебе в голову, мамочка?

— Я говорила с мамой на днях; рассказала, какой стала нервной, сердитой, раздражительной. Она сказала, что мне нужны перемены и поменьше забот. Так что Ханна поможет мне с детьми, а я больше внимания уделю дому и позволю себе изредка немного развлечений, чтобы не превратиться прежде времени в разбитую и ворчливую старуху.

Пока это только опыт, Джон, и я хочу попробовать ради тебя, как и ради себя самой, ведь я была постыдно невнимательна к тебе в последнее время. Я собираюсь сделать наш дом таким, каким он был прежде, если смогу.

Надеюсь, ты не станешь возражать?

Неважно, что сказал Джон или как близка была маленькая шляпка к окончательной гибели, важно лишь, что он не возражал, судя по переменам, которые постепенно происходили в доме и его обитателях.

Это был далеко не рай, но всем стало лучше благодаря разделению труда: дети расцветали под отцовской опекой, так как с аккуратным, уравновешенным Джоном в Царство Младенцев вошли порядок и послушание, а Мег обрела прежнюю бодрость и успокоила нервы благодаря подвижной работе, некоторой доле развлечения и доверительным беседам со своим здравомыслящим и благоразумным мужем.

Дом стал опять похож на дом, и у Джона не было никакого желания покидать его иначе как в обществе Мег.

Теперь уже Скотты приходили к Брукам, и все находили маленький домик веселым, полным счастья, довольства и семейной любви.

Даже нарядная Салли Моффат любила бывать там.

— В вашем доме всегда так спокойно и приятно, мне полезно бывать у вас, Мег, — часто говорила она, оглядывая все вокруг чуть печально, словно пытаясь открыть секрет, который могла бы перенести в свой большой дом, где было лишь великолепное одиночество. Там не было резвых, счастливых детей, а Нед жил в своем мире, где ей не было места.

Домашнее счастье пришло в дом Бруков не сразу, но Джон и Мег нашли ключ к нему и с каждым годом совместной жизни все более умело пользовались этим ключом, открывая сокровища настоящей семейной любви и взаимной поддержки, которыми могут обладать самые бедные и которых не могут купить самые богатые.

На такой «архив» могут согласиться молодые жены и матери, чувствуя себя в безопасности от суеты и горячки мира, находя преданную любовь в маленьких сыновьях и дочерях, что тянутся к ним, и не боясь горя, бедности или возраста, идя и в солнце и в бурю бок о бок с верным другом, который в подлинном Смысле этого старого саксонского слова «house-band», изучая, как узнала Мег, что

счастливейшее королевство женщины — дом, а высочайшее искусство — править в нем не как королева, но как умная жена и мать.

Глава 16

Лодырь Лоренс

Лори приехал в Ниццу на неделю — и оставался там целый месяц.

Он устал скитаться в одиночестве, а присутствие так хорошо знакомой ему Эми придавало, казалось, очарование домашней жизни иноземным картинам и сценам, частью которых она была.

Ему не хватало того, к чему он привык дома, и что у девочек называлось «приласкать Лори», и никакое внимание, каким бы лестным оно ни было, не могло заменить сестринского обожания.

Теперь же он опять наслаждался его вкусом. Эми никогда не «баловала» Лори, как остальные, но теперь была очень рада видеть его и, пожалуй, даже привязалась к нему, чувствуя в нем члена любимой семьи, о которой скучала больше, чем можно было подумать, глядя на нее.

Они находили утешение в обществе друг друга и проводили вместе много времени — ездили верхом, гуляли, танцевали или бездельничали, ибо в Ницце никто не может быть серьезным и деятельным на протяжении всего сезона веселья.

Но хотя внешне они производили впечатление пары, развлекающейся самым беззаботным образом, оба, почти неосознанно, каждый день делали все новые открытия и формировали мнение друг о друге.

Эми росла в глазах своего спутника, но он терял ее уважение, и каждый почувствовал это еще прежде, чем было произнесено хоть слово.

Эми старалась понравиться и угодить ему и потому преуспела; она была благодарна ему за те удовольствия, которые он доставлял ей, и платила теми маленькими любезностями, которые женственная женщина умеет оказывать с неопиcуемым очарованием.

Лори же, напротив, не предпринимал никаких усилий, он позволил себе плыть по течению, стараясь забыть о своих горестях и с таким чувством, будто все женщины обязаны ему добрым словом только оттого, что одна из них была к нему холодна.

Ему не стоило никаких усилий быть щедрым, и он подарил бы Эми все безделушки в Ницце, если бы она согласилась их принять, но в то же время чувствовал, что не может изменить мнение, которое складывается у нее о нем, и, пожалуй, даже боялся пронизательных голубых глаз, которые следили за ним с полупечальным-полупрезрительным удивлением.

— Все остальные уехали на целый день в Монако, но я решила остаться, чтобы написать письма.

Теперь все готово, и я еду в Вальрозу делать эскизы.

А ты поедешь? — спросила Эми, когда в один прелестный день Лори, как обычно, лениво забрел к ней после полудня.

— Пожалуй, но не слишком ли жарко для такой дальней прогулки? — ответил он неспешно; затененный салон казался очень привлекательным после уличной жары.

— Я хочу взять маленький экипаж. Баптиста будет править, а тебе придется всего лишь держать свой зонтик и не пачкать перчатки, — ответила Эми, саркастически взглянув на безукоризненно чистые тонкие лайковые перчатки, бывшие слабостью Лори.

— Тогда поеду с удовольствием. — И он протянул руку к ее эскизному альбому.

Но она сунула альбом под мышку с резким:

— Не трудись.

Мне не тяжело, но тебе это, похоже, не по силам, — и легко сбежала вниз.

Лори приподнял брови и ленивым шагом последовал за ней. Но когда они сели в экипаж, он сам взял вожжи, а маленькому Баптисте оставалось лишь сложить руки и дремать на своей скамеечке.

Эти двое никогда не ссорились — Эми была слишком тактична, а Лори, в этот период, слишком ленив. Так что через минуту он бросил вопросительный взгляд под поля ее шляпы, она ответила ему улыбкой — и дальше они ехали в самом дружеском расположении духа.

Это была великолепная поездка по извилистым дорогам, вдоль которых восприимчивые к красоте глаза находили множество восхитительных картин.

Тут старинный монастырь, из которого доносится торжественное пение.

Там пастух в коротких штанах, деревянных башмаках и островерхой шляпе сидит на камне и играет на свирели, а его козы скачут по скалам или лежат у его ног.

Кроткие серые ослики, нагруженные корзинами свежескошенной травы, бредут мимо, а на спине, между зелеными скирдами, — красивая девушка в sareline или старушка, прядущая на ручной прялке.

Смуглые, с ласковым взглядом дети выбегают из забавных маленьких лачуг, чтобы предложить букет или несколько апельсинов прямо на ветке.

Узловатые оливковые деревья покрывают холмы своей тусклой листвой, в садах висят золотистые фрукты, огромные алые анемоны окаймляют дорогу, а дальше — зеленые склоны и скалистые высоты, круто вздымаются и белеют на фоне голубого итальянского неба приморские Альпы.

Вальроза вполне заслужила свое название, так как в этом климате вечного лета розы растут повсюду.

Они обвивают арки, тянутся со своим сладким приветствием к прохожему между брусьями больших ворот, обрамляют аллею, пробираются через лимонные деревья и перистые пальмы вверх к вилле на холме.

Каждый тенистый уголок, где каменные скамьи манили остановиться и отдохнуть, был сплошной массой цветов, в каждом прохладном гроте улыбалась из-под вуали цветов мраморная нимфа и в каждом фонтане отражались красные, белые или бледно-розовые розы, склонившиеся, чтобы с улыбкой созерцать свою красоту.

Розы покрывали стены виллы, драпировкой украшали карнизы, взбирались по колоннам и бушевали на балюстраде широкой террасы, откуда открывался вид на солнечное Средиземное море и белый город, раскинувшийся на берегу.

— Самый настоящий рай для медового месяца, правда?

Ты когда-нибудь видел такие розы? — спросила Эми, задержавшись на террасе, чтобы полюбоваться видом и насладиться роскошным ароматом.

— Нет. И такими шипами тоже не кололся, — ответил Лори, сунув в рот большой палец после неудачной попытки завладеть одиноким алым цветком, находившимся за пределами досягаемости.

— Нагни и сорви ту розу, у которой нет шипов, — сказала Эми, сорвав три маленьких кремовых цветка, сиявших на стене позади нее.

Она вдела их в его бутоньерку в знак примирения, и он стоял с минуту, глядя на них со странным

выражением. В итальянской стороне его натуры было что-то от суеверности, к тому же он пребывал в том состоянии сладостно-горькой меланхолии, когда одаренные воображением молодые люди находят глубокий смысл в пустяках и пищу для романтических раздумий — везде.

Доставая колючую розу, он думал о Джо — яркие цветы шли ей, и она часто носила такие розы, которые брала в оранжерее.

Бледные розочки, которые дала ему Эми, были из тех, что итальянцы вкладывают в руки усопшим, но никогда — в свадебные букеты, и на мгновение он задумался: было ли это дурным предзнаменованием для Джо или для него? Но уже в следующее мгновение американский здравый смысл взял верх над сентиментальностью, и он рассмеялся сердечным смехом, какого Эми не слышала со времени его приезда в Ниццу.

— Хороший совет, последуй ему и убережешь пальцы, — сказала она, думая, что его развеселили ее слова.

— Спасибо, последую, — ответил он в шутку, а несколько месяцев спустя сделал это всерьез.

— Скажи мне, Лори, когда ты едешь к дедушке? — спросила Эми, усевшись на каменной скамье.

— Очень скоро.

— Ты говорил мне это раз десять за последние три недели.

— С короткими ответами меньше хлопот, смею думать.

— Он ждет тебя, и ты должен уехать.

— Гостеприимное существо!

Я это знаю.

— Тогда почему не едешь?

— Природная испорченность, полагаю.

— Природная лень, хочешь сказать.

Это просто отвратительно! — И Эми взглянула на него строго.

— Все не так плохо, как кажется. Я только буду докучать ему, если вернусь, так что с тем же успехом могу остаться и докучать тебе. Ты это лучше переносишь; я даже думаю, что тебе это очень подходит.

— И Лори уселся в ленивой позе на широком выступе балюстрады.

Эми покачала головой и с безнадежным видом открыла свой альбом. Но ей хотелось дать урок «этому мальчику», и через минуту она начала снова:

— Чем ты сейчас занимаешься?

— Слежу за ящерицами.

— Нет, нет, я спрашиваю, что ты хочешь и собираешься делать?

— Закурить, если позволишь.

— Какой ты противный!

Я против сигар и позволю тебе закурить только при условии, что ты позволишь мне вставить тебя в мой эскиз.

Мне нужна фигура.

— С полнейшим удовольствием.

Как я тебе нужен — во весь рост, в три четверти, на голове или на ногах?

Я почтительно предлагаю лежащую позу, затем добавь и себя и назови «dolce far niente».

— Оставайся как есть и засни, если хочешь.

Что до меня, я намерена упорно работать, — сказала Эми самым энергичным тоном.

— Восхитительный энтузиазм! — И он прислонился к высокой каменной вазе с видом полного удовлетворения.

— Что сказала бы Джо, если бы видела тебя сейчас? — спросила Эми с раздражением, надеясь расшевелить его упоминанием о своей еще более энергичной сестре.

— Что и всегда:

«Уходи, Тедди, мне некогда!» — Он засмеялся, произнося эти слова, но смех не был естественным, и тень прошла по его лицу: знакомое имя коснулось еще не зажившей раны.

Его тон поразил Эми, и она подняла глаза как раз вовремя, чтобы заметить выражение лица Лори — тяжелый, горький взгляд, полный боли, разочарования и сожаления.

Это выражение исчезло прежде, чем она смогла изучить его, и вернулось прежнее, безжизненное.

С минуту она смотрела на него с удовольствием художника, думая, как похож он на итальянца, когда лежит, греясь на солнце, с непокрытой головой и с глазами, полными южной задумчивости, так как он, казалось, забыл о ней и впал в мечтательность.

— Ты напоминаешь изображение юного рыцаря, уснувшего на своей могиле, — сказала она, аккуратно срисовывая четко очерченный профиль, выделяющийся на фоне темного камня.

— Хотел бы им быть!

— Глупое желание, если ты еще не испортил себе жизнь.

Ты так изменился, что я иногда думаю... — Тут Эми умолкла, бросив на него робкий и печальный взгляд, говоривший больше, чем недосказанные слова.

Лори заметил этот взгляд и понял причину нежной тревоги, которую она не решалась выразить, и, глядя ей прямо в глаза, сказал точно так же, как обычно говорил ее матери:

— Все в порядке, мэм.

Это удовлетворило ее и развеяло начинавшие тревожить ее в последнее время сомнения.

Она была также и тронута, что выразилось в сердечном тоне, которым она сказала: — Я рада!

Я не думала, что ты стал совсем дурным человеком, но боялась, что, может быть, ты проигрался в этом отвратительном Баден-Бадене, отдал сердце какой-нибудь очаровательной, но замужней француженке или попал в какую-нибудь глупую историю, которую многие молодые люди, кажется, считают необходимой частью заграничной поездки.

Не оставайся там на солнце, иди лучше сюда, приляг на траве, и «будем дружить», как Джо говаривала, когда мы шли в угол на диван и рассказывали друг другу секреты.

Лори послушно опустил на дерн и стал развлекаться, втыкая маргаритки в ленты лежавшей там

шляпы Эми.

— Я готов к секретам. — И он взглянул на нее с явным интересом в глазах.

— Мне нечего рассказывать; ты можешь начать.

— Нет ни одного, чтобы себя поздравить.

Я думал, может быть, у тебя какие-то новости из дома.

— Ты слышал все, которые были в последних письмах.

А разве ты нечасто получаешь письма?

Я думала, Джо пишет тебе целые тома.

— Она очень занята.

К тому же я так часто езжу с места на место, что невозможно вести регулярную переписку... Когда же ты приступишь к своему великому произведению, Рафаэлла? — спросил он, резко меняя тему разговора, после паузы, во время которой задавал себе вопрос, знает ли Эми его секрет и хочет ли поговорить о нем.

— Никогда, — ответила она печально, но решительно.

— Рим лишил меня всей моей самонадеянности. Увидев его чудеса, я почувствовала себя слишком ничтожной и в отчаянии оставила все мои глупые надежды.

— Но почему, с твоей-то энергией и талантом?

— Именно поэтому. Талант — не гений, и никакая энергия не сделает его гением.

Я хочу быть великой или никем.

Я не желаю быть заурядной мазилой, так что не стану больше и пытаться.

— И что же ты собираешься делать с собой теперь, если мне будет позволено спросить?

— Совершенствовать другие мои таланты и стать украшением общества, если появится возможность.

Это звучало вызывающе, но дерзость к лицу молодым людям, а у амбиций Эми были неплохие основания.

Лори улыбнулся, но ему понравился оптимизм, с которым она, не тратя времени на сожаления, поставила себе новую цель, когда другая, так долго лелеемая, умерла.

— Браво!

И к этому, я полагаю, имеет отношение Фред Воун.

Эми хранила сдержанное молчание, но выражение ее полуопущенного лица говорило, что она понимает, о чем идет речь. Это заставило Лори сесть и сказать серьезно:

— Теперь я хочу взять на себя роль брата и задать несколько вопросов.

Можно?

— Я не обещаю отвечать.

— Ответит твое лицо, если не язык.

Ты еще не в достаточной степени светская женщина, чтобы уметь скрывать свои чувства, моя дорогая.

В прошлом году до меня доходили слухи о тебе и Фреде, и мое личное убеждение, что, если бы его не отозвали домой так неожиданно и не удерживали так долго, из этого что-нибудь вышло бы... не так ли?

— Не мне об этом говорить, — чопорно ответила Эми, но губы ее дрогнули в улыбке, а в глазах был предательский блеск, выдававший, что она сознает свою силу и наслаждается этим сознанием.

— Ты не помолвлена, надеюсь? — И Лори взглянул неожиданно строго и печально.

— Нет.

— Но будешь помолвлена, если он вернется и, как полагается, встанет на колени, не так ли?

— Вполне вероятно.

— Значит, ты любишь старину Фреда?

— Я могла бы полюбить, если бы постаралась.

— Но не собираешься стараться до надлежащего момента?

Ну и ну, что за сверхъестественная осмотрительность!

Он хороший парень, Эми, но это не тот человек, который, по моему мнению, должен бы тебе понравиться.

— Он богат, джентльмен, у него прекрасные манеры, — начала Эми, стараясь держаться совершенно спокойно и горделиво, но несколько стыдясь за себя, несмотря на искренность своих намерений.

— Понимаю.

Королевы общества не могут обойтись без денег, так что ты собираешься сделать хорошую партию и пойти этим путем?

Совершенно правильно и прилично, как считает весь мир, но звучит странно в устах одной из дочерей твоей матери.

— Тем не менее это правда.

Спокойная решимость, с которой был произнесен этот короткий ответ, составляла резкий контраст с обликом юной собеседницы.

Лори почувствовал это с разочарованием, которого не мог объяснить, и снова прилег на траву.

Его вид и молчание, так же как и некое внутреннее недовольство собой, рассердили Эми и вызвали решимость дать урок без промедления.

— Я хотела бы, чтобы ты сделал мне одолжение и стряхнул с себя свою лень, — сказала она резко.

— Сделай это за меня, будь добра.

— Что ж, я смогла бы, если бы попробовала. — И вид у нее был такой, словно она хотела сделать это самым решительным образом.

— Попробуй, я позволяю, — ответил Лори, радуясь возможности кого-нибудь подразнить после столь долгого воздержания от любимого занятия.

— Ты разозлишься через пять минут.

— Я никогда не злюсь на тебя.

Нужно два кремня, чтобы высечь огонь, ты же холодна и мягка, как снег.

— Ты не знаешь, на что я способна; снег тоже жжет и вызывает жар, если знать, как его употребить.

Твое равнодушие наполовину притворное, и хорошая взбучка докажет это.

— Давай, это не повредит мне и развлечет тебя, как сказал большой мужчина бывшей его маленькой жене.

Смотри на меня, как на мужа или ковер, и бей, пока не устанешь, если такого рода занятие тебе по душе.

Глубоко уязвленная и желая увидеть, как он стряхнет столь изменившую его апатию, Эми наточила карандаш и язык и начала:

— Мы с Фло придумали тебе новое имя — Лодырь Лоренс.

Как тебе нравится?

Она думала, что это рассердит его, но он лишь подложил руки под голову с невозмутимым:

— Неплохо, спасибо, мои юные леди.

— Хочешь знать, что я на самом деле думаю о тебе?

— Жажду услышать.

— — Так вот, я тебя презираю.

Если бы она даже сказала:

«Я ненавижу тебя» — надуту или кокетливо, он засмеялся бы, и это ему, пожалуй, даже понравилось бы, но ее серьезный, почти печальный тон заставил его открыть глаза и быстро спросить:

— Почему, если позволите узнать?

— Потому что, имея все возможности быть хорошим, полезным и счастливым, ты испорченный, ленивый и несчастный.

— Сильно сказано, мадемуазель.

— Если нравится, я продолжу.

— Прошу; это, пожалуй, интересно.

— Я так и знала, что ты найдешь это интересным: эгоисты любят поговорить о себе.

— Я эгоист? — Вопрос вырвался у него невольно и прозвучал удивленно, так как великодушие было той самой добродетелью, которой он гордился.

— Да, большой, — продолжила Эми спокойным, сдержанным тоном, производившим в тот момент не меньшее впечатление, чем самый гневный.

— Я докажу тебе это, поскольку изучила тебя, пока мы были вместе.

Ты за границей уже шесть месяцев и не делаешь ничего другого, как только тратишь зря время и деньги и приносишь разочарование своим друзьям.

— Разве человеку после четырехлетней зубрежки не положено никаких удовольствий?

— По твоему виду не скажешь, будто ты много их получаешь.

Во всяком случае, тебе от них ничуть не легче, насколько я могу судить!

Когда мы встретились, я сказала, что ты изменился к лучшему.

Теперь я беру свои слова обратно. Я считаю, что ты далеко не так хорош, как был, когда я уезжала.

Ты стал страшно ленивым, любишь болтовню, тратишь время на пустяки, доволен, когда тебя ласкают и тобой восхищаются глупые люди, вместо того чтобы стремиться быть любимым и уважаемым умными людьми.

И это с деньгами, талантом, положением в обществе, здоровьем и красотой — ах, ты совсем как то Старое Тщеславие!

Но это правда, и я не могу не сказать этого: располагая всеми этими сокровищами, ты не находишь другого занятия, кроме как бездельничать, и вместо того, чтобы быть таким, каким бы ты мог и должен быть, ты всего лишь... — Тут она остановилась, и во взгляде ее была и боль и жалость.

— Святой Лоренс на горячих углях, — произнес Лори, любезно заканчивая ее фразу.

Но урок начал приносить плоды: в глазах был живой блеск, а прежнее равнодушное выражение сменилось полусердитым-полуобиженным.

— Я предполагала, что ты так воспримешь мои слова.

Вы, мужчины, говорите нам, женщинам, что мы ангелы и можем сделать из вас, что хотим, но стоит нам честно попытаться сделать вас лучше, как вы смеетесь над нами и не хотите слушать. Это ясно показывает, чего стоит ваша лесть.

— Эми говорила с горечью и отвернулась от несносного мученика, простертого у ее ног.

Через минуту на страницу ее альбома легла рука, мешая ей рисовать, и Лори произнес, подражая ребенку, который просит прощения:

— Я буду хорошим, очень хорошим!

Но Эми не засмеялась; она стукнула карандашом по протянутой руке и серьезно сказала:

— Тебе не стыдно, что у тебя такая рука?

Она нежная и белая, как у женщины, и вид у нее такой, будто она никогда ничего не делала, только носила лучшие перчатки от Жувена и собирала цветы для дам.

Слава Богу, что ты не щеголь, и я могу радоваться, что на ней нет бриллиантов и больших перстней-печаток, только маленькое колечко, которое давным-давно дала тебе Джо.

Дорогая Джо, как я хотела бы, чтобы она была здесь и помогла мне.

— Я тоже хотел бы!

Рука исчезла так же неожиданно, как появилась, а в эхом повторенных словах выраженного Эми желания звучало достаточно энергии, чтобы удовлетворить даже ее.

Она взглянула вниз на него — у нее мелькнула новая мысль, — но он лежал, полузакрыв шляпой лицо, словно для тени, а усы закрывали рот.

Она видела только, как поднимается и опускается его грудь с дыханием, похожим на вздохи, а рука с кольцом брошена в траву, словно чтобы скрыть что-то слишком драгоценное или слишком болезненное, чтобы об этом говорить.

В одну минуту разные намеки и мелкие факты обрели смысл и значение в уме Эми и сказали ей то, чего никогда не поверяла ей сестра.

Она вспомнила, что Лори никогда первым не заговаривал о Джо, она вспомнила недавно пробежавшую по его лицу тень, перемену в его характере и это маленькое старое колечко, совсем не украшавшее изящную руку.

Девушки быстро читают такие знаки и чувствуют их красноречивость.

Эми предполагала, что причиной перемены могли быть любовные страдания; теперь она была уверена в этом.

Ее пронизательные глаза наполнились слезами, а голос, когда она заговорила снова, был таким прекрасно мягким и нежным, каким он бывал, когда она этого хотела.

— Я знаю, что не имею права так говорить с тобой, Лори, и, если бы у тебя не был самый мягкий на свете характер, ты бы очень рассердился на меня.

Но мы все-таки любим тебя и так гордимся тобой, что мне невыносимо думать, как они, дома, были бы разочарованы в тебе, хотя, быть может, они поняли бы эту перемену лучше, чем я.

— Думаю, да, — прозвучало из-под шляпы; тон был мрачный, столь же трогательный, сколь и безнадежный.

— Им следовало бы сказать мне об этом, чтобы я не заблуждалась и не отчитывала тебя, вместо того чтобы быть доброй и терпеливой.

Мне никогда не нравилась эта мисс Рэндл, а теперь я ее ненавижу! — сказала коварная Эми, желая на сей раз быть уверена, что ее догадки справедливы.

— К черту мисс Рэндл! — И Лори отбросил шляпу с лица, взглянув так, что не оставалось ни малейших сомнений в отношении его чувств к этой юной леди.

— Прощу прощения, я думала... — И она сделала тактичную паузу.

— Нет, не думала. Ты отлично знаешь, что я никогда не любил никого, кроме Джо. — Лори сказал это своим прежним пылким тоном и отвернулся.

— Я так и думала, но они ничего не писали об этом, а ты уехал. Я полагала, что ошиблась.

А Джо не была добра к тебе?

А я была уверена, что она горячо любит тебя.

— Она была добра, но не так. И счастье для нее, что она не полюбила меня, если я ни на что не годный человек, как ты обо мне думаешь.

Впрочем, это ее вина, и можешь ей так и сказать.

Взгляд его опять стал холодным и полным горечи. Это обеспокоило Эми; она не знала, к какому бальзаму прибегнуть.

— Я была не права, я не знала... Мне очень жаль, что я так сердилась, но я не могу не желать, чтобы ты перенес это более мужественно, Тедди, дорогой!

— Нет, этим именем называла меня она! — И Лори поднял руку в торопливом жесте, чтобы остановить слова, сказанные тоном Джо — добрым и полным упрека.

— Подожди, пока испытаешь это сама, — добавил он тихо, дергая рукой пучки травы.

— Я перенесла бы это мужественно и добилась бы уважения, если бы не смогла добиться любви, — сказала Эми с решительностью человека, ничего не знающего о подобных вещах.

До сих пор Лори тешил себя мыслью, что он прошел через испытание в высшей степени хорошо — без стонов, не прося сочувствия и унеся свое горе, чтобы пережить его одному.

Урок, преподанный ему Эми, представил дело в ином свете, и ему впервые показалось слабостью и эгоизмом падать духом при первой же неудаче и замыкаться в унылом равнодушии.

Он чувствовал себя так, словно его встряхнули и тем вывели из печальной дремы, и нашел невозможным уснуть опять.

Вскоре он сел и спросил задумчиво:

— Ты считаешь, что Джо презирала бы меня, как ты?

— Да, если бы видела тебя сейчас.

Она терпеть не может ленивых людей.

Почему ты не совершил что-нибудь замечательное, чтобы заставить ее полюбить тебя?

— Я сделал что мог, но это оказалось бесполезно.

— Хорошо закончил университет, хочешь сказать?

Это только то, что ты и должен был сделать, ради твоего дедушки.

Было бы позором провалиться, потратив столько времени и денег, когда все знали, что ты можешь закончить хорошо.

— И все же, что ни говори, я провалился, так как Джо не любит меня, — начал Лори, подперев голову рукой в безнадежно унылой позе.

— Нет, не провалился и сам скажешь это в конце концов, потому что учеба принесла тебе пользу и доказала, что ты мог бы сделать что-нибудь хорошее, если бы попытался.

Если бы ты только поставил себе какую-нибудь другую задачу, ты скоро стал бы прежним — сильным и счастливым — и забыл бы свои огорчения.

— Это невозможно.

— Попробуй и увидишь.

Нечего пожимать плечами и говорить про себя:

«Много она об этом знает».

Я не претендую на мудрость, но я наблюдательна и вижу гораздо больше, чем ты предполагаешь.

Меня интересует опыт других людей и их противоречия, и, хотя я не могу их объяснить, я помню о них и стараюсь сделать выводы для собственной пользы.

Люби Джо всю жизнь, если хочешь, но не дай этой любви испортить тебя. Грешно отвергать столько иных добрых даров лишь потому, что ты не можешь получить того, который хочешь.

Ну вот, больше я не буду поучать. Я знаю, теперь ты проснулся и будешь мужчиной, несмотря на жестокосердие этой девушки.

Оба несколько минут молчали.

Лори сидел, вертя колечко на пальце, а Эми завершала торопливый набросок, над которым трудилась, пока говорила.

Вскоре она положила рисунок ему на колени и спросила лишь:

— Нравится?

Он взглянул и улыбнулся; рисунок был сделан замечательно: длинная, в ленивой позе фигура на траве, с безжизненным лицом, полузакрытыми глазами, в одной руке — сигара, от которой шел дым, кольцом обвивавший голову мечтателя.

— Как хорошо ты рисуешь! — сказал он искренне, приятно удивленный ее мастерством, и добавил, почти рассмеявшись: — Да, это я.

— Такой ты сейчас.

А вот каким ты был.

— И Эми положила другой рисунок рядом с тем, который он держал.

Этот другой рисунок был выполнен далеко не так хорошо, как первый, но в нем были жизнь и дух, примирявшие со многими недостатками, и он так живо напоминал о прошлом, что выражение лица молодого мужчины быстро менялось, пока он смотрел на рисунок.

Это был всего лишь небрежный набросок, который изображал Лори, укрощающего лошадь; каждая линия напряженной фигуры с внушительной осанкой и решительным лицом была полна энергии и значения.

Красивое животное, только что укрощенное, стояло, выгнув шею под туго натянутой уздой, одним копытом нетерпеливо роя землю и подняв уши, словно слушая голос того, кто покорил его.

Во взлохмаченной гриве коня, в раздутых ветром волосах и прямой позе наездника был намек на неожиданно остановленное движение, на силу, смелость, юношескую жизнерадостность, которые резко отличались от вялой грации «*dolce far niente*».

Лори ничего не сказал, но, пока глаза его перебегали с одного эскиза на другой, Эми заметила, что он вспыхнул и сжал губы, словно прочел и принял к сведению маленький урок, преподанный ею.

Она была довольна и, не дожидаясь, пока он заговорит, сказала весело:

— Помнишь тот день, когда ты изображал Рейри, укрощая Шалуна, а мы все смотрели?

Мег и Бесс были испуганы, Джо хлопала в ладоши и прыгала, а я сидела на заборе и рисовала тебя.

На днях я нашла этот рисунок в моей папке, подправила и оставила, чтобы показать тебе.

— Премного обязан.

С тех пор ты стала рисовать гораздо лучше, и я тебя поздравляю.

Могу я, находясь в «раю медового месяца», осмелиться напомнить, что пять часов — время обеда в вашей гостинице?

С этими словами Лори поднялся, вернул эскизы с улыбкой и поклоном и взглянул на свои часы, словно напоминая ей, что и моральные поучения должны иметь конец.

Он пытался вернуться к прежней непринужденности, безразличному виду, но теперь все это, действительно, было напускным, ибо с него стряхнули лень более эффективно, чем он согласился бы признать.

Эми почувствовала тень холодности в его манере и сказала себе:

«Я обидела его.

Что ж, если это принесет ему пользу, я рада; если он возненавидит меня, мне жаль, но все, что я сказала, — правда, и я не могу взять назад свои слова».

Они смеялись и болтали всю дорогу домой, и поглядывавший на них сзади и сверху маленький Баптиста думал, что *monsieur* и *mademoiselle* в отличном настроении.

Но обоим было неловко: дружеская откровенность была нарушена, на солнце нашло облако, и, несмотря на внешнюю веселость, было тайное недовольство в сердце каждого.

— Мы увидим тебя сегодня вечером, *mon frere*? — спросила Эми, когда они расставались у дверей ее тетки.

— К несчастью, я занят.

Au revoir, mademoiselle. — И Лори склонился, словно желая поцеловать ей ручку на иностранный манер, что шло ему больше, чем многим другим мужчинам.

Что-то в выражении его лица заставило Эми сказать быстро и с теплотой:

— Нет, Лори, будь сам собой в отношениях со мной, и расстанемся добрым старым способом.

Я предпочитаю сердечное английское рукопожатие всем сентиментальным приветствиям, принятым во Франции.

— До свидания, дорогая. — И с этими словами, произнесенными тоном, который ей понравился, Лори покинул ее после рукопожатия, бывшего почти болезненным в своей сердечности.

На следующее утро обычный визит Лори не состоялся. Вместо этого Эми получила записку, заставившую ее улыбнуться в начале и вздохнуть в конце.

Мой дорогой Ментор, прошу передать мое *adieu*х твоей тете, и можешь ликовать, ибо Лодырь Лоренс, как послушнейший из мальчиков, уехал к дедушке.

Приятной зимы вам, и пусть боги обеспечат тебе счастливый медовый месяц в Вальрозе!

Я думаю, Фреду тоже не помешала бы взбучка.

Передай это ему вместе с моими поздравлениями.

Твой благодарный Телемак.

— Милый мальчик!

Я рада, что он уехал, — сказала Эми с одобрительной улыбкой; в следующую минуту лицо ее омрачилось, и, обведя взглядом пустую комнату, она добавила с печальным вздохом: — Да, я рада, но как мне будет его не хватать!

Глава 17

Долина смертной тени

Когда прошла первая горечь от осознания того, что Бесс должна уйти навсегда, семья примирилась с неизбежным и постаралась нести свое бремя бодро, помогая друг другу возросшей взаимной привязанностью, которая еще теснее объединяет домашних, когда приходит беда.

Они старались не думать о своем горе, и каждый делал все, что мог, чтобы этот последний год был

счастливым.

Самая уютная комната в доме была отведена Бесс, и там было собрано все, что она особенно любила, — цветы, картины, ее пианино, маленький рабочий столик, милые ее сердцу кошки.

Лучшие папины книги оказались там, так же как и мамино любимое кресло, стол Джо, лучшие рисунки Эми, и каждый день малыши Мег в сопровождении матери совершали любовное паломничество, чтобы доставить радость «тете Бесс».

Джон, не сказав никому ни слова, отложил небольшую сумму, чтобы иметь удовольствие обеспечивать больную фруктами, которые она очень любила.

Старая Ханна не уставала стряпать изысканные блюда, чтобы искушать капризный аппетит больной, и роняла в них слезы все время, пока трудилась в кухне. А из-за океана приходили маленькие подарки и веселые письма и словно приносили с собой дыхание тепла и ароматы цветов из стран, что не знают зимы.

Здесь, лелеемая как домашняя святая в своем храме, сидела Бесс, спокойная и занятая, как всегда, ибо ничто не могло изменить милую, бескорыстную натуру, и, даже готовясь проститься с жизнью, она старалась сделать счастливее тех, кому предстояло остаться.

Слабые пальцы никогда не лежали праздну; и одним из ее развлечений было делать маленькие подарки школьникам, пробегавшим каждый день в школу и обратно, — уронить пару варешек для покрасневших от холода рук, игольницу для какой-нибудь маленькой мамы множества кукол, перочистки для юных каллиграфов, с трудом продирающихся через леса крючков и палочек, альбом с вырезками для любящих красивые картинки глаз и другие, самые разные милые изобретения, пока те, кто неохотно взбирался по лестнице знаний, не сочли, что их путь усеян цветами, и не начали смотреть на кроткую дарительницу как на добрую фею, которая сидела наверху и осыпала их дарами, чудесно отвечавшими их вкусам и нуждам.

Если Бесс хотела какой-то награды, она находила ее в веселых личиках, всегда обращенных к ее окну с кивками и улыбками, и в смешных маленьких записочках, приходивших к ней, полных клякс и выражений благодарности.

Первые несколько месяцев были очень счастливыми, и Бесс часто говорила, окинув взглядом свою солнечную комнату:

«Как здесь красиво!», когда все они сидели у нее, малыши возились на полу, мать и сестры шили, а отец читал приятным голосом отрывки из мудрых старых книг, в которых было много добрых и утешительных слов, столь же применимых сейчас, как и сотни лет назад, когда они были написаны. То была маленькая часовня, где отец-священник учил свою паству, давая ей трудные уроки, которые должны выучить все, пытаясь показать им, что надежда может дать любви утешение, а вера сделать возможным смирение.

То были простые проповеди, глубоко проникавшие в души тех, кто слушал, ибо отцовская любовь была в учении священника и часто дрожь голоса усиливала красноречивость слов, которые он говорил им или читал.

Хорошо, что им было дано это спокойное время, чтобы подготовиться к последовавшим за ним печальным дням, так как вскоре Бесс начала говорить, что игла «такая тяжелая», а затем отложила ее навсегда, беседа утомляла ее, лица беспокоили, страдание овладевало ею, спокойствие духа было прискорбно нарушено болезнью, мучившей слабую плоть.

Какие это были тяжелые дни, какие долгие, долгие ночи, как страдали сердца и какие возносились горячие молитвы, когда те, кто глубоко любил ее, были принуждены видеть умоляюще протянутые к ним худые руки, слышать горький взглас:

«Помогите мне, помогите!» — и чувствовать, что нет помощи.

Горестное возмущение безмятежной души, острая борьба юной жизни со смертью — но и то и другое было милосердно кратким, а затем восстание природы кончилось, вернулся прежний покой, еще более прекрасный, чем прежде.

С разрушением хрупкого тела душа Бесс становилась сильнее, и, хотя она говорила мало, те, кто был вокруг нее, чувствовали, что она готова и что первый призванный пилигрим был также и самым достойным, и ждали с ней на берегу, пытаясь разглядеть Сияющих (1), идущих встретить ее, когда она перейдет реку.

Джо никогда не покидала сестру ни на час, с тех пор как Бесс сказала:

«Я чувствую себя сильнее, когда ты здесь».

Джо спала в комнате Бесс на кушетке, часто просыпаясь, чтобы поправить огонь, покормить, поднять или подать что-то, помогая терпеливому существу, которое редко обращалось с просьбами и «старалось не причинять беспокойства».

Весь день Джо оставалась в той же комнате, ревнуя к каждой другой сиделке и гордясь тем, что выбрали ее, больше, чем любой другой честью, когда-либо выпавшей в жизни на ее долю.

То были драгоценные и полезные часы для Джо, ибо ее сердце училось тому, в чем так нуждалось, — уроки терпения давались так мило, что невозможно было не понять их: доброжелательность ко всем, чудесный дух прощения, что способен по-настоящему забыть чужую злобу, верность долгу, которая делает самое тяжелое легким, и искренняя вера, что не боится ничего и надеется без сомнений.

Часто, когда Джо просыпалась, она заставляла Бесс за чтением той старой маленькой книжечки, которую когда-то подарила ей на Рождество мать, слышала, как она тихонько напевает, чтобы скоротать бессонную ночь, или видела, как она сидит, опустив лицо в ладони, а слезы медленно капают между худыми пальцами; и Джо лежала, глядя на нее, с мыслями слишком глубокими для слез, чувствуя, что Бесс, как всегда просто и несебялюбиво, пытается отвыкнуть от дорогой старой жизни и подготовиться к жизни предстоящей через священные слова утешения, спокойные молитвы и музыку, которую так любила.

То, что видела Джо, давало ей больше, чем самые мудрые проповеди, самые святыне гимны, самые горячие молитвы, ибо глазами, проясненными слезой, и сердцем, смягченным самой нежной печалью, она увидела и узнала красоту жизни сестры — без событий, без честолюбивых замыслов, но полную истинных добродетелей, что «ароматны и цветут во прахе» (2), и бескорыстия, которое делает смиреннейшего на земле наиболее любезным Богу, — подлинный успех, который возможен для всех.

Однажды ночью Бесс просматривала книги на своем столике и нашла нечто, заставившее ее забыть слабость смертного, которую почти так же трудно вынести, как боль. Листая страницы давно любимого «Путешествия пилигрима», она нашла листок, исписанный рукой Джо.

Ей бросилось в глаза имя в первой строке, а расплывшиеся чернила убедили ее в том, что на листок падали слезы.

«Бедная Джо!

Она спит, и я не стану будить ее, чтобы спросить разрешения; она показывает мне все свои сочинения и, я думаю, не будет возражать, если я прочту это», — подумала Бесс, взглянув на сестру, которая лежала на ковре, положив рядом каминные щипцы, готовая проснуться, как только горящее полено распадется на части.

МОЯ БЕСС Ожидая свет благословенный, Терпеливо ты сидишь в тени.

Дух твой тихий, в горести смиренный, Святостью наполнил эти дни.

Радости, печали и волнения — Только рябь пустая суеты На волнах реки, что без сомненья Перейти уже готова ты. Берег наш навеки покидая, Мир, что не живет в святой тиши, Мне оставь в наследство, дорогая, Все твои сокровища души. Завещай великое терпенье, Что сильнее, чем самый лучший друг, Может нашу веру в Провиденье Поддержать в оковах смертных мук.

Надели меня чудесной силой — Смелостью любви и доброты Сделать долг не колеей унылой, А тропой весны и красоты.

Лай мне бескорыстие и кротость. Чтоб всегда уметь забыть себя, Чтобы и обиду и жестокость Сердцем и душой прощать, любя.

Так теряет наше расставанье Горечь всю последнего «прости», Ибо каждый день дает мне знанье, Как с утратой нечто обрести.

Тяжкое прикосновенье горя, Усмиряя дух мятежный мой, Даст мне мудрость жить, с судьбой не споря, В единенье с силою благой.

И отныне, стоя над рекою, Буду знать — на дальнем берегу Ждет меня и машет мне рукою Та, чей образ в сердце берегу. Добрый ангел веры и надежды Сохранит на жизненном пути, В час последний мне прикроет вежды, Даст без страха реку перейти.

С потеками и кляксами, неровные и бледные, строки эти принесли Бесс невыразимое утешение. Она всегда сожалела лишь о том, что так мало сделала в этой жизни, но стихи Джо уверяли ее, что она жила не напрасно и что ее смерть не принесет отчаяния близким, как она прежде боялась.

Пока она сидела со сложенным листком в руках, обуглившееся полено упало и развалилось на куски.

Джо вздрогнула, поправила огонь и тихонько подкралась посмотреть, спит ли Бесс.

— Не сплю, дорогая, но так счастлива.

Смотри, я нашла это и прочитала.

Я знала, что ты не будешь возражать.

Джо, неужели я в самом деле стала для тебя всем этим? — спросила она, указывая на листок с задумчивой, смиренной серьезностью.

— О Бесс, конечно, конечно! — И голова Джо опустилась на подушку рядом с головой сестры.

— Теперь у меня не будет чувства, что я зря жила на свете.

Я не такая хорошая, какой ты описала меня, но я старалась поступать хорошо; и теперь, когда слишком поздно начать поступать еще лучше, так утешительно знать, что кто-то так глубоко любит меня и чувствует, что я помогла ему.

— Больше, чем кто угодно на свете, Бесс.

Я думала, что не смогу смириться с разлукой, но я учусь чувствовать, что не теряю тебя, что ты будешь для меня чем-то большим, чем прежде, что смерть не разлучит нас, пусть даже и кажется, будто это разлука.

— Я знаю, она не может разлучить, и я больше не боюсь ее. Я уверена, что по-прежнему буду твоей Бесс, буду любить тебя и помогать тебе еще больше.

Ты должна занять мое место, Джо, и стать для папы и мамы тем, чем была я.

Они обратятся к тебе за поддержкой, не подведи их; и если будет трудно выполнять эту работу одной, вспомни, что я не забываю тебя и что ты будешь счастливее, помогая родителям, чем сочиняя замечательные книжки или путешествуя по всему свету. Любовь — единственное, что мы можем унести с собой, умирая, и это она делает конец таким легким.

— Я постараюсь, Бесс. — И в этот момент Джо отказалась от прежних стремлений, посвятив себя новому и лучшему, признавая тщету других желаний и чувствуя благословенное успокоение веры в бессмертие любви.

Так весенние дни приходили и уходили, небо становилось яснее, земля зеленее, цветы распускались, прекрасные и ранние, и птички успели вернуться, чтобы сказать «прощай» милой Бесс, которая, как усталое, но доверчивое дитя, держалась за руки тех, кто были ее проводниками всю жизнь, и родители осторожно провели ее через Долину смертной тени и оставили Богу.

Редко, кроме как в книжках, умирающий произносит памятные слова, переживает видения или покидает этот мир с блаженством на лице, и те, кто простился со многими душами, знают, что для большинства конец наступает так же естественно, как сон.

Как и надеялась Бесс, «отлив прошел легко», и в темный час перед рассветом на той же груди, где она сделала первый вздох, она сделала и последний, без прощальных слов, но с одним любовным взглядом.

Со слезами и молитвами нежными руками мать и сестры приготовили ее к долгому сну, который никогда более не омрачит страдание. Благодарными глазами видели они, как терпеливое страдание на лице их любимой, так долго терзавшее их сердца, сменилось прекрасным спокойствием, и чувствовали, что для нее смерть была добрым ангелом, а не страшным призраком.

Когда настало утро, впервые за много месяцев огонь в камине догорел, место Джо было пустым, а комната очень тихой.

Но птичка блаженно распевала на распускающейся ветке неподалеку, на окне благоухали свежие ландыши, а весеннее солнце лилось как благословение на безмятежное лицо на подушке — лицо, столь полное не омраченного страданием покоя, что те, кто нежно любил его, улыбнулись сквозь слезы и поблагодарили Бога за то, что Бесс наконец хорошо.

Глава 18

Учась забывать

Урок, который преподавала Эми, принес Лори пользу, хотя он признал это лишь гораздо позднее.

Когда совет дают женщины, мужчины, эти «венцы творения», обычно не принимают его, пока не убедят себя, что именно это они и собирались сделать; затем они действуют в соответствии с ним, и если добиваются успеха, то признают за «сосудом скудельным» половину заслуг; если же терпят неудачу, щедро возлагают на него всю вину.

Лори вернулся к дедушке и в течение нескольких недель был таким любящим и почтительным, что старик счел это чудесным влиянием климата Ниццы и предложил ему съездить туда еще раз.

Ничто другое не могло быть более привлекательным для Лори, но после выговора, который он там получил, его было и силой не затащить в Ниццу: не позволяла гордость; а когда желание поехать становилось очень сильным, он укреплял свою решимость, повторяя слова, которые произвели самое глубокое впечатление: «Я тебя презираю», и еще:

«Почему ты не совершил что-нибудь замечательное, чтобы заставить ее полюбить тебя?»

Лори так часто обдумывал их разговор, что вскоре ему пришлось признать, что он действительно был

эгоистичен и ленив, но, с другой стороны, когда у человека большое горе, ему можно простить всевозможные капризы, пока он это горе не изживет.

Он чувствовал, что ныне его погубленная любовь уже мертва и, хотя он никогда не перестанет оплакивать ее, нет причины выставлять свой траур напоказ.

Джо не полюбит его, но он сможет заставить ее уважать его и восхищаться им, доказав, что «нет» девушки не испортило ему жизнь.

Он всегда хотел что-нибудь совершить, и совет Эми был совершенно излишним.

Он только ждал, когда вышеупомянутая погубленная любовь будет прилично погребена, а похоронив ее, он был готов «спрятать разбитое сердце и за работой забыться».

Как Гете, когда у него была радость или печаль, влагал их в песню, так и Лори решил забальзамировать свое любовное горе в музыке и сочинить реквием, который растерзает душу Джо и тронет сердце любого слушателя.

Поэтому в следующий раз, когда дедушка нашел, что внук опять становится унылым и беспокойным, и велел ему уехать, тот отправился в Вену, где имел друзей-музыкантов, и принялся за работу с твердой решимостью отличиться на музыкальном поприще.

Но то ли горе было слишком огромным, чтобы воплотить его в музыке, то ли музыка слишком эфирной, чтобы поднять смертельную скорбь, но скоро он обнаружил, что реквием в данный момент ему не по силам.

Было очевидно, что ум его еще не в рабочем состоянии, а в идеи необходимо внести ясность, ибо часто прямо посреди печальной музыкальной фразы он обнаруживал, что напевает танцевальную мелодию, которая живо приводила на память рождественский бал в Ницце, и особенно полного француза, и тем на данный момент клала конец трагическому сочинению.

Затем он взялся за оперу, поскольку вначале ничто не кажется неосуществимым, но и здесь он столкнулся с непредвиденными трудностями.

Он хотел сделать Джо героиней своей оперы и обращался к памяти за нежными воспоминаниями и романтическими картинками своей любви.

Но память оказалась предательницей и, словно обладая несговорчивым духом его возлюбленной, говорила лишь о странностях, недостатках и причудах Джо и показывала ее только в самых несентиментальных видах: выколачивающей половики, с головой, повязанной пестрым платком, загородившейся диванным валиком или выливающей ушат холодной воды а 1а миссис Гаммидж на его пламенную страсть — и неудержимый смех разрушал романтический образ, который он стремился создать.

Джо упорно не желала становиться героиней оперы, и ему пришлось отказаться от нее с возгласом:

«Бог с ней, с этой девушкой, одно мучение с ней!» — и схватиться за волосы, как и следует отчаявшемуся композитору.

Когда он огляделся в поисках менее своенравной девицы, чтобы обессмертить ее в музыке, память с услужливой готовностью тут же предложила ему таковую.

У этого призрака было много лиц, но всегда золотистые волосы, он был окутан прозрачным облаком и неся по воздуху перед внутренним взором композитора в чарующем хаосе роз, павлинов, белых пони и голубых лент.

Лори не давал этой любезной красавице никакого имени, но взял ее в героини и очень полюбил, что неудивительно, так как он наделил ее всеми возможными достоинствами и талантами и сопровождал

ее, неувредимую, в испытаниях, из которых не вышла бы живой ни одна смертная женщина.

Вдохновленный этим образом, он некоторое время трудился с энергией, но постепенно работа теряла свое очарование, и он забывал о своем сочинении, сидя в задумчивости с пером в руке или бродя по веселому городу в поисках новых идей и с целью освежить ум, который был в ту зиму в несколько неуравновешенном состоянии.

Он сделал не много, но обдумал многое и осознал, что вопреки его воле в нем происходит некоторая перемена.

«Быть может, гений закипает.

Я оставляю его кипеть и посмотрю, что из этого выйдет», — сказал он, в то же время втайне подозревая, что это не гений, но нечто гораздо более заурядное.

Но что бы это ни было, оно кипело не напрасно, так как он испытывал все большую и большую неудовлетворенность своей бесцельной жизнью и начал жаждать какой-нибудь настоящей и серьезной работы, чтобы предаться ей душой и телом, и, наконец, пришел к разумному выводу, что не каждый, кто любит музыку, композитор.

Вернувшись однажды из Королевского театра с великолепной постановки одной из великих опер Моцарта, он взглянул на свою собственную, сыграл несколько лучших фрагментов из нее, посидел, глядя вверх на бюсты Мендельсона, Бетховена и Баха, которые снисходительно смотрели на него, затем вдруг принялся рвать нотные листы один за другим и, когда последние обрывки вылетели из его рук, сказал себе трезво:

— Она права!

Талант не гений, и ты не можешь сделать его гением.

Музыка Моцарта лишила меня самонадеянности так же, как Рим лишил самонадеянности ее. Больше я не хочу быть обманщиком.

Но что же я буду делать?

Ответить на этот вопрос было трудно, и Лори начал жалеть, что у него нет необходимости зарабатывать себе на хлеб.

Теперь больше чем когда-либо представлялась возможность «пойти к черту», как он однажды впечатляюще выразил это. У него было много денег и никакого занятия, а дьявол, как говорит пословица, всегда найдет чем занять праздные руки.

Бедняга столкнулся с немалыми искушениями, как внешними, так и внутренними, но сумел устоять, поскольку, как высоко ни ценил он свободу, более ее он ценил чистую совесть и уверенность в себе, и потому обещание, данное дедушке, и желание сохранить возможность честно взглянуть в глаза тем, кто любил его, и сказать:

«Все в порядке» — позволили ему остаться осмотрительным и стойким.

Вполне вероятно, что найдутся ханжи, которые заметят:

«Я не верю этому, мальчики есть мальчики, молодые мужчины должны перебеситься, и женщины не могут ожидать чудес».

Конечно, о, образцы ходячей морали, вы не верите, но тем не менее это правда.

Женщины совершают немало чудес, и я убеждена, что они могли бы совершить и это — поднять уровень стандартов мужского поведения, отказавшись повторять как эхо подобные сентенции.

Пусть мальчики остаются мальчиками, чем дольше, тем лучше, и пусть молодые мужчины перебесятся, если уж должны; но матери, сестры и подруги могут помочь им совершить куда меньше грехов молодости, если будут верить и показывать, что верят, в возможность сохранить преданность добродетелям, делающим мужчину настоящим мужчиной в глазах хорошей женщины.

Если это женские иллюзии, оставьте нас тешиться ими, пока мы можем это делать, ибо без них жизнь теряет половину своей красоты и романтичности, и печальные предчувствия отравят все наши надежды на смелых, добрых мальчиков, которые неизменно любят своих матерей больше, чем себя, и не стыдятся признаться в этом.

Лори полагал, что для того, чтобы забыть любовь к Джо, ему потребуется напряжение всех сил в течение долгих лет, но, к своему большому удивлению, обнаружил, что эта задача становится с каждым днем все легче.

Сначала он отказывался верить в это, сердился на себя, не мог понять, но эти наши сердца устроены так странно и противоречиво, а время и природа делают свое дело, невзирая на наши желания.

Сердце Лори не страдало, рана упорно продолжала заживать с удивлявшей его скоростью, и вместо того, чтобы стараться забыть, он обнаружил, что старается помнить.

Он не предвидел такого поворота событий и не был готов к нему.

Он чувствовал отвращение к самому себе, возмущался собственным непостоянством и ощущал в душе странную смесь разочарования и облегчения, оттого что мог так быстро оправиться от такого ужасного удара.

Он заботливо помешивал угли своей утраченной любви, но они не вспыхивали: осталось лишь приятное свечение, которое согревало и шло ему на пользу, не вызывая лихорадки, и он был вынужден с неохотой признать, что мальчишеская страсть медленно превращается в более спокойное чувство, очень нежное, немного грустное и все еще горькое, но которое непременно уйдет со временем, оставив лишь братскую привязанность, которая сохранится неизменной до конца.

Когда слово «братская» пришло ему на ум во время одного из таких размышлений, он улыбнулся и взглянул на висевший перед ним портрет Моцарта.

«Это был великий человек, и, когда он не смог получить в жены одну сестру, он женился на другой и был счастлив».

Лори не произнес этих слов, но лишь подумал про себя, а в следующий момент поцеловал старое колечко и сказал себе:

— Нет!

Я не забуду, я никогда не смогу забыть.

Я попробую еще раз, а уж если потерплю неудачу, что ж, тогда...

Не закончив этой фразы, он схватил перо и бумагу и написал Джо, что не может ни на что решиться, пока есть хоть малейшая надежда, что она передумает.

Может ли она, хочет ли, позволит ли ему вернуться и быть счастливым?

В ожидании ответа он не делал ничего, но ожидал с энергией и страстью, сгорая от нетерпения.

Ответ, наконец, был получен и окончательно разрешил его сомнения: Джо определенно не могла и не хотела.

Она была целиком поглощена заботой о Бесс и не желала больше слышать слово «любовь».

Затем она просила его быть счастливым с кем-нибудь другим, но навсегда сохранить в сердце уголок для его любящей сестры Джо.

Далее шла приписка, в которой она просила его не говорить Эми, что Бесс хуже; Эми предстояло весной вернуться домой, и не было необходимости омрачать остаток ее пребывания в Европе.

Бог даст, она успеет проститься с сестрой. Но Лори должен писать Эми почаще, чтобы она не чувствовала себя одинокой, не тосковала по дому и не тревожилась.

— Так я и поступлю, прямо сейчас.

Бедная девочка! Боюсь, ее возвращение домой будет печальным. — И Лори открыл ящик своего стола, словно письмо к Эми и было надлежащим заключением той незаконченной фразы, произнесенной несколько недель назад.

Но он не написал письмо в тот день, так как, роясь в столе в поисках своей лучшей бумаги, наткнулся на нечто такое, что изменило его намерения.

В одном из ящичков среди счетов, паспортов и разного рода документов лежало несколько писем Джо, а в другом отделении — три записки Эми, заботливо перевязанные одной из ее голубых ленточек и своим ароматом напоминавшие о вложенных внутрь трех сухих розочках.

С выражением смешанного сожаления и удовольствия он собрал все письма Джо, разгладил листы, свернул и аккуратно положил в маленький ящик стола, постоял с минуту в задумчивости, вертя кольцо на пальце, затем медленно снял его, положил вместе с письмами, закрыл ящичек и вышел, чтобы послушать траурную мессу в соборе Св.Стефана, с таким чувством, словно это похороны, и, хотя он и не был подавлен горем, такой способ провести остаток дня казался ему более подходящим, чем писать письма очаровательным юным леди.

Письмо, впрочем, тоже было вскоре отправлено и быстро получен ответ, так как Эми действительно тосковала по дому и признавалась в этом с прелестной доверчивостью.

Переписка процветала, письма летали туда и обратно с непогрешимой регулярностью всю раннюю весну.

Лори продал бюсты, пустил свою оперу на растопку и вернулся в Париж, надеясь, что туда скоро придут и Кэрролы.

Ему отчаянно хотелось поехать в Ниццу, но он не мог, пока не позовут, — а Эми не звала, поскольку в это время у нее были собственные переживания, которые заставляли ее стремиться избежать насмешливых взглядов «нашего мальчика».

Фред Воун вернулся и задал вопрос, на который она когда-то решила ответить «да», но теперь ответила «нет», ласково, но твердо, так как, когда пришло это время, смелость покинула ее и она почувствовала, что необходимо нечто большее, чем деньги и положение в обществе, чтобы удовлетворить новое желание, наполнившее ее сердце нежными надеждами и тревогами.

Слова

«Фред хороший парень, но это не тот человек, который, по моему мнению, должен бы тебе понравиться» и лицо Лори, когда он произнес их, продолжали возвращаться к ней так же упорно, как и ее собственные, когда она сказала взглядом, если не вслух:

«Я выйду замуж ради денег».

Теперь ей было неприятно вспоминать об этом: это было так неженственно.

Она не хотела, чтобы Лори думал о ней как о бесчувственном, суетном существе; теперь ей не так

хотелось быть королевой общества, как достойной любви женщиной.

Она была так рада, что он не испытывал отвращения к ней после всех ее ужасных речей, но принял их так вежливо и был добрее, чем когда-либо.

Его письма оказались для нее подлинным утешением, так как письма из дома приходили нерегулярно, а когда приходили, оказывались далеко не такими ободряющими, как ей хотелось.

И отвечать на его письма было не только удовольствием, но и долгом, ведь бедняжка был покинут и нуждался в ласке, поскольку Джо упорствовала в своем жестокосердии.

Ей следовало бы постараться и полюбить его.

Это было бы не очень трудно, многие были бы рады и горды, если бы их полюбил такой милый мальчик; но Джо всегда вела себя не как другие девушки, так что Эми не оставалось ничего другого, как быть очень ласковой и относиться к нему как к брату.

Если бы ко всем братьям относились так хорошо, как Эми относилась к Лори в тот период, братья были бы гораздо более счастливой породой существ, чем они есть на самом деле.

Эми больше не поучала: она спрашивала его мнение по всем вопросам, она интересовалась всем, что он делает, готовила для него очаровательные маленькие подарки, посылала по два письма в неделю, полных живой болтовни, сестринских признаний и прелестных рисунков, изображающих чарующие виды Ниццы.

Так как немногие братья могут похвастаться тем, что их письма сестры носят в карманах, внимательно читают и перечитывают, плачут, если короткие, целуют, если длинные, и заботливо хранят, мы не станем утверждать, что Эми делала все эти любовные глупости.

Но она в самом деле стала немного бледнее и задумчивее в ту весну, во многом потеряла интерес к обществу и часто ходила в одиночестве на эскизы.

Впрочем, вернувшись домой, она не многим могла похвастаться — смею думать, она просто изучала натуру, когда часами сидела сложив руки на террасе в Вальрозе или в рассеянности изображала то, что рисовалось ее воображению, — высеченного из камня могучего рыцаря на могильной плите, спящего в траве юношу с надвинутой на глаза шляпой или девушку в пышном наряде и с вьющимися волосами, прогуливающуюся по бальной зале под руку с высоким джентльменом; оба лица были изображены нечетко, в соответствии с новейшей модой в живописи, что безопасно, но не совсем приятно для зрителя.

Тетя Мэри думала, что Эми сожалеет о своем отказе Фреду, и та, находя возражения бесполезными, а объяснения невозможными, предоставила ей думать, что хочет, и позаботилась о том, чтобы Лори узнал, что Фред уехал в Египет.

Это было все, но Лори понял; он выглядел успокоенным и сказал себе:

— Я был уверен, что она передумает.

Бедняга Фред!

Я прошел через это и могу посочувствовать.

Он сопровождал эти слова тяжелым вздохом, а затем, словно исполнив долг по отношению к прошлому, задрал ноги на диван и с наслаждением принялся читать письмо Эми.

Пока за границей происходили все эти перемены, дома пришло горе; но письмо, сообщавшее, что Бесс умирает, не дошло до Эми, а когда пришло следующее, на могиле Бесс уже зеленела трава. Печальная новость застала Эми в Веве, так как в мае жара прогнала их из Ниццы и они медленно отправились

через Геную и итальянские озера в Швейцарию.

Она перенесла известие стойко и подчинилась решению семьи о том, что не должна прерывать свою поездку, поскольку уже поздно было проститься с Бесс и ей разумнее остаться, чтобы дать улечься первому приступу горя вдали от дома.

Но на сердце у нее было очень тяжело, ей так хотелось домой, к родным, и каждый день она печально смотрела на другой берег озера в надежде, что Лори приедет и утешит ее.

И он приехал — очень скоро. Письма им обоим пришли с одной почтой, но он был в Германии и поэтому получил письмо на несколько дней позднее, чем она.

Едва прочитав его, Лори упаковал свой дорожный мешок, простился со спутниками и отправился исполнить свое обещание с сердцем, полным радости и горя, надежды и тревоги.

Он хорошо знал Веве, и, как только лодка коснулась маленькой пристани, он поспешил вдоль берега к Ла-Тур, где жили Кэрролы *en pension*.

Garson был в отчаянии, так как вся семья уехала на прогулку по озеру; но нет, мадемуазель-блондинка, возможно, в саду замка.

Если месье возьмет на себя труд присесть, она в одно мгновение будет здесь.

Но месье не пожелал ждать даже одно мгновение и, не дослушав этой речи, исчез, чтобы самому найти мадемуазель.

Очаровательный старый сад на берегу прелестного озера, шелестящие над головой каштаны, плющ, вьющийся повсюду, и черная тень башни на солнечной поверхности воды — в одном конце широкой низкой ограды была скамья, и сюда Эми часто приходила читать, рисовать или искать утешения в окружающей ее красоте.

В этот день она сидела здесь, опустив голову на руку, с тоской по дому в сердце и неподвижным взглядом, думая о Бесс и удивляясь, почему не едет Лори.

Она не слышала, как он пересек двор, не видела, как он задержался под аркой, которая вела из подземного хода в сад.

Он стоял так с минуту, глядя на нее новыми глазами и видя то, чего никто не видел прежде, — нежную сторону характера Эми.

Все безмолвно свидетельствовало о любви и горе — много раз перечитанные письма на коленях, стягивающая волосы черная лента, страдание и женственное терпение в ее лице; даже маленький эбеновый крестик у нее на шее казался Лори трогательным, ведь это был его подарок, и она носила его как единственное украшение.

Если у него были какие-то сомнения относительно того, какой прием окажет она ему, они исчезли в ту же минуту, когда она подняла глаза и увидела его. Уронив все, что лежало у нее на коленях, она бросилась к нему, восклицая с неподдельной любовью и радостью:

— О, Лори, Лори, я знала, что ты придешь ко мне!

Я думаю, все было сказано и решено тогда, когда они с минуту стояли вместе совершенно безмолвно; темная голова склонилась над светлой, словно желая защитить ее. Эми почувствовала, что никто не может утешить и поддержать ее так, как Лори, а Лори решил, что Эми — единственная женщина в мире, которая могла бы занять место Джо и сделать его, Лори, счастливым.

Он не сказал ей этого, но она не была разочарована; оба понимали, что происходит, были довольны и с радостью обошли остальное молчанием.

Через минуту Эми вернулась на скамью, и, пока она осушала слезы, Лори собирал рассыпанные бумаги, находя разные затертые письма и наводящие на мысли рисунки добрыми предзнаменованиями.

Когда он сел рядом с ней, она опять оробела и покраснела как мак, вспомнив о своем порывистом приветствии.

— Я не могла удержаться; мне было так одиноко и грустно, и я была так рада тебя видеть.

Какой это был сюрприз — поднять глаза и увидеть тебя, как раз тогда, когда я начала бояться, что ты совсем не приедешь, — сказала она, тщетно пытаясь говорить легко и естественно.

— Я бросился сюда в ту же минуту, как узнал о несчастье.

Я хотел бы сказать что-нибудь, чтобы утешить тебя в потере милой Бесс, но могу лишь посочувствовать и... — Он не мог продолжать, так как тоже стал вдруг застенчив и не знал, что сказать.

Ему хотелось просто положить голову Эми себе на плечо и посоветовать ей выплакаться, но он не осмелился и вместо этого взял ее руку и сочувственно пожал, что было лучше всяких слов.

— Не нужно ничего говорить, — сказала она мягко.

— Меня утешает то, что Бесс теперь хорошо и она счастлива, и я не должна желать, чтобы она вернулась. Но мне страшно ехать домой, как бы горячо я ни хотела увидеть их всех.

Мы не будем говорить об этом сейчас, а то я заплачу. А мне так приятно побыть с тобой.

Тебе не нужно сразу возвращаться, нет?

— Нет, если ты хочешь, чтобы я был с тобой, дорогая.

— Хочу, очень.

Тетя и Фло очень добры ко мне, но ты — ты как член семьи, и мне было бы так приятно, если бы ты побыл здесь.

Эми была так похожа на тоскующего по дому ребенка, чье сердце переполнено горем, что Лори сразу забыл всю свою застенчивость и утешил ее именно тем, чего она хотела, — лаской, к которой она привыкла, и ободряющим разговором, который был ей необходим.

— Бедняжка, вид у тебя такой, словно ты совсем убита горем!

Я собираюсь позаботиться о тебе, так что не плачь больше, пойдем прогуляемся, слишком холодно неподвижно сидеть на ветру, — сказал он ласково-повелительным тоном, который понравился Эми, завязал ленты ее шляпы, сунул ее руку себе под локоть и принялся расхаживать по солнечной аллее под покрытыми молодой листвой каштанами.

Он чувствовал себя непринужденнее на ногах, а Эми было очень приятно опереться на сильную руку, увидеть улыбку на знакомом лице и услышать ласковый голос, говоривший так мило для нее одной.

На своем веку этот необычный старый сад послужил укрытием не одной паре влюбленных и, казалось, был специально создан для них — такой солнечный и уединенный, где не было никого, кроме башни, чтобы приглядеть за ними, и широкого, покрытого рябью озера, чтобы уносить отзвуки их голосов.

Целый час эта новая пара гуляла и разговаривала или отдыхала на скамье, наслаждаясь взаимной близостью, что придает такое очарование времени и месту, и, когда прозаический звонок к обеду напомнил им, что пора покинуть сад, Эми почувствовала себя так, словно оставила там, в саду, весь свой груз одиночества и печали.

Как только миссис Кэррол увидела изменившееся лицо девушки, ее осенила новая мысль, и она воскликнула про себя:

«Теперь все понимаю — девочка сохнет по молодому Лоренсу.

Боже мой, никогда бы не подумала!»

С достойной похвалы сдержанностью добрая леди ничего не сказала и не проявила никаких признаков осведомленности, но сердечно уговаривала Лори остаться, а Эми наслаждаться его обществом, так как это принесет ей больше пользы, чем такое долгое уединение.

Эми была образцом послушания, и, так как сама тетя была очень занята Фло, она предоставила племяннице развлекать ее друга, что та делала даже с большим, чем обычно, успехом.

В Ницце Лори бездельничал, а Эми отчитывала; в Веве Лори никогда не был апатичным и ленивым, он ходил на пешие прогулки, ездил верхом, катался на лодке или прилежно учился, а Эми восхищалась всем, что он делал, и следовала его примеру насколько могла.

Он говорил, что перемена в нем вызвана климатом, и она не возражала, радуясь, что тем же можно объяснить улучшение ее собственного здоровья и настроения.

Бодрящий воздух принес пользу им обоим, а активное движение благотворно повлияло на души, как и на тела.

Там, среди вечных гор, они, казалось, обрели более ясное видение жизни и долга; свежие ветры унесли унылые сомнения, обманчивые фантазии и мрачный туман; под теплым весенним солнцем расцвели самые разные вдохновляющие идеи, нежные надежды и счастливые мысли; волны озера словно унесли горести прошлого, а величественные древние горы ласково смотрели вниз на них, говоря:

«Дети, любите друг друга».

Несмотря на недавнее горе, это было очень счастливое время, такое счастливое, что Лори был не в силах нарушить словом его очарование.

Он не сразу пришел в себя от удивления, обнаружив, что так быстро излечился от своей первой и, как он полагал, единственной и последней любви.

Он оправдывал себя за кажущуюся неверность мыслью, что сестра Джо — это почти то же, что сама Джо, и убеждением, что было бы невозможно полюбить так быстро и так глубоко другую женщину, кроме Эми.

Его первое ухаживание было бурным и стремительным, и он оглядывался на него, словно через долгую череду лет, с чувством сострадания, смешанного с сожалением.

Он не стыдился его, но стал думать о нем, как об одном из горьких и радостных переживаний своей жизни, за которое он мог быть благодарен, когда боль утихла.

Его второе ухаживание, решил он, будет как можно спокойнее и проще: не было никакой необходимости устраивать сцену, едва ли была необходимость говорить Эми, что он любит ее; она знала это без слов и давно дала ответ.

Все произошло так естественно, что никто не мог выразить недовольства, и он знал, что все будут рады, даже Джо.

Но если наша первая маленькая страсть была подавлена, мы склонны быть осмотрительными и неторопливыми, делая вторую попытку, и Лори не торопил время, наслаждаясь каждым часом и ожидая удобного случая произнести слово, которое поставило бы точку в первой и самой приятной

части его нового романа.

Он, пожалуй, воображал, что признание произойдет в саду замка при луне и в самой изящной и красивой манере, но оказалось совсем наоборот — и все было сказано в полдень на озере в нескольких отрывистых словах.

Все утро они катались на лодке — от мрачного Св.Джингольфа к солнечному Монтрё, с одной стороны — Савойские Альпы, с другой — Сен-Бернар и Дан-дю-Миди, прекрасный Веве в долине и Лозанна вдали на холме, а над головой безоблачное голубое небо и еще более голубое озеро внизу с множеством живописных лодок, похожих на белокрылых чаек.

Они говорили о Бониваре, когда их лодка скользила мимо Шильонского замка, и о Руссо, когда смотрели вверх на Кларенс, где он написал свою «Элоизу».

Ни один из них не читал ее, но оба знали, что это история о любви, и каждый подумал про себя, была ли она хоть вполовину так интересна, как их собственная.

Эми плескала рукой в воде во время возникшей между ними маленькой паузы, а когда подняла глаза, увидела, что Лори оперся о весла и смотрит на нее с выражением, которое заставило ее торопливо сказать — лишь для того, чтобы что-то сказать:

— Ты, наверное, устал; отдохни немного, а я буду грести.

Мне это будет полезно, а то с тех пор, как ты приехал, я совсем обленилась и только наслаждаюсь.

— Я не устал, но можешь взять весло, если хочешь.

Здесь достаточно места, хотя мне приходится сидеть посередине, чтобы уравновесить лодку, — ответил Лори, словно был даже рад этому перемещению.

Чувствуя, что она не слишком поправила дело, Эми заняла предложенную ей треть скамьи, откинула волосы с лица и взялась за весло.

Она хорошо умела грести, так же как и многое другое; и хотя она гребла двумя руками, а Лори одной, весла опускались и поднимались в такт, и лодка ровно скользила по воде.

— Как хорошо мы гребем вместе, правда? — сказала Эми; молчание казалось ей невыносимым в ту минуту.

— Так хорошо, что мне хотелось бы, чтобы мы всю жизнь гребли в одной лодке... Ты согласна, Эми? — очень нежно спросил он.

— Да, Лори, — очень тихо ответила она.

Они оба перестали грести и невольно добавили красивую маленькую картинку человеческой любви и счастья к наплывающим видам, отраженным в озере.

Глава 19

Совсем одна

Легко было обещать самоотречение, когда собственное «я» было целиком поглощено другим «я», а сердце и душу очищал прекрасный пример другого сердца и души.

Но когда голос, что помогал, умолк, ежедневные уроки любви кончились, дорогое существо ушло навсегда и не осталось ничего, кроме одиночества и горя, для Джо оказалось очень трудным сдержать свое обещание.

Как могла она «утешить папу и маму», когда ее собственное сердце разрывалось от тоски по сестре,

как могла она «сделать дом счастливым», когда весь свет, тепло и красота, казалось, ушли из него вместе с Бесс, покинувшей свой старый дом ради нового, и где во всем этом мире могла она найти для себя «какой-нибудь полезный, счастливый труд», что заменил бы ей то преданное служение, которое само себе было наградой?

Она пыталась бездумно, обреченно исполнять свой долг, втайне все время восставая против него, ибо казалось несправедливым, что ее немногочисленных радостей должно становиться еще меньше, груз ее забот делаться тяжелее, а жизнь все труднее, и труднее, в то время как она продолжает усердно трудиться.

Казалось, одним людям достается все солнце, а другим вся тень.

Это было несправедливо, ведь она больше Эми старалась быть хорошей, но никогда не получала никакой награды, только разочарование, горе и тяжелую работу.

Бедная Джо, это были мрачные дни — нечто похожее на отчаяние охватывало ее при мысли о том, что ей придется провести всю жизнь в этом тихом доме, посвятив ее скучным заботам, немногим маленьким удовольствиям и долгу, исполнять который никогда не станет легче.

«Я не смогу.

Я не создана для такой жизни. Я знаю, что убегу или сделаю что-нибудь отчаянное, если никто не придет мне на помощь», — говорила она себе, когда ее первые усилия не дали результата и она, почувствовав себя несчастной, впала в уныние, что бывает часто, когда сильной воле приходится покориться неизбежному.

Но нашелся кто-то, кто пришел Джо на помощь, хотя она не сразу поняла, что перед ней ее добрые ангелы, так как они были в знакомых образах и использовали самые простые чары, более подходящие для бедного человечества.

Часто она вскакивала ночью, думая, что Бесс зовет ее, а когда вид пустой постели заставлял ее горько рыдать от неутешного горя:

«О Бесс, вернись, вернись!», она протягивала руки с ненапрасной мольбой.

Мать, услышав ее рыдания так же быстро, как слышала она и самый слабый шепот ее сестры, приходила, чтобы утешить ее не только словами, но терпеливой нежностью, которая успокаивает прикосновением, слезами, что безмолвно напоминают о горе большем, чем горе Джо, и прерывающимся шепотом, более красноречивым, чем молитвы, ибо полное надежды смирение шло рука об руку с истинным горем.

То были священные мгновения, когда сердце говорило с сердцем в молчании ночи, обращая скорбь в благословение, которое умеряет горе и укрепляет любовь.

Джо почувствовала это, и ей показалось, что ее ноша легче, долг милее, а жизнь не столь невыносима, если смотреть на них из безопасного убежища материнских объятий.

Когда страдающее сердце немного утешилось, смятенный ум тоже нашел поддержку. Однажды она пошла в кабинет и, склонившись над милой седой головой, приподнявшейся от бумаг, чтобы приветствовать ее доброй улыбкой, сказала робко: — Папа, поговори со мной, как ты прежде говорил с Бесс.

Мне такие разговоры нужны больше, чем они были нужны ей, ведь я совсем потерялась.

— Дорогая моя, ничто не может утешить меня больше, чем твоя просьба, — ответил он с дрожью в голосе и, обняв ее обеими руками, словно ему тоже нужна была поддержка, и он не стыдился просить о ней.

Затем, сев в маленькое кресло Бесс, стоявшее рядом с ним, Джо рассказала о своих бедах — о непреходящей горечи утраты, о бесплодных усилиях, обескураживших ее, о недостатке веры, делавшем жизнь такой мрачной, и обо всем том горестном смятении, которое мы называем отчаянием.

Она обратилась к нему с полным доверием, он дал ей помощь, в которой она нуждалась, и оба нашли в этом утешение, ибо пришло время, когда они могли говорить друг с другом не только как отец и дочь, но как мужчина и женщина, которые могут и рады служить друг другу с взаимным сочувствием, так же как и с взаимной любовью.

То были счастливые часы размышлений в старом кабинете, который Джо называла «церковью одного прихожанина» и из которого выходила с воспрянувшим и более смиренным духом.

Так родители, научившие одно дитя встретить смерть без страха, пытались теперь научить другое принимать жизнь без уныния и недоверия и использовать предоставляемые ею прекрасные возможности с благодарностью и уверенностью.

И другую поддержку имела Джо — скромные, но благотворные для нее труды и радости, в которых ей не было отказано и которые она постепенно училась замечать и ценить.

Щетки и тряпки для мытья посуды уже не были столь противны ей, как прежде; казалось, что-то от домовитого духа Бесс все еще витает вокруг маленькой швабры и старой щетки, которые так и не выкинули.

И, пользуясь ими во время уборки, Джо замечала, что напевает песни, которые напевала Бесс, подражает ее аккуратности, заботится о мелочах, создающих атмосферу свежести и уюта, а это и есть первый шаг к тому, чтобы сделать дом счастливым, хотя она не догадывалась об этом, пока не услышала от Ханны, одобрительно пожавшей ей руку:

— Умница, ты решила, что не дашь нам скучать по нашей милой овечке.

Мы мало говорим, но все замечаем, и Бог наградит тебя за это, вот увидишь.

Джо часто бывала у Мег, и, когда они шили вместе и разговаривали, она обратила внимание на то, как изменилась и развилась Мег, как хорошо она говорит, как много знает о хороших женских порывах, мыслях и чувствах, как счастлива в детях и муже и как много они делают друг для друга в семье.

— Брак все-таки отличная вещь.

Интересно, расцвела бы я хоть вполовину так, как ты, если б тоже попробовала? — сказала Джо, строя воздушного змея для Деми в перевернутой вверх дном детской.

— Это именно то, что нужно тебе, Джо, чтобы проявить нежную, женскую часть твоей натуры.

Ты как каштан — колючая снаружи, но шелковисто-гладкая внутри, со сладким ядрышком; нужно только до него добраться.

Когда-нибудь любовь заставит тебя показать твое сердце, и тогда колючая скорлупа отпадет.

— Каштаны открываются на морозе, мэм, и нужно как следует потрясти дерево, чтобы они упали.

Мальчики любят ходить за орехами, но мне не хочется, чтобы они затолкали меня в мешок, — ответила Джо, намазывая клеем змея, которому так и не удалось подняться в воздух, так как Дейзи привязала себя к нему в виде подвески.

Мег засмеялась; но, хотя ей было приятно видеть проблески прежнего духа Джо, она все же считала своим долгом подкрепить ранее высказанное мнение всеми имевшимися в ее распоряжении аргументами, самыми убедительными из которых были ее дети, которых Джо нежно любила.

Некоторые сердца лучше всего открывает горе, и Джо была почти готова к тому, чтобы ее «затолкали в мешок»: чуть больше солнца — и каштан созревает, а тогда не нетерпеливый мальчик, встряхивающий дерево, но мужская рука дотягивается, чтобы нежно вынуть из скорлупы здоровое и свежее ядро.

Если бы она подозревала об этом, то закрылась бы еще крепче в своей скорлупе и стала бы еще более колючей, но, к счастью, она не думала об этом, и, когда пришло время, скорлупа раскрылась.

Конечно, если бы она была героиней назидательной повести, ей следовало бы в этот период жизни сделаться святой, отречься от мира и ходить в черной шляпке и с религиозными брошюрками в кармане, творя добро.

Но Джо была не героиней, а всего лишь преодолевающей жизненные препятствия девушкой, каких сотни, и она просто проявляла свою натуру, становясь печальной или сердитой, вялой или энергичной, как диктовало ей настроение.

Это очень благородно — сказать, что мы будем добродетельными, но мы не можем добиться этого сразу; потребуются долгие, напряженные, объединенные усилия, прежде чем хотя бы некоторые из нас встанут на верный путь.

Джо встала на этот путь: она училась исполнять долг и чувствовать себя несчастной, если его не исполняла; но исполнять его с радостью — ах, это было совсем другое!

Прежде она часто говорила, что хотела бы сделать что-нибудь замечательное, как бы трудно это ни оказалось. Теперь она получила то, что хотела, ибо, что могло быть прекраснее, чем посвятить жизнь родителям, стараясь сделать дом таким же счастливым для них, каким они сделали его для нее?

А если, чтобы обеспечить величие жизненного подвига, необходимы трудности, то, что может быть труднее для мятежной и честолюбивой девушки, чем отказаться от своих надежд, планов, желаний и радостно жить для других?

Провидение поймало ее на слове; перед ней была задача — не такая, о какой она мечтала, но лучшая, ибо в ней не было места эгоистическим интересам.

Итак, как могла она выполнить эту задачу?

Она решила, что постарается, и в своей первой попытке нашла помощников, о которых я сказала.

Еще одно средство было дано ей, и она приняла его не как награду, но как утешение, как Христиан принял пищу, предложенную маленьким деревцем, под которым отдыхал, когда взобрался на гору, называвшуюся Трудностью.

— Почему ты не ешь?

Это занятие всегда делало тебя счастливой, — сказала ей мать однажды, когда Джо вновь овладело уныние.

— Нет желания писать, да если бы и было, кому нужны мои сочинения?

— Нам.

Напиши что-нибудь для нас и не думай об остальном мире.

Попробуй, дорогая, я уверена, что и тебе это поможет, и нас очень обрадует.

— Не верю, что смогу.

— Но все же Джо открыла свой стол и начала разбирать недоработанные рукописи.

Час спустя мать заглянула и увидела ее по-прежнему за столом. Джо писала вовсю, сидя в своем черном переднике с сосредоточенным выражением, заставившим миссис Марч улыбнуться и потихоньку уйти очень довольной успехом своего предложения.

Джо не знала, как это получилось, но было в ее новом рассказе что-то, проникавшее прямо в сердца тех, кто читал его. И когда семья отсмеялась и наплакалась над ним, отец послал его, почти против воли Джо, в один из популярных журналов, где, к ее крайнему удивлению, не только приняли этот рассказ, но и заказали еще.

За опубликованием рассказа последовали письма от людей, чья похвала была честью, его перепечатывали газеты, и незнакомые, как и друзья, восхищались им.

Для маленького рассказа это был огромный успех, и Джо была удивлена даже больше, чем когда ее роман хвалили и бранили в одно и то же время.

— Не понимаю.

Что такого в простом маленьком рассказе, что люди так хвалят его? — спрашивала она в полном недоумении.

— В нем правда, Джо. В этом весь секрет: юмор и пафос делают его живым. Ты наконец нашла свой стиль.

Ты больше не пишешь с мыслью о славе или деньгах, а вкладываешь в труд свою душу.

Это превратности судьбы: прежде была горечь, теперь сладость.

Старайся и станешь так же счастлива, как счастливы мы твоим успехом.

— Если есть что-то хорошее или правдивое в том, что я пишу, то этим я обязана тебе, маме и Бесс, — сказала Джо, тронутая словами отца больше, чем любыми потоками похвал от остального мира.

Так, наученная любовью и горем, Джо писала свои маленькие рассказы и отсылала их искать друзей для них самих и для нее, и этот мир оказался очень милостив к таким скромным путникам — их принимали приветливо, и они посылали ей утешительные знаки внимания, как дети, которым повезло в жизни, посылают их своей матери.

Когда Эми и Лори написали домой о своей помолвке, миссис Марч боялась, что Джо будет нелегко порадоваться за них, но вскоре ее страхи улеглись. Хотя сначала Джо и казалась мрачной, она приняла известие очень спокойно и была полна надежд и планов относительно будущего «детей», прежде чем успела прочитать письмо дважды.

Это был письменный дуэт, где каждый прославлял другого, как это делают влюбленные; было очень приятно читать его и думать о нем, так как ни у кого не было возражений.

— Ты рада, мама? — спросила Джо, когда они сложили мелко исписанные листы и взглянули друг на друга.

— Да, я надеялась, что так и будет, с тех пор как Эми написала, что отказала Фреду.

Я была уверена, что нечто лучшее, чем, как ты выражаешься, «корыстный дух», овладело ею, и кое-какие намеки в ее письмах заставляли меня предполагать, что любовь и Лори одержат победу.

— Какая ты проникательная, мама, и какая скрытная!

Ни слова мне не сказала.

— Матерям нужны проникательные глаза и сдержанные языки, когда они имеют дело с дочерьми.

Я боялась заронить такую мысль тебе в голову, чтобы ты не вздумала написать и поздравить их прежде, чем все было решено.

— Я уже не такая сумасбродка, какой была; можешь доверять мне.

Теперь я достаточно трезва и разумна, чтобы быть чьей угодно наперсницей.

— Это правда, дорогая, и я хотела сделать тебя моей, да только боялась, что тебя может ранить известие о любви твоего Тедди к кому-то другому.

— Что ты, мама! Неужели ты думаешь, что я могла бы быть так глупа и себялюбива, после того как отказалась от его любви, когда она была самой первой, если не самой прекрасной.

— Я знаю, Джо, что ты была искренней в своих чувствах тогда, но в последнее время мне думалось, что, если бы он вернулся и снова сделал тебе предложение, ты, возможно, дала бы другой ответ.

Прости, дорогая, но я не могу не видеть, что ты очень одинока и иногда в твоих глазах такая неудовлетворенность жизнью, что она проникает прямо мне в сердце.

Так что я думала, что твой мальчик мог бы заполнить эту пустоту, если б попытался сейчас.

— Нет, мама, лучше как есть. И я рада, что Эми полюбила его.

Но ты права в одном: я действительно одинока, и, возможно, если бы Тедди попытался еще раз, я сказала бы «да» не потому, что полюбила, но потому, что теперь больше хочу быть любимой, чем когда он уезжал.

— Я рада, Джо. Это говорит о том, что ты делаешь успехи.

Есть немало тех, кто любит тебя, так что постарайся утешиться любовью папы, мамы, сестер, друзей и малышей в ожидании лучшего возлюбленного из всех, который придет, чтобы принести тебе твою награду.

— Матери — лучшие возлюбленные в мире, но я готова шепнуть маме, что хотела бы попробовать и других тоже.

Это очень странно, но чем больше я стараюсь удовлетвориться всякого рода естественными привязанностями, тем большего я хочу.

Я и не предполагала, что сердца могут вместить так много любви; мое такое податливое, и теперь оно, похоже, никогда не наполнится, а ведь прежде мне вполне хватало моей семьи.

Я не понимаю этого.

— Я понимаю. — И миссис Марч улыбнулась своей сочувственной улыбкой, пока Джо переворачивала листы, чтобы еще раз прочитать, что Эми написала о Лори.

«Это так прекрасно — быть любимой такой любовью, какой любит меня Лори.

Он несентиментален и мало говорит об этом, но я вижу и чувствую его любовь во всем, что он говорит и делает; и от этого я испытываю такое счастье и такое смирение, что я, кажется, совсем не та, какой была.

До сих пор я не знала, какой он добрый, великодушный и нежный, теперь он открыл мне свое сердце, и я увидела, что оно полно благородных порывов, надежд и целей, и я испытываю гордость от сознания, что это сердце отдано мне.

Он говорит, что теперь „может совершить благополучное плавание по жизни со мной на борту в качестве помощника и огромной любовью в качестве балласта“.

И я молюсь, чтобы так и было; и постараюсь быть всем, чего он ищет во мне, потому что люблю моего храброго капитана всем сердцем и душой и никогда не покину его, пока Бог позволит нам быть вместе.

Ах, мама, я и не знала, как может быть похож на рай этот мир, когда двое любят и живут друг для друга!»

— И это наша сдержанная, чопорная и суетная Эми!

Право, любовь творит чудеса.

Как глубоко, глубоко счастливы они, должно быть! — И Джо сложила шуршащие листы заботливой рукой, как закрывает человек увлекательный роман и затем вновь обнаруживает себя одиноким в этом сером, скучном мире.

Затем Джо отправилась наверх, так как шел дождь и гулять было нельзя.

Ее охватил дух беспокойства, и прежнее чувство вернулось к ней — лишенное прежней горечи, но печальное и терпеливое недоумение, почему одна сестра должна получить все, что хочет, а другая ничего.

Это было неправдой, она знала это и пыталась отбросить неприятную мысль, но естественная жажда любви была сильна, и счастье Эми пробудило жадное желание найти того, кого можно «любить всем сердцем и душой и быть вместе, пока Бог позволит».

На чердаке, где завершились беспокойные блуждания Джо, стояли в ряд четыре деревянных ящика, на каждом из них стояло имя владелицы и каждый был наполнен реликвиями детства и юности, ушедших теперь навсегда.

Джо заглянула в них, а дойдя до своего, оперлась подбородком о край и рассеянно смотрела на беспорядочную коллекцию, пока ее взгляд не привлекла связка старых тетрадей.

Она вытащила их, перелистала и оживила воспоминания той приятной зимы, проведенной у доброй миссис Кирк.

Сначала она улыбнулась, затем стала задумчива, потом печальна, а когда дошла до короткой записки, написанной рукой профессора, губы ее задрожали, тетради соскользнули с коленей, и она замерла, глядя на дружеские слова так, словно они обрели новый смысл и коснулись уязвимого места в ее сердце.

«Ждите меня, мой друг.

Возможно, я немного опоздаю, но непременно приеду».

— О, если бы он только приехал!

Такой добрый, милый, такой вечно терпеливый со мной, мой дорогой старина Фриц.

Я не ценила его и вполтину так, как он того заслуживает, когда он был рядом. Но теперь как бы я хотела увидеть его, когда все, кажется, покинули меня и я совсем одна.

И, сжимая в руке маленькую записку как обещание, которому еще предстоит исполниться, Джо положила голову на подвернувшийся мешок с лоскутками и заплакала, словно отвечая дождю, стучавшему по крыше.

Была это жалость к себе, одиночество или плохое настроение?

Или это было пробуждение чувства, которое ожидало подходящего момента, так же как и тот, кто был его причиной?

Кто скажет?

Глава 20

Сюрпризы

Джо была совсем одна в сумерках, лежала на старом диване, глядела на огонь и думала.

Она любила так проводить этот вечерний час; никто не тревожил ее там, и она привыкла лежать, положив голову на маленькую красную подушку Бесс, сочиняя сюжеты рассказов, мечтая или думая нежные думы о сестре, которая никогда не казалась слишком далеко.

Лицо ее было усталым, серьезным и довольно грустным; завтра был ее день рождения, и она думала о том, как летят годы, какой старой становится она и как мало успела совершить.

Почти двадцать пять — и нечем похвастаться.

Джо заблуждалась — похвастаться можно было многим, и со временем она поняла это и была благодарна.

— Старой девой — вот кем я буду.

Незамужняя литературная дама, с пером вместо супруга, семейством рассказов вместо детей, — а лет через двадцать, быть может, мне достанется и немного славы, когда я, подобно бедному Джонсону, не смогу ею насладиться, так как буду старой и не с кем мне будет ее разделить, так как буду одинока, да и нуждаться в ней не буду, так как стану совсем независимой от чужого мнения.

Впрочем, никто не заставляет меня становиться брюзгливой святой или себялюбивой грешницей, да и, смею думать, старым девам живется совсем неплохо, когда они привыкают к своему положению, но... — И тут Джо вздохнула, словно такая перспектива все же не была заманчивой.

Она редко кажется заманчивой, и тридцатилетие кажется концом всего тому, кому двадцать пять.

Но дело обстоит не так плохо, как можно подумать, и человек живет вполне счастливо, если способен найти прибежище в себе самом.

В двадцать пять девушки начинают называть себя старыми девами, но втайне решают, что никогда ими не будут; в тридцать они ничего не говорят, но спокойно принимают этот факт и, если разумны, утешаются тем, что впереди у них еще двадцать полезных, счастливых лет, когда они могут научиться стареть красиво.

Не смейтесь над старыми девами, милые девушки, ибо часто очень нежные и трагические романы скрыты в сердцах, что бьются так спокойно под строгими платьями, и самоотверженность, с которой они принесли в жертву молодость, здоровье, стремления, мечты и саму любовь, делает их увядшие лица красивыми в глазах Бога.

Даже к печальным, ворчливым сестрам нужно относиться с добротой, если не по какой иной причине, то хотя бы по той, что им не довелось узнать о самом сладком в жизни.

И, глядя на них с сочувствием, не с презрением, цветущие девушки должны помнить, что они тоже могут упустить время цветения, что щеки не всегда останутся розовыми, что серебряные нити появятся в буйных каштановых кудрях и что со временем доброжелательность и уважение будут для них так же приятны, как любовь и восхищение сейчас.

Джентльмены, что значит — мальчики и юноши, будьте любезны со старыми девами, как бы бедны, некрасивы и чопорны они ни были, ибо единственный рыцарский дух, заслуживающий того, чтобы им обладать, — это тот, который с готовностью оказывает почтение старости, защищает слабого и служит женщинам, независимо от их положения в обществе, возраста или красоты.

Лишь вспомните добрых тетюшек, которые не только поучают и пристают с пустяками, но нянчат и ласкают, слишком часто не получая благодарности; вспомните глупые истории, из которых они помогли вам выпутаться, деньги, которые они давали вам из своих скудных запасов, швы, которые терпеливые старые пальцы проложили для вас, ступеньки, по которым старые ноги с готовностью прошли, — и с благодарностью оказывайте милым старым дамам те маленькие знаки внимания, которые женщины любят получать всегда, пока живут.

Быстроглазые девушки сразу заметят это, и вы понравитесь им от этого еще больше, а если смерть, эта почти единственная сила, способная разлучить мать и сына, осиротит вас, можете быть уверены, что найдете нежный прием и материнскую ласку у какой-нибудь тети Присциллы, которая сохранила самый теплый уголок в своем одиноком старом сердце для «лучшего в мире племянника».

Джо, должно быть, уснула (как, боюсь, и мой читатель во время этого маленького поучения), ибо вдруг перед ней встал призрак Лори — плотный, похожий на живого человека призрак, — склонившийся над ней с тем самым взглядом, который бывал у него, когда его переполняли чувства и он не хотел этого показать.

Но, как героиня старинной английской баллады, «она поверить не могла, что был он перед ней», и лежала, глядя на него в ошеломленном молчании, пока он не наклонился и не поцеловал ее.

Тогда она узнала его и вскочила, радостно крича:

— О мой Тедди!

Мой Тедди!

— Дорогая Джо, значит, ты рада меня видеть?

— Рада!

Мой благословенный мальчик, нет слов выразить мою радость.

А где Эми?

— Твоя мама взялась за нее у Мег.

Мы зашли туда по пути, и моей жене не вырваться из их объятий.

— Твоей... кому? — воскликнула Джо, так как Лори произнес эти два слова с невыразимой гордостью и удовлетворением, выдавшими его.

— Ах, черт!

Ну да, я сделал это. — И вид у него был такой виноватый, что Джо вспыхнула негодованием:

— Взял и женился!

— Да, простите, больше не буду. — И он опустился на колени, покаянно сложив руки и с выражением лица, полным озорства, веселья и торжества.

— И вы на самом деле женаты?

— И даже очень.

— Спаси и помилуй!

Какую еще ужасную вещь ты сделаешь дальше? — И Джо упала на стул, задыхаясь.

— Характерное, но не совсем лестное поздравление, — ответил Лори, все еще в смиренной позе, но сияя удовлетворением.

— Чего же еще ты ожидаешь, если ошеломляешь человека, подкравшись как вор и выдавая секрет таким вот образом?

Встань, смешной ты мальчик, и расскажи мне все.

— Ни слова, пока ты не позволишь мне сесть на мое прежнее место и пообещаешь не отгораживаться.

Джо засмеялась, как не смеялась уже давно, и, приглашающе похлопав по дивану, сказала сердечным тоном:

— Старый валик на чердаке, и теперь он нам не нужен; садись, Тедди, и признавайся.

— Как приятно слышать это твое

«Тедди»!

Никто не называет меня так, кроме тебя. — И Лори сел очень довольный.

— Как тебя зовет Эми?

— Милорд.

— Похоже на нее.

Да, пожалуй, ты так и выглядишь. — И глаза Джо ясно сказали, что ее мальчик показался ей милее, чем когда-либо.

Валик исчез, но преграда тем не менее была — естественная, воздвигнутая временем, разлукой и переменой чувств.

Оба ощущали ее и с минуту смотрели друг на друга так, словно эта невидимая преграда бросала на них легкую тень.

Она, впрочем, исчезла, когда Лори сказал, тщетно пытаясь принять почтенный вид:

— Разве я не похож на женатого человека и главу семьи?

— Ни капли и никогда не будешь.

Ты становишься лучше и красивее, но ты все тот же шалопай.

— Право, Джо, тебе следовало бы относиться ко мне с большим уважением, — начал Лори, невероятно наслаждавшийся происходящим.

— Как я могу, когда сама мысль о тебе, женатом и остепенившемся, так непреодолимо смешна, что я не могу оставаться серьезной! — отвечала Джо, улыбаясь во весь рот так заразительно, что оба снова засмеялись, а затем уселись поговорить, совсем как в старое доброе время.

— Нет смысла тебе, Джо, выходить на улицу в такой холод, чтобы встретить Эми: они все сейчас придут сюда.

Я не мог ждать; я хотел преподнести тебе великий сюрприз и «снять первые сливки», как мы говорили, когда в шутку вздорили из-за молока.

— И ты, конечно, пришел и испортил весь сюрприз, начав не с того конца.

Ну, начни сначала и расскажи мне, как все произошло.

Мне до смерти хочется узнать.

— Я сделал это, чтобы доставить удовольствие Эми, — начал Лори с лукавой искрой в глазах,

заставившей Джо воскликнуть:

— Вранье номер один!

Эми сделала это, чтобы доставить удовольствие тебе.

Продолжайте, сэр, и говорите правду, если можете.

— Ну и ну, она начинает придираться; не смешно ли слышать? — сказал Лори, обращаясь к огню в камине, и пламя покраснело и вспыхнуло, словно вполне соглашаясь с ним.

— Это одно и то же, ведь теперь я и она — это одно.

Мы собирались приехать домой с Кэрролами; они должны были вернуться около месяца назад, но неожиданно передумали и решили провести еще одну зиму в Париже.

Но дедушка хотел вернуться домой; он отправился в это путешествие ради меня, так что я не мог отпустить его одного, и оставить Эми тоже не мог. А у миссис Кэррол все эти английские предрассудки насчет приличий, и компаньенок, и прочей чепухи, и она не позволила бы Эми ехать с нами.

И тогда я разрешил все сложности, сказав:

«Поженимся — и тогда сможем поступать как хотим».

— И конечно, ты это сделал; ты всегда настоишь на своем.

— Не всегда. — И что-то в голосе Лори заставило Джо сказать поспешно:

— Но как вам удалось добиться согласия тети?

— Это был тяжелый труд, но, между нами, мы убедили ее, ведь на нашей стороне была куча существенных причин.

Времени, чтобы писать и просить позволения, не было, но вам всем нравилось это, и вы уже были согласны, так что оставалось только «брать время под уздцы», как выражается моя жена.

— Ну не горды ли мы и не нравится ли нам повторять эти два слова? — перебила его Джо, в свою очередь обращаясь к огню и с удовольствием замечая счастливый свет, который он, казалось, зажигал в глазах, что были так трагически мрачны, когда она видела их в последний раз.

— Что ж, пожалуй; она такая очаровательная маленькая женщина, что я не могу не гордиться ею... Ну, а потом, тетя и дядя все же были там для соблюдения приличий.

Мы были так поглощены друг другом, мы никуда не годились врозь — а это замечательное решение сделало все простым, и мы приняли его.

— Когда, где, как? — спрашивала Джо в горячке женского нетерпения и любопытства, так как не могла осознать все это по частям.

— Шесть недель назад, у американского консула в Париже, очень тихая свадьба, разумеется, ведь даже в нашем счастье мы не могли забыть о дорогой нашей Бесс.

Джо вложила руку в его ладонь, когда он сказал это, а он нежно провел рукой по маленькой красной подушке, которую хорошо помнил.

— Но почему вы не сообщили нам после свадьбы? — спросила Джо уже спокойнее, когда они просидели совершенно неподвижно с минуту.

— Мы хотели сделать вам сюрприз.

Сначала мы думали, что поедem прямо домой, но милый старик, как только мы поженились, обнаружил, что будет готов к отъезду не раньше чем через месяц, и отправил нас проводить медовый месяц где нам угодно.

Эми однажды назвала Вальрозу настоящим раем для новобрачных, и мы поехали туда — и были так счастливы, как люди бывают счастливы только раз в жизни.

Клянусь честью!

Это была любовь среди роз!

Лори на минуту словно забыл о Джо, и она была этому рада, ведь то, что он так свободно и естественно рассказывал ей об этом, уверило ее, что он совсем простил и забыл.

Она попыталась забрать свою руку, но, угадав ее мысль, вызвавшую это почти невольное движение, Лори удержал ее руку и сказал с мужской серьезностью, которой она никогда не видела у него прежде:

— Джо, дорогая, я хочу сказать тебе кое-что, и больше мы никогда к этому не вернемся.

Помнишь, в том письме, в котором я писал, как добра была ко мне Эми, я сказал, что никогда не перестану любить тебя? Но любовь изменилась, и я понял, что так лучше.

Ты и Эми поменялись местами в моем сердце, вот и все.

Я думаю, так было суждено и произошло бы само собой, если бы я подождал, как ты и пыталась меня заставить. Но я никогда не отличался терпением, и это была такая сердечная мука.

Тогда я был мальчик, упрямый и порывистый, и потребовался тяжелый урок, чтобы показать мне мою ошибку.

Ведь это действительно была ошибка, Джо, как ты и говорила, но я понял это только после того, как поставил себя в дурацкое положение.

Честное слово, одно время я был в таком смятении, что не знал, кого люблю больше — тебя или Эми, и пытался любить обеих одинаково, но не мог, а когда я увидел ее в Швейцарии, все прояснилось, кажется, в один миг.

Вы обе заняли в моем сердце те места, которые должны были занять, и я был уверен, что излечился от старой любви прежде, чем возникла новая, и что я могу честно поделить мое сердце между сестрой Джо и женой Эми и горячо любить обеих.

Ты согласишься этому и согласишься вернуться к старым добрым временам, когда мы впервые узнали друг друга?

— Я верю этому всей душой, но, Тедди, мы никогда не сможем опять быть мальчиком и девочкой; старые добрые времена не вернутся, и мы не должны ожидать этого.

Теперь мы мужчина и женщина, время игр позади, у нас есть дела посерьезнее, и мы должны оставить шалости.

Я уверена, что и ты это чувствуешь.

Я вижу перемену в тебе, и ты найдешь ее во мне.

Мне будет не хватать моего мальчика, но я буду так же сильно любить мужчину и восхищаться им даже больше, так как он становится тем, кем, я надеялась, он будет.

Мы не можем больше быть друзьями игр, но мы будем братом и сестрой, чтобы любить друг друга и

помогать друг другу всю жизнь, да, Лори?

Он не сказал ни слова, но взял протянутую ему руку и прижался к ней лицом, чувствуя, что из могилы мальчишеской страсти поднялась красивая, крепкая дружба, чтобы осчастливить их обоих.

Вскоре Джо сказала весело, так как ей не хотелось, чтобы его возвращение было печальным:

— Не могу поверить, что вы, дети, в самом деле женаты и собираетесь вести свое хозяйство!

Кажется, еще вчера я застегивала передник Эми и дергала тебя за волосы, когда ты меня дразнил.

Боже, как летит время!

— Так как один из «детей» старше тебя, нечего изображать бабушку.

Льщу себя надеждой, что я «джентльмен взрослый», как сказала Пеготти о Дэвиде Копперфилде, а когда ты увидишь Эми, то найдешь ее чересчур большим дитятей, — сказал Лори, усмехаясь ее материнскому виду.

— Может быть, ты и старше меня годами, Тедди, но я старше чувствами.

С женщинами всегда так, а этот последний год был таким тяжелым, что я чувствую себя сорокалетней.

— Бедная Джо!

Мы оставили тебя нести это бремя одну, а сами развлекались.

Да, ты стала старше, вот морщинка, вот другая; когда ты не улыбаешься, глаза у тебя печальные, а когда я только что коснулся подушки, то почувствовал на ней слезу.

Тебе пришлось многое перенести — и перенести одной.

Каким я был себялюбивым чудовищем! — И Лори дернул себя за волосы, с полным раскаяния взглядом.

Но Джо лишь перевернула предательскую подушку и ответила, стараясь говорить бодро:

— Нет, я была не одна. Мне помогали папа и мама, здесь были милые малыши, и мысль, что у тебя и Эми все хорошо и что вы счастливы, тоже помогала мне легче переносить горе.

Да, иногда мне одиноко, но, смею думать, это полезно для меня и...

— Больше ты никогда не будешь одинока, — вставил Лори, обняв ее, словно хотел защитить от бед.

— Мы с Эми не сможем без тебя, так что ты должна прийти и научить «детей», как вести хозяйство, и участвовать во всем, как это было прежде, и позволить нам ласкать и баловать тебя, и все будут блаженно счастливы вместе.

— Если я не буду мешать, что ж, это было бы очень приятно.

Я снова начинаю чувствовать себя совсем юной, потому что мне кажется, все мои заботы улетели, когда вы вернулись.

Ты всегда был утешителем, Тедди! — И Джо положила голову ему на плечо, так же как много лет назад, когда Бесс была больна, а Лори велел ей опереться на него.

Он взглянул на Джо, спрашивая себя, помнит ли она то время, но Джо улыбалась про себя, словно и вправду все ее заботы исчезли с его приездом.

— Ты все та же Джо, что роняет слезы, а через минуту смеется.

Вид у тебя сейчас очень озорной.

В чем дело, бабушка?

— Я думала, как вы с Эми ладите.

— Как ангелы.

— Да, конечно, так было в первое время; но кто из вас правит?

— Я не прочь сказать тебе, что сейчас она, по крайней мере я позволяю ей думать так — ей это нравится.

Постепенно мы меняемся ролями, ведь брак, говорят, наполовину уменьшает права каждого и удваивает обязанности.

— Вы продолжите, как начали, и Эми будет править тобой до конца ваших дней.

— Да, она делает это так незаметно, что я, пожалуй, не буду возражать.

Она из тех женщин, которые знают, как править.

Пожалуй, мне это даже нравится — она может вить веревки из человека так нежно и мило, как из мотка шелка, и ты при этом чувствуешь, что она все это время делает тебе одолжение.

— И вечно мне жить, глядя на этого мужа под башмаком жены, и наслаждаться этим! — воскликнула Джо, воздев руки.

Было приятно видеть, как Лори расправляет плечи и улыбается с мужским презрением, слыша такие предположения, и отвечает с величественным видом:

— Эми слишком хорошо воспитана для этого, а я не такой мужчина, чтобы это терпеть.

Моя жена и я слишком уважаем себя и друг друга, чтобы тиранить один другого и ссориться.

Джо понравились его слова, и она нашла, что это новое достоинство ему очень к лицу, но мальчик так быстро превращался в мужчину, что к ее удовольствию примешивалось сожаление.

— Я уверена в этом.

Ты и Эми никогда не ссорились — не так, как мы с тобой.

Она солнце, а я ветер из сказки, и солнце правило человеком лучше, помнишь?

— Она тоже может сдуть человека с ног, а не только сиять ему, — засмеялся Лори.

— Какой нагоняй я получил в Ницце!

Даю тебе слово, это было куда хуже, чем любой из твоих нагоняев, — настоящая взбучка.

Я расскажу тебе об этом когда-нибудь — она никогда не расскажет, ведь, сказав мне, что презирает меня и стыдится за меня, она потом отдала сердце презренному и вышла замуж за никуда не годного.

— Что за низость!

Если она будет обижать тебя, приходи ко мне; я за тебя заступлюсь.

— Похоже, что я в этом нуждаюсь, не так ли? — сказал Лори, вставая в театральную позу, которая неожиданно превратилась из внушительной в восторженную, когда послышался голос Эми:

— Где она?

Где моя милая Джо?

Вошла толпой вся семья, и все снова обнимались и целовались, и после нескольких неудачных попыток три путешественника уселись, чтобы на них глядели и ими восхищались.

Мистер Лоренс, как всегда бодрый и энергичный, тоже изменился после заграничной поездки, как и его юные спутники — его ворчливость почти совсем исчезла, а старомодная учтивость обрела блеск, сделавший ее более естественной, чем когда-либо.

Было приятно видеть, как он улыбается «моим детям» — так называл он юную пару.

Еще приятнее было видеть Эми, относившуюся к нему с дочерней почтительностью и любовью, которые совершенно покорили его старое сердце. И приятнее всего было наблюдать, как Лори вращается вокруг этих двоих, не уставая любоваться прекрасной картиной, которую они создавали.

Едва взглянув на Эми, Мег осознала, что ее собственное платье не имеет парижского шика, что юная миссис Лоренс совершенно затмила бы юную миссис Моффат и что «миледи» в целом весьма элегантная и изящная женщина.

Джо подумала, глядя на молодых:

«Как хорошо они выглядят вместе!

Я была права, и Лори нашел прелестную, хорошо воспитанную девушку, которая создаст ему семейный очаг лучше, чем неуклюжая Джо, и будет его гордостью, а не причиной мучений».

Миссис Марч и ее муж улыбались и кивали друг другу со счастливыми лицами. Они видели, что их младшая дочь преуспела не только в житейском смысле, но и обрета лучшее из богатств в любви, доверии, счастье.

Лицо Эми было полно ласкового оживления, свидетельствовавшего о безмятежности души, в ее голосе звучала какая-то новая нежность, а холодную чопорность сменило спокойное достоинство — и женственное, и покоряющее, — которое не было омрачено никаким мелким притворством.

Сердечность ее манер была даже более очаровательна, чем новая красота или прежнее изящество, ибо характеризовала ее сразу и однозначно как настоящую леди, какой она прежде надеялась стать.

— Любовь сделала многое для нашей маленькой девочки, — сказала ее мать с нежностью.

— Всю жизнь у нее перед глазами был хороший пример, моя дорогая, — шепнул мистер Марч, с любовью глядя на постаревшее лицо и седую голову рядом с ним.

Дейзи не могла отвести глаз от «красивой тети» и следовала за ней, как комнатная собачка за сказочной владелицей замка, обладающей волшебными чарами.

Деми немного выждал, чтобы обдумать новые родственные отношения, прежде чем подверг себя риску, приняв взятку, имевшую соблазнительную форму семейства деревянных медведей из Берна.

Впрочем, фланговый удар привел к его безусловному подчинению — Лори знал, чем завоевать его.

— Молодой человек, когда я имел честь впервые встретиться с вами, вы ударили меня в лицо.

Теперь я требую сатисфакции. — И с этими словами высокий дядюшка принялся подбрасывать своего маленького племянника и бороться с ним, уничтожив его философское достоинство так же, как и восхитив его мальчишескую душу.

— Ну не в шелках ли она с головы до ног? Ну не радость ли глядеть, как сидит она здесь в добром

здравии, а все-то называют нашу маленькую Эми миссис Лоренс? — бормотала старая Ханна, которая не могла не поглядывать на них, пока накрывала на стол самым беспорядочным образом.

Боже мой, как они говорили! Сначала один, потом другой, затем вдруг все вместе, пытаюсь рассказать за полчаса обо всем, что произошло за три года.

Счастье, что чай был готов и обеспечил перерыв и подкрепление, а то они непременно охрипли бы и ослабели.

Какая веселая процессия двинулась в столовую!

Мистер Марч с гордостью вел «миссис Лоренс», миссис Марч с такой же гордостью опиралась на руку «моего сына».

Старый джентльмен взял под руку Джо, шепнув:

«Теперь ты должна заменить мне мою девочку», и взглянул на пустой угол у камина, на что Джо шепнула в ответ дрожащими губами:

«Я постараюсь, сэр».

Близнецы скакали сзади, чувствуя, что до золотого века рукой подать, ведь все были заняты вновь прибывшими и предоставили малышам веселиться как им заблагорассудится, и можете быть уверены, что они воспользовались открывшимися возможностями самым наилучшим образом.

Разве не пили они чай, не объедались имбирными пряниками *adlibitum*, не получили горячее печенье каждый и — как верх преступления — не засунули они замечательные фруктовые пирожные в свои маленькие кармашки, где они коварно прилипли и раскрошились, наглядно показав им то, что и человеческая натура, и изделия из теста одинаково непрочны?

Обремененные сознанием преступления и опасаясь, что зоркие глаза тети Додо проникнут сквозь маскировку из батиста и шерсти, скрывавшую их добычу, маленькие грешники устроились возле дедушки, который сидел без очков.

Эми, которую передавали друг другу как диковину, вернулась в гостиную под руку со старым мистером Лоренсом; остальные пары остались без изменений, и Джо в результате оказалась без спутника.

Она не обратила на это внимания в ту минуту и задержалась в столовой, чтобы ответить на заинтересованные вопросы Ханны:

— А что, мисс Эми будет ездить теперь в карете и есть с тех красивых серебряных блюд, которые были сложены на хранение?

— Не удивлюсь, если она будет ездить на шестерке белых лошадей, есть на золоте и носить бриллианты и дорогие кружева каждый день.

По мнению Тедди, ничто не может быть слишком хорошо для нее, — ответила Джо с бесконечным удовлетворением.

— Так оно и есть!

А что на завтрак — мясо с подливкой или рыбные тефтельки? — спросила Ханна, ловко смешивая поэзию и прозу.

— Мне все равно. — И Джо закрыла дверь, чувствуя, что еда — неподходящая тема для такой минуты.

Она немного постояла, глядя вверх на веселую процессию, исчезающую в дверях гостиной, и, когда маленькие ножки Деми в клетчатых штанишках одолели последнюю ступеньку, чувство одиночества

внезапно овладело ею с такой силой, что она огляделась вокруг затуманенными глазами, словно ища, на что опереться, ведь даже Тедди покинул ее.

Если бы она знала, что подарок ко дню рождения все ближе и ближе с каждой минутой, она не сказала бы себе:

«Поплачу немного, когда пойду в постель, а сейчас не годится быть угрюмой».

И она провела рукой по глазам — одной из ее мальчишеских привычек было никогда не знать, где ее носовой платок, — и едва успела вернуть на лицо улыбку, когда раздался стук в парадную дверь.

Она с гостеприимной торопливостью распахнула дверь и широко раскрыла глаза, словно второй призрак явился, чтобы поразить ее, — на пороге стоял высокий бородатый джентльмен, сияя улыбкой из темноты, словно полуночное солнце.

— О, мистер Баэр, я так рада вас видеть! — воскликнула Джо, хватая его за руку, словно боясь, что ночь может поглотить его прежде, чем она успеет ввести его в дом.

— А я — видеть мисс Марч... но у вас гости... — И профессор умолк, когда сверху донеслись звуки веселых голосов и топот танцующих ног.

— Нет, никаких гостей, все свои.

Моя сестра и друзья только что вернулись из путешествия, и мы так рады.

Входите, присоединяйтесь к нам.

Я думаю, что хотя мистер Баэр и был очень общительным человеком, он, скорее всего, любезно отклонялся бы и зашел в другой день; но как мог он сделать это, когда Джо закрыла за ним дверь и отобрала шляпу?

Возможно, на его решение остаться повлияло и ее лицо, ведь она забыла скрыть радость при виде его и выразила свои чувства с искренностью, оказавшейся непреодолимо притягательной для одинокого человека, — такой прием далеко превосходил его самые смелые ожидания.

— Если я не буду Monsieur de Trop, я охотно познакомлюсь со всеми вами.

Вы были больны, мой друг?

Он задал этот вопрос неожиданно: когда Джо вешала его пальто, свет упал на ее лицо, и мистер Баэр заметил, как оно изменилось.

— Не больна, но устала и печальна.

С тех пор как мы с вами виделись в последний раз, наша семья пережила большое горе.

— Ах, да, я знаю.

Я был глубоко огорчен, когда услышал об этом. — Он с сочувствием пожал ей руку, и Джо показалось, что никакое утешение не может сравниться со взглядом этих добрых глаз и пожатием большой теплой руки.

— Папа, мама, это мой друг, профессор Баэр, — сказала она с такой безудержной радостью и гордостью в лице и голосе, что это было почти то же самое, как если бы она затрубила в трубу и распахнула дверь широким жестом.

Если у нового гостя были какие-то сомнения относительно того, как его встретят, они исчезли сразу же, так как прием ему был оказан самый сердечный.

Все приветствовали его любезно, сначала ради Джо, но очень скоро он сам вызвал их расположение.

Он не мог не понравиться, ибо обладал талисманом, открывавшим все сердца, и эти простые люди сразу почувствовали симпатию к нему, испытывая даже большее дружелюбие оттого, что он беден; ведь бедность делает богатыми тех, кто живет выше ее уровня, и является надежным пропуском к подлинно гостеприимным душам.

Мистер Баэр сел и огляделся с видом путешественника, который постучал в незнакомую дверь, а когда она открылась, обнаружил, что попал в родной дом.

Дети налетели на него, как пчелы на горшочек с медом, и, устроившись каждый на одном его колене, взяли в плен, обыскивая его карманы, трогая бороду и обследуя часы с юной дерзостью.

Женщины одобрительно кивнули друг другу, мистер Марч, чувствуя, что нашел родственную душу, открыл гостю свои самые сокровенные духовные запасы, в то время как молчаливый Джон слушал и наслаждался беседой, не говоря ни слова, а мистер Лоренс нашел невозможным задремать.

Если бы Джо не была занята другим, поведение Лори позабавило бы ее, так как неясная боль, не от ревности, но от чего-то похожего на подозрение, заставила этого джентльмена сначала остаться в стороне и наблюдать за новым гостем с настороженностью, как если бы он был ее братом.

Но это продолжалось недолго.

Он невольно заинтересовался и, незаметно для себя, был втянут в беседу, так как мистер Баэр говорил очень хорошо в этой приятной дружеской обстановке и показал себя с самой лучшей стороны.

Он редко обращался к Лори, но часто смотрел на него, и тень пробежала по его лицу, словно вид этого молодого человека в расцвете сил вызывал у него сожаления о собственной ушедшей юности.

Потом его глаза устремлялись на Джо так печально, что она несомненно ответила бы на этот немой вопрос, если бы видела его; но Джо приходилось заботиться о собственных глазах, и, чувствуя, что им нельзя доверять, она благоразумно не отводила их от маленького носка, который вязала, как образцовая незамужняя тетушка.

Но каждый из нескольких брошенных украдкой взглядов освежал ее, как глоток чистой воды после прогулки по пыльной дороге, так как эти взгляды искоса открыли ей несколько благоприятных знаков.

Лицо мистера Баэра утратило прежнее рассеянное выражение и казалось оживленным и заинтересованным и даже молодым и красивым, как подумала она, забыв сравнить его с Лори, с которым обычно сравнивала всех мужчин, что было для них чрезвычайно невыгодно.

Кроме того, мистер Баэр выглядел весьма воодушевленным, хотя погребальные обряды древних, о которых случайно зашел разговор, не могли рассматриваться как волнующая тема.

А когда Тедди был побежден в споре, Джо покраснела от торжества и подумала, взглянув на лицо увлеченного разговором отца:

«Как бы он был рад, если бы рядом с ним всегда был такой человек, как мой профессор, чтобы беседовать с ним каждый день!»

И, наконец, мистер Баэр был одет в новый черный костюм, в котором выглядел джентльменом больше чем когда-либо.

Его густые волосы были подстрижены и приглажены щеткой, но не остались надолго в порядке, так как в минуты волнения он взъерошивал их рукой по своей забавной привычке; и Джо больше нравилось, когда они грозно торчали, чем когда лежали ровно, — она считала, что они придают его красивому лбу что-то от облика Юпитера.

Бедная Джо, как она возвеличивала этого простого человека, пока сидела и усердно вязала, не позволив тем не менее ничему ускользнуть от ее внимания, даже тому факту, что у мистера Баэра были золотые запонки в его ослепительно белых манжетах.

«Милый старина!

Он не мог бы нарядиться тщательнее, даже если б собрался ухаживать за девушкой», — сказала Джо себе, и тогда неожиданная мысль, вызванная этими словами, заставила ее так отчаянно покраснеть, что ей пришлось уронить клубок и наклониться за ним, чтобы спрятать лицо.

Однако маневр удался не так хорошо, как она ожидала, так как, уже стоя у погребального костра, который собирался поджечь, профессор, метафорически выражаясь, уронил свой факел и нырнул за маленьким голубым клубочком.

Конечно же, они очень ловко стукнулись лбами, у обоих из глаз посыпались искры, и они выпрямились, красные и смеющиеся, без клубка, чтобы сесть на свои места, сожалея о том, что вскочили.

Никто не знал, когда закончится вечер, так как Ханна уже успела ловко удалить из комнаты сонных малышей, кивавших как два румяных мака, а мистер Лоренс отправился домой отдыхать.

Остальные сидели у огня и увлеченно беседовали, совершенно забыв о течении времени, пока Мег, чей материнский ум был угнетен твердой уверенностью, что Дейзи вывалилась из кровати, а Деми поджег свою ночную рубашку, изучая устройство спичек, не встала, чтобы уйти.

— Мы должны спеть на ночь по нашему доброму старому обычаю, потому что мы опять все вместе, — сказала Джо, чувствуя, что, хорошо покричав, сможет дать безопасный и приятный выход переполняющему душу ликованию.

Они не все были там.

Но никто не счел эти слова необдуманными или неправильными: Бесс, казалось, по-прежнему была среди них, тихая, невидимая, но все такая же дорогая, ибо смерть не могла разрушить семейный союз, который любовь сделала нерасторжимым.

Маленькое кресло было все в том же уголке; аккуратная рабочая корзинка с шитьем, которое она не закончила, когда игла стала «такой тяжелой», была на своей обычной полке; ее любимое пианино, на котором теперь редко играли, стояло на старом месте; и над ним было лицо Бесс, безмятежное и улыбающееся, как в Давние дни, оно смотрело на них, словно говоря:

«Будьте счастливы.

Я здесь».

— Сыграй что-нибудь, Эми.

Пусть они послушают, как хорошо ты научилась играть, — сказал Лори с простительной гордостью за свою подающую надежды ученицу.

Но Эми шепнула с глазами, полными слез, покрутив вращающийся табурет у пианино:

— Не сегодня, дорогой.

Я не хочу показывать свои умения в этот вечер.

Но она показала нечто лучшее, чем блеск и мастерство, когда пела песни Бесс с нежной мелодичностью в голосе, которой не может научить самый лучший учитель, и тронула сердца своих слушателей с большей силой, чем та, которую могло дать ей любое другое вдохновение.

В комнате было очень тихо, когда звонкий голос вдруг прервался на последней строке любимого гимна Бесс.

Было тяжело произнести:

«И горя нет такого на земле, что небо исцелить бы не смогло», и Эми склонила голову на плечо стоявшего рядом с ней мужа, чувствуя, что среди всех поздравлений по случаю возвращения ей не хватает поцелуя Бесс.

— Ну, а кончим песней Миньоны. Мистер Баэр ее очень хорошо поет, — сказала Джо, прежде чем пауза стала томительной.

И мистер Баэр прочистил горло с благодарным

«Гм!» и, шагнув в угол, где сидела Джо, сказал:

— Вы споете со мной?

У нас отлично получается вместе.

Приятная выдумка, между прочим, поскольку Джо имела не больше представления о музыке, чем сверчок.

Но она согласилась бы, даже если бы он предложил пропеть целую оперу, и заливалась, не обращая внимания на ритм и мелодию.

Но это не испортило песню, так как мистер Баэр пел как настоящий немец, с чувством и хорошо, и Джо вскоре стала лишь тихонько подпевать, чтобы ей было слышно мягкий голос, певший, казалось, для нее одной.

«Ты знаешь ли край, где цветет лимон?» — эта строка была любимой строкой профессора, потому что «край» означал для него Германию, но теперь он выделил с особой теплотой и музыкальностью другие слова:

Туда, ах, туда, я мог бы с тобой.

Любимая, вместе уйти,

После этого нежного приглашения сердце одной из слушательниц затрепетало восторгом, и ей очень захотелось сказать, что она знает тот край, и с радостью отправилась бы туда с певцом, когда ему будет угодно.

Песня имела большой успех, и певец отступил на свое место, увенчанный лаврами.

Но несколько минут спустя он совершенно забыл о приличиях и уставился на Эми, которая надевала шляпку, — она была представлена ему просто как «сестра», и никто не обращался к ней как к «миссис Лоренс», с тех пор как появился новый гость.

Он забылся еще больше, когда Лори сказал самым любезным тоном, прощаясь:

— Мы с женой были очень рады познакомиться с вами, сэр.

Не забудьте, мы всегда будем рады вам, если вы зайдете к нам как-нибудь по пути.

Тогда профессор поблагодарил его так горячо и так засиял от удовольствия, что Лори нашел его самым замечательно непосредственным человеком из всех, каких когда-либо встречал.

— Я тоже ухожу, но я охотно пришел бы еще раз, если вы дадите мне позволение, мадам, так как я приехал по делам и пробуду в городе несколько дней.

Он обращался к миссис Марч, но смотрел на Джо, и в голосе матери прозвучало такое же искреннее согласие, какое сияло в глазах дочери, так как миссис Марч была далеко не так слепа в том, что касалось интересов ее детей, как предполагала миссис Моффат.

— Я полагаю, что он умный человек, — заметил мистер Марч со спокойным удовлетворением, остановившись на коврике у камина, когда ушел последний гость.

— Я уверена, что он добрый человек, — добавила миссис Марч с решительным одобрением в голосе, заводя каминные часы.

— Я знала, что он вам понравится, — вот и все, что сказала Джо, прежде чем уйти спать.

Она задумалась о том, какие дела привели мистера Баэра в их город, и, наконец, решила, что он был удостоен высоких почестей где-нибудь, но по скромности не упоминает об этом обстоятельстве.

Если бы она видела его лицо, когда, оказавшись наконец в своей комнате, он смотрел на портрет суровой и непреклонной юной леди с изрядным количеством волос, мрачно вглядывающейся в будущее, это, возможно, пролило бы некоторый свет на причины его появления в городе, особенно когда он погасил лампу и в темноте поцеловал портрет.

Глава 21

Милорд и миледи

— Простите, наша мама, но не могли бы вы одолжить мне мою жену на полчаса?

Пришел наш багаж, и я перевернул все парижские наряды Эми, но не нашел тех вещей, которые мне нужны, — сказал Лори, когда на следующий день вошел в гостиную семейства Марч и обнаружил, что миссис Лоренс сидит на коленях у матери, словно снова стала «малышкой».

— Конечно.

Иди, дорогая, я забыла, что у тебя есть другой родной дом, кроме этого. — И миссис Марч пожала белую ручку с обручальным кольцом на пальце, словно прося прощения за жадность материнской любви.

— Я не прибежал бы, если бы мог справиться сам; но я могу обойтись без моей маленькой женщины не больше чем...

— Флюгер без ветра, — предложила Джо, когда он сделал паузу в поисках подходящего сравнения.

Она снова стала прежней бойкой Джо, с тех пор как Тедди вернулся домой.

— Вот именно, Эми заставляет меня указывать на запад и лишь время от времени поворачивает на юг, и не было ни одного порыва восточного ветра, с тех пор как я женат; не знаю ничего насчет северного, но, кажется, он тоже вполне здоровый и благотворный, а, миледи?

— Пока погода прекрасная; не знаю, сколько так продержится, но я не боюсь бурь, потому что учусь вести мой корабль.

Пойдем домой, дорогой, я найду твой сапожный крючок.

Я полагаю, что именно его ты разыскивал в моих вещах.

Мужчины такие беспомощные, мама, — сказала Эми с видом почтенной дамы, чем привела в восторг своего мужа.

— Что вы собираетесь делать, когда устроитесь на месте? — спросила Джо, застегивая плащ Эми, как прежде застегивала ее переднички.

— У нас есть планы; пока мы не хотим много об этом говорить, потому что мы такие новые метлы, но бездельничать не собираемся.

Я войду в курс дел дедушкиной компании и буду работать с таким рвением, чтобы он восхитился и понял, на что я способен.

Мне нужно такое занятие; я устал бездельничать и собираюсь работать как мужчина.

— А Эми, что она намерена делать? — спросила миссис Марч, очень довольная решимостью Лори и энергией, с которой он говорил.

— Когда мы нанесем визиты вежливости и покажем всем нашу лучшую шляпку, мы поразим вас изяществом и гостеприимством нашего особняка, великолепием общества, которое мы соберем вокруг нас, и тем благотворным влиянием, какое будем оказывать на мир в целом.

Вот так, не правда ли, *madam Recamier*? — спросил Лори, добродушно поддразнивая Эми.

— Время покажет.

Пойдем, насмешник, и не шокируй мою семью, обзывая меня в их присутствии, — ответила Эми, решившая, что сначала должен быть дом и хорошая жена, прежде чем создавать салон в качестве королевы общества.

— Как эти дети счастливы вместе! — заметил мистер Марч, когда юная пара ушла. Ему было трудно опять погрузиться в своего Аристотеля.

— Да, и я думаю, так будет и дальше, — добавила миссис Марч со спокойствием лоцмана, который благополучно при вел корабль в порт.

— Я знаю, что будет.

Счастливая Эми! — И Джо вздохнула, а затем оживленно улыбнулась, увидев, как профессор Баэр открывает калитку нетерпеливым толчком.

В тот же вечер, когда его опасения относительно сапожного крючка рассеялись, Лори неожиданно сказал своей жене, которая порхала с места на место, расставляя и развешивая свои художественные сокровища:

— Миссис Лоренс!

— Милорд?

— Этот человек собирается жениться на нашей Джо!

— Надеюсь, а ты, дорогой?

— Что ж, любовь моя, я считаю его славным малым, в самом полном смысле этого выразительного словосочетания, но я хотел бы, чтобы он был немного помоложе и гораздо богаче.

— Ну, Лори, не будь слишком привередливым и чересчур практичным.

Если они любят друг друга, совершенно неважно ни сколько им лет, ни насколько они бедны.

Женщины никогда не выходят замуж из-за денег... — Эми спохватилась, когда эти слова вырвались у нее, и взглянула на мужа, который ответил с коварной серьезностью:

— Конечно нет, хотя можно услышать иногда, как очаровательные девушки говорят, что собираются это сделать.

Если мне не изменяет память, ты некогда думала, что твой долг сделать хорошую партию; этим

объясняется, возможно, почему ты вышла замуж за такого никчемного человека, как я.

— О, мой дорогой мальчик, не говори, не говори так!

Я забыла, что ты богат, когда говорила «да».

Я вышла бы за тебя, даже если б ты не имел ни гроша, и иногда мне хочется, чтобы ты был беден, чтобы я могла показать тебе, как сильно тебя люблю.

— И Эми, которая была очень величественной на людях и очень нежной дома, представила убедительные подтверждения своих слов.

— Ты ведь не думаешь, что я то корыстное существо, каким когда-то пыталась быть, правда?

Ты разобьешь мне сердце, если не согласишься, что я с радостью согласилась бы грести с тобой всю жизнь в одной лодке, даже если бы ты был перевозчиком на том озере.

— Разве я идиот или скотина?

Как мог бы я думать так, когда ты отказала более богатому, чем я, человеку ради меня, и теперь не позволяешь мне дать тебе и половину того, что я хотел бы дать, когда у меня есть на это право?

Девушки поступают так каждый день, бедняжки, и их учат думать, что в этом их единственное спасение; но тебе давали лучшие уроки, и, хотя я боялся за тебя одно время, я не был разочарован, потому что дочь была верна тому, чему учила ее мать.

Я так и сказал нашей маме вчера, и она была так довольна и благодарна, словно я дал ей чек на миллион, чтобы потратить на благотворительность.

Но вы не слушаете моих нравоучительных рассуждений, миссис Лоренс. — И Лори умолк, потому что у Эми был отсутствующий взгляд, хотя ее глаза были устремлены на его лицо.

— Да, я слушаю и в то же время люблюсь ямочкой на твоём подбородке.

Я не хочу сделать тебя самодовольным, но должна признаться, что я больше горжусь моим красивым мужем, чем всеми его деньгами.

Не смейся, но твой нос — такое утешение для меня. — И Эми нежно провела по его прекрасной формы носу с удовлетворением художника.

Лори получил немало комплиментов за свою жизнь, но ни один не пришелся ему по вкусу больше, чем этот, что было ясно видно, хоть он и посмеялся над странным вкусом своей жены. Он еще смеялся, когда она сказала медленно:

— Могу я задать тебе вопрос, дорогой?

— Конечно.

— Тебе будет неприятно, если Джо выйдет замуж?

— О, вот в чем причина беспокойства.

А я думал, что-то не так с моей ямочкой.

Я не собака на сене, а счастливейший человек на свете и уверяю тебя, что смогу танцевать на свадьбе Джо с легким сердцем.

Ты сомневаешься, дорогая?

Эми взглянула на него и осталась довольна; последние ревнивые страхи исчезли навсегда, и она

поблагодарила его с выражением любви и доверия на лице.

— Хорошо бы сделать что-нибудь для этого замечательного профессора.

Не могли бы мы изобрести какого-нибудь богатого родственника, который любезно умер бы в Германии и оставил ему кругленькую сумму в наследство? — сказал Лори, когда они начали прохаживаться туда и обратно по длинной гостиной рука об руку, как они любили делать в память о прогулках в саду замка.

— Джо выведет нас на чистую воду и все испортит; она им очень гордится и сказала вчера, что, по ее мнению, бедность — это прекрасно.

— О, добрая душа!

Она не будет так думать, когда будет иметь ученого мужа и десяток маленьких профессорят, которых нужно кормить.

Мы не станем вмешиваться пока, но выждем удобный случай и окажем им добрую услугу против их желания.

Я отчасти обязан Джо моим образованием, а она считает, что люди честно должны платить свои долги, так что я сумею ее на этом перехитрить.

— Как это чудесно — иметь возможность помогать другим, правда?

Это всегда было моей мечтой, и благодаря тебе мечта осуществилась.

— О, мы сделаем много добрых дел, не правда ли?

Есть разновидность бедности, которая вызывает у меня особенное желание помочь.

Явно нищие получают помощь, но бедным благородным людям приходится скверно, потому что они не попросят, а богатые не осмелятся предложить им воспользоваться благотворительностью.

Но есть сотни способов помочь им, если только знать, как сделать это деликатно, чтобы не обидеть.

Должен сказать, что я охотнее помогу бедному гордому джентльмену, чем сладкоречивому нищему; я полагаю, что это неправильно, но я поступаю так, хотя это и труднее.

— Потому что, чтобы поступить так, нужно быть джентльменом, — добавил второй член общества взаимного восхищения.

— Спасибо, боюсь, я не заслуживаю такого приятного комплимента.

Но я хотел сказать, что в то время, когда я бездельничал за границей, я видел немало талантливых молодых людей, приносящих всякого рода жертвы и переносящих подлинные тяготы жизни, чтобы осуществить свои мечты.

Замечательные люди, некоторые из них мужественно трудятся, без денег и друзей, но столько в них смелости, терпения и целеустремленности, что мне было стыдно за себя и очень хотелось оказать им добрую услугу.

Это люди, помогать которым — благодарный труд: если у них есть таланты, то это честь — иметь возможность оказать им поддержку и не дать этим талантам погибнуть или поздно проявиться только из-за того, что у этих людей не было куска хлеба; если же талантов нет, то это удовольствие — утешить бедные души и не дать им впасть в отчаяние, когда они это поймут.

— Да, и есть другая разновидность бедняков, которые не могут просить и страдают молча.

Мне кое-что известно об этом, так как я сама принадлежала к этой разновидности, пока ты не сделал меня принцессой, как король нищенку в сказке.

Целеустремленным девушкам приходится нелегко, Лори, и часто им приходится смотреть, как уходит юность, здоровье и драгоценные возможности только из-за того, что не нашлось никого, чтобы немного помочь в нужную минуту.

Люди были очень добры ко мне; и всякий раз, когда я вижу девушек, которые сами пробивают себе дорогу, как это делали мы, мне хочется протянуть руку и помочь так, как помогали мне.

— И ты поможешь им, как добрый ангел. Ты и есть ангел! — воскликнул Лори, решив в пылу филантропического рвения основать и обеспечить постоянным доходом учреждение для оказания помощи молодым женщинам с художественными склонностями.

— Богатые люди не имеют права сесть и наслаждаться или копить деньги, чтобы потом кто-то бросал их на ветер.

Гораздо разумнее мудро тратить их, пока ты жив, и радоваться, что делаешь счастливыми ближних, чем оставлять кому-то наследство.

Мы будем сами жить хорошо и доставим себе дополнительное удовольствие, щедро делясь с другими.

Ты согласна быть маленькой Доркас, что ходит повсюду, раздавая дары из большой корзины и наполняя ее добрыми делами?

— Согласна, всей душой, если ты будешь мужественным Святым Мартином, что скачет по свету на своем коне и останавливается, чтобы поделиться своим плащом с нищим.

— Договорились; и мы победим!

И они пожали друг другу руку и продолжали довольные ходить по гостинной, чувствуя, что в их красивом доме еще уютнее оттого, что они надеются сделать счастливыми другие дома, зная, что пойдут увереннее по своему усыпанному цветами пути, если сделают ровнее ухабистую дорогу для других, и, ощущая, что их сердца еще теснее связаны любовью, которая не забывает о тех, кто менее счастлив, чем они.

Глава 22

Дейзи и Деми

Я не могу считать, что исполнила свой долг в качестве скромного историка семейства Марч, если не посвящу хотя бы одну главу двум самым любимым и важным его членам.

Дейзи и Деми вступили в тот возраст, когда человек начинает нести ответственность за свои поступки, так как в наш стремительный век дети трех или четырех лет предъявляют свои права и даже добиваются их осуществления, а это куда больше, чем порой удастся сделать многим из тех, кто гораздо старше их.

Если были на свете близнецы, которым грозило быть окончательно испорченными всеобщим обожанием, это были младшие Бруки.

Разумеется, это были самые замечательные дети из всех когда-либо живших на свете, и это станет очевидно, если я упомяну, что они ходили в восемь месяцев, бегло говорили в двенадцать, а в два года уже сидели за столом и вели себя с благопристойностью, очаровывавшей зрителей.

В три года Дейзи потребовала «иглю» и, сделав всего четыре стежка, сшила мешочек; она также занялась ведением кукольного домашнего хозяйства в шкафу и управлялась с крошечной кухонной плитой с таким мастерством, что на глаза у Ханны наворачивались слезы гордости. Деми учил буквы

со своим дедушкой, который изобрел новый способ обучения, при котором буквы изображались с помощью рук и ног, что обеспечивало тренировку одновременно и ума и тела.

У мальчика рано проявился талант механика — к восторгу его отца и огорчению матери, так как он пытался воспроизвести каждую машину, которую видел. В детской все время был полнейший беспорядок; здесь находилась «швей-шина» — таинственная конструкция из шнуров, стульев, зажимок для белья и катушек, где колеса должны были «крутиться и крутиться», а также корзинка, повешенная на веревках на спинку стула, в которой он пытался поднять, как на грузоподъемнике, свою слишком доверчивую сестру, которая с беззаветной женской преданностью позволяла ставить себе шишки и синяки, пока ей не приходили на помощь, а юный изобретатель в таких случаях говорил раздраженно:

— Ну, мама, это мой лелеватор, а я пытаюсь ее поднять.

Хотя близнецы были совершенно несхожи по характеру, они замечательно ладили друг с другом и редко ссорились больше трех раз в день.

Разумеется, Деми тиранил Дейзи и храбро защищал ее от любого другого агрессора, в то время как Дейзи добровольно сдалась в рабство и обожала брата как единственное совершенное существо в мире.

Розовенькой, пухленькой, веселой была эта маленькая Дейзи, находившая путь к сердцу каждого.

Одна из тех обаятельных крошек, которые, кажется, созданы для того, чтобы их целовать и ласкать, наряжаемые и обожаемые, словно маленькие богини, и выставляемые для всеобщего восхищения по всем праздничным случаям.

Ее маленькие добродетели были столь чарующими, что она казалась бы ангелом, если бы некоторые мелкие шалости не позволяли ей оставаться восхитительно человеческим существом.

В ее мире всегда была хорошая погода, и каждое утро она взбиралась в ночной рубашке на сиденье у окна, чтобы выглянуть и сказать, неважно, шел ли дождь или светило солнце:

«Ах, хороший день, хороший день!»

Каждый был для нее другом, и она дарила незнакомым ей людям поцелуй так доверчиво, что самый закоренелый холостяк смягчался, а те, кто любил детей, становились ее верными обожателями.

— Я люблю всех, — сказала она однажды, раскрывая объятия с ложкой в одной руке и кружкой в другой, словно желая обнять и накормить весь мир.

По мере того как она подрастала, ее мать начала чувствовать, что «голубятню» благословит присутствие души столь же безмятежной и любящей, как та, что помогала сделать старый дом родным очагом, и молиться, чтобы ее не коснулось горе, подобное тому, которое недавно заставило их понять, как долго они принимали у себя ангела, сами о том не ведая.

Дедушка часто называл ее

«Бесс», а бабушка следила за ней с неутомимой преданностью, словно пытаясь загладить какую-то ошибку прошлого, которую не видел никто, кроме нее самой.

Деми, как настоящий янки, был любознательного склада, желал знать все и часто причинял немало беспокойства, так как не мог получить удовлетворительных ответов на свое вечное «почему?»; имел он также и философские склонности, к великому восторгу его дедушки, имевшего обыкновение вести с внуком сократовские беседы, во время которых не по летам мудрый ученик иногда ставил в тупик своего учителя, к нескрываемому удовольствию всех женщин в семье.

— Что заставляет мои ноги ходить, дедушка? — спрашивал юный философ, обозревая с задумчивым

видом эти резвые части своего тела, когда отдыхал однажды вечером после веселой возни с укладыванием в постель.

— Твоя маленькая душа, Деми, — отвечал мудрец, с почтением поглаживая светловолосую голову.

— Что такое маленькая душа?

— Это то, что заставляет двигаться твое тело, как пружинка заставляет двигаться колесики в моих часах; помнишь, я показывал?

— Открой меня.

Я хочу посмотреть, как оно крутится.

— Я не могу этого сделать, как ты не мог бы открыть часы.

Бог заводит тебя, и ты ходишь, пока Он тебя не остановит.

— Правда? — И карие глаза Деми стали большими и блестящими, когда он постиг эту новую мысль.

— И меня заводят, как часы?

— Да, но я не могу показать тебе как, потому что это происходит, когда мы не видим.

Деми пощупал свою спину, словно ожидая обнаружить сходство с крышкой часов, и затем серьезно заметил:

— Наверное, Бог делает это, когда я сплю.

Последовали подробные объяснения, которые он слушал так внимательно, что встревоженная бабушка сказала:

— Дорогой мой, ты думаешь, что это разумно — говорить о таких вещах с ребенком?

Он только делает складки на лбу и учится задавать вопросы, на которые невозможно ответить.

— Если он достаточно большой, чтобы задать вопрос, он достаточно большой и для того, чтобы получить правдивый ответ.

Я не вкладываю мысли ему в голову, я только помогаю проявиться тем, которые там есть.

Эти дети умнее нас, и я не сомневаюсь, что мальчик понимает все до последнего слова из моих речей.

Ну-ка, Деми, а скажи мне, где твоя душа?

Если бы мальчик ответил, как Алкивиад:

«Клянусь богами, Сократ, я не могу сказать», его дедушка, вероятно, не удивился бы; но, когда, постояв немного на одной ноге, как задумчивый аист, он ответил спокойно и убежденно:

«В животе», дедушка мог лишь присоединиться к бабушкиному смеху и закончить урок метафизики.

Здесь могла бы быть причина для материнского беспокойства, если бы Деми не давал убедительных подтверждений тому, что он не только многообещающий философ, но и обыкновенный мальчик. Очень часто, после очередной глубокомысленной дискуссии, заставлявшей Ханну пророчествовать со зловещими кивками:

«Этот ребенок не жилец на этом свете», он вдруг поворачивался кругом и успокаивал все ее страхи одной из тех выходок, какими милые, озорные, непослушные маленькие негодники огорчают и восхищают родительские сердца.

Мег устанавливала для себя много нравственных правил и старалась соблюдать их, но когда и какая мать могла устоять против обезоруживающих хитростей, изобретательных уверток или спокойной дерзости мужчин и женщин в миниатюре, которые так рано проявляют себя законченными Ловкими Плутами?

— Хватит изюма, Деми, а то затошнит, — говорит мама молодому человеку, который предлагает свою помощь в кухне с непогрешимой регулярностью в дни, когда делают плам-пудинг.

— Я люблю, когда тошнит.

— А я не хочу, чтобы тебя тошнило. Беги, помоги Дейзи делать пирожки.

Он неохотно удаляется, но нанесенные обиды камнем лежат на сердце, и, как только представляется возможность получить возмещение ущерба, он ловко обходит маму в расчетливой сделке.

— Ну вот, вы хорошо себя вели, и я поиграю с вами во что хотите, — говорит Мег, ведя своих помощников наверх, когда пудинг благополучно булькает в кастрюльке.

— Честно, мам? — спрашивает Деми, располагая блестящей идеей в своей изрядно напудренной мукой голове.

— Да, честно; все, что скажете, — отвечает недалёковидная родительница, готовясь пропеть полдюжины раз подряд песенку о трех котятках или взять свое семейство

«Купить булочку за пенни».

Но Деми загоняет ее в угол спокойным ответом:

— Тогда мы пойдем и съедим весь изюм.

Тетя Додо была главным товарищем игр и наперсницей обоих детей, и это трио переворачивало весь дом вверх дном.

Тетю Эми они до сих пор знали только по имени, тетя Бесс скоро превратилась в приятное, но смутное воспоминание, но тетя Додо была живой реальностью, и они использовали ее целиком и полностью, что она рассматривала как комплимент и была глубоко благодарна.

Но когда приехал мистер Баэр, Джо совсем забыла друзей по играм, и ужас и скорбь наполнили их маленькие души.

Дейзи, торговавшая вразнос поцелуями, потеряла лучшего покупателя и обанкротилась; Деми с детской проницательностью скоро заметил, что Додо любит играть с «медведем» больше, чем с ним; но, хотя и обиженный, он скрыл свое душевное страдание, поскольку не решался оскорбить соперника, имевшего залежи шоколадного драже в кармане жилета и часы, которые можно было вынимать из футляра и трясти сколько угодно.

Некоторые могли бы расценить эти приятные привилегии как взятку, но Деми смотрел на это иначе и продолжал покровительствовать «медведю» с обдуманной любезностью, в то время как Дейзи пожаловала его своими маленькими нежными чувствами по третьему зову и стала рассматривать его плечо как свой трон, его руку как прибежище, его дары как сокровища непревзойденной ценности.

У джентльменов иногда бывают неожиданные приступы восхищения юными родственниками дам, которых они удостаивают своим вниманием; но эта фальшивая чадолюбивость тяготит их самих и никого ни в малейшей степени не обманывает.

Нежная любовь мистера Баэра была искренней и столь же действенной — ибо честность лучшая политика в любви, как и в суде; он был из тех людей, которые свободно чувствуют себя с детьми, и выглядел особенно хорошо, когда их маленькие личики составляли приятный контраст с его

мужественным лицом.

Его дела, какими бы они ни были, удерживали его в городе день за днем, но редкий вечер проходил без того, чтобы он не заглянул к Марчам, — спрашивал он обычно мистера Марча, так что я полагаю, именно глава семьи привлекал его.

И замечательный папа был в заблуждении, что так оно и есть, и наслаждался долгими дискуссиями с родственной душой, пока случайно оброненное его более наблюдательным внуком замечание не открыло ему глаза.

Однажды пришедший в гости мистер Баэр остановился на пороге кабинета, пораженный представившейся его глазам картиной.

На полу лежал мистер Марч, задрав свои почтенные ноги, а рядом с ним, также распростертый на полу, был Деми, пытавшийся подражать дедушке своими короткими, в красных чулках, ножками; лежащие были столь увлечены, что не замечали зрителей, пока мистер Баэр не расхохотался своим звучным смехом, а Джо выкрикнула с возмущенным лицом:

— Папа, папа, профессор здесь!

Черные ноги опустились, поднялась седая голова, и наставник сказал с невозмутимым достоинством:

— Добрый вечер, мистер Баэр.

Прошу вас, подождите минутку; мы как раз кончаем наш урок.

Теперь, Деми, сделай букву и назови ее.

— Я знаю ее! — И после нескольких судорожных усилий красные ножки приняли форму пары циркулей и сообразительный ученик с торжеством закричал: — Это буква W, дедушка, буква W!

— — Прирожденный Уэллер! — засмеялась Джо, когда ее родитель встал на ноги, а ее племянник попытался встать на голову, в качестве единственного способа выразить удовлетворение, что урок окончен.

— Что ты делал сегодня, biibchen? — спросил мистер Баэр, поднимая гимнаста.

— Я ходил в гости к маленькой Мэри.

— И что ты там делал?

— Я поцеловал ее, — сказал Деми с безыскусной прямоотой.

— Фу!

Ты рано начинаешь.

И что сказала на это маленькая Мэри? — спросил мистер Баэр, продолжая исповедовать юного грешника, который стоял у него на колене, обследуя заветный карман его жилета.

— О, ей понравилось, и она поцеловала меня, и мне понравилось.

Разве маленькие мальчики не любят маленьких девочек? — добавил Деми, набив рот и с любезным видом.

— Милый цыпленок!

Как тебе это пришло в голову? — спросила Джо, выслушав эти невинные признания с не меньшим, чем профессор, удовольствием.

— Не в голову, а в рот, — ответил Деми, высывая язык с шоколадной конфетой и полагая, что она намекает на сладости, а не на мысли.

— Ты должен был оставить немного для твоей маленькой подруги.

— И мистер Баэр предложил несколько конфет Джо со взглядом, заставившим ее задуматься, не является ли шоколад тем самым нектаром, что пьют боги.

Деми также заметил улыбку и спросил простодушно:

— Большие мальчики тоже любят больших девочек, фесор?

Как юный Вашингтон, мистер Баэр «не мог солгать» и поэтому дал несколько туманный ответ, сводившийся к тому, что, по его мнению, это иногда случается. При этом тон у него был настолько странный, что мистер Марч отложил одежную щетку, взглянул на смущенное лицо Джо и опустил в кресло с таким видом, словно «милый цыпленок» навел его на мысль одновременно сладкую и горькую, которая сама не пришла бы ему в голову.

Почему Додо, когда она поймала его в буфетной полчаса спустя, чуть не задушила в нежных объятиях вместо того, чтобы хорошенько встряхнуть за то, что он оказался там, где ему быть не положено, и почему она вслед за этим необычным поступком еще и неожиданно вручила ему большой кусок хлеба с вареньем, осталось одной из проблем, над которыми Деми ломал голову и которые был вынужден оставить неразрешенными навсегда.

Глава 23

Под зонтом

В то время как Лори и Эми совершали супружеские прогулки по мягким коврам, пока приводили в порядок свой дом и строили планы относительно счастливого будущего, мистер Баэр и Джо наслаждались прогулками другого сорта, по грязным дорогам и мокрым полям.

«Я всегда хожу на прогулку ближе к вечеру, и с какой стати я должна отказываться от этого только потому, что часто встречаю профессора по дороге?» — сказала себе Джо после двух или трех случайных встреч. Хотя к дому Мег вели две разные дорожки, какую бы Джо ни выбрала, она обязательно встречала его.

Он всегда шел быстро и, похоже, никогда не видел ее, пока не подходил довольно близко, а тогда имел такой вид, словно без очков не мог узнать приближающуюся леди.

А затем, если она шла к Мег, ему тоже нужно было отнести кое-что в подарок малышам; если она направлялась домой, то оказывалось, что он просто вышел прогуляться к реке и как раз собирался зайти к ним, если, разумеется, не надоел еще им своими частыми визитами.

В таких обстоятельствах что оставалось Джо, как не приветствовать его вежливо и пригласить зайти?

Если она устала от его визитов, то скрывала свое утомление с безупречным мастерством и заботилась о том, чтобы к ужину был кофе, «так как Фридрих — я хочу сказать, мистер Баэр — не любит чай».

Ко второй неделе все отлично знали, что происходит, однако все старались делать вид, будто совершенно не замечают, как изменилось лицо Джо.

Они никогда не спрашивали, почему она поет за работой, делает заново высокую прическу три раза в день и возвращается такая сияющая с вечерней прогулки; и никто, казалось, не имел ни малейшего подозрения, что профессор Баэр, в то время когда беседует с отцом, дает дочери уроки любви.

Джо не могла даже отдать свое сердце приличным образом, но сурово старалась погасить свои чувства, а не справившись с этой задачей, вела довольно беспокойную жизнь.

Она боялась, что над ней будут смеяться из-за этой капитуляции после ее многочисленных и страстных деклараций независимости.

Особенный страх вызывал у нее Лори; но благодаря новому руководителю он вел себя с похвальной пристойностью, никогда не называл мистера Баэра «славным малым» на публике, никогда не намекал, даже отдаленно, на перемены во внешности Джо и не выражал ни малейшего удивления по тому поводу, что видит шляпу профессора на столе в передней Марчей каждый день.

Но он бурно радовался в узком кругу и с нетерпением ожидал того времени, когда сможет подарить Джо дощечку с изображением медведя и зазубренного жезла в качестве подходящего гербового щита.

В течение двух недель профессор приходил с постоянством влюбленного; затем он исчез на целых три дня и не подавал никаких признаков жизни — поведение, заставившее всех стать очень серьезными, а Джо сначала задумчивой, а потом — увы, к сожалению для романа — очень сердитой.

«Раздражен, полагаю, и уехал домой так же неожиданно, как и приехал.

Мне, разумеется, совершенно безразлично, но, я думаю, ему следовало бы прийти и попрощаться с нами как джентльмену», — сказала она себе, бросив безнадежный взгляд на калитку, когда одевалась, чтобы выйти на свою обычную прогулку в один пасмурный день.

— Тебе лучше взять твой маленький зонтик, дорогая; похоже, будет дождь, — сказала ей мать, заметив, что на ней ее новая шляпка, но не намекая на это обстоятельство.

— Хорошо, мама. Тебе нужно что-нибудь в городе?

Я хочу забежать в магазин и купить бумаги, — ответила Джо, завязывая бант под подбородком перед зеркалом — предлог, чтобы не смотреть на мать.

— Да, мне нужен кусок диагоналевой «силезии», набор игл номер девять и два ярда узкой бледно-лиловой ленты.

Ты надела осенние ботинки и что-нибудь теплое под плащ?

— Думаю, что да, — отвечала Джо рассеянно.

— Если случайно встретишь по дороге мистера Баэра, приведи его к чаю.

Я очень хочу видеть этого милого человека, — добавила миссис Марч.

Джо слышала это, но в ответ только поцеловала мать и ушла торопливо, думая с теплотой и благодарностью, несмотря на свои сердечные страдания:

«Как она добра ко мне!

И что только делают те девушки, у которых нет матери, чтобы помочь им в трудное время?»

Галантерейных магазинов не было в той части города, где располагались бухгалтерские конторы, банки и оптовые склады и где по большей части собираются джентльмены; но Джо оказалась там прежде, чем выполнила хоть одно поручение, слоняясь без дела, словно кого-то ожидая, разглядывая с в высшей степени неженским интересом инструменты в одной витрине и образцы шерсти в другой, спотыкаясь о бочки, чуть не попадая под спускаемые тюки и бесцеремонно отталкиваемая занятыми мужчинами, которые смотрели так, будто хотели сказать: «Какого черта она здесь делает?»

Капля дождя, упавшая на щеку, вернула ее мысли от обманутых надежд к испорченным лентам; так как капли продолжали падать и, будучи женщиной, так же как и влюбленной, она почувствовала, что, если слишком поздно спасать свое сердце, можно еще спасти шляпку.

Теперь она вспомнила о маленьком зонтике, который забыла взять, когда спешила уйти, но сожаления

были бесполезны, и ничего не оставалось, как одолжить зонтик или промокнуть.

Она взглянула вверх на хмурое небо, вниз на красный бант, уже испещренный темными точками, вперед на слякотную улицу, назад — один долгий взгляд — на некий закопченный склад с вывеской

«Хоффман, Шварц и К°» над дверью и сказала себе со строгой укоризной:

— Так мне и надо! С какой стати я надела все свои лучшие вещи и отправилась бродить здесь в надежде встретить профессора?

Джо, мне стыдно за тебя!

Нет, ты не пойдешь туда, чтобы одолжить зонтик у друзей профессора или расспросить их, где сам профессор.

Ты потащишься под дождем и выполнишь все поручения; и если ты простудишься насмерть или испортишь свою шляпку, то это не более чем то, чего ты заслуживаешь.

Вот так!

С этими словами она так стремительно бросилась переходить улицу, что едва избежала верной гибели, увернувшись от проезжавшего фургона и бросившись в объятия величественного старого джентльмена, который сказал:

«Прошу прощения, мэм» — со смертельно оскорбленным видом.

Несколько обескураженная, Джо выпрямилась, прикрыла носовым платком драгоценные ленты и, оставив искушение позади, поспешила дальше, ощущая все большую сырость и слыша все больше звуков сталкивающихся зонтов над головой.

То обстоятельство, что один из них, синий и довольно потрепанный, постоянно находится над ее незащищенной шляпкой, привлекло ее внимание, и, подняв глаза, она увидела, что вниз на нее смотрит мистер Баэр.

— Я, кажется, знаком с этой решительной леди, которая проходит так смело под самым носом у множества лошадей и так быстро через большую слякоть.

Что вы делаете здесь, мой друг?

— Я делаю покупки.

Мистер Баэр улыбнулся, переводя взгляд с кожаной фабрики на контору по оптовой торговле шкурами и кожей, но лишь сказал вежливо:

— У вас нет зонтика.

Могу я пойти с вами и донести ваши покупки?

— Да, спасибо.

Щеки Джо были такими же красными, как ее лента, и она спрашивала себя, что он о ней думает. Но через минуту ей уже было все равно, и она обнаружила, что шагает под руку со своим профессором, чувствуя себя так, словно солнце брызнуло вдруг с непривычной яркостью, и сознавая лишь, что все снова встало на свои места, а по лужам шлепает совершенно счастливая женщина.

— Мы думали, что вы уехали, — сказала Джо поспешно, так как знала, что он смотрит на нее.

Поля ее шляпки были не настолько велики, чтобы спрятать ее лицо, и она боялась, что он может счесть написанную на этом лице радость нескромной.

— Вы думали, что я могу уехать, не попрощавшись с теми, кто был так замечательно добр ко мне? — спросил он с таким упреком, что она, чувствуя себя так, будто оскорбила его своим предположением, ответила с жаром:

— Нет, я не думала; я знала, что у вас дела и вы заняты, но нам вас не хватало — папе и маме особенно.

— А вам?

— Я всегда рада видеть вас, сэр.

В стремлении заставить голос звучать совершенно спокойно Джо сделала свой тон довольно холодным, а ледяное односложное слово в конце предложения, казалось, остудило профессора, так как улыбка исчезла с его лица и он сказал серьезно:

— Я благодарю вас и зайду еще один раз перед отъездом.

— Значит, вы все-таки уезжаете?

— У меня больше нет дел здесь; все закончено.

— Успешно, надеюсь? — спросила Джо, так как в его коротких ответах звучала горечь разочарования.

— Думаю, да, так как у меня появилась возможность, которая позволит заработать на хлеб себе и оказать большую поддержку моим Junglings.

— Расскажите мне! Пожалуйста!

Я хочу знать все о... о мальчиках, — сказала Джо горячо.

— Очень любезно с вашей стороны; я охотно расскажу вам.

Мои друзья нашли мне место в университете, где я буду преподавать, как делал это в Германии, и зарабатывать достаточно, чтобы вывести в люди Франца и Эмиля.

Я должен быть благодарен за это, не так ли?

— Конечно.

Как это будет замечательно, что вы будете заниматься любимым делом, а мы сможем часто вас видеть, и ваших мальчиков! — воскликнула Джо, цепляясь за мальчиков, как за предлог для радости, которую не могла скрыть.

— Да, но боюсь, мы не сможем видеться часто: мне предлагают это место на Западе.

— Так далеко! — И Джо бросила свои юбки на произвол судьбы, словно теперь уже не имело значения, что будет с ее подолом и с ней самой.

Мистер Баэр умел читать на нескольких языках, но он еще не научился читать сердца женщин.

Он льстил себя надеждой, что знает Джо довольно хорошо, и потому был весьма удивлен быстрыми и противоречивыми переменами в ее голосе, лице, манерах, которые она продемонстрировала ему в тот день, поскольку ее настроение за эти полчаса изменилось раз пять.

Когда она встретила его, то, казалось, была удивлена, хотя было невозможно не заподозрить, что она пришла в город исключительно с этой целью.

Когда он предложил ей взять его под руку, она сделала это со взглядом, который привел его в восторг; но, когда он спросил, скучала ли она о нем, она дала такой холодный, формальный ответ, что его охватило отчаяние.

Узнав о его удаче, она чуть не захлопала в ладоши; неужели она обрадовалась за мальчиков?

Затем, услышав, куда ему предстоит ехать, она сказала:

«Так далеко!» — с таким отчаянием в голосе, что вознесла его на вершину надежды; но в следующую минуту она свергла его оттуда, заметив с очень сосредоточенным видом:

— Мне сюда.

Вы зайдете со мной?

Это недолго.

Джо в известной мере гордилась своим умением делать покупки и особенно желала поразить своего спутника аккуратностью и быстротой в этом деле.

Но по причине возбуждения, в котором она находилась, все пошло плохо: она опрокинула поднос с иглами, вспомнила, что «силезия» должна быть «диагоналевой», только после того, как ткань была отрезана, неправильно дала мелочь и покрыла себя позором, спросив бледно-лиловую ленту в отделе ситцев.

Мистер Баэр стоял поблизости, наблюдая, как она краснеет и натывается на прилавки, и, пока он смотрел, его собственное смущение стало проходить, так как он начинал понимать, что в некоторых случаях поведение женщин, как сны, нужно толковать наоборот.

Когда они вышли, он сунул сверток под мышку с более веселым выражением и шлепал по лужам так, будто ему все это в целом, пожалуй, нравится.

— Не купить ли нам что-нибудь для малышей и не устроить ли прощальный пир, раз я иду в последний раз в ваш такой приятный дом? — спросил он, останавливаясь перед витриной, заполненной фруктами и цветами.

— Что же мы купим? — сказала Джо, не обращая внимания на вторую часть его фразы и с притворным восхищением принимаясь к разнообразным запахам, встретившим их, когда они вошли в магазин.

— Можно им апельсины и инжир? — спросил мистер Баэр с отеческим видом.

— Они едят их, когда им дают.

— Вы любите орехи?

— Как белка.

— Гамбургский виноград; это будет как если бы мы выпили за Vaterland.

Джо неодобрительно взглянула на такую расточительность и спросила, почему бы ему не купить корзину фиников, бочонок изюма и мешок миндаля — и покончить с этим делом.

Тогда мистер Баэр извлек из кармана собственный кошелек, и они завершили свое пребывание в магазине, купив несколько фунтов винограда, горшочек с розовыми маргаритками и изрядную, если рассматривать ее с точки зрения какого-нибудь демиджона, баночку меда.

Затем, растянув свои карманы этими неудобной формы свертками и дав Джо нести цветы, он раскрыл старый зонт, и они продолжили свое путешествие.

— Мисс Марч, я хочу попросить вас о большом одолжении, — начал профессор, после того как они проследовали по мокрой дороге примерно с полквартала.

— Да, сэр. — И сердце Джо забилось так сильно, что она испугалась, как бы он не услышал.

— Я осмеливаюсь просить об этом, несмотря на дождь, потому что у меня остается мало времени до отъезда.

— Да, сэр. — И Джо так судорожно сжала горшочек с цветами, что чуть не раздавила его.

— Я хотел бы купить платице для Тины, но я слишком бестолков для этого.

Не будете ли вы добры помочь мне советом?

— Да, сэр. — И Джо почувствовала себя такой спокойной и холодной, как если бы вступила в холодильный ящик.

— Может быть, еще и шаль для матери Тины, она такая бедная и больная, и с мужем у нее столько забот.

Да, да, толстая, теплая шаль будет хорошим подарком маленькой маме и понравится ей.

— Я с удовольствием помогу вам, мистер Баэр... —

«Я слишком спешу, а он становится все милее с каждой минутой», — добавила Джо про себя; затем, мысленно себя встряхнув, она приступила к делу с энергией, которую было приятно видеть.

Мистер Баэр предоставил все ей, и она выбрала красивое платье для Тины, а затем попросила показать шали.

Продавец, сам женатый человек, соизволил проявить интерес к этой паре, очевидно делавшей покупки для себя и своих детей.

— Ваша супруга, вероятно, предпочтет вот эту: превосходное качество, самый подходящий цвет, довольно скромная и элегантная, — сказал он, встряхнув и развернув серую шерстяную шаль и набрасывая ее на плечи Джо.

— Вас такая устраивает, мистер Баэр? — спросила она, поворачиваясь к нему спиной, радуясь возможности спрятать лицо.

— Отлично, мы ее возьмем, — ответил профессор, улыбаясь про себя, пока платил за шаль, в то время как Джо продолжала обследовать прилавки с видом завсегдатая распродаж.

— Теперь мы пойдем домой? — спросил он так, как будто ему было очень приятно произносить эти слова.

— Да, уже поздно, и я так устала.

— Голос Джо звучал жалобнее, чем она могла предположить.

Теперь казалось, что солнце исчезло так же неожиданно, как появилось, мир снова становился грязным и печальным, и в первый раз она заметила, что ноги у нее замерзли, голова раскалывается, а ее сердце холоднее первых и боль в нем тяжелее, чем в последней.

Мистер Баэр уезжал, она была для него только другом, все это оказалось ошибкой, и чем скорее все кончится, тем лучше.

С такими мыслями она так неосторожно замахала приближающемуся омнибусу, что маргаритки вылетели из горшочка и изрядно помялись.

— Это не наш омнибус, — сказал профессор, помахав вознице, чтобы ехал дальше, и останавливаясь, чтобы поднять пострадавшие цветочки.

— Прошу прощения; я не разглядела название.

Ничего, я могу и пешком.

Я привыкла топтать по грязи, — ответила Джо, с трудом моргая, так как она скорее умерла бы, чем открыто вытерла глаза.

Мистер Баэр заметил капли на ее щеках, хотя она отвернула голову; это зрелище, кажется, очень тронуло его, потому что, неожиданно наклонившись, он спросил тоном, который означал многое:

— Душа моя, почему вы плачете?

Не будь Джо столь неопытной в такого рода делах, она сказала бы, что не плачет, что у нее насморк, или придумала еще какую-нибудь женскую отговорку, приличествующую случаю; вместо этого сия недостойная особа ответила с неудержимым всхлипыванием:

— Потому что вы уезжаете.

— Ах, mein Gott, как это хорошо! — воскликнул мистер Баэр, пытаясь хлопнуть в ладоши, невзирая на зонтик в одной руке и свертки в другой.

— Джо, у меня нет ничего, кроме большой любви, чтобы предложить вам; я приехал, чтобы узнать, нужна ли она вам, и я хотел убедиться, что я для вас больше, чем друг.

Это так?

Найдется в вашем сердце место для старого Фрица? — сказал он, все на одном дыхании.

— О да! — сказала Джо; и он был вполне удовлетворен, так как она обхватила обеими руками его руку и смотрела на него с выражением, которое ясно говорило о том, как счастлива будет она пройти по жизни рядом с ним, пусть даже у нее не будет лучшего убежища, чем этот старый зонт, лишь бы он нес его.

Это было несомненно сватовство в трудных условиях, поскольку даже если бы мистер Баэр хотел встать на колени, он не мог сделать этого по причине грязи; так же не мог он предложить Джо руку кроме как фигурально, так как обе были заняты; еще менее мог он позволить себе проявление нежных чувств прямо на улице, хотя был близок к этому; так что единственный способ, каким он мог выразить свой восторг, было смотреть на нее с выражением, которое делало его лицо до такой степени сияющим, что, казалось, маленькие радуги появились в каплях, блескующих в его бороде.

Если бы он не любил Джо так сильно, не думаю, что он мог бы влюбиться в нее в этот момент, так как она выглядела далеко не привлекательно — юбки в плачевном состоянии, ботинки забрызганы по щиколотку, а шляпка окончательно испорчена.

К счастью, мистер Баэр считал ее самой красивой женщиной на свете, а она нашла его еще больше похожим на Юпитера в тот момент, хотя поля его шляпы совершенно повисли и с них ему на плечи стекали струйки воды (так как он старался держать зонтик над Джо), а каждый палец на его перчатках нуждался в починке.

Прохожие, вероятно, сочли их парой неопасных сумасшедших, так как они совершенно забыли, что хотели сесть в омнибус, и шли неторопливо, не замечая сгущающихся сумерек и тумана.

И мало заботило их, что подумают другие, так как они переживали тот счастливый час, который редко приходит больше чем один раз в любой жизни, волшебный миг, который дает молодость старому, красоту невзрачному, богатство бедному, а человеческим сердцам — представление о рае.

У профессора был такой вид, словно он завоевал королевство и мир больше ничего не может предложить ему по части блаженства, в то время как Джо шагала рядом с ним, чувствуя себя так, словно ее место всегда было здесь, и удивляясь, как могла она когда-либо выбирать любую иную судьбу.

Конечно, именно она заговорила первой — внятно, я хочу сказать, так как эмоциональные восклицания, последовавшие за ее пылким

«О да!» не были ни связными, ни заслуживающими того, чтобы их описывать.

— Фридрих, почему вы не...

— Ах, Боже мой, она называет меня по имени, как никто не называл с тех пор, как умерла Минна! — воскликнул профессор, останавливаясь в луже и глядя на нее благодарно и с восторгом.

— Я всегда называла вас так про себя; но я не буду, если вам не нравится.

— Не нравится?

Это слаще для меня, чем я могу выразить.

Говори мне так же «ты», и я буду думать, что ваш язык почти столь же красив, как и мой.

— Но не звучит ли это «ты» немного сентиментально? — спросила Джо, втайне думая, что это прелестное слово.

— Сентиментально?

Да.

Слава Богу, мы, немцы, верим в сентиментальность и благодаря ей сохраняем нашу молодость.

Ваше английское «вы» такое холодное, говори «ты», душа моя, это так много значит для меня, — просил мистер Баэр, скорее как романтичный студент, чем как серьезный профессор.

— Ну, тогда, почему ты не сказал мне все это раньше? — спросила Джо застенчиво.

— Сейчас я должен открыть тебе все мое сердце, и я с радостью сделаю это, потому что ты должна будешь заботиться о нем потом.

Так вот, послушай, моя Джо, — ах, какое милое, забавное маленькое имя! Я хотел сказать кое-что в тот день, когда я сказал «до свидания» в Нью-Йорке, но я думал, что красивый друг помолвлен с тобой, и поэтому я не сказал.

Ты сказала бы «да» тогда, если бы я заговорил?

— Не знаю.

Боюсь, что нет, тогда у меня вообще не было сердца.

— Фу!

Я не верю в это.

Оно спало, пока прекрасный принц не пришел через лес и не разбудил его.

Ах, конечно,

«Die erste Liebe ist die beste», но на это мне не следовало надеяться.

— Да, первая любовь — самая лучшая, так что будь доволен. У меня не было другой.

Тедди был всего лишь мальчиком и скоро покончил со своим маленьким увлечением, — ответила Джо, горя желанием исправить ошибку профессора.

— Хорошо!

Тогда я буду спокоен и счастлив и буду уверен, что ты отдала мне все.

Я ждал так долго, я становлюсь себялюбив, как ты скоро заметишь, госпожа профессорша.

— Мне это нравится! — воскликнула Джо, в восторге от своего нового имени.

— Теперь скажи, что же привело тебя сюда наконец тогда, когда я больше всего хотела тебя увидеть?

— Вот это. — И мистер Баэр вынул из кармана жилета затертый газетный листок.

Джо развернула его и была очень смущена, так как там оказалось ее собственное стихотворение, которое она отправила в газету, платившую за стихи, чем и объяснялось, что она послала туда свое произведение для пробы.

— Как это могло привести тебя сюда? — спросила она с недоумением.

— Я нашел это случайно; я узнал, что оно твое, по именам в нем и инициалам вместо подписи, и в нем были строчки, которые, кажется, звали меня.

Прочитай и найди их; я послежу, чтобы ты не зашла в лужу. Джо повиновалась и принялась торопливо просматривать строфы, которым дала название

НА ЧЕРДАКЕ Четыре ящичка резны., все в ряд, Темныот времени и пыли, Опять к себе мой приковали взгляд, Они хранят четыре были. Немало лет прошло уж с той поры, Как здесь на стол их водрузили И в них четыре маленьких сестры Свои реликвии сложили. И каждый день дождливый на чердак Ватага радостная мчалась, И то был для домашних, верный знак. Что там веселье начиналось. Какой был здесь фантазии полет! И не было игры чудесней, Чем угадать, о чем поет Им летний дождик в тихой песне.

«Мег» выведено твердою рукой На крышке гладкой и блестящей. Как все под ней красиво и какой Царит порядок настоящий! Вот вехи жизни, что скромна, тиха: Родителей, сестер подарки, Наряд для бала, письма жениха И башмачок ребенка яркий. Игрушки свой не отслужили век. Они унесены отсюда, И в них уже играют дети Мег, Хотя своих игрушек гряда. Мать, к детям засыпающим подсев, Поет мотив, что нет прелестней, И колыбельной повторит напев Им летний дождик в тихой песне.

«Джо» — три кривые буквы второпях Хозяйка вывела небрежно, Царапины и пятна — просто страх! — Вид крышки портят безнадежно. Не чувствуешь заботливой руки — В невероятном беспорядке Игрушки, рукописи, дневники, Газеты, школьные тетрадки. Литературной юности грехи, Во всех здесь жанрах есть созданья, О грусти Джо расскажут лишь стихи: В них о большой любви мечтанья. «Достойна будь любви — придет любовь.» Нет этих слов для слуха лестней, Их повторит пусть нежно вновь и вновь Ей летний дождик в тихой песне.

О Бесс! На твой автограф дорогой Смотрю — и взор туманят слезы. Не знали долго мы, что со святой Делили наши детства грезы. Ее уж нет — но помнят все о ней, И принесли родные руки Сюда реликвии последних дней В тоске и горечи разлуки. Шаль, колокольчик — звал нечасто он. Чтоб лишней не задать работы, А рядом словно детства сладкий сон — Шитье, вязанье, куклы, ноты. И гимнов тех слова, что пела Бесс — Любви небесной светлый вестник, — Пусть принесет как чудо из чудес Нам летний дождик в тихой песне.

А вот и явью ставшая мечта — Вдевает рыцарь ногу в стремя И ярче звезд с пурпурного щита Нам золотом сияет «Эми». Уставшие от балов башмачки, Перчатки, веера и ленты, Колечки и иные пустячки, В стихах и прозе комплименты. Не состоялся новый Рафаэль — Но здесь фантазии капризы: Из гипса статуэтка, акварель, Пером рисунки и эскизы. И к Эми юный рыцарь прискакал — Уж в жизни, — это интересней, И свадебный пусть пропоет хорал Ей летний дождик в тиной песне. Все в ряд четыре ящичка резных — Все сестры вырасти успели, Печаль и радость научили их Любви, труду, стремленью к цели. Пусть друг от друга мы теперь вдали — Любви бессмертной сила может Тех даже, что от нас навек ушли, Нам сделать ближе и дороже. Когда же дням земным придет конец. То эти

были дорогие Раскроет и увидит в них Отец Дела и помыслы благие, В сиянье солнца души воспарят, В них радость вечная воскреснет, И не нарушит струн счастливый лад Своею дождик тихой песней.

— Это очень слабые стихи, но все это я чувствовала, когда писала их. В тот день мне было очень одиноко, и я хорошенько выплакалась на мешке с лоскутками.

Я никогда не думала, что оно попадет туда, где будет разглашать секреты, — сказала Джо, разорвав листок, которым профессор так дорожил.

— Пусть пропадет, оно исполнило свой долг, и у меня будет другое, когда я прочитаю всю коричневую книжку, где она хранит свои маленькие секреты, — сказал мистер Баэр, с улыбкой глядя, как ветер уносит обрывки.

— Да, — добавил он серьезно, — я прочитал это и подумал: у нее горе, она одинока, она хотела бы найти утешение в настоящей любви.

Мое сердце полно любви, любви к ней.

Не пойти ли мне, чтобы сказать: если это не слишком жалкая вещь, чтобы отдать ее за то, что я надеюсь получить, возьми ее во имя Бога?

— Итак, ты приехал, чтобы узнать, что она «не слишком жалкая», а та самая, единственная драгоценность, которая мне нужна, — прошептала Джо.

— Сначала я не имел смелости так думать, хотя ты была божественно добра, когда встретила меня.

Но скоро я начал надеяться, и тогда я сказал: она будет моя, даже если это будет стоить мне жизни. И она будет моя! — воскликнул мистер Баэр, с вызовом вскинув голову, словно подступающая к ним стена тумана и была преградой, которую ему предстояло преодолеть или доблестно разрушить.

Джо подумала, что это великолепно, и решила быть достойной своего рыцаря, хоть он и не прискакал к ней на гордом скакуне и в пышном наряде.

— Почему ты так долго не заходил к нам? — спросила она через минуту. Было так приятно задавать такие доверительные вопросы и получать чудесные ответы, что она не могла молчать.

— Это было нелегко, но я не мог решиться увести тебя из такого счастливого дома, пока у меня не будет надежды дать тебе другой — после долгого ожидания, возможно, и упорной работы.

Как мог я просить тебя отказаться от столь многого ради бедного старого человека, как я, у которого нет богатства, а есть лишь немного учености?

— Я рада, что ты беден; я не вынесла бы богатого мужа, — сказала Джо решительно и добавила мягче: — Не бойся бедности.

Я знакома с ней достаточно давно, чтобы не бояться ее и быть счастливой, работая для тех, кого я люблю; и не называй себя старым: сорок — это расцвет жизни.

Я не смогла бы не полюбить тебя, даже если бы тебе было семьдесят!

Профессор был так тронут этим, что охотно достал бы платок, если бы мог добраться до него, но, так как он не мог, Джо вытерла ему глаза своим и сказала, смеясь и отбирая у него пару свертков:

— Может быть, я и решительная, но никто не скажет, что сейчас я не в своей стихии, так как особое предназначение женщины, как полагают, осушать слезы и нести ношу.

Я собираюсь внести свою долю, Фридрих, и помочь заработать на дом.

Примиришься с этой мыслью, или я никуда не пойду, — добавила она решительно, так как он попытался

отобрать у нее свой груз.

— Посмотрим.

У тебя хватит терпения долго ждать, Джо?

Я должен уехать и трудиться один.

Сначала я должен помочь моим мальчикам, потому что, даже ради тебя, я не могу нарушить слово, которое дал Минне.

Ты можешь простить мне это и быть счастлива, пока мы будем ждать и надеяться?

— Да, я знаю, что могу, потому что мы любим друг друга, и это помогает легко перенести все остальное.

У меня тоже есть мой долг и моя работа.

Я не могла бы веселиться, если бы пренебрегла ими даже ради тебя, так что нет ни спешки, ни нетерпения.

Ты будешь выполнять то, что полагается тебе, на Западе, а я могу делать свою долю работы здесь, и оба будем счастливы, надеясь на лучшее и оставляя будущее на волю Бога.

— Ах!

Ты даешь мне такую надежду и смелость, а я не могу ничего дать тебе взамен, кроме переполненного сердца и этих пустых рук! — воскликнул профессор, совершенно побежденный.

Джо так никогда и не научилась вести себя прилично, и, когда он сказал это, стоя рядом с ней на ступенях крыльца, она просто вложила обе руки в его ладони, шепнула нежно:

«Теперь не пустые» — и, склонившись, поцеловала своего Фридриха под зонтом.

Это было ужасно, но она сделала бы это, даже если бы мокрые воробьи, стайкой сидевшие на изгороди, были человеческими существами, так как она зашла и в самом деле очень далеко и не думала ни о чем, кроме своего собственного счастья.

И хотя эта минута пришла к ним в очень прозаичной обстановке, она была главной в жизни каждого из них — та минута, когда, повернувшись от сумрака, дождя и одиночества к ожидавшему их домашнему свету, теплу и покою, с радостным:

«Добро пожаловать домой!» — Джо ввела своего любимого в дом и закрыла дверь.

Глава 24

Время жатвы

Целый год Джо и ее профессор трудились и ждали, надеялись и любили, изредка встречались и писали такие пространные письма, что на обоих, как утверждал Лори, полностью ложилась ответственность за последнее подорожание бумаги.

Второй год начался невесело, так как их перспективы не стали радостнее, а тетя Марч неожиданно умерла.

Но когда утихла первая скорбь — потому что они любили старую даму, несмотря на ее острый язык, — обнаружилось, что есть и причина для радости, так как тетя завещала Джо свое имение Пламфильд и это открывало перед ней и профессором самые разные приятные возможности.

— Прекрасное старое имение, и оно принесет тебе изрядную сумму, так как ты, конечно, собираешься его продать, — сказал Лори, когда все они обсуждали этот вопрос несколько недель спустя.

— Нет, не собираюсь, — решительно ответила Джо, лаская жирного пуделя, которого взяла на свое попечение в знак уважения к памяти его хозяйки.

— Но ты же не намерена жить там?

— Да, намерена.

— Но, дорогая моя девочка, это огромный дом, и тебе понадобится куча денег, чтобы содержать его в порядке.

Только для работы в парке и саду потребуются два или три человека, а сельское хозяйство, как я понимаю, это не по части Базра.

— Он попробует им заняться, если я предложу.

— И ты собираешься жить на сельскохозяйственных продуктах Пламфильда?

Это мог бы быть рай, но вы скоро поймете, что вас ждет отчаянно тяжелая работа.

— Урожай, который мы собираемся снимать, даст большой доход. — И Джо засмеялась.

— Что же это за прекрасный урожай, мэм?

— Мальчики.

Я хочу открыть школу для маленьких мальчиков — хорошую, веселую, с домашней обстановкой, где я буду заботиться о них, а Фриц их учить.

— Такое могла придумать только Джо!

Как это на нее похоже, а? — воскликнул Лори, обращаясь к остальным членам семьи, которые были так же удивлены, как и он.

— Мне нравится этот план, — сказала миссис Марч решительно.

— Мне тоже, — добавил ее муж, которого привлекла мысль о возможности попытаться применить сократовский метод для обучения современной молодежи.

— Это будет огромная работа для Джо, — сказала Мег, глядя по голове своего единственного, но поглощающего все ее внимание, сына.

— Джо справится, у нее все будет хорошо, замечательная идея.

Расскажи нам обо всем! — воскликнул мистер Лоренс, давно горевший желанием помочь влюбленным, но знавший, что они откажутся от его помощи.

— Я знала, что вы поддержите меня, сэр.

И Эми тоже — я вижу по ее глазам, хотя она благоразумно хочет сначала обдумать, а потом говорить.

Так вот, дорогие мои, — продолжила Джо, — поймите, что это не одна из моих новых идей, а давно вынашиваемый план.

Еще прежде, чем появился Фриц, я часто думала, как, когда я разбогатею и когда никто не будет нуждаться во мне здесь, я сниму большой дом и соберу несколько бедных, заброшенных маленьких мальчиков, у которых нет матери, и буду заботиться о них и постараюсь дать им хорошую жизнь, пока еще не поздно.

Я видела много таких, которые идут к своей гибели лишь из-за того, что никто не помог им в нужную минуту. Мне так хочется что-нибудь сделать для них, я знаю их нужды и сострадаю им в их бедах, и я так хотела бы быть им матерью!

Миссис Марч протянула Джо руку, и та взяла ее, улыбаясь и со слезами на глазах, и продолжила с тем энтузиазмом, которого они давно у нее не видели.

— Я рассказала однажды о моем плане Фрицу, и он ответил, что именно это было бы ему по душе, и согласился попробовать, когда мы разбогатеем.

Дорогая душа, он делает это всю жизнь — помогает бедным мальчикам, хочу я сказать, но не богатеет; богатым он никогда не станет; деньги не задерживаются у него в кармане так долго, чтобы можно было начать копить.

Но теперь благодаря моей доброй старой тете, которая любила меня гораздо больше, чем я заслуживала, я богата — по крайней мере, я чувствую себя богатой, — и мы сможем отлично устроиться в Пламфильде, если заведем процветающую школу.

Это самое подходящее место для мальчиков: дом большой, мебель простая и прочная.

В доме места хватит и на сотню человек, и окрестности чудесные.

Мальчики могли бы помогать в парке и в саду: очень полезная для здоровья работа, не правда ли, сэр?

Ну а Фриц сможет воспитывать и учить их, а папа поможет ему.

Я могу кормить и нянчить, баловать и ругать их, а мама будет моей заместительницей.

Мне всегда хотелось, чтобы вокруг меня было много мальчиков, и мне всегда их не хватало, а вот теперь я смогу иметь их целый дом и наслаждаться их обществом сколько душе угодно.

Подумайте, какое наслаждение — Пламфильд мой, да еще и куча мальчиков, чтобы веселиться там со мной!

Джо взмахнула руками и восторженно ахнула, вся семья разразилась смехом, а мистер Лоренс хохотал до того, что они испугались, как бы его не хватил удар.

— Не вижу ничего смешного, — сказала она серьезно, когда ее голос стало слышно.

— Ничего не может быть естественнее и правильнее для моего профессора, чем открыть школу, а для меня — поселиться в моем собственном поместье.

— Она уже напускает на себя важность, — сказал Лори, рассматривавший выдвинутую идею как отличную шутку.

— Но могу я поинтересоваться, на какие средства вы намерены содержать ваше заведение?

Если все ученики — беспризорные оборвыши, боюсь, ваш урожай не будет доходным в житейском смысле, миссис Баэр.

— Не отравляй радость, Тедди.

Конечно, у меня будут и богатые ученики тоже — возможно, мы начнем только с богатых, а потом, когда начало будет положено, я смогу взять одного-двух оборвышей, так, для приправы.

Дети богатых людей зачастую нуждаются в заботе и ласке не меньше, чем бедные.

Я видела несчастных детей, брошенных на попечение слуг или застенчивых, которых толкают вперед, заставляя быть на виду, что по-настоящему жестоко.

Некоторые из них непослушные из-за неправильного воспитания или отсутствия внимания, другие лишились матери.

К тому же даже лучшим из них приходится пройти через период отрочества, когда неуклюжий подросток больше всего нуждается в терпении и доброте со стороны его воспитателей.

Окружающие смеются над ними, толкают их туда и сюда, пытаются убрать с глаз долой и ждут, что милые дети вдруг превратятся в прекрасных молодых мужчин.

Мальчики редко жалуются — мужественные маленькие души, — но они страдают от этого.

Я сама переживала нечто подобное и знаю, каково это.

У меня вызывают особый интерес такие неуклюжие медвежата, и я всегда стараюсь дать им почувствовать, что их неловкие руки и ноги и путаница в головах не мешают мне видеть добрые, честные, полные самых лучших устремлений мальчишечьи сердца.

Вдобавок у меня есть опыт: разве не воспитала я одного мальчика, ставшего честью и гордостью своей семьи?

— Я засвидетельствую, что ты старалась это сделать, — сказал Лори с благодарным взглядом.

— И я преуспела сверх моих ожиданий: вот ты — солидный, здравомыслящий деловой человек, который делает массу добрых дел и копит благодарности бедняков, а не доллары.

Но ты не просто деловой человек: ты любишь все хорошее и красивое, сам наслаждаешься и позволяешь другим разделить удовольствия с тобой, как ты всегда поступал в прежние времена.

Я горжусь тобой, Тедди, потому что ты становишься все лучше с каждым годом, и все это чувствуют, хоть ты и не дашь им сказать об этом.

Да, и, когда у меня будут новые ученики, я просто укажу на тебя и скажу:

«Вот образец для вас, мальчики мои!»

Бедный Лори не знал, куда глаза девать; что-то похожее на давнюю мальчишескую застенчивость охватило его, когда этот поток похвал заставил всех обернуться к нему с одобрительными взглядами и улыбками.

— Послушай, Джо, это, пожалуй, слишком, — начал он.

— Ты сделала для меня столько, что я никогда не смогу отблагодарить тебя иначе, как стараясь в полную меру сил, чтобы не разочаровать тебя.

Правда, потом ты, так сказать, отреклась от меня, Джо, но я не остался без поддержки, и если добился какого-то успеха, то ты можешь поблагодарить и этих двоих. — И он ласково положил одну руку на белую голову дедушки, другую — на золотистую голову Эми, так как все трое всегда держались вместе.

— Я считаю, что семья — это самое прекрасное на свете! — воскликнула Джо, которая в эту минуту была в необычно приподнятом настроении.

— Я надеюсь, что, когда у меня будет своя, она окажется такой же счастливой, как те три, что я лучше всего знаю и больше всего люблю.

Если бы только здесь были еще Джон и мой Фриц, это был бы настоящий маленький рай на земле, — добавила она уже спокойнее.

И когда она ушла в свою комнату после этого радостного вечера семейных решений, планов и надежд,

ее сердце было так переполнено счастьем, что она могла успокоить его, лишь опустившись на колени у пустой постели, которая всегда стояла рядом с ее собственной, и с нежностью задумавшись о Бесс.

Это был совершенно поразительный год, так как все шло замечательно и необычно быстро.

Не успела Джо оглянуться, как уже была замужем и поселилась в Пламфильде.

Затем появились, как грибы выросли, шесть или семь мальчиков и процветали — бедные так же, как и богатые, — на удивление, так как мистер Лоренс то и дело находил какой-нибудь новый случай отчаянной нужды и умолял Баэров сжалиться над ребенком, за содержание которого он с радостью будет платить ту небольшую сумму, что потребуется.

Таким образом, хитрый старый джентльмен обошел гордую Джо и сумел предоставить ей ту разновидность мальчиков, которыми она занималась с особым удовольствием.

Разумеется, сначала это была тяжелая работа, и Джо по неопытности совершала множество ошибок, но благоразумный профессор привел их корабль в более спокойную гавань, и даже самый буйный ученик был в конце концов обуздан.

Как радовалась Джо своей «куче мальчиков» и как сокрушалась бы бедная дорогая тетя Марч, если бы присутствовала там и могла видеть, как священные пределы благопристойного, ухоженного Пламфильда кишат разными Томами, Диками и Гарри!

Пожалуй, происшедшее можно было считать верхом справедливости, ведь при жизни старая дама была грозой для всех мальчиков на несколько миль вокруг, а теперь эти изгнанники вволю угощались прежде запретными сливами, нечестиво пинали ботинками гравий на ухоженных дорожках, не получая за это выговора, и играли в крикет на большом поле, где раньше паслась раздражительная корова со сломанным рогом, приглашавшая смельчаков прийти и быть сбитыми с ног.

Школа становилась своего рода раем для мальчиков, и Лори предложил назвать ее

«Баэр-гарден», в честь руководителя и отражая нравы обитателей.

Это учебное заведение так и не стало модной школой, а профессор не нажил богатства, но оно стало тем, чем и хотела сделать его Джо, — счастливым родным домом для мальчиков, которые нуждаются в воспитании, заботе, доброте.

Вскоре все комнаты в доме были заполнены учениками; каждый маленький участок в саду имел своего владельца, скотный двор и сарай превратились в настоящий зверинец, так как было разрешено держать домашних животно-ых; и три раза в день Джо улыбалась своему Фрицу, сидя во главе длинного стола, с обеих сторон которого тянулись ряды веселых юных лиц, поворачивавшихся к ней с признательными взглядами, доверительными речами и благодарностью в сердцах, полных любви к «маме Баэр».

Теперь ей хватало мальчиков, и она никогда не уставала от них, хотя они отнюдь не были ангелами и некоторые из них доставляли много забот и тревог профессору и профессорше.

Но ее вера в доброту, место для которой есть в сердце самого непослушного, дерзкого, больше всех досаждающего маленького беспризорника, давала ей терпение и умение, а со временем приносила успех, так как ни один смертный мальчик не мог устоять против «папы Баэра», сияющего доброжелательной улыбкой, точно солнце, и «мамы Баэр», прощающей любого до семижды семидесяти раз.

Дружба мальчиков была очень дорога Джо — их замечательные порывы, надежды, планы, их забавные или трогательные секреты и признания, их покаянное шмыганье носом и шепот после проступков, и даже их неудачи, делали ее мальчиков только еще дороже для нее.

Здесь были несообразительные и застенчивые, безвольные и необузданные, картавые и заики, один или два хромых и веселый маленький кварталон, которого не брали ни в одну другую школу, но охотно приняли в

«Баэр-гарден», хотя некоторые люди предсказывали, что это приведет к краху учебного заведения.

Да, Джо была очень счастлива там, несмотря на тяжелую работу, множество тревог и постоянный шум и гам.

Она всей душой наслаждалась своей жизнью, а восхищение ее мальчиков приносило ей больше удовлетворения, чем любые похвалы остального мира, и теперь она не рассказывала сочиненных ею историй никому, кроме толпы ее восторженных сторонников и почитателей.

Шли годы, и у нее появились два своих собственных мальчика, что дополнило ее счастье, — Роб, названный так в честь дедушки, и Тедди, беспечный малыш, который, казалось, унаследовал папин жизнерадостный характер и мамин деятельный дух.

Как они умудрились остаться в живых и вырасти в этом водовороте мальчиков, оставалось тайной для их бабушки и тетей, но они росли и цвели, как одуванчики весной, а их грубоватые няни любили их и верно им служили.

В Пламфильде отмечали великое множество праздников, и самым замечательным из них был ежегодный сбор яблок, когда Марчи, Лоренсы, Бруки и Баэры собирались в полном составе и посвящали весь день этому событию.

Один из таких благодатных праздников состоялся на пятый год после свадьбы Джо — в теплый, солнечный октябрьский день, когда воздух был полон бодрящей свежести, которая поднимала настроение и заставляла кровь веселей бежать в жилах.

Старый сад стоял в праздничном наряде: золотарник и астры окаймляли покрытые мхом стены; в сухой траве весело скакали кузнечики, а сверчки стрекотали, словно сказочные дудочки на пиру; белки тоже были заняты сбором своего маленького урожая; птицы щебетали свои прощальные песни в зарослях ольхи у дорожки, и каждое дерево было готово обрушить вниз град красных или желтых яблок, как только его потрясут.

Все были там; все смеялись и пели, карабкались вверх и сваливались вниз, все утверждали, что не было еще такого замечательного дня и такой веселой компании, чтобы так радоваться; и все предавались простым удовольствиям этого дня так вольно и открыто, словно не было в мире таких вещей, как забота или горе.

Мистер Марч безмятежно разгуливал с мистером Лоренсом, цитируя Тассера, Коули и Колумеллу и наслаждаясь «пьянящим соком яблок спелых».

Профессор устремлялся, словно отважный немецкий рыцарь, с шестом вместо пики в проходы между рядами деревьев, возглавляя мальчиков, образовавших нечто вроде пожарной команды с лестницами и баграми и совершавших чудеса акробатики на земле и на деревьях.

Лори всецело посвятил себя малышам: катал в большой корзине свою дочку, поднимал Дейзи наверх к птичьим гнездам и следил за безрассудно смелым Робом, чтобы тот не сломал себе шею.

Миссис Марч и Мег сидели между грудями яблок, как две Помоны[96 - Помона — в римской мифологии богиня плодов.], сортируя плоды, которые все прибывали и прибывали, в то время как Эми с прекрасным, по-матерински ласковым выражением лица делала наброски разных групп участников праздника и приглядывала за одним бледным пареньком, который сидел, положив рядом маленький костыль и восторженно глядя на нее.

Джо в тот день была целиком в своей стихии и носилась повсюду с подвернутым подолом, со шляпой,

которая была где угодно, но только не на голове, и с малышом под мышкой, готовая к любым происшествиям, какие только могли произойти.

Маленький Тедди был, казалось, неуязвим для любых опасностей, так как с ним никогда ничего не случилось, и Джо не испытывала ни малейшей тревоги, когда его втаскивал на дерево один мальчуган, или катал на спине другой, или кормил зелеными яблоками потекающий ему папа, пребывавший во власти немецкой иллюзии, что дети могут переварить что угодно, от квашеной капусты до пуговиц, гвоздей и их собственных маленьких ботинок.

Она знала, что Тедди опять появится в положенное время, невредимый и румяный, грязный и безмятежный, и она всегда была рада получить его обратно, так как нежно любила своих малышей.

В четыре часа наступило затишье, и корзины оставались пустыми, пока сборщики яблок отдыхали и сравнивали прорехи и синяки.

Затем Джо и Мег вместе с отрядом старших мальчиков накрыли ужин на траве, так как чаепитие на открытом воздухе всегда было вершиной радостей этого дня.

Земля буквально текла молоком и медом в подобных случаях, так как от мальчиков не требовали сидеть за столом, а позволяли есть, как они хотят; свобода — та приправа, которая особенно дорога мальчишечьим душам.

Они пользовались этой редкой привилегией в полной мере: одни пытались осуществить интересный эксперимент, стараясь выпить молоко стоя на голове, другие придали новое очарование чехарде, кусая свои пироги после очередного прыжка, поле засеивалось вразброс печеньем, а яблочные пирожки рассаживались на деревьях, как новый вид птичек.

Маленькие девочки устроили отдельное чаепитие, а Тед бродил от одного кушанья к другому как ему заблагорассудится.

Когда никто уже не мог съесть больше, профессор предложил первый обычный тост, который всегда провозглашали по таким праздникам: «За тетю Марч, благослови ее Господь!»

Тост от всей души провозглашал добрый человек, никогда не забывавший, сколь многим он ей обязан, и пили в тишине мальчики, которых учили всегда хранить память о ней.

— Теперь — за бабушкино шестидесятилетие!

Долгих лет и девятикратное «ура»!

«Ура» прокричали с энтузиазмом, чему вы, вероятно, охотно поверите, и раз начавшиеся восторженные крики было нелегко остановить.

Были предложены тосты за здоровье каждого — от мистера Лоренса, считавшегося особым покровителем школы, до изумленной морской свинки, которая случайно забрела в непривычную для себя обстановку, разыскивая своего юного хозяина.

Затем Деми, как старший внук, представил виновнице торжества разнообразные дары, столь многочисленные, что их доставили к месту празднеств на тачке.

Очень забавными были некоторые из этих подарков, но то, что, на взгляд других, могло считаться недостатками, в глазах любящей бабушки было украшением, так как все эти вещи дети изготовили сами.

Каждый шов, который сделали терпеливые пальчики Дейзи, подрубившей носовые платочки, был для миссис Марч дороже самой искусной вышивки; ящик для обуви, подарок Деми, был чудом механики, даже несмотря на то, что крышка не закрывалась; сделанная Робом скамеечка под ноги оказалась очень шаткой, но бабушка объявила, что ей нравится это успокаивающее покачивание; и ни одна

страница в роскошной книге, которую подарила ей дочка Эми, не показалась бабушке такой красивой, как та, на которой неровными печатными буквами было выведено: «Дорогой бабушке от ее маленькой Бесс».

Во время этой церемонии мальчики таинственным образом исчезли; и, когда миссис Марч, попытавшаяся поблагодарить своих детей, не выдержала и расплакалась от радости, а Тедди принялся вытирать ей глаза своим передничком, профессор неожиданно запел.

Затем сверху, один за другим, ему стали вторить голоса и от дерева к дереву полетела мелодия невидимого хора: вкладывая в пение всю душу, мальчики исполняли поздравительную песню — Джо написала слова, Лори положил их на музыку, а профессор великолепно отрепетировал со своими учениками.

Это было нечто совершенно новое, и успех оказался грандиозным: миссис Марч никак не могла прийти в себя от приятной неожиданности и настаивала на том, чтобы пожать руку каждой птичке без перьев — от высоких Франца и Эмиля до маленького квартирона, самого сладкоголосого в хоре.

После этого мальчики исчезли, чтобы предаться заключительным забавам дня, оставив миссис Марч и ее дочерей под пиршественным деревом.

— Я думаю, что мне не следует никогда больше называть себя «неудачницей Джо», ведь мое самое большое желание так чудесно исполнилось, — сказала миссис Баэр, вытаскивая маленький кулачок Тедди из кувшина с молоком, которое он с наслаждением вспенивал.

— И тем не менее твоя жизнь совсем не похожа на ту, какую ты рисовала себе много лет назад.

Помнишь наши воздушные замки? — спросила Эми, с улыбкой наблюдая, как Лори и Джон играют в крикет с мальчиками.

— Дорогие мои!

У меня сердце радуется, когда я вижу, что они забыли на один день о делах и резвятся здесь, — отозвалась Джо, которая теперь с материнским видом говорила обо всем человечестве.

— Да, я помню, но такая жизнь, о какой я мечтала тогда, кажется мне теперь пустой, эгоистичной, одинокой и холодной.

Я еще не оставила надежды написать хорошую книгу, но она подождет, и я уверена, что она будет еще лучше благодаря такому опыту и примерам, как эти. — И Джо указала сначала на резвящихся в отдалении мальчиков и на своего отца, прогуливающегося под руку с профессором на солнышке и увлеченного одной из тех бесед, которые оба очень любили, а затем на свою мать, сидящую, как на троне, среди своих дочерей, с внуками на коленях и у ее ног, так, словно все находили помощь и счастье в ее добром лице, которое для них никогда не старело.

— Мои мечты осуществились в большей степени, чем у остальных.

Конечно, я просила замечательных вещей, но в глубине души знала, что буду довольна, если у меня будет маленький домик, Джон и милые дети, как эти.

У меня есть все это, слава Богу, и я счастливейшая женщина на свете. — И Мег положила руку на голову своего высокого мальчика с выражением нежного и искреннего удовлетворения.

— Мой настоящий замок очень отличается от того воздушного, который я строила, но я не хотела бы изменить его, хотя, как и Джо, я не оставила своих художественных исканий и не считаю, что должна ограничиться помощью другим в осуществлении их мечты о красоте.

Я начала лепить фигуру ребенка, и Лори говорит, что это лучшая из всех моих работ.

Я и сама так думаю и хочу позднее выполнить ее в мраморе, тогда, что бы ни случилось, я смогу сохранить хотя бы образ моего маленького ангела.

Когда Эми произносила эти слова, большая слеза скатилась по ее щеке и упала на золотистую головку ребенка, спавшего у нее на руках: ее единственная горячо любимая дочь была слабенькой и страх потерять ее омрачал счастье Эми.

Это испытание во многом влияло на обоих родителей девочки — любовь и горе связывали их еще теснее.

Натура Эми обретала большую мягкость, глубину, нежность; Лори становился серьезнее, сильнее, решительнее; и оба узнавали на опыте, что красота, молодость, богатство и сама любовь не могут отвлечь заботу и страдание, потерю и горе даже от самых счастливых, ибо

Без печальных и дождливых дней Ни одна жизнь в мире не проходит.

— Она становится крепче и здоровее, я уверена, дорогая.

Не падай духом, надейся и не грусти, — сказала миссис Марч, а добросердечная Дейзи, сидевшая у нее на коленях, наклонилась, чтобы прижаться своей румяной щекой к бледной щечке своей маленькой кузины.

— Я никогда не предамся отчаянию, пока у меня есть ты, мама, чтобы подбодрить меня, и Лори, чтобы взять на себя большую часть любого бремени, — ответила Эми с теплотой.

— Он никогда не дает мне почувствовать его тревогу, но, напротив, всегда так мил и терпелив со мной, так преданно любит Бесс, всегда остается для меня такой опорой и утешением, что я люблю его все сильнее.

Так что, несмотря на этот крест, который мне приходится нести, я могу сказать вслед за Мег:

«Слава Богу, я счастливая женщина».

— Я могу и не говорить этого, так как каждый видит, что я счастливее, чем того заслуживаю, — добавила Джо, переводя взгляд со своего доброго мужа на полнощеких детишек, кувыркающихся на траве рядом с ней.

— Фриц седеет и толстеет; я становлюсь худой, как щепка, и мне тридцать; мы никогда не разбогатеем, а Пламфильд может сгореть дотла в любую ночь, так как этот неисправимый Томми Бэнгз продолжает курить самодельные сигары под одеялом, хотя уже трижды сам себя поджигал.

Но, несмотря на все эти неромантические обстоятельства, мне не на что жаловаться и никогда еще не было так «замечательно здорово».

Прошу прощения за эти последние слова, но, живя среди мальчиков, я не могу не употреблять время от времени их выражения.

— Да, Джо, я думаю, ты получишь хороший урожай, — начала миссис Марч, спугивая большого черного сверчка, смущавшего Тедди своим пристальным взглядом.

— Но далеко не такой хороший, как тот, что получила ты, мама.

Вот он, и нам никогда не сумеешь достаточно отблагодарить тебя за все, что ты терпеливо посеяла и сжала! — воскликнула Джо со своей обычной горячностью, от которой так и не избавилась с годами.

— Надеюсь, что с каждым годом будет все больше зерна и все меньше плевел, — сказала Эми тихо.

— Огромный урожай, но я знаю, дорогая мама, в твоем сердце хватит места для него, — добавила Мег с нежностью в голосе.

Тронутая до глубины души, миссис Марч могла лишь раскрыть объятия, словно желая привлечь к себе всех детей и внуков, и сказала с материнской любовью, благодарностью и смирением:

— О, мои девочки, сколько бы вы ни жили, я никогда не смогу пожелать вам большего счастья, чем это!